

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2021

№ 70

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирышин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекебай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета;
Румянцев Петр Петрович, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета;
Рындина Ольга Михайловна, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета;
Троицкий Евгений Флорентьевич, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета;
Фурсова Елена Федоровна, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета;
Чиндина Людмила Александровна, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeny F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Алпыспаева Г.А. «...до революции мельничное дело процветало и было прибыльной статьей дохода»: национализация и муниципализация в Акмолинске и Акмолинском уезде в 20-е гг. XX в.	5
Ермолова А.И. Детская повседневность Томска в зеркале периодики (1961–1964 гг.)	13
Ильин В.Н., Должиков В.А. «Противораскольническая» государственно-конфессиональная политика в России периода правления Петра I	19
Кежутин А.Н. Борьба с социальными болезнями в Нижегородском крае на рубеже 1920–1930-х гг.	26
Менщиков В.В., Менщиков И.С. Проблема определения исторического региона в Западной Сибири	31
Рябова Ю.В. Условия содержания спецконтингента в «Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР» (1947–1950 гг.)	37
Степкин В.В. Калачеевская пещера на Среднем Дону: прочтение сакрального топоса в контексте Виа Дolorоза	44
Тычинских З.А. Тобольские ахуны в XVI–XVIII вв.	52

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Александров С.Н. Конгресс США и проблема нарушения прав человека в Казахстане (1991–2001 гг.)	59
Зиновьев В.П., Мельничук О.А., Тучинский В.А. Социальная защита рабочих и служащих в Германии в 1920-е гг.	68
Илюшина М.Ю. Египтяне на службе в мамлюкской администрации: семья ат-Таблави	76
Миронок С.А. Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции после Компьенского перемирия (по документам военного кабинета министров Великобритании ноября–декабря 1918 г.)	83
Мухаметов Р.С. Сравнительный анализ организационной структуры политических партий РФ и США	89
Пакулин В.С. Инвестиционные проекты КНР в странах Европейского Средиземноморья в рамках проекта «Пояс и путь»	96
Сероштанов К.В. Пандемия коронавируса и перспективы развития оборонно-промышленного комплекса Европейского союза	104
Халхаликина Е.В. «Университетский» versus «умный город» в контексте Брекзита и пандемии коронавируса на примере Соединенного Королевства	111

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Богатырёв А.В. Неизвестный русский перевод текста, созданного в связи с восшествием в 1674 г. на польско-литовский престол Яна III Собеского	122
Кудряшев В.Н. Еврейский вопрос в русской либеральной публицистике 1870–1890-х гг.	131
Михайлицина Е.А. Основные сюжеты региональной истории Сибири в англо-американской научной периодике	135
Хорохордин Г.С. Применение картографических материалов конца XIX – начала XX в. при характеристике процесса развития сельской поселенческой сети Томского уезда Томской губернии	144

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Alpyspaeva Galya. “...before the revolution the milling industry flourished, and was the profitable point of revenue”: nationalization and municipalization in Akmolinsk and Akmolinsk province in the 1920s of the XXth century	5
Alexandra I. Ermolova. Children daily life of Tomsk in the reflection of periodicals (1961–1964)	13
Vsevolod N. Ilyin, Vyacheslav A. Dolzhikov. “Anti-raskol” state confessional policy in Russia during the reign of Peter I	19
Vladimir V. Menshchikov, Igor S. Menshchikov. Problem of definition of the historical region in Western Siberia	26
Andrej N., Kezhutin. The fight against social diseases in the Nizhny Novgorod region at the turn of the 1920–1930s	31
Yuliya V. Ryabova. The conditions of life of prisoners in the Southern Kuzbass corrective labour camp of the USSR ministry of internal affairs in 1947–1950	37
Vitaliy V. Stepkin. Kalacheevskaya cave in the Middle Don: interpretation of sacred topos in the context of the Via Dolorosa	44
Zaytuna A. Tychinskikh. Tobolsk akhuns in the XVI–XVIII centuries	52

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Stanislav N. Alexandrov. Congress of the USA and human rights violation problem in Kazakhstan (1991–2001)	59
Vasily P. Zinoviev, Oleh A. Melnychuk, Vitaliy A. Tuchynsky. Social protection of workers and employees in Germany during the 1920s	68
Milana Yu. Iliushina. Egyptians in the Mamluk administration: al-Tablawi family	76
Sergei A. Mironyuk. The struggle against bolshevism as a factor of the intervention policy-making after the armistice of Compiègne (based on the documents of the British war cabinet of ministers dated November–December, 1918)	83
Ruslan S. Mukhametov. Comparative analysis of the organizational structure of political parties in the Russian Federation and the United States	89
Vitaly S. Pakulin. China's investment projects in the European Mediterranean countries within the framework of “Belt and road”	96
Kirill V. Seroshtanov. Coronavirus pandemic and the prospects of the European Union defence industry development	104
Elena V. Khakhalkina. “University” versus “smart city” in the context of Brexit and the coronavirus pandemic on the example of the United Kingdom	111

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
SOURCE STUDIES AND METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH

Arseniy V. Bogatyrev. Unknown Russian translation of the text created in connection with the accession of Jan III Sobieski to the Polish-Lithuanian throne in 1674	122
Viacheslav N. Kudriashev. Jewish question in Russian liberal publicists of the 1870–1890s	131
Elena A. Mikhaylitsina. Major subjects of Siberian regional history in Anglo-american scientific periodicals	135
Georgy S. Khorokhordin. Application of cartographic materials of the late XIX – early XX century to characterize the development of the settlement network of Tomsk county of Tomsk province	144

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Бычков Д.А., Волков П.В., Колосов В.П. Следы использования огня в межжилищном пространстве поселений эпохи неолита и палеометалла в Северном Приангарье	152
Халилова А.С., Сефербеков Р.И., Гебеков Г.Ф. Влияние процессов русификации и глобализации на традиционную культуру и повседневный быт народов Дагестана в постсоветский период	163

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Другова Е.А., Плешкевич И.Б. Кадровая политика как ключевой ресурс глобальной конкурентоспособности университета: кейс Тюменского государственного университета	170
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Жданов В.В., Титов В.Б. История конструирования, патентования и производства спортивных ластов для плавания (1930–2020 гг.)	180
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Баяндин В.И., Запорожченко А.В. Научная конференция, посвященная 75-летию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и 100-летию окончания Гражданской войны в России (г. Новосибирск, 9–10 декабря 2020 г.)	188
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	192
----------------------------------	-----

PROBLEMS OF ARKHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Dmitry A. Bychkov, Pavel V. Volkov, Vladimir P. Kolosov. Traces use of fire in inter-house space of settlements neolithic and paleometal age in Northern Angara region	152
Amina S. Khalilova, Ruslan I. Seferbekov, Gebek F. Gebekov. The influence of the processes of russification and globalization on traditional culture and daily life of the peoples of Dagestan in the post-soviet period	163

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Elena A. Drugova, Irina B. Pleshkevich. Personnel policy as a key resource of the university global competitiveness: a case of Tyumen State University	170
--	-----

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIC

Vadim V. Zhdanov, Vladimir B. Titov. The history of design, patenting and production of sports fins for swimming (1930–2020)	180
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Vladimir I. Bayandin, Andrey V. Zaporozhchenko. Scientific conference dedicated to the 75th anniversary of the victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War and the 100th anniversary of the end of the Russian civil war (Novo sibirsk. 9–10 December 2020)	188
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	192
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(574.2)(045)
DOI: 10.17223/19988613/70/1

Г.А. Алпыспаева

«...ДО РЕВОЛЮЦИИ МЕЛЬНИЧНОЕ ДЕЛО ПРОЦВЕТАЛО И БЫЛО ПРИБЫЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ ДОХОДА»: НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И МУНИЦИПАЛИЗАЦИЯ В АКМОЛИНСКЕ И АКМОЛИНСКОМ УЕЗДЕ В 20-е гг. XX в.

На основе анализа ранее неизвестных архивных документов изучены проблемы советской национализации и муниципализации на материалах Акмолинского уезда в 1920-е гг. Автор делает вывод о том, что национализация, применяемая большевиками как экономический инструмент разрушения старого общества и построения плановой социалистической экономики, носила в большой мере карательный характер и была малоэффективной.

Ключевые слова: Акмолинский уезд; город Акмолинск; 1920-е годы; национализация; муниципализация; местная промышленность.

Город Акмолинск являлся административным центром одноименного уезда, входившего до 1920 г. в состав Акмолинской области, а с апреля 1921 г. – в состав Акмолинской губернии. Административным центром губернии был город Петропавловск. Акмолинская губерния, общей площадью 429,5 тыс. кв. верст, была сформирована в мае 1921 г. путем выделения из Омской области четырех уездов: Петропавловского, Кокчетавского, Атбасарского и Акмолинского. Последний территориально был одним из самых крупных, в его состав входили 76 русских и 43 казахских волости, включавшие более 300 селений [1. Л. 12]. Территория уезда составляла более 200 тыс. кв. верст, общая численность населения – 352 955 человек, в национальном отношении преобладали казахи, русские, цыгане, эстонцы [2. Л. 156–157].

До революции в пределах Акмолинского уезда находились заводы английского акционерного общества: Спасский медеплавильный завод, Успенский медный рудник, Сарысуйский обогатительный завод, Карагандинские каменноугольные копи. Кроме того, к разряду крупных производств относились Сарыадырские каменноугольные копи, принадлежавшие шведским и русским предпринимателям. К числу крупных относилось и предприятие по лесным заготовкам, где работали 55 служащих и 2 513 рабочих [3. Л. 13].

В целом же в начале XX в. экономика региона характеризовалась преимущественно как земледельческо-скотоводческая, а основу промышленного производства в городе и уезде составляли отрасли местной промышленности: «...промышленность Акмолинска и Акмолинской губернии... сугубо местного значения: кожевенная, овчинная, пимокатная» [4. Л. 24]. В городе работали две паровые, одна водяная и одна механическая мельницы, а также свыше 50 ветряных мельниц с общим количеством рабочих 208 человек [5]. Механическая мельница, основанная в 1914 г. и находившаяся в ведении товарищества «Мукомоль», относилась

к разряду крупных предприятий, так как технически была оборудована лучше, чем другие. Она работала на основе нефтяного двигателя, имелись вальцы и дробилки. Мельницу обслуживали 5 рабочих [6. Л. 213]. Все мельницы города работали на полную мощность. Например, производительность двух мельниц, принадлежавших братьям Шмидт, составляла более 7 тыс. пудов зерна в месяц [3. Л. 13].

Кроме того, в Акмолинске непосредственно перед революцией работали 3 мыловаренных и 3 кожевенных завода, свечной, колбасный, овчинный заводы Д. Морина в составе объединенной артели, завод по производству масла, механическая мастерская [2. Л. 209]. Кожевенные заводы, располагавшиеся в северо-восточной части города, принадлежали местным предпринимателям Фуколову, Лобачеву и Чайкину [7. Л. 49].

Важное место в городском производстве занимала переработка минерального сырья: кирпичная, гончарная, механическая отрасли. Эти отрасли были представлены 4 гончарными, 9 кирпичными заводами и 21 кузницей. Гончарные мастерские в 1914 г. дали продукцию на 1 000 руб. Более динамично развивалось кирпичное производство, что было обусловлено развернувшимся в городе строительством: в 1902 г. работало 5 заводов с 22 рабочими и производительностью 6 300 руб. в год, а в 1914 г. 9 заводов с 50 рабочими произвели продукцию на 150 тыс. руб. [8].

По данным обзоров Акмолинской области за 1911 г., в г. Акмолинске был зарегистрирован 491 ремесленник, из которых 366 были мастерами, 125 – рабочими и учениками. Распределение их по отраслям выглядело так: занятые в сфере приготовления продуктов питания (булочники, колбасники, кондитеры, хлебники, повара, кухмистры и прочие) – 30 чел.; занимавшиеся изготовлением предметов одежды (портные, сапожники, модистки, белошвейки) – 80 чел.; занимавшиеся приготовлением предметов жилища (плотники, ка-

менщики, столяры, токари, печники) – 188 чел.; изготовлением предметов домашнего быта (кузнецы, слесари, медники, шорники, тележники) занимались 81 чел.; прочие ремесленные мастера (водовозы, извозчики, часовщики, печатники, наборщики и другие) – 117 человек [9]. Наиболее многочисленными категориями ремесленников были плотники, кузнецы, слесари, портные, извозчики и каменщики.

После октября 1917 г. под воздействием политических событий кардинально менялись условия и тенденции социально-экономического развития региона. Разрушение старых отношений в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, организация новой системы государственного, общественного и хозяйственного управления стали основным направлением деятельности власти советов. С первых месяцев советской власти большевики повсеместно приступили к национализации промышленных предприятий и передаче их в собственность государству.

В феврале 1918 г. власть Акмолинске и Акмолинском уезде перешла в руки Совета рабочих и крестьянских депутатов (совдеп). В составе Акмолинского совдепа для контроля и перестройки хозяйственной жизни города и уезда на новые социалистические отношения было создано несколько отделов: продовольственный, финансовый, хозяйственный. В марте 1918 г. создан уездный совет народного хозяйства (УСНХ), в который вошли 15 человек из числа местных активистов [10. Л. 11]. Они занимались вопросами национализации предприятий в городе и уезде.

На основании Декрета СНК РСФСР от 17 мая 1918 г. «О национализации крупных предприятий» Акмолинский совдеп приступил к огосударствлению крупных предприятий, находящихся в пределах Акмолинского уезда и всей области. В числе первых были национализированы заводы английского акционерного общества – Спасский медеплавильный завод, Успенский медный рудник, Сарысуйский обогатительный завод и Карагандинские каменноугольные копи, а также Сарыадырские каменноугольные копи. На предприятиях создавались фабрично-заводские комитеты из числа рабочих-активистов, которые установили рабочий контроль над деятельностью администрации.

Экономический совет при исполкоме Акмолинского совдепа, фабрично-заводские комитеты непосредственно на местах занимались вопросами преодоления саботажа со стороны владельцев национализируемых предприятий, восстановления работы предприятий и налаживания производств. Несмотря на финансовые, технические и организационные трудности, связанные с тем, что англичане вывели из строя оборудование, закрыли предприятия, распустили административно-управленческий аппарат, уже в июне 1918 г. производство было нормализовано. Работа этих предприятий была направлена на удовлетворение нужд сельскохозяйственного населения региона. По заказу Акмолинского совдепа заводы английского общества перешли на выпуск сельскохозяйственных орудий для крестьян, таких как плуги, бороны, запасные части к мельницам и пр. В конце мая возобновилась добыча угля на Карагандинских и Сарыадырских угольных копях.

В городе была национализирована компания «Зингер», для контроля деятельности которой была создана специальная комиссия из числа рабочих компании. Предприятия города в системе экономических связей региона имели сугубо местное значение, они создавались для переработки сельскохозяйственного сырья и относились к разряду средних и мелких, а потому национализация их происходила значительно позже, после гражданской войны. Вместе с тем те предприятия, владельцы которых саботировали распоряжения новой власти, переходили в руки государства уже в первые месяцы советской власти независимо от их размеров и значения. Так, Акмолинский уездный совет, заслушав на своем заседании доклад комиссии по расследованию действий купца П. Моисеева, владельца мельничного производства, который, по мнению большевиков, «угнетал окрестные поселки и тем, что все удобные земли вокруг этих поселков, принадлежащие киргизам, находились в его руках в виде аренды... из которых он извлекал огромные выгоды...», принял решение конфисковать принадлежавшие ему мельницы на реках Нуре и Кулан-Утпес [11. С. 43]. Как писал английский исследователь Э. Карр, «развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими» [12. С. 70].

Для проведения социалистических преобразований необходимы были средства. Денег на текущем счету городской казны не было, все ценности государственного и общественного порядка были разворованы либо находились в руках частных лиц. Большевики немедленно приступили к конфискации частного капитала. Для этой цели при совдепе создали комиссию, в состав которой вошли председатель Акмолинского совдепа Н. Монин, члены Акмолинского совдепа М. Грязнов и П. Горбунов, а также первый комиссар финансов О. Павлов. Комиссией был составлен список «граждан города буржуазного класса», чьи капиталы экспроприировались. Он насчитывал 331 человек, среди которых преобладали лица купеческого сословия [13. Л. 446–451]. Решением Акмолинского совдепа были конфискованы капиталы местных торговцев, хранившиеся в Сибирском торговом банке. В апреле 1918 г. на купечество города была возложена контрибуция в размере 3,5 млн руб. Каждый из купцов в зависимости от объемов своего капитала обязан был немедленно выплатить контрибуцию в пользу новой власти. К примеру, купеческая семья Кубриных обязана была выплатить 495 тыс. руб. в золотом исчислении [14. Л. 12]. Предложения отдельных купцов «откупиться» от новой власти меньшими суммами были отвергнуты большевиками.

Первые мероприятия большевиков по экспроприации и национализации носили в большей мере «карательный» характер. Местные предприниматели саботировали выполнение распоряжений новой власти. Купец М. Кубрин отказался выполнять решение совдепа и, как свидетельствуют документы, «нанес оскорбление советской власти» [10. Л. 13]. Его арестовали и судом революционного трибунала приговорили к тюремному заключению. Весь товар на складах

и в магазинах купца конфисковали, а затем под контролем комиссии распродали населению. Средства, вырученные от продажи товара, вносились на счет совдепа в Акмолинское казначейство на покрытие контрибуции купца. Эти решительные меры большевиков заставили противников новой власти подчиниться: следом за М. Кубриным стали вносить «свою долю» купцы Никитины, Семеновы, Забиловы, Кошегуловы, Грингот и др. Было собрано около 1,5 млн руб., которые пошли на содержание нового управленческого аппарата, школ, больниц и прочие уездные и городские нужды [10. Л. 12].

Революция вызвала глубокий социальный раскол общества. Обостренный классовый антагонизм бедных и богатых толкал большевиков к немедленному и бескомпромиссному перераспределению имущества. Лучшие дома местных богачей конфисковывались и передавались под советские, военные и общественные учреждения. Экспроприации подвергалось имущество всех, кто имел хоть какое-то отношение к частному капиталу. Даже у горничной купеческой семьи Кубриных были конфискованы предметы домашнего обихода и личные вещи: чашки, подушки, вазы, панталоны, мыло и пр. [15. Л. 35].

С окончанием гражданской войны повсеместно создавались временные органы новой власти – революционные комитеты (ревкомы). На освобожденных территориях восстанавливалось действие законов и актов, связанных с национализацией. Акмолинский ревком, созданный в декабре 1919 г., продолжил начатый экономический курс: на предприятиях воссоздавались фабрично-заводские комитеты, принимались меры к восстановлению работы бездействующих предприятий, выделялись финансовые средства и материальные ресурсы для рабочих и их семей. На восстановление Сарыадырских каменноугольных копей было выделено 20 тыс. руб., а рабочим предприятия было отправлено продовольствие: 800 пудов мяса, 100 пудов сала, мука, мыло и другие товары. Эти меры дали результаты: уже в феврале 1920 г. Спасский медеплавильный завод выдал 1 600 пудов красной меди, на Сарыадырских копиях было добыто 10 000 пудов угля [16].

Начатая ранее экспроприация частного капитала получила свое логическое продолжение после гражданской войны. Однако теперь национализация проводилась более быстрыми темпами и охватила не только крупный, но и средний капитал. В числе первых огосударствлению подверглись мельницы товарищества «Братья Шмидт». 14 декабря 1919 г. на общем собрании рабочих была избрана комиссия для руководства работой товарищества [17. Л. 13]. В январе 1920 г. были национализированы кожевенные заводы, находившиеся на территории города. Первым в руки государства перешел завод местного предпринимателя Чайки. Решением общего собрания работников, на котором присутствовали 53 человека, в том числе председатель Акмолинского ревкома И. Еремин, завод был передан в ведение совета народного хозяйства (совнархоз), а Чайку обвинили в саботаже и незаконном расхищении народного достояния. Незамедлительно решались вопросы улучшения условий труда

рабочих: при заводе была обустроена столовая, открыта баня, установлены нормы отпуска продовольствия, рабочим отпускали материалы и мебель [Там же. Л. 18]. В августе 1920 г. были национализированы кожевенные заводы Фуколова и Лобачева. Вместе с ними в собственность государства перешли соляные промыслы на озерах Кубей-Туз и Уш-Таган, принадлежавшие предпринимателю Б. Тумашеву [Там же. Л. 7].

На данном этапе национализации, помимо организации учета и контроля на предприятиях, власти занимались организацией управления национализированными предприятиями и обеспечения их кадрами, что было обусловлено послевоенной разрухой. В целях скорейшего налаживания производства и преодоления экономического хаоса в июне 1920 г. Акмолинский уездный ревком издал приказ о введении всеобщей трудовой повинности для неработающего населения в возрасте от 18 до 50 лет [Там же. Л. 52]. Была объявлена обязательная регистрация рабочих строительных профессий, проживающих в уезде. Усилиями советской власти к марту 1921 г. в уезде заработало 66 предприятий [Там же. Л. 113].

Между тем темпы отчуждения фабрик и заводов обгоняли темпы налаживания управления национализированными предприятиями, что неизбежно вело к дезорганизации производства. Уже в начале 1920-х гг. наметился спад промышленного производства в городе, о чем свидетельствуют материалы Всероссийской городской переписи промышленных производств 1923–1924 гг. В ходе переписи на каждое предприятие, независимо от его размеров и формы собственности, составлялись промышленные карты. В них фиксировались подробные сведения о деятельности предприятия: точное наименование, адрес и местонахождение; время основания; данные о владельце предприятия; форма аренды помещения; форма собственности; владелец до и после национализации; количество рабочих и служащих; масштабы применения наемного труда; понедельный и годовой режим работы; размер заработной платы рабочих; состояние технического оборудования; характеристика производственных машин и аппаратов; сведения об уплате всех видов налогов (государственные, местные); наименование и объемы выпускаемых изделий. Эти сведения дают исчерпывающую картину состояния промышленного производства в уезде в первой половине 1920-х гг.

Данные о развитии промышленности содержатся также в докладе председателя губернского совета народного хозяйства по итогам обследования промышленности губернии в марте 1923 г., который был подготовлен на основе материалов, собранных чиновниками во время служебных командировок по уездам и городам губернии [18. Л. 2–12 об.]. Командировки организовывались для выяснения на местах положения дел в промышленности. Все национализированные предприятия региона разделили на несколько категорий в зависимости от формы управления: объединенные в составе управления промышленного комбината; работающие на хозрасчете; сдаваемые в аренду; подлежащие консервации; подлежащие ликвидации как нерентабельные [19. Л. 66]. За основу брались сведе-

ния, собранные чиновниками по результатам обследования. Поэтому данные, представленные в докладе, отражают реальное состояние экономики региона.

Из отчетов чиновников вырисовывается картина падения промышленного производства в Акмолинском уезде в первой половине 1920-х гг., что привело к сокращению количества предприятий. В частности, чиновники констатируют невыгодность мельничного и кожевенного производств: «...до революции мельничное дело процветало и было прибыльной статьей дохода», национализированные «...кожевенные заводы не в состоянии конкурировать с кожсиндикатом» [19. Л. 67]. Как свидетельствуют архивные источники, действительно, мельничное производство до революции было делом прибыльным. Самые богатые купцы Акмолинска – А.М. Никитин и П. Моисеев, – были владельцами мельниц и сколотили капиталы в данной отрасли. Никитин значился первым в списках богатейших горожан, его недвижимое имущество оценивалось в 49 200 руб. Для сравнения: недвижимое имущество купца С.А. Кубрина, владельца пивных и медоваренных заводов, оценивалось в 45 000 руб., а купцы С.М. Козулин, Х.Х. Султанаев, К.В. Кошегулов, торговавшие скотом, имели более скромные капиталы – 19 560, 16 650, 13 206 руб. соответственно [20. Л. 29].

О сокращении мельничного производства говорят следующие цифры. По данным экономического отдела совдепа, в октябре 1920 г. в Акмолинске еще работало 3 паровых и 45 ветряных мельниц [2. Л. 213]. Согласно результатам промышленной переписи, в 1924 г. в городе действовало всего 12 ветряных мельниц [6. Л. 106]. Как видно, динамика изменения мельничного производства менялась в сторону его сокращения.

В отчетах чиновников представлены описания деятельности и технического состояния предприятий, из которых следует, что 3 кожевенных завода местных предпринимателей Фуколова, Лобачева и Чайки, успешно работавших до революции, на момент проведения переписи находились в плачевном состоянии. Кожевенный завод Лобачева, основанный в 1910 г., по техническому состоянию и оборудованию был лучше двух других; он имел нефтяной двигатель в 32 л.с., трансмиссионную передачу, семачную машину, 16 ссыпных, 6 зольных и 3 отмочных чана, барабан и корьдробилку. Производственное здание завода было капитальным и не требовало ремонта. Единственным недостатком, сдерживающим рост производства на заводе, было отсутствие поблизости источников воды. Хотя в черте завода имелись колодцы, они не удовлетворяли потребности производства [18. Л. 108]. До национализации на заводе работали 18 человек, масштабы производства были значительно больше. После национализации завод был переименован, теперь он назывался «им. Октябрьской революции», и передан в ведение губернского совнархоза. На момент инспекции на заводе работали 8 человек. После передачи завода в руки государства обозначился спад в производственной деятельности, и, как свидетельствуют документы, «...временами завод не работал» [Там же. Л. 117].

Кожевенный завод Фуколова до революции имел хорошую материальную базу: добротное 2-этажное

производственное здание, в трех отделениях завода имелись 6 зольных, 3 отмочных и 11 ссыпных чанов, дробилка, семачная машина, лошадка. Как отмечалось в докладе чиновников, «при нормальных условиях пропускная способность завода составляла до 6 000 кож в год». С переходом в собственность государства завод был переименован в «Пролетарский», объемы производства сократились в 2 раза, а количество работающих уменьшилось с 12 до 5 человек [Там же. Л. 7 об.].

В отличие двух названных, завод Чайки, переименованный большевиками в завод «им. Всекиргизского съезда Советов», на момент инспекции находился в полуразрушенном состоянии, хотя производственное оборудование его не уступало первым двум и при заводе имелось новое складское помещение. По решению губернских властей завод был закрыт как нерентабельный и продан с торгов, а рабочие переброшены на завод Фуколова.

В соответствии с технической документацией полная стоимость всех трех заводов без сырья составляла 80 381 руб. [21. Л. 6]. Тем не менее они были оценены госчиновниками как нерентабельные, а потому отнесены к разряду «сдаваемые в аренду». Мотивировалось такое решение отсутствием материалов, большими затратами на поставку топлива и воды.

Сравнительный анализ архивных данных дает основание утверждать, что произошло сокращение количества мелких предприятий и ремесленных мастерских в городе. В отчетах начальника Акмолинского уездного экономического отдела за сентябрь–октябрь 1921 г. отмечается, что в городе работает более двух десятков предприятий типа ремесленных мастерских: шубная, сапожная, шорная, слесарная и механическая мастерские. Мощности их были небольшими: в среднем в месяц производили до сотни единиц товаров. Число рабочих составляло от 6 до 10 человек. Такую же мощность имели кирпичный и маслобойный заводы, на которых работали по 6–8 человек [3. Л. 10]. По данным переписи, в октябре 1924 г. в городе действовали 5 кузниц и 11 мастерских (жестяные, слесарные, ювелирные, кустарные, сапожная и др.), ручная маслобойка и парикмахерская [6. Л. 106]. На предприятиях ремесленно-кустарного типа работали по 1–2 человека. Большая их часть работала сезонно, в среднем 5–7 месяцев в году. Из-за недостатка материалов они не могли работать в полную силу. Масштабы производства не выходили за пределы города и уезда.

Самым процветающим предприятием в Акмолинске в 1920-е гг., согласно данным Всероссийской городской переписи, была государственная типография, в которой работали 17 человек (рабочих – 11, служащих – 4, прочих – 2). Она была основана еще до революции, в годы гражданской войны типография была разрушена. После освобождения города от колчаковцев осенью 1919 г. большевики типографию восстановили [6. Л. 80]. Были выделены средства на техническое оборудование, приобретены резательный станок и скоропечатная машинка «американка». В сравнении с другими предприятиями, типография функционировала бесперебойно и на полную мощность. В ее составе было три цеха: печатный, наборочный и переплетный

[18. Л. 4–5 об.]. В 1923 г. в типографии работали 26 человек. За один месяц, сентябрь 1923 г., было отпечатано 96 185 экземпляров различных изданий [3. Л. 13]. Большой объем выпускаемой печатной продукции свидетельствует о значимости и важности идеологической работы среди населения. Источники сообщают, что в 1929 г. типография была «...усилена и расширена за счет Атбасарской типографии... но не справлялась с работой» [7. Л. 52]. В конце 1920-х гг. Акмолинск стал окружным центром, потребности города и региона в печатной продукции значительно выросли.

Констатируя ухудшение экономического состояния региона и города, чиновники считали главными сдерживающими факторами развития промышленности недостаток оборотных средств, зависимость предприятий от кредитных учреждений (банков), низкую рентабельность, узкий рынок сбыта продукции, слабую покупательную способность населения, отсутствие материальной заинтересованности у рабочих, устаревшее оборудование и отсутствие механизации. Обвинения сыпались в адрес работы отделов акционерного общества «Кирторг», которые, по мнению местных организаторов производства, не обеспечивали своевременную поставку сырья и сбыт продукции. В ходе дискуссий чиновников-управленцев предлагались разные пути решения проблемы: одни считали, что необходимо кардинально изменить политику управления промышленностью и дать больше самостоятельности местным органам власти, передать предприятия местного значения уездным исполнительным комитетам. Другие настаивали на переводе предприятий на хозрасчет. Третьи предлагали «...направлять работу предприятий с технической стороны» [4. Л. 14].

Вместе с тем налицо были субъективные причины, связанные с неэффективностью системы управления экономикой, ее частыми реорганизациями. В системе управления промышленностью одновременно функционировало несколько органов. В начале 1920-х гг. были созданы УСНХ, реорганизованные затем в управления промышленностью губернии (УПГ). Параллельно им действовали отделы местного хозяйства (ОМХ), находившиеся в ведении губернского ОМХ. В феврале 1927 г. Акмолинский губернский ОМХ снова был реорганизован в губернский совет народного хозяйства (губсовнархоз) с выделением из его состава коммунального отдела. Однако в декабре 1927 г. коммунальный отдел вновь объединили с губернским совнархозом, который вскоре опять реорганизовали в губернский ОМХ.

Обычной практикой в работе ОМХ была передача предприятий из одного ведомства в другое без объективных на то оснований, что негативно сказывалось на развитии промышленности. В документах нередко встречаются такие характеристики состояния дел в системе управления предприятиями: «На мельницах полная неразбериха... невозможно найти хозяина и выяснить, кому она принадлежит» [22. Л. 66]. Повсеместно наблюдались случаи, когда ту или иную мельницу хотела взять в аренду артель, но вследствие бюрократических проволочек не смогла произвести оформление. Этот процесс в документальных источ-

никах описан так: «Ее (имеется в виду артель. – Г.А.) посылали от мельпрода (мельничное производство. – Г.А.) в УИК (уездный исполнительный комитет. – Г.А.), оттуда в отдел местного хозяйства, а от последнего снова к первому» [Там же. Л. 67].

Национализация, в ее советском идеологическом контексте, связана с таким понятием, как «муниципализация», рассматриваемая нами как принудительная передача государством частновладельческой собственности в ведение местных органов управления. В Акмолинске муниципализация началась сразу же с установлением советской власти в январе 1918 г. и продолжалась в последующее десятилетие. Жилые строения экспроприровались местными властями, а позже, уже задним числом, муниципализация приобретала законную силу распоряжением НКВД Каз. АССР в 1925–1927 гг.

В первую очередь были муниципализированы дома и строения акмолинского купечества: Н. Забирова, Х. Бегешева, братьев Кошегуловых (Курмангали, Вали, Нуркей), Кубриных (Василия, Матвея и Александра), П. Моисеева, И. Путилова, А.М. Никитина, Ф.С. Семенова, В.А. Кучковского, Г.И. Казанцева, Н. Тихонова, И. Силина, С. Халфина, А. Виднева, братьев Ефремовых, Ш. Бурнашева и др. [23. Л. 35–44].

По материалам текущей статистики горуюездного коммунального отдела, в 1921 г. в Акмолинске проживали порядка 18 тыс. жителей и насчитывалось 1 175 строений [2. Л. 212]. В ходе муниципализации в ведение Акмолинского городского совета перешло более 70 строений. Большая часть муниципализированных жилых строений использовалась под государственные, ведомственные, культурно-просветительские и общественные заведения. Военными учреждениями было занято одно здание, советскими – 18, школами и другими культурно-просветительскими заведениями – 19, больницами и учреждениями здравоохранения – 3, инвалидными домами – 2, в ведении коммунального хозяйства находилось 30 зданий [Там же. Л. 77]. Так, например, в особняке купца В. Кубрина в центре Акмолинска разместился штаб коммунистической партии большевиков, в доме купца М. Второва по ул. Церковной – Дом Советов, дом купца Г. Казанцева занимала почтово-телеграфная контора, а дом купца К. Кошегулова – прокуратура. В доме по Торговой улице, где ранее проживал купец М. Кубрин, в 1920-е годы находился клуб пионеров. Дома В. Кучковского, Абдрасуловых и Забировых были приспособлены под школы, а дом купца А.М. Никитина был отдан под детский приют. Центральный клуб расположился в особняке купца П. Моисеева, казахско-татарский клуб – в доме купца С. Халфина [Там же. Л. 48–48 об.]. Часть муниципализированных домов была передана под жилье советским служащим.

Конфискация жилых домов, производственных и подсобных строений осуществлялась и в ходе проведения заготовительных компаний 1929–1930 гг. Конфисковывалась собственность тех зажиточных граждан, которые уклонялись от уплаты хлебного налога. В списках злостных неплательщиков налогов числились: Д. Морин и В. Морин, В. Козулина, К. Кошегулов, С. Виднев, С. Игишев и др. [24. Л. 169]. В каче-

стве карательных мер к ним применялось изъятие квартир и домов, а в отдельных случаях и заключение в местную тюрьму.

Между тем передача построек в ведение городских властей негативно сказалась на состоянии зданий. Имели место деструктивные процессы в развитии городского хозяйства, о чем свидетельствует сокращение количества городских строений. Общая площадь городских земель в 1927 г. составляла 11 539,56 га и включала три сада, парки и бульвары, два кладбища, находившихся в черте города, а также три рынка с прилегающими площадями. Общее число городских строений составляло 870 (в 1921 г. их насчитывалось 1 175), в том числе 129 квартир. Среди построек преобладали деревянные дома – 669, саманные постройки – 249, возведенные еще в XIX в. Каменных строений было немного – 29. Из общего числа городских строений 57 относилось к категории муниципализированных [25. Л. 35].

В 1920-е гг. жилищное и общественное строительство в городе практически не велось. Содержание муниципализированных зданий в надлежащем виде и их систематический ремонт требовали материальных средств, что при постоянном дефиците городского бюджета было проблемой. Часть строений приходила в негодность и постепенно разрушалась, о чем свидетельствует факт сокращения количества городских строений. В отдельных случаях местные власти принимали решение о демунICIPализации жилых домов, требующих ремонта, прежние владельцы которых добросовестно работали на благо государства. Такой случай произошел с предпринимателем П.М. Тихоновым, дом которого был национализирован в 1922 г. и передан под офис горюездной милиции [23. Л. 6]. П.М. Тихонов до революции и после ее победы служил на предприятиях Спасских медных промыслов в должности заведующего Акмолинским агентством. Он проработал почти 20 лет, с 1906 по 1925 г., и уволился в связи с ликвидацией агентства. Посчитав, что за добросовестный и энергичный труд он вполне заслужил возвращения своего дома, Тихонов в сентябре 1926 г. обратился в горсовет, прокуратуру и губернский исполком с ходатайством вернуть ему в собственность дом со всеми постройками, взяв обязательство произвести капитальный ремонт здания за счет своих средств. Акмолинский горсовет, рассмотрев заявление, постановил вернуть владельцу все строения. В решении губернского прокурора, отмечалось, что «...возбуждение вопроса о демунICIPализации строения его бывшим собственником... имеет место не по признаку незаконности его муниципализации, а носит характер ходатайства о возвращении этого дома в связи с негодностью его эксплуатации государством» [Там же. Л. 8].

Муниципализация недвижимого имущества в городе должна была решить не только жилищный вопрос, но и проблему размещения уездных и городских управленческих структур, советских партийных органов, культурно-просветительских учреждений, общественных организаций. Но, как свидетельствуют архивные документальные материалы, жилищный вопрос не был

актуален в первой половине 1920-х гг. по причине того, что в динамике городского населения наблюдалось заметное сокращение численности населения за счет естественного убывания, связанного с превышением смертности над рождаемостью. По данным Акмолинского ЗАГСа, в 1923–1924 гг. в городе родились 391 чел., а умерли 1 506 [18. Л. 15]. Причины высокой смертности – массовые эпидемии заразных заболеваний, охватившие страну в годы гражданской войны, а также голод начала 1920-х гг. Акмолинск и Акмолинский уезд относились к наиболее неблагоприятным регионам в санитарно-эпидемиологическом плане. В годы гражданской войны в городе и уезде свирепствовал тиф, а уже летом 1921 г. началась эпидемия холеры.

Тенденция сокращения численности населения была характерна для всего Казахстана. В 1921 г. население республики сократилось на 22% в сравнении с 1920 г. [26. С. 69], и причиной тому были не только голод и эпидемии, но и отток населения из республики, в том числе из Акмолинской губернии. Если до 1922 г. в Акмолинскую губернию население прибывало из-за голода в центральных районах России и в Поволжье, то к рассматриваемому времени ситуация с продовольствием там нормализовалась, зато в Акмолинском крае разразился голод. С января по июнь 1922 г. из Акмолинской губернии выехало в родные края 11 тыс. человек [Там же. С. 70].

Рост численности населения города наметился во второй половине 1920-х гг. По данным текущей статистики население города на октябрь 1928 г. насчитывало 11 374 чел. [27. Л. 131], в 1929 г. – 12 783 чел., в 1930 г. – 18 543 чел. [25. Л. 190]. В условиях быстрого роста населения в связи с получением городом статуса окружного центра в конце 1920-х гг. обострилась жилищная проблема, ощущался дефицит административных и общественных зданий. По этой причине наблюдались частые переезды и перемещения городских госучреждений из одного здания в другое. Так, например, городской музей, основанный в 1923 г., со времени своего основания и до Великой Отечественной войны шесть раз поменял адрес. На момент открытия музей занимал одну комнату в здании Народного дома по ул. Управской. В 1927 г. он переехал в дом бывшего казначейства по ул. Крепостной. В 1928 г. его переместили в здание магазина купца Ф.С. Семенова по ул. Гостинодворской, а в следующем году он переехал в муниципализированный деревянный особняк купца С.С. Хлебникова. В 1930 г. под музей городские власти определили здание мусульманской мечети. Непосредственно перед войной, в 1940 г., музей разместился в здании городской церкви [28. Л. 28]. Закономерным результатом частых переездов и перемещений была потеря ценных музейных артефактов по истории края.

Таким образом, анализ регионального материала о национализации и муниципализации в 1920-х гг. позволяет резюмировать следующее. Национализация промышленности в регионе началась весной 1918 г., с установлением власти советов в Акмолинском уезде. На начальном этапе она носила ограниченный, в большей мере «карательный характер», касаясь главным образом крупных производств и отдельных предприя-

тий, владельцы которых участвовали в саботаже мероприятий советов. Экспроприация не предполагалась всеобъемлющей, немедленной и категоричной. Атака на капитал проходила по инициативе и при активном участии местных органов власти, действовавших при проведении национализации в соответствии с установкой сверху и в то же время под влиянием стихийных обстоятельств. Кардинально и решительно национализация осуществлялась уже после гражданской войны, в силу сложившихся обстоятельств, когда в ходе жестокой борьбы, навязанной противниками новой власти, в деятельности советов начинают доминировать идеологический фактор, стремление к чрезмерной радикализации социально-экономических отношений. На данном этапе темпы отчуждения предприятий обгоняли темпы налаживания управления национализированными предприятиями, что неизбежно вело к дезорганизации и сокращению производства. Отрица-

тельно влияли на развитие производства частые реорганизации управления промышленностью. Отрасли местной промышленности (кожевенная, овчинная, мукомольная), которые традиционно были ведущими в структуре экономики Акмолинского уезда и г. Акмолинска, оказались в упадке. В этом смысле национализация, применяемая большевиками как экономический инструмент разрушения старого и построения нового общества, была малоэффективной.

Муниципализация городских строений и передача зданий в ведение коммунального отдела городского совета отрицательно сказались на состоянии жилого фонда города. Без должного ремонта фасадов зданий часть жилого фонда пришла в негодность, постепенно разрушалась. В условиях падения городского промышленного производства, недостатка финансовых средств и дефицита бюджета градостроительные процессы приостановились.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Северо-Казахстанской области (ГАСКО). Ф. 1154. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственный архив города Астаны (ГАГА). Ф. 250. Оп. 1. Д. 16.
3. ГАГА. Ф. 250. Оп. 1. Д. 62.
4. ГАСКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 24.
5. Дубицкий А.Ф. Акмолинск – торговый город // Акмолинская правда. 1957. 4 июля.
6. ГАСКО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 120.
7. ГАГА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 38.
8. Обзор Акмолинской области за 1914 г. Омск, 1915 г. Приложение. Ведомость о промышленности.
9. Обзор Акмолинской области за 1911 г. Омск, 1912 г. Приложение. Ведомость о ремесленниках.
10. ГАГА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 184.
11. Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917–1920 гг.): сб. документов. Алма-Ата : Казахстан, 1971. 224 с.
12. Карр Э. История Советской России. М. : Прогресс, 1990. Кн. 1, т. 1, 2. 766 с.
13. Бюджетное учреждение «Исторический архив Омской области» (БУ ИСА). Ф. 26. Оп. 1. Д. 205.
14. ГАГА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 183.
15. ГАГА. Ф. 250. Оп. 1. Д. 29.
16. Акмолинская правда. 1957. 24 июля.
17. Государственный архив Акмолинской области (ГААО). Ф. 212. Оп. 1. Д. 1.
18. ГАСКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20.
19. ГАСКО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 341.
20. БУ ИСА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 182.
21. ГАСКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 49.
22. ГАСКО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 341.
23. ГАСКО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 74.
24. ГАГА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 116.
25. ГАГА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 11.
26. Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения КазССР (национальный аспект). Алма-Ата : Казахстан, 1987. 156 с.
27. ГАГА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 114.
28. ГАГА. Ф. 362. Оп. 2. Д. 25.

Alpyspaeva Galya, Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: galpyspaeva@mail.ru

“...BEFORE THE REVOLUTION THE MILLING INDUSTRY FLOURISHED, AND WAS THE PROFITABLE POINT OF REVENUE”: NATIONALIZATION AND MUNICIPALIZATION IN AKMOLINSK AND AKMOLINSK PROVINCE IN THE 1920s OF THE XXth CENTURY

Keywords: Akmolinsk city; Akmola province; 1920s; nationalization; municipalization; local industry.

On the basis of an analysis of previously unknown documentary materials from the funds of the State Archive of the North Kazakhstan Region in Petropavlovsk, the State Archive of the Akmola Region, the State Archives of Astana and the Historical Archives of the Omsk Region of the Russian Federation, the problems of Soviet nationalization and municipalization on the materials of Akmola Province and the city of Akmolinsk in the 1920s are studied in the given article. For the first time in historiography, regional peculiarities of nationalization and municipalization due to the territorial remoteness and characteristic of the socio-economic development of the region are considered. Particular attention is paid to coverage of the state of economic sectors and enterprises of Akmolinsk and the province of the same name before and after nationalization. On the basis of an analysis of archival sources, the author concludes that the nationalization used by the Bolsheviks as an economic tool to destroy the old society and build a planned socialist economy was largely “punitive” and ineffective. Frequent reorganization of the management of nationalized enterprises led to disorganization of production. The consequence of the nationalization was a decline in production, a reduction in the economy of the region. The branches of local industry (tannery, flour milling), which traditionally were leading in the structure of the economy of the city and the region, lost their significance. Municipalization of urban buildings and their transfer to the city council negatively affected the condition of the city’s housing stock and urban development processes in general. Without proper repair of the facades of buildings some part of the housing stock of the city had become unusable and gradually was destroyed.

REFERENCES

1. The State Archives of the North Kazakhstan region (GASKO). Fund 1154. List 1. File 1.
2. The State Archives of the city of Astana (GAGA). Fund 250. List 1. File 16.
3. The State Archives of the city of Astana (GAGA). Fund 250. List 1. File 62.
4. The State Archives of the North Kazakhstan region (GASKO). Fund 161. List 1. File 24.
5. Dubitskiy, A.F. (1957) Akmolinsk – *torgovyy gorod* [Akmolinsk is a trading city]. *Akmolinskaya pravda*. 4th July.
6. The State Archives of the North Kazakhstan region (GASKO). Fund 99. List 1. File 120.
7. The State Archives of the city of Astana (GAGA). Fund 286. List 1. File 38.
8. Akmolinsk Regional Committee of Statistics. (1915) *Obzor Akmolinskoy oblasti za 1914 g.* [Review of Akmola region for 1914]. Appendix. Industry statement.
9. Akmolinsk Regional Committee of Statistics. (1912) *Obzor Akmolinskoy oblasti za 1911 g.* [Review of Akmola region for 1911]. Appendix. List of artisans.
10. The State Archives of the city of Astana (GAGA). Fund 407. List 1. File 184.
11. Anon. (1971) *Sovety i revkomy v Kazakhstane (oktyabr' 1917–1920 gg.)* [Soviets and Revolutionary Committees in Kazakhstan (October 1917–1920)]. Alma-Ata: Kazakhstan.
12. Carr, E. (1990) *Istoriya Sovetskoy Rossii* [History of Soviet Russia]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Progress.
13. The Historical Archive of Omsk region (BU IsA). Fund 26. List 1. File 205.
14. The State Archives of the city of Astana (GAGA). Fund 407. List 1. File 183.
15. The State Archives of the city of Astana (GAGA). Fund 250. List 1. File 29.
16. *Akmolinskaya pravda*. (1957). 24th July.
17. The State Archives of Akmola Oblast (GAAO). Fund 212. List 1. File 1.
18. The State Archives of the North Kazakhstan region (GASKO). Fund 161. List 1. File 20.
19. The State Archives of the North Kazakhstan region (GASKO). Fund 55. List 1. File 341.
20. The Historical Archive of Omsk region (BU IsA). Fund 1617. List 1. File 182.
21. The State Archives of the North Kazakhstan region (GASKO). Fund 161. List 1. File 49.
22. The State Archives of the North Kazakhstan region (GASKO). Fund 55. List 1. File 341.
23. The State Archives of the North Kazakhstan region (GASKO). Fund 189. List 1. File 74.
24. The State Archives of the city of Astana (GAGA). Fund 32. List 1. File 116.
25. The State Archives of the city of Astana (GAGA). Fund 78. List 1. File 11.
26. Bazanova, F.N. (1987) *Formirovanie i razvitie struktury naseleniya KazSSR (natsional'nyy aspekt)* [Formation and development of the Kazakh SSR population structure (the national aspect)]. Alma-Ata: Kazakhstan.
27. The State Archives of the city of Astana (GAGA). Fund 32. List 1. File 114.
28. The State Archives of the city of Astana (GAGA). Fund 362. List 2. File 25.

УДК 94(57)
DOI: 10.17223/19988613/70/2

А.И. Ермолова

ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ТОМСКА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРИОДИКИ (1961–1964 гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90023 «Дети и советское государство 1960–1980-х годов: визуальные образы и повседневные практики (по материалам города Томска)».

В фокусе внимания статьи – представления о детской повседневности Томска в текстах местной периодической печати, газетах «Красное знамя» и «Молодой Ленинец» (1961–1964 гг.). Рассматривается содержательная направленность информационных сообщений о детях. Наиболее освещаемыми темами стали учебный процесс в школе и деятельность городской пионерской организации. Особое внимание также уделялось роли государства в жизни детей.

Ключевые слова: история детства; дети; повседневность; периодика; Томск.

Актуальность исследований феномена детской повседневности обусловлена междисциплинарным характером поднимаемой темы. Реконструкция сюжетов детской жизни, форм и способов работы с детьми со стороны школы, семьи и государства открывает не только перспективы использования полученных данных в педагогике, истории, социальной антропологии, но и возможности выстроить адекватную социальную политику по отношению к детям сегодня.

Данная статья обращена к опыту советского детства, одним из направлений изучения которого становятся исследования периодических изданий, не только направленных на детей, таких как «Пионер», «Мурзилка», «Веселые картинки», но и новостного и общественно-политического содержания.

Цель статьи состоит в рассмотрении информационных поводов, проблем, тем, лежавших в основе публикаций о детской повседневности в томских газетах «Красное Знамя» и «Молодой Ленинец». Названные издания характеризуются широкой тематической направленностью. Здесь публиковались новости международного и местного характера, отображалась трудовая и общественная активность томичей, были заметки о спорте, юморески, фельетоны и т.д. Особенностью такого рода источников является то, что пресса в заявленный период обрела новый социально-политический вес, функционируя как основной посредник в деле формирования мировоззрения читателей, мобилизации и дисциплинарной практики [1. С. 284].

Изучение советской детской повседневности сквозь призму региональной периодики – активно развивающееся направление, здесь хочется отметить работы коллег из Омска – А.В. Сушко [2], М.С. Носова [3], К.К. Нуркина [4], и из Перми – В.М. Коренюк [5], Е.В. Протасова [6]. Авторы обращаются к исследованию писем школьников в газеты, реконструируют жизнь детей во время Великой Отечественной войны, в том числе отправленных в Сибирь в эвакуацию, рассматривают репрезентации образовательной и трудовой деятельности школьников и пионеров, детский досуг.

В рамках данного исследования были просмотрены 1 221 номер газеты «Красное знамя» и 622 номера «Молодого Ленинца» за период с 1 января 1961 г. по 31 декабря 1964 г. В выбранный временной промежуток на детей возлагалась особая роль – как на жителей общества будущего, а значит, и строителей коммунизма. В 1961 г. принимается Третья программа КПСС, где не только содержится призыв об обеспечении счастливого детства каждому советскому ребенку, но и сформулирован ряд общественно одобряемых качеств для подрастающего поколения: любовь к Родине, трудовая и общественная активность, преданность делу коммунизма [7. С. 98]. Последним годом правления Н.С. Хрущева станет 1964 г., в октябре он будет отправлен на пенсию, смена руководства обусловит изменение социальных, экономических и идеологических векторов развития страны, что и станет решающим фактором при определении верхней временной границы.

Материалом данной статьи служит региональная пресса, работа с которой включала в себя несколько этапов. Первый – просмотр и отбор текстов публикаций, содержащих информацию о детской жизни в областном центре. Индикаторами, по которым статья попадала в общий массив данных, стали слова и словосочетания «дети», «детство», «пионер», «октябренок», «школа», «отряд», «детский сад», «двор», «детская площадка», «дворец пионеров», «музыкальная школа», «детская спортивная секция», «художественная школа», «кружок».

Второй шаг – объединение выбранных информационных сообщений в общие тематические категории для последующей их интерпретации. Всего сформировано девять блоков: «школа и учебный процесс», «пионеры и деятельность пионерской организации», «здоровье, уход, безопасность», «городское детское пространство», «детский досуг», «детский спорт», «государство и дети», «детский сад», «дополнительное образование». Рассмотрим подробнее каждый из них.

Блоки «школа и учебный процесс» и «пионеры и деятельность пионерской организации» близки друг

другу, практически каждый школьник СССР был октябрёнком и пионером, этот статус был почетным и важным, поэтому часто мероприятия, проводимые пионерской организацией, проходили в школе. Стоит отметить, что в первую категорию были отнесены сообщения об организации учебного процесса и содержании уроков, во вторую попали статьи о приеме в пионеры, пионерских праздниках, об участии пионеров в общественно-полезной работе.

На страницах локальных изданий публиковались материалы, подготовленные местными врачами о детских болезнях, прививках, уходе за новорожденными. Сотрудники милиции готовили информацию о поведении на дороге, деятельности детской комнаты милиции, профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. Пожарные информировали о том, что делать в случае пожара, об опасности игр с легковоспламеняющимися предметами. Были сообщения о детском питании, игрушках, одежде, мебели. Все это отнесено в блок «здоровье, уход, безопасность».

Жизнь детей в свободном пространстве города занимала важную роль в дискурсе печатных изданий, поднимались вопросы о благоустройстве детских площадок во дворах домов, городских парках, о времяпрепровождении детей на них, все это нашло отображение в четвертой тематической категории – «городские детские пространства». Блок «детский досуг» объединил в себе информационные сообщения о мероприятиях, проводимых для детей, сюда же отнесены рецензии на спектакли, отзывы о кинофильмах для детей и подростков.

Отдельной категорией был обозначен «детский спорт», государство особое внимание уделяло его развитию, ведь советский человек в первую очередь дол-

жен быть сильным и здоровым. В Томске работали разные спортивные школы. Кроме того, постоянно организовывались мероприятия по зимним и летним видам спорта: «Золотая шайба» (хоккей), «Кожаный мяч» (футбол), лыжные гонки на призы газеты «Пионерская правда», соревнования по легкой атлетике, гимнастике, шахматам. Процесс подготовки к ним, а также ключевые состязания активно освещались в местной прессе.

Еще одна важная тема – государство в жизни детей. Сюда были отнесены статьи, в которых рассказывалось о том, какие постановления, связанные с детьми, приняты партией, как это отразится на их жизни, как они реализуются на местах. Локальные СМИ часто освещали деятельность горкома и райкомов с точки зрения их взаимодействия со школами, учреждениями дополнительного образования.

Два оставшихся тематических блока связаны с сообщениями о деятельности городских детских садов и яслей, а также учреждений дополнительного образования (музыкальные и художественные школы, школы искусств, дворец пионеров).

За период с 1961 по 1964 г. было обнаружено 507 информационных сообщений разнообразного формата: новости, репортажи с детских мероприятий, заметки и эссе, авторами которых выступали сами дети, интервью со школьниками, вожатыми, учителями и др. Стоит отметить, что нас интересовали только публикации о жизни детей в Томске; большое количество сообщений было посвящено повседневности детей в населенных пунктах области, эти сообщения не попали в анализируемую выборку, но для наглядности отображены в графике о тематическом распределении сообщений (рис. 1.).

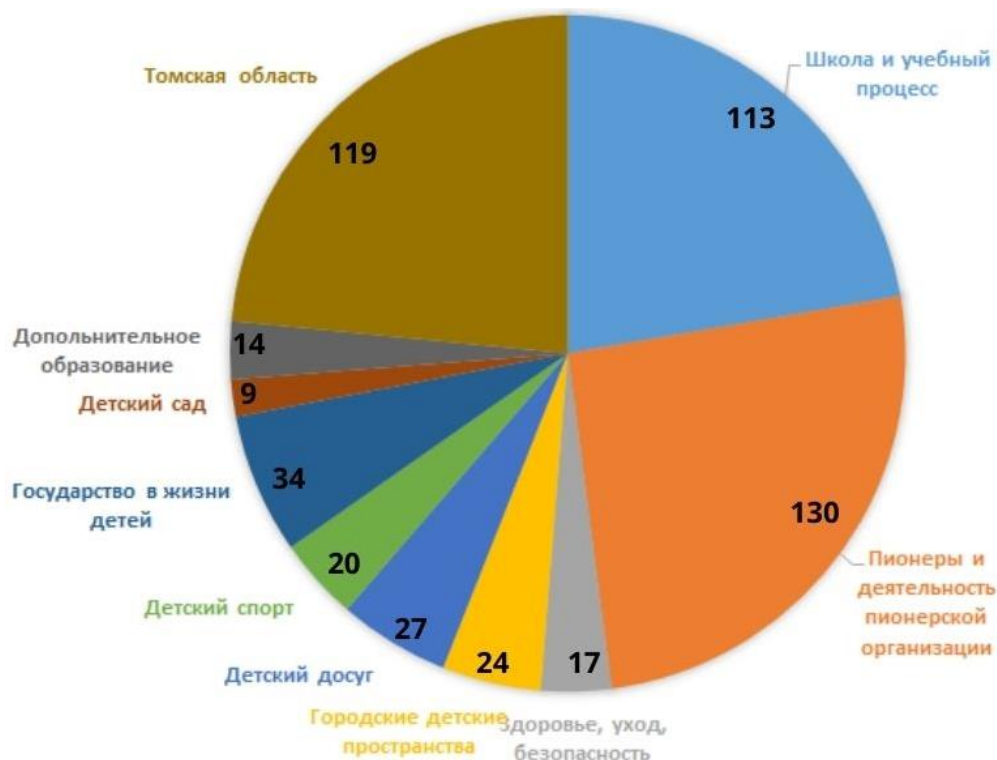

Рис. 1. Тематическое распределение сообщений о детской повседневности (количество сообщений)

Количество сообщений о детской повседневности в разные годы представлено в таблице. Из нее видно, что наибольшее число приходится на 1961 г. (193), а наименьшее – на 1964 г. (96). Примечательно, что за три года цифра сократилась в два раза. Пик интереса к детской теме приходится на 1961 г. В это время идет подготовка новой программы партии к XXII съезду КПСС, где 31 октября она и будет принята. В программе был представлен не только план строительства коммунизма, а также описан моральный облик его строителей, которыми и должны стать подрастающие поколения, ведь именно им предстояло жить в обществе будущего. Локальные газеты пестрят заголовками: «Воспитать молодое поколение в духе коммуниз-

ма», «Программа нашей жизни. Дети наше будущее», «Маленький гражданин Страны Советов», «Разговор о человеке будущего», «Воспитание нового человека – важнейшая задача». Можно предположить, что на частоту упоминаний детей и связанных с ними тематических направлений, речь о которых пойдет ниже, повлияли публикация и принятие новой программы КПСС. В последующие годы другие информационные поводы стали более значимыми, а значит, и более освещаемыми: успехи СССР в космосе (полеты Ю.А. Гагарина, Г.С. Титова, В.В. Терешковой, выход советских космонавтов в открытый космос, полет экипажа в составе трех человек), усиление холодной войны – Карибский кризис.

Число публикаций, посвященных детям

Год	«Молодой Ленинец»	«Красное Знамя»	Всего
1961	150	43	193
1962	45	76	121
1963	62	35	97
1964	55	41	96

Позиционированием газеты «Молодой Ленинец» как молодежной можно объяснить большее количество сообщений (кроме 1962 г.), посвященных детям. В разные годы здесь велись специализированные рубрики о школьниках и пионерах: «Бригантина», «Зорька», «Пионерский салют». Стоит отметить также язык описания: несмотря на то, что и «Красное Знамя» и «Молодой Ленинец» были трансляторами так называемого «авторитарного дискурса», для которого характерно использование официальной и безэмоциональной лексики, информационные сообщения и статьи «Молодого Ленинца» можно охарактеризовать как «живые» – с использованием метафор, эпитетов, в отличие от «Красного Знамени», для которого свойствен исключительно строгий стиль повествования.

Школьная жизнь и деятельность пионерской организации были основными темами публикаций о детях (см. рис 1). Как правило, большими репортажами освещались прием детей в пионеры на пл. Ленина [8], шествие в честь «Дня Пионерии» [9, 10], проходившее 19 мая. Также рассказывалось о «пионерских двухлетках» [11, 12], когда городские дружины и отряды брались за различные обязательства, выполнение которых давало право называться «спутниками семилетки». Главными делами пионеров были помощь на производстве, озеленение города, шефство, распространение литературы, сбор металлолома и макулатуры. Вот, например, как описывают свои достижения пионеры дружины школы № 1 на страницах «Молодого Ленинца»: «Четыре отряда дружины стали за двухлетку “спутниками семилетки”. С десятью бригадами Томского инструментального завода дружат пионерские отряды. В школе создана “Мичуринская копилка”, в которую принесли пионеры 5 кг 200 г семян желтой акации – целый лес будущих деревьев. Вырастили 50 000 цветов. За двухлетку радиофицировали школу, пионеры 6-го «В» класса создали кукольный театр. Починили книги в школьной библиотеке, сделали игры для малышей дома ребенка № 1 и детских садов № 3 и № 11» [13].

Публикации, отнесенные к тематическому блоку «школа и учебный процесс» рассказывали о формах и способах образовательного процесса [14, 15], о темах и проблемах, рассматриваемых на уроках [16, 17], об успеваемости. Во многом на репрезентацию учебного процесса на страницах локальных изданий повлиял закон 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [18], основная цель которого заключалась в развитии коммунистического мировоззрения у молодых людей, а также их ознакомлении с рабочими профессиями.

Постановление внесло большие изменения в жизнь средней школы в Томске. Учителя пересматривали подходы к преподаванию, внося элементы трудового воспитания в общеобразовательные предметы, уделяя внимание развитию у детей таких качеств, как точность, внимательность, аккуратность, что могло пригодиться в условиях реальной практики в заводских цехах и мастерских, куда, согласно постановлению, отправлялись школьники для получения специальностей, приближенных к жизни. Например, ученики 47-й школы проходили производственную практику на подшипниковом заводе, 51-й школы – на «Сибэлектромоторе», 48-й школы – на заводе «Манометр», 24-й школы – на заводе «Томкабель». В свете этого повышенное внимание в публикациях уделялось урокам труда, технической оснащенности школьных помещений для развития навыков рабочих специальностей [19, 20], условиям в которых проходит заводская практика [21].

«Дети – наша радость! Глядя на них каждый советский человек испытывает теплое чувство и с гордостью думает, что они будут жить и трудиться в коммунистическом обществе» [22], – так на страницах «Красного знамени» рассуждала заместитель заведующего Томского обкома З. Колушкина. Этот тезис в полной мере отображает тон и направленность информационных сообщений о присутствии государства в жизни детей в 1961–1964 гг.

Публикации данного тематического блока являются третьими по популярности после освещения учебы и пионерской деятельности, всего 34 сообщения. Преобладают данные о поддержке государством детского образования, всеобщность и массовость которого – следствие революции. Делается акцент на строительстве новых школ, детских садов и учреждений дополнительного образования, а также на материально-техническом оснащении уже имеющихся [23, 24].

Обращает на себя внимание, что не обходится и без упоминания личного вклада Н.С. Хрущева в заботу о подрастающем поколении: «Трудно найти более благодатный материал для воспитания нашей молодежи, чем речь Никиты Сергеевича Хрущева на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства» [25]; «В наш детский сад родители принесли газеты с докладом Н.С. Хрущева и стали поздравлять друг друга. Партия рассматривает воспитание нового человека как важнейшую составляющую в коммунистическом преобразовании общества, государство все более берет на себя содержание подрастающего поколения», – пишут местные газеты [26].

Активное присутствие государственного внимания о детях продолжалось и в, казалось бы, совершенно свободных от взрослых дворовых городских пространствах. Поощрялась деятельность школ, пионерских и комсомольских организаций, домоуправлений по организации детской занятости в городских дворах. Все это широко освящала местная пресса.

Важное место занимала и работа по благоустройству территории, в том числе и силами самих детей [27]. Несмотря на все усилия, проблема увеличения и обустроенности городских детских пространств в Томске оставалась открытой. Место для детских площадок, как правило, было занято гаражами, самовольными постройками (сараями), огородами, столами для вечерних посиделок взрослых.

Особенностью томских дворов было присутствие общественных воспитателей; как правило, это были действующие или бывшие педагоги городских школ и учреждений дополнительного образования. Они курировали и организовывали занятость детей. «Ребята с воспитателем пойдут в кино, или на речку, или в лес. Вечером будут готовиться к концерту самодетельности. Сейчас готовится второй концерт. Первое выступление ребят прошло с большим успехом» [28]. Впрочем, частой темой на страницах местных газет были вопросы нехватки или отсутствия воспитателей

на городских детских площадках, отмечалось, что детьми никто не занимается, они предоставлены сами себе [29].

Одним из положений программы Коммунистической партии было указание на то, что физкультура и спорт должны прочно войти в повседневный быт советских людей. Сообщения о детском спорте в первую очередь касались доступности спортивных объектов: турники, футбольные поля и хоккейные коробки должны появляться в городских дворах и на пришкольных территориях. Увеличение сообщений о детском спорте характерно для 1964 г. В это время советский футболист Лев Яшин выступил с инициативой создания все-союзных соревнований дворовых команд «Кожаный мяч», его инициативу поддержал советский тренер по хоккею Анатолий Тарасов, основав турнир «Золотая шайба», что станет важными инфоповодами спортивной работы среди детей.

Еще одной темой для публикаций в местной печати был детский досуг. Публиковались анонсы и объявления о мероприятиях для детей, рецензии на уже прошедшие детские спектакли, широко освещалась деятельность городских детских библиотек [30–32].

Наименьшее внимание со стороны прессы было уделено дополнительному образованию и детским садам: 14 и 9 сообщений соответственно.

Анализ публикаций в региональной прессе позволяет определить ряд особенностей детской повседневности в Томске. В первую очередь внимание уделяется трудовой и культурно-образовательной составляющим детской жизни. В периодической печати это отражается в том, что в каждом выделенном нами тематическом блоке присутствуют данные компоненты. Пионеры и школьники собирают металлолом, участвуют в субботниках, убирают урожай в колхозе, проходят практику на заводах, но в то же время прилежно учатся, посещают спектакли, выставки, библиотеки, дополнительно занимаются в музыкальных и художественных школах. Даже во дворах с детьми ведется образовательно-воспитательная работа силами общественных педагогов.

В целом в оптике публикаций томской периодики создается идеальный образ советского ребенка и его повседневности – это всесторонне развитый человек, юный советский гражданин, прилежный ученик или ученица, занимающийся общественной работой, находящийся под постоянным контролем со стороны общественности и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уль К.Б. Поколение между «Героическим прошлым» и «Светлым будущим»: роль молодежи во время «Оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279–326.
2. Сушко А.В., Носова М.С. Дети Ленинграда на Омской земле в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 330–347.
3. Носова М.С. Повседневная жизнь детей Омска в годы Великой Отечественной войны в отражении газеты «Омская правда» // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2019. № 2 (22). С. 106–111.
4. Нуркина К.К. Повседневная жизнь Омского ребенка в отражении периодической печати (1960–1970 гг.) // Омский научный вестник. 2015. № 2 (136). С. 44–47.
5. Кореньков В.М. Детская игровая повседневность 1940–1950-х гг. (на материалах Молотовской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69), ч. 2. С. 80–82.
6. Протасова Е.В. Заметки школьников в периодических изданиях Пермской области (на материалах 1960-х – 1970-х гг.) // Научный диалог. 2013. № 8 (20): Педагогика. С. 152–166.

7. Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчет. М. : Госполитиздат, 1962. Т. 2. 608 с.
8. Внучата Ильича вступают в пионеры // Красное знамя. 1963. 24 апр.
9. Рапортует пионерия // Красное знамя. 1963. 19 мая.
10. Празднует пионерия // Молодой Ленинец. 1961. 24 мая.
11. Незабываемый год двухлетки // Молодой Ленинец. 1961. 1 окт.
12. Двухлетка в двенадцатой // Молодой Ленинец. 1962. 16 мая.
13. Двухлетка выполнена // Молодой Ленинец. 1962. 13 мая.
14. Долой шаблонные уроки // Красное знамя. 1964. 12 мая.
15. Идут уроки // Красное знамя. 1962. 5 окт.
16. Разговор о литературе // Красное знамя. 1962. 24 сент.
17. На уроке химии // Молодой Ленинец. 1964. 24 янв.
18. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования : закон в СССР от 22.12.1958 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. 2020. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5337.html (дата обращения: 17.11.2020).
19. Уроки труда // Красное знамя. 1961. 1 апр.
20. На уроках труда // Красное знамя. 1962. 27 окт.
21. Нравится ли нам завод? // Молодой Ленинец. 1964. 7 февр.
22. Все лучшее детям! // Красное знамя. 1962. 1 июня.
23. Школьное дело – дело партийное // Красное знамя. 1962. 12 окт.
24. Новый учебный год не за горами // Красное знамя. 1964. 28 марта.
25. На повестке дня – идейно-политическое воспитание молодежи // Молодой Ленинец. 1963. 10 апр.
26. Дети, здоровье, восхищение // Красное знамя. 1964. 15 июля.
27. Детская дворовая // Красное знамя. 1962. 5 июля.
28. Почему у двора приуныла детвора // Молодой Ленинец. 1961. 16 июля.
29. Остался мальчонка в городе // Красное знамя. 1961. 11 июля.
30. Снежная королева // Молодой Ленинец. 1961. 8 янв.
31. Удачный спектакль // Молодой Ленинец. 1961. 24 фев.
32. Марсиане // Красное знамя. 1963. 5 марта.

Alexandra I. Ermolova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mery-05@mail.ru

CHILDREN DAILY LIFE OF TOMSK IN THE REFLECTION OF PERIODICALS (1961–1964)

Keywords: children; children daily life; periodicals; childhood history; Tomsk.

The article discusses concept about children daily life in Tomsk in the reflection of periodicals (1961–1964). There are several reasons for addressing this problem. In the USSR, children were always not only in the care of the state, but also a part of the political discourse about ‘the happy childhood’ and ‘the man of the future’ who was expected to live under communism. The purpose of this article is to consider what informational reasons, problems, topics were the basis of publications about children’s daily life in Tomsk. Sources include regional papers “Krasnoye Znamya” and “Molodoy Leninet” that regularly covered this theme. The obtained data were divided into thematic categories: “school and teaching and learning process”, “pioneers and activities of the pioneer organization”, “health, care, safety”, “urban children’s space”, “children’s leisure”, “children’s sports”, “state and children”, “kindergarten”, “extended education”. School and the activities of the pioneer organization were the main topics of publications about children. The main activities of the pioneers were greening the city, distributing literature, collecting scrap metal and waste paper. Periodicals also discussed forms and methods of the educational process: topics and problems discussed in the lessons, achievements. Particular attention was paid to the labor education of schooler. Children in Tomsk were sent to factories to receive industrial worker job. Also the most popular were publications (34 messages) telling about the relationship between the state and children. It was reported to support the universality and accessibility of children’s education, the construction of new schools, kindergartens, as well as material and technical equipment for schools. The next topic is urban children’s spaces. Two issues were discussed. The first one is the improvement of playgrounds. The second is the organization of the employment of children in the courtyards. The reports on children’s sports primarily concerned the development of accessibility to sports facilities and city children’s competitions in various sports. Another topic for publications in the local press was children’s leisure. Announcements of events for children, reviews of already passed children’s performances were published, the activities of city children’s libraries were widely covered as well. The least attention from the press was paid to additional education and kindergarten: 14 and 9 reports. The author concludes that the main attention of the press is paid to the labor, cultural and educational component of children’s life. In addition, an ideal image of a Soviet child and his daily life is being created - this is a comprehensively developed person, a young Soviet citizen, a diligent schooler, engaged in extracurricular activities, under the constant supervision of the state.

REFERENCES

1. Uhl, K.B. (2011) A generation between the “heroic past” and the “bright future”: the role of youth in the Thaw period. *Antropologicheskii forum – Forum for Anthropology and Culture*. 15. pp. 279–326. (In Russian).
2. Sushko, A.V. & Nosova, M.S. (2020) Leningrad children in Omsk during the Great Patriotic War. *Noveyshaya istoriya Rossii –Modern History of Russian*. 10(2). pp. 330–347. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.204
3. Nosova, M.S. (2019) Daily Life of Children of Omsk during the Great Patriotic War in the Reflection of the Newspaper “Omskaya pravda”. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Historical Studies*. 2(22). pp. 106–111. (In Russian).
4. Nurkina, K.K. (2015) Povsednevnyaya zhizn' Omskogo rebenka v otrazhenii periodicheskoy pechati (1960–1970 gg.) [The daily life of a child in Omsk as reflected in periodicals (1960–70s)]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 2(136). pp. 44–47.
5. Korenyuk, V.M. (2016) Children’s playing daily routine in the 1940–1950s (a case study of Molotov Region). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 7(2). pp. 80–82. (In Russian).
6. Protasova, E.V. (2013) Zametki shkol'nikov v periodicheskikh izdaniyakh Permskoy oblasti (na materialakh 1960–kh – 1970–kh gg. [Schoolchildren’s articles in Perm periodicals (based on the materials of the 1960s – 1970s)]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 8(20). pp. 152–166.
7. The Communist Party of the Soviet Union. (1962) Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. In: *XXII s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza: stenograficheskii otchet* [The 22nd Congress of the Communist Party of the Soviet Union: verbatim report]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.

8. *Krasnoe znamya*. (1963a) Vnuchata Il'icha vstupayut v pionery [Ilyich's grandchildren join the pioneers]. 24th April.
9. *Krasnoe znamya*. (1963b) Raportuet pioneriya [report]. 19th May.
10. *Molodoy Leninets*. (1961a) Prazdnuet pioneriya [Pioneers celebrate]. 24th May.
11. *Molodoy Leninets*. (1961b) Nezabyvaemyy god dvukhletki [An unforgettable year of the two-year plan]. 1st October.
12. *Molodoy Leninets*. (1962) Dvukhletka v dvenadtsatoy [The two-year plan in the 12th]. 16th May.
13. *Molodoy Leninets*. (1964a) Dvukhletka vypolnena [The two-year plan is completed]. 13th May.
14. *Krasnoe znamya*. (1964a) Doloy shablonnye uroki [Down with stereotyped lessons]. 12th May.
15. *Krasnoe znamya*. (1962a) Idut uroki [Lessons are in progress]. 5th October.
16. *Krasnoe znamya*. (1962b) Razgovor o literature [Conversation about literature]. 24th September.
17. *Molodoy Leninets*. (1964b) Na uroke khimii [At a chemistry lesson]. 24th January.
18. USSR. (1958) *Ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'yu i o dal'neyshem razvitii sistemy narodnogo obrazovaniya: zakon v SSSR ot 22.12.1958* [On strengthening the connection between school and life and on the further development of the public education system: Law in the USSR dated December 22, 1958]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.html (Accessed: 17th November 2020).
19. *Krasnoe znamya*. (1961a) Uroki truda [Labor lessons]. 1st April.
20. *Krasnoe znamya*. (1962c) Na urokakh truda [At labor lessons]. 27th October.
21. *Molodoy Leninets*. (1964c) Nravitsya li nam zavod? [Do we like the plant?]. 7th February.
22. *Krasnoe znamya*. (1962d) Vse luchshee detyam! [All the best for children!]. 1st June.
23. *Krasnoe znamya*. (1962e). Shkol'noe delo – delo partiynoe [School is a party concernment]. 12th October.
24. *Krasnoe znamya*. (1964b). Novyy uchebnyy god ne za gorami [The new school year is just around the corner]. 28th March.
25. *Molodoy Leninets*. (1963) Na povestke dnya – ideyno-politicheskoe vospitanie molodezhi [The ideological and political education of youth is on the agenda]. 10th April.
26. *Krasnoe znamya*. (1964c) Deti, zdorov'e, voskhishchenie [Children, health, admiration]. 15th July.
27. *Krasnoe znamya*. (1962f) Detskaya dvorovaya [Children's yard]. 5th July.
28. *Molodoy Leninets*. (1961c) Pochemu u dvora priunyla detvora [Why the children were sad at the yard]. 16th July.
29. *Krasnoe znamya*. (1961b) Ostalsya mal'chonka v gorode [The little boy stayed in the city]. 11th July.
30. *Molodoy Leninets*. (1961d) Snezhnaya koroleva [Snow Queen]. 8th January.
31. *Molodoy Leninets*. (1961e) Udachnyy spektakl' [Successful performance]. 24th February.
32. *Krasnoe znamya*. (1963c) Marsiane [The Martians]. 5th March.

УДК 94(571.1).083
DOI: 10.17223/19988613/70/3

В.Н. Ильин, В.А. Должиков

«ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКАЯ» ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I

Проведен анализ государственно-конфессиональной политики в отношении староверов в годы правления Петра I. Сделан вывод о том, что в данный период была создана и закреплена на практике конкретная законодательная система с ярко выраженным антистарообрядческим характером. Все законы преследовали цель ограничить численность староверов в пределах существующего поколения, лишив их всевозможных религиозных и гражданских прав. Вместе с тем условная (унизительная) легализация старообрядцев позволила использовать их экономический потенциал в пользу имперского государства.

Ключевые слова: старообрядчество; Петр I; государственно-конфессиональная политика; староверы; раскольники.

Противоречивый характер конфессиональной и этно-политической ситуации в современной России требует научного понимания глубинных истоков проблем, с которыми сталкивается ныне общество. Поэтому необходим исследовательский анализ таких переломных моментов истории, когда государственная власть оказывалась перед выбором средств разрешения острых конфликтов. Одной из исторических развилочек была, как известно, эпоха правления последнего русского царя и первого российского императора Петра Алексеевича Романова (1672–1725). «В самой необходимости ломать вековой уклад русской жизни, истреблять “противников реформ”, грабить церкви, разорять и доводить до полного отчаяния, до бегства из России миллионы людей, – отмечает А.М. Буровский, – обо всех этих “необходимостях” мало кто задумывается всерьез. Не задается самый основной вопрос: а нужно ли было вообще делать то, что делал Петр? А если даже было и нужно, то в каких формах?» [1. С. 13]. Действительно, проводившаяся в России на рубеже XVII–XVIII столетий политика «европеизации» коренным образом трансформировала отечественную систему государственного управления, но, по мнению многих исследователей, далеко не всегда в положительную сторону. Н.Я. Эйдеман заметил в свое время, что споры о политике Петра I «...не кончатся, пока будет существовать Россия, – редчайший признак всеобщей актуальности, доказательства того, что “петровская проблема” еще не исчерпана» [2. С. 54].

Вышеупомянутые преобразования не могли, конечно же, не затронуть наиболее острый из конфликтов, унаследованных Петром I от своих предшественников. «Раскол, который роковым образом разделил и ослабил русское православие при царе Алексее, – отмечает Дж. Биллингтон, – наложил свою печать на все области этой органически религиозной цивилизации» [3. С. 160]. Неслучайно проблематика, связанная с переосмыслением истории многовекового дискриминационного преследования государственной властью адептов традиционалистской версии русского православия, остается актуальной до настоящего времени.

Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные научные публикации последних лет [4–12]. По сравнению с недавним прошлым сегодня, как верно заметил современный исследователь, существует «возможность внести значительные коррективы в истолкование исторических событий, происшедших в России в период после XVII века». Но при этом, по мнению Б.П. Кутузова, «русская история может быть правильно осмыслена лишь с позиций старообрядчества...» [13. С. 5]. Хотя концептуальная точка зрения данного автора может показаться излишне категоричной, ее, на наш взгляд, следовало бы признать мотивированной.

В период правления Петра I были изданы указы, по которым старообрядцы обвинялись в государственных преступлениях. Именно светская власть подвергала их уголовному наказанию. Церковная же власть должна была заниматься «увещанием раскольников», добиваться пресловутого «раскаяния», чтобы налагать на них епитимию и затем рассылать по своим же монастырям. «Нераскаявшиеся» следовало передавать государственной полиции.

Привлекая в Россию иностранцев, правительство Петра I предоставляло им свободу жить и веровать «по своему». Они могли совершать обряды согласно традициям своих вероисповеданий. Известно высказывание будущего императора относительно совести подданных: «Господь дал царям власть над народами; но над совестью людей властен один Христос» [14. С. 206]. Юридически данная позиция была оформлена манифестом от 16 апреля 1702 г. В нем «свобода вероисповедания» трактовалась следующим образом: «Понеже здесь в столице нашей уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя с нашею церковью несогласных, сект: того ради и оное сим вновь подтверждается таким образом, что Мы по дарованной Нам от Всевышняго власти совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей». Государство же должно «смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и частном отправлении богослужения

обезпечен не был, но при оном содержан и противу всякого помешательства защищен был» [15. № 1910].

Предоставляя свободу вероисповедания иностранным подданным, Петр I не допускал и мысли о возможности функционирования среди православных другой версии христианства, кроме официально признанной. Монополия на проповедь вручалась одной лишь никонианской Церкви. При этом распространение миссионерами казенного православия среди так называемых инородцев сопровождалось предоставлением новообращенным разного рода льгот [16. № 3637].

Ничего подобного не могло быть в отношении русских христиан-«раскольников». С одной стороны, по отношению к ним Петр I допускал, что «если они подлинно таковы (честны и прилежны и им можно в торгу верить) – то по мне пусть веруют, чему хотят...» Но, с другой стороны, как верховный законодатель он считал «раскольников» дела злодейственными, понеже раскольничья прелесть, упрямства наполненная, правоторию противна и злодейственна есть» [17. С. 98–99].

Противоречивость позиции в отношении старообрядчества можно, по-видимому, объяснить и экономическими (фискальными) интересами казны. В данном случае власть преследовала двоякую цель: уничтожение «раскола» и одновременно пополнение государственных финансов. При этом старообрядчество не признавалось даже вероисповеданием в том смысле, в каком законодатель упоминает о верах «римской или люторской». Старообрядчество «не приурочивалось ни к какой национальности иноземной», поскольку считалось «отступлением от православия». Поэтому на него не могла распространяться веротерпимость, практикуемая в отношении многих других конфессий.

Адептов традиционалистской версии русского православия инициатор «европеизации» рассматривал как «фанатичных ревнителей старины», а следовательно, противников нововведений. «Ими были постоянно заполнены тюрьмы Преображенского приказа, и все эти лица, – констатирует дореволюционный историк старообрядчества, – были ли они церковными раскольниками или нет – причислялись при путанице и неустойчивости тогдашней терминологии заодно к раскольникам» [14. С. 209].

В 1705 г. был издан царский указ, предписавший мужчинам брить бороды под угрозой штрафа «в 60 и 100 р. с человека и по 2 деньги с крестьянина по вся дни, как пойдут в город и за город» [15. № 2015]. Указ от 4 января 1700 г., подтвержденный в 1714 г., обязывал всех служилых дворян и торговых людей носить саксонское либо французское платье. Предпринимались попытки то же самое навязать и крестьянам [Там же. № 1741, 2874]. Понятно, что стремление Петра I искоренить национальные традиции повседневности – бороды у мужчин и одежду привычного русского покроя – в старообрядческой среде не могло найти понимания ни в малейшей степени.

Вместе с тем Петру I не хотелось, чтобы старообрядцы действовали совсем уж скрытно. Частичная экономическая их легализация была в фискальном отношении более выгодна правительству. «...Сборы с них были настолько значительны, – отмечает А.В. По-

пов, – что в 1724 г. для них при сенате была учреждена особая контора» [14. С. 221]. Заметим особо, что до 1716 г. лидеры и адепты «раскола» были фактически вне закона. Без всякого суда, согласно «драконовским» статьям указа от 7 апреля 1685 г. царевны-регентши Софьи Алексеевны, они приговаривались к смертной казни. Соответственно, в те жестокие времена мало кто мог бы открыто заявлять о своей конфессиональной принадлежности к староверию.

В 1716 г. верховная российская власть признала, наконец, существование старообрядчества де факто. Петром I были изданы специальные постановления (от 8 и 18 февраля того же года), по которым приверженцы староверческого православия освобождались от уголовных наказаний за «содержание раскола» под условие их записи в двойной подушный оклад [18. № 2991, 2996]. Данный акт стал неким поворотным рубежом, что, правда, само по себе не свидетельствовало еще о полном отказе от «противораскольнического» курса в политике правительства: «И хотя на раскольников записанных двойной оклад и положен, и они записались, – поясняет законодатель, – однако ж не для того, чтоб они свою раскольническую прелесть разсеять могли и других учили, но токмо двойной оклад на их положен за то, что по упрямству своему обращаться ко святой церкви и в соединении с правотверными быть не хотят» [19. № 6928]. Этот пункт петровских постановлений дополнительно подтверждался и в 1718 и в 1724 г. [18. № 3232; 20. № 4526].

В 1720 г. всем старообрядцам велено было записываться в приказе Церковных дел «без всякого сомнения, не вникая некоторых пустошному совету; а ежели кто, ведая сей указ... за раскол в платеж оклада в записке не явится, а в том, от кого изобличен будет, и тому преступнику учинено будет жестокое наказание и доправлен будет и перед тем двойным окладом еще вдвое штраф» [16. № 3547].

Как известно, царь-реформатор добивался от своих подданных безоговорочного служения государству. Поэтому старообрядцы, которые игнорировали монаршую волю, подвергали себя риску полицейского преследования и наказания вплоть до каторжных работ. Однако с этого момента «записные раскольники», принимавшие дискриминационную политику государственных властей как данность и считавшиеся с ее требованиями, получали возможность открыто жить в своих общинных поселках «без всякого сомнения и страха». Правительство вынуждено было их легализовать. Так что, записавшись официально «раскольником», можно было избежать прямого насилия хотя бы со стороны местных властей.

Благодаря политическим послаблениям в России формировались региональные старообрядческие центры: Ветка, Выговщина, Нижегородчина, Стародубье и др. Однако многие из старообрядцев упорно не хотели быть занесенными в списки, составляемые чиновными «слугами сатаны». Свой протест они выражали в пассивных формах сопротивления: укрывательством преследуемых, побегами, даже массовыми самоубийствами («гарями», или «огненными крещениями») [21–23].

В результате в России появилась целая диаспора «потаенных раскольщиков». Помимо уголовного сыска и преследования карательными полицейскими командами верховный законодатель предписывал вынудить всех явных «раскольников» ежегодно исповедоваться и причащаться только в казенных храмах. По указу от 17 февраля 1718 г. эта ритуальная норма под предлогом соблюдения общепринятых церковных установлений вменялась каждому верноподданному. Неисполнение «сих христианских обязанностей» Петр I считал тоже государственным преступлением [18. № 3169].

Фактически таким способом выявлялись, учитывались и контролировались наличные общины адептов старообрядчества. Всех тех, кто не исповедовался своевременно, следовало «почитать за раскольников и ослушников», а затем штрафовать. В именном царском указе от 17 февраля 1718 г. определялись конкретные суммы штрафа за неявку на исповедь: «...с разночинцев и с посадских первый по рублю, второй по два рубля, третий по три рубля, а с поселян: первый по 10 денег, другой по гривне, третий по 5 алтын...» Штрафные деньги должны были взиматься «неупустительно» со всех поголовно, «не исключая старых, увечных и несостоятельных». Ну а тех, кто уклонялся от платежа, ссылали: «мужчин на галеры, а женщин на прядильный двор». Данный норматив подтверждался постановлением от 11 января 1723 г., согласно которому приговаривались к «гражданскому наказанию» все, не бывшие у исповеди «после тройных штрафов». Уличенные в «расколе» определялись на «артиллерийские и другие работы, которые были бы каторжной работе подобны» [24. С. 30]. Позже данный указ будет подтвержден в 1737 г. императрицей Анной, а в 1740 г. – и государыней Елизаветой.

Старообрядцы были лишены права поступать на государственную и выборную общественную службу. Петр I придерживался следующей позиции: «По всей России раскольщиков не возводить на власти, не токмо духовныя, но и на гражданския, даже до последнего начала и управления, чтоб не вооружать нам на нас же лютых неприятелей и государству и государю непристанно зло мыслящих» [14. С. 212]. В 1724 г. он предписывал: «а им раскольщикам, по прежним же Его Императорского Величества указам ни у каких дел начальниками не быть а быть токмо в подчиненных, також во свидетельство их нигде не принимать, кроме того, что между собою, и то по случаю» [20. № 4526].

Для «раскольников» была определена особая форма одежды. Мысль о таком отличительном признаке подсказал судья Московской тиунской конторы архимандрит Антоний, который 9 февраля 1722 г. обратился в Правительствующий Синод с соответствующим заявлением. Поскольку «раскольщики записные между православными не познаваемы суть, – писал он, – достоин ли им на верхнем платье некий иметь знак, дабы, яко мерзости некия, гнушались православные» [14. С. 212]. Через несколько месяцев появился новый государев указ. По нему старообрядцам предписывалось одежду носить исключительно старого покроя, а именно «зипун с стоячим клеевым козырем, ферязи и однорядку с лежащим ожерельем. Только расколь-

щикам носить у оных козыри из красного сукна, чего для платья им красным цветом не носить» [16. № 3944]. Такая верхняя одежда у них должна быть и зимой, и летом. «Женам раскольничьим и бородачевым носить платья опашни и шапки с рогами [т.е. кички] старинныя ж» [20. № 4596]. Позднее купцам и промышленникам, остающимся в «расколе», велено еще было надевать специальные медные бляхи.

Очевидно, по замыслу составителей данного указа подобная опознавательная маркировка старообрядцев в повседневном быту должна была подчеркивать их статус всеми презираемых отщепенцев (маргиналов). Тем не менее «подобные платья и бляхи служили, – как замечает русский богослов и правовед А.В. Попов, – дополнительным поводом роста потаенного раскола» [14. С. 212].

Игнорирование записи в двойной подушный оклад, т.е. «потаенный раскол», преследовалось весьма строго в первой половине XVIII столетия. Юридическим основанием для ужесточения дискриминационной конфессиональной политики стали правительственные указы от 2 марта 1718 г., 15 мая 1722 г. и 8 января 1727 г. Всех выявленных «потаенных раскольников» Петр I повелел ссылать: мирских на каторгу, а монахов и монахинь в монастыри. Так, в Нижнем Новгороде в 1721 г. к десяти старообрядцам «наказание чинено и ноздри выняты за то, что они жили потаенно в расколе от укладу укрывались и от оных семь человек не обратившиеся и противники святой Церкви по Его Царского Величества имянному указу посланы в каторжную работу, а два человека... кои обратились, велено отослать в Св. Прав. Синод, дальнейшая их судьба не известна» [Там же. С. 327]. Двойной подушный оклад, не уплаченный вовремя, взыскивался с них повторно, в двукратном же размере [Там же. С. 326]. Все эти петровские указы свое действие утратили лишь после отмены в 1782 г. двойного подушного оклада.

Понятие «раскола» как уголовного противогосударственного преступления в данный период (и на протяжении всего XVIII в.) истолковывалось судопроизводством очень широко, включая весь спектр нарушений религиозного и мирского характера. Интегральным признаком являлось единство субъекта инкриминируемых деяний. Обвинение в них предполагало следующие виды преступной, с точки зрения властей, активности подозреваемых: «совращение в раскол»; «отпадение в раскол»; «распространение раскольнического учения»; «совершение раскольниками священнослужения»; «упорство и отказ от обращения в православие».

В качестве государственного преступления «раскол» включал в себя такие наказуемые деяния, как «уклонение раскольников от записи в двойной оклад», самосожжение, укрывательство «раскольников» и недонесение о них. При этом уход в «раскол» являлся отягчающим вину обстоятельством при совершении разных других преступлений как религиозного, так и нерелигиозного характера (к примеру, побег из мест заключения).

«Совратители в раскол» на основании указов Петра I после 1722 г. также подвергались вместе с «расколо-

учителями» уголовному наказанию [16. № 4009]. «Если кто правоверных раскольнической прелестию тайно или явно обольстит, такового, – требовало имперское законодательство, – по жестоком в гражданском суде наказании, посылать в галерные работы вечно, а движимое и недвижимое имение отбирать в казну» [25. № 5554].

«Совращенных» и тех, кто «отпал в раскол» по своей воле, сначала направляли к церковникам для увещевания. Затем, если «совратившийся» не слишком упорствовал, то его ссылали в какой-нибудь монастырь на испытание и для епитимии [19. № 6421]. Если же упрямился, то его переправляли гражданским властям, и уже они, а не представители церковной власти, судили за повторное «отпадение в раскол» [16. № 4009]. Виновные в пропаганде «раскольнического учения» также подлежали уголовной ответственности. Под ней понимались все действия, предпринимаемые с целью «совращения в раскол» или способные повлечь «отпадение» от официальной церкви. Даже частная беседа «раскольника» о предмете своего учения с «нераскольником» рассматривалась как распространение «раскола». Об этом свидетельствует содержание указа от 16 июля 1722 г. Согласно его статьям только записавшийся в двойной оклад мог официально считать и называть себя «раскольником». Однако ему предписывалось «другим о той раскольнической прелести разговоров и учения не точию посторонним, но в одном доме живущим, никому отнюдь ему не произносить, и никого тому не учить и никакими способами к той раскольнической прелести не привлекать...». Вышеупомянутый указ вводил целый ряд запретов: «...учителей раскольнических и потаенных раскольников в дом к себе не принимать и противных правому святыя церкви мудрованию книг на большее им прельщение и другим на соблазн употребляемых как печатных, так и письменных, отнюдь у себя не держать...» Запрещалась не только собственно популяризация «раскольнической прелести». Наказывалось также хранение и тем более распространение книг старой и новой печати, тетрадей, икон, брошюр и других предметов, священных для старообрядцев.

Данное преступление, как правило, выявлялось попутно во время следствия по поводу иных уголовно наказуемых действий (например, «совращения в раскол» или «укрывательства раскольников»). Все, кого занесли в казенные списки, обязаны были сообщать, «где потаенных и не записанных раскольников ведают» и «объявлять без всякой утайки» [16. № 4052].

Совершение таких обрядовых таинств, как крещение, бракосочетание или погребение, «за отсутствием правильной преемственной иерархии раскольники совершали по нужде... Иногда и то и другое совершалось беглыми попами, а иногда и православными священниками, но с особенностями раскольнического обряда» [14. С. 324]. Этому вопросу в указе от 16 июля 1722 г. посвящен особый параграф: «Понеже усмотрено из дел, что всем раскольническим действам, большею причиною есть то, что по суетному их раскольническому мнению попы, паче же и не посвященные отправляют всякия церковныя потребы, а именно:

младенцев крестят, хотящих брачитися венчают, умерших погребают; того ради имать у всех раскольников сказки под лишением имения и ссылкой на галеры, кто у них оныя потребы на перед сего исправлять, и ныне исправляет, то есть младенцев крестит, брачившихся венчает, и болящих исповедывает и причащает, и умерших погребает; и по тем сказкам таких, кого они покажут, сыскивать чрез них же самих к духовному правлению и сыскивая допрашивать, какого был чина, и ежели поп, кем посвящен, и имеет ли свидетельствующую священство его грамоту, и где служит и по указу ль и не под запрещением ли обретається». В том же случае, когда «непосвященный действует, давно-ль в расколе и кем в расколе приведен и такой прелести научен, и для чего так дерзостно неданное ему действует, и по тем допросам, учиня обстоятельное о них следование, таких попов по обнажении священства, равно с прочими продерзатели, по содержанию прежде состоявшихся о том Его Императорскаго Величества указов, отсылать для наказания и ради ссылки на галеры к светским управлениям, а движимое и недвижимое имение их отписывать на Его императорское Величество и содержать под Синодским ведением» [16. № 4052, п. 5]. За подобные действия предусматривалось достаточно строгое наказание. Священники официальной православной церкви, если они «по раскольническому содержанию противно действовали», обычно лишались сана и подлежали церковному суду [Там же. № 4009].

Относительно совершения треб в 1722 г. Св. Синодом было постановлено: «...у записных раскольников детей крестить по православному обряду, а также при браках смешанных, когда одно лицо православное, а другое держится раскола, то последнее “да примет церкви святой общание с присягою”. А когда оба раскольники, то их брак не венчать, а брачное сопряжение их рассматривать как блудное». В данном случае целью противораскольнических законов являлось ограничение численности старообрядческих общин в пределах уже существующего поколения, чтобы *de jure* не допускать ее роста в будущем. Такая юридическая «ловушка» должна была естественным способом старообрядчество «свести на нет» с использованием уже не силовых карательных мер, а административно-правового давления. Однако *de facto* подобным планам не суждено было сбыться. Ограничительные рамки действовавшего законодательства способствовали превращению старообрядчества в православный *underground*, что в перспективе серьезно затруднило борьбу светской и церковной власти с ним.

Насчет брачно-семейных отношений старообрядцев в указе от 28 февраля 1722 г. было предписано: «...раскол держащих лиц не венчать, а если и без церковнаго венчания жить с собою станут, допросить, кто венчал, или без всякого венчания живут, и того венчавшаго взыскать к наказанию». Кроме того, «да и все венчавшиеся, яко своего обещания (которые при своем записании в явный раскол с роспискою учинили) преступники, наказанию подлежат». А если они «сами собою сожитие свое восприняли, за тое их, яко законпреступников явных, звать на суд архиерейский,

а ежели не похотят сказать, кто венчал их или без всякого венчания сжились, то взяты будут в розыск» [14. С. 402]. За исполнением этих правил власть следила очень строго.

В вину подсудимым ставилось также «необращение из раскола к православной Церкви». Судебному приговору по данной статье обычно предшествовало так называемое увещание, а только затем следовало уголовное наказание. При Петре I это была, как правило, административная ссылка, первоначально в Сибирь. Поскольку же на практике «упорное пребывание в расколе» нередко сопровождалось «потаенным расколом», постольку и наказание за это полагалось одинаковое. «В 1728 г. Раскольнической канторой, – приводит А.В. Попов характерный пример, – был препровожден в Сенат тяглец Малых Лужников, записной бородач и раскольник Андрей Емельянов за неплатеж бородачных денег в размере 355 р. 50 к. Для зарабатывания тех денег, кантора присудила его в каторжную работу. Сенат объявил ему, что, если он бороду станет брить, то его в каторжную работу не пошлют, но он брить бороду отказался. Тогда ему бороду остригли, но он и после того пребывал в своем упорстве. Сенат решил, что если отправить его на каторжную работу, то он по старости своей работать не сможет, и будет лишь напрасная трата на него казенных кормовых денег. Решено было отправить его на 2 недели в Спасский монастырь для увещаний. Пробыв 2 недели в монастыре Емельянов не обратился в православие и был предан суду (за упорство в расколе)» [Там же. С. 329]. Исследователь не указывает заключительного приговора, хотя он здесь очевиден: за упорство в расколе обычным наказанием являлась ссылка на поселение в Сибирь. Данный пример интересен тем, что в принятии решения о наказании «преступника» Сенат не только руководствовался всей «строгостью закона», согласно концепции искоренения «неудобного раскола, представлявшего собой антигосударственное зло», но исходил из элементарной экономической целесообразности, стремясь при этом извлекать «благо и пользу» для государства, пополняя ряды каторжных стра-

дальцев. В описанном выше случае «государственный преступник» избегал своей каторжной участи по причине ее нерентабельности для казны!

По верной оценке С.П. Мельгунова, «...государство Петра I тщательно охраняло чистоту и неприкосновенность господствующего вероучения и господствующей церковной организации; с такой же тщательностью искоренялось и религиозное разномыслие... которое трактовалось как проявление непокорности государственной власти» [24. С. 28]. Действительно, первый российский император прямо утверждал, что «раскольники есть лютые неприятели, государству и государю непристанно зломыслящие, а поэтому подлежат такой казни, как противники власти» [21. С. 37; 26. С. 50].

Итак, именно за период правления Петра I, в 1716–1724 гг., сформировалась система «противостарообрядческого» законодательства, жестко регламентирующая все стороны жизни «раскольников». Юридическая процедура его реализации закрепились окончательно. Главная цель государственно-конфессиональной политики в данной сфере сводилась к максимальной ликвидации старообрядчества как нежелательной социально-религиозной общности, но при этом с извлечением практической (фискальной) выгоды для имперского политического режима. Отмена смертной казни для приверженцев староверческого православия вместе с последующей частичной и формальной легализацией (вынужденная для них запись в двойной подушный оклад) являются в данном случае фрагментами законодательной многоходовой схемы. Все эти меры имели очень мало общего даже с декларируемыми государством (в основном по отношению к иностранцам) принципами веротерпимости, не говоря уже о свободе вероисповеданий. Об этом свидетельствуют появление и активное распространение в старообрядческой общественной среде известного тезиса о «зримом пришествии антихриста», увеличение числа побегов на периферию России и далеко за ее пределы, а также массовые самосожжения («гари») адептов, охватившие множество мест по всей стране.

ЛИТЕРАТУРА

- Буровский А.М. Петр Первый – проклятый император. М. : Яуза–Эксмо, 2008. 352 с.
- Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М. : Мысль, 1989. 176 с.
- Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М. : Рудомино, 2001. 880 с.
- «А мне глаголати неленостно...»: раскол и старообрядчество в современной рефлексии : сб. науч. тр. / сост. и науч. ред. И.А. Едощина. Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2012. 308 с.
- Апанасенко А.В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века. М. : Инфра-М, 2016. 397 с.
- Крамер А.В. Раскол русской Церкви в середине XVII в. СПб. : Алетей, 2014. 368 с.
- Крахмальников А.П. Сочинения староверов белокриницкого согласия (1846–62 гг.). М. : Индрик, 2012. 296 с.
- О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е.Б. Смилянкой. М. : Индрик, 2012. 472 с.
- Пути Русской Голгофы : сб. М. : Инф.-изд. отдел Московской Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви, 2013. 424 с.
- Пыжиков А.В. Грани русского раскола : заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М. : Древлехранилище, 2013. 646 с.
- Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность: сб. науч. тр. и материалов / отв. ред. и сост. С.В. Таранец. Киев, 2013. Вып. 6. 240 с.
- Таранец С.В. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII – начало XX века) / под ред. Г.В. Боряка. Киев, 2013. Т. 2. 688 с.
- Кутузов Б.П. Ошибка русского царя: византийский соблазн. М. : Алгоритм, 2008. 238 с.
- Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. 544 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (ПСЗ РИ – 1). СПб. : Напеч. в тип. II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. IV. 890 с.
- ПСЗ РИ – 1. СПб., 1830. Т. VI. 817 с.
- Собрание постановлений по части раскола, изданное Министерством внутренних дел. Лондон : Изд. В. Кельсиева, 1863. Ч. 1. 280 с.

18. ПСЗ РИ – 1. СПб., 1830. Т. V. 782 с.
19. ПСЗ РИ. – 1. СПб., 1830. Т. IX. 1016 с.
20. ПСЗ РИ. – 1. СПб., 1830. Т. VII. 933 с.
21. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян – старообрядцев в XVII в. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1974. 392 с.
22. Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2013. 336 с.
23. Романова Е.В. Массовые самосожжения в старообрядчестве (XVII–XIX века): практика и догматика : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 26 с.
24. Кауркин Р.В. Русское старообрядчество светское и церковное законодательство, XVII–XVIII вв. М., 2012. 311 с.
25. ПСЗ РИ – 1. СПб., 1830. Т. VIII. 1004 с.
26. Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М. : Наука, 1964. 167 с.

Vsevolod N. Ilyin, Altai State University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Altai Branch). (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vse-ilin@mail.ru

Vyacheslav A. Dolzhikov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dolzhikov@yandex.ru

“ANTI-RASKOL” STATE CONFESSIONAL POLICY IN RUSSIA DURING THE REIGN OF PETER I

Keywords: Raskol (Orthodox); Old Belief; Peter I; state confessional policy; imperial legislature; discrimination.

Relying on modern methodological tools, the article examines the little-studied aspects of the evolution of the Russian state-confessional policy conducted in relation to the Old Believers during the reign of Peter I. The documentary basis of the study is normative acts dispersed both in the Code of Laws of the Russian Empire and in a specialized collection of the Ministry of the Internal Affairs. The authors note that legislation that had a pronounced anti-Old Believer discriminatory orientation was developed and was in force during this period. Attracting foreign adherents of a different faith to the country, the government of Peter I allowed them to perform religious rites without obstacles according to their confessional traditions. At the same time, the state issued numerous legislative acts that subjected the dissident Russian subjects of the Empire to severe criminal punishments. The initial tactics of the state terror in relation to opponents of Nikonian church innovations, up to their extermination, did not help, however, to solve the problem of total subordination of the supporters of Orthodox traditionalism to the imperial regime. Therefore, the supreme power was forced to recognize the existence of the Old Believers de facto, legally securing them a discriminatory status and somewhat lowering the level of application of extremely cruel forms of criminal responsibility for belonging to the “split” (“raskol”). If the leaders and adherents of the Old Believers were actually outlawed until 1716, then amendments were subsequently made to imperial legislation, according to which the adherents of Old Believer Orthodoxy were exempted from criminal punishment under the condition of their “entry into the split.” On the other hand, the goal of the legislation was to drastically reduce the volume of religious and estate-civil rights of the Old Believers in order to limit their physical existence to the framework of one generation. Such a relative softening of the policy did not lead to the refusal of the authorities from the “anti-splitter” policy as a whole and from the legal recognition of Old Believers as state criminals. At the same time, their conditional legalization with double taxation allowed, firstly, to significantly replenish the state treasury. Secondly, it provided statistical accounting for the adherents of the “split” and the corresponding administrative control. True, many of the supporters of the Old Believers stubbornly avoided registering in state-owned institutions. They expressed their protest in passive forms of resistance (shoots, mass self-immolations, harboring of those persecuted for their faith, etc.). From that moment, large regional Old Believer centers began to take shape: Vetka, Vygovshchina, Nizhny Novgorod, Starodubye, etc. So, in our opinion, the maximum state-confessional political course of the Petrine era was reduced to an attempt to eliminate the Old Believers as an undesirable social and religious popular movement that resisted the imperial authorities. Moreover, discrimination of this group of the Russian population was simultaneously accompanied by the extraction of practical (fiscal) benefits in the interests of the state.

REFERENCES

1. Burovskiy, A.M. (2008) *Petr Pervyy – proklyatyy imperator* [Peter the First is the accursed emperor]. Moscow: Yauza–Eksmo.
2. Eidelman, N.Ya. (1989) *“Revolyutsiya sverkhu” v Rossii* [“Revolution from above” in Russia]. Moscow: Mysl’.
3. Billington, J. (2001) *Ikona i topor. Opyt istolkovaniya istorii russkoy kultury* [Icon and axe. The experience of interpreting the history of Russian culture]. Moscow: Rudomino.
4. Edoshina, I.A. (2012) *“A mne glagolati nelenostno...” : raskol i staroobryadchestvo v sovremennoy refleksii* [“I feel like speaking”: schism and the Old Believers in modern reflection]. Kostroma: Kostroma State University.
5. Apanasenok, A.V. (2016) *Religioznyy traditsionalizm v provintsial'noy Rossii: istoriya staroobryadcheskikh soobshchestv Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII – nachale XX veka* [Religious traditionalism in provincial Russia: the history of Old Believers' communities of the Central Black Earth Region in the 17th – early 20th century]. Moscow: Infra-M.
6. Kramer, A.V. (2014) *Raskol russkoy Tserkvi v seredine XVII v.* [The split of the Russian Church in the middle of the 17th century]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Krakhmalnikov, A.P. (2012) *Sochineniya staroverov belokrinitskogo soglasiya (1846–62 gg.)* [Works of the Old Believers of the Belokrinitsky Consent (1846–62)]. Moscow: Indrik.
8. Smilyanskaya, E.B. (ed.) (2012) *O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [About own land, own faith, present and past in Russia in the 20th – 21st centuries (to the study of biographical and religious narrative)]. Moscow: Indrik.
9. Antonov, A.V. (ed.) (2013) *Puti Russkoy Golgofy* [Ways of the Russian Golgotha]. Moscow: The Moscow Metropolis of the Russian Orthodox Old Believers Church.
10. Pyzhikov, A.V. (2013) *Grani russkogo raskola : zametki o nashey istorii ot XVII veka do 1917 goda* [The Facets of the Russian Schism: Notes on Our History from the 17th Century to 1917]. Moscow: Drevlekhranilishche.
11. Taranets, S.V. (ed.) (2013) *Sud'ba staroobryadchestva v XX – nachale XXI vv.: istoriya i sovremennost'* [The fate of the Old Believers in the 20th – early 21st centuries: history and modernity]. Kiev: [s.n.].
12. Taranets, S.V. (2013) *Staroobryadchestvo v Rossiyskoy imperii (konets XVII – nachalo XX veka)* [Old Believers in the Russian Empire (the late 17th – early 20th century)]. Vol. 2. Kyiv: [s.n.].
13. Krutuzov, B.P. (2008) *Oshibka russkogo tsarya: vizantiyskiy soblazn* [The Russian tsar's blunder: The Byzantine temptation]. Moscow: Algoritm.
14. Popov, A. (1904) *Sud i nakazaniya za prestupleniya protiv very i npravstvennosti po russkomu pravu* [Court and punishment for crimes against faith and morality according to Russian law]. Kazan: [s.n.].

15. Russia. (1830a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One]. Vol. 4. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
16. Russia. (1830b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One]. Vol. 6. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
17. Russia. Ministry of Internal Affairs. (1863) *Sobranie postanovleniy po chasti raskola, izdannoe Ministerstvom vnutrennikh del* [Collection of resolutions related to the Split, issued by the Ministry of Internal Affairs]. Vol. 1. London: V. Kelsiev.
18. Russia. (1830c) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One]. Vol. 5. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
19. Russia. (1830d) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One]. Vol. 9. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
20. Russia. (1830e) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One]. Vol. 7. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
21. Pokrovskiy, N.N. (1974) *Antifeodal'nyy protest uralo-sibirskikh krest'yan – staroobryadtsev v XVII v.* [Antifeudal protest of the Ural-Siberian peasants – Old Believers in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
22. Pulkhin, M.V. (2013) *Samosozhzheniya staroobryadtsev (seredina XVII–XIX v.)* [Self-immolation of Old Believers (mid-17th – 19th centuries)]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science.
23. Romanova, E.V. (2005) *Massovye samosozhzheniya v staroobryadchestve (XVII–XIX veka): praktika i dogmatika* [Mass self-immolation in the Old Believers (the 17th – 19th centuries): practice and dogmatics]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
24. Kaurkin, R.V. (2012) *Russkoe staroobryadchestvo svetskoe i tserkovnoe zakonodatel'stvo, XVII–XVIII vv.* [Russian Old Believers secular and ecclesiastical legislation, the 17th – 18th centuries]. Moscow: Aleteyya.
25. Russia. (1830f) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One]. Vol. 8. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
26. Grekulov, E.F. (1964) *Pravoslavnyaya inkvizitsiya v Rossii* [Orthodox Inquisition in Russia]. Moscow: Nauka.

УДК 94(470)
DOI: 10.17223/19988613/70/4

А.Н. Кежутин

БОРЬБА С СОЦИАЛЬНЫМИ БОЛЕЗНЯМИ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг.

Раскрываются условия эволюции подхода власти и медицинской общественности к венерическим болезням и туберкулезу как социально-опасным болезням рубежа 1920–1930-х гг. Источниковой базой являются архивные материалы крупнейших общероссийских и нижегородских архивов, местная периодическая печать первых пятилеток. Выявлены причины широкого распространения социальных болезней, рассмотрены предложения о способах борьбы с ними, мероприятия по их преодолению. Освещены взгляды наиболее активных представителей медицинской общественности.

Ключевые слова: Нижегородский край; социальные болезни; сифилис; туберкулез.

Современной историографии присущ устойчивый интерес к проблеме социальных девиаций российского дореволюционного и советского периодов. Об этом, в частности, свидетельствует формирование целых научных школ по изучению советской повседневности [1. С. 5–6]. Вместе с тем, вслед за Н.Б. Лебиной, необходимо признать как отсутствие единства на методологическом уровне, так и недостаточную проработку ряда важнейших проблем регионального характера. К последним относится и вопрос противоборства социальным болезням [2]. Сам термин «социальные болезни» в современной историографии, подобно понятию «повседневность», иногда имеет различное, достаточно расширительное толкование [3. С. 32–33]. Это свидетельствует о росте интереса к данной проблематике не только социальных историков, но и социологов, демографов, экономистов.

Как на общероссийском, так и на региональном уровне в центре внимания исследователей в большинстве случаев оказывается или дореволюционная эпоха, или период НЭПа, которые характеризуются всплеском социальных болезней и усилением борьбы с ними [4, 5]. Начало 1930-х гг. в обозначенных работах отмечено сворачиванием активности общественности в целом и ее борьбы с социальными болезнями в частности. Однако данный процесс не был лишен внутренних противоречий, происходил в форме перераспределения функций противоборства социальным недугам от общественности к государству и заслуживает стать предметом самостоятельного исследования и в общесоюзном, и в региональном плане.

Актуальность исследования связана с недостаточной разработанностью данной темы в историографии, а также всплеском социальных заболеваний в настоящее время. Цель работы заключается в изучении основных условий распространения венерических заболеваний и туберкулеза, направлений деятельности общественности и власти по борьбе с ними в Нижегородском крае на рубеже 1920–1930-х гг. Вышеназванная цель предполагает конкретные задачи исследования: раскрыть причины массового распространения социальных болезней на территории бывших Нижего-

родской и Вятской губерний и национальных автономий Поволжья в конце 1920-х – начале 1930-х гг.; проанализировать выработанные мероприятия и конкретные действия по борьбе с социальными болезнями на местах; оценить взаимодействие государственных органов здравоохранения с общественностью и государством; определить усилия государственных органов здравоохранения национальных регионов по излечению общества от венерических заболеваний как социальных болезней; проанализировать состояние борьбы государственных органов здравоохранения с венеризмом и туберкулезом и действенность реализованных мероприятий; выявить сущностное содержание общих результатов взаимодействия государственных органов здравоохранения и общественности на основе деятельности по борьбе с венерическими заболеваниями и туберкулезом. Новизна исследования состоит в получении новых знаний о проблеме социальных болезней в национальных регионах на рубеже 1920–1930-х гг., конкретно-исторической детерминированности, причинах широкого распространения венерических заболеваний и туберкулеза, разработанных способах борьбы с ними, проведенных мероприятиях.

Нижегородский край (с 1932 г. – Горьковский), образованный в 1929 г. на основе Нижегородской области, Чувашской АССР, Марийской и Вотской автономных областей, представлял собой достаточно неоднородный регион в плане медико-санитарного благополучия. При относительно успешном развитии медицинского обеспечения в Нижегородской области, включавшей территории бывших Нижегородской и Вятской губерний, наблюдалось очень медленное восстановление почти полностью разрушенной структуры медицинской помощи в национальных автономиях.

Несмотря на это, в рассматриваемый период партий и правительством регулярно ставились все новые перспективные задачи в сфере здравоохранения, явно опережавшие его фактическое развитие. Окончание борьбы с массовыми эпидемиями к середине 1920-х гг. ознаменовало перенесение основных усилий на искоренение социальных болезней (в первую очередь сифилиса и туберкулеза). Традиционно наиболее тяжелая

ситуация по распространенности социальных недугов в Нижегородском крае складывалась в Марийской и Вотской автономных областях. Положение усугублялось последствиями военного времени, голода, хозяйственной разрухи. В Центральной коллегии Российского общества Красного Креста констатировали: «Обе области делают попытку собственными силами наладить работу диспансеров, но средства их так незначительны, что нельзя рассчитывать на развертывание работы...» [6. Л. 11].

Другая трудность состояла в повышении общего уровня социального благополучия, культуры и санитарной грамотности. В связи с этим в центральных органах медицинского управления возникали опасения относительно возможности справиться с социальными болезнями на местах собственными средствами: «...благодаря общей культурной отсталости не могут самостоятельно бороться с такими заболеваниями, как туберкулез, требующим прежде всего чистоты, ухода, санитарной гигиены, социальной помощи населению» [Там же. Л. 13]. Определенную негативную роль играло массовое пьянство. Органами госбезопасности в 1920-х гг. составлялись отчеты о развитии самогонварения и пьянства в различных регионах страны. В отчете за 1923 г. указывалось: «В Марийской области ежедневно потребляется 400 пудов хлеба, и пьянство здесь обостряет существующий продовольственный кризис» [7. Л. 85].

На протяжении 1920-х гг. недостаток финансовых, материальных, кадровых и организационных ресурсов не позволял осуществлять успешную борьбу с социальными болезнями не только в национальных районах, но даже в относительно благополучных населенных пунктах Нижегородской области. Кампании, периодически проводившиеся в виде туберкулезных трехдневников, недель по борьбе с венеризмом и проституцией, публичных лекций, демонстраций, кружечных сборов общественных средств на устройство специальных диспансеров, санаториев, столовых и иных учреждений, вызывали определенный отклик у населения, способствовали вынесению обсуждения проблемы на властный уровень, но приносили немного практической пользы, кардинально не меняли положения дел к лучшему. Так, к 1930 г. в ряде деревень Нижегородской области до 90% населения было заражено бытовым сифилисом [8. Л. 21].

Упрочение социально-экономического положения государства к началу 1930-х гг. позволило перейти к разработке и осуществлению планов первых пятилеток, а также перестроить всю работу отечественного здравоохранения также в соответствии с пятилетними планами. Важная роль в них отводилась борьбе с социальными болезнями. Так, план развития здравоохранения в Марийской автономии, признавая «отсталость области по сравнению с другими районами», предусматривал увеличение в два раза числа венерологических диспансеров и отрядов, коек в туберкулезных диспансерах, открытие новых венерологических и туберкулезных пунктов [9].

Причинами успеха противодействия социальным болезням стали: целенаправленная государственная

политика в сфере здравоохранения и социального обеспечения, направленная на развитие сети лечебных и профилактических учреждений; реформирование системы правового регулирования; широкая поддержка общественности, зачастую выступавшей инициатором преобразований; сочетание борьбы с социальными болезнями с искоренением иных социальных проблем – неграмотности, запущенности жилищ, антисанитарии на производстве; расширение сети учебных заведений, подготовка значительного числа врачей-специалистов, в первую очередь в национальных регионах.

Во-первых, Нижегородский край в 1930-е гг. являлся одним из передовых субъектов РСФСР по темпам количественного прироста лечебных и профилактических учреждений, санаторных заведений и коек в них. В Нижегородской области появились туберкулезные диспансеры в самом Нижнем Новгороде и городах Канавино, Сормово, Выкса и Арзамас. В Чувашской АССР в исследуемый период открылись специальные туберкулезные кабинеты при больницах в Чебоксарах и Ядрине, кожно-венерологические диспансеры со стационарами в Цивильске и Алатыре, венерологические пункты в Канаше, Ядрине и Батыреве, отделения в Чебоксарской, Маринско-Посадской и Ядринской больницах, а также в селах Акрамове, Порецком, Б.-Сундыре [10. С. 63]. В Марийской области были созданы два туберкулезных и венерологический диспансер в Йошкар-Оле и венерологические точки в Козьмодемьянском, Оршанском и Сернурском районах.

Во-вторых, реформирование системы правового регулирования на протяжении исследуемого периода было направлено на устранение дисбаланса в оказании медицинской помощи различным группам населения. Решение данной проблемы было закреплено в Конституции СССР 1936 г., которая установила юридическое равенство всех перед законом, в том числе в сфере здравоохранения [11. Ст. 120]. С одной стороны, это означало отход от политики правовых ограничений на получение социальных благ со стороны государства лицами, ранее считавшимися представителями «бывших» социальных групп. С другой стороны, это был шаг в продолжение политики приближения медицинской помощи к работникам предприятий, проведение которой связано с принятием Постановления ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» от 18 декабря 1929 г.

В-третьих, широкая поддержка общественности, зачастую выступавшей инициатором преобразований в медицинской сфере, стала залогом успеха в преодолении социальных болезней. Важнейшую роль в данном аспекте играла ориентированность государственных и партийных органов на общественный диалог, вовлечение широких масс городского рабочего и крестьянского населения не только в эпизодические кампании по борьбе с пьянством, алкоголизмом, венеризмом, проституцией, детской смертностью и др. [12], но и на постоянную совместную работу с региональными и местными отделениями Российского общества Красного Креста, профессиональных союзов, женских отделов. Существенную поддержку общественность по-

лучала от подразделений отделов здравоохранения республиканских советов.

В-четвертых, успешное завершение борьбы с социальными болезнями стало возможным после снижения остроты иных застарелых проблем – повышения уровня грамотности, установления санитарного надзора в жилищной сфере и на производстве. Как известно, до революционных преобразований доля грамотных в населении Европейской части России составляла около 30%. В то же время среди чувашей около 18% мужчин и 4% женщин были грамотными, только 0,5% грамотных чувашей имели образование выше начального [13. С. 236]. В среде Марийского населения показатели были аналогичными. К концу рассматриваемого периода ситуация значительно улучшилась, доля неграмотных не превышала трети населения национальных регионов. Одним из важнейших результатов данной политики стало повышение уровня общей и санитарной грамотности, что положительно повлияло на сокращение темпов распространения социальных болезней. К началу 1930-х гг. удалось наладить эффективную деятельность санитарного надзора на промышленных предприятиях. Крупнейшими промышленными центрами Нижегородского края были Нижний Новгород и Ижевск, которые также были лидерами по объему финансовых затрат на социальное страхование рабочих, создание безопасных условий труда. Важнейшим событием в данной сфере стало утверждение на заводах новой постоянной службы – специальных отделов охраны труда и техники безопасности – и разработка нормативной базы для их успешной работы на основе типового «Положения об отделе техники безопасности и промышленной санитарии на предприятиях» от 16 января 1933 г. [14. С. 57].

В-пятых, создание сети самостоятельных медицинских институтов в начале 1930-х гг. вместо разрозненных медицинских факультетов небольшого числа классических университетов позволило вплотную подойти к широкой подготовке врачей-специалистов, фтизиатров, венерологов и наркологов как главных проводников и практических реализаторов идей широкого санитарного просвещения и массового вовлечения населения в борьбу с социальными болезнями. Приток национальных кадров в медицинские вузы Нижнего Новгорода, Ижевска, Казани стал возможен в результате проведения политики ликвидации неграмотности и повышенного внимания власти и общественности к особенностям национального строительства [15. С. 5–6]. Также большая работа была проведена по переподготовке и повышению квалификации специалистов с высшим медицинским образованием.

Вместе с тем проведение в жизнь плановых мероприятий выявило ряд новых препятствий. Там, где не особенно остро ощущался недостаток ресурсов, проблемой становилось их нерациональное и неэффективное использование. Анализируя выполнение планов в Чувашии, врач И. Абрамов отмечал: «...система здравоохранения Чувашии далеко не использовала те возможности, какие предоставлены ей партией и советской властью для улучшения дела здравоохранения» [16. С. 112]. Основными причинами, по мнению

медика, выступали негибкость системы здравоохранения, отсутствие должного руководства со стороны Наркомздрава, левацкое настроение об отмирании врача. Результатами становились массовая заболеваемость, низкое качество обслуживания в медицинских учреждениях, неиспользование сметных ассигнований и недостаточная реализация ведомственных постановлений [Там же].

Наряду с этим плановость развития позволила перенести борьбу с социальными болезнями из области частной инициативы и благотворительности в сферу государственной ответственности, обеспечить ее количественный и качественный рост. Врач Н.Ф. Лопатин, анализируя результаты первой пятилетки в Марий Эл, писал: «Благодаря быстрому росту хозяйства и культуры МАО созданы все необходимые предпосылки для успешной борьбы с социальными болезнями» [17. С. 48]. Возможности получить медицинскую помощь в национальных регионах были достаточно расширены путем строительства новых венерологических и туберкулезных диспансеров, амбулаторий, постоянным увеличением количества коек в них, а также организацией курортов. Государственное содействие позволило активизировать свою деятельность крупнейшей в стране общественно-медицинской организации – Российскому обществу Красного Креста, получившему доступ к проведению широкого спектра профилактических мероприятий в организациях, учреждениях, на предприятиях и на транспорте [18. Л. 90].

С другой стороны, итоги борьбы с социальными болезнями отличались крайней неравномерностью в зависимости от изначального уровня развития медицинской организации на местах. В то время как в Горьковской области к 1936 г. имелось 78 здравпунктов, в Марий Эл – 13, в Удмуртии – 6, в Чувашии – только 5 [19. Л. 47]. Стационарных туберкулезных и венерологических коек в Горьковской области было соответственно 187 и 225, в Удмуртии – 27 и 147, в Марий Эл – 22 и 57, в Чувашии – 20 и 50 [Там же. Л. 44]. Окончательное преодоление массовости социальных болезней предполагало целенаправленную совместную работу государственных и общественных организаций под руководством первых. Перелом в противоборстве народным недугам в Нижегородском крае, как и в других центральных регионах страны, был достигнут лишь во второй половине 1930-х гг. [20. Л. 72]. Однако деятельность по снижению их показателей до социально допустимого уровня растянулась еще на два десятилетия из-за событий Великой Отечественной войны и послевоенного времени.

Таким образом, борьба с социальными болезнями в Нижегородском крае, преодолев в 1920-е гг. период общественной «кампанейщины», вступила на рубеже 1920–1930-х гг. в стадию планомерного развития. Данный процесс протекал неравномерно, наиболее быстро в Нижегородской и Кировской областях и медленно – в Марийской и Вотской национальных автономиях. Внутреннее противоречие заключалось в нежелании власти учитывать низкий культурно-бытовой и санитарный уровень основной части населения края, острую недостаточность всех видов ресур-

сов, необходимых для реализации грандиозных планов, выполнявших в исследуемый период скорее роль

ориентиров на будущее, чем реальных программ деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 488 с.
2. Грехов А.В., Кежутин А.Н. Понятие «социальная болезнь» в междисциплинарном контексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 134–137.
3. Рывкина И.В. Социальные болезни современной России: публицистическое исследование. М., 2011. 244 с.
4. Ерендеева А.Н. Медицинские учреждения Самарской губернии в противодействии социальным болезням в годы НЭПа: 1921–1929: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00. Саратов, 2013. 23 с.
5. Кежутин А.Н. Борьба медицинской общественности с социальными болезнями в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (на материалах общероссийской периодики): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Н. Новгород, 2013. 231 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3341. Оп. 6. Д. 195.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 41.
8. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 2256.
9. Контрольные цифры строительства хозяйства и культуры МАО на 1929–30 г. Здравоохранение // Марий Эл. 1929. № 10. С. 44–45.
10. Кежутин А.Н. Реформирование отечественного здравоохранения в 1920–1930-е годы на примере Чувашской АССР (критика историографических источников) // Исторический поиск. 2020. Т. 1, № 3. С. 62–67. DOI: 10.47026/2712-9454-2020-1-3-62-67.
11. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: с изм. и доп., принятыми Верховным Советом СССР 25 февраля 1947 г. по докладу Редакционной комиссии. Горький: ОГИЗ, 1947. 32 с.
12. Кежутин А.Н. Отечественная медицинская общественность vs социальные болезни (конец XIX – первая четверть XX вв.). Н. Новгород: Изд-во ПИМУ, 2019. 220 с.
13. Краткая история Чувашии и чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2019. 446 с.
14. Кежутин А.Н. Охрана труда на заводах Приокского горного округа в 1920–1935 гг.: от общественных инициатив к государственному регулированию // Общество: философия, история, культура. 2020. № 2. С. 54–57.
15. Латыпов Х.Н. Здравоохранение Татарской АССР к XX-летию ее существования // Казанский медицинский журнал. 1940. № 3. С. 3–6.
16. Абрамов И. Состояние здравоохранения Чувашии и его дальнейшие задачи // Социалистическое строительство Ч.А.С.С.Р. 1934. № 3. С. 111–117.
17. Лопатин Н.Ф. План здравоохранения МАО во втором пятилетии // МАО (Марийская автономная область). 1933. № 1. С. 45–67.
18. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 513.
19. ГАРФ. Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 53.
20. ЦАНО. Ф. Р-2533. Оп. 7. Д. 23.

Andrej N. Kezhutin, Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kezhutin@rambler.ru

THE FIGHT AGAINST SOCIAL DISEASES IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION AT THE TURN OF THE 1920–1930s

Keywords: Nizhny Novgorod Governorate; social illness; syphilis; tuberculosis.

The subject of research is the position of the Nizhny Novgorod doctors and public figures in relation to syphilis and tuberculosis as a socially-dangerous diseases of the turn of 1920-1930s. The significance of the research is connected with insufficient development of this topic in the historiography. The article considers social and scientific approaches of Nizhny Novgorod doctors to the development of a set of measures to combat social diseases by determining the causes of their mass distribution, and implementation of such measures in practice. The views of the most active representatives of the Nizhny Novgorod public are highlighted. After the First World War and the Civil War, the Nizhny Novgorod region, formed on the basis of the Nizhny Novgorod Governorate, the Chuvash ASSR, the Mari and Votan Autonomous regions, was one of the most unfavourable in terms of health, the situation remained difficult during the New economic policy period. The article notes that this problem was of concern not only to doctors, but also to society as a whole. In this regard, various social forces are involved in the fight against social diseases. Their activity was rather successful, but gradually came to naught by the beginning of the 1930s. The author reveals the main approaches to the consideration of the problem of mass social diseases associated with the processes of socio-economic development of society and the difficulties of the transition period. Analyses of the place and role in the process of public events is made: tuberculosis three-days events ('trekh dnevniki'), anti STD and prostitution weeks, public lectures, demonstrations, as well as the state planning measures to eradicate social ills. A comparative analysis of the main causes of social diseases is carried out. The source base consists of archival materials of the largest all-Russian and Nizhny Novgorod archives, local periodicals of the first five years period. The research is based on the principles of historicism, scientific objectivity and determinism. The methods of analysis, synthesis, comparative-historical, chronological were used. The novelty of the study is to obtain new knowledge about the social essence, specific historical determinism, and the causes of widespread social diseases, as well as about the suggestions of public figures on ways to combat them, the activities carried out. For the first time the views of the most active representatives of the Nizhny Novgorod public on the problem are presented, data on the state of health of national regions are introduced into scientific circulation. The author came to the conclusion that it is necessary to consider the fight against social diseases in the years of the New economic policy period as a result of checking the pre-revolutionary concept in the new conditions of maximum favouring by the government and the public.

REFERENCES

1. Lebina, N.B. (2016) *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stil'yu* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to Big Style]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Grekhov, A.V. & Kezhutin, A.N. (2014) *Ponyatie "sotsial'naya bolezn'" v mezhdistsiplinarnom kontekste* [The concept of "social disease" in an interdisciplinary context]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nye nauki - Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. 2(34). pp. 134–137.
3. Ryvkin, I.V. (2011) *Sotsial'nye bolezni sovremennoy Rossii: publitsisticheskoe issledovanie* [Social diseases of modern Russia: a publicistic research]. Moscow: [s.n.].

4. Ereendeveva, A.N. (2013) *Meditsinskie uchrezhdeniya Samarskoy gubernii v protivodeystvii sotsial'nym bolezniam v gody NEPa: 1921–1929* [Medical institutions of the Samara province in countering social diseases during the NEP: 1921–1929]. Abstract of History Cand. Diss. Saratov.
5. Kezhutin, A.N. (2013) *Bor'ba meditsinskoy obshchestvennosti s sotsial'nymi bolezniami v Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX–XX vv. (na materialakh obshcherossiyskoy meditsinskoy periodiki)* [The fight of the medical community against social diseases in the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on the materials of the All-Russian medical periodicals)]. History Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
6. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-3341. List 6. File 195.
7. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund R-151. List 1. File 41.
8. The Central Archive of Nizhny Novgorod Region (TsANO). Fund R-102. List 1. File 2256.
9. Anon. (1929) Kontrol'nye tsifry stroitel'stva khozyaystva i kul'tury MAO na 1929–30 g. Zdravookhranenie [Control figures for the construction of the economy and culture of the MAO for 1929–30]. *Mariy El.* 10. S. 44–45.
10. Kezhutin, A.N. (2020) Reforming domestic health care in the 1920–1930s on the example of the Chuvash ASSR (criticism of historiographical sources). *Istoricheskiy poisk – Historical Search.* 1(3). pp. 62–67. (In Russian). DOI: 10.47026/2712-9454-2020-1-3-62-67.
11. USSR. (1947) *Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik : s izm. i dop., prinyatymi Verkhovnym Sovetom SSSR 25 fevralya 1947 g. po dokladu Redaktsionnoy komissii* [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: as amended, adopted by the Supreme Soviet of the USSR on February 25, 1947, according to the report of the Editorial Commission]. Gorky: OGIZ.
12. Kezhutin, A.N. (2019) *Otechestvennaya meditsinskaya obshchestvennost' vs sotsial'nye bolezni (konets XIX – pervaya chetvert' XX vv.)* [Russian medical community vs social diseases (the late 19th – first quarter of the 20th centuries)]. Nizhny Novgorod: PIMU.
13. Basmantsev, D.V. et al. (2019) *Kratkaya istoriya Chuvashii i chuvashskogo naroda* [A brief history of Chuvashia and the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo.
14. Kezhutin, A.N. (2020) Okhrana truda na zavodakh Priokskogo gornogo okruga v 1920–1935 gg.: ot obshchestvennykh initsiativ k gosudarstvennomu regulirovaniyu [Labor protection at the factories of the Prioksky Mining District in 1920–1935: from public initiatives to state regulation]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture.* 2. pp. 54–57.
15. Latypov, Kh.N. (1940) Zdravookhranenie Tatarskoy ASSR k XX-letiyu ee sushchestvovaniya [Health care of the Tatar ASSR on the 20th anniversary of its existence]. *Kazanskiy meditsinskiy zhurnal – Kazan Medical Journal.* 3. pp. 3–6.
16. Abramov, I. (1934) Sostoyanie zdravookhraneniya Chuvashii i ego dal'neyshie zadachi [The state of health care in Chuvashia and its further tasks]. *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo Ch.A.S.S.R.* 3. pp. 111–117.
17. Lopatin, N.F. (1933) Plan zdravookhraneniya MAO vo vtorom pyatiletii [Health plan of the MAO in the second five years]. *MAO (Mariyskaya avtonomnaya oblast').* 1. pp. 45–67.
18. The State Social and Political Archive of Nizhny Novgorod Region (GOPA NO). Fund R-2. List 1. File 513.
19. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-9226. List 1. File 53.
20. The Central Archive of Nizhny Novgorod Region (TsANO). Fund R-2533. List 7. File 23.

В.В. Менщиков, И.С. Менщиков

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Рассматриваются теоретические проблемы определения аутентичных территориальных рамок исторических исследований. В качестве иллюстрации используется фактический материал по истории Западной Сибири и Зауралья в период русской колонизации в XVII–XX вв. Делается вывод об операциональном характере используемых в исторических исследованиях территориальных рамок. Рассмотрение в качестве примера Зауралья с его семантической неопределенностью при использовании соответствующих теоретических подходов тем не менее даст вполне удовлетворительный позитивный результат, позволяя частично преодолеть изначально указанную неопределенность.

Ключевые слова: историко-географическое районирование; исторический регион; Западная Сибирь; Зауралье.

Определить, что такое исторический регион, не так просто, как кажется. Проблема эта не представляет больших трудностей для географа, поскольку он понимает, что любой регион имеет достаточно условные границы, так же как и любой образованный историк понимает условность всякой периодизации. Проводить границы по земле немногим легче, чем проводить их во времени. К сожалению, многие историки, определяя географические рамки своего исследования, зачастую подходят к этому механистически, руководствуясь, прежде всего, административными границами. Поэтому необходимо сказать несколько слов о том, что такое локальная история и каковы территориальные границы локальных общностей.

Выделение региона, в географических пределах которого будет осуществляться историческое исследование, представляет для историка такую же трудность, как определение хронологических границ. Эта трудность имеет два аспекта – теоретический и практический.

На теоретическом уровне необходимо определить, какой именно исторический регион следует изучать и почему именно этот. Так, например, если необходимо исследовать генезис феодализма в Европе, то выбор надо остановить на Франции, а не на России или Польше, поскольку именно французский феодализм является типичным и был во многом предметом подражания и заимствования.

Практический аспект состоит в определении конкретных границ исторического региона. Границы на протяжении веков менялись, центры становились перифериями, и наоборот. Зачастую возникает соблазн взять в качестве исследования те административные границы, которые существовали на период изучения. Иногда это оправдано, поскольку статистические и иные данные, как правило, сгруппированы именно по такому региональному признаку. Кроме того, в архивах документы также зачастую сгруппированы по территориальному признаку. Однако существует одна опасность. В рамках одного региона не всегда присутствует в равной мере то, что мы изучаем. Например, имея дело с историей Тобольской губернии, следует помнить, что она была одной из крупнейших в Россий-

ской империи. При этом практически не освоенный русскими север губернии сильно отличался от аграрного юга. При изучении таких проблем, как медицина, образование, культурно-бытовые традиции и т.д., надо принять во внимание, что в качестве географической составляющей предмета исследования часто не имеет смысла брать всю губернию, если фактически рассматриваются только ее южные (или северные) уезды.

Подобные же проблемы могут возникнуть и при изучении других регионов. Скажем, границы средневековой Франции были весьма размыты и совсем не совпадают с ее нынешними рубежами. Здесь большую помощь могут оказать историческая география, знание естественных границ региона, ареала расселения той или иной этнической группы.

До известной степени нашим европейским коллегам-историкам повезло. Работая с региональной историей, они имеют дело с исторически сложившимися областями, как, например, Бургундия во Франции, Тоскана в Италии или Швабия в Германии. Здесь стоит отметить, что в немецкой исторической географии еще в конце XIX в. заметным влиянием пользовалось учение Карла Риттера, которое находилось под заметным влиянием романтического идеализма. Для Риттера и его последователей регионы были почти мистической реальностью, особыми индивидуальностями, созданными Творцом и данными человеку, чтобы тот обжил их в соответствии с божественным предназначением. Такие регионы существуют сами по себе и не зависят от точки зрения историка или географа [1. С. 46, 51, 55]. Подобные представления не получили широкого распространения и вскоре стали достоянием истории науки.

В таком случае, даже имея дело с исторически сложившимися областями, необходимо установить, насколько их пределы подходят для изучения историка. Это необходимо в связи с тем, что исторические области неравноценны с исторической точки зрения по таким категориям, как население, площадь, исторические события и сохранившиеся источники. В этом смысле более походит термин «исторический регион», тем более что он может быть не привязан к границам исторической области. Кроме того, административные

единицы не всегда совпадали с границами исторических областей. Наряду с этим стоит отметить, что многие документы нового и новейшего времени (в особенности статистические) охватывают именно эти административные, а не исторические области.

Практически все географы согласны с тем, что регион – понятие субъективное, которое выделяется исследователем по своему усмотрению. Это, однако, не приводит к субъективизму в географии. Это лишь означает, что географ сам определять для себя точки, по которым пройдут границы региона в соответствии с поставленными им целями [1. С. 45–46]. Сходным образом следует поступать и историку.

Во французской историографии, где хорошо разработана теория локальной истории, есть несколько подходов к делению пространства. Один из самых простых предложил признанный мэтр французской локалистики Э. Ле Руа Ладюри. Он высказал мнение, что в качестве основных единиц-регионов нужно рассматривать исторические провинции, такие как, к примеру, Бретань во Франции. Вместе с тем в основу определения регионов легли и этнические составляющие. Правда, для Франции этнические границы и границы исторических областей зачастую совпадают. Во всяком случае, эта точка зрения справедлива, по мнению Ле Руа Ладюри, для этнических меньшинств (эльзасцы, бретонцы, руссильонцы и т.д.). Таким образом, история региона связана с историей населяющего его народа (в этнологическом смысле этого слова), который, хотя и подвергся ассимиляции и в чистом виде этносом считаться уже не может, тем не менее сохранил черты самобытности [2. С. 9–16]. Применительно к России, надо признать, этот подход годится только для ее европейской части, да и то с известными оговорками: а существуют ли в России такие же исторические провинции, как во Франции или Италии? Принимая во внимание административно-территориальную чехарду, характерную для России последние шестьсот лет, – завоевания, сокращение, а затем резкое увеличение территории, – ответ на этот вопрос, по всей видимости, будет отрицательным. Едва ли мы найдем на территории, заселенной ныне русскими, исторические провинции, аналогичные Шампани или Бургундии во Франции либо Пьемонту или Тоскане в Италии.

Другой подход к решению данной проблемы предлагает не менее крупный французский историк Ф. Бродель. В качестве наименьшей единицы (региона), на которые распадается государственная территория, он рассматривает «землю» (*paus*), т.е. город и его окрестности, центром притяжения которых он выступает. Таковы, к примеру, город Бове и «страна», или «земля», Бовези [3. С. 18–36, 135]. Данный подход представляется более подходящим для выделения регионов в России. В самом деле, относительно небольшие средневековые русские княжества группировались вокруг городов-центров (Ярославское, Владимиро-Суздальское и т.д.) Однако централизованное государство нередко нарушало такие целостности, как умышленно, так и для удобства управления.

Намного более сложная ситуация предстает в восточных регионах страны, таких как Урал, Сибирь и т.п.,

где плотность населения была невелика и существовало смешение территориально-административных единиц и мест проживания различных этносов или различных систем хозяйствования. До включения этих земель в состав Русского государства они входили в состав Сибирского ханства, границы которого тоже не отличались стабильностью. В его рамках существовали территории, занятые различными кланами и племенами. После того как Западная Сибирь вошла в состав Московского царства, территориальное деление подчинялось военным и административным нуждам. Это породило территориальную нестабильность региона, которая особенно характерна для XVIII в., когда административные границы разного рода территорий (губернии, провинции, дистрикты и т.п.) менялись очень быстро во всей России. Стабильность наступила только после реформ Екатерины II в 70–80-е гг. XVIII в. Применительно к Западной Сибири в 1781–1783 гг. эти мероприятия правительства вылились в создание Пермского и Тобольского наместничеств. В состав первого вошли зауральские уезды: Камышловский, Верхотурский, Шадринский и Ирбитский [4. С. 69]. Второе включало в себя почти всю территорию Сибирской губернии и состояло из Томской и Тобольской областей, которые впоследствии стали губерниями. После этого значительных территориальных изменений западносибирский регион не претерпел. Менялись в основном названия административных единиц: уезды становились округами, затем снова уездами.

Такие административные перемены создают большие трудности для исследователей истории Западной Сибири. Это связано не только с тем, что административное устройство региона в дореволюционной России не совпадает с современным, но и с тем, что существует опасность выбрать в качестве исследования административную единицу XVIII–XIX вв. В тех случаях, когда это продиктовано предметом исследования (администрация, налоги, суд), такой подход вполне уместен, но как поступить, если рассматриваются торговля, история повседневности, культура и т.д.?

Самое простое – пойти по пути выделения исторического региона в рамках территориально-административной единицы (губерния, уезд, в советское время – область). На данный путь подталкивает и источниковая база, коль скоро скоро статистика и делопроизводство присутствуют именно по отдельной губернии или уезду. Но что даст такой подход применительно, скажем, к Тобольской губернии, которая была едва ли не самой большой в Российской империи? Тем не менее существует немало исследований, посвященных образованию, грамотности, медицине, промышленности и сельскому хозяйству этой территории. Зачастую исследователи охватывают лишь 3–4 южных округа / уезда. Если речь идет о Пермской губернии, то довольно трудно сопоставить ее предуральскую, уральскую и зауральскую части, как это видно хотя бы на примере знаменитого обзора данной губернии, составленного Х. Мозелем. Здесь и районы вокруг самой Перми, и северные земли, заселенные коми-пермяками (зырянами), и горнозаводской Урал, и зауральские уезды, более близкие по хозяйственно-экономичес-

кому укладу к округам Тобольской губернии (Шадринский, Камышловский и др.) [5].

Более продуктивным представляется в этой связи комплексный подход к выделению региона. Он предполагает несколько параметров, связанных между собой. Конечно, нельзя исключать административно-территориального деления, тем более что источники формировались чаще всего именно по этому признаку. Не менее важен географический фактор, поскольку природная среда оказывает существенное влияние на культурную, хозяйственную и иные сферы деятельности. Это обстоятельство надо учитывать, когда речь идет, допустим, о горных и равнинных уездах Пермской губернии или Барабинской степи и Тарском округе / уезде. Кроме того, необходимо учитывать тип хозяйственной деятельности. Так, к северу от Тобольского уезда преобладало присваивающее хозяйство, в то время как к югу было чрезвычайно развито земледелие, а на юго-востоке – кочевое скотоводство.

Наконец, нельзя отбрасывать этнический фактор при определении исследуемого региона. Для Урала и Сибири характерно компактное проживание отдельных этнических групп, поэтому, определяя территориальные рамки исследования, необходимо помнить, что на таких территориях могли быть принципиально иные формы культуры и хозяйственной деятельности. В этой связи достаточно интересным представляется подход, предложенный О.Г. Завьяловой [6], которая выделяет указанные составляющие при определении границ регионов и более мелких территориально-географических единиц, а также приводит иные, на наш взгляд, менее важные для историка.

Каковы же должны быть подходы к определению исторического региона и как подходить к определению его границ? Прежде всего, по нашему мнению, следует четко понять, что исторический регион – мысленный конструкт. Как, к примеру, определить, где заканчивается Урал и начинается Сибирь? Определение границ с учетом лишь административных рубежей затемнит проблему, как это было показано выше на примере Тобольской губернии. В основу выделения региона должны быть положены исторические реалии, а не исторические границы. В этом случае следует, на наш взгляд, учитывать административно-территориальное деление, природные ландшафты (таежная часть Тобольской губернии резко отличается от лесостепной), этнический состав населения, его хозяйственные занятия. Это позволит более объективно посмотреть на прошлое региона, избавит от необходимости загонять исследователя и исследование в Прокрустово ложе современных представлений о том, как сейчас выделяется этот регион.

Постараемся применить означенные нами выше принципы при определении конкретного исторического региона, а именно Зауралья. Как совершенно справедливо отмечает Д.Н. Замятин, «сама специфика освоения пространств России привела к слабой структурированности ее регионов и неоднозначности различного рода геоэкономических границ» [7. С. 167]. Именно вследствие этого в отечественной традиции принято оперировать такими семантически размыты-

ми понятиями, как Зауралье, Забайкалье и т.п. «Нечеткость границ геоэкономических пространств способствует выделению своеобразных геоэкономических образов, которые выступают в данном случае как их устойчивые ядра» [Там же]. Поэтому оказывается легче выявить основное ядро региона, чем определить его конкретные границы. Большая часть российских историко-географических областей осознаются как ярко выраженные ядра с весьма расплывчатой периферией – Прикамье, Приобье, Приамурье, Поволжье (территории вдоль соответствующей реки), Предуралье, Забайкалье, Зауралье, Приморье (территории, прилегающие к горам или крупным водным объектам) и т.п. Но где границы всех перечисленных территорий, где, например, заканчивается Зауралье и начинается Западная Сибирь, оказывается, определить очень сложно.

Ойконим «Зауралье» начинает устойчиво употребляться с первой половины XIX в. и первоначально, как известно, обозначал восточные сельскохозяйственные уезды Пермской губернии, в каком-то смысле выступающая пространственно-смысловой оппозицией территории горнозаводского Урала. Однако ни в это время, ни значительно позже (на рубеже XIX–XX вв., в первой половине XX в.) он широкого распространения не получил. С большим трудом этот ойконим можно найти в литературе того времени. Своеобразный ренессанс произошел во второй половине XX в. «Зауралье» оказалось «присвоено» Курганской областью, возникшей в 1943 г. Но по-настоящему этот термин стал ассоциироваться с данной областью лишь с 1990-х гг. Еще в советское время главная областная газета получила название «Советское Зауралье», так же называлось и ведущее издательство. На рубеже 1950–1960-х гг. курганский историк А.А. Кондрашенков вводит термин «Зауралье» в научные исторические тексты. В новейшее время производные от этого наименования стали возникать повсеместно, приобретая институциональный статус. Главная информационная программа – «Вести Зауралья», газеты «Зауралье», «Зауральский курьер», издательство «Зауралье», Зауральский отдел Русского географического общества, курганский ЦУМ был переименован в «Зауральский торговый дом», многочисленные коммерческие организации – банк «Зауральский бизнес», «Зауралинвест» и т.д.

В дальнейшем необходимо выяснить, какую роль в этом сыграли интеллектуальные сообщества, насколько целенаправленно и с какой степенью осознанности проходил процесс присвоения этого ойконима. Но именно с начала 1990-х гг. курганские историки начали целую серию исследований, в которых «Южное Зауралье» и «Зауралье» стали основными территориальными единицами научных изысканий [8–10]. Это, по всей видимости, было связано с общей атмосферой усиления центробежных политических сил после распада Советского Союза, углубления процесса регионализации, порой переходящего в скрытый или даже открытый сепаратизм отдельных регионов России. В некоторых субъектах федерации эти умонастроения приобретали специфический вид поиска, а затем и символического присвоения дополнительного наименования, имевшего глубокие исторические корни, что

и приводило к его институализации. Нечто похожее произошло с еще одним регионом – Ханты-Мансийским автономным округом. Он имеет второе, практически официальное, наименование – Югра. Однако с исторической точки зрения не меньше прав на это имеют и Ямало-Ненецкий автономный округ, и территории Предуралья [11].

В массовом сознании сегодня «Зауралье» практически совпадает с Курганской областью, территориальное содержание историко-географического района (региона) в данном случае тождественно административно-территориальной единице, границы которой всегда довольно условны и имеют особенность постоянно перекраиваться. В научных текстах, конечно, такого отождествления не происходило. В большинстве случаев территория региона описывалась как частично или в основном совпадающая с границами современной Курганской области. Но именно в этом постоянном упоминании границ современной области в исследованиях, посвященных истории XVII – начала XX в., когда этой административной единицы и в помине не было, ярко проявляется обратное воздействие массового сознания на научное. Современные территориальные рамки «опрокидываются» в прошлое, когда их не существовало, что создает сложно преодолимый соблазн подбора «нужного» фактического материала. Это своеобразный ретроспективный презентизм. Ведь если сегодня существует область с конкретными границами, то должно и что-то быть в прошлом, что являлось некоторым прообразом или истоками ее современного состояния. Вроде бы логично, но именно здесь кроется возможная интеллектуальная ловушка исторического обоснования региональной идентичности, о которой пишет американский историк А. Мегилл: «...формирующая идентичность история имеет дело только с тем, что она понимает как “нашу” идентичность» [12. С. 447], а затем предупреждает о том, что в итоге создается ложное впечатление: «...поскольку история пошла именно по этому пути, мы склонны думать, что другого пути не было» [Там же. С. 449].

Все вышесказанное, конечно же, не отменяет возможность использовать современные понятия (в том числе территориальные) при описании прошлого, когда этих понятий не существовало. Но их использование должно подчиняться строгим правилам. В частности, они (понятия) должны носить операциональный характер, и мы всегда должны помнить об опасности реификации, т.е. придания онтологического (бытийного) статуса этим идеальным конструктам.

Определить конкретное пространственное содержание и территориальные рамки ойконима «Зауралье» довольно сложно, что связано с его изначальной семантической неопределенностью. В буквальном смысле этого слова – это все, что находится за Уралом. Кстати, отметим в этом примере словообразования элемент русского исторического самосознания, а именно представление об основной пространственной направленности роста территории Российского государства с запада на восток. Но в известном смысле конвенционально сложилось представление о Зауралье

как о территории, непосредственно прилегающей с востока к Уральским горам. Если западная граница этой территории и, в меньшей степени, южная достаточно легко локализуются, то северная и восточная остаются неопределенными. В исторических исследованиях, сделанных в рамках традиционных для отечественной историографии подходов, эту проблему не удалось разрешить. Использование для задач историко-географического районирования административно-территориальных границ (Зауралье как сельскохозяйственные уезды, расположенные на востоке Пермской губернии) не может быть признано удовлетворительным ввиду произвольности последних и постоянной их перекройки. Поэтому в качестве критериев выделения изучаемой территории должны выступать более устойчивые признаки, имеющие под собой и более объективные основания.

Наибольшей объективностью и устойчивостью в этом случае может обладать природно-географический критерий в сочетании с основными социально-экономическими характеристиками данной территории как результатами адаптации людей к конкретной природной среде. Как отмечают исследователи, «традиционно территория в географии рассматривается с точки зрения пространственной упорядоченности и позиционного принципа. Исходя из вышеизложенного, под Зауральем мы понимаем исторически сложившийся первый земледельческий район Сибири, названный В.И. Шунковым Верхотурско-Тобольским. Однако, на наш взгляд, этот историк неоправданно расширил его границы, включив в его состав комплексы поселений в низовьях Тавды, Вагая и Иртыша, пространственно отделенных от основной массы компактного размещения земледельческих слобод, расположенных в среднем и нижнем течении левых притоков речной системы Тобола – Исети, Пышмы, Ницы и Туры. Именно эти слободы играли важную роль в хлебном и другом ресурсном обеспечении территорий Урало-Сибирского региона в течение XVII–XVIII вв. Отметим также, что применительно к XVIII–XIX вв. термин «Верхотурско-Тобольский» практически не применяется исследователями, что свидетельствует о существенной ограниченности этого ойконима. Поэтому термин «Зауралье» более предпочтителен для наименования указанной территории, в том числе и с целью избежать совмещения его с термином В.И. Шункова. Таким образом, под Зауральем мы понимаем территорию, ограниченную с севера рекой Турой, с юга – рекой Уй, с востока – Средним Притобольем, с запада – средним течением рек Пышма, Ница, Нейва, Исеть.

Отметим также, что на протяжении XVII–XVIII вв. территориальная структура изучаемого нами сегмента географического пространства претерпела существенные изменения. Это связано с выделением Урала как отдельной системы, отличной от Сибири. В XVIII в. подобное разделение уже возможно осуществить.

Конец XVIII в. – время окончательного приобретения Зауральем функциональной определенности как ресурсного региона, играющего важную транзитную роль в системе межрегиональных коммуникаций. Одновременно происходит стабилизация военно-полити-

ческой ситуации и административно-территориальной структуры, что также сказалось на стабилизации демографической ситуации и оформлении поселенческой структуры. Можно утверждать, что именно к концу XVIII в. происходит завершение собственно колонизации территории, в дальнейшем при сохранении притока мигрантов определяющими факторами развития территории становятся внутренние.

Для периода XVIII–XIX вв. характерно, как свидетельство нового качественного уровня развития территории, ее внутренняя дифференциация. При становлении новой административно-территориальной системы можно четко выделить так называемое Южное Зауралье – Шадринский уезд Пермской губернии, Кур-

ганский округ (уезд с 1899 г.) Тобольской губернии и Исетско-Уйское междуречье, входившее по большей части в состав Оренбургской губернии. Собственно, это и есть территория Зауралья в современном понимании, почти точно совпадающая с границами современной Курганской области.

Научить отделять одно от другого и помочь в определении границ региона в локальном исследовании – вот, пожалуй, основные задачи не только исследователя, но и преподавателя истории. Подводя итоги сказанному, хочется отметить, что в рамках данной статьи содержится, скорее, приглашение к дальнейшему размышлению и поиску ответа на вопросы: что и как следует изучать в рамках локальной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 391 с.
2. Ле Руа Ладюри Э. История регионов Франции. М.: РОССПЭН, 2006. 432 с.
3. Бродель Ф. Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Т. 1. 406 с.
4. Рассказов С.В. Историко-географические особенности заселения и хозяйственного освоения юго-запада Западносибирской равнины // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 3. С. 63–73.
5. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1864. Ч. 2: Пермская губерния. VI, 746, 54 с.
6. Завьялова О.Г. Природопользование и развитие: этногеосистемный анализ. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. 212 с.
7. Замятин Д.Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России // Регионология. 1999. № 1. С. 163–173.
8. Меншиков В.В. Историко-географические исследования Зауралья в 1990-х годах // Известия Русского Географического общества. 1999. Т. 131, вып. 6. С. 62–64.
9. Меншиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. 200 с.
10. Меншиков В.В., Кислицын В.А., Совков Д.М. Курганская область: Зауралье, Урал или Сибирь? // IVЗырянские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. С. 11–13.
11. Меншиков В.В., Перцев Н.В. О локализации летописной Югры // Сибирский сборник: сб. ст. / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, З.А. Тychинских. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. Вып. 3. С. 61–70.
12. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.

Vladimir V. Menshchikov, Kurgan State University (Kurgan, Russia). E-mail: vmen1@yandex.ru

Igor S. Menshchikov, Kurgan State University (Kurgan, Russia). E-mail: ygor@bk.ru

PROBLEM OF DEFINITION OF THE HISTORICAL REGION IN WESTERN SIBERIA

Keywords: historic-geographical zoning; historical region; Western Siberia; Zauralye (Trans-Urals region)

In the article the attention to such important theoretical problem as definition of the historical region is paid. This question is not so simple as it seems to be. The historian of Russia deals with borders which were constantly changing. This remark is correct in relation to administrative, economic, ethnic boundaries. Besides that, unlike France, Italy and other European countries we cannot observe in Russia historic areas, such as Tuscany or Burgundy. The problem of definition of the historical region has two aspects – theoretical and practical. At the theoretical level it is necessary to define what historical region should be studied and why exactly this one. So, it is the best of all, for instance, to study genesis of feudalism in Europe in France because French feudalism is typical. The practical aspect of the problem boiled down to definition of the concrete borders of the historical region. That is why it is necessary to make theoretical justification of borders of the historical region under research, but not just using of administrative borders of provinces and uyezds (counties). To achieve this scientific purpose the following research tasks was set: to define criteria of allocation of the historical region, to analyze features of allocation of territorial borders in relation to the Russian history, to establish, relying on theoretical criteria a possibility of definition of historical regions in Western Siberia. As an example, we offered allocations of such historically developed region as Zauralye or Trans-Ural region which is situated on junction of the Urals and Siberia and therefore often does not get to the field of a research of the Ural or Siberian historical research. The methodology of this article relies on the principle of historical-geographical zoning. The problem field of the article is defined proceeding from the analysis of the monographic and dissertation research devoted to history of Western Siberia. Often in the titles of historical researches there is the Tobolsk province or Western Siberia while it is only about some uyezds (counties). When it is dictated by an object of research (administration, taxes, court) such approach is quite appropriate, but in such cases as trade, history of everyday life, culture, etc. we consider this approach unproductive. As a result, authors come to a conclusion that it is needed to be done a complex approach to allocation of the historical region. It assumes several parameters: administrative-territorial division, ethnic and geographical factor. Besides, it is necessary to consider type of economic activity. So, to the north of the Tobolsk county the appropriating economy prevailed, while to the South agriculture has been extremely developed, and in the southeast – nomadic cattle breeding prevailed. We shall try to apply the principles marked above when determining the concrete historical region, namely the Zauralye or Trans-Ural region. This term begins to be used steadily from the first half of the 19th century and originally designated east agricultural counties of the Perm province. However, it was not widely adopted. In the second half of the 20th century Trans-Ural region has been “appropriated” by the Kurgan region, but finally this term began to be associated with this area from 1990th. Summing up the results, it is possible to note that this article contains rather an invitation to a discussion and search of the answer to such questions, as what and how should be studied within the framework of local history.

REFERENCES

1. Wen, P. (2003) *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii* [How History is Written. Experience in Epistemology]. Moscow: Nauchnyy mir.
2. Le Roy Ladurie, E. (2006) *Istoriya regionov Frantsii* [History of the Regions of France]. Moscow: ROSSPEN.
3. Braudel, F. (1994) *Chto takoe Frantsiya?* [What is France?]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
4. Rasskazov, S.V. (2008) Istoriko-geograficheskie osobennosti zaseleniya i khozyaystvennogo osvoeniya yugo-zapada Zapadnosibirskoy ravniny [Historical and geographical features of the settlement and economic development of the south-west of the West Siberian Plain]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 3. pp. 63–73.
5. Moselle, X. (1864) *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. St. Petersburg: [s.n.].
6. Zavyalova, O.G. (2004) *Prirodopol'zovanie i razvitie: etnogeosistemnyy analiz* [Nature management and development: an ethnogeosystem analysis]. Tyumen: Tyumen State University.
7. Zamyatin, D.N. (1999) Istoriko-geograficheskie aspekty regional'noy politiki i gosudarstvennogo upravleniya v Rossii [Historical and geographical aspects of regional policy and public administration in Russia]. *Regionologiya*. 1. pp. 163–173.
8. Menshchikov, V.V. (1999) Istoriko-geograficheskie issledovaniya Zaural'ya v 1990-kh godakh [Historical and geographical studies of the Trans-Urals in the 1990s]. *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 131(6). pp. 62–64.
9. Menshchikov, V.V. (2004) *Russkaya kolonizatsiya Zaural'ya v XVII–XVIII vv.: obshchee i osobennoe v regional'nom razvitii* [Russian colonization of the Trans-Urals in the 17th – 18th centuries: the general and specific in regional development]. Kurgan: Kurgan State University.
10. Menshchikov, V.V., Kislitsyn, V.A. & Sovkov, D.M. (2006) Kurganskaya oblast': Zaural'e, Ural ili Sibir'? [Kurgan Region: Trans-Urals, Urals or Siberia?]. *IV Zyryanovskie chteniya* [The Fourth Zyryanov Reading]. Proc. of the All-Russian Conference. Kurgan: Kurgan State University. pp. 11–13.
11. Menshchikov, V.V. & Pertsev, N.V. (2015) O lokalizatsii letopisnoy Yugry [On the localization of the chronicled Ugra]. In: Maslyuzhenko, D.N. & Tychinskikh, Z.A. (eds) *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. Vol. 3. Kurgan: Kurgan State University. pp. 61–70.
12. Megill, A. (2007) *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Translated from English. Moscow: Kanon+.

УДК 343.81 (571.17)
DOI: 10.17223/19988613/70/6

Ю.В. Рябова

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ СПЕЦКОНТИНГЕНТА В «ЮЖНОКУЗБАССКОМ ИТЛ МВД СССР» (1947–1950 гг.)

Рассмотрены условия содержания спецконтингента в «Южнокузбасском исправительно-трудовом лагере МВД СССР», располагавшемся на юге Кемеровской области. Основываясь на документальных источниках и воспоминаниях бывших осужденных, показаны бытовые и санитарные условия размещения и содержания заключенных, особенности продовольственного и вещевого снабжения. Сделан вывод, что созданная неудовлетворительная жилищно-бытовая обстановка в ИТЛ как способствовала ухудшению физического состояния заключенных, так и негативно сказывалась на эффективности производственной деятельности.

Ключевые слова: принудительный труд; ГУЛАГ; заключенные; бытовые условия; «Южнокузбасский ИТЛ МВД СССР».

На протяжении длительного времени основой для изучения жизни и быта заключенных сталинских лагерей служили только мемуарные источники: воспоминания, письма, рассказы. Первые печатные воспоминания бывших узников появились на западе еще в 30–50 гг. XX в. Автобиографические очерки Г. Андреева «Соловецкие острова 1927–1929 гг.», И. Солоневича «Россия в концлагере», М. Никонова-Смородина «Красная каторга. Записки соловчанина», Ю. Трегубова «Восемь лет во власти Лубянки. Записки членов НТС» впервые рассказали о реалиях лагерной жизни. Всемирно известное произведение А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», вышедшее в 70-е гг. прошлого века и основанное на свидетельствах десятков очевидцев и личном опыте автора, открыло обществу правду о репрессивной политике советского государства.

В нашей стране мемуары бывших невольников сталинских лагерей стали публиковаться только в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда начавшиеся политические реформы позволили проводить активную исследовательскую и просветительскую работу. Обнародованные в сборниках воспоминаний и периодических изданиях факты и свидетельства очевидцев широко повествуют о судьбах узников ГУЛАГа, условиях содержания, труда и быта заключенных. Создание экспозиций и фондов в государственных музеях, открытие мемориальных комплексов на местах размещения исправительно-трудовых лагерей способствовали накоплению и сохранению мемуарного материала.

Однако воссоздание повседневной жизни лагерного населения в сталинскую эпоху невозможно без привлечения официальных документов, хранящихся в государственных и ведомственных архивах Российской Федерации. Эти материалы являются важнейшими источниками, характеризующими механизм деятельности карательной системы изнутри. На сегодняшний день вышли в свет многочисленные сборники документов о советской лагерной системе [1–5], но часть материалов все еще не введена в научный оборот и недоступна широким массам. Актуальным представляется изучение регионального материала, который

предполагает выявление общих и частных тенденций формирования и развития советской репрессивной политики.

В сибирском регионе, в частности в Кемеровской области, где принудительный труд широко использовался с 30-х гг. прошлого века, сформированная лагерная сеть отличалась высокой концентрацией учреждений исправительного типа и разнообразием категорий содержащегося в них спецконтингента (спецпереселенцы, трудопоселенцы, тылоополченцы, заключенные). В разные годы лагерная система Кузбасса включала в себя такие крупные учреждения, как «Сиблаг», «Горшорлаг», «Кузбассжилстрой», «Кемеровожилстрой», «Аралчевстрой», Томусинский ИТЛ, «Камышлаг», «Севкузбасслаг» и «Южкузбасслаг» [1]. Труд невольников применялся в различных производственных сферах области: угольной, строительной, сельскохозяйственной, лесозаготовительной.

Исследование жизненно важных сторон существования подневольного населения на примере одного из крупнейших лагерей Кемеровской области – «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР» («Южкузбасслаг») – позволяет сформировать представление об условиях жизни, труда и быта осужденных. Вопросы функционирования «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР» не нашли достаточного отражения в трудах современных исследователей. Кузбасские историки Л.И. Гвоздкова [2] и Р.С. Бикметов [3] в своих научных работах только касались общих вопросов существования лагеря, обзорно обращаясь к проблемам кадровых и производственных вопросов, что и определяет новизну исследования. Основой данной публикации послужили неопубликованные архивные документы ведомственного архива ГУФСИН по Кемеровской области и неизданные воспоминания бывших спецпереселенцев и заключенных «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР» из фондов Музея-заповедника «Трёхречье» Таштагольского муниципального района. Указанные источники содержат весьма ограниченные сведения по рассматриваемой проблеме. Доступные

автору архивные документы преимущественно представлены бухгалтерско-финансовой, делопроизводственной и отчетной документацией, где сведения о жилищно-бытовых условиях спецконтингента отражены фрагментарно. Мемуарные источники концентрируют в себе больше автобиографические сведения, в ряде случаев опуская подробности жилищно-бытовых условий и предлагая лишь однозначную оценку происходящего. Но содержащиеся в этих группах документов конкретные факты позволяют не только рассмотреть частные случаи, но и, сопоставив информацию из нескольких источников, сделать общие выводы.

Справочно отметим, что деятельность лесозаготовительного «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР» началась с 1 апреля 1947 г. Постановление № 409 Совета Министров СССР от 1 марта 1947 г. и Приказ МВД СССР № 00241 от 4 марта 1947 г. определили порядок реорганизации и создания на базе существующих лесозаготовительных организаций и лесоперерабатывающих предприятий Кемеровской области исправительно-трудовых лагерей [4. С. 314–316]. В распоряжение лагерей передавались все производственные мощности лесозаготовительных трестов: техника, оборудование, транспорт, рабочие кадры [Там же. С. 316–319]. В результате трест «Южкузбасслес» преобразовался в «Южнокузбасский исправительно-трудовой лагерь МВД СССР». Новый ИТЛ получил в свое распоряжение лесные массивы на юге Кемеровской области, в Горной Шории, по верховьям р. Томи и ее притоков: Кондомы, Мрассу и Усе. Лесозаготовительные подразделения лагеря разместились на территории трех административных районов Кемеровской области – Кузнецовского, Мысковского и Таштагольского. Управление лагерем находилось в г. Сталинске (ныне г. Новокузнецк).

Целью такой реорганизации явилось бесперебойное обеспечение крепёжным лесом действующих и строящихся угледобывающих предприятий Кузбасса в период послевоенного восстановления экономики региона. Существующие на тот момент в Кемеровской области лесозаготовительные тресты «Севкузбасслес» и «Южкузбасслес» не справлялись с поставками леса на шахты области. Причина – острый дефицит рабочих кадров. Тяжелый труд, удаленность от цивилизации (лесозаготовка производилась глубоко в тайге Горной Шории), отсутствие благоустроенной инфраструктуры, детских и школьных учреждений, мест торговли и общественного питания приводили к текучести вольнонаемных рабочих. Для решения кадрового вопроса и стабильного обеспечения региона лесоматериалом правительство сделало ставку на использование труда заключенных в лесозаготовительной отрасли страны. К тому же использование принудительного труда не требовало создания особо благоприятных условий для жизни и работы, исключало возможность самовольного увольнения рабочих, не предполагало эквивалентную трудовым затратам оплату труда, гарантировало выполнение производственных задач.

Руководству созданного исправительно-трудового лагеря предстояло в кратчайшие сроки решить как производственные задачи, так и жилищно-бытовые

вопросы. Первоочередная задача – обеспечение жильем поступающего контингента. Форсирование поселкового строительства обуславливалось необходимостью скорейшего размещения и включения в производственный процесс прибывающих осужденных. Заместитель начальника Управления лагеря Телейков, понимая значимость организации жилищно-бытовых условий для спецконтингента, указывал, «что от состояния быта, от условий, в которых будет находиться контингент заключенных, и от состояния лагерного сектора зависит выполнение производственного задания» [5. С. 188]. Кроме того, продолжал он: «Не надо забывать, что лагерные подразделения находятся в районе Горной Шории, где выпадает большой снег и бывают большие морозы, если не будет заботы о контингенте, могут быть нежелательные последствия» [Там же].

Леспромхозы бывшего треста «Южкузбасслес» в кратчайшие сроки преобразовывались в отдельные лагерные пункты (ОЛПы). В 1947 г. их насчитывалось уже 11. Но для размещения ожидаемых 15 тыс. заключенных требовалось возведение дополнительного жилого комплекса из 23 лагерных поселков. Начиная с 2-го квартала 1947 г., во всех ОЛПах «Южкузбасслага» началось возведение лагерных построек, но из-за дефицита строительных материалов оно осуществлялось с большим напряжением [6. Л. 129]. Также ощущался и недостаток рабочей силы. Заключенные использовались на лесопилении и сплаве, а также на возведении землянок и летних барачков, необходимых для приема и временного размещения прибывающего спецконтингента [Там же], в результате чего в ИТЛ наблюдалась острая нехватка жилья для осужденных. При установленной норме 2 м² на человека в «Южкузбасслагере» в среднем приходилось от 1,12 до 1,4 м² жилой площади, а в некоторых отдельных лагерных пунктах и того меньше: в Кумзаском – 0,84 м²; в Чебалсинском – 0,93 м²; в Тутуясском – 0,87 м²; в Мундыбашском – 0,97 м² [7. Л. 5]. По плану капитального строительства в 1948 г. планировалось возвести 10 барачков, а фактически сдали в эксплуатацию только один [Там же. Л. 96].

Заместитель начальника отдела капитального строительства «Южкузбасслага» Жаравин, объясняя причины неудовлетворительного и несвоевременного ввода жилых объектов в эксплуатацию, указывал на недостаточное количество рабочей силы, «гигантские» объемы строительства всех видов (дорожное, жилое), слабую механизацию строительных работ, а также недостаток квалифицированных кадров по обслуживанию механизмов. Особо Жаравин подчеркнул вопросы недоделок: «...у больших и маленьких руководителей создалось мнение, что если людей завели под крышу, значит, строительство объектов считать законченным», – и указал на необходимость обязательной ликвидации существующих недоделок по жилищным объектам [5. С. 181–182].

Но даже имеющееся жилье для спецконтингента не соответствовало необходимым требованиям. Из-за отсутствия кирпича для кладки печей и стекла бараки не были своевременно утеплены и застеклены. Железные печи для обогрева барачков изготовлялись с большой задержкой и из-за осенней распутицы и бездорожья доставлялись в лагерные пункты самолетами с первы-

ми заморозками [8. Л. 7]. На совещании партийно-хозяйственного актива 27 ноября 1947 г. заместитель начальника Управления лагеря Телейков отмечал, что «...остались не достроены кухни, столовые, бани, дезокамеры, бараки и даже крайне необходимые сушилки для одежды... Не имея достаточного количества матрацев, маты из соломы изготавливаются не везде. Невыполнение своевременно приказа в части заготовки двухмесячного запаса дров в некоторых лагерных пунктах (Тоз, Конферма, Ольджерас, Чебалсу и др.), в данное время топят сырыми дровами, которых иногда бывает недостаточно, в бараках бывает холодно, иногда из-за отсутствия дров несвоевременно готовится пища и не готовится кипяток» [5. С. 188]. Кроме того, осужденные проживали в бараках в антисанитарных условиях. Имелась завшивленность заключенных, в помещениях грязь и клопы [Там же. С. 180].

В воспоминаниях бывших осужденных, отбывавших наказание в «Южкузбасслаге», можно встретить описания условий проживания. Федор Иванович Геберлейн (1929 г.р.) рассказывает: «Жили в бараке. Он состоял из двух секций, снаружи была пристроена кухня. У каждого был котелок, им служила какая-нибудь жестяная банка... Кроватей не было. Мы спали на нарах, так мы их называли. Они были невысокими, сложенными из досок. Спали по 2 человека на каждой кровати. Нары располагались вдоль двух стен. Посреди комнаты стояла печь, бывшая шахтерская вагонетка. Топил печку дnevальный... Раз в десять дней была баня. Это строго соблюдалось» [9].

Недостаток рабочих кадров способствовал закреплению за лагерем и спецпереселенцев. «На основании директивного указания начальника УМВД по Кемеровской области за № 12/1–6382 от 18.10.1947 г. в административное и хозяйственное подчинение “Южкузбасслагу” передавались все спецпереселенцы, работавшие на предприятиях “Южкузбасслеса”. Для их учета были созданы Чугунашская, Абагурская, Мундыбашская и Мысковская спецкомендатуры с общим подчинением отделу кадров лагеря. Вскоре спецкомендатуры были организованы при каждом лагерном отделении» [10. С. 249]. Жилищно-бытовые условия спецпереселенцев также не отличались особым удобством. Бывшие спецпереселенцы Ирма Кустововна Гебгардт (1936 г.р.) и Эмма Федоровна Карпенко (1923 г.р.) описывают условия жизни в «Южкузбасслаге» следующим образом. И.К. Гебгардт: «В 1947 г. меня вместе с другими молодыми людьми высадили на станции Кондома и на телегах отвезли в Шалым. Поселка не было. Был лагерь заключенных и вольнонаемных. Жить было негде. Нам выдали палатки, в которых и жили, пока строились дома. Прожила в палатке с 1947 до 1950 г. ... Жилось очень трудно. Особенно когда только прибыли. Своего ничего не было». Э.Ф. Карпенко: «Приехала в Шалым в сентябре 1947 г. Палаток было очень много. Они стояли рядами и были пронумерованы. Проживала в палатке № 14, а Ирма Кустововна Гебгардт проживала в палатке № 25. Был один тазик на все палатки» [9].

В первые годы содержания спецконтингента в лесозаготовительном «Южнокузбасском исправительно-

трудовом лагере МВД СССР» проблемы не ограничивались только жилищными вопросами. Питание осужденных также находилось на неудовлетворительном уровне. Отсутствие стационарных кухонь в лагере снижало качество приготовленных блюд. Пища для заключенных готовилась под открытым небом. Недостаток круп, картофеля и овощей привел к преобладанию мучных блюд в рационе заключенных. «Со снабжением неблагополучно, – докладывал на совещании партийно-хозяйственного актива начальник Чугунашского ОЛПа Томилов, – ...за 7 месяцев получили всего 7 тонн крупы, и крупу в силу этого приходится заменять мукой, которая калорийность содержит гораздо ниже. Мясо получаем нерегулярно... Мукой обеспечены» [5. С. 175]. Согласно акту ревизии по «Южкузбасслагу», заключенным исправительно-трудового лагеря в 1948 г. недодали 4 т сахара, 3,8 т мыла, 86 т овощей (овощи заменили крупой). Производственные дополнительные пайки в объеме 20,5 т хлеба не были использованы по причине невыполнения заключенными норм выработки [7. Л. 10].

Кроме того, в некоторых ОЛПах (Кумзасский, Ольджерасский) кухни и столовые находились в запущенном состоянии – не достроены и не дооборудованы. В этих же ОЛПах не организовано снабжение заключенных кипяченой водой. В лагерных пунктах Кумзасский, Богущасский, Безливетовский, Верх-Чеболса из-за плохого подбора поваров и частой их смены пища готовилась невкусная. В некоторых отдельных лагерных пунктах (Ольджерасский, Кумзасский, Чеболсинский) отмечался недостаток посуды, особенно для приготовления на плите, поварских халатов, курток, колпаков, полотенец [Там же. Л. 5].

В силу того, что отдельные лагерные пункты и лесозаготовительные участки находились далеко в тайге и на значительном расстоянии от основных баз снабжения, доставка продуктов питания обходилась крайне дорого и не всегда была возможна. В зимнее время овощи часто доставлялись в замороженном виде и были непригодными для употребления в пищу. «На питание привозили все замороженное: капусту, картошку, морковь. В столовой тоже все готовили из замороженных овощей», – вспоминает бывшая спецпереселенка «Южкузбалага» И.К. Гебгардт [9].

Бывшие осужденные «Южкузбасслага» в своих воспоминаниях неоднократно упоминают о скудном питании. Михаил Николаевич Дречевич (1930 г.р.), осужденный в 1947 году на 10 лет за контрреволюционную деятельность с полной конфискацией имущества и отбывавший свой срок в Кабырзе, вспоминает: «...Все время голодал. Еды не хватало. Однажды предложили подработку с большим пайком. Согласился, но на что шел, не знал. Нужно было заниматься проверкой трупов перед захоронением, ходить и протыкать длинными спицами. А вдруг кто еще живой? Когда узнал о своих функциях и увидел, что нужно было делать, потерял сознание и еще некоторое время находился без сознания» [9].

Спецпереселенец Федор Иванович Геберлейн, работавший на лесоповале, рассказывает: «...Тяжело было с питанием, но свои 800 г хлеба я получал. Кро-

ме хлеба были только капуста и картошка, зимой постоянно мерзлая. Больше ничего на кухне не было... Питались в столовой по карточкам. Карточки выдавались на 30 дней... Хлеб был хороший. Выдавали еще табак тем, кто курил. Табак выдавали стограммовыми пачками, иногда давали по 2 пачки. К пачке табака выдавали коробок спичек» [9].

Для ликвидации перебоев с продовольствием в «Юж-кузбасслага» руководство организовало работу по самообеспечению продуктами питания. «В наших условиях ждать овощей из Управления и не следует, но для этого на будущий сезон нужно решить вопрос о земле, об удобрениях, помимо этого, нам нужно иметь сельскохозяйственного скота. Тогда мы будем иметь и овощи, и необходимое количество сена», – говорил Таций, начальник Кумзасского ОЛПа в 1947 г. [5. С. 178]. Но развитие растениеводства и животноводства в суровых природно-климатических условиях Горной Шории сопровождалось рядом трудностей. Отсутствие пригодных площадей для организации пахотных земель вынуждало лагерь организовывать сельскохозяйственные участки на крутых склонах гор либо в низинах и использовать их из года в год независимо от степени истощения. Возможность получения хороших урожаев имела только в бывшей конеферме «Кузбасс» и Абагурском КОЛПе. В остальных подразделениях исправительно-трудового лагеря посев овощей и посадка картофеля являлись очень трудоемкими и малорентабельными. Несмотря на это, в лагере выращивали овощи (картофель, капусту, морковь, свеклу, огурцы, лук), кормовые корнеплоды, фуражные и крупяные зерновые, разводили домашних животных: коров, лошадей, свиней, овец [6. Л. 161–162].

Критически обостряло бытовую и, как следствие, производственную ситуацию в ИТЛ недостаточное вещевое снабжение. Прибывающий контингент был раздет и разут, а запасов вещевого довольствия у «Юж-кузбасслага» не было. «Не хватает спецодежды, валенок получили всего 590 пар, рукавиц 700 пар, белья не хватает по одной паре на каждого рабочего», – констатировал начальник Чугунашского ОЛПа Томилов [5. С. 175]. Кроме того, руководство лагеря отмечало поступление кожаной обуви плохого качества и «использование вещьдовольствия утильного в носке» [11. Л. 224].

Недостаток одежды подтверждают и очевидцы. Анна Ивановна Синицина (Богер): «...По прибытии меня, отца и матею сразу же поставили на работу на лесоповал. За зиму все поизносилось, а у нас ни иголки. Тряпок на портянки нет. Валенки износились до такой степени, что подошвы совсем нет. Ходи, как хочешь. Мы к голенищу пришивали грубую ткань, из дощечек делали подобие следа, вставляли туда и ходили работали». Федор Иванович Геберлейн: «...Насчет спецодежды, то на зимнее время давали валенки, ватные штаны и фуфайку, шапку и рукавицы. На лето выдавались галоши, мы их называли чуни, брезентовый костюм и верхонки. А в летнее время, особенно в мае, когда идет сокодвижение, когда рубишь кедр, вся одежда пропитывается смолой. К концу месяца костюм становится словно железным,

пропитавшись смолой, он почти не гнется. Ноги постоянно намокали, местность была болотистая, а чуни были не высокие» [9].

Руководство «Южкузбасслага» в отчетной документации указывало на перерасход по содержанию контингента заключенных. Например, в 1948 г. расход по вещевому обслуживанию первоначально был утвержден в размере 2 руб. 30 коп. на 1 человекодень. Но при пересмотре плана произошло снижение планируемого расхода на 37 коп., и он составил уже 1 руб. 93 коп. на 1 человекодень. Фактически же из-за большого износа вещевого довольствия произошел перерасход на 44 коп., и в конечном итоге расход составил уже 2 руб. 37 коп. В результате перерасход по всему вещевому довольствию за 1948 г. составил 2 672 руб. [8. Л. 33–34].

Медицинское обслуживание спецконтингента в ИТЛ также находилось на низком уровне. Выделенные под медицинские учреждения помещения не имели достаточного оснащения. Наблюдался недостаток постельного и нательного белья, халатов, медикаментов, перевязочного материала. Вместо кроватей в лечебных учреждениях «Южкузбасслага» часто размещались сплошные нары. В ночное время в ряде санчастей отсутствовало освещение (Тутуянский ОЛП, Чугунашский ОЛП, лагпункт «Конферма») [12. Л. 5]. Согласно оценке администрации ИТЛ, большинство лечащих врачей не имели дифференцированного подхода к тяжелобольным как в плане их питания, так и организации тщательного ухода [Там же. Л. 6]. Кроме того, часть медицинского персонала принадлежала к категории заключенных, что в отдельных случаях влекло за собой «поблажки» спецконтингенту в виде необоснованного освобождения от труда, зачисления в более низкую категорию трудоспособности, выдачи усиленных пайков и т.д.

В мае 1950 г. комиссия МВД СССР в результате выезда в отдельные лагерные пункты «Южкузбасслага» провела обследование режима содержания заключенных. Комиссия отметила, что по сравнению с предыдущими годами условия содержания заключенных значительно улучшились, но был выявлен ряд недостатков. В некоторых лагпунктах (Чугунашский ОЛП, Абагурский ОЛП, Мысковский ОЛП) люди по-прежнему размещались скученно. Например, в Абагурском ОЛПе в секции № 8 барака № 2 на 78 человек имелось всего 54 места, в секции № 6 барака № 2 проживали 62 человека, а имелось 54 места, в лагпункте «Берег ТОЗ» Мысковского ОЛПа в бараке № 2 на 100 размещенных человек имелось 80 мест [13. Л. 3–4].

Кроме того, комиссия обнаружила, что в некоторых лагпунктах (Чугунашский ОЛП) люди спят без постельных принадлежностей на голых досках либо на полу. Остро ощущалась нехватка матрацев в Абагурском, Чеболсинском, Тутуяском ОЛПах. Так, в лагпункте «Берег ТОЗ» Мысковского ОЛПа до 30% заключенных не имеют постельных принадлежностей. Камеры хранения личных вещей осужденных в этом лагпункте отсутствуют. Вещи хранятся в подголовниках или под нарами. Бачки для воды в проверенных лагерных пунктах имеются, но краны в них отсутствуют. На момент

проверки во всех подразделениях сушилки для одежды не работали, и заключенные не могли просушить одежду и обувь.

Во всех проверенных лагподразделениях «Южкузбасслага» дежурство вольнонаемного состава по пищевому блоку не введено, в результате чего контроль за правильным расходом продуктов и качественным приготовлением пищи отсутствует. Работа пищевых блоков в большинстве лагпунктов передана самим заключенным. Качество приготовленной пищи проверялось врачами и фельдшерами также из числа заключенных, причем в ряде случаев нерегулярно («Берег ТОЗ», лагпункты 4 и 7 Тутуяского ОЛПа). В столовой лагпункта «Верхний ТОЗ» на 231 человек имелось только 60 мисок. В некоторых лагерных пунктах отмечалось наличие излишков или недостатка продуктов.

Комиссия обратила особое внимание на условия содержания в «Южкузбасслаге» женщин. По статистике, в 1950 г. четвертую часть от общего числа заключенных составляли представительницы женского пола [13. Л. 2]. По заключению комиссии, неоднократные указания МВД СССР о создании более комфортных жилищно-бытовых условий для содержания женщин в ИТЛ не были реализованы. Женщины содержались скученно. Например, в Шусталепском ОЛПе обеспеченность жилой площадью составляла 0,94 м² на 1 человека. Комната гигиены отсутствовала. Место для приготовления пищи, получаемой в посылках, отведено возле уборной. В ОЛПе № 4 Мысковского ОЛПа 28 женщин проживали в землянке и на чердаке [Там же. Л. 4].

И.К. Гебгардт, находящаяся на спецпоселении в «Южкузбасслаге», вспоминает, что если женщина рожала ребенка, то ей давали месяц отдыха, по прошествии которого ей снова нужно было выходить на работу. Младенцев пристраивали к недавно родившим женщинам. Так, у одной женщины под присмотром могло быть 2–3 младенца [9].

В вопросах содержания и изоляции заключенных также имелся ряд серьезных недостатков. Ограждения зон размещения спецконтингента в ряде лагподразделений не освещались и требовали ремонта. Местами ограждения отсутствовали совсем. Например, зона № 5 Тутуяского ОЛПа, в которой содержались 213 заключенных, совершенно не имела ограды. Зона № 7 лагпункта этого же ОЛПа, где содержалось много особо опасных преступников, полностью не имела освещения [13. Л. 7]. Кроме того, в жилых зонах зафиксированы случаи нахождения производственных помещений (сапожные, столярные, кирпичные мастерские), целесообразность размещения которых не была вызвана никакой необходимостью. Допускалось также размещение заключенных в жилых зонах по так называемым «кабинкам», или рабочим местам заключенных (мастерские, кухни, пекарни и т.д.), что создавало благоприятные условия для нарушения дисциплины и затрудняло наблюдение со стороны надзорного состава. Например, в Азасском лагпункте Чугунашского ОЛПа заключенный нарядчик проживал в своем кабинете, художник – в комнате культурно-воспитательной части, заведующий медпунктом – в амбулатории,

банщик – в бане [Там же. Л. 10]. В 4-м лагпункте Тутуяского ОЛПа по «кабинкам» проживали следующие заключенные: нормировщик, статист, фельдшер, врач, нарядчик, банщики (3 человека). К тому же на кухне – 2 чел., в хлеборезке – 1 чел., в сапожно-портновских мастерских – 4 чел., в бухгалтерии – 4 чел. [Там же].

Принцип постатейного размещения заключенных в бараках в ряде лагпунктов «Южкузбасслага» не соблюдался. В Комендантском, Азасском и Троицком лагпунктах Чугунашского ОЛПа осужденные за контрреволюционные и другие особо опасные преступления располагались совместно с осужденными за бытовые преступления. Также с нарушением постатейного размещения производилось и комплектование производственных бригад. Например, в лагпункте «Берег ТОЗ» в бригаде № 2 одновременно состояли осужденные за побег и бандитизм – 7 чел., за измену Родине – 1 чел., по указу 04.06.1947 – 13 чел., бытовиков – 3 чел. [Там же].

Таким образом, в рассматриваемый период в «Южнокузбасском исправительно-трудовом лагере МВД СССР» материальные, бытовые и санитарные условия содержания и размещения спецконтингента оставались неудовлетворительными. Созданные жилищные условия не способствовали хорошему физическому здоровью заключенных, что неизбежно сказывалось и на результатах производственной деятельности. Трудовое использование заключенных в «Южкузбасслаге» не соответствовало ожидаемым плановым показателям. Например, в 1947 г. фактическое использование заключенных на производстве (группа А) составило 67,2% от общего списочного состава вместо запланированных 83,1%. При этом категория лиц, не работающих по болезни (группа В), определилась 15,0% вместо плановых 4,5% [6. Л. 137]. Аналогичную картину можно наблюдать и в показателях 1948 г.: фактическое трудоиспользование группы А составило 70,3%, плановое – 81,2%; группы В – 13 и 9,6% соответственно [8. Л. 16].

В результате, если взять средний показатель, то около 30% заключенных, отбывающих наказание в исправительно-трудовом лагере, не были задействованы на лесозаготовительном и лесоперерабатывающем производствах, являющихся основными видами деятельности «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР». Среди причин низкого трудового использования контингента администрация лагеря в ежегодных отчетах по основной деятельности называла все вышеперечисленные неудовлетворительные жилищно-бытовые условия. Кроме того, физически ослабленный человек, а в некоторых случаях еще и больной, не мог выполнить установленные производственные нормы в полном объеме. Существующая система поощрения заключенных в виде дополнительных пайков за перевыполнение нормы выработки, бесспорно, являлась стимулом к труду, но в связи с физической деградацией спецконтингента и тяжелыми условиями труда по лесозаготовке в условиях сибирской тайги являлась малоэффективной. Приведенные в статье факты неиспользования дополнительных хлебных пайков в «Южкузбасслаге» как раз и свиде-

тельствуют об этом. Кроме того, администрацией ИТЛ зафиксированы случаи неправильного начисления и распределения стимулирующего питания – дополнительных хлебных и продовольственных пайков. Начальники лагерных пунктов не всегда уделяли серьезное внимание этим вопросам. В итоге одни заключенные получали по 4 дополнительных хлебных и по 3 дополнительных продовольственных пайка в день, в то время как другие, выполняющие нормы на 120–130%, получали только гарантированный паек (Шушталепский ОЛП) [12. Л. 5]. Помимо этого, наблюдались факты умышленного занижения физического профиля заключенных и их зачисления в более низкую категорию трудоспособности, что влекло за собой необоснованное занижения норм выработки и снижение производственной эффективности [14. Л. 118–119]. Неправильное определение категории трудоспособности также связано с поступлением угроз со стороны «отрицательных элементов» в адрес работающих врачей из числа заключенных [Там же. Л. 121].

В заключение отметим, что администрация лагеря понимала всю тяжесть сложившейся жилищно-бытовой ситуации и неоднократно принимала меры по улучшению условий размещения и физического состояния

заключенных. В приказах по внутренней деятельности «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР» систематически встречаются распоряжения начальника лагеря, регулирующие решение этих вопросов. К тому же исполнение приказа Министра внутренних дел СССР № 0195 от 26.03.1948 требовало принятия мер по наведению порядка в жилищно-бытовом устройстве и трудовом использовании заключенных [15. Л. 55]. Перечень мероприятий, подлежащих исполнению во всех подразделениях «Южкзбасслага», касался оборудования жилых, лечебных и коммунально-бытовых помещений в соответствии с санитарными требованиями, усиления надзора за работой пищеблоков, повышения качества оказания медицинской помощи, улучшения физического состояния заключенных и регулирования их трудового использования. Но, несмотря на это, периодические обследования подразделений лагеря выявляли факты ненадлежащего содержания спецконтингента и несоответствия состояния жилых и коммунально-бытовых помещений санитарным нормам.

Благодарность. Автор выражает благодарность директору Музея-заповедника «Трёхречье» Таштагольского муниципального района Е.И. Иптешевой и коллективу музея за предоставленные материалы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бикметов Р.С. Спецконтингент в экономике Кузбасса (1930–1940-е гг.). URL: <https://polit.ru/article/2009/03/19/spetskotingent/> (дата обращения: 01.10.2018).
2. Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 516 с.
3. Бикметов Р.С. Производственная деятельность Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР в 1947–1952 гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России : материалы IV Всерос. науч. чтений. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. С. 248–253.
4. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. 696 с.
5. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.) / отв. ред. Л.И. Гвоздкова. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1994. Т. 2. 248 с.
6. Годовой отчет по основной деятельности «Южкзбасслага» за 1947 год. Объяснительная записка к годовому отчету за 1947 год по «Южкзбасслагу» МВД СССР // Текущий архив Главного управления Федеральной службы исполнения наказания (ТА ГУФСИН) по Кемеровской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10.
7. Акт ревизии «Южкзбасслага МВД» от 21.04–20.05.1948 г. // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 12.
8. Годовой отчет по основной деятельности и капитальному строительству «Южкзбасслага» за 1948 год. Объяснительная записка к годовому отчету за 1948 год по «Южкзбасслагу» МВД СССР // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 12.
9. Материалы Музея-заповедника «Трёхречье» Таштагольского муниципального района.
10. Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово : Изд-во ГУ КузГТУ, 2006. 430 с.
11. Годовой отчет по основной деятельности «Южкзбасслага» за 1949 год. Объяснительная записка к годовому отчету за 1949 год по «Южкзбасслагу» МВД СССР // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 13.
12. Приказ начальника управления Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР № 02с от 17.01.1948 г. // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15.
13. Акт комиссии МВД СССР от 15.06.1950 г. // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 22.
14. Приказ начальника управления Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР № 045/с от 28.02.1949 г. // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 16. Оп. 1. Д. 20.
15. Приказ начальника управления Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР № 02с от 20.04.1948 г. // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17.

Yuliya V. Ryabova, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ruv.kemcdo@mail.ru
THE CONDITIONS OF LIFE OF PRISONERS IN THE SOUTHERN KUZBASS CORRECTIVE LABOUR CAMP OF THE USSR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS IN 1947–1950

Keywords: forced labor; GULAG; prisoners; conditions of life; Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs.

The article examines the conditions of life of prisoners in the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs in 1947–1950. The camp was located in the south of Kemerovo Oblast in the Gornaya Shoria district. The main production task of the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp was provision and transportation of wood. The reason for organizing the camp is a shortage of workers and a high demand for timber in Kemerovo Oblast. The purpose of the research is to study the living conditions, work and life of prisoners in this corrective labour camp. The sources for this publication are unpublished archival documents of the General Directorate for the support of the activities of the operational units of the Federal Penitentiary Service in the Kemerovo Region and memoirs of former prisoners the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs from the funds of the “Trehreche Museum-Reserve” of the Tashtagol municipal district. According to the studied documents, the living condi-

tions of the accommodation of prisoners in the corrective labour camp were not satisfactory. There were not enough houses (barracks) to accommodate them. People lived either in narrow rooms or in temporary summer premises or at the place of work (in the accounting, in the dining room, in the workshop). With the established norm of 2 m² per person in the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs, on average there were from 1.12 m² to 1.4 m² of living space. New houses (barracks) were built very slowly. Often they lacked furnaces for heating and glass. In some units of the camp, prisoners slept without bedding. The organization of food for prisoners in the corrective labour camp also had a number of shortcomings. There were no stationary kitchens. Often there was a lack of dishes, cooking robes, hubcaps, towels. Flour dishes prevailed in the prisoners ration. There was a lack of cereals, potatoes, vegetables and meat. In addition, there was a lack of clothing and shoes in the camp. Dryers for drying prisoners' things did not work. It is concluded that the created unsatisfactory living conditions in the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs contributed to the deterioration of the physical condition of prisoners and adversely affected the efficiency of production activities. About 30% of the prisoners were not involved in the logging and timber processing industry, which was the main activity of the forced labor camp. The camp management has repeatedly taken measures to improve living conditions, but periodic inspections of the camp units revealed the facts of unsatisfactory detention of prisoners.

REFERENCES

1. Bikmetov, R.S. (n.d.) *Spetskontingent v ekonomike Kuzbassa (1930–1940-e gg.)* [Special contingent in the economy of Kuzbass (1930–1940s)]. [Online] Available from: <https://polit.ru/article/2009/03/19/spetskontingent/> (Accessed: 1st October 2018).
2. Gvozdkova, L.I. (1997) *Istoriya repressiy i stalinskikh lagerey v Kuzbasse* [History of repressions and Stalin's camps in Kuzbass]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
3. Bikmetov, R.S. (2006) *Proizvodstvennaya deyatel'nost' Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR v 1947–1952 gg.* [Production activity of the Yuzhnokuzbass forced labor camp of the USSR Ministry of Internal Affairs in 1947–1952]. In: Zabolotskaya, K.A. (ed.) *Intellektual'nyy i industrial'nyy potentsial regionov Rossii* [Intellectual and Industrial Potential of Russian Regions]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 248–253.
4. Tsarevskaya-Dyakina, T.V. (2004) *Istoriya stalinskogo GULAGA: konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov* [History of the Stalinist GULAG: the late 1920s – first half of 1950s: collected documents]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
5. Gvozdkova, L.I. (ed.) (1994) *Prinuditel'nyy trud. Ispravitel'no-trudovye lagerya v Kuzbasse (30–50-e gg.)* [Forced labor. Correctional labor camps in Kuzbass (1930–50s)]. Vol. 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
6. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Godovoy otchet po osnovnoy deyatel'nosti "Yuzhkuzbasslaga" za 1947 god. Ob'yasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu za 1947 god po "Yuzhkuzbasslaga" MVD SSSR* [Annual report on the main activity of "Yuzhkuzbasslag" for 1947. Explanatory note to the annual report for 1947 on "Yuzhkuzbasslag" of the USSR Ministry of Internal Affairs]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 14. List 1. File 10.
7. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Akt revizii "Yuzhkuzbasslaga MVD" ot 21.04–20.05.1948 g.* [The act of revision of "Yuzhkuzbasslag of the Ministry of Internal Affairs" from April 21 – May 20 1948]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 14. List 1. File 12.
8. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Godovoy otchet po osnovnoy deyatel'nosti i kapital'nomu stroitel'stvu "Yuzhkuzbasslaga" za 1948 god. Ob'yasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu za 1948 god po "Yuzhkuzbasslaga" MVD SSSR* [Annual report on the main activity and capital construction of "Yuzhkuzbasslag" for 1948. Explanatory note to the annual report for 1948 on "Yuzhkuzbasslag" of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 14. List 1. File 12.
9. Materials of the Trekhrechy Museum-Reserve of the Tashtagol Municipal District.
10. Bikmetov, R.S. (2006) *Ispolzovanie spetskontingenta v ekonomike Kuzbassa (1929–1956 gg.)* [The use of a special contingent in the economy of Kuzbass (1929–1956)]. Kemerovo: KuzSTU.
11. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Godovoy otchet po osnovnoy deyatel'nosti "Yuzhkuzbasslaga" za 1949 god. Ob'yasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu za 1949 god po "Yuzhkuzbasslaga" MVD SSSR* [Annual report on the main activity of "Yuzhkuzbasslag" for 1949. Explanatory note to the annual report for 1949 on "Yuzhkuzbasslag" of the USSR Ministry of Internal Affairs]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 14. List 1. File 13.
12. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Prikaz nachal'nika upravleniya Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR № 02s ot 17.01.1948 g.* [Order of the head of the department of the Yuzhnokuzbass correctional labor camp of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 02s dated 01/17/1948]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 6. List 1. File 15.
13. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Akt komissii MVD SSSR ot 15.06.1950 g.* [Act of the Commission of the Ministry of Internal Affairs of the USSR dated June 15, 1950]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 14. List 1. File 22.
14. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Prikaz nachal'nika upravleniya Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR № 045/s ot 28.02.1949 g.* [Order No. 045 of the head of the department of the Yuzhnokuzbass correctional labor camp of the USSR Ministry of Internal Affairs dated February 28, 1949]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 16. List 1. File 20.
15. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Prikaz nachal'nika upravleniya Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR № 02s ot 20.04.1948 g.* [Order No. 02s of the head of the department of the Yuzhnokuzbass correctional labor camp of the Ministry of Internal Affairs of the USSR dated April 20, 1948]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 6. List 1. File 17.

УДК 94(47)"19"
DOI: 10.17223/19988613/70/7

В.В. Степкин

КАЛАЧЕЕВСКАЯ ПЕЩЕРА НА СРЕДНЕМ ДОНУ: ПРОЧТЕНИЕ САКРАЛЬНОГО ТОПОСА В КОНТЕКСТЕ ВИА ДОЛОРОЗА

Раскрывается семантическая нагрузка сакрального пространства Калачеевской пещеры Воронежской области. Выдвигается и обосновывается гипотеза об отражении в структуре Калачеевской пещеры сакрального пространства Иерусалима, где ходы пещеры – это улицы города, а отдельные ее помещения – здания. Особо подчеркиваются планиграфические и символические параллели улицы Виа Долороза в Иерусалиме с центральным и северным отрезками калачеевских пещерных лабиринтов.

Ключевые слова: Калачеевская пещера; Виа Долороза; Крестный Путь Христа; Русская православная церковь; паломничество в Иерусалим.

Калачеевская культовая пещера, находящаяся в Подонье, на территории Воронежской области, является одной из самых протяженных на территории европейской части России. Суммарная длина ее ходов в настоящее время составляет около 892 м, лишь на несколько десятков метров уступая самому обширному подземному комплексу – Белогорской пещере с ее 985 м. Вместе с тем, в отличие от Белогорской пещеры, о Калачеевском подземелье фактически не сохранилось письменной информации, что делает актуальными полевые исследования данного комплекса с поиском архитектурных параллелей.

В связи с этим неслучайно, что первым исследователем Калачеевской пещеры стал археолог-любитель, художник Д.М. Струков. Он, посетив подземелье в конце XIX в., еще застал живущего здесь крестьянина, который, по его словам, «выдавал свои труды по строительству пещер и 20-летние труды своего предшественника, крестьянина из могиловской губернии, за начало устройства пещерных лабиринтов» [1]. Надо заметить, что Струков с мнением крестьянина не согласился, так как архитектурный облик пещеры напомнил ему увиденные на Востоке более древние христианские подземелья. На его взгляд, крестьяне лишь дорабатывали памятник, начало которому было положено во времена апостольские. Конечно же, данная Струковым датировка памятника не нашла понимания среди научной общественности, познакомившейся с ней по докладу М.П. Трунова на XII Археологическом съезде в 1902 г. [2].

После Д.М. Струкова Калачеевская пещера долгое время не попадала в целенаправленное поле изучения. Лишь косвенным образом она фигурировала в исследованиях ученых естественнонаучного профиля. В 1903 г. «меловой склон с вырытыми в нем пещерами» в слободе Калач был осмотрен российским геоботаником В.А. Дубянским. Им была сделана соответствующая фотография с приложением описания произрастающей здесь флоры [3]. 31 января 1956 г. пещера была осмотрена специалистом по рукокрылым П.П. Стрелковым на предмет обитания в подземелье летучих мышей. Им были обнаружены 4 водяные ночницы и 1 ушан [4].

С 70-х гг. XX в. памятник начал изучаться Воронежской секцией спелеологии. Спелеологами состав-

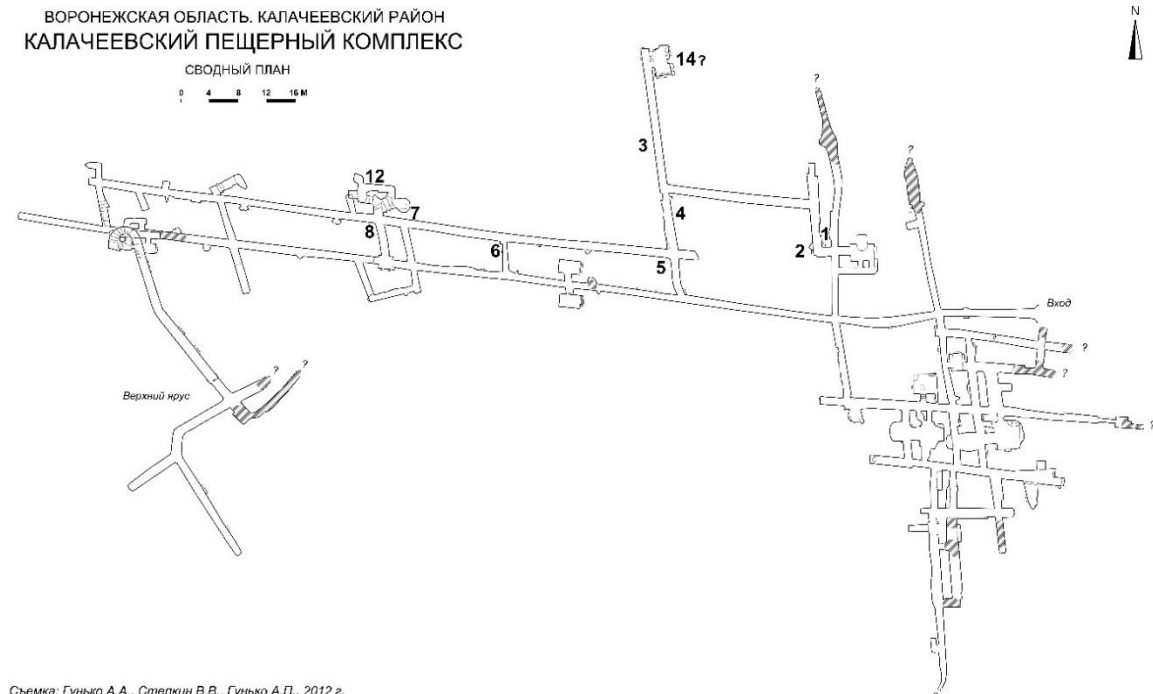
ляется план пещеры, делается ее общее описание, обращается внимание на наличие граффити. Председатель секции спелеологии Э.В. Гольянов посвятил несколько строк описанию этого памятника в статье «Донские пещеры», вышедшей в свет в 1983 г. [5].

В октябре 1997 г. Калачеевская пещера была обследована коллективом ЗАО «Инженерная геология исторических территорий» в составе представителей: О.Е. Вязкова, В.В. Пономарев, О.В. Телин, под руководством доктора геолого-минералогических наук профессора Е.М. Пашкина. Работы проводились по заказу администрации Калачеевского района на предмет возможности проведения здесь экскурсионной деятельности. По результатам работы был написан рукописный отчет, в котором отмечались опасные для посещения участки пещеры, высказывалось мнение о функциональном предназначении различных частей подземелья [6]. Так же, как и Струков, подрядчики сделали предположение о наличии различных этапов создания памятника, основываясь на анализе структуры пространственного расположения ходов пещеры. Кроме того, было отмечено, что поверхности стен, основания и кровли выработок залегают по почти параллельным субвертикальным и горизонтальным тектоническим трещинам, что значительно облегчало сооружение памятника. Надо заметить, что работающая над инженерно-геологическим мониторингом Калачеевской пещеры О.Е. Вязкова написала ряд статей, поднимающих проблемы сохранения, реставрации и использования меловых пещерных храмов Воронежской области [7, 8]. В них уделялось несколько абзацев и рассматриваемому нами памятнику.

С осени 1999 г. пещера исследуется В.В. Степкин. Им составляются более подробные планы некоторых помещений, описываются архитектурные детали и граффити подземелья. Данная работа позволила выделить в южной системе ходов пещерный храм и внести соответствующие поправки в общий план памятника, составленный Воронежской секцией спелеологии [9, 10]. Второй пещерный храм был выявлен в структуре подземных лабиринтов в ходе совместного обследования памятника в 2007 г. Н.Е. Гайдуковым и В.В. Степкиным. Результатам данного обследования

была посвящена отдельная статья [11]. В ней подробно описываются храмы, Н.Е. Гайдуковым высказывается гипотеза об их возникновении в XIII–XIV вв. на основе анализа литургического устройства, проводятся параллели с подземными культовыми архитектурными сооружениями других территорий.

В 2013 г. под руководством А.А. Гунько в Калачеевской пещере проводится топосъемка объекта. В результате появляется новый, более точный план Калачеевского пещерного комплекса (рис. 1), делается детальное морфометрическое описание памятника, выявляется его суммарная протяженность – 892 м [12].

Съемка: Гунько А.А., Степкин В.В., Гунько А.П., 2012 г.

Рис. 1. План Калачеевской пещеры на Среднем Дону. Топографическая съемка А.А. Гунько, 2012. Наложение номеров станций Виа Долороза – В.В. Степкин, 2018 г.

Значимый вклад в изучение истории Калачеевской пещеры был внесен А.М. Бойко и Е.С. Свиридовой. В 2015–2016 гг. выходят в свет их совместные статьи, посвященные воспоминаниям местных жителей о подземелье. В них собран богатый материал о последнем этапе функционирования подземелья в XX в., приводятся местные легенды [13, 14].

Вместе с тем до настоящего времени остается открытым вопрос как о первоначальном этапе строительства комплекса, так и о семантике его лабиринтов. Поиск ответов на эти взаимосвязанные вопросы поможет не только понять предназначение отдельных составляющих Калачеевской пещеры, но и наметить пути выявления семантической составляющей других культовых пещер на Русской равнине.

Для решения задачи выявления символической нагрузки лабиринтов Калачеевской пещеры применим структурно-семантический метод, способствующий выявлению семантики отдельных архитектурных элементов пещер в структуре подземного комплекса. Также историко-системный подход поможет понять специфику рассматриваемого объекта на историческом фоне доминирующей культуры. В качестве гипотезы исследования выдвинем тезис об отражении в структуре Калачеевской пещеры сакрального пространства Иерусалима, где ходы пещеры – это улицы города, а отдельные его помещения – здания. Выдвижение данной гипотезы и ее обоснование составляют новизну работы.

На возможность постановки и решения данной проблематики указывает существующий прецедент в пещерах Дивногорского и Усть-Медведицкого монастырей в Подонье [15, 16]. Так, в урочище Малые Дивы не позднее XVII в. была вырублена в мелу галерея вокруг пещерного храма, символически отражающая путь Иисуса Христа к месту распятия – Виа Долороза (Via Dolorosa), Путь Скорби, Крестный Путь. Крестный Путь (Via Crucis) был воссоздан и в Усть-Медведицком монастыре игуменьей Арсенией (Себряковой) в последней четверти XIX в. Однако надо заметить, что воспроизведение Виа Долороза как в Дивногорских, так и в Усть-Медведицких пещерах имело в целом символический характер повторения станций (уловных остановок Крестного Пути) при сходстве отдельных архитектурных составляющих. В Калачеевских же пещерах, на наш взгляд, мы встречаемся не только с символическим характером воспроизведения улицы Виа Долороза в Иерусалиме, но и с планиграфическим, в центральной и северной частях подземного лабиринта.

Если наша гипотеза верна, то необходимо найти отправную точку структурно-семантического анализа. В Дивногорском монастыре такой точкой стало прочтение станции Голгофа, выраженной повышением и понижением пещерного хода с количеством ступеней, соответствующим иерусалимскому прототипу в храме Гроба Господня [15]. В Калачеевской пещере такой точкой может стать «Колонна бичевания», читаемая

в северо-восточной части лабиринта и относящаяся к второй станции, символической остановке на Пути Скорби. Посетивший Иерусалим в конце XIX в. протоиерей А. Ковальский писал о ней: «2-я станция – место бичевания и место, где Спаситель взял Свой Крест, чтобы нести на Голгофу; здесь устроена капелла бичевания: Ессе homo» [17. С. 222]. Ессе homo – «се Человек», так звучали слова Понтия Пилата о Христе во время суда. Калачеевская «Колонна бичевания» представляет собой частично вырезанный из меловой породы объект с ярко выраженным основанием и капителю (рис. 2, б). Вверху срединной части мы видим восьмилепестковую розетку, внизу – равносторонний крест, заключенный в квадрат. Согласно сложившемуся культу Пути Скорби, именно на второй станции на Христа возложили крест, и отсюда он начал путь к

искуплению грехов всего мира, путь к преодолению смерти, к вечности. Символика квадрата в этом контексте может читаться как отражение земного пространства нашего мира с четырьмя основными направлениями структурирования: север, юг, восток, запад, или – вперед, назад, влево, вправо. И если квадрат, находящийся внизу колонны, – это символ земного мира, то круг, находящийся в верхней части колонны, – символ небесного мира, вечности. Отсутствие у круга конца и начала указывает на вневременной характер бытия. Число «восемь» использовалось в христианской архитектуре как символ вечности. Неслучайно «храм Гроба Господня виделся средневековым архитекторам именно в виде восьмиугольника» [18. С. 4]. Восьмиугольный купол венчает в настоящее время и капеллу бичевания в Иерусалиме.

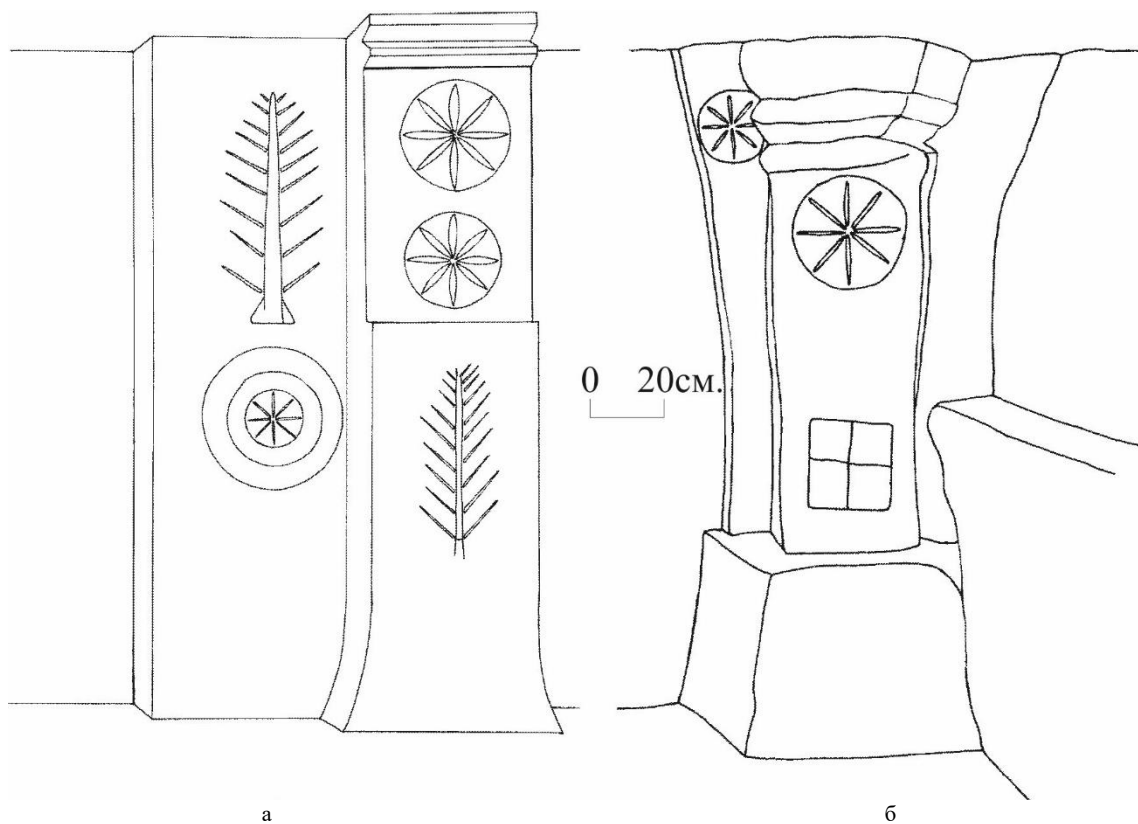

Рис. 2. Пилястры в Калачеевской пещере с вырезанными на них восьмилепестковыми розетками и пальмовыми ветвями; б – «Колонна бичевания» в Калачеевской пещере

Идея начала символического пути к победе над смертью, к вечности подчеркивается находящимися неподалеку от калачеевской «Колонны бичевания» двумя спаренными пилястрами с вырезанными на них восьмилепестковыми розетками и пальмовыми ветвями (рис. 2, а). Эти пилястры расположены у выхода из часовни. Их можно рассматривать как две колонны – символ врат, символ начала пути, итог которого – воскресение, победа над смертью. Именно эту идею отражают пальмовые ветви в христианской культуре, встречающиеся еще на стенах римских катакомб [19. С. 147, 231]. Примечательно, что в контексте архитектурной символики колонн-врат была выстроена арка в иерусалимском прототипе. Н. Гусев так писал о ней, идя по Виа Долороза в 1900 г.: «Через несколько ша-

гов перекинута через улицу арка. По преданию, она находится на том самом месте, куда Пилат вывел Божественного Страдальца, облитого кровью, в багрянице поругания и в терновом венце и, показав Его народу, воскликнул: “Се человек!” Эта арка так и носит наименование “Се человек!” За аркой вскоре показывают место бичевания Спасителя...» [20. С. 354].

Таким образом, мы вычленили на калачеевском Пути Скорби символические первые две станции, обращаясь к письменным источникам, относящимся к предполагаемой верхней временной границе создания пещерного памятника. Возвратимся к воспоминаниям А. Ковальского и рассмотрим в целом иерусалимский Крестный Путь для идентификации остальных символических остановок в Калачеевской пещере. Коваль-

ский писал: «Преторий Пилата составляет первую станцию; 2-я станция – место бичевания и место, где Спаситель взял Свой Крест, чтобы нести на Голгофу, здесь устроена капелла бичевания: *Ecce homo*; 3-я станция – место первого падения Спасителя с Крестом; 4-я – место встречи Спасителя с Пречистою Своею Матерью; 5-я – место, откуда Симон Киринейский начал помогать нести Крест; 6-я – дом Вероники. Когда она увидела из окна Спасителя, то, схватив полотенце, выбежала и отерла пот и кровь с Его лица, который отпечатлелся затем на платке. 7-я станция – Спаситель другой раз падает с Крестом... 8-я станция находится за судными воротами, составляющими границу города; здесь был произнесен декрет, осуждающий Его на смерть. 9-я – место третьего падения с Крестом, в двадцати шагах от храма Гроба Господня, 10-я – место, где с Него были сняты одежды и где он был напоен оцтом, 11-я – пригвождение к Кресту, 12-я – где Он

вознесен на Крест и умер. 13-я – где Он был принят на руки Иосифа и Никодима, 14-я – место положения во Гроб» [17. С. 222].

Рассмотрев в целом Виа Долороза Иерусалима, поставим задачу вычленения оставшихся остановок Пути Скорби в Калачеевской пещере. Для этого, опираясь на нашу гипотезу совпадения ходов пещеры с улицами Иерусалима, обратимся к картографическому материалу. В Оксфордском археологическом путеводителе по Святой Земле мы видим нумерацию станций на улице Виа Долороза (рис. 3) [21. Р. 40]. Надо заметить, что расположение улиц в районе Пути Скорби в этом путеводителе совпадает с изображенными на плане «Иерусалима и его ближайших окрестностей по Ванде-Вельду, Тоблеру, Вильсону и Шикку», опубликованном в Санкт-Петербурге в 1878 г. [22], и с другими картографическими материалами того времени на русском и иностранном языках¹.

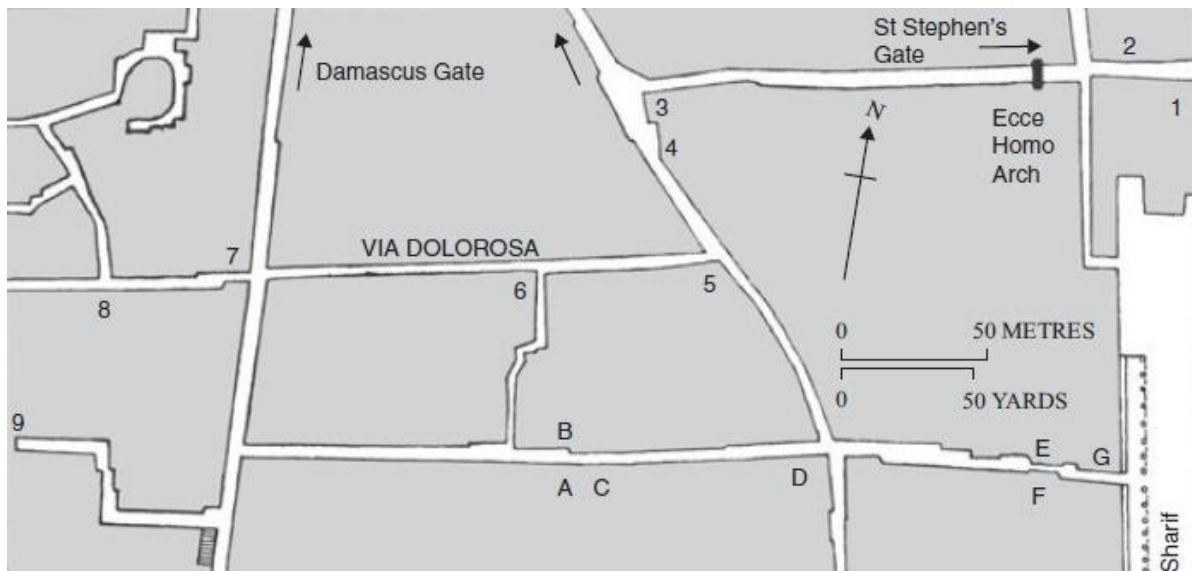

Рис. 3. Фрагмент плана Иерусалима с нумерацией станций на улице Виа Долороза

Если мы будем двигаться по Виа Долороза Калачеевской пещеры от первой и второй станции в западном направлении, то вскоре дойдем до развилки с пересечением коридора, идущего с севера на юг, – современной улица Эль-Вад в Иерусалиме. В шести метрах к северу от развилки в мелу вырезан шестиконечный крест с максимальным размером 1 м на 0,5 м. В районе рассматриваемой развилки располагаются третья и четвертая станции Виа Долороза. Как мы уже отмечали, третья станция – это «место первого падения Спасителя с Крестом», можно предположить, что вырезанный в мелу крест отображает именно эту остановку. Пятая станция в Калачеевской пещере находится в районе следующего перекрестка, откуда Виа Долороза вновь продолжает идти в западном направлении. При этом параллельно данному отрезку улицы в Иерусалиме идет в настоящее время улица а-Мидраша, соединяющаяся с ней переулком Эль-Бейрам в районе шестой станции². Данное пространственное расположение улиц калькируется системой ходов в Калачеевской пещере. После пересечения с улицей Бейт а-Бад на Виа Долороза мы наблюдаем седьмую и восьмую станции.

В Калачеевской пещере они также могли повторяться в этом дублированном пространстве. Далее создатели Калачеевской пещеры проявили творчество, связанное с тем, что в иерусалимской традиции станции с десятой по четырнадцатую находятся внутри храма Воскресения Христова. Понятно, что о создании аналогичного столь сложного проекта в пещере речь идти не могла. Какое решение устроители калачеевского подземелья нашли далее для отражения в сакральном пространстве станций Виа Долороза, выяснить доподлинно не представляется возможным. Мы можем лишь выдвинуть предположение относительно локализации в Калачеевской пещере двенадцатой и четырнадцатой остановок Пути Скорби. Двенадцатая станция – Голгофа, – на наш взгляд, хорошо читается в круговом поднимающемся и спускающемся ходе, рядом с восьмой станцией. На нее ведет пять ступеней. Характер обработки стен в районе Голгофы носит грубый, невыравненный характер. На их поверхности видны следы рубящего орудия труда. Это может свидетельствовать как о незавершенности обустройства данной станции, так и о творческом замысле выделения таким образом есте-

ственного характера скальной породы иерусалимской Голгофы в отличие от других станций, расположенных в городе. Четырнадцатая станция может быть прочитана в отдельной часовне, к северу от третьей остановки. Здесь у восточной стены вырублен уступ, который может читаться как символическое погребальное ложе.

Рассматривая перенос Виа Долороза в сакральное пространство Калачеевской пещеры, надо заметить, что в иерусалимском прототипе большинство станций маркируется лишь прибитой табличкой с номером остановки. Это, в свою очередь, делает затруднительной иную, кроме планиграфической, идентификацию скопированных в калачеевском подземелье символических остановок Крестного пути. Исключение здесь могут представлять вторая станция, маркируемая колонной, третья станция, выделенная крестом, и двенадцатая станция, подчеркнутая перепадом высот.

Таким образом, сопоставив систему ходов в центральной и северной частях Калачеевского лабиринта с иерусалимской улицей Виа Долороза, мы нашли очевидное пространственное соответствие как по сторонам света, так и по пропорциональному соотношению расположения улиц-ходов. Остается теперь выяснить хронологический отрезок создания данного участка пещеры. Верхняя граница, как мы уже отмечали, – это XIX в. В это время пещера уже существовала, и картографический материал данного столетия помог нам в определении ее символической нагрузки. Определение нижней границы является задачей более сложной. Если говорить о зарождении традиции Виа Долороза в Иерусалиме, то она относится к XIV столетию и связана с деятельностью ордена францисканцев [21. Р. 37]. Воплощение иерусалимского сакрального топоса в русской архитектуре получает развитие с XVI–XVII вв. [23]. «Необходимо отметить также наличие изначального притока населения в Калач из Правобережной Украины, входившей в третьей четверти XVIII в. в состав Речи Посполитой» [24. С. 17–18]. Это немаловажный фактор, если учитывать, что перенесение в Россию иерусалимского топоса проходило в рамках вестернизации [25. С. 203]. В XVII в. строятся кальварии, скульптурные композиции на сюжеты страданий Христа, в Польше (Зебжидовская и Вейхеровская) и в Литве (Вильнюсская и Жямайгитская). В XVIII в. кальварии создаются в Белоруссии (Минская и Мядельская). Это могло оказать косвенное влияние на ментальность мигрантов в Калач с данных территорий. Не будем забывать также, что, по словам Струкова, в XIX в. в Калачеевской пещере трудился крестьянин из Могилевской губернии, вошедшей в состав России после раздела Речи Посполитой. Не исключено влияние на калачеевцев и отечественного опыта построения Нового Иерусалима под Москвой в XVII в. Но в любом случае это лишь исторический фон ментальности, ведь устроители лабиринтов Калачеевской пещеры копировали непосредственно сакральное пространство Иерусалима.

Наблюдать сакральное пространство Иерусалима и загореться желанием его воспроизведения на родине можно было во время паломничества. О паломничестве в Иерусалим жителей Воронежской епархии Ф. Никон писал в середине XIX в. следующее: «Немного

найдется в епархии селений, где не было бы ни одного человека, совершившего путешествие в Иерусалим. Пилигримы собираются из разных селений большей частью весною или в летнее время и в августе стараются пуститься в Черное море из Севастопольской, как было до войны, или Одесской пристани. Путь их обыкновенно лежит на Константинополь и Афонскую гору, где богомольцы считают долгом посетить несколько монастырей. Отплывши отсюда, они к берегам Палестины пристаю в Яффе (древней Иопнии), страстную седмицу и особенно день Воскресенья Господня стараются проводить в самых местах, освященных великими событиями, совершившимися в сии дни – в Иерусалимских храмах, и, поклонившись всем Иерусалимским и окрестным святыням, а также посетив священные места у Иордана, направляются к горе Синаю. Только немногие возвращаются в отечество прямо из Палестины. Но бывшие в монастырях Синая опять заходят в Иерусалим и тогда уже из Яффы отплывают в Россию. Путешествия сии обыкновенно продолжались от 2 до 3 лет. Но с открытием пароходных сообщений, время это сократилось более чем вдвое... Почти все простые богомольцы приносят с собой в дома разные священные вещи...» [26. С. 326–327]. Могли приносить пилигримы с собой открытки и топографические карты с изображением Иерусалима.

При этом надо заметить, что калачеевский останец весьма напоминает по внешнему виду иерусалимскую возвышенность, на которой был построен Старый Город. Но почему для переноса сюда было выбрано не наземное, как в Иерусалиме, а подземное пространство? Здесь могло быть несколько причин. Подземное строительство не требовало таких трудозатрат, умений и согласований, как наземное. Кроме того, подземный, более скрытый, труд был предпочтительнее в рамках народной сакрализации поселенческой округи. Ведь сакрализация объектов, помимо храмового пространства, не всегда находила понимание среди властей различного уровня [27, 28].

Надо заметить, что в контексте калькирования в Калаче сакрального пространства Иерусалима поновому можно взглянуть и на расположенный в 1,5 км к северо-западу от пещер Воскресенский храм, построенный в 1818 г. на месте ранее созданного в 1775 г. Престольный праздник этого храма был в память освящения иерусалимского Воскресенского храма. В настоящее время Воскресенский храм г. Калач недействующий. Местному краеведу Е.С. Свиридовой удалось собрать множество легенд о засыпанных подземных ходах, идущих от этого храма к Калачеевской пещере [29].

Если говорить не об историческом фоне, когда могла быть построена в Калачеевской пещере Виа Долороза, а о более точной датировке, то здесь нам видится следующее перспективное направление исследований. Во-первых, это изучение архитектурной истории улиц, сопутствующих Виа Долороза и воспроизведенных в Калачеевской пещере. Помимо датирующего элемента, это также поможет понять семантику других ходов пещеры, за пределами Пути Скорби. Возможно, например, прочтение в этом контексте

углублений в нижней части стены западной части пещеры как моделирования водных источников. Во-вторых, перспективным видится проведение археологических исследований засыпанных частей подземелья, в ходе которых могут быть обнаружены датирующие артефакты. В-третьих, немаловажно сопоставить рассмотренные нами в статье северную и центральную части ходов пещеры с южной системой лабиринтов при наличии возможности ее датирования естественнонаучными методами по присутствующей органике в заливке пола одного из помещений.

Переходя к выводам рассмотрения семантики сакрального пространства Калачеевской пещеры, следует отметить подтверждение выдвинутой гипотезы об отражении здесь Виа Долороза – символического Пути Скорби Христа в Иерусалиме. Планиграфия Крестного Пути как в Иерусалиме, так и в Калачеевской пещере носит идентичный характер, символизм которого уси-

ливают настенные граффити. Учитывая, что перед этим нами была решена задача прочтения Виа Долороза в пещерах донского Дивногорского монастыря [15], мы можем говорить о разработке нового методологического подхода, который может применяться для прочтения сакрального пространства других культовых пещер Европейской части России XVII–XIX вв. Его основу составляет обращение к картографическому материалу и такому жанру паломнической литературы, как хождения, для выявления на родине пилигримов прототипов построения сакрального пространства в Святой Земле. Помимо методологического аспекта исследования, необходимо подчеркнуть огромный рекреационный потенциал культовых пещер, обладающих сложной сакральной нагрузкой. В связи с этим остро стоит вопрос о сохранении и реставрации данных уникальных памятников историко-культурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карта XIX в., Иерусалим, Старый Город. URL: http://mmedia.ozon.ru/multimedia/books_ill/1003259246.jpg; Карта 1900 г., Иерусалим, Старый Город. URL: <http://www.cosmovisions.com/qJerusalem1900.htm> (дата обращения: 09.01.2018).

² Современная карта, Иерусалим, Старый Город. URL: <http://wikiliah.moy.su/photo/6-0-67-3?1408482450> (дата обращения: 05.01.2018).

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы из фонда Струкова Д.М. в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ): 31/21.
2. Трунов М.П. О пещерных храмах Воронежской губернии – по неизданным документам Д.М. Струкова // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. 1904. Вып. 2.
3. Дубянский В.А. О характере растительности меловых обнажений (по исследованиям в Воронежской губ.) // Известия Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада. 1903. Т. 3, вып. 7. С. 209–227.
4. Стрелков П.П. Материалы по зимовкам летучих мышей в Европейской части СССР // Труды Зоологического института Академии наук СССР. 1958. Т. XXV. С. 255–304.
5. Гольянов Э.В. Донские пещеры // Заповедные уголки Воронежской области. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1983. С. 68–71.
6. Пашкин Е.М. Техническое заключение по теме: «Инженерно-геологическое обследование состояния Калачеевской пещеры» : рукопись. М., 1998.
7. Вязкова О.Е. Инженерно-геологические проблемы изучения и сохранения пещерных храмов Воронежской области // Тезисы 1-го Международного научно-практического симпозиума «Природные условия строительства и сохранения храмов православной Руси», 7–11 окт. 2000 г. Сергиев Посад, 2000. С. 48–50.
8. Вязкова О.Е. Проблемы инженерно-геологического изучения и сохранения пещерных храмов на юге Воронежской области // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геоэкология. 2004. № 3. С. 237–243.
9. Степкин В. В. Калачеевская пещера (к истории изучения) // Верхнедонской археологический сборник. Липецк : ЛГПУ, 2001. Вып. 2. С. 261–269.
10. Степкин В.В. Пещерные памятники Среднедонского региона // Культовые пещеры Среднего Дона. М. : РОСИ, 2004. Вып. 4. С. 41–137. (Сер. Спелестологические исследования).
11. Гайдук Н.Е. Степкин В.В. Калачеевская пещера на Среднем Дону (по материалам Д. Струкова и современным исследованиям) // Могилянські читання. 2007: Музейники XX століття – дослідники української сакральної культури : зб. наук. праць. Київ : Нац. Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 2008. С. 372–381.
12. Гунько А.А., Степкин В.В., Кондратьева С.К., Леонтьев М.В. Новые данные о культовых пещерах Дона по материалам исследований 2012–2013 гг. // Христианские пещерные комплексы Восточной Европы : тез. междунар. науч.-практ. конф. (24–27 апр. 2014, Дивногорье, Воронежская обл., Россия). Воронеж : Истоки, 2014. С. 10–11.
13. Бойко А.М. Свиридова Е.С. Калачеевская меловая пещера по воспоминаниям местных жителей // Дивногорский сборник : тр. музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж : Науч. книга, 2015. Вып. 5. С. 61–74.
14. Бойко А.М. Свиридова Е.С. Тайна старой фотографии, или Они жили в пещере // Пещеры как объекты истории и культуры: материалы междунар. науч. форума, Воронеж–Дивногорье, 19–22 апр. 2016. Воронеж : Науч. книга, 2016. С. 33–36.
15. Степкин В.В. Виа Долороза в пещерах урочища Малые Дивы на Среднем Дону // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426, январь. С. 167–179.
16. Гунько А.А., Кондратьева С.К., Степкин В.В. К изучению пещер Спасо-Преображенского Усть-Медведицкого монастыря // Спелеология и спелеология : сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. Набережные Челны : НГПУ, 2017. С. 111–120.
17. Шлегель А.А., Рукин М.Д., Мазур И.И. Средневековые паломничества к Святой земле в текстах пилигримов. М. : Акад. Тринитаризма, 2013. 308 с.
18. Лаврецкий Г.А. Модель Святой Земли в сакральной топографии Полоцка // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Ф. Строительство. Прикладные науки : науч.-теор. журнал. 2012. № 8. С. 2–5.
19. Уваров А.С. Христианская символика. М. : Изд-во Ун-та истории культур ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. I. Символика древнехристианского периода. 256 с.
20. Гусев Н. Путешествие во Святую землю // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 8. С. 333–355.
21. The Holy Land : an Oxford Archaeological Guide / gen. ed. B. Cunliffe. New York : Oxford University Press, 2008. 576 p.
22. Норов А.С. Иерусалим и Синай : записки второго путешествия на Восток / под ред. В.Н. Хитрово. СПб. : Изд. Н.П. Поливанова, А.А. Ильина и К°, 1878. [2], XII, 171 с.
23. Крохина Н.П., Бредний А.А. Символика Нового Иерусалима в русской архитектуре XVI–XVII веков // Научный поиск. 2012. № 1. С. 52–56.

24. Бережной А.А. Миграционные процессы на юге Воронежской губернии (XVIII в.). // Из истории Воронежского края : сб. ст. / отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж, 2006. Вып. 14. С. 17–23.
25. Беляев Л.А. Иерусалим видимый и невидимый: о типологии визуальных отражений Святой Земли в древнерусской культуре // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М. : Индрик, 2009. С. 202–220.
26. Никонов Ф. О благочестивых обычаях и религиозных учреждениях, существующих у жителей Воронежской Епархии // Воронежский литературный сборник. 1861. Вып. I. С. 321–372.
27. Никольский П.В. Монашество на Дону в XIX веке. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. // Воронежская Старина. Воронеж : Изд-е Воронеж. Церковного ист.-археолог. комитета, 1910. Вып. 9. С. 149–181.
28. Степкин В.В. Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Приднью // Вестник церковной истории. М. : Православная энцикл., 2008. № 3 (11). С. 141–150.
29. Свиридова Е. С. Уникальный храм земли Калачеевской. Калач : Януса, 2017.

Vitaliy V. Stepkin, Pavlovsk Secondary School (Pavlovsk, Voronezh region, Russian Federation). [E-mail: archeolog@mail.ru](mailto:archeolog@mail.ru)

KALACHEEVSKAYA CAVE IN THE MIDDLE DON: INTERPRETATION OF SACRED TOPOS IN THE CONTEXT OF THE VIA DOLOROSA

Keywords: Kalacheevskaya cave; Via Dolorosa; Via Crucis; the Russian Orthodox Church; pilgrimage to Jerusalem.

The aim of this work is to identify the semantic meaning of Kalacheevskaya cave's sacred space. The sources of research are the underground complex itself, located on the south of Voronezh region, maps and descriptions of places by pilgrims to the Holy Land. There are no written sources left about building of Kalacheevskaya cult cave. However, the object under study is one of the longest caves in European part of Russia, which attaches particular relevance to field studies of the caves. The total length of the cave passes makes today 892 m. So far, the intended purpose of most of them has been unknown. The study suggests and justifies a hypothesis for reflection in the structure of Kalacheevskaya cave of Jerusalem sacred space, where passes of the cave are town streets and its separate premises are buildings, that makes the scientific novelty of the study. The possibility of such problem setting and solving was inspired by the existing precedent in the caves of Divnogorskiy and Ust-Medveditskiy monasteries in the Don region, where the symbols of the labyrinths can be interpreted as Via Dolorosa. Via Dolorosa is a street in Jerusalem where symbolic stops on the last day of Christ's sufferings are reflected. Its sanctity began to shape in Jerusalem in the 14th century. The embodiment of Jerusalem sacred topos in Russian architecture gets its development in 16-17th centuries. The Kalach city, with a high chalk outlier and the cave in the middle of the town, was founded in the early 18th century by Cossacks of Ostrogozhskiy regiment. Its inhabitants could see the sacred space of Jerusalem during pilgrimage to the Holy Land, trying to repeat it at home within the folk tradition of cave digging. If to compare the plan of Via Dolorosa in Jerusalem with the central and northern parts of cave labyrinths in Kalach, it is possible to see eight stops of the Way of the Cross. Hence, the second stop, "the place of the flagellation and the place where the Savior took his Cross to bear it to Golgotha", is marked by a cut in chalk column decorated with graffiti. The third stop is marked with a big cross cut on chalk. It is impossible to identify on the plan the location of stops from the tenth to fourteenth owing to their location in Jerusalem prototype inside the Church of the Resurrection and its absence in Kalacheevskaya cave. We can only make an assumption about the location of some of them on the basis of distinct architectural elements. For example, Golgotha can be symbolically identified in the circle up-going and down-going pass in the area of the eighth stop of Via Dolorosa in Kalacheevskaya cave. The method of structural-semantic analysis developed in the article based on comparison of individual elements of the cave with a particularly revered Christian sacred loci, allows to take a fresh look at the numerous religious caves of the Great Russian Plain. Thus, in the case of similar semantics, we can speak about increasing of recreational potential of these objects.

REFERENCES

1. Materials from The D.M. Strukov Fund in the Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RSL): 31/21.
2. Trunov, M.P. (1904) O peshchernykh khramakh Voronezhskoy gubernii – po neizdannym dokumentam D.M. Strukova [About the cave temples of the Voronezh province – according to D.M. Strukov's unpublished documents]. *Trudy Voronezhskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 2.
3. Dubyanskiy, V.A. (1903) O kharaktere rastitel'nosti melovykh obnazheniy (po issledovaniyam v Voronezhskoy gub.) [On the nature of the vegetation of chalk outcrops (according to research in Voronezh province)]. *Izvestiya Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo botanicheskogo sada*. 3(7). pp. 209–227.
4. Strelkov, P.P. (1958) Materialy po zimovkam letuchikh myshey v Evropeyskoy chasti SSSR [Materials on wintering of bats in the European part of the USSR]. *Trudy Zoologicheskogo instituta Akademii nauk SSSR*. 25. pp. 255–304.
5. Golyanov, E.V. (1983) Donskie peshchery [The Don caves]. In: Polozhentsev, P.A. (1983) *Zapovednye ugolki Voronezhskoy oblasti* [The Preserves of Voronezh Region]. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo. pp. 68–71.
6. Pashkin, E.M. (1998) *Tekhnicheskoe zaklyuchenie po teme: "Inzhenerno-geologicheskoe obsledovanie sostoyaniya Kalacheevskoy peshchery": rukopis'* [Technical conclusion on the topic: "Engineering and geological survey of the Kalach cave": manuscript]. Moscow: [s.n.].
7. Vyazkova, O.E. (2000) Inzhenerno-geologicheskie problemy izucheniya i sokhraneniya peshchernykh khramov Voronezhskoy oblasti [Engineering and geological problems of studying and preserving cave temples in the Voronezh region]. *Prirodnye usloviya stroitel'stva i sokhraneniya khramov pravoslavnoy Rusi* [Natural conditions for the construction and preservation of churches in Orthodox Russia]. Abstracts of the 1st International Symposium. October 7–11, 2000. Sergiev Posad. pp. 48–50.
8. Vyazkova, O.E. (2004) Problemy inzhenerno-geologicheskogo izucheniya i sokhraneniya peshchernykh khramov na yuge Voronezhskoy oblasti [Problems of engineering-geological study and preservation of cave temples in the south of Voronezh region]. *Geoekologiya. Inzhenernaya geologiya. Gidrogeologiya. Geokriologiya*. 3. pp. 237–243.
9. Stepkin, V.V. (2001) Kalacheevskaya peshchera (k istorii izucheniya) [The Kalach cave (to the history of study)]. In: Bessufnov, A.N. (ed.) *Verkhnedonskoy arkhеologicheskoy sbornik* [The Upper Don Archaeological Collection]. Vol. 2. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 261–269.
10. Stepkin, V.V. (2004) Peshchernye pamyatniki Srednedonskogo regiona [Cave monuments of the Middle Don region]. In: Sokhin, M.Yu. (ed.) *Kul'tovye peshchery Srednego Dona* [The cult caves of the Middle Don]. Vol. 4. Moscow: ROSI. pp. 41–137.
11. Gaydukov, N.E. & Stepkin, V.V. (2008) Kalacheevskaya peshchera na Srednem Donu (po materialam D. Strukova i sovremennym issledovaniyam) [The Kalach cave in the Middle Don (based on D. Strukov's materials and modern research)]. In: Krolevets, S. & Kolpakova, V.M. (eds) *Mogilyans'ki chitannya. 2007: Muzeyniki XX stolittya – doslidniki ukrains'koï sakral'noi kul'turi*. Kyiv: Nats. Kievo-Pechers'kiiy istoriko-kul'turniy zapovidnik. pp. 372–381.
12. Gunko, A.A., Stepkin, V.V., Kondratieva, S.K. & Leontiev, M.V. (2014) Novye dannye o kul'tovykh peshcherakh Dona po materialam issledovaniy 2012–2013 gg. [New data on the cult caves of the Don based on research materials from 2012–2013]. *Khristianskie peshchernye komplekсы Vostochnoy Evropy* [Christian Cave Complexes of Eastern Europe]. Proc. of the International Conference. April 24–27, 2014. Voronezh: Istoki. pp. 10–11.

13. Boyko, A.M. & Sviridova, E.S. (2015) Kalacheevskaya melovaya peshchera po vospominaniyam mestnykh zhitel'ey [The Kalach chalk cave according to the recollections of local residents]. In: Vinnikov, A.Z. (ed.) *Divnogorskiy sbornik* [The Divnogorsk Collection]. Vol. 5. Voronezh: Nauch. Kniga. pp. 61–74.
14. Boyko, A.M. & Sviridova, E.S. (2016) Tayna staroy fotografii, ili Oni zhili v peshchere [The secret of an old photograph, or They lived in a cave]. *Peshchery kak ob'ekty istorii i kul'tury* [Caves as objects of history and culture]. Proc. of the International Forum. Voronezh-Divnogorye, April 19–22, 2016. Voronezh: Nauch. kniga. pp. 33–36.
15. Stepkin, V.V. (2018) Via Dolorosa in the caves of the Malye Divy area in the Middle Don. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 426. pp. 167–179. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/426/21
16. Gunko, A.A., Kondratieva, S.K. & Stepkin, V.V. (2017) K izucheniyu peshcher Spaso-Preobrazhenskogo Ust'-Medveditskogo monastyrya [On the study of the caves in the Ust-Medveditsky Monastery of the Transfiguration of the Savior]. *Speleologiya i spelestologiya* [Speleology and Spelestology]. Proc. of the 8th International Conference. Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny Pedagogical University. pp. 111–120.
17. Shlegel, A.A., Rukin, M.D. & Mazur, I.I. (2013) *Srednevekovye palomnichestva k Svyatoy zemle v tekstakh piligrimov* [Medieval pilgrimages to the Holy Land in the texts of the pilgrims]. Moscow: Akad. Trinitarizma.
18. Lavretsky, G.A. (2012) The Holy Land model in the sacred topography of Polotsk. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. F. Stroitel'stvo. Prikladnye nauki – Herald of Polotsk State University. Series F. Civil Engineering. Applied Sciences*. 8. pp. 2–5. (In Russian).
19. Uvarov, A.S. (2001) *Khristianskaya simvolika* [Christian symbolism]. Moscow: University of History of Cultures; St. Petersburg: Aleteyya.
20. Gusev, N. (1900) Puteshestvie vo Svyatuyu zemlyu [Journey to the Holy Land]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 8. pp. 333–355.
21. Cunliffe, B. (ed.) (2008) *The Holy Land: an Oxford Archaeological Guide*. New York: Oxford University Press.
22. Norov, A.S. (1878) *Ierusalim i Sinay : zapiski vtorogo puteshestviya na Vostok* [Jerusalem and Sinai: Notes of the Second Journey to the East]. St. Petersburg: N.P. Polivanov, A.A. Ilin i Ko.
23. Krokhina, N.P. & Bredniy, A.A. (2012) Simvolika Novogo Ierusalima v russkoy arkhitekture XVI–XVII vekov [Symbols of New Jerusalem in Russian architecture of the 16th – 17th centuries]. *Nauchnyy poisk*. 1. pp. 52–56.
24. Berezhnoy, A.A. (2006) Migratsionnye protsessy na yuge Voronezhskoy gubernii (XVIII v.) [Migration processes in the south of the Voronezh province (the 18th century)]. In: Akinshin, A.N. (ed.) *Iz istorii Voronezhskogo kraya* [From the History of Voronezh Region]. Vol. 14. Voronezh. pp. 17–23.
25. Belyaev, L.A. (2009) Ierusalim vidimyy i nevidimyy: o tipologii vizual'nykh otrazheniy Svyatoy Zemli v drevnerusskoy kul'ture [Jerusalem visible and invisible: on the typology of visual reflections of the Holy Land in ancient Russian culture]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces]. Moscow: Indrik. pp. 202–220.
26. Nikonov, F. (1861) O blagochestivnykh obyayakh i religioznykh uchrezhdeniyakh, sushchestvuyushchikh u zhitel'ey Voronezhskoy Eparkhii [About pious customs and religious institutions among residents of the Voronezh Diocese]. *Voronezhskiy literaturnyy sbornik*. 1. pp. 321–372.
27. Nikolskiy, P.V. (1910) Monashestvo na Donu v XIX veke. Ocherk 1. Peshcherokopatel'stvo v XIX v. [Monasticism on the Don in the 19th century. Essay 1. Cave digging in the 19th century]. *Voronezhskaya Starina*. 9. pp. 149–181.
28. Stepkin, V.V. (2008) Building caves as a Christian ascetical practice – the case of forest-steppe outskirts of the Don. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 3(11). pp. 141–150. (In Russian).
29. Sviridova, E.S. (2017) *Unikal'nyy khram zemli Kalacheevskoy* [The Kalach Unique Temple]. Kalach: Yaniza.

УДК 297.19 (571.1)
DOI: 10.17223/19988613/70/8

З.А. Тычинских

ТОБОЛЬСКИЕ АХУНЫ В XVI–XVIII ВВ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках темы ФНИ «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)», номер государственного учета НИОКТР АААА-А19-119080790037-1.

Рассматривается малоизученная тема, связанная с составом мусульманского духовенства в Сибири в XVI–XVIII вв. Показано, что среди исламского духовенства в период Сибирского ханства были известны такие категории, как шейхи, муллы, ходжи, абызы (хафизы), муфтии и мударисы. Особое место в исламской иерархии отводилось сейидам, являвшимся высшими духовными лицами в тюрко-татарских ханствах и игравшим важную роль в процессе исламизации этих государств.

Ключевые слова: мусульманское духовенство; ахуны; сейиды; Кульмаметевы; Сибирь; Тобольск.

Вопрос о составе мусульманского духовенства в Сибири периода Сибирского ханства и более поздних этапов остается малоизученным. Главной причиной этого, на наш взгляд, является проблема слабости источниковой базы. Несмотря на данное обстоятельство, интерес исследователей к проблеме исламизации Западной Сибири, с которой во многом связана и тема настоящего исследования, не ослабевает, ведется поиск источников и новых методологических подходов. Об этом свидетельствует значительно возросшее в последнее время количество публикаций по истории сибирского ислама [1–13], среди которых особое значение имеют работы, в которых предприняты попытки периодизации распространения ислама в Западной Сибири [10, 12, 13].

Не останавливаясь подробно на характеристике указанных работ, отметим наиболее важные, на наш взгляд, выводы исследователей, касающиеся общего характера исламизации тюрко-татарских государств Западной Сибири. Прежде всего к ним относится вывод о том, что распространение ислама в Западной Сибири происходило в «общем контексте исламизации Золотой орды и постзолотоордынских государств» [12. С. 243]. Несмотря на то, что данное положение еще требует дальнейшего изучения, следует согласиться с тем, что при имеющейся источниковой базе реконструкция процесса исламизации в Сибири возможна лишь при соотнесении его с синхронными процессами в Золотой Орде [13].

Другим важным выводом является то, что данные процессы в Сибири связаны с династией Шибанидов, благодаря конфессиональной политике которых ислам распространялся первоначально при дворе правителей и в среде кочевой аристократии, а затем среди рядового населения. Особую роль в процессе введения ислама на территории Сибири, которая «ранее была за границами мусульманского мира», отведена ханам Ахмад-Гирею и Кучуму, в период правления которых, по мнению большинства исследователей, ислам занял ведущее положение в Тюменском и Сибирском хан-

ствах [13. С. 149]. Период с второй половины XVI в., связанный с деятельностью хана Кучума, был временем принятия населением Сибирского ханства ислама в качестве государственной религии [10. С. 804].

О возможности достаточно поздней датировки распространения ислама в Сибири свидетельствует и предположение историка А.К. Бустанова о том, что известный поход шейхов для «установления ислама» в Западной Сибири, связываемый с именем Багаудина Накшбанда и упоминаемый в ряде манускриптов под 1394–1395 гг., «вполне может относиться к эпохе конкуренции двух братств [суфийские братства Накшбандийа и Ясавийа] в XVI–XVII вв.» [4. С. 159].

Таким образом, исследователи приходят к выводу, что широкое внедрение ислама в Сибирском ханстве произошло незадолго до его завоевания Московским государством, в связи с чем можно предположить, что становление системы исламского сообщества и формирование исламских институтов происходило достаточно поздно – на рубеже XVI–XVII вв., что во многом может объяснять определенные их особенности.

Известно, что в результате исламизации Сибирского ханства в состав элиты этого государства вошли и представители исламского духовенства. Высшими духовными лицами в тюрко-татарских государствах были сейиды, являвшиеся потомками пророка Мухаммада и представлявшие особую категорию мусульманского духовенства [8. С. 5]. Достаточно подробно институт сейидов в Золотоордынском государстве и постордынских татарских ханствах рассмотрен в трудах Д. Де Виза и Д.М. Исхакова [1, 8, 14, 15]. Исследователями отмечена особая роль сейидов в процессе исламизации тюрко-татарских государств. Д.М. Исхаков выявляет присутствие сейидов в Шибанидском государстве, а затем и в Сибирском ханстве [1; 8. С. 24]. При этом он отмечает, что сведения об институте сейидов применительно к Сибирскому ханству появляются довольно поздно – лишь к периоду правления хана Кучума [Там же. С. 25]. Вместе с тем известно, что сейиды присутствовали в Шибанидских государ-

ствах намного раньше. Так, еще в окружении хана Абул-Хайра находились Кара-сейид и Кул-Мухаммед-сейид, выполнявшие не только религиозные, но и военные функции, принимая участие в некоторых походах хана Абул-Хайра [15. Р. 619–620]. Д.М. Исхаков называет имена двух верховных сейидов в Сибирском ханстве – Ярым сейида (1572–1574) и его племянника Дин-Али сейида (примерно с 1574–1575 и до 1582) [8. С. 173–174] – и высказывает предположение, что и предки Ярым сейида могли быть верховными сейидами в Искерском юрте [Там же. С. 170–171]. Кроме вышеназванных, при хане Кучуме был известен сейид Тул-Мухаммад, известия о котором относятся к 1598 г. [16. С. 7]. Источники позволяют говорить о том, что роль сейидов при ханском дворе была особенно велика в период исламизации населения государства.

Исследователями называются также такие категории мусульманского духовенства, как шейхи, муллы, ходжи, абызы (хафизы), муфтии и мударисы [17. С. 271]. Данные сведения подтверждает предание «О том, что Ильяс мулла слышал от своего отца», записанное В.В. Радловым у сибирских татар, в котором перечисляются прибывшие в Сибирь вместе с Ахмет-Гиреем и новым шейх ул-исламом представители духовенства: шейхи, муллы, ахуны и др. [18. С. 212]. Упоминание о том, что в ставке Кучума были «муллы, сеиты и абызы...», встречается в Сибирских летописях, в частности в Есиповской летописи [19. С. 84].

Правда, по поводу ахунов в составе как прибывшей вместе с Ахмет-Гиреем мусульманской миссии, так и в составе духовенства в Сибирском ханстве Д.М. Исхаков выражает сомнение, считая, что данный термин «несет отпечаток XIX в.», т.е. того периода, когда ахуны были более известны [8. С. 178]. Несмотря на присутствие этой номинации в предании, а также в сообщениях Г.Ф. Миллера [20], исследователь считает, что присутствие ахунов в ханстве гипотетично, и предполагает, что под ахунами подразумеваются другие категории духовенства – муллы, абызы [8. С. 178–179]. Однако некоторые имеющиеся материалы свидетельствуют не только о присутствии данной номинации в номенклатуре ханского и постханского периодов истории сибирских татар, но и о реальных личностях, находившихся на должностях ахунов в конце XVI – начале XVII в.

Известно, что ахунами (ахундами) (от перс. *хаванд* или *ахунд* – наставник, господин) обычно называли исламских богословов, ученых, главных духовных лиц, специалистов по мусульманскому праву, имеющих право выносить судебные решения и издавать религиозно-правовые предписания.

По всей видимости, институт сейидов, действовавший в Сибирском ханстве, в новых исторических реалиях в прежнем формате перестал существовать. В новой системе организации мусульманского сообщества ахуны заняли верхнюю ступеньку исламской иерархии и определялись как главные лица в местной мусульманской иерархии XVII–XVIII вв. Данная система просуществовала вплоть до создания Оренбургского духовного управления в конце XVIII в.

Что касается сейидской династии, то сейид Дин-Али, известный по периоду Сибирского ханства, кото-

рый также был зятем хана Кучума, упоминается в документах, относящихся к концу XVI – первой трети XVII в., как «тарский юртовской татарин сеид Тенелей Берелеев», находившийся на русской службе [8. С. 168; 21. С. 165]. Он и его потомки утрачивают прежний статус высших духовных лиц, который был у них в период ханства, но принадлежность к сейидскому роду сохраняет их высокое положение и авторитет среди татарского населения.

Категория ахунов присутствует в сибирских материалах, относящихся к XVII и XVIII вв. Так, в «Трактате о генеалогии» («Шаджара рисаласи»), в котором записана родословная тарских сейидов, повествование ведется от имени Ходжам-Шукура, сына Йусуф бия, который называет себя ахуном города Тобола. Далее он сообщает, что «наш отец Йусуф был бием во времена хана Кучума. Наш отец из этого мира переселился, но от него мы, Ходжам-Шукур-ахун, слышали о прибытии для обучения исламской вере Дин Али-ходжи, а также его происхождение от Сайид-Аты...» [3]. Исходя из приводимых данных, ахун Ходжам-Шукур жил в «Тоболе» (Тобольске) в конце XVI – первой половине XVII в. «Трактат» содержит информацию о том, что Дин-Али-ходжа прибывает из Тары в Тобольск, где встречается с представителями исламского духовенства, среди которых называется ахун Ходжам-Шукур, а также Ширбети-шайх. Дин-Али-ходжа сообщает им об утрате «в смуту Ермака» своей родословной и собирается поехать за ней в Ургенч для ее восстановления. Однако вышеназванный ахун отговаривает его от поездки и говорит: «Мы Вам сами напишем родословие на основе свидетельства всего народа и со слов и свидетельства прибывшего с Вами Ширбети-шайха» [Там же]. Именно данное подтверждение тобольским ахуном происхождения Дин Али-ходжи от рода «сайида» и восстановление его утраченной родословной со слов свидетелей тех событий сохранилось в дальнейшем в родословной ходжей, пребывавших в деревне с названием Ходжа-аул Тарского уезда Тобольской губернии [Там же].

В «Тобольской рукописи» Саад Ваккаса б. Раджаб Мамет-Аллакулова, более известной как рукопись «О религиозных войнах шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири», хранящейся в фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, также сообщается о категории ахунов. Значительная часть содержания рукописи посвящена информации о кодификации священных могил (астана) шейхов, погибших во времена исламизации Западной Сибири. В данном мероприятии, как указано Саад Ваккасом б. Раджаб Мамет-Аллакуловым, принимал участие и ахун «Тобола и Томска» Абд ал-Карим кади, который вместе с Ибн-Йамин-ходжа, согласно рукописи, собрал «в одно родословие» священные могилы (астана). Далее речь идет о том, что дополненный список астана был отправлен «ахунам Тобола» [7. С. 61–65]. А «Ахунам Тарского юрта все тайны стали известны, что 49 астана открыты» [Там же]. Одним из организаторов и участников кодификации назван шейх Ширбети, прибывший в Сибирь еще во времена правления хана Кучума. В связи с тем, что одним из акто-

ров описываемых событий назван в рукописи ахун «Тобола и Томска», можно предположить, что эти действия относятся к началу XVII в., не ранее 1604 г., когда был основан Томск. Таким образом, выявляется имя еще одного тобольского ахуна, деятельность которого относится к началу XVII в., возможно, сменившего Ходжам-Шукура б. Йусуфа на этой должности.

Вновь имя Ходжам-Шукур (Хваджам-Шукур) в качестве ахуна тобольских татар встречается уже в первой половине XVIII в. и имеет прямое отношение к известному роду сибирских мурз Кульмаметевых, которые на протяжении длительного времени управляли служилыми и ясачными татарами края в качестве татарских голов [22. С. 118–125].

Недавно в Государственном архиве Пермского края челябинским историком Г.Х. Самигуловым был обнаружен комплекс новых документов, касающихся семьи Кульмаметевых. Среди них приводится «Поколенная роспись» Кульмаметевых, ведущая начало от «мурзы Авазбакея Кульмаметева». Она позволила уточнить некоторые моменты родословной, касающиеся XVIII в. Так, у мурзы Авазбакея Кульмаметева, жизнь и деятельность которого относится к XVII в., согласно «Росписи», было 5 сыновей – Назар, Мурзат, Сабанак, Маметмурат и Хоцамшукур. Один из них, Сабанак, указан головой служилых татар, а еще один из сыновей, Хоцамшукур, – ахуном [23. Л. 82].

Таким образом, в «Росписи» ахуном назван один из сыновей головы тобольских служилых татар Авазбакея Кульмаметева [22. С. 117]. С этим сыном Авазбакея связана история обнаружения в первой четверти XVIII в. пленным шведским офицером Ф.И. Таббертом-Страленбергом в Тобольске списка исторической хроники Абул-Гази «Родословная тюрок». Рукопись, согласно приводимому А.К. Бустановым отрывку из дневника Табберта-Страленберга, принадлежала «главному священнику Агуну Азбакеевичу» [9. С. 17]. А.К. Бустанов называет его «другом мирзы Сабанака и пленного шведского офицера Табберта-Страленберга» и приводит его имя: Хваджам-Шукур б. Аввас-Баки [Там же. С. 18]. Далее он сообщает, что Хваджам-Шукур б. Аввас-Баки был учеником йасаийского шейха Давлат-шаха б. Шаха Абд ал-Ваххаба алХусайни ал-Испичафи и, видимо, через посредство своего учителя получил список рукописи [Там же]. Через десять лет, в 1734 г., историк Г.Ф. Миллер сообщает, что видел рукопись в Тобольске у «одного бухарца духовного звания», возможно, у того же ахуна [20. С. 192]. Имя отца ахуна – Аввас-Баки (Гаввас-Бакий, Авазбакей), а также указанные в документе близкие отношения с головой служилых татар Сабанакон Кульмаметевым позволили нам предположить, что Хваджам-Шукур б. Аввас-Баки являлся сыном тобольского служилого татарина, а с 1692 г. – головы служилых татар Авазбакея Кульмаметева, игравшего заметную роль в политической жизни Сибири [22. С. 117–118]. Обнаруженная пермская «Роспись» подтверждает, что Хоцамшукур, или Хваджам-Шукур б. Аввас-Баки, «Агун Азбакеевич» – главное духовное лицо Тобольска, приходился родным братом голове тобольских служилых татар Сабанакон Кульмаметеву [23. Л. 82].

Как видим, Кульмаметевы стремились сосредоточить в своих руках как светскую, так и духовную власть над татарским населением. Потому не случайно, что во второй половине XVIII в. на имя бывшего головы мурзы Авазбакея (второго) Кульмаметева и ахуна Абтигарима Тацимова, а также головы Сабанака (второго) Кульмаметева приходит высочайшее предписание о том, что дела по «махометанскому закону... препоручены в единственное их ведение» [24. Л. 3]. Помимо этого, в указе отмечалось, что им также должны были быть «по духовным делам в послушании» состоящие «в том махометанском законе» татары Тарского, Томского, Тюменского и Верхотурского ведомств. «По смерти помянутых головы Кульмаметева и агуна Тацимова те законные дела разбирательством случаи по их махометанскому закону и духовных чинов поныне головою Сабанакон Кульмаметевым производятся» [24. Л. 3].

Обращает на себя внимание, что руководство делами «по махометанскому закону» было поручено, сначала совместно с ахуном Тацимовым, не духовным лицам, а людям светским – голове служилых татар Авазбакею Кульмаметеву и его сыну Сабанакон. И, как видно из документа, во второй половине XVIII в. этими делами занимался единолично татарский голова Сабанакон Кульмаметев. Однако, как известно, Аптигарим Тацимов, который назывался в Тобольске ахуном, главным лицом духовной иерархии татар в Сибири [25. С. 299], Г.Ф. Миллером называется родственником Сабанака Кульмаметева. Видимо, и должность ахунов как главных духовных лиц некоторое время удерживалась и передавалась по наследству в клане Кульмаметевых. С другой же стороны, нельзя не брать во внимание тот факт, что «суд и расправа» как над служилыми, так и над ясачными татарами, которые были в ведении татарского головы, основывались на «махометанском законе» [26]. Видимо, на какое-то время во второй половине XVIII в. в руках Сабанака Кульмаметева (второго) сосредоточилась как светская, так и религиозная власть.

Следует заметить, что это было неслучайно. Кульмаметевы сыграли как головы служилых татар значимую роль в сохранении ислама и его позиций в Тобольске. Обладая большой властью над местным населением и серьезным влиянием на политику местной власти, они активно противодействовали политике христианизации. Думается, благодаря их планомерной деятельности служилые татары оставались мусульманами на протяжении всего периода существования данной этносословной группы. Несмотря на то, что в XVII в. высочайшими грамотами тобольским митрополитам было предписано «неволею никаких иноземцев крестить не велеть», на месте эти распоряжения часто не соблюдались. Местная православная власть стремилась всеми способами увеличить паству, в связи с чем от тобольских татар и бухарцев поступали многочисленные жалобы. Во главе противодействия активной христианизации татар вставали служилые татары под началом Авазбакея (первого) Кульмаметева. Так, по челобитью тобольских служилых, захребетных, ясачных татар и бухарцев Авазбакея Кульмаме-

тева с товарищами в 1686 г. из Москвы было направлено предписание о том, чтобы желающие принять православие подавали прошения сначала в приказную избу, и лишь после рассмотрения их воеводой направляли эти прошения к митрополиту для обращения в христианскую веру. Самому митрополиту было запрещено принимать эти прошения, а также приказано «не дожидаясь из приказной избы памятей – тех людей не крестить» [27. С. 331–333]. Эта мера была вызвана тем, что для привлечения в православие тобольский митрополит принимал тех людей, которые, совершив какое-либо преступление, бежали от единоверцев, с тем чтобы, изменив веру, избавиться от наказания или от прежней кабалы. В наказе тобольскому воеводе от 1697 г. в очередной раз были подтверждены распоряжения о недопустимости насильственной христианизации: митрополиту было предписано «насильством никого не крестить» [Там же].

С начала XVIII в. наступает новый этап колонизации Сибири, который известный историк А.В. Головнев назвал «эпохой Филофея Лещинского», или «эпохой конфессионального захвата» [28. С. 90]. В первой четверти XVIII в. начинает активно проводиться политика массовой христианизации сибирских народов. В целом она определялась внутренней политикой Петра I, который «ставил перед церковью на первый план практическую задачу: средствами религиозного воздействия на верующих служить делу укрепления самодержавной власти» [29. С. 27]. В 1706 г. Петр поручает митрополиту Филофею Лещинскому ехать на север, к осяткам и вогуличам (ханты и манси), с «проповедью Евангельскую». В итоге миссионерской деятельности Ф. Лещинского, его сподвижников и последователей к 40–70-м гг. XVIII в. основная часть хантыйского и мансийского населения Березовского края была крещена [Там же]. Наряду с вогулами, осятками, якутами указ 1714 г. предписывал крестить и татар [30]. При тобольском и сибирском митрополите Филофее Лещинском в 1718–1720 гг. были крещены туринские татары, а в 1720 г. – обские и чулымские татары. По приводимым Ф.Т. Валеевым данным, за 10 лет (1749–1758) в Тобольской губернии было обращено в христианство 2 500 чел. обоего пола [31. С. 173–174].

Служилые татары вновь оказывали активное противодействие насильственному крещению. В 1724 г. митрополит Филофей Лещинский писал в Синод о том, что татары «подъезжают к новокрещенным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать» [29. С. 68]. В.П. Ключева приводит сведения о том, что сохранились челобитные на имя митрополита Павла от новокрещенных Павла Крупенина «с товарищи» (16 человек), перешедших в православие в 1755 г., с жалобой на татарского голову Сабанакова и бухарского старшину Алимова: «...Восприяли мы, низайшие, православную христианскую веру. А понеже на нас по восприятии святого крещения по происку и домогательству татарского головы Азбакея Сабанакова и, да бухарского старшины Муллы Алимова положен неумеренной ясак. А именно по 2 рубля в год, которой они с нас спрашивают с немалою строгостию...

угрожают держать под караулом...» [32. Л. 3–3 об.; 33]. В этой же челобитной далее говорится: «При чем они, Сабанак и Алимов, произносят и такие еще к поруганию христианской веры речи, что де хотя мы и крестились, а ис-под их власти не вышли, и что де хотят, то с нами новокрещеными, они и делают, и впредь делать будут» [32. Л. 3–3 об.].

Следует отметить, что этап «конфессионального захвата» в отношении сибирских татар в целом и служилых татар в частности проходил все же значительно мягче, чем в отношении служилых татар Поволжья, и менее успешно, чем в отношении языческих народов Сибири. «Мягкость» в отношении сибирско-татарского служилого сословия, на наш взгляд, была определена тем, что в далекой Сибири существовала острая необходимость для власти как социальной, так и военной поддержки татарской аристократии, связанная со значительной отдаленностью от центра огромной по размерам сибирской вотчины, постоянной угрозой ее отпадения, необходимостью в татарской коннице в борьбе с «башкирцами и киргис-кайсаками» даже в XVIII в. Значимую роль в отстаивании позиций ислама сыграли в этот период служилые татары-мусульмане, которые выстроили политику соблюдения интересов мусульманской религии. Ведущая роль в этом принадлежала светским и духовным религиозным лидерам, в том числе клану Кульмамметовых. Сосредоточение в руках клана должностей татарских голов и ахунов, т.е. высших лиц светской и духовной власти над татарским населением, позволяло им вести планомерную политику по отстаиванию позиций мусульманской конфессии.

В 1788 г. был издан указ Екатерины II «Об учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания». С созданием Оренбургского магометанского духовного собрания изменилась прежняя система организации мусульманского сообщества Российской империи. Новая структура иерархии мусульманских духовных лиц распространилась также на Урал и Сибирь. В законодательных актах России с конца XVIII в. стали четко регламентироваться категории духовных лиц. Если до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания ахуны являлись высшими руководителями местного мусульманского сообщества (уммы), то с учреждением Собрания их статус понижался. Была ликвидирована их выборность, а должность ахуна стала почетным званием, присуждаемым имамам Министерством внутренних дел или Оренбургским духовным собранием за их особые религиозно-административные заслуги. Среди новых требований к данной категории духовных лиц было то, что ахун должен был владеть русским языком в объеме курса одноклассного народного училища. Несмотря на понижение статуса, ахуны обладали значительными правами, являясь старшими по должности в определенном районе, как правило, состоящим из нескольких волостей, и пользовались большим влиянием. Они также обладали достаточно широкой компетенцией при решении отдельных религиозно-бытовых вопросов, выступая посредниками между имамами и Оренбургским духовным собранием. К привилегиям на этой должности исследователи относят то, что, как

и все чины Оренбургского мусульманского духовного собрания и их дети, ахуны были защищены от телесных наказаний. Вместе с тем они должны были платить подати и повинности в зависимости от сословия, к которому принадлежали, за исключением дворовой (подымной) подати, которую они не платили наряду со служителями других конфессий. Также приходы, по добровольным общественным приговорам, могли освобождать их от уплаты налогов, принимая платежи на себя. Ахуны несли ответственность перед Оренбургским духовным собранием за совершение поступков, противоречащих шариату. собрание могло налагать взыскания на них в виде временного удаления или лишение духовного звания [34, 35].

Таким образом, мы видим, что термин «ахун» как одна из категорий мусульманского духовенства встречается в документах с достаточно раннего времени.

Отмечается присутствие ахунов уже в XVI в. В XVII в. ахунами называли главных духовных лиц, имеющих право выносить судебные решения и издавать религиозно-правовые предписания. В XVIII в., видимо, за этим термином стояло лицо, обладавшее верховной религиозной властью, причем тесно связанное со светским управлением мусульманами региона. Потому неслучайно, что в течение XVIII в. на этой должности были представители рода сибирских мурз Кульмаметевых, имевшие большой авторитет среди мусульманского населения. Скорее всего, такая ситуация продолжалась до екатерининского Указа 1788 г. «Об учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания», который изменил прежнюю систему организации мусульманского сообщества Российской империи. В целом следует отметить, что вопрос об исламских институтах в Западной Сибири требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Исхаков Д.М. Сеиды в позднесолотурдинских татарских государствах. Казань : Татар. кн. изд-во, 1997. 78 с.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
- Бустанов А.К. Фамильная хроника сибирских сайидов. Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире, 2009. № 1-2 (13-14). С. 45–61.
- Бустанов А.К. Ранняя версия сочинения об исламизации Сибири // «Сулеймановские чтения» : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тобольск : Тобольск. гос. пед. ин-т им. Д.И. Менделеева, 2009. С. 159.
- Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск : Наука, 2009. Т. 11. С. 195–229.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М. : Марджани, 2009. 216 с.
- Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М. : Вост. лит., 2011. С. 33–78.
- Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотурдинских тюрко-татарских государствах. Казань : Фэн, 2011. 228 с.
- Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. М. : Марджани, 2013. 264 с.
- Татауров С.Ф., Корусенко М.А. История ислама в Западной Сибири: междисциплинарный подход к хронологии и периодизации // Былые годы. 2015. Т. 38, ч. 4. С. 798–807.
- Маслюженко Д.Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 5–9.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Религиозная культура // Тюменское и Сибирское ханства. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 232–255.
- Маслюженко Д.Н. Процесс исламизации населения юга Западной Сибири в XIII–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 131–158.
- DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania University Press, 1994. 638 p.
- DeWeese D. The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia // Journal of the American Oriental Society. 1995. Vol. 115, № 4. P. 619–634.
- Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 2. 472 с.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань : Школа, 2007. 356 с.
- Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. СПб., 1872. Ч. IV: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. 411 с.
- Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. 384 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд. М. : Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
- Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв., ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. С. 153–175.
- Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности служилых татар (XVII–XIX вв.). Казань : Фэн, 2010. 288 с.
- Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 314. Оп. 1. Д. 109.
- Рукописный отдел Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (РО ТИАМЗ). Д. № 12864.
- Юшков И.Н. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1861. № 35–45.
- Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. Вып. 6. 310 с.
- Андреевич В.К. История Сибири. СПб. : тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. Ч. 2. 487 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 606 с.
- Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л. : Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 148 с.
- Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). Иркутск : Вост.-Сиб. отдел ИРГО, 1883. 779 с.
- Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань : Татар. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО «ГА в Тобольске»). Ф. 156. Оп. 2. Д. 265.
- Клюева В.П. К вопросу о деятельности Следственной о татарах и бухарцах комиссии (сер. XVIII в.) // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск–Омск, 2002. С. 186–188.
- Указ Именной, данный Генерал-Поручику Каменскому 28 января 1783 г. – О дозволении подданным Магометанского закона избирать сами у себя ахунов // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 46–47.
- Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи : энцикл. словарь. М., 2006. Т. I. С. 286–292.

Zaytuna A. Tychinskikh, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural branch of Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia). E-mail: zaituna.09@mail.ru

TOBOLSK AKHUNS IN THE XVI–XVIII CENTURIES

Keywords: Muslim clergy; Akhune; Kulmametev; Siberia; Tobolsk.

The main purpose of the article is to examine a poorly studied issue about the structure of the Muslim clergy in Siberia in the 16th–18th centuries. To achieve the set goal, it was planned to solve the following tasks: to identify the composition of Muslim clergy and determine the status and functions of different groups of Muslim clergies in Siberia during the Siberian Khanate and during later historical stages. The author has given the special attention to the category of Akhuns. The source of the research was the materials of central and regional archives. In the course of the study, the author concluded that as a result of the Islamization of the Siberian Khanate, representative of the Muslim clergy also entered the ruling stratum of this state, including sheikhs, mullahs, hodjis, hafizis, muftiys and mudarris. A special place in the Muslim leadership of the Siberian Khanate was assigned to the Sayyid, who was the highest cleric in Turkic-Tatars states. According to the author in the 16th century in the Siberian Muslim elite was already known the category of Akhuns. Akhuns was Muslim theologians, the main clergymen, who have the right to make judgments and issue religious legal orders. The names of the Tobolsk Akhuns were revealed: the turn of the 16th–17th centuries the Tobolsk akhun was Khojam-Shukur b. Yusuf, and in the 18th century was Khwajam-Shukur b. Avvas-Baki. On the base of identified archival documents it was found that Khwajam-Shukur b. Avvas-Baki was a son of the head of Tobolsk service Tatars Avazbakey Kulmametev. Murzes Kulmametevs had great authority among the Muslim population of Siberia. They opposed the policy of Christianization of the Tatar population. In the second half of the 18th century, the Imperial government instructed the supervision of “Mohammedan law” in the exclusive jurisdiction of Kulmametevs. Apparently during the 18th century the main clerics Akhun were appointed members of the clan Kulmametevs. In this example we can see that this powerful clan of the Tobolsk murzes Kulmametevs sought to keep the secular and clerical power in their hands.

REFERENCES

1. Iskhakov, D.M. (1997) *Seidy v pozdnezolotoordynskikh tatarskikh gosudarstvakh* [The seids in the Late Golden Horde Tatar states]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo.
2. Seleznev, A.G. & Selezneva, I.A. (2004) *Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma* [Siberian Islam: A Regional Variant of Religious Syncretism]. Novosibirsk: SB RAS.
3. Bustanov, A.K. (2009) *Famil'naya khronika sibirskikh sayidov. Shadzhar Risalasi (tekst, perevod, kommentarii)* [Family Chronicle of Siberian Sayyids. Shajara Risalasi (text, translation, commentary)]. *Islam v sovremennom mire – Islam in the Modern World*. 1-2(13-14). pp. 45–61.
4. Bustanov, A.K. (2009) *Rannyya versiya sochineniya ob islamizatsii Sibiri* [An early version of the essay on the Islamization of Siberia]. *Suleymanovskie chteniya* [The Suleimanov Readings]. Proc. of the 12th Conference. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Institute. p. 159.
5. Bustanov, A.K. (2009) *Manuskripty sufiyskikh shaykhov: turkestanskaya traditsiya na beregakh Irtysha* [Manuscripts of Sufi Shaikhs: Turkestan Tradition on the Banks of the Irtysh]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 11. Omsk: Nauka. pp. 195–229.
6. Seleznev, A.G., Selezneva, I.A. & Belich, I.V. (2009) *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The Cult of Saints in Siberian Islam: Specificity of the Universal]. Moscow: Mardzhani.
7. Bustanov, A.K. (2011) *Sufiyskie legendy ob islamizatsii Sibiri* [Sufi legends about the Islamization of Siberia]. In: Klyashtorny, S., Sultanov, T. & Trepavlov, V. (eds) *Tyurkologicheskiy sbornik. 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological collection. 2009–2010. Turkic peoples of Eurasia in Ancient times and the Middle Ages]. Moscow: Vost. lit pp. 33–78.
8. Iskhakov, D.M. (2011) *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [The Seyid Institute in Ulus Jochi and the Late Golden Horde Turkic-Tatar States]. Kazan: Fen.
9. Bustanov, A.K. (2013) *Knizhnaya kul'tura sibirskikh musul'man* [The book culture of Siberian Muslims]. Moscow: Mardzhani.
10. Tataurov, S.F. & Korusenko, M.A. (2015) *Istoriya islama v Zapadnoy Sibiri: mezhdistsiplinarnyy podkhod k khronologii i periodizatsii* [History of Islam in Western Siberia: an interdisciplinary approach to chronology and periodization]. *Bylye gody*. 38(4). pp. 798–807.
11. Maslyuzhenko, D.N. (2015) *The Sufi orders activities on the territory of Tyumen and Siberian khanates. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(34). pp. 5–9. (In Russian).
12. Seleznev, A.G. & Selezneva, I.A. (2018) *Religioznaya kul'tura* [Religious culture]. In: Maslyuzhenko, D.N., Sitdikov, A.G. & Khayrutdinov, R.R. (eds) *Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva* [Tyumen and Siberian Khanates]. Kazan: Kazan State University. pp. 232–255.
13. Maslyuzhenko, D.N. (2019) *The Islamization process of the population of the South of Western Siberia in the 13th–16th centuries vv. Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 7(1). pp. 131–158. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158
14. DeWeese, D. (1994) *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. Pennsylvania University Press.
15. DeWeese, D. (1995) *The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia. Journal of the American Oriental Society*. 115(4). pp. 619–634.
16. Russia. (1841) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiei* [Acts of history, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 2. St. Petersburg: Expeditions of Procurement of State Papers.
17. Iskhakov, D.M. & Izmaylov, I.L. (2007) *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethnopolitical history of the Tatars (the 3rd – mid-16th centuries)]. Kazan: Shkola.
18. Radlov, V.V. (1872) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi* [Samples of folk literature of the Turkic tribes from southern Siberia and the Dzungar steppe]. Vol. 4. St. Petersburg: [s.n.].
19. Pokrovsky, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (eds) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36. Moscow: Nauka.
20. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Vost. lit.
21. Bakhrushin, S.V. (1955) *Nauchnye trudy* [Seminal Works]. Vol. 3. Moscow: USSR AS. pp. 153–175.
22. Tychinskikh, Z.A. (2010) *Sluzhilye tatarsy i ikh rol' v formirovaniy etnicheskoy obschchnosti sluzhilykh tatar (XVII–XIX vv.)* [Service Tatars and their role in the formation of the ethnic community of service Tatars (the 17th – 19th centuries)]. Kazan: Fen.
23. The State Archives of the Perm Territory (GAPK). Fund 314. List 1. D. 109.
24. The Manuscript Department of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve (RO TIAMZ). File № 12864.
25. Yushkov, I.N. (1861) *Sibirskie tatarsy* [Siberian Tatars]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 35–45.
26. Miller, G.F. (1996) *Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniyakh* [Siberia of the 18th century in travel descriptions]. In: Pokrovsky, N.N. (ed.) *Istoriya Sibiri. Pervoistochniki* [History of Siberia. Primary Sources]. Novosibirsk: Sib. Khronograf.
27. Andrievich, V.K. (1889) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. St. Petersburg: V.V. Komarov.
28. Golovnev, A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: UB RAS.

29. Ogryzko, I.I. (1941) *Khristianizatsiya narodov Tobol'skogo Severa v XVIII v.* [Christianization of the peoples of the Tobolsk North in the 18th century]. Leningrad: Uchpedgiz.
30. Shcheglov, I.V. (1883) *Khronologicheskiy perechen' vazhneyshikh dannykh iz istorii Sibiri (1032–1882 gg.)* [A chronological list of the most important data from the history of Siberia (1032–1882)]. Irkutsk: Imerial Russian Geographical Society.
31. Valeev, F.T. (1993) *Sibirskie tatary. Kul'tura i byt* [Siberian Tatars. Culture and Life]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo.
32. The Tyumen Region State Archives in Tobolsk. Fund 156. List 2. File 265.
33. Klyueva, V.P. (2002) K voprosu o deyatelnosti Sledstvennoy o tatarakh i bukhartsakh komissii (ser. XVIII v.) [On the activities of the Investigative Commission on the Tatars and Bukharians (the mid-18th century)]. In: Neskоров, A.V. (ed.) *Tyurkskie narody* [Turkic Peoples]. Tobolsk–Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 186–188.
34. Russia. (2001) Ukaz Imennoy, dannyy General-Poruchiku Kamenskomu 28 yanvarya 1783 g. – O dozvolenii poddannym Magometanskogo zakona izbirat' sami u sebya akhunov [Imperial Edict given to Lieutenant-General Kamensky on January 28, 1783 – On allowing the subjects of the Mohammedan law to elect their own Akhuns]. In: Arapov, D.YU. (ed.) *Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika)* [Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics)]. Moscow: Akademkniga. pp. 46–47.
35. Anon. (2006) Musul'manskoe dukhovenstvo [Muslim clergy]. In: Prozorov, S.M. (ed.) *Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii* [Islam in the Former Russian Empire]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 286–292.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 327.82: 94

DOI: 10.17223/19988613/70/9

С.Н. Александров

КОНГРЕСС США И ПРОБЛЕМА НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КАЗАХСТАНЕ (1991–2001 гг.)

Рассматривается сюжет внешней политики США, который еще не получил должного освещения в историографии, – отношение конгрессменов к нарушениям прав человека в Республике Казахстан. Автор приходит к выводу, что, несмотря на критику конгрессменов в отношении нарушений прав человека в Казахстане, администрация президента США была не готова портить партнерские отношения с правительством Республики Казахстан, пока оно принимало ряд выгодных Белому дому решений, направленных на отдаление от России.

Ключевые слова: США; Казахстан; конгресс; права человека.

Тема защиты прав человека в Казахстане недостаточно подробно разработана в русскоязычной исторической литературе. Исследованием этой темы занимались историки, юристы, политологи, журналисты, философы, социологи, экономисты. Гражданские права освещены преимущественно юристами, среди них труды Ж.М. Кембаева [1], С.М. Жалыбина [2], Ж.Д. Бусурманова [3], А.В. Серебrenниковой [4], А.С. Смана [5]. Тема выборов в Казахстане нашла отражение в работах юристов И.Ж. Исакова [6], Е.П. Ионовой [7], политологов Т.Т. Шаймергенова [8], А.А. Куртова [9], историков Ю.О. Булуктаева [10], И.Г. Яковлева [11]. Проблему свободы слова в казахских СМИ рассматривали такие журналисты-исследователи, как Эрик Фридман и Ричард Шейфер [12], а также Брайан Бове [13]. Политические партии Казахстана изучали политологи М.А. Казбекова [14], Б.С. Абзалбеков [15] и философы Б.А. Эргашев [16] и М.А. Карыбаева [17]. Проблемы свободного вероисповедания осветили И.Б. Цепкова [18] и Я.Ф. Трофимов [19]. В научной русскоязычной литературе не представлен аспект влияния США на Казахстан по вопросу соблюдения прав человека, данная работа намерена частично восполнить этот пробел.

США защищают идею соблюдения норм демократии и прав человека в мире на государственном уровне. Госдепартамент публикует ежегодные доклады «О соблюдении прав человека в странах мира». Тем не менее США продолжают сотрудничество с Китаем, Кубой и Египтом, где регулярно нарушаются права человека. Официальная риторика противоречит сложившейся действительности. Идеалы демократии и прав человека уступают другой цели внешней политики США – защите национальных интересов. Данная проблема наблюдается и на примере политики США в отношении Казахстана в 1991–2001 гг. Настаивая на соблюдении прав человека в этой среднеазиатской республике, США не предприняли контрдействий в ответ на их регулярные нарушения. Особенный интерес вызывает тот факт, что в США знали о регулярных наруше-

ниях прав человека в Казахстане, так как в конгрессе США эта тема неоднократно поднималась американскими законодателями. Как и администрация президента, конгресс США ответствен за выработку и реализацию решений, связанных с внешней политикой. Изучать взаимодействие конгресса США и администрации президента необходимо, чтобы понять механизм формирования внешнеполитического курса и уметь определить вектор развития внешней политики США.

Позиция конгресса США по вопросу соблюдения прав человека в Казахстане в период 1991–2001 гг. не была статичной, она изменялась. На трансформацию позиции конгресса влиял процесс развития казахской республики, то, насколько он соответствовал видению американских законодателей. В 1991–1992 гг. целью США было заполучить гарантии от казахстанских властей по вопросу соблюдения прав человека в Казахской республике. Казахстан вступил в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), подписал 8 июля 1992 г. Хельсинкский заключительный акт и Парижскую хартию для новой Европы 23 сентября 1992 г. [20]. Власти Казахстана приступили к созданию государственных структур: были созданы фискальные органы, налоговая служба, таможенный комитет. Начался процесс интеграции этой среднеазиатской республики в мировое сообщество. В 1992 г. Казахстан стал членом Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития. США поддерживали суверенитет Казахстана, добиваясь расположения местных властей. На данном этапе становления Казахской республики давление конгресса по вопросу несоблюдения прав человека считалось несвоевременным.

Соблюдение прав человека Казахстаном обсуждалось американскими законодателями США еще до официального завершения распада СССР. Сенатор от Аризоны Деннис ДеКончини представил 5 ноября 1991 г. резолюцию, под которой предлагалось подписаться главам бывших социалистических республик.

Предполагалось, что руководство каждой из стран будет участвовать в создании механизмов, поощряющих защиту прав человека. Резолюция зафиксировала соблюдение принципов Хельсинского заключительного акта, таких как уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений.

В тексте резолюции было прописано, что президенту США следует донести информацию до руководства среднеазиатских республик о необходимости уважения прав человека и основных свобод, которые конгресс расценивал как элемент достижения безопасности и сотрудничества в Европе. Также обязанностью президента стало информирование законодателей о статусе прав человека и основных свобод в каждой из этих республик [21]. Позже совпадающую резолюцию с аналогичными тезисами, инициированную в Палате представителей, приняли в Сенате 12 июня 1992 г. [22]. Через четыре дня Палата представителей представила совместную резолюцию, которую Сенат принял без поправок. 4 августа 1992 г. совместную резолюцию подписал президент, с этого времени она приняла характер закона [23].

В 1993–1994 гг. в парламенте США не упоминались проблемы, связанные с нарушениями прав человека в Казахстане, так как в этой стране происходили позитивные, с точки зрения руководства США, изменения. В апреле 1993 г. правительство Казахстана и фирма «Шеврон» заключили долгосрочный контракт на 40 лет. В ноябре 1993 г. в Казахстане ввели национальную валюту тенге. В 1994 г. началось развитие частного бизнеса. С мая 1994 г. в обменных пунктах Казахстана появились доллары. Казахстан продолжал демонтаж ядерного оружия, чем также заслужил лояльность США.

В политике Казахстана происходили изменения, устраивающие конгресс США. В январе 1993 г. Верховный совет Республики Казахстан принял первую конституцию, объявив Казахстан парламентской республикой: полномочия президента ограничились, исполнительная власть стала отчитываться перед депутатами. Правительство Казахстана предпринимало действия, отдаляющие их страну от России: казахский язык приобрел статус государственного, столицу – Алма-Ату – переименовали в Алматы, началась исламизация общества.

В середине 1990-х гг. в стране продолжились изменения в экономике. Крупные предприятия передавались частным владельцам, в том числе нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие заводы. Однако в плане развития демократии ситуация в Казахстане ухудшилась. По инициативе Н. Назарбаева был создан консультативно-совещательный орган – Ассамблея народа Казахстана, которая инициировала два референдума. Результатом первого референдума стало продление полномочий президента до 2000 г. На втором приняли новую конституцию, установив президентскую форму правления. Появилось оппозиционное движение «Поколение», которое организовывало митинг в Алматы, этот митинг разогнали, а против организаторов возбудили уголовные дела. С середины

1990-х гг. американские законодатели начали обозначать проблемы, существующие в Казахстане, однако критика по вопросу нарушения прав человека отсутствовала.

На заседании конгресса 25 мая 1995 г. республиканец Стив Чаббот из Огайо попросил коллег ознакомиться с текстом из газеты «Цинциннати пост». В статье Д. Рэтфорда сообщалось о визите в США С. Карикова и Г. Никитина, профсоюзных лидеров Украины и Казахстана. Гости рассказывали о тяжелых условиях труда в их странах: регулярные нарушения основ техники безопасности, отсутствие тепла и электричества, задержка заработной платы. Автор статьи сделал вывод, что на Украине и в Казахстане институт демократии не отлажен, а правовое государство не создано. По его мнению, профсоюзы должны были играть ключевую роль в содействии распространению демократии в регионе [24].

Парламентарии США хотели, чтобы Казахстан в своем развитии придерживался светской модели государства, примером такого развития должна была стать Турция. Республиканец Амори Хаутон-младший от штата Нью-Йорк выражал надежду, что для бывших советских стран, где преобладает ислам, Турция станет образцом будущего социального устройства. Законы Турции были согласованы с законами европейских стран, поскольку турецкий парламент принял законодательные акты об авторских правах, децентрализации и правах человека. По мнению А. Хаутона-младшего, это могло сблизить среднеазиатские республики с Европой [25].

Сохранение мира между этносами в Казахстане конгрессмены причисляли к необходимой мере, которую правительство Казахстана, при содействии США, было обязано обеспечить. По словам сенатора от штата Делавэр демократа Джо Байдена, после распада СССР накопленная этническая ненависть должна была вырваться наружу. В Украине, Казахстане, Прибалтике проживало большое количество русских, что закладывало основу для этнического конфликта. С точки зрения Джо Байдена, если США не будут контролировать этнические конфликты, то уже в течение десятилетия это вызовет распространение войн на континенте и вызовет распад прозападного альянса [26].

В 1997–1998 гг. началось обострение критики казахстанских властей со стороны конгрессменов. Несмотря на продолжение укрепления суверенитета, некоторые изменения в этой среднеазиатской стране начали беспокоить конгрессменов. В 1998 г. остановилась приватизация по национальным проектам, правительство начало требовать от инвесторов выполнения обязательств. Осенью 1998 г. объявили внеочередные выборы президента Казахстана. Срок полномочий президента увеличили до 7 лет, отменили ограничения на пребывание в должности президента одного и того же человека. Тем не менее критика ситуации в Казахстане со стороны политиков США не носила персонализированного характера.

Во время обсуждения 9 октября 1998 г. «Закона о стратегии шелкового пути 1998 года» республиканец Джесси Хелмс из Северной Каролины представил от-

чет «Вместе с мнениями меньшинства», в котором содержалась характеристика режима Н. Назарбаева. В соответствии с этим отчетом подчеркивалось, что правительство уважало права человека в одних районах, при этом нарушая в других. Руководство Казахстана терпимо относилось к неправительственным средствам массовой информации, но СМИ практиковали самоцензуру. Некоторых организаторов несанкционированных демонстраций арестовывали, штрафовали или заключили в тюрьму. Свобода ассоциации соблюдалась, но ей препятствовали сложные и противоречивые требования к регистрации организаций и политических партий, которые ограничивали это право. Происходила дискриминация в отношении женщин, инвалидов и этнических меньшинств. Правительство формировалось преимущественно из этнических казахов. Власти пытались ограничить влияние профсоюзов как напрямую, так и через поддержку государственных союзов, а члены профсоюзов подвергались преследованиям [27].

К концу 1990-х гг. критика конгрессменов усилилась, однако одновременно с этим начали звучать голоса парламентариев, защищавших идею о наличии демократии в Казахстане. В 1999 г. власти республики создали партию «Отан», лидером которой стал Н. Назарбаев. В октябре 2000 г. Казахстан участвовал в подписании договора об учреждении Евразийского экономического сообщества. Летом 2000 г. вышел закон, наделивший Н. Назарбаева рядом полномочий после завершения президентского срока. Американские законодатели начали осуждать режим Н. Назарбаева, а также президентские и парламентские выборы 1999 г. В риторике конгресса появилось словосочетание «давление на режим».

Демократ Джен Чаковски от штата Иллинойс рассказывала, что группа конгресса по правам человека осталась обеспокоенной положением дел в Казахстане. В январе 1999 г. Н. Назарбаева избрали на новый срок. Правительство США и Европейский союз отказались признать итоги выборов. В июне 1999 г. против председателя Национальной республиканской партии Казахстана А.М. Кажегельдина возбудили уголовное дело по факту несвоевременной уплаты подоходного налога. Власти предприняли меры, чтобы не допустить до выборов потенциально опасного для Н. Назарбаева конкурента. Президент сообщал американским СМИ о развитии демократии в Казахстане, продолжая репрессивную политику в своей стране. Дж. Чаковски закончила свою речь утверждением, что никакая демократия, особенно США, не смирится с таким положением дел [28].

Республиканец Гил Гуткнехт из Миннесоты выражал иную точку зрения в отношении положения прав человека в Казахстане. С его слов, выборы в казахстанский меджлис эксперты ОБСЕ называли предварительным шагом в переходе страны к демократии. Конгрессмен делал акцент на том, что правительство республики приватизировало государственные активы, поощряло малый бизнес и было занято построением демократических институтов. Г. Гуткнехт напомнил, что Казахстан избавился от ядерного арсенала. Он счи-

тал, что США должны были признать Казахстан светской нацией и просил послаблений, так как на тот момент Казахстан существовал всего семь лет [29].

Республиканский сенатор от штата Огайо Майкл Деуайн представил президенту доклад А.М. Кажегельдина, сделанный в «Кливлендском клубе» в 1999 г. [30]. А.М. Кажегельдин сообщал, что иностранная помощь использовалась правительством в личных целях. Он уверял, что президенты среднеазиатских стран понимали, что нельзя открыто отвергать демократию. В публичных заявлениях они признавали общечеловеческие ценности и обещали прекратить нарушения прав человека, затем ежегодно посещали Вашингтон, заявляя о прогрессе в сфере развития демократии. Однако в собственных странах они разрушали свободную прессу, подавляли оппозицию и предотвращали передачу власти. Рассчитывая на помощь стран Запада, представители власти из среднеазиатских республик заявляли, что годы советской власти мешают гражданам осознать значение таких понятий, как равенство перед законом, свобода слова, политическая конкуренция [31].

Идею наличия в Казахстане демократии отстаивал республиканец Фил Инглиш из Пенсильвании. Он выражал намерение увидеть страну, которая представляет бастион демократии и свободной рыночной экономики в регионе. Ф. Инглиш предложил занести в протокол статью, написанную С. Хогенсоном, исполнительным редактором Консервативной службы новостей. Со слов С. Хогенсона, в стране существовали этническое и культурное разнообразие, свободные СМИ. Законодатель отмечал, что Казахстан осваивал запасы нефти и природного газа с помощью «Мобайл» и «Шеврон». По сообщению С. Хогенсона, Казахстан – это союзник США и светская нация, которая сотрудничает с Израилем и противостоит исламистским террористам [32].

Во второй сессии 106-го конгресса 1 ноября 2000 г. была принята совместная резолюция по Центральной Азии [33]. Предметом обсуждения стали нарушения прав человека в регионе. Озабоченность парламентариев вызвало несоблюдение обязательств по демократизации и проведению свободных выборов. В отношении Казахстана в резолюции был прописан ряд положений о нарушениях прав человека и принципов демократии. Среди них роспуск парламента в 1993 г. и 1995 гг., отмена запланированных президентских выборов, некорректное проведение референдумов, исключение претендентов из выборов, фальсификации, подавление СМИ. Конгрессмены призывали президента, государственного секретаря и министра обороны выразить лидерам Центральной Азии озабоченность нарушениями прав человека в их странах.

Д. Бёртон от штата Индиана просил обратить внимание коллег на статью профессора А. Перлмуттера «Больше слов, чем дел по Казахстану?» [34]. В статье рассматривалось, как администрация У. Клинтона остановила продвижение демократии в Казахстане. Президент Н. Назарбаев дал обещание вице-президенту А. Гору улучшить ситуацию по правам человека, а затем не выполнил его. По словам американского ученого, режим Н. Назарбаева продолжал репрессивную кампанию, почувствовав безнаказанность. Однако

Белый дом не торопился с давлением, желая, чтобы Казахстан поддержал нефтепровод в обход России. Профессор А. Перлмуттер считал, что в США не должны закрывать глаза на репрессии и коррупцию в обмен на присоединение Казахстана к проекту. Стратегический интерес США в отношении Казахстана заключался в трех факторах: нефть, ядерное оружие и независимость. Независимость Казахской республики была целью как администрации Дж. Буша-старшего, так и У. Клинтона. США поддерживали исламские государства в Центральной Азии, продвигая их в направлении демократии и свободного рынка. Негласная стратегическая цель заключалась в отдалении Казахстана от России [35].

К 2001 г. большинство конгрессменов осознали ситуацию с соблюдением прав человека в Казахстане. Иллюзии о развитии демократии в этой среднеазиатской республике пропали. Несколько парламентариев подвели итоги первого десятилетия существования независимого Казахстана, оценки носили преимущественно негативный характер. Законодатели разбирали проблемы свободы прессы и вероисповеданий, называли Н. Назарбаева диктатором, рекомендуя ему покинуть свою должность. Трагические события 11 сентября 2001 г. не отразились на риторике конгресса по защите демократии и прав человека в мире. В свою очередь, Н. Назарбаев старался ослабить давление, предлагая помощь США в борьбе с терроризмом.

Д. Бёртон высказался о влиянии радикального исламизма в Центральной Азии. По его мнению, граждане Казахстана понимали, что живут в богатой стране, и удивлялись при этом, почему в стране такое низкое качество жизни. Народ осознавал фиктивность выборов, произвол в виде мер против свободной прессы и тюремного заключения лидеров оппозиции. Н. Назарбаев утверждал, что является оплотом защиты от исламского экстремизма, поэтому у жителей США возникал соблазн поддержать его. Законодатель считал, что Н. Назарбаев сам взращивал экстремизм, не давая развиваться демократии, свободной прессе и уважению к правам человека. Республиканец закончил речь призывом не поддерживать режимы Центральной Азии, подрывающие демократические ценности [36].

Представитель Республиканской партии Илеана Рос-Лейтинен из Флориды сообщила о слушаниях подкомитета по международным делам и правам человека. Темой доклада стал отчет государственного департамента по правам человека. В разделе, посвященном Казахстану, говорилось о неудовлетворительном положении дел в области прав человека. В разделе «Произвольные аресты и задержания» было указано, что сотрудников службы безопасности А.М. Кажегельдина, П. Афанасенко и С. Ибрагимова приговорили к 3,5 годам тюрьмы. По мнению международных и внутренних наблюдателей, этот арест имел политический характер. Конгрессвумен призывала власти Казахстана освободить заключенных [37].

Д. Бёртон ознакомил коллег со статьей «Вашингтон пост» об автократиях в Центральной Азии. Статья была посвящена нетерпимости президента Казахстана к свободе слова. Законодатель заявлял, что в статье

объяснены причины сотрудничества администрации У. Клинтона с режимом Н. Назарбаева [38]. Руководство США прощало Н. Назарбаева, так как он контролировал значительные нефтяные и газовые богатства. Продолжение политики отдаления Казахстана от России только укрепляло позиции президента Казахстана перед Белым домом.

Республиканец Кристофер Смит из Нью-Джерси обвинял Н. Назарбаева в репрессиях против политической оппозиции, независимых СМИ и гражданского общества. Оппозиционеров запугивали угрожающими посланиями на лестничных площадках, битьем окон их квартир, запретом покидать страну, обвинениями в прелюбодеянии и педофилии. По словам К. Смита, пока власти Казахстана сообщали о прогрессе в развитии демократии, положение дел в области прав человека ухудшалось. По словам К. Смита, США больше не должны были воспринимать заверения Н. Назарбаева как политическую ценность [39].

Республиканец Джозеф Р. Питтс из Пенсильвании выражал обеспокоенность ненадлежащим обращением казахских властей с американскими гражданами, проживающими в Казахстане. Конгрессмен рассказывал, что получал письма, в которых описывались преследования американских семей. В одном из случаев чиновники вызвали три семьи в полицейский участок, где сообщили, что им следует покинуть страну. Граждане США готовились улететь, но вместо этого сотрудники службы безопасности вывели их из аэропорта, не позволив вылететь. Д. Питтс считал, что подобные случаи замедляют развитие американо-казахстанских отношений [40].

К. Смит, председатель Хельсинской комиссии, подвел итоги десятилетия независимости стран Центральной Азии. Разочарование вызвали общие тенденции в регионе в отношении демократизации, прав человека и верховенства закона. По его мнению, Вашингтон наблюдал укрепление авторитарного контроля и усиление репрессий. Он утверждал, что главная причина авторитарного правления и репрессий в Центральной Азии – это желание руководителей региона удержать власть. Прошедшее десятилетие лишило западный мир иллюзий о природе среднеазиатских режимов. Утверждение о медленном улучшении ситуации в Казахстане К. Смит назвал правдой: «До роспуска парламента Казахстана в марте 1995 г. политика была свободнее, в прессе был представлен широкий спектр разных точек зрения» [41].

Демократ Марси Каптур из Огайо, докладывая о нефтяной зависимости США, упомянула статью «Опасный аппетит к нефти» [42]. Автор статьи Роб Никсон сожалел, что США оказались в коалиции с Россией, Пакистаном и Саудовской Аравией, так как в этих странах права человека регулярно нарушались. Это обстоятельство не смущало американские нефтяные компании, и они приспосабливались к местным конъюнктурам. В таких странах, как Индонезия, Туркменистан и Казахстан, действовали жестокие режимы, позволившие иностранным корпорациям работать с небольшим количеством экологических или правозащитных ограничений [43].

Илеана Рос-Лейтинен, комментируя визит президента Н. Назарбаева в Вашингтон, восприняла его как попытку ослабить критику по вопросу соблюдения прав человека. Ее смутило, что после 11 сентября 2001 г. Н. Назарбаев обещал поддержку в виде предоставления военных баз и доступа к использованию воздушного пространства, тогда как министр обороны Казахстана заявлял, что не планирует этого делать. Рос-Лейтинен напомнила, что в сентябре 2001 г. Федеральный департамент юстиции Швейцарии передал США выводы расследования о коррупции с участием президента Казахстана. Илеана Рос-Лейтинен рекомендовала не принимать в США человека с такой сомнительной репутацией [44].

К. Смит поделился мнением, что президенты стран Центральной Азии пришли к выводу, что они незаметны, и США теперь обязаны им за помощь в борьбе против терроризма. По мнению К. Смита, причина терроризма – это подавление политической оппозиции и альтернативных точек зрения. Также он напомнил присутствующим убеждение госсекретаря К. Пауэлла и помощника президента по национальной безопасности К. Райс, что война с терроризмом не повлияет на позицию США по поддержке прав человека. Республиканец критиковал нарушения прав человека в Центральной Азии, выделяя в них узловые проблемы: коррупцию, ликвидацию независимых СМИ, нарушения выбора религии. Конгрессмен разочаровался положением дел в странах Центральной Азии, так как в этих странах не соблюдали принципы Хельсинского заключительного акта, положения которого обязались выполнять [45].

В Казахстане в 1991–2001 гг. регулярно нарушались права человека, однако это не влияло на партнерские отношения с США. Сложившаяся ситуация противоречила идее защиты прав человека, которую формально отстаивали США [46]. Министерство финансов вводило санкции только против отдельных физических и юридических лиц, нарушающих права. Мер против президента Казахстана не последовало. Несогласие с авторитаризмом Н. Назарбаева выражалось в ходе личных встреч президента Казахстана и представителей администрации У. Клинтона и не имело ультимативного характера. Фактор незрелости государства не объясняет причину такого деликатного подхода, так как Белый дом ранее прибегал к давлению; например, госсекретарь Дж. Бейкер вынуждал Казахстан отказаться от ядерного оружия.

Становление Казахстана как самостоятельного субъекта интересовало США с целью не допустить установления прочной связи этой среднеазиатской республики с Россией. Этот интерес Казахстан в большей степени удовлетворил, приступив к строительству национального государства: улицам и городам давали новые казахские имена, в информационной среде муссировалась тема независимости, казахский язык приобрел статус государственного. Острой проблемой стало наличие у Казахстана ядерного арсенала, поэтому США стремились к денуклеаризации этой страны, исходя из необходимости ликвидации угрозы со стороны бывших советских республик и намерения

предотвратить передачу ядерного оружия странам-изгоям. Доступ к нефтяным ресурсам Казахстана позволил США снизить зависимость от углеводородов Ближнего Востока. В США хотели, чтобы Казахстан сохранил прозападную ориентацию. В стране появились американские некоммерческие структуры, цель которых заключалась в содействии в переходе к рыночной экономике, развитию демократии и защите прав человека. По приоритету важности интересы США к Казахстану можно ранжировать в следующем порядке:

- 1) ядерное разоружение;
- 2) сохранение независимости;
- 3) ориентация на Запад;
- 4) доступ к нефтяным ресурсам.

Критерием выступало соответствие этих интересов вопросам безопасности США. Пока Казахстан удовлетворял эти интересы, его власти находились вне американской критики. После ядерного разоружения, участия в межправительственной международной организации «Шанхайская организация сотрудничества» вместе с Россией, остановки приватизации в конгрессе звучала критика. После 11 сентября 2001 г. парламентарии выразили надежду, что Белый дом не ослабит давление по вопросу нарушения прав человека, но администрация Дж. Буша-младшего поступила иначе. Война против терроризма вынудила Вашингтон искать союзников в регионе.

Теоретически США могли оправдать вмешательство в дела Казахстана, апеллируя к соблюдению прав человека, но такого решения не последовало. Власти США знали о качестве демократии в Казахстане, но продолжали воспринимать Н. Назарбаева как проамериканского политика. Сама внешнеполитическая доктрина США переориентировалась от идеи распространения демократии к защите национальных интересов. Следует учитывать, что сфера национальных интересов США неуклонно расширялась и к концу XX в. распространялась и на страны Центральной Азии [47. С. 144].

Президентство У. Клинтона представляло собой пример эпохи «разделенного правления», он не сумел наладить отношения с конгрессом. В сложившихся условиях комиссия правительства США по правам человека не работала слаженно [48. С. 66–95]. Парламент США не мог принять жесткий законопроект по защите прав в Казахстане. Те из законодателей, кто активно критиковал Казахстан, входили в комитеты по защите прав человека. Несмотря на обилие критики в 1999–2001 гг., эти конгрессмены не отражали мнения обеих палат конгресса, где нефтяное лобби продолжало отстаивать свои интересы.

Таким образом, конгресс не ввел санкции в отношении режима Н. Назарбаева по ряду причин внутреннего и внешнего характера. Казахстанская сторона выполнила большую часть как явных, так и скрытых требований американских коллег: ядерное разоружение, сохранение суверенитета, ориентация в сторону западной модели развития, доступ к нефтяным ресурсам. В результате в период с 1991 по 1997 г. в адрес Казахстана практически не поступала критика со стороны законодателей по вопросу нарушения прав чело-

века. После выполнения большей части договоренностей, а также их частичного несоблюдения США начали оказывать давление в вопросе нарушения прав человека в Казахстане в 1998 г. В 1999–2000 гг. критика уси-

лилась и персонализировалась. После терактов в США в сентябре 2001 г. эта тенденция не прекратилась и критика продолжилась, однако на первый план вышла тема безопасности и борьбы с терроризмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кембаев Ж.М. К вопросу о конституционных правах и свободах человека в Казахстане // Юрист. 2009. № 8. С. 40–43.
2. Жалыбин С.М. Некоторые проблемы института защиты в судопроизводстве суверенного Казахстана // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 3. С. 14–16.
3. Бусурманов Ж.Д. Право и права человека в эпоху глобализации: взгляд из будущего // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2011. № 3. С. 19–21.
4. Серебrenникова А.В., Лебедев М.В. К вопросу о дискриминации человека и гражданина по Уголовному законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации. // Colloquium-journal. 2019. № 17 (1). С. 118–119.
5. Сман А.С. О правах человека в законах Республики Казахстан, принятых в 2008 году // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2009. № 1 (13). С. 31–44.
6. Исаков И.Ж. Электоральные процессы и особенности развития политических партий в Казахстане // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 230–234.
7. Ионова Е.П. Итоги президентских выборов в Казахстане и экономический курс Н. Назарбаева // Россия и новые государства Евразии. 2011. № 2. С. 82–88.
8. Шаймергенов Т.Т. Президентские выборы-2005 в Казахстане: проблемы и перспективы политической либерализации // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 1 (43). С. 52–64.
9. Куртов А.А. Демократия выборов в Казахстане: авторитарная эволюция // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 2 (31). С. 2–10.
10. Булуктаев Ю.О. Выборы-2004 в Казахстане: стратегия и тактика политических партий // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1 (37). С. 15–23.
11. Яковлев И.Г. Выборы в Казахстане сквозь призму российских аналогий // Социология власти. 2004. № 4. С. 77–89.
12. Фридман Э., Шэйфер Р., Антонова С. Два десятилетия репрессий: неистребимость авторитарного контроля над средствами массовой информации в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 4. С. 108–127.
13. Бове Б., Фридман Э., Блом Р. Центральная Азия: социальные сети, кибернетическое инакомыслие и ограничение политических коммуникаций в сетях // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 1. С. 169–180.
14. Казбекова М.А. Электоральная конкуренция партий власти с партиями оппозиции в России и Казахстане (сравнительный анализ) // Социология власти. 2009. № 5. С. 179–187.
15. Абзалбеков Б.С. Особенности становления казахстанской партийной системы в постсоветский период // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 2. С. 208–214.
16. Эргашев Б.А. Парламентская оппозиция в государствах Центральной Азии: достижения, проблемы, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5 (59). С. 36–47.
17. Карыбаева М.А. Развитие системы многопартийности в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 2 (38). С. 44–52.
18. Цепкова И.Б. Влияние толерантности в религиозной сфере на политическую стабильность (на примере Казахстана и России) // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 1. С. 180–197.
19. Трофимов Я.Ф. Государство, общество и религия в современном Казахстане // Central Asia & Caucasus 1997. № 12. URL: https://www.cac-s.org/journal/12-1997/st_08_trofimov.shtml (дата обращения: 11.05.2020).
20. Казахстан и ОБСЕ: история - современность - будущее // Kazinform : международное информационное агентство. URL: https://www.inform.kz/ru/kazakhstan-i-obse-istoriya-sovremennost-budushee-sammit-v-astane-stanet-nachalom-novogo-etapa-deyatelnosti-organizacii_a2322513 (дата обращения: 30.04.2020).
21. S.Con.Res.74 – A concurrent resolution calling for acceptance and implementation by certain republics of the commitments on human rights, fundamental freedoms, and humanitarian cooperation contained in the Helsinki Final Act and other documents of the Conference on Security and Cooperation in Europe. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-concurrent-resolution/74/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22kazakhstan%22%5D%7D&r=5&s=3> (accessed: 04.04.2020).
22. H.Con.Res.232 – Calling for acceptance and implementation by certain republics of the commitments on human rights, fundamental freedoms, and humanitarian cooperation contained in the Helsinki Final Act and other documents of the Conference on Security and Cooperation in Europe. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-concurrent-resolution/232/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22kazakhstan%22%5D%7D&r=1&s=3> (accessed: 04.04.2020).
23. S.J.Res.310 – A joint resolution to designate August 1, 1992, as “Helsinki Human Rights Day”. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-jointresolution/310/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22kazakhstan%22%5D%7D&r=11&s=3> (accessed: 04.04.2020).
24. Accomplishments of America’s foreign aid program. URL: <https://www.congress.gov/104/crc/1995/05/25/CREC-1995-05-25-pt1-PgH5590-3.pdf> (accessed: 06.04.2020).
25. European Union should approve a customs union with turkey. URL: <https://www.congress.gov/104/crc/1995/05/25/CREC-1995-05-25-pt1-PgH5590-3.pdf> (accessed: 06.04.2020).
26. Expressing opposition of congress to president Clinton’s planned deployment of ground forces to Bosnia; congressional record vol. 141, no. 198. URL: <https://www.congress.gov/104/crc/1995/12/13/CREC-1995-12-13-pt1-PgS18470.pdf> (accessed: 06.04.2020).
27. S. Rept. 105-394 – Silk road strategy act of 1998 «Minority views». URL: <https://www.congress.gov/105/crpt/srpt394/CRPT-105srpt394.pdf> (accessed: 08.04.2020).
28. Human rights in Kazakhstan. URL: <https://www.congress.gov/crc/1999/09/09/CREC-1999-09-09-pt1-PgE1815-3.pdf> (accessed: 09.04.2020).
29. Kazakhstan making progress in democracy, free markets and human rights. URL: <https://www.congress.gov/crc/1999/10/18/CREC-1999-10-18-pt1-PgH10155.pdf> (accessed: 09.04.2020).
30. Kazakhstan. URL: <https://www.congress.gov/crc/2000/02/07/CREC-2000-02-07-pt1-PgS389.pdf> (accessed: 10.04.2020).
31. Пресс-релиз РНПК и речь в «Кливлендском клубе» будущее // Eurasia Internet : агентство политических новостей. URL: https://www.neweurasia.info/archive/1999/news/11_15_press_ak.htm (дата обращения: 30.04.2020).
32. The republic of Kazakhstan. URL: <https://www.congress.gov/crc/2000/03/30/CREC-2000-03-30-pt1-PgE449-2.pdf> (accessed: 12.04.2020).
33. H.Con.Res.397 – Voicing concern about serious violations of human rights and fundamental freedoms in most states of Central Asia, including substantial noncompliance with their Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) commitments on democratization and the holding of free and fair elections. URL: <https://www.congress.gov/106/bills/hconres397/BILLS-106hconres397eh.pdf> (accessed: 12.04.2020).
34. Wrong on Kazakhstan. URL: <https://www.congress.gov/crc/2000/10/06/CREC-2000-10-06-pt2-PgE1717-5.pdf> (accessed: 12.04.2020).
35. Perlmutter A. More words than deeds on Kazakhstan? // Washington Times. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2000/oct/4/20001004-012114-7382r/> (accessed: 30.04.2020).

36. Central Asian repression and mismanagement are the problem not the solution to combating Islamic extremism. URL: <https://www.congress.gov/crec/2001/03/15/CREC-2001-03-15-pt1-PgE382-4.pdf> (accessed: 01.05.2020).
37. Kazakhstan should release opposition political prisoners. URL: <https://www.congress.gov/crec/2001/03/22/CREC-2001-03-22-pt1-PgE421.pdf> (accessed: 01.05.2020).
38. Autocratic leaders in Central Asia. URL: <https://www.congress.gov/crec/2001/05/03/CREC-2001-05-03-pt1-PgE713-2.pdf> (accessed: 02.05.2020).
39. Human rights problems in Kazakhstan. URL: <https://www.congress.gov/crec/2001/05/17/CREC-2001-05-17-pt1-PgE828-2.pdf> (accessed: 02.05.2020).
40. Disturbing trends regarding religious freedom in Kazakhstan. URL: <https://www.congress.gov/crec/2001/06/21/CREC-2001-06-21-pt1-PgE1176-2.pdf> (accessed: 03.05.2020).
41. Human rights in Central Asia a decade after independence. URL: <https://www.congress.gov/crec/2001/08/01/CREC-2001-08-01-pt1-PgE1483-4.pdf> (accessed: 03.05.2020).
42. Nixon R. A Dangerous Appetite for Oil // New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2001/10/29/opinion/a-dangerous-appetite-for-oil.html> (accessed: 30.04.2020).
43. Explaining the context for America's conflict. URL: <https://www.congress.gov/crec/2001/10/30/CREC-2001-10-30-pt1-PgH7397-2.pdf> (accessed: 05.05.2020).
44. Kazakhstan's dictator must clean up his act. URL: <https://www.congress.gov/crec/2001/12/04/CREC-2001-12-04-pt1-PgE2202-2.pdf> (accessed: 05.05.2020).
45. Human rights in Central Asia. URL: <https://www.congress.gov/crec/2001/12/20/CREC-2001-12-20-pt2-PgE2373-3.pdf> (accessed: 06.05.2020).
46. Аленичев В. США – флагман борьбы за права человека // Голос Америки. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/us-democracy/3010277.html> (дата обращения: 03.05.2020).
47. Румянцев В.П. Концепция фронта Ф.Дж. Тернера и внешняя политика США в XX–XXI вв. // Американский ежегодник. 2016. М., 2017. С. 129–144.
48. Журавлёва В.Ю. Перетягивание каната власти: взаимодействие президента и Конгресса США. М. : ИМЭМО РАН, 2011. 163 с.

Stanislav N. Alexandrov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gaarane91@mail.ru

CONGRESS OF THE USA AND HUMAN RIGHTS VIOLATION PROBLEM IN KAZAKHSTAN (1991–2001)

Keywords: the United States of America; Kazakhstan; the Congress; human rights.

This paper is devoted to the transformation of the position of the United States Congress on the issue of human rights violations in Kazakhstan in 1991–2001. The problem of the study is the contradiction between the official rhetoric and the established practice: the continuation of cooperation between the White House and the Government of Kazakhstan, although human rights were regularly violated in the Republic. The purpose of the paper is to establish the reasons for the absence of the US Congress sanctions against Kazakhstan for human rights violations in 1991–2001. The paper is based on the materials of the US Congress. Methods of study were the historical genetic method and Ishikawa cause-and-effect diagram. The result of the historical genetic method was the creation of periodization, which reflected the transformation of the position of Congress about human rights violations in Kazakhstan (1991–2001). The Ishikawa cause-and-effect diagram method was used to find the reasons for Congress's inaction.

The USA was interested in Kazakhstan as primarily an independent state. Kazakhstan satisfied this interest while maintaining independence. The presence of nuclear weapons in Kazakhstan was perceived by the United States as a potential danger. American leadership sought to immediately disarm the republic. The USA wanted Kazakhstan to follow the western path of development. For this purpose, American and Kazakh NGOs appeared in the country.

The USA Congress did not impose sanctions on Nursultan Nazarbayev's regime, for a number of reasons of internal and external nature. The Kazakh side fulfilled most of demands of American colleagues: nuclear disarmament, preservation of sovereignty from Russia, orientation towards Western development, access to oil resources. As a result, Kazakhstan received little criticism from US legislators on human rights violations during 1991–1997. After most agreements have been resolved, as well as their partial non-compliance, the US began to exert pressure for human rights violations in Kazakhstan since 1998. After September 11, 2001, this policy did not stop and the criticism continued, but the issue of security and counter-terrorism came to the fore. Geographically, Kazakhstan was in a strategically important region for the United States, where allies were needed, for which reason criticism of the Congress did not turn into sanctions of the Nursultan Nazarbayev's regime. The bifurcated essence of American power during William Clinton's presidency did not allow such adamant decisions to be made.

REFERENCES

1. Kembraev, Zh.M. (2009) K voprosu o konstitutsionnykh pravakh i svobodakh cheloveka v Kazakhstane [On the constitutional rights and human freedoms in Kazakhstan]. *Yurist*. 8. pp. 40–43.
2. Zhalybin, S.M. (2001) Nekotorye problemy instituta zashchity v sudoproizvodstve suverennogo Kazakhstana [Some problems of the institution of protection in the judicial proceedings of sovereign Kazakhstan]. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. 3. pp. 14–16.
3. Busurmanov, Zh.D. (2011) Pravo i prava cheloveka v epokhu globalizatsii: vzglyad iz budushchego [Human rights and law in the age of globalization: looking from the future]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan*. 3. pp. 19–21.
4. Serebrennikova, A.V. & Lebedev, M.V. (2019) K voprosu o diskriminatsii cheloveka i grazhdanina po Ugolovnomu zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan i Rossiyskoy Federatsii [Concerning discrimination against persons and citizens under the Criminal Law of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation]. *Colloquium-journal*. 17(1). pp. 118–119.
5. Sman, A.S. (2009) O pravakh cheloveka v zakonakh Respubliki Kazakhstan, prinyatykh v 2008 godu [On human rights in the laws of the Republic of Kazakhstan adopted in 2008]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan*. 1(13). pp. 31–14.
6. Isakov, I.Z. (2011) Electoral processes and features of development of political parties in Kazakhstan. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 3. pp. 230–234. (In Russian).
7. Ionova, E.P. (2011) Itogi prezidentskikh vyborov v Kazakhstane i ekonomicheskii kurs N. Nazarbaeva [Results of the presidential elections in Kazakhstan and the economic course of N. Nazarbayev]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii – Russia and New States of Eurasia*. 2. pp. 82–88.
8. Shaymergenov, T.T. (2006) Prezidentskie vyборы-2005 v Kazakhstane: problemy i perspektivy politicheskoy liberalizatsii [Presidential elections 2005 in Kazakhstan: problems and prospects of political liberalization]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz – Central Asia and the Caucasus*. 1(43). pp. 52–64.
9. Kurtov, A.A. (2000) Demokratiya vyborov v Kazakhstane: avtoritarnaya evolyutsiya [Election democracy in Kazakhstan: the authoritarian evolution]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie* [Constitutional Law: Eastern European Review]. 2(31). pp. 2–10.
10. Buluktaev, Yu.O. (2005) Vyборы-2004 v Kazakhstane: strategiya i taktika politicheskikh partij [Elections 2004 in Kazakhstan: strategy and tactics of political parties]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 1 (37). pp. 15–23.

11. Yakovlev, I.G. (2004) Vybory-2004 v Kazakhstane: strategiya i taktika politicheskikh partiy [Elections in Kazakhstan through the prism of Russian analogies]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 4. pp.77–89.
12. Fridman, E., Sheyfer, R. & Antonova, S. (2010) Dva desyatiletiya repressiy: neistrebimost' avtoritarnogo kontrolya nad sredstvami massovoy informatsii v Tsentral'noy Azii [Two decades of repression: the frenzy of authoritarian control over the media in Central Asia]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 4. pp.108–127.
13. Bove, B., Friedman, E. & Blom, R. (2012) Tsentral'naya Aziya: sotsial'nye seti, kiberneticheskoe inakomyслиe i ogranichenie politicheskikh kommunikatsiy v setyakh [Central Asia: social networks, cyber dissent and restriction of political communications in networks]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 1. pp.169–180.
14. Kazbekova, M.A. (2009) Elektoral'naya konkurentsia partiy vlasti s partiyami oppozitsii v Rossii i Kazakhstane (sravnitel'nyy analiz) [Electoral competition of power parties with opposition parties in Russia and Kazakhstan (a comparative analysis)]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 5. pp.179–187.
15. Abzalbekov, B.S. (2018) Features of development of Kazakhstan party system in the post-Soviet period. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Historical Studies*. 2. pp. 208–214. (In Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2018.2.208-214
16. Ergashev, B.A. (2008) Parlamentskaya oppozitsiya v gosudarstvakh Tsentral'noy Azii: dostizheniya, problemy, perspektivy [Parliamentary opposition in Central Asian states: achievements, problems, prospects]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 5(59). pp. 36–47.
17. Karybaeva, M.A. (2005) Razvitie sistemy mnogopartiynosti v stranakh Tsentral'noy Azii [Development of multiparty system in Central Asian countries]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2(38). pp. 44–52.
18. Tsepkova, I.B. (2010) Vliyaniye tolerantnosti v religioznoy sfere na politicheskuyu stabil'nost' (na primere Kazakhstana i Rossii) [The influence of tolerance in the religious sphere on political stability (a case study of Kazakhstan and Russia)]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 1. pp. 180–197.
19. Trofimov, Y.F. (1997) Gosudarstvo, obshchestvo i religiya v sovremennom Kazakhstane [State, society and religion in modern Kazakhstan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 12. [Online] Available from https://www.ca-c.org/journal/12-1997/st_08_trofimov.shtml (Accessed: 11th May 2020).
20. Inform.kz. (2010) *Kazakhstan i OBSE: istoriya – sovremennost' – budushchee* [Kazakhstan and OSCE: history – modernity – future]. [Online] Available from: https://www.inform.kz/ru/kazakhstan-i-obse-istoriya-sovremennost-budushee-sammit-v-astane-stanet-nachalom-novogo-etapa-deyatelnosti-organizatsii_a2322513 (Accessed: 30th April 2020).
21. USA. (n.d.) S.Con.Res.74 – A concurrent resolution calling for acceptance and implementation by certain republics of the commitments on human rights, fundamental freedoms, and humanitarian cooperation contained in the Helsinki Final Act and other documents of the Conference on Security and Cooperation in Europe. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-concurrent-resolution/74/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22kazakhstan%22%5D%7D&r=5&s=3> (Accessed: 4th April 2020).
22. USA. (n.d.) H.Con.Res.232 – Calling for acceptance and implementation by certain republics of the commitments on human rights, fundamental freedoms, and humanitarian cooperation contained in the Helsinki Final Act and other documents of the Conference on Security and Cooperation in Europe. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-concurrent-resolution/232/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22kazakhstan%22%5D%7D&r=1&s=3> (Accessed: 4th April 2020).
23. USA. (n.d.) S.J.Res.310 – A joint resolution to designate August 1, 1992, as “Helsinki Human Rights Day”. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-jointresolution/310/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22kazakhstan%22%5D%7D&r=11&s=3> (Accessed: 4th April 2020).
24. The US Congress. (1995a) *Accomplishments of America's foreign aid program*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/104/crc/1995/05/25/CREC-1995-05-25-pt1-PgH5590-3.pdf> (Accessed: 6th April 2020).
25. The US Congress. (1995b) European Union should approve a customs union with turkey. Electronic document from the archive of the Congress. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/104/crc/1995/05/25/CREC-1995-05-25-pt1-PgH5590-3.pdf>. (Accessed: 6th April 2020).
26. The US Congress. (1995c) *Expressing opposition of congress to President Clinton's planned deployment of ground forces to Bosnia*. Congressional Record. Vol. 141(198). [Online] Available from: <https://www.congress.gov/104/crc/1995/12/13/CREC-1995-12-13-pt1-PgS18470.pdf>. (Accessed: 6th April 2020).
27. The US Congress. (n.d.) S. Rept. 105-394 – *Silk Road strategy act of 1998 “Minority views”*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/105/crpt/srpt394/CRPT-105srpt394.pdf>. (Accessed: 8th April 2020).
28. The US Congress. (1999a) *Human Rights in Kazakhstan*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/1999/09/09/CREC-1999-09-09-pt1-PgE1815-3.pdf>. (Accessed: 9th April 2020).
29. The US Congress. (1999b) *Kazakhstan making progress in democracy, free markets and human rights*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/1999/10/18/CREC-1999-10-18-pt1-PgH10155.pdf> (Accessed: 9th April 2020).
30. The US Congress. (2000a) *Kazakhstan*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/2000/02/07/CREC-2000-02-07-pt1-PgS389.pdf>. (Accessed: 10th April 2020).
31. Kazhegeldin, A.M. (1999) *Press-reliz RNPK i rech' v “Klivilendskom klube”* [Press release of the Republican People's Party of Kazakhstan and speech at the “Cleveland Club”]. [Online] Available from: https://www.neweurasia.info/archive/1999/news/11_15_press_ak.htm (Accessed: 30th April 2020).
32. The US Congress. (2000b) *The Republic of Kazakhstan*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/2000/03/30/CREC-2000-03-30-pt1-PgE449-2.pdf>. (Accessed: 12th April 2020).
33. The US Congress. (n.d.) H.Con.Res.397 – *Voicing concern about serious violations of human rights and fundamental freedoms in most states of Central Asia, including substantial noncompliance with their Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) commitments on democratization and the holding of free and fair elections*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/106/bills/hconres397/BILLS-106hconres397eh.pdf> (Accessed: 12th April 2020).
34. The US Congress. (2000c) *Wrong on Kazakhstan*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/2000/10/06/CREC-2000-10-06-pt2-PgE1717-5.pdf> (Accessed: 12th April 2020).
35. Perlmuter, A. (2000) *More words than deeds on Kazakhstan?* [Online] Available from: <https://www.washingtontimes.com/news/2000/oct/4/20001004-012114-7382r/> (Accessed: 30th April 2020).
36. The US Congress. (2001a) *Central Asian repression and mismanagement are the problem not the solution to combating Islamic extremism*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/2001/03/15/CREC-2001-03-15-pt1-PgE382-4.pdf> (Accessed: 1st May 2020).
37. The US Congress. (2001b) *Kazakhstan should release opposition political prisoners*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/2001/03/22/CREC-2001-03-22-pt1-PgE421.pdf> (Accessed: 1st May 2020).
38. The US Congress. (2001c) *Autocratic leaders in Central Asia*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/2001/05/03/CREC-2001-05-03-pt1-PgE713-2.pdf> (Accessed: 2nd May 2020).
39. The US Congress. (2001d) *Human rights problems in Kazakhstan*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/2001/05/17/CREC-2001-05-17-pt1-PgE828-2.pdf> (Accessed: 2nd May 2020).
40. The US Congress. (2001e) *Disturbing trends regarding religious freedom in Kazakhstan*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/2001/06/21/CREC-2001-06-21-pt1-PgE1176-2.pdf>. (Accessed: 3rd May 2020).
41. The US Congress. (2001f) *Human rights in Central Asia a decade after independence*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crc/2001/08/01/CREC-2001-08-01-pt1-PgE1483-4.pdf>. (Accessed: 3rd May 2020).
42. Nixon, R. (2001) *A Dangerous Appetite for Oil*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2001/10/29/opinion/a-dangerous-appetite-for-oil.html>. (Accessed: 30th April 2020).

43. The US Congress. (2001g) *Explaining the context for America's conflict*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crec/2001/10/30/CREC-2001-10-30-pt1-PgH7397-2.pdf> (Accessed: 5th May 2020).
44. The US Congress. (2001h) *Kazakhstan's dictator must clean up his act*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crec/2001/12/04/CREC-2001-12-04-pt1-PgE2202-2.pdf> (Accessed: 5th May 2020).
45. The US Congress. (2001i) *Human rights in Central Asia*. [Online] Available from: <https://www.congress.gov/crec/2001/12/20/CREC-2001-12-20-pt2-PgE2373-3.pdf>. (Accessed: 6th May 2020).
46. Alenichev, V. (n.d.) *SSHA – flagman bor'by za prava cheloveka* [The United States is the flagship of the struggle for human rights]. [Online] Available from: <https://www.golos-ameriki.ru/a/us-democracy/3010277.html> (Accessed: 3rd May 2020).
47. Rumyantsev, V.P. (2017) *Kontsepsiya frontira FundDzh. Ternera i vneshnyaya politika SShA v XX–XXI vv.* [F.J. Turne's concept of frontier and US foreign policy in the 20th – 21st centuries]. In: Sogrin, V.V. (ed.) *Amerikanskiy ezhegodnik* [American year-book]. Moscow: Ves' mir. pp. 129–144.
48. Zhuravleva, V.Yu. (2011) *Peretyagivanie kanata vlasti: vzaimodeystvie prezidenta i Kongressa SShA* [The Tug of Power: Interaction between the President and the US Congress]. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.

УДК 94 (430) «19»: 368.042
DOI: 10.17223/19988613/70/10

В.П. Зиновьев, О.А. Мельничук, В.А. Тучинский

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В ГЕРМАНИИ В 1920-е гг.

Рассматривается развитие форм социальной защиты наемных работников в Германии в 1920-е гг. Основным источником послужили сообщения сотрудников Научного бюро Наркомата труда СССР, которые изучали функционирование страховых институтов в Германии для выработки рекомендаций по развитию советской системы социального страхования. Сделан вывод о том, что бисмаркская система социального страхования в послевоенной Германии сохранилась и получила правовое закрепление.

Ключевые слова: Германия; 1920-е годы; социальное страхование; наемные рабочие.

Социальная защита рабочих и служащих как комплексная система государственных мер по борьбе с социальными рисками была основана в Германии в последней четверти XIX в. Ее зарождение происходило в условиях активизации социалистического и рабочего движения, которое заставило правящие круги отказаться от идей манчестерских теорий и высказаться за активное вмешательство в регулирование отношений между рабочими и предпринимателями. Другой важной составляющей осуществления социальных реформ и охвата ими значительной части пролетариата была сильная централизованная государственная власть, способная найти компромисс с буржуазией.

Канцлер Германии Отто фон Бисмарк и его окружение понимали, что только карательными мерами бороться с социалистическим и рабочим движением невозможно. Поэтому и предлагалось сочетать их с социальными реформами для рабочих. Выступая в рейхстаге в 1871 г., канцлер отмечал, что «единственным средством сдерживания социалистического движения является осуществление того, что кажется справедливым в требованиях социалистов и может быть реализовано в рамках существующего государственного и общественного порядка» [1. С. 58]. Изучив программу СДРП, руководитель правительства заявил о возможности самостоятельно решить «рабочий вопрос». Задуманная социальная реформа, прежде всего, должна была убедить трудящихся в способности государства создать «общество социальной справедливости». Поэтому канцлер не возражал против того, чтобы социальную политику в пропагандистских целях называли «государственным социализмом» [2. С. 37].

Кроме снятия социального напряжения, канцлер рассматривал социальное законодательство как надежную защиту от партикуляризма. Социальное примирение должно было стать залогом закрепления территориального единства государства [3. С. 144]. В таких условиях было вынесено на повестку дня проведение социальных реформ.

Новая форма государственной социальной политики встретила одобрение и поддержку не только предпринимателей, но и тех социальных реформаторов со стороны буржуазии, которые выступали за «соци-

альную монархию» и государственное вмешательство в решение социальных вопросов. Новое направление, ставившее целью разработку таких социальных мероприятий, с помощью которых можно было сохранить социальный мир в капиталистическом обществе, среди немецких ученых получило название «катедер-социализма». Основанный сторонниками этого направления в 1872 в г. Эйзене «Союз социальной политики» ставил целью изучение и разработку вопроса о введении общегосударственного социального страхования [4. С. 313].

17 ноября 1881 г. кайзер Вильгельм II, следуя совету канцлера Отто фон Бисмарка, впервые высказался о необходимости принятия рейхстагом законодательных актов по социальной защите наемных рабочих. Уже с 1 декабря 1884 г. вступил в действие Закон о страховании временной нетрудоспособности, которым предусматривалась выплата помощи в размере 50% заработной платы в течение 13 недель, начиная с третьего дня болезни. Кроме того, закон предусматривал выплату пособия по беременности и родам, а также в случае смерти работника. С 1 октября 1885 г. на территории Германии вступил в силу Закон о страховании от несчастных случаев на производстве. Согласно его положениям, начиная с 14-й недели потери трудоспособности работник получал право на получение пенсии, зависящей от размера заработка. С 1 января 1891 г. вступил в силу закон о страховании по инвалидности и старости, по которому наемным работникам гарантировались выплаты пенсий по инвалидности и возрасту (с 70 лет). Принятием 19 июня 1911 г. Рейхстрахового кодекса в Германии была осуществлена кодификация всего страхового законодательства, которым определялся уровень социальной защиты наемных работников [1. С. 83].

Таким образом, Германия оказалась первой из западноевропейских стран, в которой в конце XIX в. на государственном уровне было введено страхование от болезней, несчастных случаев, старости и инвалидности. Учитывая важность такого шага для рабочих в самой Германии, а также для становления и развития данного института в мировой практике, указанная модель социального страхования получила в дальнейшем название «бисмаркской», и стала образцом для основ

социальной защиты в других государствах [5. С. 69; 6]. Германское социальное страхование оказало большое воздействие на развитие страхового законодательства в России, в которой призрение больных и увечных рабочих на казенных предприятиях было введено еще в 1842 г. [7], а на рабочих частных предприятий оно было распространено только в начале XX в. [8, 9]. В свою очередь, советская система социального обеспечения и здравоохранения (Н.А. Семашко) оказала активное воздействие на страховое дело в развитых капиталистических странах во второй половине XX в.

Активное развитие всех форм социального страхования в Германии в конце XIX – начале XX в. было прервано участием страны в Первой мировой войне. В данной статье авторы ставят целью рассмотреть основные формы социальной защиты наемных работников в Германии в 1920-е гг.

Анализируя историографию исследуемой проблемы, следует отметить, что наибольший вклад в ее разработку внесли немецкие историки. Так, Людвиг Преллер одним из первых охарактеризовал роль и место социальной защиты рабочих в социальной политике Веймарской республики [10]. Социальной политике Германии в XX в. посвятили свои работы Альбин Глэдден [11] и Манфред Шмидт [12]. Институты социального страхования как ведущую форму социальной защиты рабочих в Веймарской республике проанализировал Вальтер Богс [13]. Историю социального страхования в Германии, в том числе и исследуемого периода, изучали Бернд Вайсброт [14], Пауль Пешке [15], Фолькер Хентшель [16], Фридрих Клейс [17], Флориан Теннштедт [18–20].

Отдельные аспекты практики социального страхования в Германии 1920-х гг. исследовали А.А. Мельничук и Т.А. Мельничук [21]. Особенности развития социального законодательства изучали Д.В. Иванчук и А.В. Моисеев [22].

Основными источниками для освещения практической деятельности страховых касс по обеспечению рабочих в случае наступления социальных рисков были сообщения сотрудников Научного бюро Наркомата труда СССР, которые изучали функционирование страховых институтов в Германии для выработки рекомендаций по развитию советской системы социального страхования. Все эти материалы были опубликованы на страницах журнала «Вопросы страхования» на протяжении 1920-х гг.

Поражение Германии в Первой мировой войне привело к упадку хозяйственной жизни в стране. Потеря угольных шахт и металлургической базы Лотарингии, запрет производства тяжелого вооружения вызвали кризис металлургической и машиностроительной промышленности. Страна нуждалась в сырье, продовольствии, топливе. Сокращение промышленного производства обусловило массовую безработицу, инфляцию, снижение заработной платы. В стране усиливалась социальная напряженность, поскольку влияние страховых институтов было почти полностью нивелировано. Даже в период послевоенного кризиса и инфляции 1922–1923 гг. рабочие почти не ощутили на себе защитную функцию государственного страхо-

вания. В эти годы немецкий соцстрах использовал практически все свои капиталы, особенно в области страхования инвалидности [23. С. 2].

Только начиная с 1924 г., благодаря плану Дауэса, народное хозяйство Германии постепенно возрождалось, а помощь соцстраха приобретала реальную ценность. В результате общие расходы на социальное страхование увеличились по сравнению с довоенным временем на 60%, с 1 431 тыс. марок в 1913 г. до 2 016 тыс. марок в 1924 г. [24. С. 26]. В этом году бюджет соцстраха вдвое превысил довоенный уровень и составил 2 млн марок. Несмотря на потерю значительной части промышленных областей и сокращение численности населения, в середине 1920-х гг. по количеству застрахованных Германия достигла довоенного уровня. Так, если в 1913 г. в системе всех видов социального страхования находилось 59,7 млн чел., то в 1925 г., не считая введенного после войны страхования безработных, численность застрахованных составила 60,9 млн [25. С. 3].

Анализ наполняемости страховых фондов показывает, что наибольшая доля страховых взносов приходилась на рабочих по страхованию временной нетрудоспособности, где они платили 2/3, а работодатели 1/3 всех взносов. Для страхования служащих взносы распределялись поровну. Страхование от несчастных случаев финансировалось исключительно за счет взносов работодателей [24. С. 25].

В целом в середине 1920-х гг. в Германии еще не было единой системы социального страхования. Не были централизованы и отдельные виды страхования, однако значительно расширился их объем. Несмотря на снижение почти на 40% покупательной способности по сравнению с 1913 г., страховые поступления за счет увеличения страховых взносов выросли почти вдвое [Там же. С. 26].

Наиболее массовым видом социального страхования в Германии 1920-х гг. было страхование от несчастных случаев. Основным документом, который определял его нормативные положения, был Кодекс законов о страховании 1911 г. Реализация законодательных положений на местах возлагалась на страховые общества, возглавляемые правлениями в составе 6 человек. Указанный вид страхования распространялся почти на все категории промышленных и сельскохозяйственных рабочих, а также на экипажи торговых судов. Расходы по страхованию от несчастных случаев несли предприниматели, сумма взносов которых зависела от вредности производства и объема заработной платы. Обязанность уплаты взносов возлагалась на предприятия, на которых работали не менее 10 человек [25. С. 13].

Объем назначаемой пенсии определялся средним заработком за последний год работы. Полная пенсия, при потере трудоспособности на 100%, составляла половину заработка. В случае смерти в результате производственного травматизма семья получала единовременное пособие на похороны в размере 1/15 годового заработка кормильца. Кроме того, вдова, дети до 15 лет, родители или другие иждивенцы имели право на пожизненную пенсию в размере 1/5 годового заработка при условии, что общая сумма не превыша-

ла 3/5 заработка кормильца. Иностранцы могли получать пенсию, только живя в Германии, в ином случае им выплачивалась пенсия только за три месяца. Страховые общества получили право выдачи вместо ежегодной пенсии единовременного пособия, если потеря трудоспособности не достигала 20%. Объем такой помощи составлял от 4 до 8 годовых пенсий [25. С. 14].

Помощь застрахованным выплачивалась только в случае наступления несчастного случая на производстве. О своем праве на пенсию пострадавший должен был заявить не позднее 2 лет со дня несчастного случая. О каждом несчастном случае предприниматель сообщал в полицейское управление и страховое общество. На основании сообщения страховое общество принимало решение о вознаграждении, которое потерпевший мог обжаловать в страховом управлении. Пенсия выплачивалась в ближайшем отделении с момента признания потери работоспособности, а до этого пострадавшему в течение 13 недель выплачивалось пособие из больничной кассы в размере 2/3 заработка. Размер пенсии определялся процентом потери работоспособности [26. С. 91].

Законом от 14 июля 1925 г. были внесены существенные изменения, касающиеся выплаты помощи, единовременных возмещений, пенсий, а также правил для предупреждения несчастных случаев. Так, например, если по старому закону принимались во внимание только заработки застрахованных до 1 800 марок в год, то новым законом предел устанавливался на уровне 8 400 марок. Размер пенсии в случае полной потери работоспособности оставался на уровне 2/3 заработной платы, однако при этом предусматривались дополнительные пенсии для иждивенцев в возрасте до 15 лет в размере 10% от назначенной пенсии. Общий объем выплат при этом не должен был превышать сумму прежней заработной платы. В случае смерти кормильца каждый из членов семьи получал до 20% его заработка. Таким образом, если ранее максимальный размер пенсии составлял 60% заработной платы, то по новому законодательству – 80%. Выдача пострадавшему единовременного возмещения была обязательной, если размер пенсии составлял до 10% полной пенсии. При размере пенсии в пределах 10–29% ее замена одноразовым возмещением осуществлялась только с согласия потерпевшего. Размер такого возмещения составлял 3-летнюю пенсию. Если же работоспособность терялась более чем на 20%, потерпевший мог требовать дополнительного возмещения [27. С. 4].

Новым законом предусматривалось предоставление так называемой «профессиональной помощи» для лиц, которые нуждались в постороннем уходе. Они могли по своему выбору находиться в больничных учреждениях, иметь собственных квартирных сиделок или дополнительную помощь в размере от 20 до 75 марок. Профессиональная помощь включала в себя и меры по восстановлению работоспособности. С этой целью организовывались специальные курсы переквалификации или обучения новым профессиям. Закон предусматривал также процедуру восстановления покупательной способности пенсий, так называемую «валоризацию» пособий [Там же. С. 5].

Постановлением министра труда от 12 мая 1925 г. несчастные случаи были приравнены к профессиональным заболеваниям на производстве. В список болезней, подлежащих возмещению за счет страховых средств, входили: отравление свинцом, фосфором, ртутью, мышьяком, бензолом, сероводородом; рак кожи; катаракта; рентгенологические отравления, анкилостамиаз, пневмокониоз. Доктору, который обнаружил профессиональное заболевание на предприятии, выплачивалась премия. При неуведомлении о несчастном случае должностные лица привлекались к ответственности. При наличии на предприятии опасных и вредных факторов страховые органы выплачивали работнику временную помощь на весь период воздержания от работы. С целью предупреждения несчастных случаев страховые общества выдавали общеобязательные правила. Кроме того, санитарные органы и промышленные инспекторы имели право выдавать предписания для предприятий, которые нарушали нормы об охране труда [Там же. С. 5] Уже за первый год действия закона было зарегистрировано 3 847 случаев, однако страховая награда была выплачена только в 168 из них. Общие расходы выплат при этом составили 119 762 марки, или 0,8% всех расходов обществ. Чаще всего основанием для выплат было отравление промышленными газами, в частности свинцом [28. С. 24].

Всего на 1925 г. страхованием от несчастных случаев было охвачено 780 тыс. промышленных предприятий с 9,4 млн застрахованных, 4,5 млн сельскохозяйственных предприятий с 14 млн застрахованных, государственные и коммунальные предприятия с 900 тыс. застрахованных. По статистике, в промышленности в расчете на год один несчастный случай приходился на 25 застрахованных, в сельском хозяйстве – на 100 застрахованных. Всего за 1925 г. в Германии было выплачено 600 тыс. пенсий для пострадавших и 120 тыс. пенсий для членов семей [24. С. 25].

С этого времени начинается активное развитие указанного вида страхования. В отчете немецкого страхового управления за 1926 г. отмечался рост объемов работы, из-за чего личный состав был увеличен на 20 человек. Теперь в состав центрального управления входили председатель, 2 директора, 12 президентов сената, 30 постоянных членов и 110 штатных сотрудников. Страхование от несчастных случаев проводили 111 страховых обществ (66 промышленных и 45 сельскохозяйственных). Кроме того, в кампании было задействовано 162 исполнительных страховых органа для государственных предприятий и 335 провинциальных и общинных управлений. Всего в страховании от несчастных случаев в казенных и общественных предприятиях было задействовано 497 исполнительных органов. В качестве вознаграждения пострадавшим от несчастных случаев было выплачено 260 млн марок, количество несчастных случаев достигло почти миллиона. За это время поступило больше 4 тыс. заявлений о профессиональных болезнях. [29. С. 7].

Другой вид страхования – общеобязательное государственное социальное страхование на случай болезни – в Германии в начале 1920-х гг. осуществлялся на основе закона от 19 июля 1911 г. и последующих до-

полнительных законов. Обязательному страхованию подлежали рабочие, служащие, учащиеся, домашняя прислуга, учителя и квартирники. Страхование не распространялось на служащих, учителей и моряков, заработок которых превышал определенную норму. Право на добровольное страхование получили члены семей работодателей, работавших на предприятии не за денежную плату, и ремесленники, которые имели не более 2 наемных работников. Страхование проводилось через больничные кассы. В кассах на промышленных предприятиях насчитывалось не менее 500 участников, в сельских – не менее 1 тыс. чел. Руководство кассами осуществлялось через комитет и президиум, 2/3 членов которых были представителями от застрахованных и 1/3 от работодателей. Органами надзора выступали страховое бюро, высшее страховое бюро и имперское страховое бюро. К концу 1921 г. в Германии функционировало 8 445 больничных касс, обслуживавших 17 400 тыс. застрахованных [30. С. 3].

Самыми крупными общими городскими кассами в Германии в 1923 г. были Берлинская (500 тыс.), Дрезденская (180 тыс.), Лейпцигская (200 тыс.), Мюнхенская (230 тыс.). Наряду с общими кассами, которые охватывали подавляющее количество застрахованных, функционировали страховые организации фабричного типа (фабричные, цеховые), а также более мелкие местные кассы. В связи с перегрузкой городских касс организовывались районные пункты. Например, Берлинская городская касса, расположенная в центре города по адресу: Klosterstrasse, 71, кроме центрального филиала для начисления взносов имела 13 районных пунктов для выдачи пособий и приема вкладов. Дрезденская касса располагала 7 пунктами, Лейпцигская – 11 [31. С. 33].

В системе страхования временной нетрудоспособности была предусмотрена выплата нескольких видов пособий. В частности, пособие по болезни предоставлялось в виде медицинской и денежной помощи. Пособие выплачивалось в размере половины, а в отдельных случаях могло быть увеличено до 3/4 среднего заработка. Медицинская помощь реализовывалась путем помещения больного в больницу, при этом членам его семьи выплачивалась домашняя помощь в размере половины обычной. Срок выплаты помощи составлял 26 недель, начиная с четвертого дня болезни [32. С. 83].

Другой вид помощи – в связи с беременностью и родами – выплачивался в течение 10–13 недель в размере 1/2–3/4 пособия по болезни. Кроме этого матери имели право на получение в течение 12 недель помощи на кормление ребенка в таком же размере. В случае смерти застрахованного выплачивалось пособие на погребение в размере от 20- до 40-дневного заработка. Вдова (вдовец) получала 2/3, а дети – по 1/3 пособия на погребение [30. С. 3].

Источником для выплат помощи служили страховые взносы, состоявшие из 2/3 взносов застрахованных и 1/3 работодателей. Ставка страховых взносов, по усмотрению касс, могла составлять от 7,5 до 10% заработка. В случае несвоевременной уплаты предусматривалась пеня в размере 10% за каждую неделю просрочки. Пеня не могла превышать 5-кратной сум-

мы задолженности [Там же. С. 4]. Страховым органам не приходилось применять средства принуждения для уплаты предпринимателями взносов, поскольку страхование стало привычной нормой хозяйственной жизни. Если при назначении помощи выяснялось, что рабочий работает на предприятии, которое не входит в систему страхования, выплата помощи не прекращалась. Зато с предприятия взимались не только соответствующие взносы, но и штраф [31. С. 32].

Порядок назначения пособия по временной нетрудоспособности предусматривал право работника на получение от предприятия предварительного больничного листка, по которому он мог обратиться к врачу. Если болезнь сопровождалась потерей трудоспособности, листок должен быть заменен особой книгой, в которую заносились сведения о выплате пособия. Книга состояла из внешней обложки, содержащей подробные сведения о рабочем, и внутренних вкладываемых. Если последние служили документами для выдачи помощи, то обложка, после прекращения ее выплаты, направлялась в статистический отдел для обработки [Там же. С. 33].

Наибольший рост страховых взносов на случай болезни наблюдался после вступления в силу закона от 14 июля 1925 г., которым были внесены существенные изменения, касающиеся выплаты пособий, единовременных возмещений пенсий, а также правил для предупреждения несчастных случаев. Если в 1913 г. объем страховых взносов в данной сфере составлял 590 млн марок, то в 1924 г. – 1 млн 28 тыс., а в конце 1925 г. – 1 млн 200 тыс. В бюджете 1924 г. доходы превышали расходы на 68 млн марок, в результате чего больничные кассы смогли поместить значительные сбережения в государственные займы и недвижимость [21. С. 26]. В 1926 г. в Германии насчитывалось 7 535 больничных касс всех типов (местные, фабрично-заводские, цеховые, сельские, вспомогательные) против 7 667 в 1925 г. Уменьшение произошло за счет сокращения количества фабрично-заводских касс из-за экономического кризиса, имевшего место в 1926 г. Количество застрахованных увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 100 тыс. человек и составило 19 255 тыс., из них 12 219 тыс. мужчин и 9 936 тыс. женщин [33. С. 3].

Статистика заболеваемости в 1926 г. по сравнению с предыдущим годом несколько улучшилась. Так, количество заболеваний уменьшилось с 10 до 8,8 млн, а количество дней болезни – с 245,8 до 230,5 млн. Однако средняя продолжительность одного случая болезни увеличилась от 28 до 29 дней. В связи с общим сокращением рождаемости в Германии рождаемость среди застрахованных в расчете на 100 человек уменьшилось с 4,3 до 4,2, а количество смертей уменьшилось с 6,2 до 6,0. Поступления больничных касс выросли с 69 до 74 марок на одного застрахованного, или на 6,8%. При этом общая сумма поступлений составила 1 423 тыс. марок. Расходы больничных касс увеличились всего на 4,3% против 1925 г. Из общей суммы поступлений 86% использовано на медицинскую помощь и выдачу денежных пособий по болезни. Расходы по обеспечению материнства выросли с 98 до 108 марок на один страховой случай. На этом

сказалось влияние закона от 9 июля 1926 г. о продлении срока отпуска по уходу за ребенком от 10 до 12 недель с предоставлением бесплатной акушерской помощи. Организационные расходы составили 7% поступлений. В резервный фонд было отчислено 105 млн марок, или 5 марок на одного застрахованного [34. С. 14]. На октябрь 1928 г. распределение финансирования временной нетрудоспособности в Германии осуществлялось следующим образом: 60% больничных коек оплачивалось соцстрахом, 33% – за счет благотворительности, 7% – за счет средств самих застрахованных [33. С. 3].

Из всех видов страхования наиболее востребованным в Германии 1920-х гг. оказалось страхование по старости и инвалидности. Негативные последствия Первой мировой войны привели к росту количества пенсий для вдов и сирот почти в 30 раз, в результате чего расходы выросли почти вдвое. В течение 1920-х гг. в стране насчитывалось от 2,5 до 3 млн пенсионеров. Так, на октябрь 1928 г. из 2 807 тыс. пенсионеров инвалидов по болезни и старости было 1 933 тыс., вдов – 378 тыс., сирот – 496 тыс. [Там же].

Вследствие повышения страхового тарифа от 25 до 140 пфеннигов в неделю существенно выросли поступления в страховые органы: 1913 г. – 419 млн, 1924 г. – 471 млн, 1927 г. – 860 млн марок. В октябре 1928 г. поступления достигли рекордной суммы в 1 500 млн марок, из которых 1 074 млн – страховые взносы, 320 млн – дотации государства. Соответственно, расходы страховых органов составляли 1 130 млн марок. Увеличилось и количество лиц, получавших пенсии. Так, если в 1913 г. пенсии получали 52 тыс. человек, то в 1925 г. – 1 млн 500 тыс. [Там же].

Средний размер месячной пенсии для инвалидов составлял 30 марок (для сельскохозяйственных рабочих – 25 марок), вдов – 20 марок, сирот – 13 марок. В связи со снижением пенсионного возраста с 70 до 65 лет расходы на оплату пенсий ежегодно росли на 140–150 тыс. марок. С 30 до 100 млн марок выросли расходы на пенсии и медицинскую помощь служащим [24. С. 25]. В 1926 г. пенсии получили 260 тыс. инвалидов, 60 тыс. вдов и 80 тыс. сирот. С 1 июля 1927 г. вдовам, достигшим 65-летнего возраста, пенсию стали выплачивать независимо от потери степени работоспособности [35. С. 68].

Новым видом государственного социального страхования в Германии, развитие которого приходится на послевоенный период, было страхование от безработицы. К этому времени защита безработных была сосредоточена в руках профессиональных союзов и осуществлялась по Гентской системе (система прямых субсидий членам профсоюзов из специально созданного коммунального фонда). Лишь 13 ноября 1918 г. было издано постановление «Об обеспечении лиц, не способных добывать себе средства к существованию», согласно которому на общины возлагалась обязанность обеспечивать безработных, оказавшихся в сложном положении в результате войны. Главным образом это касалось демобилизованных военных (около 6 млн). Размер и продолжительность выплат пособий определялись по усмотрению общин. Из общей суммы средств на выплату пособий половину предоставляло государство.

В начале 1920-х гг. социальная защита безработных в Германии осуществлялась в двух формах: выдача безработным пособий и организация общественных работ. По постановлению, принятому в середине ноября 1921 г., местные органы обязывались предоставлять безработным все виды помощи, предусмотренные законом Шейдемана. При этом половина сумм компенсировалась из государственных средств, а треть – из общеимперского фонда. Право на получение помощи имели все безработные старше 16 лет. Срок выплаты ограничивался 26 неделями в год, а в профессиях с повышенным спросом на рабочие места – 13 неделями. Контроль за выдачей помощи на местах осуществляли комитеты предпринимателей и рабочих. Организация общественных работ тоже находилась в ведении местных властей. Безработные не имели права отказываться от любой предложенной им работы [36. С. 38].

По состоянию на 1 декабря 1922 г. пособие по безработице получали 92 721 человек, что составляло лишь 35,7% всех безработных, зарегистрированных в Германии (259 700 человек). Общая сумма расходов на пособия по безработице составляла 77,8 млн марок, что в расчете на 1 безработного составляло 850 марок. В феврале 1923 г. в Германии был разработан проект нового закона, по которому страхованию по безработице подлежали лица, застрахованные от временной нетрудоспособности. [37. С. 27].

Во время кризиса на рынке труда, примерно в середине 1923 г., когда гиперинфляция и оккупация Рура потрясли экономику и страну, число безработных впервые превысило отметку в 4 млн человек. Тогда федеральные земли и муниципалитеты сочли, что финансирование социального обеспечения по безработице более не является возможным в прежних масштабах. Год спустя, из-за катастрофической ситуации в государственных финансах, правила были еще ужесточены так, что только те, кто ранее работал с медицинским страхованием не менее 12 месяцев, имели право на него. А это означало, что все самозанятые и фрилансеры с самого начала лишались социальной защиты. Чтобы облегчить страдания безработных, которые были вытеснены из системы социального обеспечения, в 1926 г. было введено кризисное пособие, которое выплачивалось еще 26 недель после окончания выплаты пособия по безработице. В 1927 г., в фазу временного ослабления рынка труда и экономической политики, правительственный кабинет с 1 октября ввел в действие закон о трудоустройстве и страховании от безработицы. С этого момента пособие по безработице было окончательно переведено на страхование, финансируемое за счет взносов. Страховые выплаты были ограничены 26 неделями, но размер поддержки соответствовал предыдущей зарплате [38. S. 148].

Развитие социального страхования в Германии в 1920-х гг. существенно сказалось на росте бюджета. В начале 1927 г. общая сумма поступлений составляла почти 3 млн марок, что втрое превышало поступления 1913 г. и составляло 8% всего национального дохода. Если в 1913 г. взносы по всем видам страхования составляли 8% заработной платы, то в 1924 г. – 12%, 1927 – 15% (6% – страхование от болезни, 1,5% – от

несчастных случаев, 5% – страхование от инвалидности, 3% – страхование от безработицы). В 1929 г. Германия была охвачена социальным страхованием почти на 2/3. Кроме того, социальная защита включала в себя взаимопомощь профсоюзов и широко развитую опеку бедных (собесы). Количество пенсионеров, инвалидов, вдов и сирот превышало 2 млн человек, безработных, получавших помощь, насчитывалось 1,5 млн, ежегодно медицинской помощью в случае временной нетрудоспособности пользовались 8 млн человек, в случае родов – 700 тыс. [23. С. 3].

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. основной организационно-правовой формой социальной защиты наемных рабочих и служащих в Германии был институт социального страхования. Возникнув в конце XIX в.,

даже после поражения страны в Первой мировой войне и распада монархии он не утратил своих позиций. Более того, на протяжении этого времени была усовершенствована его нормативно-правовая база, а программы экономического возрождения страны обеспечили финансовую поддержку данного института. Более 10 млн граждан страны, которые пользовались его услугами, были заинтересованы в успешном его развитии, считая его неотъемлемым атрибутом капиталистического общества. Именно поэтому попытки коммунистов использовать соцстрах для развития классовой борьбы в Германии не нашли поддержки среди масс. С этого времени соцстрах стал привычной нормой хозяйственной жизни и оперативно реагировал на все ее потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вигдорчик Н.А. Социальное страхование. Систематическое изложение истории, организации и практики всех форм социального страхования. СПб.: Практическая медицина, 1912. 295 с.
2. История Германии: в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: КДУ, 2008. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века. 672 с.
3. Матвеев С.О., Музиченко Г.В. Соціальна політика Отто фон Бісмарка і сучасність // Український історичний журнал. 2008. № 6. С. 134–149.
4. Дильмайер У., Гестрих А., Херманн У. и др. Краткая история Германии / пер с нем. К.В. Тимофеевой. СПб.: Евразия, 2008. 542 с.
5. Татаренко Г. Моделі соціального страхування в контексті історії // Підприємництво, господарство і право. 2004. № 7. С. 69–72.
6. Фирсова Ю.А. Система социального обеспечения во Франции в период Французской революции – второй половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 120–125.
7. Зиновьев В.П. Страхование горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 73–77.
8. Иванов Л.М. Закон 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих и его практическое применение // Рабочее движение в России в период империализма: сб. ст. М., 1982. С. 88–126.
9. Иванов Л.М. Страховой закон 1912 года и его практическое применение // Отечественная история. 1995. № 5. С. 73–87.
10. Preller L. Sozialpolitik in der Weimarer Republik. Stuttgart: Mittelbach, 1949. 560 S.
11. Gladen A. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland: Eine Analyse ihrer Bedingungen, Formen, Zielsetzungen und Auswirkungen. Wiesbaden: F. Steiner, 1974. 207 S.
12. Schmidt M. Sozialpolitik in Deutschland: Historische Entwicklung und internationaler Vergleich. Wiesbaden: Springer-Verlag, 2005. 320 S.
13. Bogs W. Die Sozialversicherung in der Weimarer Demokratie. München: J. Schweitzer 1981. 137 S.
14. Weisbrod B. Die Krise der Arbeitslosenversicherung und der Bruch der Großen Koalition (1928–1930) // Die Entstehung des Wohlfahrtsstaates in Großbritannien und Deutschland 1850–1950 / W. Mommsen (Hg.). Stuttgart, 1982. S. 196–212.
15. Peschke P. Geschichte der deutschen Sozialversicherung: der Kampf der unterdrückten Klassen um soziale Sicherung. Berlin: Verlag Tribüne, 1962. 501 S.
16. Hentschel V. Das System der sozialen Sicherung in historischer Sicht 1880 bis 1975 // Archiv für Sozialgeschichte. 1978. Bd. 18. S. 307–352.
17. Klees F. Die Geschichte der sozialen Versicherung in Deutschland: Nachdruck d. 1928 im Verl. d. Arbeiter-Versorgung, Berlin, erschienenen Ausg. / Hrsg. von D. Dowe. Berlin-Bonn: Dietz Verlag, 1981. XXXVII, 297 S.
18. Tennstedt F. Hundert Jahre Sozialversicherung in Deutschland. Jubiläumsaktivitäten und Forschungsergebnisse // Archiv für Sozialgeschichte. 1981. Bd. 21. S. 554–564.
19. Tennstedt F. Sozialgeschichte der Sozialversicherung // Handbuch der Sozialmedizin / M. Blohmke u.a. (Hrsg.). Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1976. Bd. 3. S. 385–492.
20. Tennstedt F. Der Ausbau der Sozialversicherung in Deutschland 1890 bis 1945. URL: <https://kobra.uni-kassel.de/bitstream/handle/123456789/2010032932531/TennstedtAusbauSozialversicherung.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
21. Мельничук О.А., Мельничук Т.А. Соціальне страхування в Німеччині у 20-х рр. XX ст. // Наукові записки ВДПУ ім. М. Коцюбинського. Сер. Історія. Вінниця: ФОП Корзун Д.Ю., 2017. Вип. 25. С. 288–294.
22. Иванчук Д.В., Моисеев А.В. Особенности возникновения и развития социального законодательства в Германии в 1880–1920 годы // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Vol. 10-2 (37). P. 108–113. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11662. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/osobennosti-vozniknoveniya-i-razvitiya-sotsialnogo-zakonodatelstva-v-germanii-v-1880-1920-gody.pdf>.
23. Данский Б.Г. Рост и кризис германского соцстрахования // Вопросы страхования. 1929. № 14. С. 2–3.
24. Страхование в Германии в настоящее время // Вопросы страхования. 1926. № 21. С. 25–26.
25. Страхование от несчастных случаев в Германии // Вопросы страхования. 1923. № 7. С. 13–14.
26. Мельничук О.А. Страхування від нещасних випадків в Німеччині у 20-х рр. XX ст. // Збірник наукових праць. Сер. Історія та географія / Харків. нац. пед. ун-т ім. Г.С. Сковороди. Харків: Колегіум, 2013. Вип. 47. С. 89–92.
27. Кац Б. Реформа страхования рабочих от несчастных случаев в Германии // Вопросы страхования. 1926. № 5. С. 4–5.
28. Страхование профессиональных болезней в Германии (по материалам Научного бюро НКТ СССР) // Вопросы страхования. 1928. № 1. С. 24–25.
29. Обзор социального страхования в Германии (по материалам научного бюро НКТ СССР) // Вопросы страхования. 1927. № 28. С. 7–8.
30. Страхование на случай болезни в иностранных государствах // Вопросы страхования. 1924. № 9. С. 3–4.
31. Маркузон Ф. Из деятельности крупных больничных касс в Германии // Вопросы страхования. 1923. № 5. С. 33.
32. Мельничук О.А. Соціальний захист працівників у разі тимчасової непрацездатності в Німеччині у 20-х рр. XX ст. // Вісник інституту історії, етнології і права. 2013. Вип. 11. С. 82–84.
33. В Германии // Вопросы страхования. 1929. № 42. С. 3.
34. Статистические данные по страхованию на случай болезни в 1926 г // Вопросы страхования. 1928. № 2. С. 14.
35. Мельничук О.А., Штютцер Н.А. Соціальне страхування інвалідності та старості в Німеччині у 20-х рр. XX ст. // Історична наука в Україні: сучасний стан та перспективи розвитку: матеріали міжнарод. наук.-теор. конф. (Вінниця, 3–4 листопада 2016 р.). Вінниця, 2016. С. 66–71.

36. Славский Я. Борьба с безработицей в Западной Европе // Вопросы страхования. 1923. № 4. С. 38–39.
37. Страхование безработицы в Германии // Вопросы страхования. 1923. № 10. С. 27.
38. Führer K.C. Arbeitslosigkeit und die Entstehung der Arbeitslosenversicherung in Deutschland 1902–1927. Berlin, 1990. 610 S.

Vasily P. Zinoviev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Oleh A. Melnychuk, Vinnytsia Mykhailo Kotsiubynskyi State Pedagogical University (Vinnytsia, Ukraine) E-mail: istpravo@meta.ua

Vitaliy A. Tuchynsky, Vinnytsia Mykhailo Kotsiubynskyi State Pedagogical University (Vinnytsia, Ukraine) E-mail: tuchinsky_v@ukr.net

SOCIAL PROTECTION OF WORKERS AND EMPLOYEES IN GERMANY DURING THE 1920s

Keywords: Germany; 1920s; social insurance; hired workers.

The article examines the development of the main forms of social protection of employees in Germany in the 1920s. The main sources for writing the article were the reports of the employees of the Scientific Bureau of the USSR People's Commissariat of Labor, who studied the functioning of insurance institutions in Germany to develop recommendations for the development of the Soviet social insurance system, published in the journal "Insurance Issues".

The authors of the article note that the main reason for the emergence of nationwide forms of social protection of workers and employees in Germany at the end of the 19th century was the activation of the socialist and workers' movement, which forced the ruling circles to abandon the ideas of Manchester theories and speak out for active intervention in the regulation of relations between workers and entrepreneurs. Thus, Germany was the first of the Western European countries, in which at the end of the 19th century at the state level, insurance was introduced against illness, accidents, old age and disability. This model of social insurance was later called "Bismarck's", and became a model for the foundations of social protection in other states.

The defeat of Germany in the World War I led to a decline in economic life, as a result of which social tension in the country increased. In such conditions, the government took a course to revive social insurance as a financial basis for social protection of hired workers. An analysis of the occupancy rate of insurance funds shows that the largest share of insurance premiums fell on workers on temporary disability insurance. The accident insurance was the most massive type of social insurance in Germany in the 1920s. This type of insurance extended to almost all categories of industrial and agricultural workers. Workers, office employees, students, domestic workers, teachers and home workers were subject to social insurance in case of illness. A new type of state social insurance in Germany, the development of which falls on the post-war period, was unemployment insurance.

Based on the analysis of the practical activities of insurance offices, the authors came to the conclusion that during the 1920s the institute of social insurance remained the main organizational and legal form of social protection of hired workers and employees in Germany. Having emerged at the end of the 19th century, even after the defeat of the country in the World War I and the collapse of the monarchy, it did not lose its position. Moreover, during this time, its regulatory framework has been improved, and the country's economic revival programs have provided financial support for this institution. More than 10 million people who used its services were interested in its successful development, considering it an integral attribute of capitalist society.

REFERENCES

1. Vigdorshik, N.A. (1912) *Sotsialnoe strakhovanie. Sistematicheskoe izlozhenie istorii, organizatsii i praktiki vseh form sotsialnogo strakhovaniya*. [Social insurance. A systematic presentation of the history, organization and practice of all forms of social insurance]. St. Petersburg: Prakticheskaya meditsina.
2. Bonvech, B. & Galaktionova, Yu. (2008) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Vol. 2. Moscow: KDU.
3. Matveev, S.O. & Muzychenko, G.V. (2008) *Sotsialna polityka Otto fon Bismarka i suchasnist* [Otto von Bismarck's social policy and modernity]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. 6. pp. 134–149.
4. Dielmeier, U., Gestrikh, A., Hermann, U. et al. (2008) *Kratkaya istoriya Germanii* [A Brief History of Germany]. Translated from German by K.V. Timofeeva. St. Petersburg: Eurasia.
5. Tatarenko, G. (2004). *Modeli sotsial'nogo strakhuvannya v konteksti istorii* [Models of social insurance in the context of history]. *Pidpriemstvo, gospodarstvo i pravo*. 7. pp. 69–72.
6. Firsova, Yu.A. (2014) French social security system: the French revolution – the second half of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 380. pp. 120–125. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/380/18
7. Zinoviev, V.P. (2016) Insurance of Siberian miners in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 407. pp. 73–77. (In Russian).
8. Ivanov, L.M. (1982) *Zakon 1903 g. o voznagrashdenii uvechnykh rabochikh i ego prakticheskoe primenenie* [Law of 1903 on the remuneration of disabled workers and its practical application]. In: *Rabochee dvizhenie v Rossii v period imperializma* [Labor movement in Russia during the period of imperialism]. Moscow: [s.n.]. pp. 88–126.
9. Ivanov, L.M. (1995) *Strakhovoy zakon 1912 goda i ego prakticheskoe primenenie* [Insurance law of 1912 and its practical application]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 73–87.
10. Preller, L. (1949) *Sozialpolitik in der Weimarer Republik*. Stuttgart: Mittelbach.
11. Gladen, A. (1974) *Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Eine Analyse ihrer Bedingungen, Formen, Zielsetzungen und Auswirkungen*. Wiesbaden: Fund Steiner.
12. Schmidt, M. (2005) *Sozialpolitik in Deutschland: Historische Entwicklung und internationaler Vergleich*. Wiesbaden: Springer-Verlag.
13. Bogs, W. (1981) *Die Sozialversicherung in der Weimarer Demokratie*. Munich: J. Schweitzer.
14. Weisbrod, B. (1982) Die Krise der Arbeitslosenversicherung und der Bruch der Großen Koalition (1928-1930). In: Mommsen, W. (ed.) *Die Entstehung des Wohlfahrtsstaates in Großbritannien und Deutschland 1850-1950*. Stuttgart: [s.n.]. pp. 196–212.
15. Peschke, P. (1962) *Geschichte der deutschen Sozialversicherung. Der Kampf der unterdrückten Klassen um soziale Sicherung*. Berlin: Verlag Tribüne.
16. Hentschel, V. (1978) *Das System der sozialen Sicherung in historischer Sicht 1880 bis 1975*. Archiv für Sozialgeschichte. Vol. 18. pp. 307–352.
17. Klees, F. (1981) *Die Geschichte der sozialen Versicherung in Deutschland*. Berlin; Bonn: Dietz Verlag.
18. Tennstedt, F. (1981) *Hundert Jahre Sozialversicherung in Deutschland. Jubiläumsaktivitäten und Forschungsergebnisse*. Archiv für Sozialgeschichte. Vol. 21. pp. 554–564.
19. Tennstedt, F. (1976) Sozialgeschichte der Sozialversicherung. In: Blohmke, M. et al. (eds) *Handbuch der Sozialmedizin*. Vol. 3. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag.
20. Tennstedt, F. (n.d.) *Der Ausbau der Sozialversicherung in Deutschland 1890 bis 1945*. [Online] Available from <https://kobra.uni-kassel.de/bitstream/handle/123456789/2010032932531/TennstedtAusbauSozialversicherung.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
21. Melnichuk, O.A. & Melnichuk, T.A. (2017) *Sotsial'ne strakhuvannya v Nimechchini u 20-kh rr. XX st.* [Social insurance in Germany in the 1920s]. *Naukovi zapiski VDPU im. M. Kotsyubyn'skogo. Ser. Istoriya*. 25. pp. 288–294.

22. Ivanchuk, D.V. & Moiseev, A.V. (2019) Osobennosti vozniknoveniya i razvitiya sotsial'nogo zakonodatel'stva v Germanii v 1880–1920 gody [Features of the emergence and development of social legislation in Germany in 1880–1920]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 10-2(37). pp. 108–113. DOI: 10.24411 / 2500-1000-2019-11662
23. Danskiy, B.G. (1929) Rost i krizis germanskogo sotsstrakhovaniya [The growth and crisis of German social insurance]. *Voprosy strakhovaniya*. 14. pp. 2–3.
24. Anon. (1926) Strakhovanie v Germanii v nastoyashchee vremya [Insurance in Germany at the present time]. *Voprosy strakhovaniya*. 21. pp. 25–26
25. Anon. (1923) Strakhovanie ot neshchastnykh sluchaev v Germanii [Insurance against accidents in Germany]. *Voprosy strakhovaniya*. 7. pp. 13–14.
26. Melnichuk, O.A. (2013) Strakhuvannya vid neshchasnykh vipadkov v Nimechchini u 20-kh rr. XX st. [Accident insurance in Germany in the 1920s]. *Zbirnik naukovikh prats'. Ser. Istoriya ta geografiya*. 47. pp. 89–92.
27. Katz, B. (1926) Reforma strakhovaniya rabochikh ot neshchastnykh sluchay v Germanii [Reform of insurance against accidents at work in Germany]. *Voprosy strakhovaniya*. 5. pp. 4–5.
28. Anon. (1928) Strakhovanie professional'nykh bolezney v Germanii (po materialam Nauchnogo byuro NKT SSSR) [Insurance of occupational diseases in Germany (on the materials of the Scientific Bureau of the NKT of the USSR)]. *Voprosy strakhovaniya*. 1. pp. 24–25.
29. Anon. (1927) Obzor sotsial'nogo strakhovaniya v Germanii (Po materialam nauchnogo byuro NKT SSSR) [Review of social insurance in Germany (on the materials of the scientific bureau of the USSR NKT)]. *Voprosy strakhovaniya*. 28. pp. 7–8.
30. Anon. (1924) Strakhovanie na sluchay bolezni v inostrannykh gosudarstvakh [Insurance in case of illness in foreign countries]. *Voprosy strakhovaniya*. 9. pp. 3–4.
31. Markuson, F. (1923) Iz deyatelnosti krupnykh bolnichnykh kass v Germanii [From the activities of large sickness funds in Germany]. *Voprosy strakhovaniya*. 5. p. 33.
32. Melnichuk, O.A. (2013) Sotsial'niy zakhist pratsivnikov u razi tymchasovoï nepratsездatnosti v Nimechchini u 20-kh rr. XX st. [Social protection of workers in case of temporary incapacity for work in Germany in the 1920s.]. *Visnik institutu istorii, etnologii i prava*. 11. pp. 82–84.
33. Anon. (1929) V Germanii [In Germany]. *Voprosy strakhovaniya*. 42. p. 3.
34. Anon. (1928) Statisticheskie dannye po strakhovaniyu na sluchay bolezni v 1926 g. [Statistical data on health insurance in 1926]. *Voprosy strakhovaniya*. 2. p. 14.
35. Melnichuk, O.A. & Stutzer, N.A. (2016) Sotsial'ne strakhuvannya invalidnosti ta starosti v Nimechchini u 20-kh rr. XX st. [Social insurance for disability and old age in Germany in the 1920s]. *Istorična nauka v Ukraïni: suchasniy stan ta perspektivi rozvitku*. Proc. of the International Conference. Vinnitsya, November 3–4, 1916. Vinnytsia. pp. 66–71.
36. Slavskiy, Ya. (1923) Bor'ba s bezrobotitsey v Zapadnoy Evrope [Fighting unemployment in Western Europe]. *Voprosy strakhovaniya*. 4. pp. 38–39.
37. Anon. (1923) Strakhovanie bezrobotitsy v Germanii [Unemployment insurance in Germany]. *Voprosy strakhovaniya*. 10. p. 27.
38. Führer, K.C. (1990) *Arbeitslosigkeit und die Entstehung der Arbeitslosenversicherung in Deutschland 1902–1927*. Berlin: Colloquium Verlag.

УДК 94
DOI: 10.17223/19988613/70/11

М.Ю. Илюшина

ЕГИПТЯНЕ НА СЛУЖБЕ В МАМЛЮКСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ: СЕМЬЯ АТ-ТАБЛАВИ

На основе арабских средневековых хроник и биографических словарей рассмотрена деятельность представителей нескольких поколений одной египетской семьи (ат-Таблави) в мамлюкской администрации в конце XIV – первой половине XV в. Материал статьи позволяет получить представление о методах, которые использовали ат-Таблави при осуществлении своих полномочий, о характере их взаимодействия с эмирами, а также увидеть за схемой «должностей» и «функций» судьбы египтян, живших в эпоху, когда в их стране было установлено «чужеземное владычество».

Ключевые слова: мамлюкский султанат; Египет; вали; вазир.

С 1250 по 1517 г. в Египте и Сирии правили султаны-мамлюки, чуждые местному населению [1. С. 180]. Слово «мамлюк» в переводе с арабского означает «тот, кто находится в чьей-либо собственности», «раб». Мамлюками в средневековом Египте называли военных рабов и тех, кто уже был освобожден от рабства и продолжал службу в качестве свободного воина. В XII–XIII в. мамлюки составляли личную гвардию султанов Айюбидской династии (1171–1250). В 1250 г. эти рабы-воины захватили власть в Египте, в скором времени подчинили себе Сирию и оставались независимыми правителями основанного ими султаната более двухсот пятидесяти лет. Мамлюки представляли собой закрытую касту профессиональных воинов и не допускали в свои ряды представителей местного населения. Политическая власть была сосредоточена в руках султана и его приближенных – эмиров (командиров мамлюкского войска). В истории мамлюкского султаната выделяют два периода – *бахритский* (1250–1382) и *бурджитский* (1382–1517) [2]. В *бурджитский* период политическую элиту Султаната мамлюков составляли в основном выходцы с Кавказа, преимущественно черкесы.

Мамлюки, не имевшие опыта государственного управления, унаследовали административную систему от Айюбидов. На протяжении всей истории мамлюкского султаната эта система динамично развивалась, но наиболее существенные изменения произошли в ней в *бурджитский* период, когда после переворота, осуществленного Баркуком, начали приобретать устойчивый характер основные черты именно *мамлюкской* политической культуры и политической организации [3]. Несмотря на попытки некоторых султанов передать власть своим сыновьям, династийный принцип престолонаследия не сохранялся: власть захватывал самый могущественный и авторитетный из эмиров, которого и признавали султаном. Соперничество между эмирами нередко приводило к дестабилизации политической обстановки. В политическую элиту стали проникать представители местного населения, с другой стороны, деятельность мамлюкских эмиров шире, чем в предшествующий период, распространялась

в финансовой и торговой сферах, различных областях социальной жизни.

Мамлюки активно использовали местную элиту для службы в администрации. Представители гражданского населения традиционно занимали посты в канцеляриях и финансовых ведомствах султаната. В основном это были *улемы* – получившие традиционное мусульманское образование знатоки Корана, мусульманского права и арабской словесности – «люди пера». Братья ат-Таблави, о которых пойдет речь ниже, не относились к этой категории населения Египта. Они были выходцами из семьи провинциальных торговцев и тем не менее добились в разное время очень влиятельных позиций в мамлюкской администрации. Продвижение в административную элиту представителей более низкого в общественной иерархии (по сравнению с *улемами*) слоя коммерсантов среднего достатка было новым явлением в социально-политической жизни Египта, частью поступательного процесса существенных перемен, которые произошли в управлении мамлюкского султаната в *бурджитский* период [4].

К числу наименее изученных проблем в истории Султаната мамлюков относятся принципы и динамика взаимодействия мамлюков с административным аппаратом созданного ими государства, к службе в котором привлекались представители местной элиты. Вопросы административного управления в Султанате мамлюков рассматривались в трудах Е.И. Зеленева, Л.А. Семеновой, А.А. Хасанова. Монография Е.И. Зеленева посвящена истории Египта в эпоху ислама (Средние века, Новое и Новейшее время), она содержит характеристику структуры и самых существенных особенностей административного управления Египтом в мамлюкский период [2]. Л.А. Семенова изучала аграрные отношения и положение крестьянства в мамлюкском государстве, поэтому ее внимание сосредоточено на административном управлении крестьянской общиной [5, 6]. А.А. Хасанов в последней главе своей диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, представленной и успешно защищенной в 1975 г. в Институте востоковедения АН СССР, дает общую характеристику политического

устройства и административного деления, налоговой системы в Султанате мамлюков, с особым вниманием к организации судопроизводства, в том числе перечисляет основные функции *вали*, а также обращает внимание на «тесный союз» мамлюков с местной знатью – «высшим духовенством» и крупными торговцами [7]. Современный уровень развития мамлюковедения и значительное расширение доступной источниковой базы делают возможным переход от рассмотрения структуры и основных, наиболее существенных, характеристик административного управления в Султанате мамлюков к более глубокому анализу мамлюкской административной системы в его историческом развитии.

В зарубежной историографии исследования различных вопросов, связанных с устройством и функционированием мамлюкской администрации, ролью гражданской элиты в управлении Султанатом мамлюков, были представлены в монографиях Б. Мартель-Туман и К. Петри. Авторитетный американский мамлюковед К. Петри сосредоточил свое внимание на том, из каких провинций Египта происходили отдельные группы чиновников, как это влияло на их карьеру, в каких сферах деятельности были заняты представители гражданской элиты [8]. На одной из страниц монографии К. Петри кратко упомянута биография 'Ала ад-Дина 'Али Ибн ат-Таблави (ум. в 1401 г.), о котором пойдет речь в настоящей работе.

Вопросы семейных, матримониальных, социальных связей в среде чиновников мамлюкской администрации были исследованы Б. Мартель-Туман. Она выявила стремление отдельных семейных кланов закрепить за собой контроль над той или иной сферой административной деятельности [9]. Семья ат-Таблави не попала в поле зрения Б. Мартель-Туман, поскольку внимание этой французской исследовательницы было сосредоточено на тех должностях в мамлюкской администрации, которые традиционно занимала местная гражданская элита – «люди пера», а на должность *вали* Каира, согласно традиционной мамлюкской иерархии, сложившейся в *бахритский* период, мог быть назначен только эмир – один из «людей меча». Изучение истории службы представителей семьи ат-Таблави в мамлюкской администрации позволяет не только подтвердить основные выводы Б. Мартель-Туман на новом историческом материале, но и выдвинуть тезис о том, что «клановость» распространялась на все значимые должности в мамлюкской администрации, доступные для службы гражданскому населению.

«Ты был свидетелем моего могущества, но и твое тоже будет недолговечным» [10. Vol. 4. P. 8]. В 1395 г., в тринадцатый год правления Баркука (1382–1399), первого правителя *бурджитского* периода, эти слова сказал начальнику мамлюкского полицейского ведомства один из чиновников, все имущество которого было конфисковано, а семья брошена в тюрьму. Мрачное пророчество арестованного, которое позже полностью сбылось, вполне достоверно передает атмосферу напряженного соперничества, окружавшую приближенных мамлюкского султана. Ни высокие звания, ни личные заслуги, ни храбрость, ни хитрость, ни деньги, ни род-

ство не могли гарантировать им безопасности и стабильного положения в военно-административной системе мамлюкского султаната.

Первым представителем семьи ат-Таблави, сделавшим карьеру в мамлюкской администрации, был 'Ала ад-Дин 'Али Ибн ат-Таблави. Он начал служить в качестве финансового инспектора в главном госпитале Каира, столицы султаната. Это была должность чиновника среднего звена, занять которую при наличии недюжинных способностей вполне мог человек, не принадлежавший к местной элите. Возможно, 'Ала ад-Дин 'Али Ибн ат-Таблави остановился бы на этой ступени своей карьеры, но на рубеже 80–90-х гг. XIV в. у него появился шанс подняться по служебной лестнице гораздо выше.

В 1389 г. мамлюкский султанат охватила большая смута, султан Баркук был смещен, арестован и отправлен в тюрьму. Только через несколько месяцев Баркуку удалось вернуть себе власть [11. Vol. 11. P. 229–309]. Когда он снова упрочил свое положение, начались крупномасштабные перестановки в командном составе армии и в корпусе чиновников: султан постепенно избавлялся от всех, кто был замешан в смуте. Для тех же, кто сумел убедить Баркука в своей лояльности, открывались новые возможности карьерного роста. Как раз в этот период, в 1389–1390 гг., 'Ала ад-Дин 'Али Ибн ат-Таблави был назначен на должность *вали* (губернатор, градоначальник, глава полицейского ведомства) Каира. Деятельность на посту *вали* принесла известность 'Ала ад-Дину 'Али Ибн ат-Таблави и позволила ему добиться влиятельного положения при дворе султана.

Полицейское ведомство Каира чаще всего возглавляли «люди меча» – представители мамлюкской военно-политической элиты. Шихаб ад-Дин аль-Калькашанди (1335–1419?), запечатлевший в своей энциклопедии статичную, «нормализованную» картину мамлюкской бюрократической системы [12. P. 175], относит *вали* к числу двадцати пяти эмиров, которые составляли ближайшее окружение султана [13. Vol. 4. P. 16–23]. *Вали* осуществлял сбор пошлин, а также штрафов за неуплату налогов и другие провинности, должен был пресекать любые нарушения законности и порядка в торговле и коммерции, сообщать в вышестоящие инстанции (султану или его представителю) о жалобах на деятельность судей, а также обеспечивать исполнение указов султана относительно гражданских лиц. *Вали* производил аресты и осуществлял наказания как по непосредственному приказу султана или его наместника, так и по собственной инициативе. Такой круг обязанностей позволяет считать, что *вали* совмещал функции градоначальника и главы полицейского ведомства, поэтому в современной западной историографии название этой должности переводится двояко: «губернатор» и «перфект полиции» [8. P. 23; 14. P. 14; 15. P. 36]. В *бурджитский* период должность *вали* начинают занимать представители местного населения, лишь формально получившие звание эмира.

Став главой полицейского ведомства и губернатором Каира, 'Ала ад-Дин 'Али Ибн ат-Таблави осуществлял аресты и казни участвовавших в мятеже

эмиров. Имея опыт управления финансами, он умело использовал полученную власть и новые полномочия. Благодаря его эффективным и решительным действиям казна султана регулярно пополнялась за счет конфискованного имущества, штрафов и т.п. Так, например, в 1396 г. Ибн ат-Таблави затребовал у арестованного по приказу Баркука, наместника Сирии, 500 тыс. дирхамов [8. Р. 215–216; 11. Vol. 12. Р. 23, 56].

Через некоторое время ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави получил звание *эмира сорока*¹, в 1393–1394 гг. был назначен *мухтасибом*² Каира, а затем – управляющим дворцовыми службами. Но это было только начало. Ибн ат-Таблави был доверен контроль над всеми торговыми сделками султана, а затем – над деятельностью монетного двора. В качестве знака особого расположения Баркук отдал в его ведение изготовление покрывала для Каабы и назначил его на пост управляющего главным госпиталем Каира, того самого, где ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави начинал свою карьеру в качестве инспектора. Госпиталь был самым крупным общественным учреждением Каира и имел огромный бюджет. Обычно управляющим здесь был самый старший по званию эмир в султанате – *атабек*. Назначение управляющим Ибн ат-Таблави, хоть и имевшего звание эмира, но не мамлюка, представителя гражданского сословия, было редким исключением из этого правила и свидетельствовало о том, что он был допущен не только в административную, но и в высшую политическую элиту страны [8. Р. 215–216].

Конец этой блестящей карьеры был положен другим выдвиженцем Баркука, выходцем из александрийских коптов ‘Ибрахимом б. ‘Абд ар-Раззаком Са’ад ад-Дином Ибн Гурабом (ум. в 1406 г.). Будучи профессиональным и весьма ловким финансистом, он без труда собрал компрометирующий материал на Ибн ат-Таблави и передал все сведения лично Баркуку. В апреле 1398 г. стараниями Ибн Гураба Ибн ат-Таблави был схвачен. Судя по всему, Баркук довольно легко дал согласие на этот арест, который сразу обогатил его казну конфискованным у бывшего фаворита имуществом на сумму около 160 тыс. золотых динаров и 600 тыс. серебряных дирхамов. Ибн ат-Таблави был подвергнут жестокому пыткам, пытался покончить жизнь самоубийством и в конце концов выдал еще три тайника, где хранилось соответственно 30, 90 и 20 тыс. динаров [11. Vol. 12. Р. 64–66].

В 1399 г., за несколько дней до смерти Баркука, Ибн ат-Таблави выпустили из тюрьмы и отправили в ссылку в Карак. После смерти Баркука Ибн ат-Таблави дали разрешение вернуться в Каир, но он предпочел уединиться в Дамаске: оставил облачение эмира и проводил дни и ночи в мечети Омейядов за чтением Корана, одевшись в рубище дервиша [16. Vol. 5. Р. 440–441, 457–459]. Впрочем, дальнейшие события позволяют предположить, что Ибн ат-Таблави руководили не столько благочестивые побуждения и стремление отречься от мирских благ, сколько спокойный расчет опытного «царедворца». В Каире оставался его соперник и враг, Ибн Гураб, который был назначен одним из душеприказчиков Баркука и быстро вошел в число тех, кто принимал решения при малолетнем Фарадже

(1399–1412) – наследнике Баркука. Укрыться в Сирии для Ибн ат-Таблави было по крайней мере безопаснее. Так или иначе, очень скоро он принял предложение наместника султана в Дамаске, сбросил с себя лохмотья бедняка, отложил в сторону Коран и снова занялся службой в администрации [11. Vol. 12. Р. 143, 149–159].

Политическая обстановка в мамлюкском султанате продолжала оставаться крайне нестабильной. Наместник султана, предложивший Ибн ат-Таблави вернуться на службу, был вскоре смещен с должности и арестован. В Дамаск с инспекцией прибыл Ибн Гураб. Так Ибн ат-Таблави снова столкнулся со своим могущественным соперником, был арестован, окончательно утратил отчасти восстановленное имущество и административные позиции [Ibid. Р. 168]. В 1401 г. ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави был убит при невыясненных обстоятельствах [8. Р. 216].

Второй из братьев ат-Таблави, Мухаммад, в период правления султана Баркука разбогател благодаря поддержке своего влиятельного родственника, о котором шла речь выше, стал его преемником в должности *вали* Каира, но в 1398 г. был так же, как и ‘Ала ад-Дин ‘Али, арестован и лишился большей части своего имущества. Когда к власти пришел сын Баркука, Фарадж, Мухаммаду Ибн ат-Таблави, поскольку раньше он оставался в тени и «запятнал» себя только родством со своим братом, ‘Ала ад-Дином ‘Али, удалось изменить свое положение к лучшему. Он сумел получить должность инспектора *диванов*³, а затем, в 1405 г., был назначен *вазиром* [10. Vol. 3. Р. 233; 17. Р. 464; 18. Р. 291].

Положение *вазира* в административной системе Султаната мамлюков было подвержено особенно значительным изменениям. В начальный период правления мамлюков *вазир*, который назначался из числа местных, имеющих соответствующую подготовку, администраторов – «людей пера», постепенно утрачивает свою позицию наиболее приближенного к правителю чиновника и советника. Самое высокое после султана положение в государстве, которым управляла военная мамлюкская элита, переходит к наместнику султана – одному из эмиров, «людей меча» [19. Р. 73]. В 1310 г. султан ан-Насир Мухаммад (1294–1295; 1299–1309; 1309–1340) упразднил ставшее со времен Аббасидов (749–1258) традиционным для мусульманской системы государственного управления ведомство *вазира*. Его функции были переданы управляющему казначейством, инспектору *диванов*, управляющему личной собственностью и финансами султана и начальнику канцелярии. При Баркуке главой казначейства снова становится *вазир*. Он контролировал сбор всех видов налогов и пошлин, разнообразные финансовые операции, в том числе выплату жалований [20. Р. 330]. Такие функции обеспечивали влиятельное положение и широкие возможности в налогово-финансовом секторе экономики. В претендентах на «доходное место» недостатка не было. За первые тридцать лет пребывания у власти *бурджитов* (правление Бракука и его сына Фараджа) на посту *вазира* сменилось сорок человек [9. Р. 445–446].

С конца XIV до середины XV в., как и в предшествующий, *бахритский*, период, должность *вазира*

занимали «люди пера». Некоторые из них были представителями семейных кланов чиновников, из поколения в поколение служивших в мамлюкской администрации. Другие получали должность за взятку [21], третьи пользовались удачным стечением обстоятельств и авторитетом родственников, успевших занять место в бюрократическом аппарате. К числу последних относился и Мухаммад ат-Таблави.

‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави «проложил дорогу» в мамлюкскую административную систему не только для Мухаммада, но и для других своих родственников. Протекцией ‘Ала ад-Дина ‘Али воспользовался его двоюродный брат. При султанине Баркуке он занимал должность инспектора *Особого дивана* – ведомства, которое занималось финансовым обеспечением двух главных мусульманских праздников (жертвоприношения и разговения), а также специальных наград, которые султан жаловал своим эмирам [17. Р. 464].

Другие представители клана ат-Таблави неоднократно упоминаются в источниках *бурджитского* периода в связи с различного рода деятельностью в мамлюкской администрации, но чаще всего именно как *вали* Каира. Старший сын Мухаммада Насир Ибн ат-Таблави, Шихаб ад-Дин ‘Ахмад, получил звание эмира и при султанине Фарадже занимал должность *вали* Каира. Именно он, между прочим, запытал до смерти *вазира* Маджида Ибн Гураба, который приходился братом ‘Ибрахиму Ибн Гурабу, тому самому, по чьей инициативе были арестованы в свое время отец и дядя Шихаб ад-Дина ‘Ахмада – Мухаммад и ‘Ала ад-Дин ‘Али [16. Vol. 6. Р. 220]. Самого Шихаб ад-Дина ‘Ахмада погубила связь с одной из бывших жен султанина Фараджа. Об этой трагической и по-настоящему кровавой истории упоминают практически все известные источники этого периода¹¹. Взмешенный Фарадж собственноручно отсек голову Шихаб ад-Дина ‘Ахмада после того, как чуть ли не на куски изрубил несчастную женщину, опозорившую своим поведением дом султанина [11. Vol. 13. Р. 89–91; 18. Р. 488; 22. Р. 82; 23. Р. 214].

В 1418 г. еще один сын Мухаммада Насир ад-Дина ат-Таблави, ‘Ала ад-Дин ‘Али, получил должность *вали* Каира [16. Vol. 6. Р. 464]. По-видимому, он следовал примеру своего дяди в стремлении пополнить казну султанина любыми средствами. Однако слишком суровый подход к решению одного из дел вызвал недовольство правившего тогда аль-Муаййада (1412–1421). Ибн ат-Таблави был вызван в специальный суд, где разбирались жалобы на притеснения со стороны эмиров и чиновников. Дело, по которому держал ответ Ин ат-Таблави, заключалось в следующем. Сын одного из каирских бедняков утонул. За похороны ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави назначил плату в пять динаров. Несчастный отец утопленника не смог собрать затребованную сумму и оставил тело сына на берегу Нила, где оно пролежало два дня, пока его не начали поедать собаки. Но Ибн Таблави не изменил своего решения. Тогда отцу, потерявшему сына, пришлось продать все свое скудное имущество и имущество своей жены, оставив семью (у него были другие дети) без

средств к существованию. За это он выручил четыре динара, еще один динар он взял в долг. Бедняк отдал эти пять динаров *вали* Каира. Затем он одолжил еще немного денег, чтобы заплатить могильщикам. Султан осудил жестокое решение Ибн ат-Таблави, приговорил его к палочным ударам, но на этот раз оставил в прежней должности [16. Vol. 6. Р. 472, 480; 24. Р. 40;]. Через два года ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави все-таки лишился должности *вали* Каира, а его денежные накопления были конфискованы [16. Vol. 7. Р. 12].

После смерти аль-Му‘айада, уже при султанине Барсбае (1422–1438), в 1434 г.? ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави еще раз попытался стать *вали* Каира. За свое назначение он уплатил 1 200 динаров, но через шесть месяцев снова был смещен. В третий раз ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави получил должность *вали* Каира в 1438 г., от султанина Джакмака (1438–1453), который занялся серьезными перестановками в администрации сразу же после прихода к власти. Но и на этот раз ‘Ала ад-Дин ‘Али не смог продержаться на месте *вали* больше полугода. Правда, при Джакмаке дело обошлось без ареста и конфискации, более того, через несколько месяцев ‘Ала ад-Дин ‘Али Ибн ат-Таблави был назначен старшиной войска⁴ [Ibid. Р. 282, 289, 387, 405, 448]. Эта должность не была сопряжена с финансовой деятельностью или управлением имуществом, напротив, была непосредственно связана с армейской службой: фактически, старшина войска передавал приказы султанина эмирам. Такое назначение было весомым свидетельством дальнейшего размытия четкой границы между военной корпорацией мамлюков и местным населением, которая прослеживалась в предшествующий, *бахритский* период [2. С. 128].

В период правления Джакмака должность *вали* Каира занимал еще один представитель семьи ат-Таблави, Мансур. В 850/1447 г. султан разгневался на Мансура Ибн ат-Таблави и сместил его с должности губернатора и главы полицейского ведомства Каира [25. Р. 136].

История службы представителей клана ат-Таблави в мамлюкской администрации отражает, на наш взгляд, две весьма заметные тенденции *бурджитского* периода. Одна из них – стремление «приватизировать» ту или иную должность в мамлюкской администрации египетскими семейными кланами. Эта тенденция была изучена и проанализирована Б. Мартель-Туман на примере должностей *вазира*, начальника султанинской канцелярии, управляющих имуществом армии и султанина. Б. Мартель-Туман убедительно продемонстрировала, что на протяжении всего правления *Бурджитов* ключевые позиции в мамлюкской администрации удерживались представителями нескольких египетских семей [9]. Семья ат-Таблави осталась за пределами внимания Б. Мартель-Туман, как было отмечено выше, в силу подхода, на основе которого отбирала материал для своей монографии эта французская исследовательница. Между тем как минимум пять представителей семьи ат-Таблави занимали должность *вали* Каира в период с 792/1389–1390 по 850/1447 г. История службы ат-Таблави в мамлюкской администрации подтверждает основные выводы Б. Мартель-Туман и служит, на наш взгляд, достаточным основанием для

того, чтобы рассматривать «клановость» как явление, распространившееся на широкий спектр должностей в системе государственного управления Египтом и Сирией, которые были доступны для представителей гражданского населения в *бурджитский* период.

То, что представители семьи ат-Таблави, в прошлом – египетские торговцы средней руки, получали звание эмира и становились *вали* мамлюкской столицы, служит, на наш взгляд, весьма яркой иллюстрацией другой тенденции в истории *бурджитского* периода – постепенного размывания границ между «военными» и «гражданскими» должностями в мамлюкской администрации и в более широком смысле – между военным и гражданским сословием в мамлюкском султанате. Первый *бурджитский* султан Баркук разрешил своим мамлюкам жить за пределами Цитадели, началась интеграция мамлюков в египетскую социальную городскую среду. С другой стороны, снижение высоких стандартов образования и воспитания в закрытых мамлюкских школах, ставшее заметным в период правления сына Баркука, Фараджа, создавало предпосылки для получения звания эмира немамлюками – египтянами, доказавшими свою преданность и готовность служить султану [26. Р. 67]. Этот процесс

шел медленно и не затрагивал в рассмотренный нами период верхушку военной и административной элиты (в иерархии эмиров, входивших в ближайшее окружение султана, о которой упоминалось выше, *вали* Каира – последний, двадцать пятый по счету).

Обращает на себя внимание и еще одна довольно устойчивая характеристика службы представителей семьи ат-Таблави в мамлюкской администрации: заняв должность главы полицейского ведомства, почти каждый из них проявлял жестокость и беспощадность по отношению к своим соотечественникам – египтянам, уподобляясь при этом *вали*-мамлюкам. Неоднократные упоминания о притеснении бедняков, применении пыток со стороны ат-Таблави позволяют предположить, что *modus operandi* того или иного индивида определялся не столько его принадлежностью к военному, мамлюкскому или, напротив, гражданскому сословию, сколько его принадлежностью к системе государственного управления. Стремление к власти и благам, которые она сулила, формировало специфический набор поведенческих норм и ценностей и делало весьма прозрачным, если не призрачным, барьер, разделявший мамлюков и египтян, пытавшихся прикнуться к политической элите султаната.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ То есть эмира, который мог владеть сорока мамлюками и передвигаться в сопровождении собственного оркестра. В мамлюкской военной иерархии командиром самого низкого ранга был *эмир десятка*, затем следовал *эмир сорока*, и, наконец, самую высокую ступень занимал *эмир сотни*.

² Государственный чиновник, осуществлявший контроль над городским ремеслом и торговлей.

³ То есть различных отделов финансового ведомства.

⁴ Офицер, который по поручению султана доставляет к нему на аудиенцию эмиров любого ранга.

ЛИТЕРАТУРА

- Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам : очерк истории (600–1258). М.: Наука, 1988. 216 с.
- Зеленев Е.И. Мусульманский Египет. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. 372 с.
- Van Steenberghe J., Wing P., D'hulster K. The mamlukization of the Mamluk Sultanate? State formation and the history of fifteenth century Egypt and Syria. Part II: Comparative solutions and a new research agenda // History Compass. 2016. № 14/11. P. 560–569.
- Perho I. Climbing the ladder: Social mobility in the Mamluk period // Mamluk Studies Review. 2011. № 15. P. 19–35.
- Семенова Л.А. Крестьянство в мамлюкском государстве в XV в. // Краткие сообщения Института востоковедения. XXXII Арабский сборник. М. : Изд-во вост. лит., 1958. С. 11–19.
- Семенова Л.А. Салах ад-Дин и мамлюки в Египте. М. : Наука, 1966. 216 с.
- Хасанов А.А. Социально-политический строй мамлюкского Египта при черкесских султанах (1382–1517) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 23 с.
- Petry C.F. The Civilian Elite of Cairo in the Later Middle Ages. Princeton : Princeton University Press, 1981. 475 p.
- Martel-Thoumian B. Les civils et l'administration dans l'état militaire mamluk. (IXe/XVe siècle). Damascus : Institut Franchise de Damas, 1991. 516 p.
- Al-Maqrizi, Taqi al-Din. Durar al-'uqud al-farida fi tarajim al-a'yan al-mufida [Редкостные жемчужины ожерелий в поучительных жизнеописаниях знатных лиц] : 4 vols. / ed. M. al-Jalili. Beirut : Dar al-Gharb al-Islami, 2002. Vol. 3. 586 p.; Vol. 4. 396 p.
- Ibn Tagri Birdi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin. Al-Nujum al-zahira fi muluk Misr wa-l-Qahira [Блестящие звезды владык Египта и Каира] : 16 vols. Beirut : Dar al-Kutub al-'Ilmiya, 1992. Vol. 11. 334 p.; Vol. 12. 293 p.; Vol. 13. 309 p.; Vol. 14. 376 p.
- Humphreys R.S. Islamic History : a Framework for Inquiry. London : Tauris, 2009. 401 p.
- Al-Qalqashandi. 'Abu al-'Abbas 'Ahmad. Subh al-a'sha fi sina'at al-insha [Заря для подслеповатого в канцелярском искусстве] : 14 vols. Cairo : al-Matba'a al-'amiriyya, 1914–1928. Vol. 4. 487 p.
- Petry C.F. Already rich? Yet 'greed deranged him' / Elite status and criminal complicity in the Mamluk Sultanate // Developing perspectives in Mamluk history : essays in honor of Amalia Levanoni / ed by Y. Ben-Bassat. Leiden : Brill, 2017. P. 3–15.
- Stilt K. Islamic law in action: authority, discretion, and everyday experiences in Mamluk Egypt. Oxford : Oxford University Press, 2011. 256 p.
- Al-Maqrizi, Taqi al-Din. Al-Suluk li-ma'rifa duwal al-muluk [Пути познания династий правителей] : 8 vols. Beirut : Dar al-Kutub al-'Ilmiya, 1997. Vol. 5. 464 p.; Vol. 6. 517 p.; Vol. 7. 485 p.
- Al-Sayrafi, 'Ali b. Dawud. Nuzhat al-nufus wa-l-abdan fi tawarikh al-zaman [Отдых для душ и тел в историях времен] : 3 vols. / ed. H. Habbashi. Cairo : Wizarat al-thaqafa, markaz tahqiq al-turath, 1970–1994. Vol. 1. 535 p.
- Ibn Hajar al-'Asqalani. Inba' al-ghumr bi-abna' al-'umr [Известие для непосвященного о сыновьях этой эпохи] : 4 vols. / ed. H. Habbashi. Cairo : Matabi' al-Ahram al-Tijariyya, 1969–1998. Vol. 2. 586 p.
- Al-Ashqar. Muhammad 'Abd al-Ghani. Al-Wizara wa-l-wuzara' fi Misr: 'Asr Salatin al-Mamalik [Ведомство вазира и вазиры в Египте: эпоха мамлюкских султанов]. Cairo : Al-Hay'a al-Misriyya al-'Amma li-Kitab, 2011. 208 p.
- Gottschalk H.L. Diwan, ii. Egypt (4). The Mamluk Period : the Encyclopedia of Islam. New ed. Fourth impression / ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht. Leiden : E.J.Brill, 1991. Vol. II. P. 327–331.

21. Petry C.F. The Criminal Underworld in a Medieval Islamic Society: Narratives from Cairo and Damascus under the Mamluks. Chicago : Middle East Documentation Center, 2012. 365 p.
22. Ibn Tagri Birdi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin. Al-Dalil al-shafi ala-l-manhal al-safi [Целительный путеводитель к Чистому источнику] : 2 vols. / ed. F.M. Shaltut. Mecca : Maktaba al-Khaniji, 1983. Vol. 1. 511 p.
23. Al-Sakhawi, Shams al-Din Muhammad b. 'Abd al-Rahman. Al-Du' al-lami' l-'ahli al-qarn al-tasi' [Свет, озаряющий людей девятого века] : 12 vols. Beirut : Dar al-Jil, 1992. Vol. 2. 652 p.
24. Ibn Iyās. Badā'ī' al-zuhūr fī waqā'ī' al-duhūr [Чудеса цветов в событиях веков] : die Chronik des Ibn Ijās : 6 vols. / ed. M. Mostafa et al. Leipzig ; Istanbul ; Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1931–1975. Vol. 2. 476 p.
25. Ibn Tagri Birdi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin. Hawadith al-duhur fi mada al-ayyam wa al-shuhur [События веков на протяжении дней и месяцев]. Beirut : 'Alam al-kutub, 1990. 613 p.
26. Al-Maqrizi, Taqi al-Din. Al-Mawa'iz wa-l-'i'tibar bi-zhihr al-khitat wal-'athar [Поучения и назидание в рассказе о кварталах и памятниках] : 8 vols. Al-Qahira : Maktaba Madbuli, 1998. Vol. 3. 832 p.

Milana Yu. Iliushina, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: miliushina@hse.ru

EGYPTIANS IN THE MAMLUK ADMINISTRATION: AL-TABLAWI FAMILY

Keywords: Mamluk Sultanate; Egypt; wali; wazir.

The author considers the period of the rule of the burji sultans (1250-1517) in Egypt and Syria, which was marked by significant changes in the system of state administration and substantial shifts in the structure of society. The purpose of the current paper is to examine the activities of the several generations of the Egyptian al-Tablawi family, whose members served the Mamluks in the late 14th through the first half of the 15th centuries, as a tangible evidence of the gradual transformation of the sultanate's military administrative structure. The al-Tablawi family members served in various government positions, the most prominent being those of *wazir* and *wali*. Throughout the almost entire *burji* period the former was occupied by the Men of the Pen, i.e. civilians, while the latter was reserved for the Men of the Sword, i.e. Mamluk amirs. The al-Tablawis thus straddled the social divide between the military and civilian population that had been practically impermeable in the early Mamluk period, which makes the history of this family worth special attention.

The paper draws on the evidence from the Arabic chronicles and biographical dictionaries and encyclopedias of the 14th-16th centuries. Our earliest source is the multivolume encyclopedia of *Subh al-'ashā fi kitābat al-insha'* ("The Blind Man's Illumination in the Art of Chancery Communication") by 'Ali al-Qalqashandi (1355–1418), which describes the structure of the Mamluk administration, including the positions occupied by the al-Tablawis. The most extensive use is made of the works by Taqi al-Din al-Maqrizi (1364-1442) and Jamal al-Din Abu al-Muhasin Ibn Tagri Bardi (1409/1411-1469/1470). The former author was of Egyptian origin and served in the administration for some time, whereas the latter had a mamluk background, being a son of a high-ranking amir who was in service during the reigns of Barquq (1382-1399) and Faraj (1399-1412).

The paper also relies on the writings of Ibn Hajar al-'Asqalānī (1372-1449), his disciple al-Ṣayrafi (1416-1495), 'Abd al-Rahman al-Sakhāwī (1427-1497) and Muhammad Ibn Iyās (1448-1524).

The al-Tablawi family exemplifies a bureaucratic dynasty – a common phenomenon in the *burji* period, which has received some researchers' attention (see, for instance, Bernadette Martel-Thoumian *Les civils et l'administration dans l'état militaire mamlūk (IXe/XVe siècle)*). The distinguishing characteristic of this family that initially did not belong to the privileged classes of the Egyptian society was that its members occupied both military and civil positions in the government; a circumstance which, in our opinion, reflects the gradual changes within the Mamluk military administrative structure and a move towards the new patterns of recruitment to the political and bureaucratic elite.

REFERENCES

1. Grunebaum, G.E. fon (1988) *Klassicheskiy islam: ocherk istorii (600–1258)* [Classical Islam: An Outline of History (600–1258)]. Translated from English. Moscow: Nauka.
2. Zelenev, E.I. (2007) *Musul'manskiy Egipt* [The Muslim Egypt]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Van Steenberghe, J., Wing, P. & D'hulster, K. (2016) The mamlukization of the Mamluk Sultanate? State formation and the history of fifteenth century Egypt and Syria. Part II: Comparative solutions and a new research agenda. *History Compass*. 14/11. pp. 560–569. DOI: 10.1111/hic3.12358
4. Perho, I. (2011) Climbing the ladder: Social mobility in the Mamluk period. *Mamluk Studies Review*. 15. pp. 19–35.
5. Semenova, L.A. (1958) *Krest'yanstvo v mamlyukskom gosudarstve v XV v.* [The peasantry in the Mamluk state in the 15th century]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta vostokovedeniya. XXXII Arabskiy sbornik* [Brief reports of the Institute of Oriental Studies. The 32nd Arabic Collection]. Moscow: Izd-vo vost. lit. pp. 11–19.
6. Semenova, L.A. (1966) *Salakh ad-Din i mamlyuki v Egipte* [Salah ad-Din and the Mamluks in Egypt]. Moscow: Nauka.
7. Khasanov, A.A. (1975) *Sotsial'no-politicheskiy stroy mamlyukskogo Egipta pri cherkesskikh sultanakh (1382–1517)* [Socio-political system of Mamluk Egypt under the Circassian sultans (1382–1517)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
8. Petry, C.F. (1981) *The Civilian Elite of Cairo in the Later Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press.
9. Martel-Thoumian, B. (1991) *Les civils et l'administration dans l'état militaire mamluk. (IXe/XVe siècle)*. Damascus: Institut Franchise de Damas.
10. Al-Maqrizi, Taqi al-Din. (2002) *Durar al-'uqud al-farida fi tarajim al-a'yan al-mufida* [Rare pearls of necklaces in the instructive biographies of noble persons]. Vol. 3. Beirut: Dār al-Gharb al-Islāmī.
11. Ibn Tagri Birdi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin. (1992) *Al-Nujum al-zahira fi muluk Misr wa-l-Qahira* [Shining stars of the rulers of Egypt and Cairo]. Vol. 11. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiya.
12. Humphreys, R.S. (2009) *Islamic History: a Framework for Inquiry*. London: Tauris.
13. Al-Qalqashandi. (1914–1928) *Abu al-'Abbas Ahmad. Subh al-a'sha fi sina'at al-insha'*. Vol. 4. Cairo: al-Matba'a al-'amiriyya.
14. Petry, C.F. (2017) Already rich? Yet 'greed deranged him'. Elite status and criminal complicity in the Mamluk Sultanate. In: Ben-Bassat, Y. (2017) *Developing perspectives in Mamluk history: essays in honor of Amalia Levanoni*. Leiden: Brill. pp. 3–15.
15. Stilt, K. (2011) *Islamic law in action: authority, discretion, and everyday experiences in Mamluk Egypt*. Oxford: Oxford University Press.
16. Al-Maqrizi, Taqi al-Din. (1997) *Al-Suluk li-ma'rifa duwal al-muluk*. Vol. 5. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiya.
17. Al-Sayrafi, 'Ali b. Dawud. (1970–1994) *Nuzhat al-nufus wa-l-abdan fi tawarikh al-zaman*. Vol. 1. Cairo: Wizarat al-thaqafa, markaz tahqiq al-turath.
18. Ibn Hajar al-'Asqalani. (1969–1998) *Inba' al-ghumr bi-abna' al-'umr*. Vol. 2. Cairo: Matabi' al-Ahram al-Tijariyya.
19. Al-Ashqar, Muhammad 'Abd al-Ghani. (2011) *Al-Wizara wa-l-wuzara' fi Misr: 'Asr Salatin al-Mamalik*. Cairo: Al-Hay'a al-Misriyya al-'Amma li-Kitab.
20. Gottschalk, H.L. Dīwān, ii. Egypt. (1991) *The Mamlūk Period : the Encyclopedia of Islam*. Vol. 2. Leiden: E.J.Brill. pp. 327–331.

-
21. Petry, C.F. (2012) *The Criminal Underworld in a Medieval Islamic Society: Narratives from Cairo and Damascus under the Mamluks*. Chicago: Middle East Documentation Center.
 22. Ibn Tagri Birdi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin. (1983) *Al-Dalil al-shafi ala-l-manhal al-safi*. Vol. 1. Mecca: Maktaba al-Khaniiji.
 23. Shams al-Din Muhammad ibn 'Abd al-Rahmān al-Sakhāwi. (1992) *Al-Du' al-lami' l-'ahli al-qarn al-tasi'*. Vol. 2. Beirut: Dar al-Jil.
 24. Ibn Iyās. (1931–1975) *Badā'i' al-zuhūr fī waqā'i' al-duhūr: die Chronik des Ibn Ijās*. Vol. 2. Leipzig; Istanbul; Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
 25. Ibn Tagri Birdi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin. (1990) *Hawadith al-duhur fī mada al-ayyam wa al-shuhur*. Beirut: 'Alam al-kutub.
 26. Al-Maqrizi, Taqi al-Din. (1998) *Al-Mawa'iz wa-l-'ibar bi-zhikr al-khitat wal-'athar*. Vol. 3. Al-Qahira: Maktaba Madbuli.

УДК 94(47):94(420) "1918"
DOI: 10.17223/19988613/70/12

С.А. Миронюк

БОРЬБА С БОЛЬШЕВИЗМОМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ИНТЕРВЕНЦИИ ПОСЛЕ КОМПЬЕНСКОГО ПЕРЕМИРИЯ (ПО ДОКУМЕНТАМ ВОЕННОГО КАБИНЕТА МИНИСТРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НОЯБРЯ–ДЕКАБРЯ 1918 г.)

Исследуются изменения в политике Военного Кабинета министров Великобритании в отношении России после заключения Компьенского перемирия в ноябре–декабре 1918 г., когда разрабатывалась новая концепция интервенции с учетом угроз миру, сохранявшихся, по мнению британского правительства, в период перемирия и поствоенный период. В качестве одной из таких угроз рассматривалась «угроза большевизма». Большевизм и возможность его распространения в этот период воспринимались британскими властями как серьезная угроза глобального характера.

Ключевые слова: Военный Кабинет министров; Компьенское перемирие; интервенция; большевизм.

Юбилейные даты подписания Компьенского перемирия и заключения Версальского договора оставили в некоторой тени одно из важнейших событий в истории России и международных отношений: начало интервенции стран Антанты и их союзников в Россию в июле–августе 1918 г. и ее усиление после заключения Компьенского перемирия, уже зафиксировавшего поражение Германии и отменившего Брестский договор и приложения к нему.

В отечественной историографии советского периода при рассмотрении темы интервенции господствовало убеждение, что мировые империалистические силы в борьбе против Советской России в первую очередь руководствовались ненавистью к большевистской идеологии, поскольку «иностранные империалисты не могли примириться с существованием страны, где у власти стояли рабочие и крестьяне и своим примером оказывали революционное воздействие на трудящихся капиталистических стран» [1. С. 256]. Данная установка была заложена в пятитомном труде «История гражданской войны в СССР», издававшемся в 1935–1958 гг. под редакцией М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина и тиражировавшемся на протяжении всей советской эпохи. В работе констатировалось, что «...в социалистической революции империалисты увидели смертельную угрозу всей капиталистической системе» [2. С. 291], и западные правительства уже в первые месяцы советской власти «...создали на окраинах и в национальных районах России контрреволюционные очаги, стремясь изолировать Центральную Россию, лишить ее жизненно необходимых продовольственных и сырьевых ресурсов...» [Там же. С. 42–43]. Начиная с 1980-х гг. вопрос идеологической составляющей политики интервенции постепенно начинает уходить в тень. Показательной в этом смысле можно считать книгу Ф.Д. Волкова «Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит», где проблемы англо-советских отношений в 1917–1939 гг. еще рассматриваются в рамках подходов советского периода [3]. Вместе с тем в ней впервые опубликованы отдельные документы Военного Кабинета министров Великобритании или их фраг-

менты. В частности, в книге упоминаются заседание Кабинета министров 14 ноября 1918 г. и меморандум начальника Имперского Генерального штаба Г. Вильсона, где конкретно и объемно рассматривался вопрос о большевизме как реальной угрозе, однако Ф.Д. Волков даже не упомянул об этом. Для работ, написанных в постсоветский период, в большей степени характерно изучение другого фактора интервенции: стремления стран Антанты получить геополитические выгоды от ослабления России и Германии [4–6]. «Сильной России ни Великобритания, ни Франция, ни США не желали и, стремясь использовать ее в своих геополитических и стратегических интересах, предпочли бы уход ее из мировой политики как влиятельной силы – великой державы», – считает Н.Е. Быстрова [4. С. 9].

Зарубежные историки, затрагивавшие в своих работах интервенцию, делали это в рамках целей и задач собственных исследований, не концентрируясь специально на идеологических вопросах. Были и другие причины недоисследованности темы интервенции, в частности Р. Ульман и Р. Уорт в своих ставших классическими работах отмечали закрытость на момент их написания необходимых российских и зарубежных архивных материалов [7. Р. 83; 8. С. 7]. Другая причина – упрощенный подход к самому феномену интервенции у некоторых авторов: «...интервенция была скорее неразберихой, чем заговором» [9. С. 245], и Запад при своей огромной военной силе и относительной слабости советского государства «...не предпринял в то время серьезных усилий, чтобы, по образному выражению Черчилля, “удушить большевизм в колыбели”» [10. С. 366]. Такие оценки противоречат содержанию рассекреченных к настоящему времени протоколов заседаний британского правительства и документов государственных учреждений.

Цель настоящей работы – выяснить, насколько заметной и весомой была тема борьбы с большевизмом в качестве фактора усиления британской интервенции в России после заключения Компьенского перемирия в ноябре–декабре 1918 г. в соответствии с официальными британскими источниками. Работа основывается на трех основных документах: меморандуме началь-

ника Имперского Генерального штаба Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) [11], меморандуме председателя Совета по образованию Г. Фишера «Будущая военная политика в России» (5 декабря 1918 г.) [12] и документе «Заметки по нашей политике в России», подготовленном государственным секретарем по иностранным делам А. Бальфуrom (ноябрь 1918 г.) [13]. Кроме этих документов источниковая база статьи включает решение конференции в Форин офисе от 13 ноября 1918 г. [14] и протоколы заседаний Военного Кабинета министров Великобритании от 14 ноября и 10 декабря 1918 г. [15, 16].

На момент заключения Компьенского перемирия открытая интервенция стран Антанты в России уже шла полным ходом. Начатое в июле–августе 1918 г. вторжение публично обосновывалось военной необходимостью противодействия Германии для удержания Восточного фронта и сохранения союзнических складов во Владивостоке, Мурманске и Архангельске [17. С. 78, 79]. После 11 ноября 1918 г. такое объяснение теряло актуальность и убедительность в глазах населения стран Антанты. В условиях перемирия, казалось бы, должны были наступить сворачивание всех операций в России и вывод из нее войск союзников. Однако происходило прямо противоположное: дальнейшее разворачивание интервенции в ускоренных темпах. Этому предшествовало проведение подготовительной работы. 18 октября 1918 г. Кабинет министров поручил Форин офису совместно с Имперским Генеральным штабом и Адмиралтейством подготовить доклад «О настоящей и будущей военной политике в России» [6. С. 525].

13 ноября 1918 г. состоялась конференция в Форин офисе в присутствии военных и военно-морских властей, где по просьбе председательствовавшего на ней Бальфура его заместитель Р. Сесил зачитал меморандум Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России». Это был единственный документ, обсуждавшийся на конференции, и по ее итогам он послужил основой для принятого решения.

В документе констатировалось, что политика военной интервенции, ранее одобренная правительством, была направлена на достижение трех целей: не позволить Германии получить помощь из России и Сибири людьми и поставками; не допустить переброски живой силы и ресурсов с Русского фронта на другие фронты; предотвратить получение Германией преобладающего влияния в русских делах после войны. «Две первые цели исчезли с подписанием перемирия. Осталась только третья, которую, однако, можно охарактеризовать почти как “война после войны”» [11. Р. 22]. Изменившиеся условия требовали в срочном порядке разработать обновленную концепцию военной политики в отношении России. Отмечалось, что при рассмотрении любой операции в России во время перемирия надо постоянно учитывать ограниченность времени, поскольку любое инициированное действие может быть не исполнено, если его ограничивать датой подписания мира. Сторонники продолжения интервенции в России обосновывали свое мнение следующими положениями:

«(а.) Большевизм – это опасность миру (включая, конечно, Центральные державы), и он должен быть сокрушен.

(б.) Если мы этого не сделаем, наступит время, когда это сделают немцы, и по мере того, как это будет происходить, они приобретут преобладающее влияние в России.

(с.) Мы не можем бросить тех, кто нам помогал, на милость большевиков, и без дальнейшей интервенции мы, возможно, не сможем вывести определенную часть наших войск» [Ibid.].

Представленная в меморандуме мотивация сторонников продолжения интервенции сводилась прежде всего к необходимости борьбы с большевизмом как мировой угрозой и проблеме англо-германского соперничества в России. При этом обе проблемы связывались в единое целое: сокрушение большевизма в России должно было стать той задачей, решение которой выбило бы почву из-под ног Германии, и, опередив последнюю в данном вопросе, Великобритания смогла бы предотвратить возможность установления политического влияния Германии в поствоенной России.

Интересна трактовка большевизма и его перспектив, изложенная в меморандуме Вильсона: «Большевизм – это культ, если не религия... И если, как все культы, он совершенно нежизнеспособен – а мы считаем именно так, – он не сможет надолго пережить восстановление нормальных условий в остальном мире, если только на самом деле он не лучше того, что мы готовы признать, тогда он будет постепенно развиваться в более высокоразвитый организм, и мы не сможем длительное время душить его военными мерами. И если это признать, то реальная цель, как мы ее уже и определили, состоит в том, чтобы немцы не извлекли возможные выгоды, которые могут появиться для них от борьбы с большевизмом...» [Ibid.].

Хотя в меморандуме говорилось об обреченности большевизма, вместе с тем продвигалась идея нанесения ему упреждающего удара, поскольку в противном случае это могли бы сделать немцы, что привело бы к установлению германского контроля над Россией после успешного завершения схватки с большевизмом. По существу, политический вопрос о борьбе с большевизмом рассматривался во властных кругах Великобритании как вызов глобального характера, который намеривались «душить» военными мерами, и одновременно как возможность приобрести влияние в России и получить от этого выгоду.

В меморандуме изложено несколько вариантов военных мер, направленных на борьбу с большевизмом. Первый: «...создать вокруг большевистской России кольцо государств для предотвращения распространения большевизма; лишить его поставок и возможности экспансии и таким образом привести к абсолютному истощению. Это повлечет за собой в данном случае голодание большого числа людей и потребует оккупации союзными войсками пограничных государств на неопределенный срок до тех пор, пока не исчезнет большевистская Россия и не укрепитя со всей очевидностью Россия небольшевистская» [Ibid.]. Второй, альтернативный, вариант: «...решительно взяться за дело

путем принятия активных военных мер, имея в виду окончательно сокрушить большевизм в самые короткие возможные сроки. Это более быстрый и более надежный проект сорвать планы возможной германской экспансии... но существуют большие трудности на пути осуществления такой акции» [11. Р. 22]. Третьим вариантом было заставить Германию передать оружие и снаряжение пограничным странам, репатриировать войска, которыми могут располагать дружественные Британии страны, и в целом оказать им поддержку.

В заключение документа представлены два вывода. В первом подчеркивалась необходимость окончательно выполнить внутренние обязательства перед британской армией, имея целью полный вывод войск из Европейской России к тому времени, когда будет подписан мирный договор и образовано сильное русское правительство в Сибири. Второй вывод содержал намерение немедленно воспользоваться преимуществом открытия Балтики для обеспечения лояльных интервентам сил военными поставкам и Черного моря, «...чтобы оккупировать такие порты на восточном побережье, которые могут быть необходимы, чтобы протянуть руку помощи тем, кто тяготеет к созданию стабильного русского правительства» [Ibid. Р. 23].

В ходе конференции свое мнение по затронутым вопросам озвучил Бальфур. Он не считал возможным поддержать вариант борьбы с большевизмом путем осуществления открытого «антибольшевистского крестового похода», поскольку на него не согласятся жители страны. Вместе с тем Бальфур указал на необходимость оказать поддержку государствам на западной границе России от Балтийского до Черного моря. После непродолжительной дискуссии в протокол было занесено решение:

1. Продолжить оккупацию Мурманска и Архангельска.
2. Признать Омскую Директорию фактическим правительством.
3. Поддержать уже начатую сибирскую экспедицию и призвать канадцев придерживаться договоренностей, предусмотренных до перемирия.
4. Побудить чехов оставаться в Западной Сибири и отправить туда некоторых своих сотрудников.
5. Утвердить положение по вопросу о взаимоотношениях французского генерала М. Жанена и английского генерала А. Нокса.
6. Приступить к оккупации железной дороги Баку–Батум.
7. Установить контакт с А.И. Деникиным в Новороссийске и оказать всю возможную помощь военными материалами.
8. Предоставлять балтийским государствам военные материалы, если и когда они имеют правительства, готовые получать и использовать такие материалы.
9. Разрешить генералу Маршаллу взять в управление Красноводск (Туркменбаши).
10. Придерживаться Конвенции от 23 декабря 1917 г., по возможности расширяя британскую сферу так, чтобы включить в нее территорию между Доном и Волгой [14. Р. 78–79].

Таким образом, решение конференции представляет собой подробный, хорошо проработанный план расширения и усиления британской интервенции в России.

Решение конференции было рассмотрено на заседании Кабинета министров 14 ноября 1918 г. в рамках вопроса, обозначенного в повестке дня как «Большевизм (Россия, Сибирь, Туркестан, Кавказ, балтийские страны, Польша, Голландия)». Вынесение в заголовок слова «Большевизм» подчеркивало намерение правительства бороться с ним в ходе интервенции. Выступивший в начале заседания Бальфур отметил, что все британские представители на местах склонялись к проведению «антибольшевистского крестового похода» ввиду «зверского характера большевистского правительства» [15. Р. 76]. Однако трезвая оценка имеющихся реальных ресурсов, которые могли бы обеспечить эффективность проведения массовой военной операции против правительства Ленина, не оставляла возможности всецело поддаться эмоциональному порыву. Руководствуясь здравым смыслом, Бальфур заявил, что предпринять военный «крестовый поход» против большевизма невозможно, поскольку он привел бы Великобританию к военным действиям непредсказуемой величины. В этом его поддержал государственный секретарь по военным делам А. Милнер, добавив, что Великобритания ни при каких обстоятельствах не может отправлять войска в Россию. Эту точку зрения поддержал также Сесил, сказав, что решение о «крестовом походе» против большевиков было бы фатальным, подчеркнув, однако, что следует делать все, что в силах Кабинета министров, для предотвращения анархии в «богатых странах Южной и Юго-Восточной России», поддержки генерала Деникина и власти в тех районах, которые не были большевистскими [Ibid. Р. 76, 77]. Было отмечено также, что немцы использовали большевиков повсеместно в своих собственных целях.

Следует отметить, что до заключения Компьенского перемирия противостояние большевизму не подчеркивалось британским правительством в качестве приоритета политики в отношении России. Теперь же приглашенный на заседание Кабинета министров член парламента А.Н. Чемберлен заявил, что вопрос является неотложным и что «...пришло время, когда срочно необходимо полностью опубликовать свидетельства...» [Ibid. Р. 77], собранные главой специальной британской миссии в Москве Б. Локкартом, относительно «поведения большевиков». Такой напор и спешка свидетельствуют о том, что необходимо было срочно подготовить общественное мнение с целью заручиться лояльностью британских подданных как минимум к дальнейшему пребыванию войск на территории России и как максимум к «войне после войны». Других аргументов, кроме «зверского характера большевистского правительства», в пользу продолжения интервенции, которые можно было бы предъявить народу Британии, у правительства в условиях наступившего перемирия не было.

По итогам заседания Кабинета министров 14 ноября 1918 г. были приняты важнейшие решения. Первое: Форин офис должен собрать как можно больше мате-

риалов, касающихся «поведения правительства большевиков», и обсудить их с уполномоченными лицами, имея в виду полную и быструю публикацию. Второе: Кабинет министров одобрил решения конференции в Форин офисе, т.е. утвердил программу усиления интервенции, за исключением п. 9, оставив его на совместное рассмотрение государственного секретаря по военным вопросам и государственного секретаря по делам Индии.

Хотя материалы о большевизме только предстояло собрать и опубликовать, новая программа интервенции начала реализовываться незамедлительно: 16 ноября 1918 г. британская эскадра вошла в Черное море, 17 ноября в Баку прибыл из Персии пятитысячный контингент британских военных под командованием генерала У. Томсона. Железнодорожная ветка Баку–Батум была взята под контроль. В декабре 1918 г. английские корабли вошли в гавани стран Прибалтики: Мемель (Клайпеду), Либаву (Лиепаю), Ригу и Ревель (Таллин). В развитие этой политики усиленными темпами шли вооружения и иная помощь как в пограничные с Россией новообразованные государства, так и антибольшевистским армиям внутри России. Принятые решения о направлениях развития интервенции и помощи антибольшевистским силам и их быстрая практическая реализация свидетельствуют о серьезных намерениях Великобритании взять под контроль стратегические объекты инфраструктуры, порты и железные дороги, а также богатые ресурсами территории бывшей Российской империи. Одновременно с ужесточением британской политики в отношении Советской России и развитием интервенции в британском обществе усиливалось недовольство этой политикой. Британцев волновали насущные для них вопросы: демобилизация, занятость, условия труда, а не идея участия в «войне после войны» в России, какими бы ни были ее цели. В Великобритании нарастало забастовочное движение и активно формировалось движение «Руки прочь от России!». «Число бастовавших рабочих Англии в 1918 г. составило 1 116 тыс. человек, увеличившись почти в 2 раза по сравнению с 1913 г. Буржуазная печать с тревогой писала, что во главе этих стачек стоят большевики» [3. С. 130].

Озабоченность проблемами восприятия политики интервенции в британском обществе выразил историк, председатель Совета по образованию Г. Фишер в меморандуме «Будущая военная политика в России» от 5 декабря 1918 г., который был представлен в Кабинет министров. В документе отмечалось, что после подписания перемирия продолжающаяся военная операция в России крайне непопулярна среди рабочих и женщин Великобритании, тем более в обстановке слухов, что британские солдаты в России голодают. «Трудящиеся не понимают, зачем мы вообще воюем в России... если только не для восстановления самодержавия» [12. Р. 142]. Фишер констатировал, что хотя большевикам в Британии симпатизирует лишь небольшое меньшинство рабочих, многие люди считают, что формирование российского правительства – дело самих русских. В этой связи правительству предлагалось разъяснить британскую политику в России. Подчеркивалось, что

чем дольше будет длиться ее обсуждение, тем более непопулярной она будет становиться, и если правительство считает, что открытие мирной конференции в Париже дает удобную возможность для урегулирования дел Российской империи, то «...я бы предложил в качестве вопроса для рассмотрения определиться, следует ли наряду с основной конференцией учредить вспомогательную для решения множества проблем, возникающих в связи с урегулированием положения в Российской империи. На такой конференции, несомненно, присутствовали бы представители различных правительств, которые были созданы в России и на ее окраинах, из Эстонии, Грузии, Украины, Омска, Финляндии и, как я полагаю, правительства большевиков» [12. Р. 143]. В дальнейшем высказанные в меморандуме Фишера мысли и предложения оформились в платформу, с которой выступали менее радикально настроенные в отношении Советской России силы внутри Кабинета министров.

Меморандум Фишера был рассмотрен на заседании Кабинета министров 10 декабря 1918 г. в рамках обсуждения союзной операции и военной политики в России. На этом же заседании Бальфур зачитал подготовленный в ноябре 1918 г. документ «Заметки по нашей политике в России». В нем подтверждалось, что с поражением Германии основной побудительный мотив для военной операции в России исчез и, соответственно, возник вопрос: «Для чего же мы все еще поддерживаем войска в разных частях того, что когда-то было Российской Империей?» [13. Р. 106]. В документе отмечалось, что бытует мнение, что проводимые военные экспедиции являются частичными и несовершенными для проведения кампании против большевизма, восстановления порядка и образования стабильного российского правительства, а также звучат призывы к отправке новых групп войск для незамедлительного решения этих задач. Перечисленное указывает на неправильное представление о действиях правительства, которое всегда утверждало, что именно русские должны выбирать форму правления в своей стране, и у правительства нет желания вмешиваться во внутренние дела России. И если в ходе операций, по существу, направленных против Центральных держав, Британия должна сотрудничать с дружественными Антанте политическими и военными организациями в России, это не означает, что «...мы считаем себя имеющими какую-либо миссию по установлению какой-либо определенной политической системы среди русского народа... Правительство Его Величества до настоящего момента придерживается именно этих принципов. Однако это не означает, что мы можем полностью абстрагироваться от российских дел, которые нельзя игнорировать» [Ibid.].

Таким образом, на вопрос, что делают британские войска в России, волновавший часть британского общества, документ Бальфура однозначного, понятного ответа не дает, а только констатирует отсутствие у правительства намерений устанавливать какую-либо форму правления в России.

Рассмотрение меморандума Фишера и записки Бальфура на заседании Кабинета министров 10 декаб-

ря 1918 г. свидетельствует, что правительство приняло во внимание то, что значительная часть населения была против нахождения британских войск в России после Компьенского перемирия. «После завершения Первой мировой войны мало кто хотел воевать в далекой России против каких-то еще большевиков» [18. С. 52]. В преддверии выборов с этим необходимо было считаться. Тем более что военные меры по продолжению и усилению интервенции были уже предприняты. Дальнейшее рассмотрение вопроса о союзной операции и военной политике в России было отложено.

14 декабря 1918 г. состоялись всеобщие выборы в Палату общин. После выборов, на которых премьер-министр Д. Ллойд Джордж получил огромный вотум доверия, пост государственного секретаря по военным делам по его предложению занял У. Черчилль. С приходом Черчилля на этот пост дискуссии по вопросу интервенции снова обострились. При этом позиции представителей властных структур в отношении того, какой должна быть политика британского правительства в России, варьировали в широком диапазоне: от активной поддержки Белого движения и расширения интервенции до скорейшего вывода войск. «Наиболее стойкими приверженцами первого курса выступали в Департаменте политической разведки Р. Липер, Дж. Симпсон, а в составе Военного кабинета – У. Черчилль. Противниками расширения интервенции являлись Ллойд Джордж, министр финансов О. Чемберлен, сотрудник Форин офис, а впоследствии известный историк Э. Карр» [5. С. 289]. Эти противостояния происходили на фоне роста социальной напряженности в английском обществе, которое сопровождалось митингами и забастовками. Эти волнения в недалеком будущем наряду с поражениями белых сил и финансовыми трудностями привели к решению о выводе британских войск из России и переходу к политике сотрудничества с советским правительством.

Привлеченные для исследования документы подтверждают, что в период ноября–декабря 1918 г. вопрос о большевизме рассматривался на государственном уровне в четкой взаимосвязи с разработкой обновленной политики интервенции в условиях наступившего перемирия. При этом он был выделен в отдельный пункт повестки дня заседания Кабинета министров 14 ноября 1918 г., и именно в рамках рассмотрения вопроса о большевизме было принято решение об усилении интервенции и ее направлениях. Непосредственно перед этим заседанием угроза большевизма анализировалась в Имперском Генеральном штабе и Форин офисе в ходе разработки концепции текущей и будущей военной политики в России. Все это свидетельствует о практической значимости фактора угрозы большевизма и его учете в обновленной концепции политики интервенции. В ней большевизм трактовался как угроза глобального характера, а борьба с ним в ходе интервенции в самые богатые и стратегически важные территории бывшей Российской империи должна была стать инструментом в соперничестве с Германией за влияние в постбольшевистской России и граничащих с ней государствах. Вместе с тем Кабинет министров в своих решениях не ставил задачу установления определенной формы правления в России, что, однако, не означало отказа от политики интервенции и повсеместной поддержки антибольшевистских сил, одобренной 14 ноября 1918 г. Дополнительные разъяснения по этому вопросу были даны на заседании Кабинета 10 декабря 1918 г. в ходе рассмотрения меморандума Фишера и документа Бальфура.

На основе изложенного можно заключить, что борьба с большевизмом была заметным и весомым фактором формирования британской политики интервенции после Компьенского перемирия в ноябре–декабре 1918 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Коммунистической партии Советского Союза. М. : Политиздат, 1977. 782 с.
2. История гражданской войны в СССР : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1958. Т. 3. 680 с.
3. Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М. : Мысль, 1980. 462 с.
4. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М. : Ин-т рос. истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.
5. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М. : Междунар. отношения, 2016. 840 с.
6. Уткин А.И. Первая мировая война. М. : Культурная революция, 2010. 560 с.
7. Ullman R.H. Anglo-soviet relations, 1917–1921. Intervention and the War. New Jersey : Princeton University Press, 1961. 492 p.
8. Уорт Р. Антанта и русская революция, 1917–1918 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2006. 271 с.
9. Кэш Т. Русская гражданская война и интервенция союзников // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. : Наука, 1994. С. 244–251.
10. Эдельман Дж. Историческое значение русской гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. : Наука, 1994. С. 364–375.
11. G.T. 6311. Our Present and Future Military Policy in Russia. Memo by C.I.G.S. // The National Archives (NA). CAB 24/70. Original Reference GT 6301-6400, 1918 1 Oct – 28 Nov. P. 22–23.
12. G.T. 6443. Future Military Policy in Russia. Memorandum by Dr. H.A.L. Fisher // NA. Cab. 24/71. Original Reference GT 6401–6500, 1918 31 October – 18 December. P. 142–143.
13. Notes on our Policy in Russia by the Secretary of State for Foreign Affairs // NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480–513, 1918 1 Oct – 19 Dec. P. 106.
14. Minute of the Proceedings of a Conference held at the Foreign Office on November 13, 1918, at 3:30 p.m. // NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480–513, 1918 1 Oct – 19 Dec. P. 78–79.
15. War Cabinet, 502. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480–513, 1918 1 Oct – 19 Dec. P. 76–77.
16. War Cabinet, 511. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480–513, 1918 1 Oct – 19 Dec. P. 104–105.
17. Черчилль У.С. Мировой кризис. Последствия. М. : Принципиум, 2014. 456 с.
18. Шубин А.В. Десять вопросов о революции в России (1917–1922). М. : Просвещение, 2018. 64 с.

Sergei A. Mironyuk, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: privetsergey95@mail.ru

THE STRUGGLE AGAINST BOLSHEVISM AS A FACTOR OF THE INTERVENTION POLICY-MAKING AFTER THE ARMISTICE OF COMPIÈGNE (BASED ON THE DOCUMENTS OF THE BRITISH WAR CABINET OF MINISTERS DATED NOVEMBER–DECEMBER, 1918)

Keywords: War Cabinet of Ministers; Armistice of Compiègne; intervention; Bolshevism.

The article is devoted to the process of the formation of a renewed British policy of intervention in Russia after the Armistice of Compiègne. This policy was based on the necessity to take into account threats to the world retained in the postwar period. According to the official British documents, Bolshevism was considered such a threat. The research objective is to find out the significance and validity of the struggle against Bolshevism as a factor of strengthening of the British intervention in Russia in November–December, 1918.

The paper is based on the official documents: the memorandum “Our Present and Future Military Policy in Russia” by the Chief of the Imperial General Staff H. Wilson (November 13, 1918), the memorandum “Future Military Policy in Russia” by the Chairman of the Board of Education H. Fischer (December 5, 1918), the document “Notes on our Policy in Russia”, prepared by the Secretary of State for Foreign Affairs A. Balfour (November 1918), the decision of the conference in the Foreign Office of November 13, 1918 and minutes of the War Cabinet of Ministers meetings of November 14 and December 10, 1918.

In November–December, 1918 Bolshevism was viewed at the official level in connection with the development of an updated policy of intervention after the Armistice. It was included as a separate item on the agenda of the Cabinet of Ministers meeting on November 14, 1918 and the decision on a new wave of the intervention was taken in considering the issue of Bolshevism. Bolshevism and several Bolshevism in the renewed policy of intervention though the goal of establishing a certain form of government in Russia was not set. Explanations on this issue were given at the Cabinet meeting on December 10, 1918 while considering Fisher’s memorandum and Balfour’s document.

The author concludes that in November–December, 1918 the fight against Bolshevism was an important factor of the British intervention policy due to the following main reasons: Bolshevism was viewed by the Cabinet of Ministers as a danger to the world because of its possible territorial expansion, and the fight against it was viewed as a means to prevent the influence of Germany in the territory of the former Russian Empire and accordingly to strengthen the role of Great Britain in the postwar world.

REFERENCES

1. Ponomarev, B.N., Volin, M.S. & Zaitsev, S.V. (1977) *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [The History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Politizdat.
2. Gorky, M., Kirov, S., Molotov, V., Voroshilov, K., Stalin, I. & Zhadanov, A. (1958) *Istoriya grazhdanskoy voyny v SSSR* [The History of the Civil War in the USSR]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat.
3. Volkov, F.D. (1980) *Tayny Uaytkholla i Dauning-strit* [Secrets of Whitehall and Downing Street]. Moscow: Mysl’.
4. Bystrova, N.E. (2016) “*Russkiy vopros*” v 1917 – nachale 1920: *Sovetskaya Rossiya i velikiye derzhavy* [The “Russian question” in 1917 – early 1920: the Soviet Russia and the Great Powers]. Moscow: Institut rossiyskoi istorii, Tsentr gumanitarnykh issledovaniy.
5. Kapitonova, N.K. & Romanova, E.V. (2016) *Istoriya vneshney politiki Velikobritanii* [The History of Foreign Policy of Great Britain]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
6. Utkin, A.I. (2010) *Pervaya mirovaya voyna* [The First World War]. Moscow: Kul’turnaya revolyutsiya.
7. Ullman, R.H. (1961) *Anglo-soviet relations, 1917–1921. Intervention and the War*. New Jersey: Princeton University Press.
8. Worth, R.D. (2006) *Antanta i russkaya revolyutsiya, 1917–1918* [The Allies and the Russian revolution, from the fall of the monarchy to the peace of Brest-Litovsk]. Translated from English by L.A. Igorevsky. Moscow: Tsentrpoligraf.
9. Cash, T. (1994) *Russkaya grazhdanskaya voyna i interventsia soyuznikov* [The Russian Civil War and the Allied intervention]. In: Polyakov, Yu.A. (ed.) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: perekrestok mneniy* [Civil War in Russia: Crossroads of Opinions]. Moscow: Nauka.
10. Edelman, J. (1994) *Istoricheskoe znachenie russkoy grazhdanskoy voyny* [The historic meaning of the Russian Civil War]. In: Polyakov, Yu.A. (ed.) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: perekrestok mneniy* [Civil War in Russia: Crossroads of Opinions]. Moscow: Nauka.
11. C.I.G.S. (1918) G.T. 6311. *Our Present and Future Military Policy in Russia*. Memo by C.I.G.S. The National Archives (NA). CAB 24/70. Original Reference GT 6301-6400, 1918 1 Oct – 28 Nov. pp. 22–23.
12. Fisher, H.A.L. (1918) G.T. 6443. *Future Military Policy in Russia*. Memorandum by Dr. H.A.L. Fisher. NA. Cab. 24/71. Original Reference GT 6401-6500, 1918 31 October – 18 December. pp. 142–143.
13. The Secretary of State for Foreign Affairs. (1918) *Notes on our Policy in Russia by the Secretary of State for Foreign Affairs*. NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480-513, 1918 1 Oct – 19 Dec. pp. 106.
14. The Foreign Office. (1918) *Minute of the Proceedings of a Conference held at the Foreign Office on November 13, 1918, at 3:30 p.m.* NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480-513, 1918 1 Oct – 19 Dec. pp. 78–79.
15. War Cabinet. (1918a) *War Cabinet, 502. Minutes of a Meeting of the War Cabinet*. NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480-513, 1918 1 Oct – 19 Dec. pp. 76–77.
16. War Cabinet. (1918b) *War Cabinet, 511. Minutes of a Meeting of the War Cabinet*. NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480-513, 1918 1 Oct – 19 Dec. pp. 104–105.
17. Churchill, W.S. (2014) *Mirovoy krizis. Posledstviya* [The World Crisis. The Aftermath]. Translated from English. Moscow: Printsipium.
18. Shubin, A.V. (2018) *Desyat’ voprosov o revolyutsii v Rossii (1917–1922)* [Ten questions about the Revolution in Russia (1917–1922)]. Moscow: Prosveshchenie.

УДК 329.8
DOI: 10.17223/19988613/70/13

Р.С. Мухаметов

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РФ И США

Статья посвящена выявлению отличительных особенностей организационной структуры российских политических партий через сравнение с американскими партиями. Показано, что для политических партий в России характерны достаточно высокий уровень внутреннего единства и следование определенной партийной линии, они отличаются высокой степенью партийной солидарности. Автор относит российские политические партии к централизованным организациям с персонифицированной моделью управления, в рамках которой партийный лидер и общенациональные партийные органы обладают значительными полномочиями.

Ключевые слова: политические партии; «Единая Россия»; Республиканская партия США; Демократическая партия США.

Изучение политических партий в России сегодня является классическим направлением политических исследований. В российской политической науке значительная часть работ связана, как правило, с изучением партийных программ и идеологических стратегий, участия российских партий в выборах и юридических аспектов деятельности политических партий, а также типологии партий. В то же время некоторые исследовательские направления представлены лишь единичными работами, в том числе это касается и организационной структуры партий [1–3]. Другими словами, можно сказать, что изучение партийной организации находится в зачаточном состоянии. В этом плане данная статья в какой-то степени восполняет этот пробел.

Целью нашего исследования является выявление отличительных особенностей организационной структуры российских политических партий. В силу того что, согласно Минюсту РФ, в России насчитывается более 70 политических партий, мы объект нашего исследования ограничим четырьмя парламентскими партиями («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»). Это обусловлено тем, что большая часть партий, которые возникли в 2012–2014 гг., существует только «на бумаге», является «фейковыми», носит очевидный политехнологический характер. Для достижения нашей цели мы сравним организационную структуру российских политических партий с американскими. В США мы рассмотрим две главные партии – Демократическую и Республиканскую.

Политические партии в Соединенных Штатах демонстрируют относительно низкий уровень внутреннего единства и не придерживаются строгого комплекса политических целей, им не присуще жесткое следование единой идеологии. Другими словами, в США единодушное голосование в палатах парламента, когда все демократы голосуют «за», а республиканцы – «против» (или наоборот), происходит лишь по так называемым организационным вопросам, т.е. при выборах спикера палаты представителей, председателя сената, председателей основных комитетов и комиссий. По всем другим темам парламентарии редко бы-

вают солидарны. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, американские партийные лидеры ограничены в области властных полномочий и весьма скупо наделены возможностью установить жесткую партийную дисциплину. Во-вторых, американские партии в большей степени озабочены победой на выборах и контролем над личным составом правительства и парламента, а не идеологическими вопросами. Американские партии занимают идеологическую нишу, которую можно охарактеризовать как центристскую. Это позволяет республиканцам и демократам иметь большое разнообразие в своих рядах. Например, в Палате Представителей Конгресса США функционируют следующие фракции у демократов (в США они называются кокусами): «Коалиция синей собаки», «Кокус конгрессменов за азиатско-тихоокеанскую Америку», «Кокус прогрессивных конгрессменов», «Рабочая группа женщин-демократов», «Коалиция новых демократов» и т.д. [4].

Необходимо отметить, что обе главные партии в Соединенных Штатах состоят в значительной степени из громадного числа некоммерческих неправительственных организаций. Так, при демократической партии штата Делавэр действуют такие общественные организации, как Молодые Демократы Штата Делавэр, Прогрессивные демократы в Делавэре, Прогрессивные демократы графства Сассекс, Студенты-демократы Университета штата Делавэр и т.д. [5].

При республиканской партии штата Миссисипи созданы Федерация женщин-республиканцев Миссисипи, Федерация студентов-республиканцев Миссисипи, Молодые республиканцы и др. Особенность партийной структуры состоит в том, что все эти организации практически автономны друг от друга, часто соревнуются или даже конфликтуют. Их объединение вокруг той или иной партии весьма условно и временно [6]. Иными словами, высокая степень плюралистичности (т.е. наличие в партиях различных фракций, клубов и выражение ими разнообразных интересов) – то, что отличает американские политические партии.

Что касается российских партий, то для них характерны достаточно высокий уровень внутреннего един-

ства и следование определенной партийной линии, они отличаются высокой степенью партийной солидарности. В России существуют программные партии в двух смыслах слова. В узком смысле можно говорить о партиях, в основе идеологии которых лежит тот или иной понятный избирателям образ «светлого будущего» (КПРФ и «Справедливая Россия»). Обе партии борются за электорат, который ориентирован на социалистические ценности. Однако каждая из партий по-своему представляет социализм: первая основывается на накопленном опыте коммунистического прошлого, вторая в большей степени ориентируется на европейские социалистические ценности. Две другие партии («Единая Россия» и ЛДПР) можно назвать идеологическими в широком смысле слова. В них место «системообразующей идеи» занимает «положительный образ» их лидера (В.В. Путин и В.В. Жириновский соответственно).

Из всех рассматриваемых нами российских партий больше всего походит на американские партии «Единая Россия», отличающаяся идейно-теоретическим эклектизмом, размытостью и неконкретностью идеологии. В этом плане ее можно называть электоральной партией, или партией типа «хватай всех» (catch-all party) [7. С. 308–309]. С 2005 г. внутри «Единой России» стали появляться политические клубы, объединяющие близких по своим воззрениям членов партии: Государственно-патриотический клуб, Социально-консервативный клуб (Центр социально-консервативной политики), Либерально-консервативный клуб (Центр политического действия) «4 ноября» и Либеральный клуб. В апреле 2012 г. партийные клубы были трансформированы в 4 Дискуссионные платформы Партии: Либеральную, Патриотическую, Предпринимательскую и Социальную [8]. Необходимо отметить, что фракция «Единой России» в Госдуме 8-го созыва состоит из пяти внутри-

фракционных групп: Группа А.Л. Шхагошева, Группа В.Б. Кидяева, Группа Н.В. Панкова, Группа В.В. Пинского и Группа Р.В. Кармазинной [9]. Необходимо еще раз подчеркнуть, что существование и деятельность таких клубов является исключением для российских партий. Подобных структур у других российских партий нет. Наоборот, в уставных документах остальных партий прописан запрет на создание фракций (в качестве примера можно привести КПРФ). Справедливости ради нужно отметить, что вокруг российских партий также функционируют общественные организации. Например, при «Справедливой России» действуют «Социал-демократический союз молодежи “Справедливая сила”», «Социал-демократический союз женщин России» и «Зелёный патруль».

Таким образом, американские политические партии можно назвать инструментальными, в то время как российские являются идеологическими.

Российские партии можно отнести к централизованным. В России политические партии организованы по принципу иерархии, т.е. находящиеся на самом верху национальный лидер и центральные органы руководят деятельностью региональных отделений (табл. 1). Это проявляется в следующем:

- 1) выдвижение кандидатов в главы регионов и депутаты региональных парламентов Конференцией регионального отделения партии должно быть согласовано с центральным руководством;
- 2) назначение лидеров регионального отделения партии происходит при участии центрального руководящего органа партии;
- 3) создание регионального отделения партии является прерогативой центральных партийных органов;
- 4) центральное руководство партии может отменить решение регионального отделения.

Таблица 1

Сравнение полномочий центральных и региональных органов партий

Акция	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР
Выдвижение кандидатов в главы регионов, региональные парламенты	Конференция регионального отделения, утверждает Президиум Генсовета	Принимает решение Президиум ЦК КПРФ по представлению Бюро Комитета регионального отделения	Конференция регионального отделения, кандидатов представляет Высший совет партии	Конференция регионального отделения с согласия Президиума
Назначение лидеров регионального отделения партии	Конференция регионального отделения, Президиум Генсовета	Комитет регионального отделения, утверждает Президиум ЦК	Высший совет партии	Конференция регионального отделения по рекомендации Президиума
Создание регионального отделения	Съезд партии или Генсовет	ЦК КПРФ	Высший совет партии	Президиум Центрального совета
Отмена решения регионального отделения	Председатель партии	—	Высший совет партии	Президиум Центрального совета

Американские партии можно отнести к децентрализованным организациям. Полномочия центральных органов американских партий ограничены следующим перечнем:

- номинирование кандидатов на пост Президента и вице-президента;
- озвучивание политических заявлений;
- оказание помощи региональным отделениям в проведении избирательных кампаний;
- мобилизация и распределение денежных средств, необходимых для успешного функционирования партии;

– работа с выборными должностными лицами, которые были выдвинуты партией.

Иными словами, строение основных американских партий отличается от российских. Демократическая и Республиканская партии представляют собой стратарию, т.е. разделение функций между уровнями власти и управления, которые имеют разную функциональную компетенцию и ни один из которых не может быть абсолютно доминирующим. Стратархическая модель партийной организации подразумевает высокую степень рассредоточения власти и защиту независимости

региональных и местных отделений от одностороннего центрального воздействия [10. С. 47].

В большинстве штатов региональные и местные партийные комитеты де-факто и де-юре независимы от центральных партийных структур. Показательными являются даже их названия, например «Демократическая партия Онтарио» или «Республиканская партия Невады».

Таким образом, и демократы, и республиканцы представляют собой коалиции пятидесяти партийных организаций штатов. Американские партии есть сумма различных лидеров и комитетов, ни один из которых не обладает властью распоряжаться другими структурами. Иными словами, партийные организации штатов практически самостоятельны и не подчинены вышестоящим общенациональным партийным органам – национальному партийному конвенту и национальному партийному комитету.

Другой чертой американских партий является отсутствие большого партийного аппарата. На национальном уровне каждая партия включает Национальный конвент (съезд), являющийся высшим органом партии. Главная задача Национального конвента – номинирование кандидата на пост президента и вице-президента Соединенных Штатов, а также принятие платформы (программы). Между съездами действует Национальный комитет (НК). В функции НК входят организация и проведение Национального конвента, разработка и распространение официальных заявлений, координация сбора средств и электоральной стратегии, составление программы партии. В период между заседаниями Национального комитета все исполнительные и административные функции осуществляет Исполнительный комитет.

Для российских партий в этом плане характерен большой партийный аппарат. Самой «скромной» партией является ЛДПР, где существуют только Съезд, Высший Совет и Председатель Партии. Самой «раздутой» партией является «Единая Россия» (Председатель Партии, Председатель Высшего совета, Съезд, Высший совет, Генеральный совет, Президиум Генерального совета и Центральный исполнительный комитет). Сложная структура руководящих органов партии «Единая Россия» обусловлена тем, что изначально она имела цель «охватить» и привлечь в «руководство» партии как можно большее число статусных людей, так как эта партия создавалась путем объединения движения «Единство», избирательных блоков «Отечество – Вся Россия» и «Наш дом – Россия». КППРФ (Съезд, Центральный Комитет, Президиум ЦК и Секретариат ЦК) и Справедливая Россия (Съезд, Центральный совет, Президиум Центрального совета и Председатель Партии) занимают промежуточное положение.

Важное отличие российских партий от американских – это наличие института председателя партии, который, как правило, осуществляет руководство деятельностью постоянно действующего руководящего органа и его исполнительного органа, а также обладает полномочиями представлять съезду предложения по кандидатурам для избрания членами постоянно дей-

ствующего руководящего органа партии. Необходимо отметить, что для лидеров российских партий характерна их несменяемость. Так, Г. Зюганов является председателем Центрального комитета партии с момента образования КППРФ (1993). То же самое характерно и для В.В. Жириновского. С.М. Миронов является председателем партии «Справедливая Россия» с 28 октября 2006 г. (с момента создания партии) по настоящее время с перерывом с 17 апреля 2011 г. по 26 октября 2013 г. Для сравнения: в США у демократов с 1993 г. сменилось 12 председателей Национального комитета, а республиканцев – 11.

Таким образом, для российских партий характерна персонифицированная модель управления, в рамках которой партийный лидер и общенациональные партийные органы обладают значительными полномочиями.

Российские партии можно отнести к «жестким» партиям, в которых уровень партийной дисциплины достаточно высок и есть требования неуклонного выполнения всеми членами политической партии положений программы и устава своей партии, решений партийных органов. Это можно объяснить тем, что в распоряжении партий имеется целый набор инструментов, который позволяет сделать так, чтобы парламентарий, который выступает «под знаменами» партии, поддерживал ее политику и проводил ее в национальном или в региональном парламенте. Например, депутат может быть исключен из фракции за невыполнение решений и поручений фракции. «Жесткие» партии предписывают депутатам подчиняться распоряжениям парламентской группы и руководящих органов партии. Так, например, член фракции обязан:

- выполнять решения фракции, распоряжения (поручения) руководителя фракции и его заместителей, принятые в пределах их компетенции;
- поддерживать выработанную фракцией позицию и голосовать в соответствии с решением фракции о консолидированном голосовании по вопросам, рассматриваемым представительным органом;
- воздерживаться от не соответствующих решениям фракции публичных заявлений от имени фракции, в том числе и в средствах массовой информации.

При невыполнении обязанностей депутат фракции может быть исключен из числа членов фракции в соответствии с решением собрания фракции [11].

В качестве примера можно привести исключение из свердловского областного отделения КППРФ депутата регионального парламента Вячеслава Вегнера за антипартийную деятельность, которая «выразилась в публичной поддержке кандидата в губернаторы Свердловской области, выдвинутого партией “Единая Россия”, в голосовании в поддержку проекта областного бюджета, вопреки позиции фракции» [12]. Депутат законодательного собрания Челябинской области Андрей Барышев был исключен из партии «Единая Россия», так как игнорировал «решения вышестоящих партийных органов» [13].

Американские партии отличаются слабой партийной дисциплиной, их можно отнести к «мягким». Механизмы воздействия фракции на ее членов имеют чисто политический характер (отказ в поддержке на

предстоящих выборах, в выдвижении в престижный постоянный комитет Палаты Представителей и т.п.). Другими словами, руководители партий в конгрессе (лидеры фракций большинства и меньшинства, партийные организаторы (whips)) не обладают достаточно эффективными властными полномочиями, с помощью которых они могли бы заставить членов своей партии голосовать вопреки их убеждениям или вопреки интересам и воле их избирателей.

Таким образом, российские политические партии можно охарактеризовать как централизованные, программные организации лидерского типа с «жесткой дисциплиной». Демократическая и Республиканская партии США представляют собой децентрализованные, инструментальные организации коалиционного типа со слабой партийной дисциплиной.

На формирование той или иной организационной структуры политической партии оказывает влияние несколько факторов, первым из которых является специфика политической культуры.

Современная российская политическая культура может быть определена как фрагментарная, т.е. отличающаяся наличием нескольких политических субкультур. Речь идет об авторитарно-элитарной и гражданской, но при доминировании патриархально-подданнической. Эксперты отмечают незрелость и слабость демократических традиций в России. В российской политической культуре присутствуют такие характеристики, которые диктуют определенную структуру и форму власти, своеобразие властных отношений, как персонализация, иерархичность, централизация власти и единовластие, которые предполагают передачу всей полноты власти в политическом институте в руки одного человека.

Американская политическая культура может быть охарактеризована как либерально-демократическая, партисипаторная, гражданская, плюралистическая. Она предполагает образ власти, в котором важным элементом является система разделения властей, накладывающая табу на саму возможность сосредоточения власти в руках одного человека. Этот основополагающий принцип положен в основу не только государственного устройства США в целом, но и внутренней организации других политических институтов, в том числе и партий.

Другим фактором, оказывающим влияние на особенности организационной структуры партий, является специфика федеративного устройства государств, а также разделение полномочий между федеральным центром и регионами.

Конституция США (ст. 1 разд. 8) устанавливает перечень полномочий, которые относятся к исключительной компетенции федерального центра.

- финансовые (установление и взимание налогов, пошлин, сборов на территории США, решения о займах, об уплате государственного долга, чеканка монеты);

- экономические (обеспечение благосостояния США, регулирование вопросов банкротства, торговли с иностранными государствами и между штатами, установление единицы мер и весов, регулирование почтовых служб, содействие развитию науки и ремесел и др.);

- военные (обеспечение обороны США, объявление войны, набор армии и флота и установление правил управления ими);

- правоохранительные (создание милиции для исполнения федеральных законов, отражения вторжений и подавления мятежей).

В Конституции полномочия федерального центра перечислены исчерпывающим образом. Другими словами, все остальные полномочия относятся к компетенции штатов. Они имеют право принимать свои конституции и законы, в том числе уголовные; устанавливать порядок формирования и структуру органов региональной власти. Присутствует у штатов достаточно широкий круг полномочий в сфере внутренней политики: избирательное законодательство, проведение выборов (в том числе Президента и Конгресса США), определение порядка организации праймериз.

Таким образом, децентрализованный характер американской федерации заставляет политические партии, в отличие от России, ориентироваться в первую очередь на региональные органы власти и только во вторую – на Национальный комитет.

Конституция России устанавливает, что вопросы регулирования и защиты прав человека и гражданина (в том числе и избирательных прав) отнесены к ведению федерального центра. Главным нормативно-правовым актом, который регулирует вопросы организации и проведения выборов на территории страны, является Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Данный документ является рамочным, т.е. он устанавливает самые общие нормы и стандарты избирательного процесса. «Специальные» законы о выборах, например, Президента РФ, депутатов Госдумы, уже детализируют избирательные нормы вышеуказанного закона.

К исключительному ведению федерального центра относится также установление системы федеральных органов государственной власти, порядка их организации, деятельности и формирования, а к совместному ведению относится установление общих принципов организации региональных органов государственной власти и местного самоуправления.

Третьим фактором, влияющим на специфику организационной структуры партий, выступает характер выдвижения кандидатов.

Последствием использования в США праймериз для выдвижения кандидатов является ослабление партийных организаций, которые лишаются возможности контролировать отбор кандидатов.

До введения института первичных выборов выдвижение кандидатов осуществлялось на конвентах (съездах), которые были, как правило, инструментом в руках партийной элиты для продвижения удобных, лояльных им кандидатов. Другими словами, изначально претенденты от главных партий определялись партийными боссами в результате кулуарных переговоров, на процесс выдвижения кандидатов реальное влияние имела партийная элита, а не рядовые члены партий.

В начале XX в. порядок выдвижения кандидатов в США был заменен новой системой – праймериз.

В настоящее время все кандидаты на публичные должности определяются по итогам праймериз и кокусов. Съезды партии проводят с целью предоставления возможности популяризировать позицию своего номинанта и четко обозначить ее отличия от позиции оппонента.

На данный момент в США единого порядка проведения праймериз нет, так как каждый субъект федерации устанавливает свои собственные правила. Организаторами праймериз выступают региональные власти, а не политические партии. Отсюда такое разнообразие праймериз (открытые, закрытые, общие и т.д.). В некоторых штатах проводятся не праймериз, а кокусы. Первичные выборы позволили повысить роль низовых парторганизаций в процессе выдвижения кандидатов, и, соответственно, ограничить своеволие партийной элиты. При этой системе возрастает вероятность быть номинированным в качестве официального партийного кандидата для лиц без связей и аффилированности с внутрипартийными группами [14, 15].

В России порядок выдвижения кандидатов устанавливается уставом политической партии и осуществляется на съезде. Очередность кандидатов в списке кандидатов определяется самой партией. Составление списка кандидатов сопровождается аппаратной борьбой. Значительное влияние оказывают политические и финансовые связи кандидатов, их вес не столько среди электората, сколько среди внутрипартийной элиты.

Из рассматриваемых нами политических партий только «Единая Россия» проводит праймериз, результаты которых носят рекомендательный для партийных органов характер и которые не являются процедурой официального выдвижения кандидатов [16]. Иными словами, предварительное голосование напоминает консультативную процедуру, итоги которой могут «Единой Россией» игнорироваться, победитель праймериз не может быть уверенным на 100 %, что займет в предвыборном списке первое место (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение итогов предварительного голосования и выдвижения кандидатов от партии «Единая Россия» по Свердловской области [17, С. 268].

Критерии	Победители праймериз	Официальное выдвижение
Партийный список	Крашенинников Павел Чепиков Сергей Михалкова Юлия	Крашенинников Павел Ветлужских Леонид Петров Александр
Свердловский одномандатный округ № 168	Альшевских Андрей	Альшевских Андрей
Каменск-Уральский одномандатный округ № 169	Ковпак Лев	Ковпак Лев
Березовский одномандатный округ № 170	Чепиков Сергей	Чепиков Сергей
Нижнетагильский одномандатный округ № 171	Багаряков Алексей	Балыбердин Алексей
Асбестовский одномандатный округ № 172	Иванов Максим	Иванов Максим
Первоуральский одномандатный округ № 173	Муцоев Зелимхан	Муцоев Зелимхан
Серовский одномандатный округ № 174	Бидонько Сергей	Бидонько Сергей

Избирательная система, применяемая на выборах, также оказывает влияние на организационную структуру партий.

В США на выборах в палату представителей и сенат применяется мажоритарная система относительного большинства. Известно, что при этой системе выдвигаются и конкурируют между собой отдельные кандидаты. Роль политических партий, по большому счету, сводится к номинированию кандидатов. Мандат, выданный избирателями конкретному кандидату, делает его более независимым от партийной элиты. Другими словами, источником власти становятся избиратели, а не партийные структуры.

В России выборы депутатов Госдумы 2007 и 2011 гг. проходили по пропорциональной системе, в остальные годы – по смешанной системе, когда половина депутатов Госдумы (225 человек) избирается по одномандатным округам, а вторая половина – по единому избирательному округу. Необходимо отметить, что в рамках пропорциональной системы в России используются так называемые закрытые партийные списки, когда избиратели голосуют не за отдельных кандидатов из партийного списка, а за партийный список целиком. Такие списки дают большую власть партийным лидерам и органам, которые и определяют очередность кандидатов в списке кандидатов, увеличивают влияние партийной элиты при формировании этих списков. Кроме того, партии самостоятельно распоряжаются вакантными мандатами в случае досрочного прекра-

щения полномочий парламентария. Другими словами, вакантный депутатский мандат распределяется без учета очередности расположения зарегистрированных кандидатов в списке кандидатов, и замещение свободного места – это прерогатива партии и фракции.

На организационную структуру политических партий оказывает влияние национальная система организации выборов.

В Соединенных Штатах нет единой государственной структуры, которая несет ответственность за проведение и организацию выборов. Единственные два ведомства, которые имеют отношение к выборам, – Федеральная избирательная комиссия и Комиссия по обеспечению выборов – отвечают только за узкопрофессиональные сферы. Первая контролирует использование денежных средств на избирательные кампании, а вторая следит за внедрением новых избирательных технологий, а также за комплектованием персонала для работы на избирательных участках. Организацией выборов, в том числе федеральных, занимаются региональные органы власти. В Основном законе США записано, что «сроки, место и порядок проведения выборов... устанавливаются законодательством каждого штата» [18]. В каждом штате существует секретарь штата, который отвечает за правильность регистрации и выдвижения кандидатов и партийных списков, подводит итоги праймериз и выборов в границах штата. Другими словами, в США не проводятся федеральные выборы, не существует какого-либо единого унифици-

рованного федерального закона, определяющего порядок проведения выборов на территории всего государства. Зато имеется 50 различных законов, которые устанавливают порядок организации выборов в каждом штате.

Таким образом, можно сказать, что в США делают ставку на децентрализованный административный аппарат при проведении всех видов выборов. Это обусловлено убеждением в том, что децентрализация избирательной системы не позволит допустить злоупотребления находящегося у власти президента с целью повлиять на избирательный процесс в степени, достаточной для определения результатов выборов [19].

В России организацией и проведением выборов занимаются избирательные комиссии, а также органы

исполнительной власти, которые обеспечивают им материально-техническую и организационную поддержку. Подготовкой и проведением федеральных выборов занимается Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. За организацию выборов на региональном уровне отвечают избирательные комиссии субъектов РФ.

Таким образом, организационная структура российских и американских политических партий противоположна и зависит от целого ряда факторов. Сюда можно отнести национальные традиции, специфику самих партий, избирательную систему, особенности федеративного устройства государств, систему организации выборов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коргунюк Ю.Г. Эволюция организационных форм политических партий и современная представительная демократия // Полития. 2004. № 1. С. 25–69.
2. Коргунюк Ю.Г., Мелешкина Е.Ю. Организационное устройство «Единой России» и партии коммунистов Молдовы. Взгляд изнутри // Политэкс. 2010. № 1. С. 95–127.
3. Коргунюк Ю.Г. Уничтожение субъектности («Единая Россия» как партийная организация: становление и инволюция) // Полития. 2009. № 1. С. 123–151.
4. House Democrats. URL: <http://www.dems.gov/coalitions-caucuses-tasks-forces/> (accessed: 01.08.2018).
5. Delaware Democratic Party. URL: <http://www.deldems.org/about/clubs> (accessed: 01.08.2018).
6. Американские политические партии и избирательная система. URL: <http://polit.ru/article/2004/10/28/usa/> (дата обращения: 01.08.2018).
7. Мухаметов Р.С. Место и роль «партии власти» в политическом дискурсе // Дискурс Пи. 2010. Вып. 10. С. 308–309.
8. Единая Россия. Дискуссионные платформы. URL: <http://er.ru/party/platforms/> (дата обращения: 01.08.2018).
9. Фракция «Единая Россия» в Государственной думе. URL: <http://www.duma-er.ru/party/content/> (дата обращения: 01.08.2018).
10. Болеяр Н. Новая партийная организация в Западной Европе: о партийных иерархиях, стратархиях и федерализме // Демократия и управление : информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии СП-РАПН. 2012. № 2. С. 47–48.
11. Положение о фракции Всероссийской политической партии «Единая Россия» в Армавирской городской Думе VI созыва. URL: <http://www.armduma.ru/index.php/deyatelnost/frakcii/edinaya-rossiya/604-polozhenie-o-deputatskoj-frakczii-qedinaya-rossiyaq> (дата обращения: 01.08.2018).
12. КППРФ несет потери: за что исключили свердловского депутата. URL: <https://news.sarbc.ru/main/2017/12/27/210484.html> (дата обращения: 01.08.2018).
13. Челябинский депутат исключен из «Единой России». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2347804> (дата обращения: 01.08.2018).
14. Есть ли смысл в праймериз: история и перспективы политического института. URL: <http://politrussia.com/control/est-li-smysl-940/> (дата обращения: 01.08.2018).
15. Авилов Я.Д. Институт праймериз как элемент партийной демократии: мировой опыт и перспективы. URL: http://xn--80acclih9bqek6cvcccd.xn--p1ai/news/novosti_vyborov/institut_praymeriz_kak_element_partiynoy_demokratii_mirovoy_opyt_i_perspektivy/ (дата обращения: 01.08.2018).
16. Положение о порядке проведения Общефедерального предварительного партийного голосования по определению кандидатур для последнего выдвижения кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва. URL: <http://er68.ru/?id=news.read.151109-JRG2CI> (дата обращения: 01.08.2018).
17. Мухаметов Р.С. Сравнительный анализ праймериз в США и РФ // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4. С. 265–270.
18. Конституция США. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=168> (дата обращения: 01.08.2018).
19. Выборы и организация избирательного процесса в Соединенных Штатах Америки. Президентские выборы 7 ноября 2000 года : материалы для брифинга. URL: <http://stage.democracy.ru/library/foreign/countries/usa/uspreselect2000/page11.html> (дата обращения: 01.08.2018).

Ruslan S. Mukhametov, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: muhametov.ru@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF POLITICAL PARTIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES

Keywords: political parties; centralized parties; decentralized parties; «hard» parties; personified parties; United Russia; the Republican Party of the United States; the US Democratic Party.

The article is devoted to revealing the distinctive features of the organizational structure of Russian political parties through comparison with American parties.

The classical direction of political studies is the study of political parties. Most of the work is devoted to the study of party programs and ideological strategies, the participation of Russian parties in elections and the legal aspects of the activities of political parties, as well as the typology of parties. However, there are few topics related to the organizational structure of the parties. The purpose of our research is to identify the distinctive features of the organizational structure of Russian political parties.

American political parties demonstrate a relatively low level of internal unity and do not adhere to a strict set of political goals. This is due to several reasons. Firstly, the American party leaders are limited in the sphere of power and are very sparingly given the opportunity to establish strict party discipline. Secondly, American parties are more concerned about the victory in elections and control over the personnel of the government and parliament, rather than ideological issues. For the Russian parties there is a fairly high level of internal unity and the adherence to a certain party line, they are distinguished by a higher degree of party solidarity.

Russian parties can be attributed to centralized organizations. They are built on the principle of hierarchy, i.e. at the very top, the national leader and central bodies direct the activities of regional and local offices. Parties in the US represent a stratarchy, organizations for

which the separation of functions and powers between levels of government is inherent, which prevents any of the bodies and levels of government from being absolutely dominant.

For American parties, the absence of a large party apparatus is typical, while for Russia there is a larger party apparatus and the presence of the institution of the chairman of the party, which has a great deal of power.

Several factors influence the formation of this or that organizational structure of a political party. This is the specificity of political culture (determines the specific nature of the power relations that underlie the organization of political institutions), the peculiarities of the federal structure of states, the nature of the nomination of candidates, the electoral system used in elections, and the national system for organizing elections.

REFERENCES

1. Korgunuk, Yu.G. (2004) Evolution of organized forms of political parties and modern representative democracy. *Politiya – Politeia*. 1. pp. 25–69. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2004-32-25-69
2. Korgunuk, Yu.G. & Meleshkina, E.Yu. (2010) Organizatsionnoe ustroystvo “Edinoy Rossii” i partii kommunistov Moldovy. Vzgl'yad iznutri [Organizational structure of “United Russia” and the Communist Party of Moldova. An insight]. *Politeks – Political expertise: POLITEX*. 1. pp. 95–127.
3. Korgunuk, Yu.G. (2009) Destruction of subjectness. “United Russia” as a party organization: formation and involution. *Politiya – Politeia*. 1. pp. 123–151. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2009-52-1-123-150
4. Dems.gov. (n.d.) *House Democrats*. [Online] Available from: <http://www.dems.gov/coalitions-caucuses-tasks-forces/> (Accessed: 1st August 2018).
5. USA. (n.d.) *Delaware Democratic Party*. [Online] Available from: <http://www.deldems.org/about/clubs> (Accessed: 1st August 2018).
6. Polit.ru. (n.d.) *Amerikanskie politicheskie partii i izbiratel'naya sistema* [American political parties and the electoral system]. [Online] Available from: <http://polit.ru/article/2004/10/28/usa/> (Accessed: 1st August 2018).
7. Mukhametov, R.S. (2010) Party of power's place and role in political discourse. *Diskurs Pi – Discourse-P*. 10. pp. 308–309. (In Russian).
8. United Russia. (n.d.) *Edinaya Rossiya. Diskussionnye platform* [United Russia. Discussion platforms]. [Online] Available from: <http://er.ru/party/platforms/> (Accessed: 1st August 2018).
9. Russia. (n.d.) *Fraktsiya “Edinaya Rossiya” v Gosudarstvennoy dume* [Faction “United Russia” in the State Duma]. [Online] Available from: <http://www.duma-er.ru/party/content/> (Accessed: 1st August 2018).
10. Boleyar, N. (2012) Novaya partiynaya organizatsiya v Zapadnoy Evrope: o partiynykh ierarhiyakh, stratarhiyakh i federalizme [New party organization in Western Europe: about party hierarchies, stratarhies and federalism]. *Demokratiya i upravlenie: informatsionnyy byulleten' issledovatel'skogo komiteta RAPN po sravnitel'noy politologii SP-RAPN*. 2. pp. 47–48.
11. The Armavir City Duma. (n.d.) *Polozhenie o fraktsii Vserossiyskoy politicheskoy partii “Edinaya Rossiya” v Armavirskoy gorodskoy Dume VI sozyva* [Regulations on the faction of the All-Russian political party “United Russia” in the Armavir City Duma of the VI convocation]. [Online] Available from: <http://www.armduma.ru/index.php/deyatelnost/frakcii/edinaya-rossiya/604-polozhenie-o-deputatskoj-frakczii-qedinaya-rossiyaq> (Accessed: 1st August 2018).
12. Sarbc.ru. (2017) *KPRF neset poteri: za chto isklyuchili sverdlovskogo deputata* [The Communist Party of the Russian Federation suffers losses: why the Sverdlovsk deputy was expelled]. [Online] Available from: <https://news.sarbc.ru/main/2017/12/27/210484.html> (Accessed: 1st August 2018).
13. Komarov, D. (2013) *Chelyabinskij deputat isklyuchen iz “Edinoy Rossii”* [The Chelyabinsk deputy was expelled from “United Russia”]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2347804> (Accessed: 1st August 2018).
14. Politrussia.com. (2015) *Est' li smysl v praymeriz: istoriya i perspektivy politicheskogo institute* [Is there any sense in primaries: history and prospects of a political institution]. [Online] Available from: <http://politrussia.com/control/est-li-smysl-940/> (Accessed: 1st August 2018).
15. Avilov, Ya.D. (n.d.) *Institut praymeriz kak element partiynoy demokratii: mirovoy opyt i perspektivy* [Institute of Primaries as an Element of Party Democracy: World Experience and Prospects]. [Online] Available from: http://xn--80acclih9bqek6cvccd.xn--p1ai/news/novosti_vyborov/institut_praymeriz_kak_element_partiynoy_demokratii_mirovoy_opyt_i_perspektivy/ (Accessed: 1st August 2018).
16. Russia. (n.d.) *Polozhenie o poryadke provedeniya Obshchederal'nogo predvaritel'nogo partiynogo golosovaniya po opredeleniyu kandidatur dlya posleduyushchego vydvizheniya kandidatami v deputaty Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii sed'mogo sozyva* [Regulations on the procedure for conducting the General Federal preliminary party voting to determine candidates for subsequent nomination as candidates for deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the seventh convocation]. [Online] Available from: <http://er68.ru/?id=news.read.151109-JRG2CI> (Accessed: 1st August 2018).
17. Mukhametov, R.S. (2016) Comparative Analysis of the Primaries in the US and Russia. *Diskurs Pi – Discourse-P*. 3-4. pp. 265–270. (In Russian).
18. The USA. (n.d.) *Konstitutsiya SShA* [The US Constitution]. [Online] Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=168> (Accessed: 1st August 2018).
19. Stage.democracy.ru. (2021) *Vybory i organizatsiya izbiratel'nogo protsessa v Soedinennykh Shtatakh Ameriki. Prezidentskie vybory 7 noyabrya 2000 goda: materialy dlya brifinga* [Elections and the organization of the electoral process in the United States of America. Presidential Election November 7, 2000: Briefing Materials]. [Online] Available from: <http://stage.democracy.ru/library/foreign/countries/usa/uspreselect2000/page11.html> (Accessed: 1st August 2018).

УДК 327

DOI: 10.17223/19988613/70/14

В.С. Пакулин

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ КНР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В РАМКАХ ПРОЕКТА «ПОЯС И ПУТЬ»

Рассматривается инвестиционная активность Китая в странах Европейского Средиземноморья в рамках проекта «Пояс и путь». На основе странового анализа активности Китая в рамках «Пути» выявляются ключевые китайские инвестиционные проекты с 2013 г., а также проблемы и перспективы их реализации. Отсутствие единой стратегии по реализации проекта «Пути» позволяет говорить о стремлении КНР придерживаться двусторонних форматов сотрудничества с рассматриваемыми государствами, что вызывает ответную негативную реакцию со стороны институтов ЕС.

Ключевые слова: Китай; Пояс и путь; отношения КНР–ЕС; инвестиции Китая; интеграционные проекты.

«Один пояс, один путь» (далее – ОПОП, Пояс и путь, Путь) – это масштабный геоэкономический проект, который является важнейшей частью современной внешней политики Китая. Ядро проекта составляет сеть торгово-транспортных коммуникаций по суше и морю, охватывающая страны Евразийского континента, а также Африку. Европейское направление является ключевым звеном данного проекта: большая часть транзитных маршрутов ОПОП, вне зависимости от протяженности и типа перевозок, ведет в страны Европы и Европейского союза [1]. Европейские страны Средиземноморья занимают особое место в китайском проекте по ряду причин, к которым можно отнести стратегическое географическое расположение, неудовлетворительную экономическую ситуацию, а также потребность в иностранных инвестициях.

Работы, посвященные реализации «Пояса и пути» в странах Европы, можно разделить на три группы. Во-первых, стоит выделить работы европейских авторов. Среди них нет единого мнения в отношении китайского проекта, что вызывает обширные дискуссии в европейском экспертном сообществе по поводу целей, специфики и проблем реализации «Пути». В целом европейские авторы относятся к китайской инициативе с долей скептицизма, отмечая, что заявленная Китаем стратегия взаимного выигрыша в действительности принесет пользу только Китаю. Данная точка зрения находит отражение в работах экспертов Французского института международных отношений Алисы Экмен [2] и Камиллы Бругье [3], которые высказывают мнение, что странам Европы не хватает политической воли, чтобы выступить с позиции равноправных партнеров с Китаем. Иную позицию занимают испанские эксперты Королевского института международных исследований Элькано Марио Эстебан и Мигель Отеро-Иглесиас [4]. В своей совместной статье они отмечают, что Европа не должна упускать возможности, предоставляемые китайским проектом, особенно в области развития инфраструктуры.

Ко второй группе можно отнести работы китайских исследователей. Они более благосклонны к «Поясу и пути» и его влиянию на динамику отношений со стра-

нами Европы. Среди основных центров по изучению сотрудничества ЕС и Китая в рамках «Пути» стоит выделить Пекинский университет и Шанхайскую академию общественных наук. Так, китайские эксперты Чжао Минхао [5] и Чжан Хунжоу [6] утверждают, что ОПОП является открытым и прозрачным проектом, который направлен на многостороннее и всеобъемлющее развитие. По мнению авторов, скептицизм стран Запада в первую очередь связан с их нежеланием отбросить логику «холодной войны» и концепцию игры с нулевой суммой. Однако стоит отметить, что большинство работ китайских экспертов обращено в сторону легитимации существующих интересов Китая, и в публикациях практически невозможно встретить точку зрения, выходящую за рамки официальной политики и риторики, что означает отсутствие какой-либо критики проекта КНР.

К третьей группе относятся работы российских экспертов. Большая часть работ на русском языке, посвященных китайскому проекту, направлена на изучение взаимодействия России, стран Центральной Азии и Китая. В свою очередь, Европейский союз в данных работах упоминается косвенно, выступая в роли конечного пункта назначения китайских товаров. Проект «Пути» рассматривается как один из компонентов в общей стратегии взаимодействия между ЕС и Китаем. Ключевым центром по изучению процессов сотрудничества РФ и Китая является Центр изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. Среди экспертов центра отдельно стоит выделить работы А.Г. Ларина, В.А. Матвеева и В.Е. Петровского, которые одними из первых отечественных исследователей начали изучение китайского проекта и его влияния на международные отношения на Евразийском континенте [7].

Интересы и фактическое участие в ОПОП не только сильно различаются между рассматриваемыми государствами, но также разнятся внутри каждой страны между различными административными единицами на основе их собственных логистических и деловых связей с Китаем. Можно сказать, что реализация «Пути» в большинстве государств региона больше схожа

с выборочными стратегическими инвестициями в ключевые сферы экономики, а не с четко определенной программой сотрудничества между Китаем, местными органами власти и бизнесом.

В условиях отсутствия единой китайской стратегии видится наиболее уместным провести страновой анализ активности КНР в рамках ОПОП в указанном регионе. Такой подход позволит выделить ключевые направления китайских инвестиций, определить степень вовлеченности отдельных стран, а также выявить основные проблемы реализации проекта. Для определения принадлежности того или иного проекта к «Пути» в данном исследовании используется методология, предложенная исследователями Mercator Institute for China Studies (Германия) [8]. Согласно ей, к «Пути» могут быть отнесены проекты, удовлетворяющие хотя бы одному из следующих критериев: проекты обозначены частью «Пути» на официальном уровне китайским руководством или одним из министерств; проекты, где китайские компании подписали соглашения и получили соответствующие разрешения на строительство от государственных ведомств страны, находящейся вдоль маршрутов «Пути»; проекты, опубликованные на официальном сайте проекта «Пути»; проекты, реализация которых прямо или косвенно способствует достижению стратегических целей, названных в программном документе 2015 г. «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века» [9].

Италия. В 2019 г. экономика страны достигла самых низких темпов экономического роста за последние 10 лет. Согласно данным Евростата об экономическом росте стран – членов ЕС, в 2019 г. Италия заняла последнее место с показателем в 0,1% [10]. В связи с недостаточным вниманием со стороны ЕС к проблемам страны Италия вынуждена искать альтернативные стимулы для развития собственной экономики. Таким стимулом может стать китайский проект. В 2019 г. объем торговли между странами составил 47,88 млрд долл., что сделало Италию четвертой в списке крупнейших торговых партнеров Китая в ЕС [11].

В 2015 г. внимание итальянских политических и деловых лидеров привлекло поглощение крупнейшего итальянского производителя шин Pirelli компанией China National Chemical. Сделка была совершена при участии Фонда Шелкового пути – инвестиционного фонда, учрежденного для финансирования проектов в рамках «Пояса и пути». Данный шаг был положительно воспринят правительством Италии. Так, министр труда и социального развития Джулиано Полетти отметил, что страна нуждается в иностранных инвестициях, которые бы подтолкнули развитие экономики [12].

В мае 2017 г. премьер-министр левоцентристского коалиционного правительства Италии Паоло Джентилони принял участие в первом форуме «Пояса и пути» в Пекине, став единственным лидером G-7, принявшим предложение КНР. Однако именно популистское коалиционное правительство Движения 5 звезд и Лиги Севера (находящееся у власти в период с июня 2018 г. по август 2019 г.) официально поддержало проект Китая.

В 2019 г. Италия стала первой страной «Семерки», подписавшей Меморандум о взаимопонимании по реализации китайского проекта, несмотря на нескрываемое недовольство Вашингтона, Брюсселя, Берлина и Парижа. Идеологический подход «Интересы Италии превыше всего» наряду с опасениями о невозможности финансировать огромный долг страны в будущем убедил итальянских популистов встать на сторону Китая независимо от того, нарушит ли это единство «Большой семерки» и ЕС.

Меморандум о взаимопонимании между Италией и Китаем включает 29 отдельных разделов, посвященных сотрудничеству в банковском секторе, строительстве и развитии портов, экспорту сельскохозяйственной продукции, средствам массовой информации, науке и технике и даже возвращению культурных артефактов Китая, которые хранятся в Италии [13]. Среди других подписанных соглашений примечательны две сделки по развитию портовой инфраструктуры между China Communications Construction и Триестом, а также крупнейшим портом Италии – Генуей. По данным информационного агентства Reuters, их стоимость составила около 2,5 млрд евро [14]. Триест стратегически важен для Китая, так как он обеспечивает связь между Средиземноморьем и странами, не имеющими выхода к морю, такими как Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия и Сербия.

Хотя сторонами не было дано никаких подробностей относительно того, как будет осуществляться развитие инфраструктуры и управление портами, некоторые европейские страны открыто критиковали китайскую инвестиционную активность в регионе, выражая опасения, что порты могут быть использованы для развертывания военно-морских сил. Китайские военные корабли уже входили в порт Пирей, крупнейший морской порт Греции, контрольный пакет акций которого принадлежит китайской компании Cosco Shipping. Президент Франции Эммануэль Макрон заявил, что ЕС совершил стратегическую ошибку, позволив китайским компаниям приобретать долю в европейских портах [15].

Еще одним крупным проектом является «Альянс пяти портов» – проект контейнерных терминалов, разработанный Ассоциацией портов Северной Адриатики с участием портов в Италии (Венеция, Триест и Равенна), Словении (Копер) и Хорватии (Риека). Проект направлен на создание системы стыковки и разгрузки путем строительства гигантской морской платформы в городе-порте Маламокко недалеко от Венеции, которая бы позволила огромным китайским грузовым судам, проходящим через Суэцкий канал, разгружать товары и отправлять их по железной дороге через Германию и Швейцарию на рынки Центральной и Северной Европы. Данный проект вызвал большой интерес со стороны Италии и Китая и финансируется правительством Италии и средствами Пути со стороны правительства Китая и китайских государственных предприятий.

Из-за давления со стороны США и ЕС Италия вычеркнула ряд соглашений из первоначального проекта меморандума. Были исключены соглашения об обмене

данными, развитии телекоммуникационных сетей 5G и стратегической инфраструктуры. Ранее США неоднократно критиковали действия Китая по продвижению 5G в странах Европы. Так, в феврале 2019 г. госсекретарь Майк Помпео заявил, что «если какое-либо государство использует продукцию Huawei в стратегических сферах, то США не смогут обмениваться информацией и сотрудничать с такой страной» [16].

В те же дни, когда Си Цзиньпин находился с визитом в Риме с целью подписания Меморандума о взаимопонимании, Европейский совет 21–22 марта 2019 г. одобрил план Европейской комиссии, в котором содержалась критика экономической активности Китая в Европе [17]. ЕС обвинил Китай в том, что он ограничивает доступ европейских компаний на китайский рынок, субсидируя местных конкурентов и не защищая права интеллектуальной собственности.

Ранее, 5 марта 2019 г., в Совете ЕС состоялось голосование по проекту текста о запуске механизма скрининга китайских инвестиций в Европе. Его одобрили 26 из 28 членов ЕС, включая Венгрию и Грецию, которые традиционно считались сторонниками политики Пекина. Двумя воздержавшимися странами стали Великобритания и Италия [18]. Это можно расценивать как дружественное послание, которое популистская коалиция в Риме направила в Пекин, полностью изменив позицию предыдущего левоцентристского правительства Джентилони, которое присоединилось к Германии и Франции в феврале 2017 г., поддержав механизм скрининга инвестиций. Однако то же самое итальянское правительство, которое подписало Меморандум о взаимопонимании и воздержалось от голосования в Совете ЕС, в конечном итоге поддержало резолюцию Совета 22 марта 2019 г., в которой выражен более жесткий подход к Китаю. Это можно расценивать как признак того, что политика Италии в отношении Китая в последнее время была относительно непоследовательной.

Франция. В отличие от Италии, Франция получила гораздо меньше внимания со стороны правительства Китая. Объем торговли за 2019 г. составил 56,83 млрд долл. [11], а китайские инвестиционные проекты в рамках «Пути» практически незаметны. Во Франции стратегия Китая состоит в основном из обсуждения потенциальных экономических возможностей на ежегодном Парижском форуме по Новому Шелковому пути, который начал функционировать в ноябре 2017 г. В нем принимают участие представители крупнейших французских и китайских компаний, дипломатические представители обеих стран, а также члены правительств. По результатам последнего форума в 2018 г. был согласован ряд проектов для совместных инвестиций [19], однако дата начала их реализации остается неясной. Правительству Франции не хватает четкой позиции по данному вопросу, что на практике приводит к амбивалентной политике французского правительства.

С одной стороны, Париж стремится более активно сотрудничать с Пекином в решении проблем, связанных с изменением климата, а также развитием экологичного производства. Чтобы подчеркнуть свою го-

товность сотрудничать с Китаем, президент Макрон пообещал посещать Китай один раз в год. Последний его визит состоялся в ноябре 2019 г. Макрон также стремится улучшить координацию общей европейской политики в отношении Китая, о чем свидетельствует его приглашение канцлера Германии Меркель и президента Европейской комиссии Юнкера встретиться с председателем Си во время его визита во Францию в марте 2019 г. [20]. В телефонном разговоре, состоявшемся 22 января 2020 г. между Си Цзиньпином и Макроном, стороны отметили, что стремятся как можно быстрее заключить инвестиционное соглашение на высоком уровне [21].

С другой стороны, Президент Макрон не раз упоминал, что во Франции обеспокоены растущей китайской «гегемонией» в международной системе [22]. Такая позиция Франции в первую очередь связана с активной политикой Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Недовольство вызывает и внутренняя политика Китая: консолидация политической власти под руководством Си Цзиньпина, отмена ограничений срока пребывания лидера страны у власти, усиление роли Коммунистической партии Китая (КПК) в политике, экономике и обществе в целом, а также нарушение прав человека. На экономическом уровне сохраняется разочарование по поводу центральной роли, которую государство и государственные предприятия продолжают играть в экономике Китая.

Как подчеркнуто выше, в настоящее время Париж перешел к подходу, который подразумевает объединение усилий с ЕС и европейскими государствами-членами для оказания давления на Пекин. В экономической сфере это приводит к более жесткой позиции по таким ключевым вопросам, как доступ к рынкам, равные условия конкуренции, а также правовое регулирование. Более настороженной стала политика в отношении китайских инвестиций во Франции и Европе, особенно в стратегических и высокотехнологических секторах. На сегодняшний день Франция отказалась подписать Меморандум о взаимопонимании в отношении «Пояса и пути», предпочитая вместо этого взаимодействовать с Китаем по конкретным проектам, стремясь заставить китайских партнеров придерживаться более высоких стандартов в таких областях, как кредитование, инвестиции, экология и охрана труда.

В отличие от правительства, многие французские регионы и муниципалитеты в последние годы предприняли активные действия для привлечения китайских инвесторов. Власти Лиона, играющего роль исторического, коммерческого и политического центра в Европе, ищут возможности для привлечения китайских инвестиций и доступа к китайскому рынку. В результате переговоров в апреле 2016 г. железнодорожный маршрут Чунцин–Дуйсбург был продлен до Лиона. Нормандия также пытается заинтересовать китайских инвесторов своим глубоководным портом Гавр и связями с внутренними портами Руана и Парижа. На 2019 г. 102 пары китайских и французских городов и регионов установили побратимские отношения. Для инвестиций открыты такие сферы, как транспорт, телекоммуникации, туризм и фармацевтика. В связи

с предложением Китая создать Союз городов-побратимов в рамках Пути Франция может значительно расширить свое участие в проекте. Активно развиваются культурные и образовательные обмены: в 2018 г. во Франции находились около 40 тыс. китайских студентов, более 100 тыс. французских школьников и студентов изучали китайский язык, а количество туристов из КНР, посетивших Францию, достигло исторического рекордного уровня [23].

Однако до настоящего времени названные проекты реализуются за рамками ОПОП. Единственным символическим шагом стало соглашение о партнерстве по Шелковому пути, подписанное в июне 2015 г. между французской судоходной компанией CMA CGM и China Merchants Holdings International. CMA CGM получила кредитную линию в размере 1 млрд долл. от экспортно-импортного банка Китая для покупки китайских контейнеровозов [24]. В 2019 г. ассоциированное с Францией государство Монако стало первой зарубежной испытательной зоной для развертывания сетей 5G китайским телекоммуникационным гигантом Huawei [25]. В феврале 2020 г. Huawei объявил о создании во Франции завода по производству беспроводного оборудования для сетей 4G и 5G, ориентированного на европейские рынки [26].

Вопрос о цифровой экономике и технологии 5G показывает, как Франция пытается балансировать между защитой своих интересов и невтягиванием в геополитическую конкуренцию. Как и Италия, Франция находится под дипломатическим давлением со стороны США, которые стремятся ограничить присутствие Китая в высокотехнологичных секторах.

Португалия. Благодаря своему стратегическому положению Португалия занимает важное место в стратегии Китая по реализации Морского Шелкового пути. Несмотря на то, что объем торговли между странами довольно небольшой (3,8 млрд долл. в 2019 г.) [11], Китай непрерывно наращивает число инвестиционных проектов.

В рамках политики «Выхода за пределы страны» Китай начал активно проникать на рынок Португалии. В 2011 г. китайская государственная корпорация Three Gorges (CTG) выкупила за 2,7 млрд евро 21%-ный пакет акций крупнейшей энергетической компании страны Energias de Portugal (EdP). В июне 2014 г. глава EdP Жоао Маркес Крус заявил, что благодаря этой сделке его компания заинтересована в сотрудничестве с CTG на бразильском или африканском рынке. Три месяца спустя государственная электросеть Китая инвестировала 1,4 млрд евро в приобретение 25%-ной доли в Redes Energéticas Nacionais (REN), национальном операторе электросетей, а Huawei инвестировал 10 млн евро в технологический центр в Португалии. Что касается частного сектора, то базирующийся в Шанхае частный конгломерат Fosun International потратил 1 млрд евро в 2014 г. на приобретение 80% Caixa Seguros Saúde, крупнейшей страховой фирмы Португалии, а также приобрел больничный бизнес Espírito Santo Financial Group за 460,5 млн евро. В 2016 г. китайская делегация из портового города Нинбо-Чжоушаня, который занимает пятое место в мире по загруженности, посе-

тила порт Синиш в поисках инвестиционных возможностей [27].

В 2018 г. лидер КНР убедил страну присоединиться к ОПОП. Особенностью китайской стратегии в Португалии является то, что некоторые проекты реализовывались до оглашения «Пути» и лишь потом были в него включены. Соглашения, подписанные в Лиссабоне, включают в себя соглашение о строительстве нового контейнерного терминала в глубоководном порту Синиш на юге Португалии [28]. По словам министра военно-морского флота Паулы Виторино, порт Синиш «может ознаменовать начало новой эры в двусторонних отношениях между Китаем и Португалией» [29]. Посол Португалии в Китае со своей стороны отметил возможность соединения Синиша с железной дорогой Иу-Мадрид, что «откроет новые перспективы для Португалии, Китая и ЕС» [30]. Также прозвучали слова об аналогичных сделках в порту Прая-да-Витория, который расположен на стратегических Азорских островах, рядом с военной авиабазой Лажиш, где находятся военные самолеты США и Португалии. Помимо этого, китайская компания Huawei усиливает свое присутствие на португальском телекоммуникационном рынке. Его партнерство с Altice (основным оператором связи) является частью Меморандума о взаимопонимании, подписанного во время визита Си Цзиньпина в декабре 2018 г.

Кроме того, Китай поддержал кандидатуру Антониу Гутерриша в качестве Генерального секретаря ООН и Антониу Виторино в качестве главы Международной организации по миграции, что можно расценивать как жест доброй воли со стороны Пекина.

Испания. Китай является третьим крупнейшим импортером Испании (26,95 млрд долл. в 2019 г.), однако экспорт относительно невелик – 7,28 млрд долл. [11]. На официальном уровне правительство Испании дало понять, что оно пока не рассматривает возможности участия в китайской инициативе. Отказ Испании объясняют тем, что она будет стремиться развивать свою взаимосвязанность с Китаем в рамках программ Европейского союза. В сентябре 2015 г. Европейская комиссия и правительство Китая подписали соглашение о создании платформы по взаимодействию между ЕС и КНР с целью усиления сотрудничества в таких областях, как инфраструктура, трудоустройство, технологии и стандарты управления, а также поиск возможностей по сопряжению инициативы ОПОП и такого проекта, как Трансевропейская транспортная сеть (TEN-T). Сотрудничество по линии ОПОП в основном осуществляется на региональном уровне в сфере морской инфраструктуры: в 2017 г. Китайская компания COSCO Shipping приобрела 51%-ную долю в крупном испанском морском терминале Noatum Ports, расположенном в Валенсии. Данный порт является одним из самых оживленных морских портов в Европе, на его долю приходится значительная часть ВВП страны. Генеральный директор Noatum Ports Сунь Кай заявил, что стратегическое географическое положение порта, его производственные мощности и современные операционные системы делают его ключевым звеном при осуществлении перевозок из Азии в Европу [31].

В том же году был подписан меморандум о взаимопонимании между Instituto de Credito Oficial и Банком Китая, и еще один – между портом Альхесирас в Испании и китайской Ningbo Zhoushan Port Group. COSCO Shipping также управляет портом Бильбао, входным пунктом в Европу для судов, следующих через Северную Атлантику.

Ко всему прочему Мадрид является конечным пунктом самой длинной железной дороги в мире (13 тыс. км), берущей свое начало в китайском городе Иу. Данный маршрут был введен в эксплуатацию в 2014 г. и считается частью «Пояса и пути».

Греция. Несмотря на то, что в 2018 г. Греция и Китай подписали Меморандум взаимопонимания по проекту «Пояса и пути», основное направление китайского экономического присутствия в Греции в рамках проекта до настоящего времени ограничено инвестициями китайской компанией COSCO в порт Пирей, который является стратегически важным хабом для доступа на европейские рынки. Планы COSCO по расширению в портовой зоне вызвали некоторую обеспокоенность у местных акционеров, но это не остановило греческие власти от подписания договора стоимостью 600 млн евро.

После сделки COSCO Logistics дочерняя компания COSCO разработала и осуществила операцию по транспортировке компонентов фирмы HP с заводов Foxconn в Чунцине, Центральный Китай, по суше в провинцию Гуандун. Оттуда морем они были доставлены в Пирей, а затем на поезде в сборочные заводы в Чешской Республике, которые также принадлежат Foxconn. Впоследствии готовая продукция HP продается по всей Европе. Другая дочерняя компания COSCO – Shipping ports – выступила важным звеном в транспортировке сборочных компонентов, так как именно она была ответственна за сквозное складирование и дальнейшую отправку продукции из греческого порта [32].

В дальнейшем правительство Ципраса не раз вызывало недовольство у своих западных партнеров, поддерживая политику Китая. Так, в июле 2016 г. Греция поддержала Пекин в связи со спором по Южно-Китайскому морю после решения Постоянного арбитражного суда в Гааге [33]. В июне 2017 г. Греция заблокировала резолюцию ЕС о правах человека в Китае, что вызвало негативную реакцию во многих западных столицах [34]. В апреле 2019 г. Греция присоединилась к формату 16 + 1 (сейчас 17 + 1) для сотрудничества между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы. Несмотря на явную готовность правительства

Греции расширять экономическое сотрудничество с Китаем, объем торговли между странами продолжает оставаться сравнительно небольшим – 5,22 млрд долл. в 2019 г. [11].

Выводы. Анализ активности Китая в странах Европейского Средиземноморья позволяет сделать следующие выводы:

1. С начала реализации проекта «Пути» Китай непрерывно наращивает сотрудничество с государствами Европейского Средиземноморья. Наибольшая активность Китая в регионе наблюдается в Италии, Франции, Португалии, Испании и Греции – странах, через порты которых Китай поставляет товары по всей Европе. Другие два государства данного региона – Кипр и Мальта – на сегодняшний день не приняли какого-либо участия в проекте.

2. В условиях недостаточного финансирования со стороны институтов ЕС основной мотивацией участия в проекте «Пути» для стран Европейского Средиземноморья является готовность Китая инвестировать в их экономику. С одной стороны, это позволит укрепить торговые и инвестиционные связи с Китаем, а также добиться устойчивого экономического роста. С другой стороны, существует вероятность попадания в экономическую зависимость от Пекина, что создаст риски для национальной безопасности.

3. Ключевыми направлениями инвестиций Китая в рассматриваемых странах продолжают оставаться транспорт и коммуникации. Крупнейшие соглашения в рамках Пути направлены на развитие портовой и железнодорожной инфраструктуры. Однако на сегодняшний день сложно дать оценку эффективности тех или иных проектов и их влияния на экономические показатели двух стран, так как большинство проектов находится в стадии планирования или реализации.

Отсутствие единого подхода Китая по реализации «Пояса и пути» вызывает недовольство со стороны институтов Европейского союза, которые с 2017 г. стремятся ограничить экономическое присутствие Пекина в странах Европейского Средиземноморья, а также заставить китайские компании действовать в соответствии с европейскими стандартами и нормами. Ключевым инструментом стал механизм скрининга китайских инвестиций, запущенный в марте 2019 г. Европейский союз также настороженно подходит к развитию технологии 5G китайскими компаниями в Европе, опасаясь, что Китай может использовать высокотехнологичный сектор для шпионажа и кражи персональных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mapping the Belt and Road initiative: this is where we stand // Merics.org. 2018. URL: <https://www.merics.org/en/bri-tracker/mapping-the-belt-and-road-initiative> (accessed: 25.05.2020).
2. Ekman A. China in Asia: What is behind the new silk roads? Paris ; Brussels : French Institute of International Relations, 2015. 30 p.
3. Brugier C. China's way: the new Silk Road // European Union Institute for Security Studies. Brief Issue. 2014. № 4. P. 1–4.
4. Esteban M., Otero-Iglesias M. What are the prospects for the new Chinese-led Silk Road and Asian Infrastructure Investment Bank? // Analyses of the Elcano Royal Institute (ARI). 2015. №3. P. 1–10.
5. Minghao Zhao. China's New Silk Road Initiative // IAI Working Papers. 2015. № 15. P. 1–12.
6. Hongzhou Zhang. Building the Silk Road Economic Belt: Problems and Priorities in Central Asia // RSIS Policy Report. Singapore, 2015. P. 3–6.
7. Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского, А.Г. Ларина, Е.И. Сафроновой. М. : ДеЛи плюс, 2016. 234 с.
8. Eder T.S., Mardell J. Powering the Belt and Road // Merics.org. 2019. URL: <https://www.merics.org/en/bri-tracker/networking-the-belt-and-road> (accessed: 25.05.2020).

9. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Fmprc.gov. 2015. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 31.05.2019).
10. GDP and employment indicators // Ec.europa. 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/10294864/2-15052020-AP-EN.pdf/5a7ea909-e708-f3d3-8375-e2510298e1b8> (accessed: 25.05.2020).
11. EU27 (from 2020) trade // Eurostat. 2020. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ext_st_eu27_2020sitc&lang=en (accessed: 25.05.2020).
12. China's Pirelli deal sparks bitterness in Italy // The Local. URL: <https://www.thelocal.it/20150324/chinas-pirelli-deal-sparks-bitterness-in-italy> (accessed: 25.05.2020).
13. Memorandum of understanding between the government of the Italian Republic and the government of the People's Republic of China on cooperation within the framework of the Silk road economic belt and the 21st century maritime Silk road initiative // Governo.it. 2019. URL: http://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_EN.pdf (accessed: 25.05.2020).
14. Italy signs deals with China worth 2.5 billion euros, more to come: Di Maio // The Local. 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-italy-china-dimaio/italy-signs-deals-with-china-worth-2-5-billion-euros-more-to-come-di-maio-idUSKCN1R40I0> (accessed: 25.05.2020).
15. Ambassadors' conference – Speech by M. Emmanuel Macron, President of the Republic // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 2019. URL: <https://lv.ambafrance.org/Ambassadors-conference-Speech-by-M-Emmanuel-Macron-President-of-the-Republic> (accessed: 25.05.2020).
16. League attempts to reverse agreement with Huawei // Italian insider. 2019. URL: <http://www.italianinsider.it/?q=node/7760> (accessed: 25.05.2020).
17. Joint communication to the European parliament, the European council and the Council: EU-China – a strategic outlook // Ec.europa.eu. 2019. URL: <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 25.05.2020).
18. Regulation of the European parliament and of the Council establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union // consilium.europa.eu. 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/general-secretariat/corporate-policies/transparency/open-data/voting-results/> (accessed: 25.05.2020).
19. Joint Declaration between the People's Republic of China and the French Republic // Yidaiyilu.gov.cn. 2018. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/sbjw/43581.htm> (accessed: 25.05.2020).
20. Эксперт: визит главы КНР в ЕС показал, что у Запада нет единства в отношениях с Пекином // ТАСС. 2019. URL: <https://tass.ru/politika/6275378> (дата обращения: 25.05.2020).
21. Си Цзиньпин провел телефонный разговор с президентом Франции Эммануэлем Макроном [Электронный ресурс] // СИНЬХУА новости. 2020. URL: http://russian.news.cn/2020-01/22/c_138727150.htm (дата обращения: 25.05.2020).
22. French President Emmanuel Macron vows to stand against Chinese 'hegemony' in Asia-Pacific during trip to Australia // South China morning post. 2020. URL: <https://www.scmp.com/news/asia/diplomacy/article/2144344/french-president-emmanuel-macron-vows-stand-against-chinese> (accessed: 25.05.2020).
23. Си Цзиньпин опубликовал авторскую статью во французских СМИ // СИНЬХУА новости. 2019. URL: http://russian.news.cn/2019-03/23/c_137918291.htm (дата обращения: 25.05.2020).
24. CMA CGM to sign \$1 billion financing agreement with China Ex-Im Bank // Jc.com. 2015. URL: https://www.jc.com/maritime-news/container-lines/cma-cgm/cma-cgm-sign-1-billion-financing-agreement-china-ex-im-bank_20150630.html (accessed: 25.05.2020).
25. Сеть 5G появится в Монако летом 2019 г. // ИА Regnum. 2019. URL: <https://regnum.ru/news/2638659.html> (дата обращения: 25.05.2020).
26. Китайская компания Huawei объявила о создании завода по производству продуктов беспроводной связи во Франции // СИНЬХУА новости. 2020. URL: http://russian.news.cn/2020-02/28/c_138827520.htm (дата обращения: 25.05.2020).
27. Rethinking the Silk road: China's Belt and Road initiative and Emerging Eurasian relations / ed. by M. Mayer. Tongji : Tongji University, 2018. 169 p.
28. Portugal: the latest to be seduced by China's Belt and Road // European-views. 2019. URL: <https://www.european-views.com/2018/12/portugal-the-latest-to-be-seduced-by-chinas-belt-and-road/> (accessed: 25.05.2020).
29. Ana Paula Vitorino defende Porto de Sines como peça-chave na relação Portugal-China // Agriculturaemar. 2019. URL: <https://agriculturaemar.com/ana-paula-vitorino-defende-porto-de-sines-como-peca-chave-na-relacao-portugal-china/> (accessed: 25.05.2020).
30. Portugal quer o porto de sines no projeto Chinês “uma faixa, uma rota” – Embaixador de Portugal na China // Portugal-China chamber of commerce and industry. 2018. URL: <http://ccilc.pt/imprensa/portugal-quer-o-porto-de-sines-no-projeto-chines-uma-faixa-uma-rota-embaixador-de-portugal-na-china/> (accessed: 25.05.2020).
31. Noatum Ports to boost China-Spain maritime cooperation // CGNT. 2018. URL: https://news.cgnt.com/news/3d3d414f34516a4e79457a6333566d54/share_p.html (accessed: 25.05.2020).
32. Europe and China's New Silk Roads / Edited by Frans-Paul van der Putten // European Think-tank Network on China (ETNC). 2016. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/etnc_2016-europe_and_chinas_new_silk_roads.pdf (accessed: 25.05.2020).
33. EU's statement on South China Sea reflects divisions // Reuters. 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-ruling-eu/eus-statement-on-south-china-sea-reflects-divisions-idUSKCN0ZV1TS> (accessed: 25.05.2020).
34. Greece blocks EU statement on China human rights at U.N. // Reuters. 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-eu-un-rights/greece-blocks-eu-statement-on-china-human-rights-at-u-n-idUSKBN1990FP> (accessed: 25.05.2020).

Vitaly S. Pakulin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pakulin.vitalii@gmail.com

CHINA'S INVESTMENT PROJECTS IN THE EUROPEAN MEDITERRANEAN COUNTRIES WITHIN THE FRAMEWORK OF “BELT AND ROAD”

Keywords: China; Belt and Road; EU-China relations; China's investments; integration projects.

The objective of the research is to identify the key areas of Chinese investment activity in the EU countries of the Mediterranean Region within the framework of the “Belt and Road” initiative (BRI) since 2013. The author used legislative documents and other materials from official websites of EU institutions and state bodies of China and EU countries of the Mediterranean Region. The paper discusses the main Chinese “Belt and road” projects in the region; analyzes key issues of their implementation; studies mechanisms of cooperation between China and European countries within BRI.

The research reached the following conclusions. The key areas of China's investments in the countries of the European Mediterranean Region were accumulated in the area of on-land transportation and sea infrastructure. The successful implementation of infrastructure projects will allow China not only to reduce the average shipping time to Europe, but also to increase the volume on imported goods. This can be achieved by increasing the capacity of existing European transport hubs and building new ones. However, one can't draw any conclusions about economic efficiency of BRI projects since most of them are still in the early stages of planning or implementation. The key issues of BRI projects implementation accumulated since 2013 were negative reaction from the EU institutions to China's investment activity in the region (which led to the introduction of a number of legislative measures aimed to limit Chinese economic activity); suspicion from Europeans governments about Chinese goals and priorities in the region; the lack of a unified approach by China to implement BRI in a region.

Chinese BRI investment activity analysis in the region indicates that China prefers bilateral approach towards cooperation. Since 2013, Beijing has successively convinced three Mediterranean states (Greece, Italy and Portugal) to officially join the Belt and Road. At the highest level, memorandums of understanding as well as a number of agreements on the construction of infrastructure projects were signed. Chinese state and private companies are also actively investing in the construction of infrastructure and other projects in the region. However, China's strategy in most countries of the region is more similar to selective investments in key areas of the economy, rather than a clearly defined cooperation program between China, local authorities and business.

REFERENCES

1. Merics.org. (2018) *Mapping the Belt and Road initiative: this is where we stand*. [Online] Available from: <https://www.merics.org/en/bri-tracker/mapping-the-belt-and-road-initiative> (Accessed: 25th May 2020).
2. Ekman, A. (2015) *China in Asia: What is behind the new silk roads?* Paris; Brussels: French Institute of International Relations.
3. Brugier, C. (2014) China's way: the new Silk Road. *European Union Institute for Security Studies*. 4. pp. 1–4.
4. Esteban, M. & Otero-Iglesias, M. (2015) What are the prospects for the new Chinese-led Silk Road and Asian Infrastructure Investment Bank? *Analyses of the Elcano Royal Institute (ARI)*. 3. pp. 1–10.
5. Minghao Zhao. (2015) China's New Silk Road Initiative. *IAI Working Papers*. 15. pp. 1–12.
6. Hongzhou Zhang. (2015) Building the Silk Road Economic Belt: Problems and Priorities in Central Asia. *RSIS Policy Report*. pp. 3–6.
7. Petrovsky, V.E., Larin, A.G. & Safronova, E.I. (2016) *Novyy Shelkovyy put' i ego znachenie dlya Rossii* [The New Silk Road and Its Significance for Russia]. Moscow: DeLi plyus.
8. Eder, T.S. & Mardell, J. (2019) *Powering the Belt and Road*. [Online] Available from: <https://www.merics.org/en/bri-tracker/networking-the-belt-and-road> (Accessed: 25th May 2020).
9. Fmprc.gov. (2015) *Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deystviya po sovmestnomu stroitel'stvu Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka* [Excellent prospects and practical actions for the joint construction of the Economic Belt of the Silk Road and the Maritime Silk Road of the 21st century]. [Online] Available from: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xxxx/t1254925.shtml> (Accessed: 31st May 2019).
10. Ec.europa. (2020) *GDP and employment indicators*. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/10294864/2-15052020-AP-EN.pdf/5a7ea909-e708-f3d3-8375-e2510298e1b8> (Accessed: 25th May 2020).
11. Eurostat. (2020) *EU27 (from 2020) trade*. [Online] Available from: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ext_st_eu27_2020sitc&lang=en (Accessed: 25th May 2020).
12. *The Local*. (2015) China's Pirelli deal sparks bitterness in Italy. [Online] Available from: <https://www.thelocal.it/20150324/chinas-pirelli-deal-sparks-bitterness-in-italy> (Accessed: 25th May 2020).
13. Governo.it. (2019) *Memorandum of understanding between the government of the Italian Republic and the government of the People's Republic of China on cooperation within the framework of the Silk road economic belt and the 21st century maritime Silk road initiative*. [Online] Available from: http://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_EN.pdf (Accessed: 25th May 2020).
14. *The Local*. (2019) Italy signs deals with China worth 2.5 billion euros, more to come: Di Maio. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-italy-china-dimaio/italy-signs-deals-with-china-worth-2-5-billion-euros-more-to-come-di-maio-idUSKCN1R40I0> (Accessed: 25th May 2020).
15. Macron, E. (2019) *Ambassadors' conference – Speech by M. Emmanuel Macron, President of the Republic*. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. [Online] Available from: <https://lv.ambafrance.org/Ambassadors-conference-Speech-by-M-Emmanuel-Macron-President-of-the-Republic> (Accessed: 25th May 2020).
16. Italian insider. (2019) *League attempts to reverse agreement with Huawei*. [Online] Available from: <http://www.italianinsider.it/?q=node/7760> (Accessed: 25th May 2020).
17. Ec.europa.eu. (2019) *Joint communication to the European parliament, the European council and the Council: EU-China – a strategic outlook*. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (Accessed: 25th May 2020).
18. Consilium.europa.eu. (2019) *Regulation of the European parliament and of the Council establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union*. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/en/general-secretariat/corporate-policies/transparency/open-data/voting-results/> (Accessed: 25th May 2020).
19. Yidaiyilu.gov.cn. (2018) *Joint Declaration between the People's Republic of China and the French Republic*. [Online] Available from: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/sbwj/43581.htm> (Accessed: 25th May 2020).
20. Tass. (2019) *Ekspert: vizit glavy KNR v ES pokazal, chto u Zapada net edinstva v otnosheniyakh s Pekinom* [Expert: the visit of the head of the PRC to the EU showed that the West does not have unity in relations with Beijing]. [Online] Available from: <https://tass.ru/politika/6275378> (Accessed: 25th May 2020).
21. XINHUA news. (2020) *Si Tszin'pin provel telefonnyy razgovor s prezidentom Frantsii Emmanuelem Makronom* [Xi Jinping had a telephone conversation with French President Emmanuel Macron]. [Online] Available from: http://russian.news.cn/2020-01/22/c_138727150.htm (Accessed: 25th May 2020).
22. *South China Morning Post*. (2020) French President Emmanuel Macron vows to stand against Chinese 'hegemony' in Asia-Pacific during trip to Australia. [Online] Available from: <https://www.scmp.com/news/asia/diplomacy/article/2144344/french-president-emmanuel-macron-vows-stand-against-chinese> (Accessed: 25th May 2020).
23. XINHUA news. (2019) *Si Tszin'pin opublikoval avtorskuyu stat'yu vo frantsuzskikh SMI* [Xi Jinping published an author's article in the French media]. [Online] Available from: http://russian.news.cn/2019-03/23/c_137918291.htm (Accessed: 25th May 2020).
24. Joc.com. (2015) *CMA CGM to sign \$1 billion financing agreement with China Ex-Im Bank*. [Online] Available from: https://www.joc.com/maritime-news/container-lines/cma-cgm/cma-cgm-sign-1-billion-financing-agreement-china-ex-im-bank_20150630.html (Accessed: 25th May 2020).
25. IA Regnum. (2019) *Set' 5G poyavitsya v Monako letom 2019 g.* [The 5G network will appear in Monaco in the summer of 2019]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/2638659.html> (Accessed: 25th May 2020).
26. XINHUA news. (2020) *Kitayskaya kompaniya Huawei ob'yavila o sozdanii zavoda po proizvodstvu produktov besprovodnoy svyazi vo Frantsii* [The Chinese company Huawei announced the creation of a factory for the production of wireless communication products in France]. [Online] Available from: http://russian.news.cn/2020-02/28/c_138827520.htm (Accessed: 25th May 2020).
27. Mayer, M. (2018) *Rethinking the Silk road: China's Belt and Road initiative and Emerging Eurasian relations*. Tongji: Tongji University.
28. European-views. (2019) *Portugal: the latest to be seduced by China's Belt and Road*. [Online] Available from: <https://www.european-views.com/2018/12/portugal-the-latest-to-be-seduced-by-chinas-belt-and-road/> (Accessed: 25th May 2020).
29. Agriculturaemar. (2019) *Ana Paula Vitorino defende Porto de Sines como peça-chave na relação Portugal-China*. [Online] Available from: <https://agriculturaemar.com/ana-paula-vitorino-defende-porto-de-sines-como-peca-chave-na-relacao-portugal-china/> (Accessed: 25th May 2020).
30. Portugal-China Chamber of Commerce and Industry. (2018) *Portugal quer o porto de sines no projeto Chinês "uma faixa, uma rota" – Embaixador de Portugal na China*. [Online] Available from: <http://ccilc.pt/imprensa/portugal-quer-o-porto-de-sines-no-projeto-chines-uma-faixa-uma-rota-embaxador-de-portugal-na-china/> (Accessed: 25th May 2020).

-
31. CGNT. (2018) *Noatum Ports to boost China-Spain maritime cooperation*. [Online] Available from: https://news.cgtn.com/news/3d3d414f34516a4e79457a6333566d54/share_p.html (Accessed: 25th May 2020).
 32. Putten, F.-P. van der (2016) *Europe and China's New Silk Roads*. [Online] Available from: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/etnc_2016-europe_and_chinas_new_silk_roads.pdf (Accessed: 25th May 2020).
 33. Reuters. (2016) *EU's statement on South China Sea reflects divisions*. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-ruling-eu/eus-statement-on-south-china-sea-reflects-divisions-idUSKCN0ZV1TS> (Accessed: 25th May 2020).
 34. Reuters. (2017) *Greece blocks EU statement on China human rights at U.N.* [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-eu-un-rights/greece-blocks-eu-statement-on-china-human-rights-at-u-n-idUSKBN1990FP> (Accessed: 25th May 2020).

К.В. Сероштанов

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Проанализированы перспективы развития оборонно-промышленного комплекса (ОПК) Европейского союза (ЕС) на фоне стихийного распространения коронавирусной инфекции. Основным последствием пандемии COVID-19, оказавшей негативное влияние на мировую экономику в целом, для вооруженных сил и ОПК ЕС, как показали примеры влияния предыдущих экономических кризисов на состояние этой отрасли, включая финансовый кризис 2008 г., является возможное снижение военных расходов.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс; Европейский Союз; коронавирус.

Мировая экономика, не считая отдельных отраслей, в 2020 г. оказалась под негативным влиянием пандемии коронавируса. Необходимость срочного перераспределения государственных бюджетов в пользу медицинских расходов в условиях отрицательного роста мировой экономики на уровне –4,9% и негативных прогнозов по восстановлению экономической активности [1] ставит перед правительствами вопрос о том, за счет чего такое перераспределение возможно. Как показывают примеры преодоления последствий мировых кризисов предыдущих лет, в частности экономического кризиса 2008 г., одними из первых под сокращение в государственных бюджетах попадают военные расходы.

Рост военных расходов государств Европейского союза (ЕС) в последние годы только в 2018 г. позволил им достигнуть уровня 2007 г., когда началось резкое падение, обусловленное мировым финансовым кризисом [2] и повлекшее за собой потерю, согласно оценкам некоторых экспертов, до 25% военного потенциала ЕС [3]. Несмотря на усиление России, конфликты в Украине и Сирии, напряженность между Грецией и Турцией, конфронтацию США и Китая, которые считаются угрозами для безопасности ЕС, с высокой долей уверенности можно ожидать снижения военных расходов ЕС из-за пандемии коронавируса.

В связи с этим возникают факторы, снижающие возможности ЕС по дальнейшему устойчивому и успешному развитию оборонно-промышленного комплекса (ОПК): неопределенность дальнейшей реализации совместных программ развития, включая Европейский оборонный фонд (European Defence Fund – EDF), Постоянное структурированное сотрудничество (Permanent Structured Cooperation – PESCO), Подготовительные мероприятия по оборонным исследованиям (Preparatory Action on Defence Research – PADR) и Европейскую программу развития ОПК (European Defence Industrial Development Programme – EDIDP); возможное уменьшение количества заказов как от внутренних, так и от внешних заказчиков из-за снижения военных расходов; вынужденный временный простой предприятий; проблемы с гражданскими проектами, особенно в аэрокосмической области.

Цель данной работы – рассмотреть влияние пандемии коронавирусной инфекции на состояние ОПК государств ЕС и его дальнейшее развитие.

На данное время вопрос влияния пандемии коронавируса на состояние ОПК государств ЕС практически не разработан. Анализ доступных источников и литературы показывает, что в первую очередь к этому вопросу, вероятно, в связи с тем, что рассматриваемое событие является относительно недавним, обращаются исследователи, представляющие средства массовой информации (СМИ) и различные аналитические центры, а также профильные ассоциации производителей. Работы по указанной проблеме можно разделить на четыре тематические группы, которые посвящены: анализу текущей ситуации; рассмотрению перспектив развития ОПК; представлению рекомендаций по преодолению последствий кризисной ситуации, создавшейся в результате влияния пандемии коронавируса на государственную экономику; статистическому анализу. К первой группе относится, например, работа А. Фролова [4], в которой он анализирует, как предприятия ОПК работали во время пандемии коронавируса и в условиях связанных с ней ограничительных мер. В статьях Д. Фиотта [5], а также А. Марроне и О. Кредди [6] представлены возможные последствия от пандемии коронавирусной инфекции для ОПК ЕС, в том числе проводится анализ вероятности реализации проектов развития ОПК и предполагаемого влияния снижения военных расходов, что позволяет отнести их ко второй группе работ. Работу Н. Новаки [7] и аналитическую статью экспертов Европейской ассоциации авиационно-космической и оборонной промышленности (AeroSpace and Defence Industries Association of Europe – ASD) [3] можно отнести к третьей выделенной группе, так как в них проводится анализ мер, которые позволили бы сохранить устойчивое развитие ОПК. Четвертую группу источников составляют статистические данные Стокгольмского института исследования проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute – SIPRI) [8], Международного валютного фонда [1] и сайтов, отслеживающих стоимость акций [9], в которых представлены показатели предприятий ОПК и экономики в целом.

Для анализа перспектив развития ОПК ЕС и влияния на них пандемии коронавируса рассмотрим следующие аспекты: деятельность предприятий ОПК, а также вооруженных сил (ВС) государств ЕС в условиях пандемии коронавируса, негативные последствия от пандемии коронавируса для ОПК и размера военных расходов; а также ее влияние на перспективы реализации программ развития ОПК и военный потенциал ЕС.

Пандемия коронавируса и связанные с ней ограничения, включая приостановку деятельности отдельных организаций, социальное дистанцирование, закрытие границ и т.д., не могли не отразиться и на состоянии ОПК. Так, например, итальянское судостроительное предприятие Fincantieri в марте 2020 г. временно приостанавливало свою работу [10]. Nexter, французский производитель бронемашин, испытывал трудности с поставкой своей продукции министерству обороны Франции, в связи с тем что важные поставщики комплектующих пострадали от ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции. Dassault Aviation сместило поставку истребителей Rafale в Индию с мая на июль [4]. Однако неправомерно утверждать, что подобные последствия имеют решающее значение для будущего ОПК, так как они имели временный характер.

Как предприятия ОПК, так и ВС государств ЕС принимали активное участие в борьбе с пандемией. Согласно отчету Европейской службы парламентских исследований деятельности военных, к этому можно отнести следующие мероприятия: производство предприятиями ОПК необходимых средств защиты; охрана правопорядка и обеспечение соблюдения карантина; работа военных медиков в госпиталях; оказание психологической поддержки; охрана границ; организация и выполнение вывозных рейсов; доставка грузов, включая медикаменты и предметы первой необходимости (в условиях ограниченного гражданского авиасообщения); строительство полевых госпиталей и убежищ; дезинфекция общественных мест; обеспечение населения продовольствием; транспортировка больных [11].

Подобное активное участие ОПК и ВС, вероятно, обусловлено не только необходимостью борьбы с пандемией, но и возможностью подтвердить свою значимость, а в случае предприятий ОПК – восполнить ущерб, нанесенный его прямой деятельностью из-за ситуации с коронавирусом. Можно предположить, что вышеперечисленные мероприятия позволят уменьшить негативные последствия, вызванные пандемией, для военного потенциала ЕС, частично сохранив уровень военных расходов, которые могли бы быть перераспределены на медицинские нужды, так как роль ВС и предприятий ОПК в борьбе с пандемией оказалась крайне важной.

Однако негативные последствия пандемии коронавируса не исчерпываются лишь снижением военных расходов, хотя именно этот фактор можно считать одним из основных. Пандемия оказала комплексное влияние на состояние ОПК: падение стоимости акций предприятий ОПК; кризис в сфере гражданской авиации; нарушение цепочек поставок; функционирование предприятий малого и среднего бизнеса в условиях

изоляции. Рассмотрим подробнее эти негативные эффекты.

Снижение военных расходов. Несмотря на важную роль ВС и предприятий ОПК в борьбе с коронавирусом, в мнении о том, что военные расходы будут снижаться, сходятся многие эксперты, в том числе Д. Фиотт и Н. Тиан. Как утверждает Д. Фиотт, именно военные расходы становятся тем «агнцем», которого приносят в жертву в случае необходимости перераспределения государственных бюджетов между другими областями [4], а в настоящее время такая необходимость есть: из-за пандемии в первоочередной государственной поддержке нуждаются здравоохранение и социальная сфера. Это косвенно подтверждается и тем, что на сайте Европейской комиссии среди основных мер по ликвидации последствий пандемии, а также дальнейшему развитию указаны в первую очередь меры, направленные на социальную сферу, особенно в области медицины.

Аналогичное мнение высказывает и Н. Тиан: стоит ожидать сокращения военных расходов, как это уже случалось во время финансового кризиса 2008 г. [12]. Такое положение дел отразится на мировом рынке вооружений: можно ожидать падения спроса на вооружение и военную технику (ВВТ). Соответственно, для предприятий ОПК ЕС падение военных расходов означает возможное снижение прибыли как от поставок ВВТ внутреннему заказчику, так и на экспорт. Основным последствием для предприятий ОПК может стать концентрация на обеспечении текущего функционирования; различные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) будут либо отложены, либо сокращен их объем.

Падение стоимости акций. Пандемия коронавируса повлекла за собой значительное падение акций крупнейших компаний ЕС, так же как и предприятий ОПК по всему миру. Например, стоимость акций компании Thales снизилась на 40%, а затем стабилизировалась на уровне 75% от первоначальной стоимости [9]. Подобное падение испытали и акции других крупных компаний, включая Airbus, Safran, Dassault, Rheinmetall, SAAB, Leonardo и Fincantieri, что привело к потере прибыли и рыночной стоимости данных компаний. Также следствием этого стал рост их коэффициента задолженности, что является существенной угрозой для их функционирования. В настоящее время акции некоторых компаний продаются на бирже по минимальным за последние пять лет ценам. Несмотря на то, что продажи акций на вторичном рынке ценных бумаг напрямую не влияют на доходы компаний, надо учитывать не прямые последствия от подобного снижения. Планы по расширению бизнеса могут быть отложены. Другим последствием может стать потенциальная потеря контроля за долями компаний их акционерами или даже поглощение другими организациями предприятий из-за низкой стоимости акций. В такой ситуации предприятиям и их ключевым акционерам, возможно, потребуется осуществлять выкуп своих акций, что может привести к финансовым потерям и потере ликвидности. Естественно, что развитие в подобных условиях будет затруднено.

Кризис в сфере гражданской авиации. Одной из важных отраслей ОПК является аэрокосмическая отрасль, которая в том числе опирается на гражданские проекты: например, в продаже BBT, согласно данным SIPRI, на компанию Airbus приходится лишь 15% от общих продаж [8]. Соответственно, кризис в сфере гражданской авиации, обусловленный пандемией коронавируса и введенными по этой причине ограничениями, в частности отменой рейсов, затронет и предприятия аэрокосмической отрасли, а также их поставщиков. К примеру, Airbus отчитался о потере 1,9 млрд евро, значительном снижении заказов и планах по сокращению 15 тыс. рабочих мест [13]. Такие же проблемы испытывают и другие компании отрасли, включая BAE Systems и Thales. С учетом того, что кризис в сфере авиаперевозок, вызванный ограничением международного авиасообщения, будет продолжаться, предприятия аэрокосмической отрасли также будут испытывать проблемы. Это особенно важно в контексте разработки и производства военной авиации, так как эти проекты являются ресурсоемкими, а с учетом падения прибыли предприятий, а также потенциального уменьшения военных расходов могут возникнуть трудности с выделением финансирования на них.

Нарушение цепочек поставок. Одной из проблем, возникших из-за пандемии коронавируса и связанных с ней ограничений, являются сложности с поставкой комплектующих для конечных изделий. Во-первых, глобализация в ОПК привела к тому, что часть компонентов стала производиться за рубежом, в первую очередь в Китае. Соответственно, закрытие границ и ограничение авиасообщения повлекли за собой перебои с поставкой таких комплектующих. Данная проблема все-таки в большей степени является временной, но ставит вопрос о целесообразности подобного аутсорсинга. Во-вторых, одной из наиболее пострадавших категорий компаний являются компании малого и среднего бизнеса: они понесли наибольшие убытки от ограничений и режима изоляции. При этом именно предприятия малого и среднего бизнеса в большей степени отвечают за поставку компонентов, а значит, сложности с их функционированием оказывают прямое влияние на поставку комплектующих.

Функционирование предприятий малого и среднего бизнеса в условиях изоляции. Одними из наиболее пострадавших от пандемии коронавируса являются предприятия малого и среднего бизнеса, выполняющие заказы предприятий ОПК и являющиеся важной частью цепочек поставок. Режим изоляции, временно остановивший их работу, повлиял и на их заказчиков, которые также представляют коммерческую сферу. В то время как у больших компаний есть возможности и ресурсы для долгосрочного планирования и преодоления кризисных ситуаций, предприятия малого и среднего бизнеса могут столкнуться с проблемами закредитованности и низкой ликвидности, что может привести к тому, что единственным выходом для них будет банкротство или поиск государственной поддержки. Предприятия малого и среднего бизнеса зачастую просто не имеют ресурсов для поддержания функционирования в условиях простоя, что ставит под вопрос их будущее.

Значительное влияние пандемии коронавируса на функционирование и развитие ОПК ЕС подтверждается высказываниями официальных лиц ЕС. Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель заявил: «Коронавирус ухудшает условия безопасности, увеличивая необходимость более эффективной политики обороны и безопасности ЕС» [14]. «Нам стоит ожидать дополнительного урезания ресурсов, что уже и происходит. Это еще больше разочаровывает в связи с тем, что уровень военных расходов только недавно восстановился после финансовых потрясений десятилетней давности», – отметил Иржи Шедивы, глава EDF [15]. Подобные оценки подтверждают опасения, что ОПК ЕС ожидают тяжелые времена, так как пандемия оказывает комплексное влияние не только на текущее функционирование ОПК, но и на дальнейшие перспективы его развития.

При этом хочется подчеркнуть: существует вероятность того, что ограничения, обусловленные необходимостью сдерживания пандемии, будут введены повторно. В связи с тем, что коллективный иммунитет еще не выработался, эффективные способы лечения не разработаны, так же как и вакцина, с помощью которой могла бы быть осуществлена всеобщая вакцинация населения, последствия второй волны пандемии могут быть не менее серьезными. Соответственно, с целью уменьшения потенциальных негативных последствий второй волны пандемии коронавируса как самим предприятиям, так и государствам ЕС в целом необходимо предпринять меры для эффективного функционирования и развития в новых условиях, такие как обеспечение надежности цепочек поставок, бесперебойной работы предприятий, сохранение кадрового состава и реализации НИОКР. В связи с этим важным аспектом общей стратегии действий может стать реализация совместных программ развития, действие которых способствует достижению глобальных целей.

Таким образом, ОПК ЕС сталкивается со следующими проблемами, обусловленными пандемией коронавируса и ее последствиями: функционирование и развитие в условиях потенциального снижения военных расходов; обеспечение надежной цепочки поставок; поддержка гражданских направлений деятельности предприятий ОПК.

Все эти проблемы объединяет одно – для их решения требуются совместные действия государств ЕС, скоординированные на уровне всего союза. В этой связи одним из ключевых компонентов преодоления кризиса должны стать программы развития ОПК. Именно за счет таких программ возможны осуществление дополнительного финансирования перспективных проектов, развитие военного потенциала ЕС и дальнейшей кооперации между государствами и организациями внутри ЕС. Подобные программы являются важным компонентом устойчивого развития ОПК. Рассмотрим часть из них.

EDF – компонент Общей политики обороны и безопасности ЕС, который направлен на координацию и увеличение национальных инвестиций в оборонные исследования и повышение оперативной совместимости

между национальными вооруженными силами, служит финансовой мерой поддержки трансграничного сотрудничества между государствами ЕС, а также предприятиями, исследовательскими центрами, национальными администрациями, международными организациями и университетами. Европейская комиссия через EDF софинансирует совместные военно-промышленные проекты и исследования на территории ЕС. Согласно планам, начиная с 2021 г., когда EDF вступит в стадию полноценной реализации, он должен способствовать развитию инновационности и конкурентоспособности ОПК ЕС, а также увеличению его стратегической автономности.

PESCO – компонент Общей политики обороны и безопасности ЕС, в рамках которого 25 из 27 ВС государств ЕС действуют с целью стратегической интеграции. Данная программа направлена на более тесное сотрудничество в сфере безопасности и обороны. PESCO состоит из двух частей. Первая – это 34 проекта, половину из которых запустили в марте 2018 г., еще половину – в ноябре. Проекты бывают двух типов: создание нового вооружения или техники, например артиллерийской системы, и повышение боеготовности сил, например программа подготовки пилотов вертолетов. Вторая часть PESCO – это 20 обязательств, взятых на себя всеми участниками программы, например регулярное повышение военных расходов и увеличение расходов на новое вооружение [16].

PADR – инициатива в рамках EDF, реализуемая Европейским оборонным агентством (European Defence Agency – EDA), целью которой является углубление сотрудничества, развитие необходимых технологий и усиление позиций ОПК ЕС в целом. Кроме того, эта программа служит механизмом для проверки возможностей государств ЕС по кооперации в сфере ОПК. В PADR начиная с 2017 г. выделялись средства на различные исследования, включая «Доминирование в электромагнитном спектре» (Electromagnetic Spectrum Dominance), «Бросая вызов будущему» (Challenging the future), «Новые правила игры» (Emerging Game-changers) и «Беспилотные системы» (Unmanned Systems) [17].

EDIDP – программа ЕС в сфере промышленного производства для поддержки предприятий ОПК, улучшения их конкурентоспособности и возможностей по развитию инноваций в сфере обороны и безопасности. Основное направление – софинансирование совместной разработки продукции военного назначения и технологий. Каждый год определяется круг проектов для финансирования: например, в 2019 г. такими проектами были «Беспилотная наземная система многоцелевого назначения» (Multipurpose unmanned ground system) и «Перспективная военно-морская платформа и связанные технологии» (Future naval platforms and related technologies). Программа реализуется непосредственно Европейской комиссией: на 2019–2020 гг. для финансирования проектов в рамках EDIDP были выделены средства в размере 500 млн евро. Ожидается, что данная программа будет продлена и на 2021 год.

Пандемия и связанное с ней потенциальное снижение военных расходов стали угрозой для реализации различных совместных программ ЕС в сфере обороны

и безопасности. Военные расходы в текущей ситуации не являются приоритетными, поэтому ожидалось значительные сложности с принятием бюджета на реализацию подобных программ. Но, несмотря на эти сложности, бюджет был утвержден с согласованием выделения финансирования на программы развития ОПК на следующем уровне: EDF – 7,014 млрд евро, цель программы – укрепление потенциала ОПК ЕС; военная мобильность – 1,5 млрд евро, цель программы – реализация фонда Connecting Europe Facility (CEF – Соединение Европы) для адаптации европейских транспортных сетей к нуждам военной мобильности. При этом стоит отметить, что, несмотря на призыв Жозепа Борреля сохранить изначально предложенный бюджет на эти программы для обеспечения обороны и безопасности ЕС в условиях новых вызовов, утвержденный бюджет был снижен: EDF – на 39%, а военная мобильность – на 74% [18].

Современная кризисная ситуация в экономике требует доработки программ развития ОПК с учетом изменившихся условий, особенно урезанного их финансирования, и более активной их реализации. К настоящему моменту каких-либо предложений в этом отношении практически не появилось, за исключением документа с изложением позиции ASD по объединению предприятий ОПК ЕС. Предлагаемые меры подразделяются на краткосрочные и долгосрочные.

Краткосрочные меры, которые должны быть реализованы в 2020 г.:

- рассмотрение ОПК как стратегического сектора экономики, требующего немедленных мер поддержки. Оказание необходимой поддержки ключевым компаниям, включая предприятия малого и среднего бизнеса;

- реализация PADR и EDIDP. Необходимо, чтобы уже действующие программы не оставались без внимания в период сложной экономической ситуации. Кроме того, данные программы способствуют развитию кооперации, что также важно для создания условий по преодолению возможных экономических кризисов в будущем;

- подготовка к реализации EDF в 2021 г. с сохранением изначально предложенного бюджета.

Долгосрочные меры, которые должны быть реализованы начиная с 2021 г.:

- стратегическое использование EDF. Необходимо, чтобы реализация EDF была сконцентрирована на ключевых технологиях, важных для ВС, а также на сотрудничестве между предприятиями различных государств ЕС с целью использования их возможностей и преимуществ;

- внедрение ключевых новейших технологий в сфере обороны и безопасности. Развитие новых технологий, включая информационные технологии (ИТ), должно стать приоритетным;

- поддержка стратегических цепочек поставок. Развитие автономности ЕС в сфере обороны и безопасности, чтобы предприятия ОПК могли эффективно работать без привязки к зарубежным поставщикам;

- расширение возможностей доступа предприятий ОПК к финансированию. Разработка специальных программ по финансированию данного сектора [3].

ASD является одним из инструментов лоббирования интересов предприятий ОПК и наиболее заинтересована в преодолении негативных последствий кризиса, вызванного пандемией коронавируса. И хотя подобная заинтересованность может сделать позицию объединения менее объективной, реализация выдвинутых предложений должна действительно способствовать преодолению кризиса и в дальнейшем развитию ОПК. Однако в данный момент ясно, что не все предложения были приняты, как это наглядно видно по утвержденному бюджету EDF: он оказался ниже ожидаемого. Предложения ASD можно расценивать как конструктивные и способствующие не только развитию ОПК, но и обеспечению обороны и безопасности союза, поэтому вероятность того, что часть этих предложений будет реализована, велика, что поспособствует устойчивому развитию ОПК.

Также сами предприятия ОПК должны быть вовлечены в деятельность по преодолению кризисного положения и принятию соответствующих мер. Например, на время пандемии некоторые предприятия запустили производство средств индивидуальной защиты, а также медицинской техники. Предприятия Испании, Греции, Германии и Румынии производили маски, респираторы и другие защитные средства, Airbus, Safran и Leonardo производили необходимое оборудование на 3D-принтерах. Компания BAE System запустила производство аппаратов ИВЛ, а также средств индивидуальной защиты, включая защитные маски. Подобные действия, хоть и незначительно, должны поспособствовать диверсификации производства, а также восполнению финансовых потерь.

Кроме того, в условиях перспективы снижения военных расходов предприятия должны активизировать работу по продвижению своей продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынке в условиях потенциального снижения спроса на ВВТ. В этой связи крайне важными будут возможности ОПК по модернизации своей продукции, что повышает роль научных разработок и исследований. Вероятно, это должно также содействовать кооперации между предприятиями ОПК, в том числе и за счет реализации программ его развития.

Поддержка отдельных государств и ЕС в целом в настоящее время крайне важна для предприятий ОПК, особенно для предприятий малого и среднего бизнеса, а также тех компаний, которые вовлечены в наиболее пострадавшие от кризиса отрасли, например авиационную. Ключевой задачей является ликвидация последствий кризиса, вызванного пандемией коронавируса, за счет дополнительного финансирования подобных предприятий; без поддержки от государств и ЕС в целом велика вероятность потери важных элементов ОПК ЕС и снижения его потенциала.

Снижение военных расходов – это, вероятно, новая реальность, к которой придется адаптироваться предприятиям ОПК. С учетом глобального характера кризиса, обусловленного пандемией коронавируса, стоит ожидать снижения военных расходов во многих государствах, что должно оказать негативное влияние на спрос на ВВТ, в том числе и европейского производ-

ства. Однако прогнозировать уровень снижения при условии наличия множественных угроз безопасности по всему миру, включая конфликты в Сирии, Украине, Нагорном Карабахе, Йемене, напряженность между Китаем и Индией, западными странами и Китаем и т.д., крайне проблематично. Существует вероятность того, что уровень снижения военных расходов будет не настолько критичным, что позволит предприятиям ОПК функционировать в новых условиях.

Как отмечают отдельные исследователи, еще одним потенциальным последствием пандемии может стать развитие тенденции к проведению нового типа военных действий, в частности к их автоматизации и роботизации. Использование дронов, средств кибер- и спутниковой разведки, высокоточных средств поражения в последние годы становится все более распространенным. С учетом новой глобальной мантры «социального дистанцирования», возможно, подобные средства станут играть еще большую роль для предотвращения риска потери солдат во время прямого боестолкновения, или в результате попадания средств поражения, или заражения каким-либо вирусом. Вероятно, что пандемии, такие как коронавирус, только усилят подобные тенденции, в результате чего значение дронов, искусственного интеллекта, спутников и автоматизированных систем значительно возрастет [19]. ОПК ЕС обладает высокими возможностями по производству инновационной продукции, в том числе упомянутых выше систем, что является важным не только для обеспечения собственной обороны и безопасности, но и для увеличения экспортного потенциала. Однако развитие в этом направлении требует устойчивого функционирования ОПК с выделением значительных средств на перспективные разработки, что в новых условиях требует высокой степени вовлеченности в вопросы ОПК не только отдельных государств, но и в первую очередь ЕС в целом.

Успешное преодоление кризиса и дальнейшее развитие ОПК требуют использования инструментов на уровне ЕС, прежде всего программ развития ОПК, включая EDF, PESCO, PADR и EDIDP. В этой связи важным решением является утверждение финансирования EDF в бюджете ЕС на 2021–2027 гг. Несмотря на то, что уровень финансирования был сокращен на 39% от изначального, стратегически это решение открывает перспективы для дальнейшей интеграции ЕС в сфере обороны и безопасности, в том числе и в создании единого ОПК. Сложности отдельных государств с финансированием своего ОПК в области перспективных разработок могут отчасти решаться за счет этого инструмента. Поддержка от EDF позволит осуществлять более эффективное финансирование перспективных программ и разработок, повышая конкурентоспособность предприятий ОПК ЕС на мировом рынке ВВТ. Кроме того, EDF, за счет финансирования предприятий малого и среднего бизнеса, может повысить автономность ЕС в области разработки и производства ВВТ, которая, как показал анализ настоящего положения дел в этой сфере, недостаточна и зависит от поставок отдельных материалов и комплектующих из-за рубежа.

Проекты, реализуемые в рамках совместных программ, например PESCO, также в перспективе должны повысить возможности ЕС по реагированию на кризисные ситуации в сфере здравоохранения, подобные вызванной пандемией коронавируса. Одним из проектов программы является создание Европейского медицинского командования (European Medical Command), цель которого – централизация медицинских возможностей для координации государств-членов в сфере военной медицины, а также создание общей оперативной медицинской системы, улучшение системы закупок критических медицинских товаров, согласование национальных медицинских стандартов [10]. Возможно, подобные проекты могут способствовать вовлеченности государств – членов ЕС в реализацию программ в сфере развития обороны и безопасности.

Кроме того, потребуются значительные усилия самих предприятий ОПК и профильных лоббистских организаций, включая ASD. Успех подобных действий, направленных как на внутреннюю оптимизацию наращивания возможностей по продвижению продукции, так и на взаимодействие с органами соответствующих государств и ЕС, будет напрямую влиять на возможно-

сти по преодолению кризисной ситуации в этой сфере и дальнейшему развитию ОПК.

В условиях потенциального снижения военных расходов, а также развития нового типа военных действий, основанного на цифровизации и роботизации, расширение возможностей ЕС по обеспечению устойчивого функционирования и развития ОПК будет иметь определяющее значение для его будущего. Перспективы восстановления ОПК ЕС после кризиса, вызванного пандемией коронавируса, и его развития зависят от того, насколько государства ЕС будут расположены к кооперации в этой сфере и реальной его поддержке. В этой связи также будет важным, насколько будет достаточно усилий ASD для реализации своих предложений. Совместные действия в целях развития ОПК позволят более рационально использовать имеющиеся для функционирования и укрепления ОПК ресурсы, что особенно важно в условиях потенциального снижения расходов. С учетом существующих предпосылок к интеграции Европейского союза в сфере обороны и безопасности создавшаяся кризисная ситуация в экономике – это реальная возможность для ее реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Economic Outlook Update, June 2020 // International Monetary fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020> (accessed: 18.10.2020).
2. Defence Data 2017–2018. Key Findings and Analysis // European Defence Agency. URL: <https://www.eda.europa.eu/docs/default-source/brochures/eda-defence-data-2017-2018> (accessed: 18.10.2020).
3. COVID-19: Proposals for EU Relief Measures for Aerospace, Defence and Security Industries // ASD. URL: <https://www.asd-europe.org/sites/default/files/atoms/files/ASD%20position%20paper%20COVID19%20%281%29.pdf> (accessed: 18.10.2020).
4. Frolov A. The Impact of the Coronavirus Epidemic on the Global Defence Industry // Valdai Discussion club. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-coronavirus-epidemic-and-the-defence-industry/> (accessed: 18.10.2020).
5. Fiott D. Will European defence survive Coronavirus? // Elcano. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/commentary-fiott-will-european-defence-survive-coronavirus (accessed: 18.10.2020).
6. Marrone A., Credi O. COVID-19: Which Effects on Defence Policies in Europe? // Instituto Affari Internazionale. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iai2009.pdf> (accessed: 18.10.2020).
7. Novak N. The EU's Security and Defence Policy In Focus. The Impact of Coronavirus // Wilfried Martens Centre for European Studies. URL: https://martenscentre.eu/sites/default/files/publication-files/ces_infocus_the_eus_security_and_defence_policy-web.pdf (accessed: 18.10.2020).
8. SIPRI Arms Industry Database // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/armsindustry> (accessed: 18.10.2020).
9. Thales // Investing.com. URL: <https://ru.investing.com/equities/thales> (accessed: 18.10.2020).
10. Sreekumar A. How COVID-19 Will Impact the Defense Industry // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2020/03/how-covid-19-will-impact-the-defense-industry/> (accessed: 18.10.2020).
11. The role of armed forces in the fight against coronavirus // European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649401/EPRS_BRI\(2020\)649401_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649401/EPRS_BRI(2020)649401_EN.pdf) (accessed: 18.10.2020).
12. Wiesgerber M. Global Defense Spending Decline Expected As Nations Deal with Coronavirus // Defence One. URL: <https://www.defenseone.com/policy/2020/04/global-defense-spending-decline-expected-nations-deal-coronavirus/164997/> (accessed: 18.10.2020).
13. Airbus slows plane-making as Covid-19 leads to £1.7bn loss // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2020/jul/30/airbus-slows-plane-making-covid-19-loss-aircraft-orders> (accessed: 18.10.2020).
14. European defence: fighting COVID-19, preparing for the future // European Union External Action. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/79305/european-defence-fighting-covid-19-preparing-future_en (accessed: 18.10.2020).
15. On budget eve, EU defence money at risk from coronavirus // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-eu-defence-idUSKBN22O1BU> (accessed: 18.10.2020).
16. Год PESCO: чего добился ЕС в сфере военного сотрудничества // DW. URL: <https://p.dw.com/p/3IUGg> (дата обращения: 04.11.2020).
17. Preparatory Action on Defence Research // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/other_eu_prog/other/pppa/wp-call/pa-call-document-padr-fss-19-call-text_en.pdf (accessed: 18.10.2020).
18. EU Budget 2021–2027: What's in It for Europe's Defence? // Friedrich Naumann Foundation Europe. URL: <https://fnf-europe.org/2020/08/06/eu-budget-2021-2027-whats-in-it-for-europes-defence/> (accessed: 18.10.2020).
19. Eriksson J., Giacomello G. Doom, Boom or Hibernation? Covid-19 and the Defense Industry // E-International Relations. URL: <https://www.e-ir.info/2020/07/07/doom-boom-or-hibernation-covid-19-and-the-defense-industry/> (accessed: 18.10.2020).

Kirill V. Seroshtanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: seroshtanov.kirill@gmail.com

CORONAVIRUS PANDEMIC AND THE PROSPECTS OF THE EUROPEAN UNION DEFENCE INDUSTRY DEVELOPMENT

Keywords: defence industry; the European Union; coronavirus; European Defence Fund.

The article analyzes the impact of the current crisis on the defence policy of the EU countries. Coronavirus has had a negative impact almost on all industries. According to the forecast of International Monetary Fund the growth of the world economy is expected to be at the level of -4.9%. In such conditions where social sphere including medical is going to be the most important one, governments are

faced with the problem of relocation of their expenditures. Therefore, the military expenditures probably would suffer cuts like it was during last crises for example financial crisis of 2007–2008.

The EU defence industry is also influenced by coronavirus crisis, this was yielded in the downtime and supply dates shifts during lock down. However together with armed forces defence companies were engaged in fight with coronavirus: production of medical and protective equipment, disinfection, transportation and etc. But these efforts cannot be considered as an efficient measure to limit negative impacts of coronavirus crisis on the prospects of defence industry.

The following coronavirus crisis consequences for the defence industry can be outlined: stock prices fall, civil aviation crisis, supply chain disturbance and difficulties for small and medium enterprises during lock down. Such effects of course can slow down the development of the defence industry and complicate the operation. However the most crucial one is military expenditures cuts, because such changes put defence industry in the new environment with reduced demand for arms.

Defence cuts are also a threat to the joint EU defence industry development programs. The importance of these programs is that their goal is to contribute to the military capability of the EU and these programs could be used for coronavirus crisis consequences overcome. However the budget allocated for these programs was also cut, so their implementation is hampered. But defence companies and their associations are working on the plans to boost the development.

The author believes that in such conditions the key point for the successful overcome of coronavirus crisis and further sustained development of the EU defence industry is the joint efforts in this direction. The current level of cooperation between member state in the sphere of defence industry is not enough not only for the overcome of coronavirus crisis, but also for the development even in the standard conditions. Therefore the deepen of the cooperation is required and important like never before. As a result current crisis situation is a chance for the EU defence industry to joint the efforts in the defence sphere and expend integration in defence and security.

REFERENCES

1. International Monetary Fund. (2020) *World Economic Outlook Update, June 2020*. [Online] Available from: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020> (Accessed: 18th October 2020).
2. European Defence Agency. (2017–2018) *Defence Data 2017–2018. Key Findings and Analysis*. [Online] Available from: <https://www.eda.europa.eu/docs/default-source/brochures/eda-defence-data-2017-2018> (Accessed: 18th October 2020).
3. ASD. (n.d.) *COVID-19: Proposals for EU Relief Measures for Aerospace, Defence and Security Industries*. [Online] Available from: <https://www.asd-europe.org/sites/default/files/atoms/files/ASD%20position%20paper%20COVID19%20%281%29.pdf> (Accessed: 18th October 2020).
4. Frolov, A. (n.d.) *The Impact of the Coronavirus Epidemic on the Global Defence Industry*. [Online] Available from: <https://valdaicclub.com/a/highlights/the-coronavirus-epidemic-and-the-defence-industry/> (Accessed: 18th October 2020).
5. Fiott, D. (n.d.) *Will European defence survive Coronavirus?* [Online] Available from: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/commentary-fiott-will-european-defence--survive-coronavirus (Accessed: 18th October 2020).
6. Marrone, A. & Credi, O. (n.d.) *COVID-19: Which Effects on Defence Policies in Europe?* [Online] Available from: <https://www.iai.it/sites/default/files/iai2009.pdf> (Accessed: 18th October 2020).
7. Novaky, N. (n.d.) *The EU's Security and Defence Policy In Focus. The Impact of Coronavirus*. Wilfried Martens Centre for European Studies. [Online] Available from: https://martenscentre.eu/sites/default/files/publication-files/ces_infocus_the_eus_security_and_defence_policy-web.pdf (Accessed: 18th October 2020).
8. SIPRI. (n.d.) *SIPRI Arms Industry Database*. [Online] Available from: <https://www.sipri.org/databases/armsindustry> (Accessed: 18th October 2020).
9. Investing.com. (s.n.) *Thales*. [Online] Available from: <https://ru.investing.com/equities/thales> (Accessed: 18th October 2020).
10. Sreekumar, A. (2020) *How COVID-19 Will Impact the Defense Industry*. [Online] Available from <https://thedi diplomat.com/2020/03/how-covid-19-will-impact-the-defense-industry/> (Accessed: 18th October 2020).
11. European Parliament. (2020) *The role of armed forces in the fight against coronavirus*. [Online] Available from: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649401/EPRS_BRI\(2020\)649401_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649401/EPRS_BRI(2020)649401_EN.pdf) (Accessed: 18th October 2020).
12. Wiesgerber, M. (2020) *Global Defense Spending Decline Expected As Nations Deal with Coronavirus*. [Online] Available from: <https://www.defenseone.com/policy/2020/04/global-defense-spending-decline-expected-nations-deal-coronavirus/164997/> (Accessed: 18th October 2020).
13. Jolly, J. (2020) *Airbus slows plane-making as Covid-19 leads to £1.7bn loss*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/business/2020/jul/30/airbus-slows-plane-making-covid-19-loss-aircraft-orders> (Accessed: 18th October 2020).
14. *European Union External Action*. (n.d.) *European defence: fighting COVID-19, preparing for the future*. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/79305/european-defence-fighting-covid-19-preparing-future_en (Accessed: 18th October 2020).
15. Emmot, R. (2020) *On budget eve, EU defence money at risk from coronavirus*. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-eu-defence-idUSKBN22O1BU> (Accessed: 18th October 2020).
16. Sheiko, Yu. (n.d.) *God PESCO: chego dobilsya ES v sfere voennogo sotrudnichestva* [Year of PESCO: what the EU has achieved in the field of military cooperation]. [Online] Available from: <https://p.dw.com/p/3IUGg> (Accessed: 4th November 2020).
17. European Commission. (n.d.) *Preparatory Action on Defence Research*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/other_eu_prog/other/pppa/wp-call/pa-call-document-padr-fss-19-call-text_en.pdf (Accessed: 18th October 2020).
18. Friedrich Naumann Foundation Europe. (2020) *EU Budget 2021–2027: What's in It for Europe's Defence?* [Online] Available from: <https://fnf-europe.org/2020/08/06/eu-budget-2021-2027-whats-in-it-for-europes-defence/> (Accessed: 18th October 2020).
19. Eriksson, J. & Giacomello, G. (2020) *Doom, Boom or Hibernation? Covid-19 and the Defense Industry*. [Online] Available from: <https://www.e-ir.info/2020/07/07/doom-boom-or-hibernation-covid-19-and-the-defense-industry/> (Accessed: 18th October 2020).

УДК 378.4
DOI: 10.17223/19988613/70/16

Е.В. Хахалкина

«УНИВЕРСИТЕТСКИЙ» VERSUS «УМНЫЙ ГОРОД» В КОНТЕКСТЕ БРЕКЗИТА И ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России», № 20-011-31664.

На примере одного из мировых лидеров в области интернационализации – Соединенного Королевства – показан процесс актуализации и сближения двух концепций – «университетского» и «умного» городов – под влиянием Брекзита (выхода Великобритании из Европейского союза) и пандемии. Делаются выводы об усилении значения «умных» технологий для развития университетских кампусов и форм преподавания в Великобритании в условиях повсеместно введенного с марта 2020 г. дистанционного обучения. Показано, что «умные» технологии как несут положительное воздействие на жизнь университетских кампусов и городов, так и создают определенные риски, связанные с доступом к персональным данным и нарушением привычных основ коммуникации и функционирования инфраструктуры.

Ключевые слова: Брекзит; пандемия; интернационализация; Великобритания; университетский город; умный город; третья миссия университета.

Пандемия нового типа инфекции, объявленная ВОЗ в марте 2020 г., стала вызовом для всего человечества, затронув все сферы жизни. Огромное влияние мировой вызов оказал на систему высшего образования, ограничив студенческую мобильность и поставив под вопрос будущее процессов интернационализации.

В разных уголках мира переход на онлайн-обучение сопровождался закрытием кампусов и перемещением образовательного процесса в «домашние условия». Как следствие, актуализировались дискуссии, связанные с будущим университетов и их физическим позиционированием себя, влиянием на окружающее пространство, взаимоотношениями преподавателей и студентов в новых форматах. Произошел всплеск экспертного интереса к концепции университетских городов, их влиянию на экономику и взаимодействие между бизнесом и властью.

К основным критериям «университетского города» относят соотношение студентов и общей численности населения, реальный вклад университетов в развитие города и другие характеристики. Успешными «университетскими городами» считаются те, в которых вузы осуществляют положительную экономическую, технологическую и социальную синергию, приводящую к взаимной выгоде с их непосредственной региональной и национальной средой, а иногда и на международном уровне. В рейтинге лучших «университетских городов» QS за 2016 г. три города мира – Париж, Мельбурн и Токио – получили высокие оценки по такому показателю, как «активность работодателей». Международная бизнес-школа в Париже, например, имеет обширный список корпоративных партнеров, которые поддерживают университет и предоставляют студентам возможности для стажировки и карьерного роста. Во всех трех центрах сосредоточены национальные и международные компании, тесно связанные с университетским сообществом [1].

В рейтингах Global Cities Index and Global Cities Outlook, построенных на расчете индекса уровня глобализации городов мира, критериями оценки служат 27 переменных. Среди них экономическое положение страны, человеческий капитал, уровень информатизации и развития технологий, культурный опыт и политическая активность. Согласно отчету Global Cities за 2019 г., Нью-Йорк, Лондон и Париж сохраняют свое десятилетнее доминирование в тройке лучших городов. Благодаря стабильным показателям Лондон занимает первое место в рейтинге Global Cities Outlook, Сан-Франциско упал с первого на третье, поскольку города-претенденты опережают калифорнийский технологический центр по уровню личного благополучия и иностранных инвестиций [2].

В табл. 1 представлены наиболее привлекательные для студентов города мира, названия которых «на слуху» и которые предоставляют не только образовательные услуги, но и комфортную среду для пребывания.

Таблица 1

Лучшие студенческие города в рейтинге QS, 2019 г. [3]

1. Лондон	11. Гонконг
2. Токио	12. Торонто
3. Мельбурн	13. Бостон
4. Мюнхен	14. Вена
5. Берлин	15. Эдинбург
6. Монреаль	16. Ванкувер
7. Париж	17. Тайбэй
8. Цюрих	18. Киото-Осака-Кобе
9. Сидней	19. Нью-Йорк
10. Сеул	20. Сингапур

Одним из лидеров в области развития «университетских городов» является Соединенное Королевство. Согласно анализу объединяющей британские вузы организации Universities UK, в 2014–2015 учебном году университеты Соединенного Королевства внесли

95 млрд ф. ст. в экономику страны и обеспечили более 940 тыс. рабочих мест [4]. Особую роль в доходах казны играет интернационализация образования. Иностранные студенты произвели в указанный период в общей сложности 25,8 млрд ф. ст. валовой продукции за счет расходов в кампусе и за его пределами, а также поддержали 250 тыс. рабочих мест. Было зафиксировано, что университеты генерируют больший годовой оборот, чем юридический сектор Великобритании, сектор рекламы и маркетинга, а также производство самолетов и космических аппаратов [5].

Концепция «университетского города» идет рука об руку с теориями об «умном городе» (smart city),

возникшими как реакция на процессы цифровизации повседневной жизни, появление «больших данных» и развитие искусственного интеллекта (ИИ). Согласно видению Министерства бизнеса, энергетики и промышленной стратегии Великобритании, «концепция [умного города] не статична: нет его абсолютного определения, нет конечной точки, а, скорее, речь о процессе или серии шагов, с помощью которых города становятся более «пригодными для жизни» и устойчивыми и, следовательно, способными быстрее реагировать на новые вызовы» [6]. На рис. 1 представлены слабые и сильные стороны, риски и возможности внедрения «умных технологий».

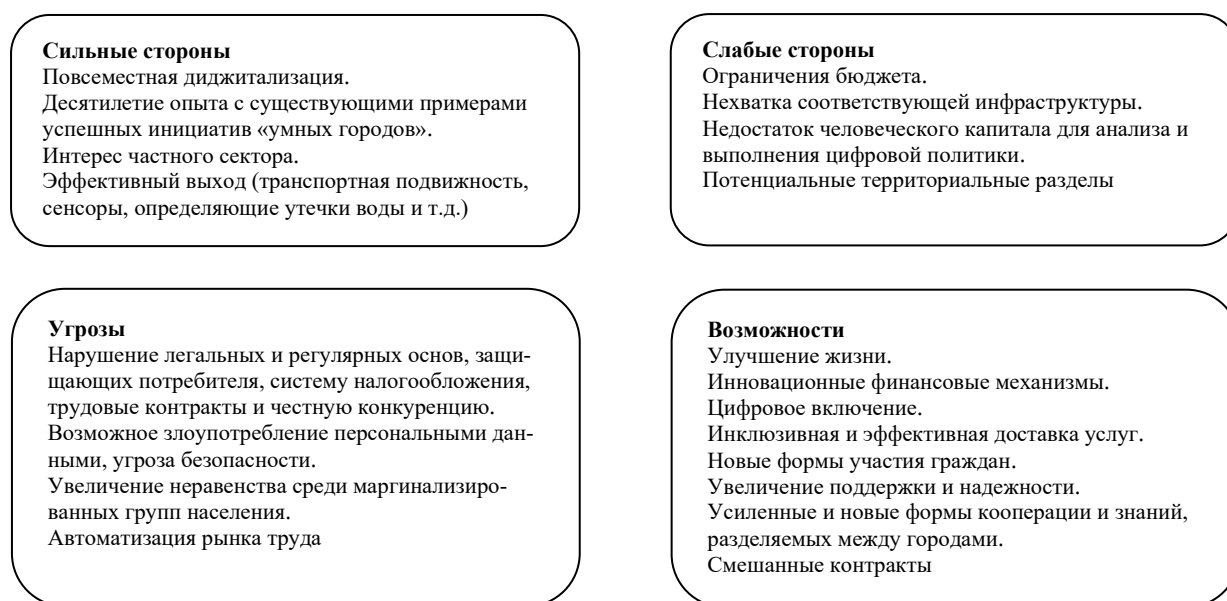

Рис. 1. SWOT-анализ инициатив «умных городов» в странах ОЭСР [6]

Один из прогнозов предрекает, что к 2040 г. города Британии станут заметно «умнее», чем сейчас, и не потому, что будут использовать более сложные технологии, а потому, что улучшат человеческий опыт городской жизни [7]. Прослеживается прямая связь между «университетским» и «умным» городом. Университетский городок, или кампус, как правило, имеет собственные дороги, магазины, жилые районы, банки и транспортное сообщение. Ежедневно его могут посещать десятки тысяч человек. По сути, это крошечный город, который в ряде стран все больше и больше выбирает быть «умным городом». Например, Университет Глазго, Шотландия, с 2016 г. работает над стратегией внедрения «умных» технологий в кампус по мере его расширения. Концепция включает в себя технологии ИИ в кампусе, автобусную службу и центр обработки данных, работающий на возобновляемых источниках энергии [Ibid.]. Цифровизация и «большие данные» выступают движущей силой и в Ноттингемском университете, Англия. «Большие данные» помогают руководству университета понять, как используется физическое пространство кампуса, и соответствующим образом скорректировать планирование [Ibid.].

Концепция «университетского города» тесно связана с «третьей миссией» университета (первая миссия —

образовательная, вторая — научная, третья — нацеленная на развития окружающего пространства — города или региона в целом). В 1960-е гг. в некоторых западных университетах, включая британские, начинает меняться их философия в пользу усиления социальной деятельности и общественной полезности, происходит сближение интересов университетов и города, формируются общие повестки и стратегии [8. С. 89].

В Великобритании «третья миссия» университета стала объектом особого политического внимания в конце 1990-х гг., когда Совет по финансированию высшего образования включил эту функцию в свои расчеты. Вслед за этим началась разработка инструментов, нацеленных на количественную оценку (уровни активности и воздействия) и в конечном итоге на монетизацию деятельности, начиная от патентования и лицензирования до защиты социальной справедливости. В конечном итоге была принята система распределения финансирования, в соответствии с которой университетам требовалось собирать данные о своей деятельности в рамках «третьей миссии». Эти стимулы появились в дополнение к получению финансирования от местных органов власти и (до 2010 г.) агентств регионального развития (RDA), что придало «третьей миссии» ярко выраженное территориальное измерение [9].

Следует заметить, что и регионы, в которых располагаются университетские города, как и сами университеты, различаются по своему экономическому профилю, социальному, этническому составу и другим параметрам, которые следует учитывать для понимания общих целей, проблем и ресурсов в рамках единых стратегий и взаимодействия руководства университета и властей региона. Например, для Великобритании наиболее насущными задачами являются преодоление жилищного кризиса в некоторых регионах, повышение производительности труда, сокращение социального неравенства и переход к низкоуглеродной экономике. Решение этих проблем возможно только в комплексе, посредством скоординированных действий и с применением «умных технологий». Однако разработка и внедрение таких инструментов требуют высококвалифицированной рабочей силы, поставщиками которой, как правило, являются университеты, реагирующие на запросы рынка введением соответствующих курсов: по облачным технологиям, мобильным сетям 4G и 5G, разработке новых мобильных приложений, созданию беспилотных летательных аппаратов и безопасности данных и сетей для бизнеса, образования и НИОКР.

Влияние факторов Брекзита и пандемии на университеты и университетские города Британии

Внедрение «умных технологий» в инфраструктуру городов и университетских кампусов – это одна сторона вопроса. Другая – на фоне Брекзита – связана с динамикой приема абитуриентов в британские вузы из стран ЕС.

Напомним, что 23 июня 2016 г. состоялся референдум о членстве страны в Европейском союзе. Почти 52% населения проголосовало за выход Соединенного Королевства из объединения. В июне 2017 г. начались длительные сложные переговоры между Лондоном и Брюсселем о выработке окончательных условий выхода страны из ЕС. На фоне тревоги населения о сохранении принципа свободного передвижения людей, с одной стороны, произошло снижение численности прибывающих в Британию иммигрантов разных категорий из стран Евросоюза, с другой стороны, возникло такое явление, как Брексокус – массовый «исход» граждан других стран ЕС, находящихся на территории Соединенного Королевства.

Ситуация стабилизировалась в 2018 г., опровергнув прогнозы о «бегстве» мигрантов из Великобритании. Таблица 2 дает представление о численности покидающих и въезжающих на территорию Великобритании граждан ЕС [10].

Таблица 2

Иммиграция и эмиграция в Великобританию, 2018 г.

ЕС*	Иммиграция	Эмиграция
ЕС в целом	226 000	138 000
ЕС-15	115 000	70 000
ЕС-8	45 000	47 000
ЕС-2	57 000	19 000

* ЕС-15: Австрия, Бельгия, Греция, Дания, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Республика Ирландия, Финляндия, Франция, ФРГ, Швеция; ЕС-8: Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чешская Республика, Эстония; ЕС-2: Болгария, Румыния.

В период с марта 2017 г. по март 2018 г. количество выезжающих из Великобритании граждан стран ЕС-15 увеличилось на 21% и на 19% – граждан ЕС-2 – Румынии и Болгарии [11]. При этом мигранты из ЕС все чаще подают заявления на получение гражданства Великобритании: более 11 тыс. заявлений в каждом из первых двух кварталов 2018 г. Это самый высокий показатель за всю историю и примерно на 2 тыс. больше, чем за соответствующие периоды 2017 г. [11].

Весной 2020 г. правительство Б. Джонсона инициировало внесение изменений в существующую миграционную систему страны, предложив балльную систему. Потенциальные трудовые мигранты будут получать вид на жительство и трудоустройство при наборе определенного количества баллов. После окончания переходного периода, с 1 января 2021 г., граждане из стран ЕС и других государств смогут приезжать и жить в Британии вместе со своими семьями, если наберут 70 баллов; при этом закон не распространяется на тех, кто уже живет и работает в стране. Гражданам ЕС, ЕЭЗ и Швейцарии, а также другим лицам, не имеющим визы, не потребуется виза для въезда в Великобританию при ее посещении на срок до 6 месяцев [12].

Потенциальные неудобства закон создает для исследователей. Профессия ученого в последние годы напрямую связана с мобильностью. Одним из важных элементов эффективной работы международных исследовательских коллабораций внутри Европейского союза являлась свобода передвижения. Британские ученые в настоящее время получают более 1 млрд евро в год из источников ЕС, а также множество менее поддающихся количественной оценке выгод, включая доступ к инфраструктуре и другим преимуществам сотрудничества [13].

Для Великобритании участие в европейских образовательных и научных грантах наряду с приемом студентов из стран ЕС и из-за его пределов имеет большое значение. Страна обладает одной из старейших систем высшего образования и имеет крепкие позиции в области интернационализации образования; британские вузы входят в первые строчки мировых рейтингов университетов.

После референдума о членстве Великобритании в Евросоюзе существовало опасение, что произойдет резкое падение заявлений из стран ЕС, однако такие прогнозы не оправдались [14]. Правительство Б. Джонсона гарантировало сохранение прежней стоимости обучения для студентов из ЕС до конца 2020/2021 учебного года, но с 2021/2022 учебного года такие студенты больше не будут рассматриваться на тех же основаниях, что и британские. Это означает, что плата за обучение существенно возрастет: для студентов из стран вне ЕС стоимость обучения составляет от 15 500 ф. ст. в бакалавриате до 58 000 ф. ст. в год на некоторых курсах, для студентов из ЕС – 9 250 ф. ст. в год [15].

Н. Хиллман, директор аналитического центра Института политики высшего образования Великобритании, прогнозирует, что «более высокие сборы и прекращение доступа к студенческим ссудам могут привести к снижению примерно на 60% числа студентов из ЕС, приезжающих в Великобританию для учебы.

Если это произойдет, наши университеты будут менее разнообразными и менее открытыми для влияния других стран». Но, продолжил он, «было бы морально и юридически трудно взимать с граждан ЕС более низкие сборы, которые мы уже взимаем со студентов из других стран, как только Брекзит вступит в силу» [16].

В то время как граждане ЕС могут найти бесплатные или существенно более дешевые варианты обучения во многих странах Европы, многие по-прежнему едут в Великобританию из-за ее высокой международной образовательной репутации.

В ходе одного из опросов потенциальных студентов попросили оценить, насколько вероятно, что они реализуют свои планы обучения в Великобритании, если плата вырастет на 10, 25, 50, 100% или более. При увеличении на 100% подавляющее большинство (84%) опрошенных заявили, что «определенно не будут учиться в Великобритании»; только 1% респондентов заявили, что на них не повлияют такие сборы, в то время как 15% указали, что у них будет «меньше» или «гораздо меньше шансов» учиться в Соединенном Королевстве. При повышении платы на 50% 61% опрошенных заявили, что «определенно не будут» учиться в Великобритании, а 38% назвали это «менее» или «гораздо менее вероятным». По данным Study.eu, в последние годы университеты континентальной Европы увеличивают количество курсов с преподаванием на английском языке, особенно после референдума о Брекзите в 2016 г [17].

В марте 2019 г. кабинет Т. Мэй принял программный документ «Международная образовательная стратегия: глобальный потенциал, глобальный рост». Иностранные студенты, которые «вносят важный вклад в экономический рост, помогая генерировать инвестиции и рабочие места», признаются в нем ключевой составляющей лидерских позиций Великобритании в области образования [18]. Согласно приводимым в документе цифрам, количество иностранных студентов в Великобритании в 2018–2019 гг. составляло 485 645 чел. Принятая стратегия предусматривает увеличение количества иностранных студентов, обучающихся в Великобритании, до 600 тыс. чел. к 2030 г. В документе признается, что, несмотря на прогнозируемое «замедление среднегодовых темпов роста численности иностранных студентов в течение следующих 10 лет, этот рынок останется жизненно важным для сектора образования Великобритании» [Ibid.]. Планируется привлекать иностранных студентов из таких ключевых для Британии регионов, как Китай и Гонконг, страны АСЕАН, Ближний Восток и Северная Африка, Латинская Америка. Документ также признает важность и открытость к программе Erasmus +, в разработке которой Британия принимала непосредственное участие, и подтверждает поддержку стипендиальных программ Chevening, Commonwealth и Marshall и других региональных инициатив, например стипендиальной программы Шотландии Saltire [Ibid.].

Пандемия ставит под сомнение реализацию заявленной цели: по мнению профессора С. Марджинсона, директора Центра глобального высшего образования в Оксфорде, понадобится не менее пяти лет, прежде

чем глобальная мобильность студентов восстановится после мировой рецессии, которая, как ожидается, последует вслед за пандемией [19].

В табл. 3 представлено десять стран, из которых молодые люди едут учиться в британские вузы.

Таблица 3

Топ-десять стран происхождения иностранных студентов-первокурсников в вузах Соединенного Королевства, 2018–2019 гг. [20]

Страна происхождения	Количество первокурсников, чел.	Доля от всех студентов 1-го года обучения, %
Китай	86 485	32
Индия	17 760	7
Соединенные Штаты	12 085	5
Германия	7 115	3
Гонконг	6 925	3
Франция	6 645	2
Малайзия	5 940	2
Италия	5 930	2
Нигерия	5 485	2
Греция	4 770	2

В настоящее время, как видно, Соединенное Королевство все больше полагается на студентов из Китая, количество которых более чем утроилось с 2006/2007 по 2018/2019 учебный год – 32% всех новых студентов-первокурсников. Эта тенденция наблюдается и в других странах, что объясняется большой численностью населения КНР и ее растущим благосостоянием. В США, например, китайские студенты составили 34% всех иностранных студентов в 2018/2019 учебном году, в Австралии – 37% [Ibid.].

Всего 10 лет назад на Китай и Индию приходилось около 23% всех поступающих в британские университеты из стран, не входящих в Европейский союз. Численность студентов из Китая в 2019 г. выросла до 47%, а из Индии до 11%. Евросоюз, несмотря на Брекзит и неопределенность в отношении стоимости обучения для студентов из ЕС в 2021 г., остается одним из главных поставщиков потенциальных абитуриентов для Британии. Страны Евросоюза демонстрируют высокую региональную мобильность: 83% студентов предпочитают учиться в другой европейской стране, а Великобритания уже является привлекательным местом обучения для континентальных студентов, особенно из Италии и Германии [Ibid.].

На опасения о будущем интернационализации наслонилось влияние пандемии. Первые месяцы жесткого локдауна сопровождалась паникой в Британии и по всему миру: большинство прогнозов сводилось к ожиданию серьезного сокращения численности иностранных студентов в летнюю приемную кампанию 2020 г. Постепенно тревожные прогнозы сменились на более оптимистичные. Согласно результатам опросов, школьники старших классов и студенты быстро адаптировались к новой технологической реальности. В апреле 2020 г. Глобальная организация ЕУ совместно с IDP Connect и Британским советом представила результаты опроса более 40 тыс. будущих иностранных студентов. Согласно полученным данным, только 5% опрошенных заявили, что откажутся от учебы за

рубежом. Опросы показали, что большинство потенциальных индийских и китайских студентов, которые составляют значительную часть иностранных студентов в Великобритании, стремятся продолжить обучение за границей; также прогнозируется, что набор студентов из других стран в аспирантуру, особенно в докторантуру, резко вырастет, поскольку нынешние студенты предпочитают продолжать обучение, а не рисковать на обвалившемся рынке вакансий [21].

COVID-19 коренным образом изменил прежний формат работы университетов и взаимодействия студентов и преподавателей. Были запущены дискуссии о рисках и преимуществах дистанционной работы, способах сбалансированного использования технических возможностей с целью не допустить падения качества обучения, об устаревании прежних принципов и форматов в работе со студентами. Например, проректор Университета Лидса, голландский эксперт в области здравоохранения С. Буйтендик заявила, что 45-минутные лекции «устарели» и «с педагогической точки зрения неуместны» [22]. Она выступила за более короткие онлайн-блоки, которые можно обсуждать в классе. Но даже в этом видении очное обучение остается центральным элементом существующих образовательных парадигм. За такой подход выступают многие преподаватели по всему миру, доказывая, что работа со студентами невозможна без передачи личного опыта и живого общения [Ibid.].

В то же время пандемия усилила переориентацию некоторых университетов на большее, чем прежде, взаимодействие с промышленным сектором. Например, в 2018 г. Нортгемптонский университет, Англия, открыл новый кампус стоимостью 330 млн ф. ст., в котором всего один лекционный зал, позволяющий проводить онлайн- и групповое обучение. Университет работает с местным кожевенным производством и делает упор на подготовку выпускников с соответствующими навыками. Пандемия привела к увеличению спроса на быстрое переобучение в условиях резко возросшей безработицы, подтолкнув университеты к расширению сотрудничества с центрами дополнительного образования. Н. Петфорд, вице-канцлер Нортгемптонского университета, заявил о запуске новых курсов переподготовки кадров, особенно для тех, кто меняет профессию. По его словам, коронавирус стал «катализатором» трансформаций: «Университеты обнаружили, что все можно делать быстро» [Ibid.].

Изменения на рынке труда и в технологиях обучения требуют быстрого реагирования, наличия развитых адаптивных способностей. Сфера образования же длительное время являлась консервативной, закрытой, слабо подверженной внешнему влиянию. Только после Второй мировой войны началось активное развитие университетов, строительство кампусов, рост численности студентов. На сегодняшний день в мире около 26 тыс. вузов; в ряде отраслей отмечается переизбыток людей с высшим и послевузовским образованием [23]. Массовый характер высшего образования привел к вопросу о ценности самого диплома в ряде отраслей. Некоторые отрасли предпочитают набирать сотрудников без высшего образования, но имеющих навыки,

имеющие отношение к предпринимательству и установкам на личностный и профессиональный рост [24].

По мнению экспертов, возникает парадокс: при возрастании численности людей, получающих или имеющих возможность получить высшее образование, происходит его обесценивание. Для работодателей все важнее становится поиск такого сотрудника, который не только обладает соответствующей подготовкой в той или иной сфере, но и способен быстро переучиваться, обладает культурой непрерывного обучения. В профессиональном обиходе такой сотрудник стал именоваться «человек+», человек, готовый к постоянному совершенствованию своих навыков и опирающийся на уже наработанный опыт [Ibid.].

В то же время сложно отрицать роль университетов в социализации молодых людей, получении и наращивании опыта межличностной коммуникации. Онлайн-обучение ведет к изолированности, распаду существовавших личных контактов и нарастанию депрессии и апатии у некоторых студентов. Новый национальный локдаун в Великобритании, введенный в начале ноября 2020 г., спровоцировал студенческие протесты в некоторых городах страны. Строгие ограничения в кампусе и ухудшение психологического состояния его жителей выразились в студенческих забастовках и даже протестах сотрудников в кампусах. В Ноттингеме и Линкольне, например, студенты и персонал вузов протестовали против руководства, которое настаивало на проведении очного обучения на территории кампуса [25].

Ухудшение психологического состояния студентов фиксируется и в других странах. Например, одно из исследований, проведенных весной 2020 г., показало, что 34,4% студентов в университетах разных штатов Индии испытывали стресс в какой-то момент недели, 22,6% учащихся чувствовали стресс «часто» в течение недели, а 15,1% учащихся постоянно находятся в состоянии стресса из-за угрозы коронавируса. Почти 78% студентов испытывали дискомфорт в режиме онлайн-обучения [26]. Аналогичные исследования проводились в других странах [Ibid.]. Например, в Северном Нью-Джерси, США, серьезно пострадавшем от вспышки COVID-19, был выявлен высокий уровень психических расстройств среди студентов и сделан вывод о необходимости разработки мер по оказанию психологической помощи [27].

Коронавирус угрожает сплочению общества, умножает раздробленность, фрагментацию и атомизацию мира. В Британии, как видно, друг на друга наслось два процесса – достижение окончательных условий выхода Соединенного Королевства из Европейского союза и пандемия.

Опыт «умных» городов и технологий для университетов, влияние пандемии

В 2020 г. Институт стратегии Идена (Сингапур, Малайзия) обнародовал рейтинг 50 лучших правительств «умных городов» во всем мире на основе исследования, проведенного в партнерстве с группой OXD (ONG & ONG Experience Design) [28]. Это первый независимый рейтинг такого рода (было изучено

140 «умных городов»), в котором отражена роль городских властей в реализации стратегии «умного города», помимо признания технологических достижений самих городов.

Пятьдесят лучших правительств таких городов ранжированы по десяти критериям: ясность представ-

лений (о себе как об «умном городе». – Е.Х.); лидерство; бюджет; предоставление материального стимулирования; программы поддержки; поощрение талантов; человекоцентричный подход; развитие инновационной экосистемы; реализация «умных» политик; история предыдущих инициатив и проектов (табл. 4).

Таблица 4

Топ-50 правительств умных городов, 2018–2019 гг. [28]

Ранг	Город	Ранг	Город	Ранг	Город
1.	Лондон	18–19.	Гонконг и	35.	Атланта
2.	Сингапур		Сиэтл (ничья)	36.	Пуна
3.	Сеул	20.	Шарлотта	37.	Веллингтон
4.	Нью-Йорк	21–22.	Ванкувер и	38.	Канзас-Сити
5.	Хельсинки		Вашингтон (ничья)	39.	Торонто
6.	Монреаль	23.	Нью-Дели	40.	Дубай
7.	Бостон	24.	Копенгаген	41.	Дублин
8.	Мельбурн	25.	Колумбус, Огайо	42.	Тель-Авив
9.	Барселона	26.	Лос-Анджелес	43.	Филадельфия
10.	Шанхай	27.	Сурат	44.	Рейкьявик
11.	Сан-Франциско	28.	Токио	45.	Лион
12.	Вена	29.	Берлин	46.	Париж
13.	Амстердам	30.	Пекин	47.	Джакарта
14.	Шэньчжэнь	31.	Сидней	48.	Рио де Жанейро
15.	Стокгольм	32–33.	Ахмадабад и	49.	Пхукет
16.	Тайбэй		Бхубанешвар (ничья)	50.	Кигали
17.	Чикаго	34.	Джайпур		

Города Соединенных Штатов также фигурируют в лидерах в рейтингах «умных городов», причем во многих случаях именно университеты становятся как заказчиками, так и производителями «умных» технологий, внедряя инновации на территории университетских кампусов. Например, Техасский университет в Остине имеет полностью независимую сеть, обеспечивающую его энергией на 100% и частично транспортом; Мичиганский университет имеет систему самоуправляемого шаттла и информации; Университет Миннесоты установил 300 цифровых информационных табло с данными, обновляемыми в реальном времени [29]. Университет Дикина в Виктории, Австралия, создал и внедрил аналогичную систему под названием Genie. Это цифровой помощник в виде голосового приложения для смартфона в стиле Siri с информацией о заданиях, расписании, ссылках и др. Поскольку он работает на ИИ, то становится более полезным по мере использования [30].

Впечатляющие изменения происходят и в Азии. В 2011 г. была запущена инициатива создания большого кластера городов на юге Китая «Регион Большого Залива» (Great Bay Area), который должен объединить Гонконг, Макао, Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Фошань, Чжуншань, Дунгуань, Хуэйчжоу, Цзянмэнь и Чжаоцин в единый экономический и деловой центр. Согласно плану, «Регион Большого Залива» станет крупнейшим международным пространством инноваций и технологий, в рамках которого предполагается укрепление сотрудничества университетов Южного Китая и других частей Юго-Восточной Азии. Спрос на новые курсы по искусственному интеллекту и робототехнике, блокчейну, аналитике данных, электронной коммерции, виртуальной реальности и Интернету вещей уже растет. Университеты также начали предлагать всем желающим широкий выбор соответствующих курсов [31].

В 2014 г. в Великобритании была основана национальная программа Smart Cities UK, которая функционирует как ежегодная конференция для обучения и обмена опытом британских городов и пригородов, которые пытаются решать общие экономические и социальные проблемы посредством «умных» технологий. В 2016 г. в рамках этой программы были введены награды, цель которых – поощрение передового опыта и признание прогресса, достигнутого в развитии «умного города». На сегодняшний день форум наградил более двадцати организаций, которые продемонстрировали свое влияние на ускорение экономических и социальных результатов в городе, пригороде или стране. В то же время руководство форума замечает, что «несмотря на очевидный пример реализации [таких] инициатив по всей стране, все еще существует значительный пробел в знаниях и понимании определения “умного города”, особенно среди местных властей» [32]. Многие правительственные структуры, созданные для обучения и развития диалога между заинтересованными сторонами в рамках логики «умного города», во многих случаях не смогли улучшить результаты развития населенных пунктов.

Пандемия коронавируса внесла свои коррективы в развитие «умных» и «университетских» городов. Намечались разноректорные процессы: с одной стороны, произошло повсеместное и массовое внедрение доступных, но прежде не апробированных в массовом порядке технических инструментов в учебный процесс; с другой стороны, само дистанционное образование как более дешевое и доступное ставит вопросы о финансовых рисках университетов и будущем интернационализации. В апреле 2020 г. консалтинговая компания в области политики и экономики в Европе London Economics подготовила для Союза университетов и колледжей анализ, согласно которому в следующем учебном году университеты столкнутся с нехваткой

2,6 млрд ф. ст. из-за воздействия пандемии коронавируса [33].

Вызовы «умных» технологий: движение от человека и для человека

Опыт внедрения «умных технологий», порожаемых человеком, показал, что они не должны подменять людей. Любой вид мониторинга вызывает вопросы о конфиденциальности и защите данных. Например, Университет Кертина в Западной Австралии объединился с Hitachi, чтобы превратить кампус в «лабораторию сбора данных» с 1 600 камерами, подключенными к программному обеспечению для распознавания лиц и аналитики для сбора информации о тенденциях развития, моделях обучения и посещаемости курсов. По словам главного операционного директора университета Я. Каллахана, информация будет использована «для улучшения опыта взаимодействия студентов и совершенствования системы обучения» [34]. Но «университеты должны помнить, что данные – это не волшебная палочка, – считает К. Армор, проректор по образованию в Университете Бирмингема. Я не согласен с предложением о том, что нам нужно собирать горы данных обо всем, что делает студент... Легко увлечься. Вместо этого нам необходимо разумно использовать анонимные данные, чтобы обеспечить максимальную эффективность нашего кампуса, поддержку систем для удовлетворения потребностей студентов» [Ibid].

Вступление университетов в эру ИИ влечет за собой возрастание значимости этических вопросов. Кому будут и должны принадлежать биометрические и другие данные обучающихся? У кого должен быть доступ к ним и как их использовать? Как ИИ изменит мышление человека, его восприятие и взаимодействие с окружающим миром и порожденным им ИИ?

Неслучайно исследователи выделяют наряду с «умным городом» понятие «мудрого» (wise) города. Согласно методологическим разработкам Дж. Равеца, содиректора Коллаборации по обеспечению устойчивости городов Манчестерского университета, Великобритания, особую роль при переходе от «умного» города «мудрому» будет играть именно гуманитарная, а не техническая сторона вопроса. «Подобно мыслительному процессу, но уже в сознании городского сообщества, происходят со-обучение, со-познание, со-креация, со-производство» [Ibid.].

О важности человека в происходящих технологических изменениях говорят эксперты и в связи с будущим «умных городов»: люди, а не технологии, должны являться истинными действующими лицами городской «умности». Университеты могут сыграть роль связующего звена в формировании «человеческого» облика «умных городов» – посредством своей структуры, исследований и международных коллабораций [35].

В 2019 г. В Париже состоялся Первый круглый стол ОЭСР, посвященный «умным городам» и инклюзивному росту. По итогам встречи было сделано пять ключевых выводов, которые ставят в центр изменений человека и предупреждают об опасности увлечения технологиями:

1. Хотя цифровая революция предлагает беспрецедентные возможности для улучшения жизни миллионов городских жителей, нет никаких гарантий, что быстрое распространение новых технологий автоматически принесет пользу гражданам по всему миру. Политика «умного города» должна разрабатываться, внедряться и контролироваться как инструмент для улучшения благосостояния всех людей.

2. Создание «умных городов» – это дело не только городов или частного сектора. Национальные правительства могут и должны играть стимулирующую роль в поддержке предоставления инновационных решений, наращивания потенциала и апскейлинга.

3. Измерение эффективности «умного города» – сложная, но крайне необходимая задача. Продвижение программы измерений требует всеобъемлющей, многоотраслевой и гибкой структуры, которая согласована с местными и национальными стратегическими приоритетами и включает эффективность, действенность и аспекты устойчивости.

4. «Умным городам» необходимо «умное управление». Деловые и договорные модели должны быстро адаптироваться к изменениям городской среды и использовать более целостный подход, иногда вместо того, чтобы просто отменить регулирование и использовать государственные закупки, в том числе на этапе предпродажной подготовки.

5. Граждане являются не только получателями, но и участниками политики «умного города». Ставить людей в центр «умных городов» означает осуществлять совместную разработку политики вместе с гражданами на протяжении всего политического цикла [6].

Привлечение внимания к этой стороне вопроса свидетельствует не только о важности человека в происходящих изменениях, но и его активной роли в конструировании новой технологической реальности как заказчика, исполнителя и потребителя конечного продукта. Несколько лет назад в мире произошел всплеск дебатов о том, насколько реальной является угроза ИИ человеку. Появление искусственного разума, способного обыгрывать человека в шахматы и моделировать сложные музыкальные композиции, казалось, приближало осуществление предсказаний фантастов и футурологов о восстании машин против человека.

Хотя прогнозы специалистов по этому вопросу расходятся (например, команда исследователей из Йельского университета и Оксфордского института в 2016 г. провела опрос лидеров отрасли и ученых о том, когда ИИ будет способен выполнять любую задачу так же или лучше, чем люди, и получила результат, основанный на ответах 352 экспертов: это случится к 2060 г., а к 2136 г. ИИ займет все человеческие рабочие места; см. подробнее: [36]), применение ИИ в разных сферах жизни общества, включая образование, возрастает. Согласно одному из опросов, 61% британских родителей ожидают, что в ближайшем будущем ИИ будет «важен» или «очень важен» для школьного образования. При этом большая часть опрошенных обеспокоена последствиями его детерминизма (77%), подотчетности (77%) и конфиденциальности и безопасности в связи с его распространением (73%) [37].

Исследование, выполненное по заказу правительства Великобритании, показало, что внутренние инвестиции в сектор разработки ИИ увеличились в 2019 г. на 17% – больше, чем в других странах ЕС вместе взятых [38]. Британские университеты уже приобрели прочную репутацию в области исследований ИИ и ежегодно предлагают все больше учебных курсов и стажировок в указанной сфере. Искусственный разум играет важную роль и в современном позиционировании университетов: для поддержания своих конкурентных позиций они должны уделять ему повышенное внимание.

ИИ активно используется в образовательном процессе и создании электронной среды университетов. Чат-боты, интеллектуальные агенты, использующие естественный язык, разрабатываются во многих университетах мира. Виртуальные помощники обучают и направляют индивидуальное обучение. Например, в рамках инициативы Open Learning Initiative (OLI) американский Университет Карнеги–Меллона уже несколько лет работает с преподавателями по когнитивным технологиям на основе ИИ. Было обнаружено, что курс по статистике OLI, проводимый при минимальном контакте с инструктором, дает эффективные результаты для студентов при меньшем количестве часов обучения. Например, в Технологическом институте Джорджии студенты не могли отличить обратную связь от человека и бота [39].

Смешанная реальность и компьютерное зрение могут обеспечить реалистичную и захватывающую среду, стимулирующую интерес и понимание. Например, технологии моделирования и игр способствуют вовлечению учащихся и улучшают обучение более интуитивно понятными и адаптивными способами. Они также могут вовлекать студентов в совместное развитие знаний и исследовательскую деятельность. Новые технологии также позволяют людям со всего мира участвовать в научных открытиях через глобальные классы и совместные проекты, например, такие как Galaxy Zoo.

Помимо повышения качества образования, ИИ может сделать курсы доступными для гораздо большего числа людей. Раньше доступ к образованию был ограничен размером помещения и численностью класса. Благодаря таким разработкам, как массовые открытые онлайн-курсы (MOOC), за последние пять лет десятки тысяч людей смогли изучать широкий круг университетских предметов [Ibid.].

Однако следует учитывать, что можно автоматизировать лишь отдельные элементы процесса обучения; ИИ на сегодняшний день не способен полностью заменить фигуру преподавателя, но может разгрузить его для научных исследований и проведения индиви-

дуальных занятий с учениками. Такого рода задачи влекут за собой другие проблемы, связанные с перераспределением часов, оптимизацией самого учебного процесса, поиском ответа на вопрос о ценности неизмеряемых компонентов работы преподавателя. Согласно некоторым прогнозам, пандемия спровоцирует волну сокращений. Самые высокие затраты в бюджете любого колледжа или университета – это люди. В связи с ростом расходов, связанных с COVID-19, и сокращением доходов из-за сокращения количества студентов, проживающих в общежитиях (общежития, билеты на мероприятия и т.д.), университеты будут предпринимать меры по сокращению расходов на персонал [40].

Заключение

Высшее образование за последние полтора столетия совершило впечатляющую трансформацию от элитарной к массовой и «непрерывной» модели обучения. Если в 1970 г. 10% населения мира имело законченное высшее образование, то в 2014 г. эта цифра составила 34% [41] и продолжает расти. Такие изменения обуславливают взаимозависимость университетов и их кампусной инфраструктуры с окружающим пространством, властными структурами городов и регионов и бизнес-сообществом.

Пандемия приблизила очередной виток научно-технической революции, внедрение новых изобретений в массовое производство и потребление. Усилилась связь университетов, городов и «умных технологий». Однако наряду с этими процессами возрастает опасность потери «человека» в происходящих изменениях. Технологии в высшем образовании не должны подменять преподавателя и живое общение. Перед университетами в их связке с окружающим пространством стоит сложная задача: используя и генерируя новые технологические инструменты и внедряя искусственный интеллект в процесс обучения, направлять эти новации на развитие человека и идти от человека. Только таким способом можно передать обучающимся навыки и ценности этического, духовного порядка, на воспроизводство и транслирование которых не способен в настоящее время даже самый продвинутый искусственный разум.

Следующий, 2021 год для Британии и ее вузовской системы станет решающим: проявятся в полную силу последствия выхода из Европейского союза и воздействие пандемии. Как представляется, сильные позиции страны в области развития «умных технологий» и интернационализации выступают как подушка безопасности и помогут смягчить удар. Дальнейшее же развитие событий зависит от адаптивных способностей самих университетов и их взаимодействия с городом и регионом.

ЛИТЕРАТУРА

1. University in the city – no longer an island of learning but a beacon for cooperation. URL: <https://www.topuniversities.com/city-rankings/2016> (accessed: 13.11.2020).
2. QS Best Student Cities. URL: <https://www.topuniversities.com/city-rankings/2019> (accessed: 13.11.2020).
3. A question of talent: how human capital will determine the next global leaders. URL: <https://www.kearney.com/global-cities/2019> (accessed: 24.11.2020).

4. Bothwell E. Universities 'generate 95 billion pounds for UK economy'. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/universities-generate-ps95-billion-uk-economy> (accessed: 15.11.2020).
5. International students contribution to UK economy. URL: <https://www.studying-in-uk.org/international-students-contribution-to-uk-economy/> (accessed: 07.11.2020).
6. Smart Cities and Inclusive Growth : Building on the outcomes of the 1st OECD Round table on Smart Cities and Inclusive Growth. URL: http://www.oecd.org/cfe/cities/OECD_Policy_Paper_Smart_Cities_and_Inclusive_Growth.pdf (accessed: 10.11.2020).
7. Are university campuses turning into mini smart cities? URL: <https://www.theguardian.com/education/2019/feb/22/are-university-campuses-turning-into-mini-smart-cities> (accessed: 22.11.2020).
8. Видревич М.Б. Третья миссия университетов: какой мы ее видим? // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (17 сент. 2018 г., УрФУ, Екатеринбург). Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. С. 88–95.
9. Lebeau Y., Cochrane A. Rethinking the 'third mission': UK universities and regional engagement in challenging times. // European Journal of Higher Education. 2015. № 5 (3). P. 250–263. URL: <https://doi.org/10.1080/21568235.2015.1044545> (accessed: 22.11.2020).
10. It's too early to talk of a 'Brexodus' – doing so ignores how many EU migrants have made Britain their home. URL: <https://theconversation.com/its-too-early-to-talk-of-a-brexodus-doing-so-ignores-how-many-eu-migrants-have-made-britain-their-home-102521> (accessed: 26.11.2020).
11. Provisional long-term international migration estimates. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/migrationstatisticsquarterlyreportprovisionallongterminternationalmigrationtimestimates> (accessed: 14.11.2020).
12. New immigration system: what you need to know. URL: <https://www.gov.uk/guidance/new-immigration-system-what-you-need-to-know> (accessed: 14.11.2020).
13. Gibney E. Brexit is happening: what does it mean for science. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-00215-0> (accessed: 27.11.2020).
14. Bolton P. Higher Education Student Number. Briefing Paper. 14 July 2020. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rc=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwi70Ku1kbvAhWIAxAlHWkSAKYQFjAAegQIAhAB&url=http%3A%2F%2Fresearchbriefings.files.parliament.uk%2Fdocuments%2FBCBP-7857%2FBCBP-7857.pdf&usq=AOvVaw0ob7uP1fZLKUNqd9RnmaeU> (accessed: 30.11.2020).
15. How will Brexit affect universities and students? URL: <https://www.thecompleteuniversityguide.co.uk/sector/news/how-will-brexit-affect-universities-and-students> (accessed: 30.11.2020).
16. Brexit: EU students will be charged more to study at UK universities from September 2021. URL: <https://www.euronews.com/2020/06/24/brexit-eu-students-will-be-charged-more-to-study-at-uk-universities-from-september-2021> (accessed: 17.11.2020).
17. O' Malley B. Most EU students 'will not study in UK' after fees decision. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2020070108154994> (accessed: 23.11.2020).
18. International Education Strategy: global potential, global growth : Policy Paper. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/international-education-strategy-global-potential-global-growth/international-education-strategy-global-potential-global-growth> (accessed: 22.11.2020).
19. Mitchell N. Can the UK regain lost ground in global recruitment? URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200424082207936> (accessed: 22.11.2020).
20. International Student Migration to the UK. 21 Mar 2020. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/international-student-migration-to-the-uk/> (accessed: 24.11.2020).
21. Pandemic redistribute international student flows : report. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/pandemic-redistribute-international-student-flows-report> (accessed: 16.11.2020).
22. Mance H. The future of the university in the Age of Covid. URL: <https://www.ft.com/content/9514643d-1433-408c-8464-cb4c0e09c822> (accessed: 19.11.2020).
23. Hughes C. COVID-19, higher education and the impact on society: what we know so far and what could happen. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/11/covid-19-higher-education-and-the-impact-on-society-what-we-know-so-far-and-what-could-happen/> (accessed: 20.11.2020).
24. Взгляд на будущее бизнеса: пять тенденций постцифровой эпохи. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d67989d9a7947b5e4d5ad0b> (дата обращения: 20.11.2020).
25. Hall R., Quinn B. England campus lockdown creating 'perfect storm' for stressed students. URL: <https://www.theguardian.com/education/2020/nov/06/england-campus-lockdowns-perfect-storm-students-mental-health-covid-restrictions> (accessed: 21.11.2020).
26. Utsav R., Ambreen F. Stress in Students after Lockdown Due to COVID-19 Threat and the Effects of Attending Online Classes. URL: https://www.researchgate.net/publication/341267580_Stress_in_Students_after_Lockdown_Due_to_COVID-19_Threat_and_the_Effects_of_Attending_Online_Classes (accessed: 25.11.2020).
27. Kecojovic A., Basch C.H., Sullivan M., Davi N.K. The impact of the COVID-19 epidemic on mental health of undergraduate students in New Jersey, cross-sectional study. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0239696> (accessed: 26.11.2020).
28. The Top 50 Smart Cities Governments in the World. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/the-top-50-smart-city-governments-in-the-world-300677567.html> (accessed: 26.11.2020).
29. Are university campuses turning into mini smart cities? URL: <https://www.theguardian.com/education/2019/feb/22/are-university-campuses-turning-into-mini-smart-cities> (accessed: 23.11.2020).
30. How big data is breathing new life into smart cities concept. URL: <http://smartcities.oii.ox.ac.uk/2016/01/06/how-big-data-is-breathing-new-life-into-the-smart-cities-concept/> (accessed: 22.11.2020).
31. Postiglione G.A. The role of universities in a highly technological age. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20191023081415452> (accessed: 12.11.2020).
32. Welcome to the Smart Cities UK Campaign. URL: <https://www.smartcityuk.com/> (accessed: 13.11.2020).
33. UK universities 'face £2.6 bn coronavirus hit with 30K jobs at risk' URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/uk-universities-face-ps26bn-coronavirus-hit-30k-jobs-risk> (accessed: 13.11.2020).
34. Ravetz J. Deeper-city. Synergistic pathways from smart to wise. Synergistics: a practical guide. Methods & tools for mapping & design of synergistic pathways // The University of Manchester. 2017. URL: https://jpi-urbaneurope.eu/app/uploads/2017/04/Ravetz_From-smart-to-wise.pdf (accessed: 13.11.2020).
35. British Council. Smart places: how universities are shaping a new wave of smart cities. URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/smart_places_report.pdf (accessed: 18.11.2020).
36. Ryan K., Writer S. Elon Musk (and 350 Experts) Predict Exactly When Artificial Intelligence Will Overtake Human Intelligence. URL: <https://www.inc.com/kevin-j-ryan/elon-musk-and-350-experts-revealed-when-ai-will-overtake-humans.html> (accessed: 18.11.2020).
37. Baker T., Smith L., Anissa N. Educ-AI-tion rebooted? Exploring the future of artificial intelligence in school and colleges. URL: <https://www.nesta.org.uk/report/education-rebooted/> (accessed: 15.11.2020).
38. Williams H. Top UK universities working on AI. URL: <https://www.computerworld.com/article/3412205/top-uk-universities-working-on-ai.html> (accessed: 16.11.2020).
39. Dodgson M., Gann D. Artificial Intelligence will transform universities. Here's how. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/08/artificial-intelligence-will-transform-universities-here-s-how/> (accessed: 17.11.2020).
40. Kim J. COVID-19 and the Future of Higher Ed Staff. URL: <https://www.insidehighered.com/blogs/learning-innovation/covid-19-and-future-higher-ed-staff> (accessed: 17.11.2020).
41. Roser M., Ortiz-Ospina E. Global Education. URL: <https://ourworldindata.org/global-education> (accessed: 18.11.2020).

Elena V. Khakhalkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

“UNIVERSITY” VERSUS “SMART CITY” IN THE CONTEXT OF BREXIT AND THE CORONAVIRUS PANDEMIC ON THE EXAMPLE OF THE UNITED KINGDOM

Keywords: Brexit; pandemic; internationalization; UK; University City; Smart city; university's third mission.

The topic is of current interest, joined with the state of the higher education system under the enormous influence of a pandemic of a new type of virus and is undergoing qualitative changes in different countries of the world. The article features the process of updating and converging two concepts – “university city” and “smart city” on the example of one of the world leaders in the field of internationalization – the United Kingdom under the influence of Brexit (Britain's exit from the European Union) and the coronavirus pandemic. The purpose of the article is to identify the points of contact between the two concepts – “university city” and “smart city” and assess the pace and results of their implementation in the United Kingdom in the context of the overlapping effects of Brexit and a pandemic. The general methodological framework of the study are represented by the views of C.R. Berry and E.L. Glaeser on the connection between “smart cities” and education and Joe Ravetz's theory of the special role of man and the humanitarian sphere in the transition from smart to wise cities. Analysis, synthesis, generalization of research results and modeling of possible developments were used to describe the current challenges to the British higher education system and internationalization in the context of Brexit and the coronavirus pandemic. The main sources for this article were statistics, interviews, policy documents of the UK government, public opinion polls and other materials. It is shown that for Britain two processes coincided - the exit from the European Union and the pandemic, seriously limiting the mobility of the population, including students. Both challenges carry both certain risks (a decrease in funding and the loss of applicants from the EU and other regions) and certain opportunities (the development of new online courses, stronger ties with industry amid rising unemployment, inclusion of people from different points of the globe in the distance learning process without infrastructure costs and others). Conclusions are made about the strengthening of the importance of “smart” technologies for the development of university campuses and forms of teaching in the UK under the influence of distance learning, introduced everywhere since March 2020. It is shown that “smart” technologies have both a positive impact on the life of university campuses and cities, and create certain risks associated with access to personal data and violation of the usual foundations of communication and infrastructure functioning. Scientific novelty is expressed in fixing the convergence of two concepts – “university” and “smart” under the influence of quantitative and qualitative changes in the recruitment of foreign students in the UK in the face of Brexit and pandemic challenges and forecasting the situation in the field of internationalization and these concepts in the short and medium term.

REFERENCES

1. QS World University Ranking. (2016) *University in the city – no longer an island of learning but a beacon for cooperation*. [Online] Available from: <https://www.topuniversities.com/city-rankings/2016> (Accessed: 13th November 2020).
2. QS World University Ranking. (2019) *QS Best Student Cities*. [Online] Available from: <https://www.topuniversities.com/city-rankings/2019> (Accessed: 13th November 2020).
3. Kearney. (2019) *A question of talent: how human capital will determine the next global leaders*. [Online] Available from: <https://www.kearney.com/global-cities/2019> (Accessed: 24th November 2020).
4. Bothwell, E. (n.d.) *Universities 'generate 95 billion pounds for UK economy'*. [Online] Available from: <https://www.timeshighereducation.com/news/universities-generate-ps95-billion-uk-economy> (Accessed: 15th November 2020).
5. UK. (n.d.) *International students contribution to UK economy*. [Online] Available from: <https://www.studying-in-uk.org/international-students-contribution-to-uk-economy/> (Accessed: 7th November 2020).
6. OECD. (n.d.) *Smart Cities and Inclusive Growth : Building on the outcomes of the 1st OECD Round table on Smart Cities and Inclusive Growth*. [Online] Available from: http://www.oecd.org/cfe/cities/OECD_Policy_Paper_Smart_Cities_and_Inclusive_Growth.pdf (Accessed: 10th November 2020).
7. Niemtus, Z. (2019) *Are university campuses turning into mini smart cities?* [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/education/2019/feb/22/are-university-campuses-turning-into-mini-smart-cities> (Accessed: 22nd November 2020).
8. Vidrevich, M.B. (2018) *Tret'ya missiya universitetov: kakoy my ee vidim?* [The third mission of universities: how do we see it?]. *Vyshee obrazovanie v Rossiyskikh regionakh: vyzovy XXI veka* [Higher Education in Russian Regions: Challenges of the 21st Century]. Proc. of the All-Russian Conference. September 17, 2018. Ekaterinburg. Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. pp. 88–95.
9. Lebeau, Y. & Cochrane, A. (2015) Rethinking the ‘third mission’: UK universities and regional engagement in challenging times. *European Journal of Higher Education*. 5(3). pp. 250–263. DOI: 10.1080/21568235.2015.1044545
10. Kilkey, M. & Ryan, L. (2018) *It's too early to talk of a 'Brexodus' – doing so ignores how many EU migrants have made Britain their home*. [Online] Available from: <https://theconversation.com/its-too-early-to-talk-of-a-brexodus-doing-so-ignores-how-many-eu-migrants-have-made-britain-their-home-102521> (Accessed: 26th November 2020).
11. UK. (n.d.) *Provisional long-term international migration estimates*. [Online] Available from: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/migrationstatisticsquarterlyreportprovisionallongterminternationalmigrationtimestimates> (Accessed: 14th November 2020).
12. UK. (n.d.) *New immigration system: what you need to know*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/guidance/new-immigration-system-what-you-need-to-know> (Accessed: 14th November 2020).
13. Gibney, E. (n.d.) *Brexit is happening: what does it mean for science*. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-00215-0> (Accessed: 27th November 2020).
14. Bolton, P. (2020) *Higher Education Student Number*. Briefing Paper. 14 July 2020. [Online] Available from: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwi70Ku1kbvAhWIAhAIHwKSAKYQFjAAegQIAhAB&url=http%3A%2F%2Fresearchbriefings.files.parliament.uk%2Fdocuments%2FCBP-7857%2FCBP-7857.pdf&usq=AOvVaw0ob7uP1fZLKUNqd9RnmaeU> (Accessed: 30th November 2020).
15. Oliver, C. (n.d.) *How will Brexit affect universities and students?* [Online] Available from: <https://www.thecompleteuniversityguide.co.uk/sector/news/how-will-brexit-affect-universities-and-students> (Accessed: 30th November 2020).
16. Euronews. (2020) *Brexit: EU students will be charged more to study at UK universities from September 2021*. [Online] Available from: <https://www.euronews.com/2020/06/24/brexit-eu-students-will-be-charged-more-to-study-at-uk-universities-from-september-2021> (Accessed: 17th November 2020).
17. O'Malley, B. (2020) *Most EU students 'will not study in UK' after fees decision*. [Online] Available from: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2020070108154994> (Accessed: 23rd November 2020).
18. UK. (n.d.) *International Education Strategy: global potential, global growth: Policy Paper*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/publications/international-education-strategy-global-potential-global-growth/international-education-strategy-global-potential-global-growth> (Accessed: 22nd November 2020).

19. Mitchell, N. (n.d.) *Can the UK regain lost ground in global recruitment?* [Online] Available from: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200424082207936> (accessed: 22.11.2020).
20. Migration Observatory at Oxford. (2020) *International Student Migration to the UK*. 21st March. [Online] Available from: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/international-student-migration-to-the-uk/> (Accessed: 24th November 2020).
21. Ross, J. (2020) *Pandemic redistribute international student flows: report*. [Online] Available from: <https://www.timeshighereducation.com/news/pandemic-redistribute-international-student-flows-report> (Accessed: 16th November 2020).
22. Mance, H. (n.d.) *The future of the university in the Age of Covid*. [Online] Available from: <https://www.ft.com/content/9514643d-1433-408c-8464-cb4c0e09c822> (Accessed: 19th November 2020).
23. Hughes, C. (2020) *COVID-19, higher education and the impact on society: what we know so far and what could happen*. [Online] Available from: <https://www.weforum.org/agenda/2020/11/covid-19-higher-education-and-the-impact-on-society-what-we-know-so-far-and-what-could-happen/> Accessed: 20th November 2020).
24. RBC. (2019) *Vzglyad na budushchee biznesa: pyat' tendentsiy posttsifrovoy epokhi* [A look at the future of business: five trends in the post-digital era]. [Online] Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d67989d9a7947b5e4d5ad0b> (Accessed: 20th November 2020).
25. Hall, R. & Quinn, B. (2020) *England campus lockdown creating 'perfect storm' for stressed students*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/education/2020/nov/06/england-campus-lockdowns-perfect-storm-students-mental-health-covid-restrictions> (Accessed: 21st November 2020).
26. Utsav, R. & Ambreen, F. (2020) *Stress in Students after Lockdown Due to COVID-19 Threat and the Effects of Attending Online Classes*. SSRN *Electronic Journal*. January. DOI: 10.2139/ssrn.3584220
27. Kecojcic, A., Basch, C.H., Sullivan, M. & Davi, N.K. (2020) *The impact of the COVID-19 epidemic on mental health of undergraduate students in New Jersey, cross-sectional study*. *Plos One*. September. DOI: 10.1371/journal.pone.0239696
28. Eden Strategy Institute. (2018) *The Top 50 Smart Cities Governments in the World*. [Online] Available from: <https://www.prnnewsire.com/news-releases/the-top-50-smart-city-governments-in-the-world-300677567.html> (Accessed: 26th November 2020).
29. Niemtus, Z. (2019) *Are university campuses turning into mini smart cities?* [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/education/2019/feb/22/are-university-campuses-turning-into-mini-smart-cities> (Accessed: 23rd November 2020).
30. University of Oxford. (2016) *How big data is breathing new life into smart cities concept*. [Online] Available from: <http://smartcities.oii.ox.ac.uk/2016/01/06/how-big-data-is-breathing-new-life-into-the-smart-cities-concept/> (Accessed: 22nd November 2020).
31. Postiglione, G.A. (2019) *The role of universities in a highly technological age*. [Online] Available from: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20191023081415452> (Accessed: 12th November 2020).
32. UK. (n.d.) *Welcome to the Smart Cities UK Campaign*. [Online] Available from: <https://www.smartcityuk.com/> (Accessed: 13th November 2020).
33. McKie, A. (2020) *UK universities 'face £2.6 bn coronavirus hit with 30K jobs at risk'*. [Online] Available from: <https://www.timeshighereducation.com/news/uk-universities-face-ps26bn-coronavirus-hit-30k-jobs-risk> (Accessed: 13th November 2020).
34. Ravetz, J. (2017) *Deeper-city. Synergistic pathways from smart to wise. Synergistics: a practical guide. Methods & tools for mapping & design of synergistic pathways*. The University of Manchester. [Online] Available from: https://jpi-urbaneurope.eu/app/uploads/2017/04/Ravetz_From-smart-to-wise.pdf (Accessed: 13th November 2020).
35. British Council. (n.d.) *Smart places: how universities are shaping a new wave of smart cities*. [Online] Available from: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/smart_places_report.pdf (Accessed: 18th November 2020).
36. Ryan, K. & Writer, S. (n.d.) *Elon Musk (and 350 Experts) Predict Exactly When Artificial Intelligence Will Overtake Human Intelligence*. [Online] Available from: <https://www.inc.com/kevin-j-ryan/elon-musk-and-350-experts-revealed-when-ai-will-overtake-humans.html> (Accessed: 18th November 2020).
37. Baker, T., Smith, L. & Anissa, N. (n.d.) *Educ-AI-tion rebooted? Exploring the future of artificial intelligence in school and colleges*. [Online] Available from: <https://www.nesta.org.uk/report/education-rebooted/> (Accessed: 15th November 2020).
38. Williams, H. (n.d.) *Top UK universities working on AI*. [Online] Available from: <https://www.computerworld.com/article/3412205/top-uk-universities-working-on-ai.html> (Accessed: 16th November 2020).
39. Dodgson, M. & Gann, D. (2017) *Artificial Intelligence will transform universities. Here's now*. [Online] Available from: <https://www.weforum.org/agenda/2017/08/artificial-intelligence-will-transform-universities-here-s-how/> (Accessed: 17th November 2020).
40. Kim, J. (2020) *COVID-19 and the Future of Higher Ed Staff*. [Online] Available from: <https://www.insidehighered.com/blogs/learning-innovation/covid-19-and-future-higher-ed-staff> (Accessed: 17th November 2020).
41. Roser, M. & Ortiz-Ospina, E. (n.d.) *Global Education*. [Online] Available from: <https://ourworldindata.org/global-education> (Accessed: 18th November 2020).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.2+94(470)“16/18”+94(438).04
DOI: 10.17223/19988613/70/17

А.В. Богатырёв

НЕИЗВЕСТНЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД ТЕКСТА, СОЗДАННОГО В СВЯЗИ С ВОШЕСТВИЕМ В 1674 г. НА ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЙ ПРЕСТОЛ ЯНА III СОБЕСКОГО

Исследуется и впервые полностью публикуется найденный автором архивный источник – перевод сочинения, написанного по случаю прихода к власти короля Речи Посполитой Яна III Собеского, польский оригинал которого обнаружить пока не удалось. Текст содержит восхваление разнообразных достоинств монарха, поставленного на один уровень с Готфридом Бульонским. Произведение создавалось в обстановке сопротивления со стороны отдельных политиков передаче короны Яну III, а также в связи с желанием части влиятельных людей составить предъявляемые к новому правителю требования, что нашло отклик в изучаемом документе.

Ключевые слова: Речь Посполитая; польско-русские отношения XVII в.; Василий Тяпкин; Ян Собеский; Анджей Тшебицкий.

Особенности государственного устройства Речи Посполитой XVII столетия требовали от государя определенных действий, направленных на утверждение власти, упрочение позиций, тиражирование собственного образа как великого мужа страны. Пропагандистская активность стала одним из центральных моментов в политике великого коронного гетмана Яна Собеского (Jan Sobieski, 1629–1696), под именем Яна III правившего с 1674 г. Как известно, монархи в Польско-Литовском государстве избирались, что усложняло создание собственной правящей династии. Собеский стремился установить свой род на престоле в том числе агитационными методами. Идет в ход политическая поэзия, создаются хвалебные оды королю Вацлава Потоцкого, Веспасиана Коховского, Яна Анджея Морштына [1. S. 5] и др. Благообразный образ его величества доносится до оппонента и через зрительные ассоциации, через произведения искусства, например изображение апофеоза короля, въезжавшего на коронацию в Краков в 1676 г., созданное мастером де Хооге [2. S. 18].

В число агитационных материалов можно записать и обнаруженный нами в Российском государственном архиве древних актов документ [3. Л. 28–34 об.]. Он попал в число текстов, высланных в Москву первым русским резидентом в Речи Посполитой В.М. Тяпкиным (служил с 1673 по 1677 г.). Надо заметить, что это довольно важная находка, в последнее время в российской исторической периодике подобных памятников времен Яна III практически не публиковалось, за исключением некоторых переводных антикоролевских памфлетов [4]. Сочинение, являющееся переводом некоего польского произведения, написано на длинных листах и замечательно впечатляющим объемом. Его заголовок выглядит так: «Перевод списка записи, какову дали новообранному Яну, королю Полскому,

Андрей Требицкой, бискуп краковской, Ян Генбицкой, бискуп плоцкой, с товарищи при присяге королевской в нынешнем 1674 году». Труд завершает элекцию (один из этапов выборов монарха), которая закончилась 21 мая указанного года избранием Собеского, и должен был сопровождать его «клятву» на верность Речи Посполитой, произнесенную в Костеле св. Иоанна Крестителя в Варшаве.

Как видно из названия, среди подписавших «Запись» были два крупных деятеля Речи Посполитой – краковский епископ Анджей Тшебицкий и плоцкий епископ Ян Гембицкий. Тшебицкий (Andrzej Trzebicki, 1607–1679), коронный подканцлер, епископ пшемысльский и краковский, являлся одним из образованнейших людей своего времени, собрал впечатляющую библиотеку (которая, к сожалению, не сохранилась). После кончины короля Михаила Вишневецкого он весьма активно участвовал в новых выборах, выполняя впоследствии роль «интеррекса» (interrex – регент на время «междоцарствия»). Будучи прежде противником французской политики в Польше (сторонником которой выступал Собеский), Тшебицкий не сразу, но оказался в стане, поддерживавшем кандидатуру коронного гетмана, вынес решающую резолюцию с утверждением нового монарха. Краковский епископ рассчитывал на определенные милости, однако Ян III отдал предпочтение Анджею Ольшовскому [5. S. 74, 75, 274], который становится Примасом Польским. Все это вызвало ненависть Тшебицкого, окончательно перешедшего в оппозиционный королю политический лагерь [6. S. 113].

В конечном итоге немало способствовал избранию Собеского и Ян Гембицкий (Jan Gembicki, 1602–1675), также занимавший не последнее место в делах страны: получил должности коронного секретаря, королевского секретаря, канцлера Марии Людовики Гонзаги, супруги короля Яна II Казимира [7. S. 177].

Разумеется, то, что под документом стоят подписи Тшебицкого и Гембицкого, не означает, что именно они являлись непосредственными авторами этого сочинения. Но нужно помнить, что Тшебицкий был известен своими духовно-литературными опытами, плодами «преукрашенного» красноречия [5. S. 10–12]; кроме того, подсказка об авторстве, намекающая на епископа краковского, кажется, скрывается в одной из строк памятника [3. Л. 34 об.–35]. В связи с вышеперечисленным необходимо еще раз сделать акцент на ценности найденного материала. Прежде всего, русский перевод под таким заглавием до сих пор не встречался в специальной литературе (см., напр.: [8]). Надо сказать, нет подобной «Записи» и в бумагах, относящихся к избранию Яна III, помещенных в юридический сборник «Волумина Легум» [9. S. 110–163]. Не прослеживается документ и в собрании текстов о временах Яна III у Ф. Ключицкого [10. S. 1442, 1444, 1445 etc.]. Отсутствует он и среди списка произведений Тшебицкого, а также между использованных специалистом по эпохе З. Вуйчиком [11. S. 548–552] и исследователем агитации при дворе Яна III А. Чарнецкой [12] исторических источников. Недавно вышла публикация Л.И. Ивониной [13] на тему прокоролевской пропаганды, но ничего нового в ней мы не нашли. Таким образом, можно допустить, что открыто ранее неизвестное сочинение панегирического толка, посвященное Яну III Собескому.

Изучаемый труд, как мы уже отметили, представляет собой перевод какого-то польского произведения, подлинник которого, возможно, стоит искать в архивах Республики Польша. Так как в настоящий момент первоисточник у нас отсутствует, нам сложно судить о качестве перевода. Общий вид написанного создает впечатление поспешности, смысл некоторых пассажей затуманен сложным нагромождением витиеватых конструкций. Об авторстве «переклада» также мало что можно сказать – работать над ним могли в самой резиденции, но могли получить готовый текст и от кого-то еще. У самого Тяпкина в его корреспонденции находим следующее указание: «Присылаю перевод з записи на обрание государства <...> за руками (подписями). – А.Б.) и за вислыми печатми многими» [3. Л. 27]. Кое-что об авторе перевода говорит любопытная описка – вместо «Батога» (места, где был взят в плен брат Собеского Марк), указан «Батар» [Там же. Л. 34], река в Закарпатской области нынешней Украины. Нелишне здесь вспомнить, что в это время вместе с Тяпкиным в Польшу находился переводчик Семен Лаврецкий [14. Л. 15об.], уже известный своими трудами в области перевода (кстати, в статье С.И. Николаева 1674 год как бы «выпал» из лет активности Лаврецкого – т.е. упущено то время, когда он был с Тяпкиным в Польше) [15]. В целом можно заключить, что анализируемый документ обладает «стандартными» качествами обычного панегирика, с использованием уже апробированных приемов данного жанра литературы.

Похвала начинается с обращения к Высшим силам, затем идет пассаж о смерти предыдущего монарха, оставившего Речь Посполитую в сиротстве. После длинных риторических оборотов авторы переходят,

наконец, к результатам элекции. Здесь всячески подчеркивается, что избрание проходило в строгом согласии с законами Польско-Литовского государства, с соблюдением необходимых процедур, в соответствии с вольными голосами представителей «народа» – шляхты Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Столь подробные разъяснения неслучайны: во время элекции блуждало немало всяческих слухов, выбор Собеского на трон на самом деле одобрили далеко не все. В инвективе антикоролевской направленности «Глас (Глос, Голос) Отчизны», распространявшейся среди шляхетных, короля обвиняли в том, что он не прислушивался к «голосу народа», не советовался с большинством, делал многое втайне [16]. Особенно в подобной критике упорствовала «литовская партия», во главе которой стояли магнаты Пацы. Один из них, великий литовский гетман Михаил Казимир, был старым врагом Яна III (с которым он, впрочем, позднее как будто пошел на мировую). Из-за этого в «Записи» особо оговаривается, что и сама шляхта обязуется также повиноваться, служить своему новому государю.

В «Записи» провозглашается: на трон избран король-сородич («Пяст»), поляк по своему происхождению, что выставляется его преимуществом перед иностранцами, традиционно пробовавшими себя на польско-литовский престол [3. Л. 29–29 об.]. То же отмечается и в превозносившем избрание Яна III сочинении «Commoda» («Выгоды» прихода к власти Собеского) [11. S. 221–222]. Не единожды в связи с этим появляются в рукописи слова «Отечество» и «Отчизна» [3. Л. 28 об., 29, 32, 33 об., 34], защитником которой выступает король-герой. Между тем гетман Пац и его единомышленники продвигали идею исключения «Пяста» из выборной гонки. Тяпкин уверен: «В выборе короля на королевство Полское догово[ре]но, чтоб из народу своего Польша никого королем необирала, и то хотели б было подкрепить правом и писмом, толко то для самого впредь будущего безчестия отставили, однако же друг другу словесно приобещали, что Пяста на королевство именовать небудут» [17. Л. 143]. Ходила молва – сторонники нового монарха использовали для сбора голосов подкуп, многие противившиеся были попросту запуганы. «А сказывают нам, когда обранье и присяга была бывшаго короля Михаила, и тогда с великою радостию всенародное множество единогласно кричали <...> виват, а ныне гораздо мало вопиющих видал и что ис того вырастет, бог весть» [3. Л. 19 об.], – читаем в документах резидента. В такой обстановке необходимо было издать официальное оповещение, которое должно было как-то повлиять на мнение все еще колеблющейся части шляхты.

Для этого подробно расписывали достоинства новоизбранного короля, напирая на его высокие моральные качества. В похвале он является в зените славы, выставлен мудрым, смелым, милосердным [Там же. Л. 29 об. и пр.]. Все эти «витийства» были помещены сюда с оглядкой на предпочтения шляхетства. Например, по полученным Тяпкиным данным, «рыцарское сословие» испытывало особые симпатии к бравому венгерскому князю, который выделялся среди прочих своим мужеством [17. Л. 84–84 об.]. Видим в «Записи»

и пункт об уважении монарха-сородича к шляхетскому сословию, но в то же время указано на его положение первого среди равных, исключительные способности, возносившие его над всеми [3. Л. 29 об.]. Сторонники Собеского в «Commoda» также убеждали сомневающихся, что поляки могут смело обращаться к государю-земляку за помощью в решении своих проблем [11. S. 222]. Показано, что его величество прошел все необходимые этапы службы, раскрывается его карьерный рост: от гетмана к королю [3. Л. 33]. Это должно было напомнить о заслугах Собеского, о том, что будущий монарх добился всего сам, собственными способностями и трудами.

Создатели «Записи» разыграли, скажем так, главный козырь – военные таланты Яна III, деяния которого сравниваются ни больше ни меньше с чудом. Кстати, в переводе упоминается «Брянская» земля [Там же. Л. 31 об.], отвоеванная у неприятеля новоиспеченным польским государем: подразумевался, конечно, не Бреславль (Вроцлав), а Брацлав, операция у которого 26 августа 1671 г. против казаков и татар вошла в копилку достижений теперь уже королевского величества. Особо отмечается его участие в кампании 1672 г., в самом начале длившейся до 1676 г. польско-турецкой войны. Авторы похвалы напомнили возможным читателям своего произведения о зверствах «неверных», о приносимых ими разрушениях, об ужасах военного времени. Дабы резче обозначить величие «милитарных» свершений монарха, припоминают здесь бесславные для поляков осады турецкими силами Каменца-Подольского (август 1672 г., привела к поражению польской стороны и подписанию невыгодного Речи Посполитой Бучачского мира, фактически ставшего прологом к новой польско-турецкой войне) и Львова (сентябрь – октябрь 1672 г.). Расписывая перенесенные отрядами гетмана тяготы, перечисляются блестящие успехи Собеского при Нароле (6 октября), Немирове (7–8 октября), Комарно (9 октября), Калуше (14 октября) [Там же].

Не без определенных переключений воспевалась Хотинская виктория 1673 г. тогда еще великого коронного гетмана Яна Собеского – один из важных моментов конфликта 1672–1676 гг., когда польским отрядам удалось захватить стратегическую крепость Хотин. Здесь, в «Записи», особо выделяется роль будущего короля в сражении, хотя по этому поводу мнения разнились: по полученной Тяпкиным информации, не все видели большие заслуги его величества в том одолении, предпочитая говорить о «гетманах» [18. С. 19] в общем. В пасквиле «Incommoda» («Невыгоды» избрания Яна III) также писалось, что для победы у Хотина гораздо больше сделали иные, нежели великий коронный гетман [11. S. 223]. Впрочем, здесь слова создателей «Записи» могли звучать и вполне искренне, ведь, например, сам Тшебицкий в 1671 г., видя угрозу государству, выделил личные средства на снаряжение военных отрядов, участвовавших в сражениях у Каменца-Подольского в 1672 г. [5. S. 138–140].

В любом случае, у славящих короля он – впереди всех, первым взшел на городские укрепления отбитого у турок Хотина. Собеский находится в самой гуще

событий, берет все в свои руки [3. Л. 31 об. – 32 об.]. Дело это непростое, ведь, как указывается в панегирике, крепостные сооружения были «сильны» [3. Л. 32 об.], не всякий полководец мог справиться с их одолением. Завистники же убеждены: победой поляки обязаны предавшим османов «мултыанским» и «волошским» отрядам, перешедшим на польские позиции, а также рядовым польским воинам, чуть ли не врукопашную сходявшимся с неприятелем [18. С. 17–18].

Нельзя обойти стороной ряд приемов, использованных для прославления монарха создателями «Записи». Коснемся в первую очередь слога, изобилующего эпитетами в превосходной степени. Довольно часто появляется концепт «сияние», немало слов, в которых использована «световая» символика, создававшая вокруг монарха сияющий ореол [3. Л. 29 об., 34 и пр.]. Достаточно тут золота [Там же. Л. 30, 33], которое по вполне понятным причинам использовалось в тогдашней польской речи для позитивных характеристик («золотая воля», «золотой век»). Несколько раз возникает мотив сакрального числа «три» (три дня рассуждения о кандидате, три убитых противника и пр. [Там же. Л. 30, 30 об., 32 об., 33]), которое обыгрывается в связи с титулом его величества, взшедшего на «маестат» как Ян III. Его избрание выставляется величайшим событием времени, слава о котором пойдет по миру. Были сделаны и долгожданные обещания о счастливой жизни, которая ждет страну в правление избранника Судьбы [Там же. Л. 28 об., 29, 30].

В легитимации Собеского отдельную роль отдали сверхъестественному, божественному элементу – и это неудивительно: Речь Посполитая воспринималась шляхтой как «Цитадель Католицизма». Как указывают авторы «Записи», монарх пришел к власти по воле Всевышнего, он – от Бога, что затем связали со строчкой из Нового Завета об Иоанне Предтече (Крестителе): «Был человек от Бога, и было ему имя Иоанн» [11. S. 220]. Правда, недоброжелатели Яна III в «Гласе Отчизны» утверждали, что в его облике воплотился совсем другой «Иоанн», «Предтеча... пагубы» [16. С. 213–214]. С намеком на порядковый номер, под которым суждено было править королю, упоминается центральное понятие Христианства – Пресвятая Троица [3. Л. 28]. Метафора о пролитой на багряницу (мантию, символ королевской власти) крови [Там же. Л. 29] напоминает о Крестном Пути Христа, обагрившего Своей кровью царскую накидку, брошенную на него мучителями. Отмечают авторы панегирического творения дурные предзнаменования, которые, как считали многие [3. Л. 7–7 об.], сопровождали приход к власти Собеского [19. Л. 150–151]. Напротив, в тексте похвалы делается упор на благоприятные знаки, ведшие гетмана к короне. Смерть прежнего монарха, Михаила Вишневецкого, трактовалась как воля Провидения, освободившего Яну III путь к польско-литовскому престолу [3. Л. 32 об.].

Но не упускали из вида сочинители похвалы и вполне приземленные, материальные вопросы. Одним из условий избрания была финансовая состоятельность претендента [17. Л. 144 об.] – ему пришлось бы взвалить на плечи долги Речи Посполитой,

разобраться с оплатой войску; в целом занимать трон Польско-Литовского государства было поручением затратным. Так, один из кандидатов не понравился шляхте, так как был небогат. Авторы славословия сконцентрировались на этом моменте, перечислив латифундии его величества, бывшего достаточно крупным магнатом и землевладельцем. Берут на вооружение этот момент и создатели «Commoda», где также не выносили за скобки финансовые возможности монарха [11. S. 222].

В соответствии с тогдашней культурой особой гордостью любого вельможного поляка был его старинный прославленный род. Не забыли об этом и в «Записи», в которой немало строк уделили предкам Яна Собеского, членам его семьи. По мысли авторов панегирика, своим фамильным гербом с изображением щита король как бы заслоняет Речь Посполитую от врагов. Вспоминается талантливый полководец Станислав Жулковский (Żółkiewski, 1547 (1550)–1620), с которым Ян III породнился через свою мать, подробно описывается подвиг родного брата короля – Марека (Марка), в эпоху восстания Богдана Хмельницкого (1648–1657) попавшего в плен к татарам и казакам в битве под Батогом (1–2 июня 1652 г.) и предпочетшего смерть возможному позорному бегству [3. Л. 33 об.–34]. Между прочим, жестокая резня, устроенная над плененными в этом сражении, произвела страшное впечатление на поляков, запечатлелась в памяти [20]. Неспроста в «Записи» косвенно всплывает тема отмщения: победы Собеского над татарами были в том числе данью памяти погибшему брату. Помимо семейной истории, творцы похвалы коснулись и прошлого мирового масштаба, проведя параллели между хотинским победителем и рыцарями-крестоносцами. Антитурецкая война виделась полякам в образах нового Крестового похода против неприятелей Святого Креста и всего Христианства [3. Л. 32 об.].

Завершающая часть источника любопытна как одно из свидетельств довольно необычной ситуации, сложившейся с избранием монарха: его именовали королем до окончательного формулирования особой клятвы (*pacta conventa*) – программы обязательных действий, которые он выполнит после прихода к власти [Там же. Л. 35–35 об.]. Как раз краковский епископ Тшебицкий был одним из активнейших сторонников того, чтобы этот документ был составлен (в его основу решили положить аналогичное «обещание» Михаила Вишневецкого [11. S. 227]), так сказать, совместно с королем. При этом он ссыался на подобные случаи с предшественниками Яна III, Владиславом IV и Яном II Казимиром [10. S. 1445]. Дебаты о содержании договорных параграфов продолжались довольно долго, присягнуть на верность государству Собеский смог лишь 5 июня 1674 г. Из-за неточностей в датировании событий при чтении докладов русской резидентуры создается ложное впечатление, что закрытие элекции и принесение «клятвы» новоизбранным королем состоялись практически одновременно [21]. Содержание «Записи» со всей очевидностью говорит нам: участие епископа Кракова в укомплектовании *pacta conventa* было более всеобъемлющим, чем считалось прежде.

Работу в этом качестве его плоцкого коллеги исторические рукописи замалчивают [10. S. 1445–1449].

Вернемся теперь к одному из основных вопросов, связанных с нашей находкой: так зачем был сделан перевод этого сочинения? Отметим, что в России жанр торжественного «славословия» как раз переживал свое довольно бурное развитие [22. С. 199], поэтому образец подобного творения мог, безусловно, заинтересовать просвещенных высокопоставленных россиян. Конечно, имя Собеского не впервые слышали в Москве, однако там хотели бы побольше знать о бывшем гетмане теперь уже как о короле. Тяпкин отправлял в Посольский приказ много разнообразной информации о выборах, зачастую весьма противоречивой – любой дополнительный источник, тем более «официальный», о положении нового короля и его восприятии электоратом был важен. Кроме того, в похвале всплывают отдельные биографические нюансы, систематизируются данные о сильных сторонах монарха, что тоже могли посчитать полезным. Ну и, наконец, упоминание победы над Москвой в одной из строк панегирика должно было приковать внимание российских дипломатов, зорко следивших за покушениями на «имидж» московского государя и государства.

Примечательно в переводе сочинения было передано полное именование нового правителя, титул которого в польско-латинском тексте «голосования» (*suffragia*) обозначен как «Krola Polskiego, Wielkiego Xiążęcia Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Mazowieckiego, Zmudzkiego, Inflantskiego, Smoleńskiego, Kiiowskiego, Wołyńskiego, Podolskiego, Podlaskiego, y Czerniechowskiego» [9. S. 148] («короля польского, великого князя литовского, русского, прусского, мазовецкого, жмудьского, инфлянтского, смоленского, киевского, волынского, подольского, подляшского и черниговского»). Между тем в «Записи» порядок немного иной: вместо «инфлянтский» стоит «киевский» (после «смоленского» переводчик указал «северского»), что подтверждает претензии его величества на Киев, на который претендовали россияне. Также по традиции протесты Москвы мог вызвать титул (пускай и не связанный по большей части с реальным положением дел) князя смоленского. Именование короля также говорит, что он намеревается держать при себе украинские Волынь (ставшую местом схватки поляков и казаков в период мятежа Хмельницкого), а также Подолье [3. Л. 34 об.], которое с 1672 г. находилось под турецким управлением как эялет. Надо согласиться: все упомянутое в титулатуре Яна III повторяет титул из элекционных документов почившего короля Михаила [9. S. 22], за исключением, пожалуй, Подольской земли. Но, учитывая, что ситуация с тех пор изменилась, а также беря во внимание некоторые «добавления», нужно сказать, что все это в комплексе могло рассматриваться в Москве как вполне интересный источник информации о дальнейших планах вступающего в права монарха.

Конечно, можно обсудить и другие темы, которые поднимает «Запись», мы же ограничимся перечисленным. Но текст «Записи» ценен не только как пример неизвестной хвалебной «оды» Яну Собескому. Здесь мы наблюдаем наиболее пока ранний из обнаружен-

ных примеров использования образа славного героя Крестовых походов Готфрида Бульонского для прославления Яна III (до этого речь вели о 1680-х гг. [23. Р. 222], а самым ранним считалось высказывание Кшиштофа Гжимултовского от 1676 г.) [24. С. 39]. Приносит источник пользу и для изучения истории русского языка: здесь мы регистрируем довольно слов, наличествующих под позднейшими датами или вообще отсутствующих в единственном на сегодняшний день крупном справочнике по данному вопросу – «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: «варваренин», «варов» [25. С. 17–18, 21–22] (под которыми, скорее всего, тогда понимали тех же варваров, «неверных»), «древле-христианство» [26. С. 351–352], «межгосударствование» [27. С. 66], «прусаками» [28. С. 19] и др. Интересен манускрипт и примененными в нем сравнениями, например, уподоблением османских сил ассирийским и фригийским народам [29].

Итак, благодаря русскому резиденту в Речи Посполитой интересное свидетельство эпохи оказалось сохранено, что, надеемся, сделает картину бытования в России того периода переводных произведений «малых форм» более цельной [30]. В некотором роде уникальность находки требует опубликовать текст полностью. Ниже мы помещаем сделанную из донесений Тяпкина выписку, содержащую перевод данной «Записи», в соответствии с общепринятыми правилами публикации исторических источников. Ввиду плохой читаемости отдельных фрагментов лакуны будут заменены обозначением <...>, пропущенные буквы помечены [...], добавлены необходимые пояснения. Общий вид текста сохраняется, включая специфические орфографию и пунктуацию.

Документ № 1. Перевод списка записи, какову дали новообранному Яну, королю Полскому, Андрей Требицкой, бискуп краковской, Ян Генбицкой, бискуп плоцкой, с товарищи при присяге королевской в нынешнем #аход (1674. – А.Б.) году

/Л. 28/ Во имя Пресвятые и Неразделные Троицы

Мы, Андрей Требицкой, бискуп краковской, князь северской, Ян Гембицкой, бискуп плоцкой и иные и иные

Известно чиним настоящим писмом нашим, кому ведати належит, всем и ко ему <...> особно

Овдовевшей паки Речи Посполитой чрез безвременную смерть пресветлейшаго бывшего Михайла короля Полского, которой едва /Л. 28 об./ единожды и то несовершенно государство присмотрев ноября в ҃ (3. – А.Б.) ден прешедшаго году во Лвове тленный сей безсмертныи переменил есть венец <...> жестокому плачевного погребения и нового побоища чувстве обаче сердцем возближенным меж потошленми себе не забывая вступити <...> неперестало есть <...> вселенная яко чрез самые беды процветает Лехия (Польша, от имени полулегендарного князя Леха. – А.Б.) начати убо первее <...> бысть советы для соблюдения и <...> меж государствования бедствования и схищения Отечества от

всеблагого Бога, его же единым яко <...> царствам от языка в язык переменятия королем от нижних к вышним торжественно и празднественно есть то же велико зело отческими за нами и старейших преданми по скончанной всех королевственных чинов в Варшаве в месяце феврале конвокации (подготовка выборов. – А.Б.) по общему тех же всех чинов согласно дню избрания ҃ (20. – А.Б.) апреля по новому нынешняго #аход (1674. – А.Б.) году назначенну /Л. 29/ на славу преславного действа яко трубою возтрубленною и воздвиженному благодсти знамению посторонних государей хотения и желания на поли волности полские с великим [...]остояней и повинностей к Рече Посполитой знамением свою лепоту и Речи Посполитой прибыли и дары носяще преизыдоша, но близ прешедшаго межгосударствования оставя по хотение и желание сторонных и разразнения Речь Посполитая разсуждая и о будущих на ней радея крепкая ли или сумнительная обещеваются разсужд[...]т древняя и ныне приобретенная сарматские (поляки-шляхтичи, полагаясь на «сарматский миф», вели от этих племен свое происхождение. – А.Б.) лепоты во владение иноземцов предатели славу воинскую и по всей вселенной едва слышенную над турками победу поливанную на войне кровь на багряницу празного некоего государя от нынешнего чину пременяти се есть дабы и то абие принял любовь Отечества не своего и не <...> приятственна едина Полша зело народу и славе своей была и дабы <...> иноземцом нежели своим сприятствовала <...> в королевстве сем благодсна вия ваяти государя гордиться терпела. Обратила от т[...]уду /Л. 29 об./ мысль к жителем и на вложенное под знаком таинства безчестие яко невозмогут короли Полские токмо иноземцы поставлятися и еже первым обранием зачато ныне паки отставлено ест и между гражданами недолго искал, которого бы над гражданы превознесла небо неизвестно сие обрание и место немедленно <...> равенстве шляхетства нашего над равными воинская сила превосходила сего ради уста всех и желания охотно и от Бога <...> ныне обращенна на маршалка и гетмана великого коронного Яна Сабеского, удивительная мужеская сила маршалковская великая при дворе мочь сенаторское пространство з гетманством радителей именем преизобилующее сияние з кротостию несравненной разум, непобедимая крепость, благоволение к сожителем, любовь в реченных и содеянных постоянствах к сам[...] неприятелем вера и милосердие вящее о храбром войне реши[...]ся может /Л. 30/ яко златые пути на сердца всех и языки толико то зложили, яко то ж безо всякого подозрения без смущения совету. Но на три дни протянув разсуждение сенатори и народ Полской и Великого княжества Литовское согласными желанми и со жребствованиями короля своего изберут, поистинне в велепоту пресветлейшаго обранного волного обрания в веру и в бесконечную избирателя народа хвалу не во един ден ни в по[...]зде вечера или во мраке ночи ни же единым насилием скончася великое веков дело. Небо возможно <...> велможу века в малое время паки зерни матанием в короля произыти ниже во едину ночь родитися храброму воеводе вождению древность произнесе,

понеже избранию выяв подволенным мановением посреди дня истиннее превозсияти лет баше, яко и сам пресветлейший обранный имянованию даже от тре[...] дне отложитися кротко претерпев паче же вид[...] бысть желати да скорая склонность /Л. 30 об./ подзренная с расуждению нечто неувлечет и известнейшим сказанием вере вселенная вдасть[...]я безо всякого похотения и зависти соблазненные волности избран иже избираем бывает, егда предусмотренном Божию совету три дни целые от субботы до понедельника то расуждение пребыть в подобие еслибы наченшаяся в субботу Хотимския победа в третий день по взятии крепости Хотимской победу заску[...]ая королевского сего поклонения предвозвещение сотворила и благостным знамением трегубый избрания день Иоанна Третьяго королевскому имени сопричелся, устроила к короне приход[е] и укрепила сему пресветлейшему избранному сприяствованию преславная войны похвала, внегда первый из поляков показал, яко возможно напорство татарское всем мимошедшаго мира монархиям тяшкое, с волным бо ему удержати, яко возможно страшные турецкие полки единым приступом /Л. 31/ преломити и снести и до древняго воинства, которые привождением счастием и ных над Шведами, Москвою, Прусаками, Венграми, Козаками крепко и преславно содея умолчитися и аще отобранные от козаков слав[н]ы пребывают, однако ж те частые и счастливые войны впред в память человеком вящим победам пред игралище быша навадница прежде <...> лет хищными полками страны Подольския многие тысящи татар вся огнем и мечем разоришася, внегда невеликая сила и полки разтерзанные насилуя неприятельскому сопротивитися немогли, однако ж уступить неумелый новым ратованиям советом в тесном местечке со многими ратми заперся чем бы свирепие во внутренние королевства спящ[...] изринул сие посмеян и пресломлен варваренин, мирные статьи принял, яко аще бы на то токмо насилуя, дабы пресветлейшему /Л. 31 об./ избранной победы вещество и славы жатву принесла, а в последние четыре лета воеводства воинского год преславные над казаками и татарами вместе соединенными Собеские победы назnamenоваша, отняв от неприятеле казака города и страну великую Бряславскую и по истинне выше веры есть, что в два года отсюду пресветлейший Каменца и по осаде Лвова безстрашен едва в 3 000. – А.Б.) воинства Полского храбростию и крепостию чудно поистинне сотворил, внегда пять дней и пять ночей безпрестанно бежав безо всякой пищи зелем[...] лесным живот препровождая татар достигши Нароль, Немеров, Комарне, Калушу, неславные прежде сего местечка великим варов побоем прославил, трех крымских салтанов ханова роду убил и крепость скифскую толико стер, яко в последнее сие лето души прияти и силы собрати невозможен, /Л. 32/ но все победы прошлые осени преодолел благополучне, внегда славные прежде сего у Хотима крепости 40 000. – А.Б.) турков ограждены и укреплены, в которых прежде пятидесяти и трех лет всего государства Турского Азии и Африки и Европы собранные силы поляки здержали и отбили ныне единой по[...] <...> гетманской силе и разуму Собеского

в малые часы <...> понеже он сторожи обходит, становища уставливать, наряд войском сам досматривает, воев з голоду и слотою к упрямым до трех дней стоянием утомленных десницею, гласом, лицом поустит гон, еже зело удивительна <...> перед пехотными полки к валу прийти и приступити и благоговейную заб[...] и Отчизну главу в жребей счастья пустити победительна разуме. И абие великое побоище посреди обоза сотвори, отчаянных турков по острив силу, а сам крепкого и рассматрительного воевод вся должности исполнив, в которые /Л. 32 об./ время три паши убиты. Четвертой егда чрез Днестр ушел. Янычагн 17 (80. – А.Б.) и спагов избранных, кроме посполства, к обоз со всем народом и уготовлением ассирийским и фригийским, а с сим делом разграблен и взят славной Хотимской замок, мост чрез Днестр и на обоих странах сильные наподобие замков крепости побед быша чтож убо славная и храбрая сила достойнейшим диадимы дарством даве[...]чатся превиде нам в пример все древлехристианство, которое в привращение Иеросалима воеводою Готфридом Булигондом возбуждено королевство тому же де волею представил, понеже первый на ограду градскую возшел, ничим же меньшим в славе пресветлейшии избранный наш первый на вал неприятельской двойной взыде. Украшает от многих прежде веков неслышенную победу самого времени час, в который пресветлейший король Михаил преставился в подобие /Л. 33/ яки являл яко великой благостыни уступает, дабы своим благосчастием победитель от шлема к венцу, от жезла к скипетру, от обозу к королевскому престолу тем славнее прешел, восприяла Речь Посполитая благоприятного себе и никаким без времени ем тлеемого память преславного отца ясневельможного мужа радением писания, которой златым советом в Речи Посполитой радах на воинах непобедимую мно[...] умножил и природным воистинно щитом своим защитил ея ниже без благословения Божия прилучившееся, яко на котором месте пятьдесят и три года от[...]де великий отец Речи Посполитой Полской посол покой и договоры с османом турецким салтаном постановил сын вящий самому небу криво присяштво неприятельское обличающе разорванного покоя погрешение мстящу мечу отместил ест /Л. 33 об./ прочие деды и прадеды и несчетная преславных сенаторе и урядников имяна, яко свещу пресветлейшему избранному преднесоша, ревнител нам <...> дому величеством и славою паче же Станислава Жолкевского, канцлера и гетмана великого коронного, которой предустроением столь сильным неприятельским побоищем победител, внук Отечества усугубила дедовскую славу преукрашенного деда Станислава Даниловича, воеводича руского, безсмертная силы и слученая за Отчизну 1636. – А.Б.) году смерть которого <...> которого теплота и воинские победы желательного и покоя в котором безопасна Польша пребывала, тогда нетерпящего в крымские поля происнесла, дабы древним оным храбрости Полской наставляючи полем сто[...] своими Сабеского достояние путь услали и дабы шляхетнейшую и ратию самого канта мира хана крымского /Л. 34/ рукою во мщение сына убиенного смерти предан, багрянице нынешней блистания при-

дал ниже и <...> и памяти народа Полского ясневелможный Марко Сабеский, пресветлейшаго избранного нашего родный старший брат, который избиеу бывшу от варвар у Бата[г]а воинству Полскому аще и беслучай убежания, однакож лутче изволил умрет над крепкими мужами и яко жертва за Отчизну принестися, нежели без честным бегством живот купит или чаят благо изволяючи судбам Божиим или же вешем и людем погибати винам и случаям тем де обращаться чин есть, дабы старейший великия славы брат страшною смертию умерши меншому оставшемся до престола королевского удобнейший путь оставил убогие православно Речи Посполитой нашей и вся Христианству блаженно, благополучно и благосчастно буди <...> дарствы достоянми и сиянми украшеннейшаго Иоанна на Жолкви /Л. 34 об./ и Злочеве Сабеского, маршалка великого коронного, Меренского, Барского, Стрийского, Яворовского, Калуского стар[...] волными и согласными обеты гласами жребми никем же противящ всеми согласными и соизволяющими по праву волного обрания званных не ставшихся небытию невредящу никоим же смотрением особо ведоми, но об[а]че хвалу Божию древняго благочестия католицкаго приращения Речи Посполитой здравия народа имени Полского честь пред очима имея королем Полским, великим князем литовским, Руским, Пруским, Мазовецким, Жмодским, Киевским, Волынским, Подляжским, Подолским, Смоленским, Северским, Черниговским избрати поста[...] и именовати восхотехом, якоже избрахом сотворихом, нарекохом и именовахом мною выше реченным епископом краковским прасдну сушу, тогда архиепископскому престолу и честь первенствовательную правящу и по сославию всех чинов трегубым вопросом никаким же возбраненной /Л. 35/ от всех и от коего ж де подтвержденное избрание совершающую, доброю верою обещая, что тому же пресветлейшему

и велможнейшему государю Яну Третиему, королю нашему, ту же веру, поданство и службы должны по правом и волностям нашим всегда творити будем и того же пресветлейшаго на сейме близ будущем в Кракове для того уставленным яко истинного короля и государя нашего королевскою диадимою, которою короли Полские короноватися обыкли, наснаменаем и по обычаю, которой католико римский костел в помазании короля прежде сего соблюдали помажем. Таковым обаче обычаем буди перво все права, волности костелные и мирские, чрез блаженных предков нам поволанные и дарованные, и которые мы сами во время прошлых и нынешняго меж государствования по правом волности нашей и для лутчего соблюдения чина Речи Посполитой постановили есмы додержать и соблюдать /Л. 35 об./ и буде пресветлейший избранный на статьи, которые мы с послами его величества постановил прежде отдания нынешняго приговору обрания, что доволство учинил присягою подтвердит и грамотою своею подлинною всяким лутшим обычаем опасет, которой приговор избрания нашего помощью Божиею совершити хотя по общему согласию нашему предати его в руки пресветлейшаго короля избранного посылаем с ясневелможным <...> бискупом краковским некоторых сенаторей и урядников подскарбия Великого княжества Литовского, маршалка рыцерского, вручая им тот самый приговор, внушити присягу на вышеписанные от него и подпись руки принял, потом в руки того ж де избранного сие постановление дать и вручит и прочая еже сие самое дело употребляет творити и докончати, для которой веры господ сенаторей и из рыцерского кола к печатанию назначенных печати приложены суть дан на съезде обрания нового короля общим чиновным Короны и Великого княжества Литовского у Варшавы мая в #а́ход (1674. – А.Б.) году
РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 28–35 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Potocki W. Muza Polska na tryjumfalny wjazd najsławniejszego Jana III. Warszawa : IBL, 1996. 129 s.
2. Widacka H. Jan III Sobieski w grafice XVII i XVIII w. Warszawa : PWN, 1987. 176 s.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 163.
4. Алпатов С.В., Янссон О. «Голось ловчего сильно прибираеть различных охочихъ псовъ»: неизвестный русский перевод польского политического памфлета 1688 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 103–110.
5. Hoszowski K. Żywot Andrzeja Zawiszy Trzebieckiego. Kraków : Czcionkami C.K. Wszechnicy Jagiellońskiéj, 1861. 403 s.
6. Przyboś A., Rożek M. Biskup krakowski Andrzej Trzebiecki. Warszawa : PWN, 1989. 226 s.
7. Dąbrowski J. Senat Koronny. Kraków : Historia Jagellonika, 2000. 285 s.
8. Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. : библиографические материалы. СПб. : Нестор-История, 2008. 248 с.
9. Volumina Legum. Petersburg : Nakł. i druk. Jozafata Ohryżki, 1860. T. 5. 463 s.
10. Kluczycki F. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Kraków : Czas, 1881. T. 1, cz. 2. S. 751–1666.
11. Wójcik Z. Jan Sobieski, 1629–1696. Warszawa : PIW, 1994. 626 s.
12. Czarniecka A. Informacja i propaganda podczas kampanii elekcyjnej 1673–1674 r. // Z historii kultury staropolskiej. Warszawa : UW, 2020. S. 135–153.
13. Ивонина Л.И. Панегирики Яну Собескому и их особенности // Лістападаўскія сустрэчы–XIII : матэрыялы міжнар. навук. выкладчыц.-студэнц. канф. Мінск : БГУ, 2019. С. 133–136.
14. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164.
15. Николаев С.И. Лаврецкий Семен Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб. : Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 213–214.
16. Богатырев А.В. Два «Михаила архангела» против «Иоанна предтечи»: неординарный русский перевод XVII в. // Таинство слова и образа. М. : МДА ; Орфограф, 2017. С. 213–221.
17. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 160.
18. Богатырев А.В. Хотинская битва 1673 г. в донесениях В.М. Тяпкина // Турция и славянский мир. Краснодар : Традиция, 2016. С. 16–22.
19. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161.
20. Widacka H. Rzez polskich jeńców pod Batohem // Silva Rerum. URL: https://www.wilanow-palac.pl/rzez_polskich_jencow_pod_batohem.html (accessed: 24.01.2021).
21. Богатырев А.В. Русский текст «pacta conventa» Яна III Собеского и его польский первоисточник // Герменевтика древнерусской литературы. М. : ИМЛИ РАН, 2020. 19. С. 66–103.
22. Елеонская А.С., Робинсон А.Н. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М. : Наука, 1990. 222 с.

23. Milewska-Ważbińska B. The Attitude Towards the Turks in Polish-Lithuanian Commonwealth Under the Reign of Jan III Sobieski // *Nordic Journal of Renaissance Studies*. 2019. Vol. 16. P. 215–229.
24. Богатырев А.В. Король возвышающийся и кающийся (две ипостаси Яна III Собеского в донесениях русского дипломата) // *Культурный код*. 2020. № 4. С. 35–50.
25. Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ). М. : Наука, 1975. Вып. 2. 319 с.
26. СлРЯ. М. : Наука, 1977. Вып. 4. 403 с.
27. СлРЯ. М. : Наука, 1982. Вып. 9. 357 с.
28. СлРЯ. М. : Наука, 1995. Вып. 21. 278 с.
29. Богатырев А.В. Троянская война ассирийцев: редкое обозначение турецко-татарских войск в похвале Яну III Собескому // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. 2019. № 11. С. 554–561.
30. Шамин С.М. Иностранцы «памфлеты» и «курьезы» в России XVI–начала XVIII столетия. М. : Весь мир, 2020. 392 с.

Arseniy V. Bogatyrev, The Volga Orthodox Institute named after St. Alexy, Metropolitan of Moscow (Togliatti, Russia). E-mail: sob1676@yandex.ru

UNKNOWN RUSSIAN TRANSLATION OF THE TEXT CREATED IN CONNECTION WITH THE ACCESSION OF JAN III SOBIESKI TO THE POLISH-LITHUANIAN THRONE IN 1674

Keywords: Rzeczpospolita; Polish-Russian relations in the 17th century; Vasyli Tyapkin; Jan Sobieski; Andrzej Trzebicki.

The change of the ruler in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the related events of 1674 attracted the close attention of the tsar and the highest officials of the Moscow state. This interest undoubtedly led to the creation of a Russian translation of a literary work written in praise of the new monarch, Jan III Sobieski, the former grand Crown hetman. It was carried out directly in the Russian Permanent Embassy in Warsaw, and not in the Embassy Department (Posolsky Prikaz), which already tells us about the importance that Russian diplomats placed on this work. The range of interests of those who prepared the translation, especially clearly shows the translation of the new king's title, in which "Inflanty" is replaced by "Kiev", that has long become a part of the policy of Muscovy. The authorship of the translation is a controversial issue, but most likely it was made by the resident translator Semyon Lavretsky, which has indirect evidence. Historiography tells us that we are dealing with a historical find, and, for several years, this is the first such discovered document of agitation property, dedicated to Jan III.

We do not know exactly the authors of the translated work, but the signatures under it were put by two quite significant figures of the Polish-Lithuanian Commonwealth – Bishop Andrzej Trzebicki of Kraków and Bishop Jan Gembicki of Płock, who at that time spoke on the side of His Royal Majesty. The creators of the praise tried in every possible way to give additional weight to the deeds of the new sovereign (already known for his exploits as a military commander), noting his merits: courage, determination, strength, luck, wealth, common "national" origin with the voters, etc. Using rhetorical techniques, various means of expression, the authors spoke of the hetman's victories as a miracle, drew for his glorification divine images, comparisons from ancient history and the glorious history of the ancestors of Jan III. To show the benefits of the coming to power of the commander-king, the essay recalls the recent defeats of the Poles in the battles with the Turks, which entailed disastrous consequences and the signing of the Treaty of Buczacz, which they hated, in 1672. The defeat of the Ottomans by Sobieski at Chocim (1673) gave hope for the return of lost dignity.

As the author of the article concludes, based on the sources, the reason for the appearance of this panegyric text is generally quite transparent – although the approval seemed unanimous, in fact, not everyone agreed with the transfer of the crown to Jan Sobieski, thus anti-royal unions were formed. Also, the document under study is another illustration attached to a not quite ordinary situation: the creation of the text of the oath of the king after his election, which was also insisted on by Trzebicki. It was necessary to explain the need for a more gracious attitude of the self-willed magnates and the szlachta people to the new applicant, to highlight his merits and point out the correctness of the choice made during the difficult Polish-Turkish war.

At the end of the article, the text of the Russian translation itself is attached. The need for its publication, in addition to the most obvious explanations, is tied to several points. The literary monument acts as an important source on the history of the Russian language, it is interesting for its rhetorical techniques, unusual and quite rare allegories, which will later be used in the praises dedicated to the Polish king.

REFERENCES

1. Potocki, W. (1996) *Muza Polska na tryumfalny wjazd najsławniejszego Jana III*. Warsaw: IBL.
2. Widacka, H. (1987) *Jan III Sobieski w grafice XVII i XVIII w.* Warsaw: PWN.
3. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 79. List 1. File 163.
4. Alpatov, S.V. & Yansson, O. (2016) "Golos lovchego silnoi pribiraet razlichnykh okhochikh psov": neizvestnyy russkiy perevod pol'skogo politicheskogo pamfleta 1688 g. ["The voice of the trapper is strong and cleans up various hunting dogs": an unknown Russian translation of the Polish political pamphlet of 1688]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2. pp. 103–110.
5. Hoszowski, K. (1861) *Żywot Andrzeja Zawiszy Trzebickiego*. Kraków: Czcionkami C. K. Wszechnicy Jagiellońskiej.
6. Przyboś, A. & Rożek, M. (1989) *Biskup krakowski Andrzej Trzebicki*. Warsaw: PWN.
7. Dąbrowski, J. (2000) *Senat Koronny*. Kraków: Historia Jagellonika.
8. Nikolaev, S.I. (2008) *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv.: bibliograficheskie materialy* [Polish-Russian Literary Relations of the 16th–18th Centuries. Bibliographic Materials]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
9. Anon. (1860) *Volumina Legum*. Vol. 5. St. Petersburg: Nakł. i druk. Jozafata Ohryżki.
10. Kluczycki, F. (1881) *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego*. Vol. 1. Kraków: Czas. pp. 751–1666.
11. Wójcik, Z. (1994) *Jan Sobieski, 1629–1696*. Warsaw: PIW.
12. Czarniecka, A. (2020) Informacja i propaganda podczas kampanii elekcyjnej 1673–1674 r. In: Bartoszewicz, A., Karpiński, A., Ptaszyński, M. & Zakrzewski, A. (eds) *Z historii kultury staropolskiej*. Warsaw: UW. pp. 135–153.
13. Ivonina, L.I. (2019) Panegiriki Janu Sobieski i ich osobennosti [Panegyrics to Jan Sobieski and Their Features]. *Listapadaŭskiya sustrechy–XIII*. Proc. of the International Conference. Minsk: BSU. pp. 133–136.
14. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 79. List 1. File 164.
15. Nikolaev, S.I. (1993) Lavretskiy Semen Fedorovich [Lavretsky Semyon Fedorovich]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Bookishness of Old Rus]. Vol. 3(2). St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 213–214.
16. Bogatyrev, A.V. (2017) Dva "Mikhaila arkhangela" protiv "Ioanna predtechi": neordinarnyy russkiy perevod XVII v. [Two "Archangel Michael" vs "John the Baptist": An Extraordinary Russian Translation of the 17th Century]. In: Men, A. (ed.) *Tainstvo slova i obraza* [The Mystery of Words and Images]. Moscow: MDA; Ofort. pp. 213–214.

17. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 79. List 1. File 160.
18. Bogatyrev, A.V. (2016) Khotinskaya bitva 1673 g. v doneseniyaх V.M. Tyapkina [The Battle of Khotyn in 1673 in the Reports of Vasyli Tyapkin]. In: Vartanyan, E.G. & Matveev, O.V. (eds) *Turtsiya i slavyanskiy mir* [Turkey and the Slavic World]. Krasnodar: Traditsiya. pp. 16–22.
19. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 79. List 1. File 161.
20. Widacka, H. (2007) *Rzeź polskich jeńców pod Batohem*. [Online]. Available from: https://www.wilanow-palac.pl/rzez_polskich_jencow_pod_batohem.html (Accessed 24th January 2021).
21. Bogatyrev, A.V. (2020) Russkiy tekst “pacta convent” Yana III Sobeskogo i ego pol'skiy pervoistochnik [The Russian Text of Jan III Sobieski's “Pacta Conventa” and Its Polish Primary Source]. In: Tufanova, O.A. & Andreeva, E.A. (eds) *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. 19. Moscow: IMLI RAN. pp. 66–103.
22. Eleonskaya, A.S. & Robinson, A.N. (1990) *Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII v.* [Russian Oratorical Prose in the Literary Process of the 17th Century]. Moscow: Nauka.
23. Milewska-Ważbińska, B. (2019) The Attitude Towards the Turks in Polish-Lithuanian Commonwealth Under the Reign of Jan III Sobieski. *Nordic Journal of Renaissance Studies*. 16. pp. 215–229.
24. Bogatyrev, A.V. (2020) The King Who Rises and Repents (two Hypostases of Jan III Sobieski in the Reports of a Russian Diplomat). *Kul'turnyy kod – Cultural Code*. 4. pp. 35–50. (In Russian). DOI: 10.36945/2658-3852-2020-4-35-50
25. Krivko, N.R. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Issue 2. Moscow: Nauka.
26. Krivko, N.R. (ed.) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Issue 4. Moscow: Nauka.
27. Krivko, N.R. (ed.) (1982) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Issue 9. Moscow: Nauka.
28. Krivko, N.R. (ed.) (1995) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Issue 21. Moscow: Nauka.
29. Bogatyrev, A.V. (2019) Troyanskaya voyna assiriytsev: redkoe oboznachenie turetsko-tatarskikh voysk v pokhvale Yanu III Sobeskomu [The Trojan War of the Assyrians: A Rare Designation of the Turkish-Tatar Troops in Praise of Jan III Sobieski]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea*. 11. pp. 554–561.
30. Shamin, S.M. (2020) *Inostrannyye “pamflety” i “kur'ezy” v Rossii XVI–nachala XVIII stoletiya* [Foreign “Pamphlets” and “Curiosities” in Russia of the 16th – Early 18th Century]. Moscow: Ves' mir.

\

УДК 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/70/18

В.Н. Кудряшев

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1870–1890-х гг.

Рассматривается позиция русских либералов второй половины XIX в. по одному из самых острых и сложных аспектов межнациональных отношений в Российской империи. Акцентируется внимание на существовании различных точек зрения на сущность и причины антисемитизма и юдофобии, равно и различий в способах и методах их преодоления. При этом показано в целом преобладающее понимание представителями русского либерализма необходимости отказа от дискриминации евреев в государственной политике и общественной жизни.

Ключевые слова: еврейский вопрос; русские либералы; антисемитизм; юдофобия.

Либеральное течение, как и все русское общество, имело весьма расходившиеся суждения относительно еврейского вопроса. При достаточно единодушном осуждении антисемитизма и еврейской дискриминации их причины и пути преодоления неравноправия евреев виделись различными. Принципиальными и непримиримыми противниками антисемитизма были Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, В.С. Соловьев.

Б.Н. Чичерину представлялась странной и нелогичной юдофобия русского общества. Он напоминал, что иудаизм лежал в основе многих современных религий, и в первую очередь христианства. Поэтому ему было непонятно, как можно ненавидеть к евреям основывать на христианских канонах, если в их основе лежала созданная евреями Библия, а основоположники христианства гордились своим еврейским происхождением [1. С. 41–42]. Ученый ставил вопрос: может ли истинный христианин, которого религия наставляет на любовь к ближнему, ненавидеть человека за приверженность своей вере [Там же. С. 44].

В.С. Соловьев также рассматривал еврейский вопрос в России через призму взаимоотношений христиан и евреев. Русский философ пытался показать, что для устранения отчуждения между евреями и христианами первый шаг должны сделать христиане. То есть решение проблемы – не в необходимости изменить евреев, а в изменении отношения к ним. Прежде всего должно было поменяться само христианское сообщество, возвратившись к истинным христианским ценностям. Это сделает возможным ликвидировать эксплуатацию, а следовательно, причину ненависти к евреям. Далее мысли В.С. Соловьева приобретали откровенно утопичный характер. Он полагал, что современное ему христианское общество, не являясь истинно христианским, не обладало притягательностью для евреев. Но обретя первозданные этические ориентиры, оно изменит отношение к себе не христиан. Это не означало отсутствия необходимости перемен среди евреев, однако от них не требовалось отказа от своей веры. Лучшая часть еврейства должна была войти в новую теократию, но и остальные могли бы найти себя в новом мире [2. С. 183–184].

Таким образом, подход В.С. Соловьева к еврейскому вопросу принципиально отличался от абсолютного

большинства предлагавшихся российскими интеллектуалами и общественными деятелями вариантов. Последние исходили из необходимости ассимиляции евреев различной степени жесткости, но всегда принципиальным было требование культурной, религиозной, социальной адаптации евреев к условиям российского общества и русского этнического большинства. В.С. Соловьев считал ошибочным и бесперспективным подход, основывавшийся на отказе евреев от своих религиозных основ [3. С. 3–4]. Также неверно было обвинять евреев в отсутствии патриотических чувств к стране проживания, поскольку еврейский патриотизм всегда носил национально-религиозный характер, объект почитания которого никогда не локализовался пространственно [Там же. С. 18–19].

Если футурологические построения В.С. Соловьева, нацеленные на изменение общественного сознания, духовных ценностей, этических основ взаимоотношений между людьми, носили отвлеченно-теоретический характер, то работы, посвященные борьбе с антисемитизмом, были публицистически конкретными и политически жесткими. Будучи знатоком еврейских священных книг, философ старался опровергнуть доводы юдофобов и антисемитов (русских и немецких), стремившихся найти в них доказательства религиозной детерминированности ненависти иудеев к христианству. Обращаясь к тексту Талмуда, он доказывал поверхностное знакомство либо вовсе незнание его людьми, делавшими столь неверные и далеко идущие заявления [4. С. 375–376].

Обращаясь к причинам распространения антисемитизма в России, В.С. Соловьев локализовал его эпицентр польско-русскими землями, т.е. Украиной, Белоруссией и Литвой. По его мнению, на этой территории исторически, еще в эпоху Речи Посполитой, сложилась ситуация своеобразной этно-социальной специализации. Землевладельцы-паны в абсолютном большинстве были представлены поляками, а большинство крестьянского населения составляли русские (не малороссы, литвины, а именно русские!). Евреи, несмотря на законодательные ограничения и антисемитизм, составили большинство «городского промышленного класса», активно эксплуатирующего русских крестьян. Поэтому традиционная юдофобия христиан (поляков-католиков

и русских-православных) была дополнена ненавистью к инородцам-угнетателям. В.С. Соловьев видел в данном факте подтверждение безусловных способностей евреев к предпринимательской деятельности, но отказывался считать эксплуатацию проявлением их национального характера. Далее он предлагал рассуждения, схожие с логикой народников: евреи не создали экономику, построенную на жесточайшей эксплуатации, они используют «правила игры», разработанные европейским капитализмом [2. С. 183].

В.С. Соловьев с горечью отмечал, что российское общественное мнение и публицистика все более приобретали откровенно антисемитский характер. Он недоумевал, почему евреям приписывали исключительно негативные черты, в то время как среди представителей любой народности достаточно и негодяев, и праведников, и было бы неверно распространять индивидуальные личностные качества на весь народ. Возвращаясь к обвинению евреев в национальной предрасположенности и предпочтении к занятию исключительно предпринимательством, публицист напоминал об ограничениях, существовавших для евреев на другие виды трудовой деятельности. Таким образом, профессиональная специализация евреев была вынужденной и вызывалась внешними факторами, не имея отношения к национальному характеру [5. С. 95].

К.Д. Кавелин, обращаясь к юдофобам, указывал на очевидные противоречия в их суждениях. Выступая в защиту христианских ценностей, они нарушали христианские заповеди, разжигая ненависть к ближнему. Образованная часть общества должна была подавать пример веротерпимости и толерантности. Но, к сожалению ученого, значительная часть ее, поднимая на щит национальные интересы русского народа и апеллируя к его национальному сознанию, на деле игнорировала его. Благодаря особенностям географического положения и исторического развития в русском народе выработался особый космополитизм, не отвергавший национальные или религиозные особенности, но учитывавший их в выстраивании союза «разноплеменных и разноречных народов». К.Д. Кавелин писал: «Особенность и сила русского народа в том именно и состоит, что он умеет, оставаясь собой, уживаться со всеми племенами, народами и верами» [6. Стб. 1093–1094]. И именно в этом качестве и заключался залог великого будущего русского народа.

Поэтому те, кто видел защиту национальности в консервации традиций и отгораживании от других народов, на деле показывали незрелость национального сознания. Выдавая за непреходящие национальные ценности «бытовые черты, которые казались бесспорными и вечными принадлежностями той или другой народности или страны», они не дотягивались до народного гения, «который лежит глубже, в идеалах всеобщего добра и правды» [Там же]. То есть истинные ценности универсальны у всех народов, что и демонстрировал русский народ, выстраивая на их основе отношения в многонациональном российском сообществе.

Тем очевиднее ошибочность и вредность проповедовавшегося «известной частью русского общества» отношения к инородцам и иноверцам, основанного на

возведении в абсолютную ценность русских национальных черт, т.е. «народных и вероисповедательных особенностей», при умалении и уничтожении прав других народов. К.Д. Кавелин называл уроном для национального достоинства лицемерное отношение к представителям других народов, допускавшее сбор с них налогов и податей, но сохранявшее дискриминацию по национальному и религиозному признакам. Для либерала был сомнителен патриотизм, допускавший признание неравенства сограждан, так же как национальные чувства, признававшие достоинства только своего народа: «Пока племенная и вероисповедательная равноправность не станет одною из бесспорных, всеми одинаково признаваемых наших задач и живо ощущаемых потребностей, до тех пор культурное значение и призвание русского народа и государства останется сомнительным и спорным, и национальный патриотизм недалеко уйдет от квасного» [Там же. Стб. 1096].

В.С. Соловьев и Б.Н. Чичерин также настаивали на недопустимости дискриминации по национальному или религиозному признаку. Осознанное возбуждение религиозной нетерпимости и национальной ненависти противоречило христианским принципам и «развращало общество», подавляя гуманистические ценности. Поэтому с антисемитизмом следовало бороться хотя бы из чувства национального самосохранения, ради будущего России. Ученые видели в российском антисемитизме разновидность межнациональной ненависти и вражды, недоверия, питаемого к представителям другого народа, характеризуя подобные настроения как «зоологические чувства», и считали, что им не место в гражданском обществе [1. С. 51–52; 5. С. 95].

Главная особенность рассуждений Б.Н. Чичерина – отсутствие неприязни к евреям, поэтому то, что антисемитами вменялось им в вину, ему виделось как их достоинство. Ученый восхищался тем, что евреи, несмотря на многовековые бедствия и гонения, смогли сохранить чистоту своей веры, обычаев и языка [1. С. 40]. Их обособленность и замкнутость в рамках российского общества объяснялась реакцией на антисемитизм и естественным стремлением к сплочению любого народа перед общими угрозами. Поэтому пресловутая еврейская кагальность была не чем иным, как результатом политики правительства, ограничивавшей права еврейского населения, и антисемитских настроений русского общества [Там же. С. 52].

Ученый призывал отказаться от демонизации евреев и воспринимать их как сограждан, что позволило бы русскому обществу избавиться от многих фобий. Например, извечное опасение, что евреи захватили контроль над экономикой, и особенно над финансовой сферой, он интерпретировал как показатель талантов евреев, способных в условиях дискриминации развернуть свой бизнес. И наличие таких талантливых и предприимчивых людей только во благо обществу, поскольку они являются двигателями его развития. Обращая внимание на опыт Франции с ее известными еврейскими финансовыми кланами, Б.Н. Чичерин полагал, что и в России подобное положение не может рассматриваться как угроза ее экономическому суверенитету: «Полагаю поэтому, что и у нас распростра-

нение способного, предприимчивого и культурного племени по всей русской земле могло бы существенно поднять ее благосостояние» [1. С. 48–49].

Итак, сторонники данного подхода призывали предоставить евреям равные с другими народами России права. Они обращали внимание на положения Основного Закона Российской империи, дававшего право всем народам на сохранение своего вероисповедания [Там же. С. 45]. Кроме того, по их мнению, государство не должно вмешиваться в вопросы веры. Дискриминация евреев становилась очевидной в сравнении с мусульманами, не имевшими ограничений ни в правах проживания, ни в возможностях занятия предпринимательством [1. С. 42; 6. Стб. 1091; 7. С. 95].

Наиболее решительно был настроен Б.Н. Чичерин, выступавший за полную ликвидацию ограничений в отношении евреев, возражая сторонникам постепенной и поэтапной отмены дискриминационных мер [1. С. 44–45].

Острую реакцию либеральных публицистов вызывали еврейские погромы, регулярно повторявшиеся в южных губерниях России в 1870–1880-е гг. Описывая сами погромы, публицисты отмечали их массовость, вовлеченность в них представителей разных категорий населения и полное пренебрежение к элементарным моральным нормам, захватившее не только маргиналов, но и добропорядочных граждан. Журналисты обращали внимание читателей, что произошедшие убийства и грабежи ни в чем не повинных людей стали результатом не только действий пьяной толпы и отдельных маргиналов, а также показательного бездействия местных властей на начальном этапе волнений, когда можно было локализовать конфликт. Более всего либералов настораживало и огорчало равнодушие большинства почтенных обывателей, с любопытством взиравших вначале на погромы, а затем на наказания погромщиков. Никто из них не попытался не только защитить, но даже укрыть гонимых евреев. Это показывало степень разобщенности общества по национальному признаку, когда убийство сограждан другой национальности воспринималось спокойно [8. С. 413–414; 9. С. 109–110].

Л.А. Полонский считал погромы, прокатившиеся по югу России, в значительной степени результатом продолжавшейся политики дискриминации евреев по национальному и религиозному признакам. Не только иные обычаи и вера, которых продолжало придерживаться большинство евреев, заставляли русских людей видеть в них чужаков, но евреи воспринимались ими как парии, официально признанные людьми низшего сорта. Ситуация требовала быстрых и решительных мер, поскольку существовавшее положение наносило вред не только евреям, но и всему русскому обществу, так как не исключало новой волны погромов, грозивших расколом общества [10. С. 354].

При этом одновременно еврейские погромы воспринимались либералами уже не только как межнациональные и конфессиональные, но имевшие также классовую природу. В статье в «Русской мысли» как о доказанном факте говорится об агитации социалистов-анархистов, предшествовавшей волнениям и бывшей

одним из побудительных мотивов, и, как отмечал журналист, видимо, агитация упала на благодатную почву, т.е. совпала с настроениями населения [9. С. 112–113]. Автор отмечал страх, охвативший русское общество, ожидавшее, что бунты перекинутся и в другие районы России. Это ожидание выхода волнений за пределы черты оседлости показывало, что они воспринимались как социальные, а не только как религиозные или национальные [Там же. С. 109–110]. Несмотря на локальный характер событий, они до предела обострили ситуацию во всей России. Ожидание новой вспышки насилия охватило все регионы, и любой слух или провокация были чреваты самыми непредсказуемыми последствиями.

Данная тенденция в оценке причин погромов становится заметной в целом ряде либеральных изданий. Пытаясь найти истоки традиционной ненависти православного населения к евреям, в них обращается внимание на то, что только религиозной неприязнью объяснить погромы сложно, учитывая высокий уровень толерантности русского народа, проявляющийся в долгих добрососедских отношениях с мусульманами [11. С. 142–143; 12. С. 99–100].

Главной причиной еврейских погромов либеральные публицисты видели нищету и разорение малорусского крестьянства, страдающего от засилья кулаков и ростовщиков, прорвавшихся в массовых беспорядках. Поэтому и меры, предлагаемые для выхода из кризиса, носили экономический и политический характер [12. С. 99]: это необходимость системной государственной помощи крестьянским хозяйствам, предоставление дешевых кредитов, которые должны были ослабить зависимость от сельских ростовщиков, оказание правовой и судебной поддержки крестьянам для выхода из кабалы несправедливых договоров или предотвращения их заключения. Публицисты выражали уверенность в неэффективности продолжения дискриминации евреев и считали правильным ее скорейшую ликвидацию. Русский народ и без полицейских мер в состоянии был поддерживать государственное единство, но для этого необходимы были развитие самого широкого самоуправления, распространение его на национальные окраины и привлечение всех национальностей (евреев в том числе) [11. С. 142–143; 12. С. 99–100].

Таким образом, в части либеральных изданий национально-религиозный характер погромов не отрицался полностью, но акцент делался на его социально-экономических причинах, что приводило к убежденности в необходимости прежде всего социально-экономических мер по их устранению. Не оспаривая тезиса о том, что нищета толкала людей на преступления, следует обратить внимание на недооценку глубины межнациональных противоречий, свойственную многим либеральным авторам. Они не видели в религиозной и национальной неприязни угрозу российской государственности и уповали на толерантность русского народа и его способность к сплочению вокруг себя других национальностей. Поэтому не предлагалось мер по изменению религиозной и национальной политики в аспекте именно межнациональных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопрос. Берлин : Изд. Г. Штейниц, 1899. 68 с.
2. Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Собрание сочинений : в 8 т. СПб. : Тип. Просвещение, 1914. Т. 4. С. 142–188.
3. Соловьев В.С. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии // Собрание сочинений : в 8 т. СПб. : Тип. Просвещение, 1914. Т. 6. С. 3–32.
4. Соловьев В.С. Евреи, их вероучения и нравоучения. Исследование С.Я. Диминского // Собрание сочинений : в 8 т. СПб. : Тип. Просвещение, 1914. Т. 6. С. 374–380.
5. Соловьев В.С. Протест против антисемитического движения в печати // Тайна Израиля. СПб. : София, 1993. С. 95–103.
6. Кавелин К.Д. Наши инородцы и иноверцы // Собрание сочинений. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 2. Стб. 1088–1096.
7. Соловьев В.С. Письмо к автору (вместо предисловия к книге Ф.Б. Геца «Слово подсудимому») // Тайна Израиля. СПб. : София, 1993. С. 94–95.
8. Внутренняя хроника // Вестник Европы. 1871. № 5. С. 401–427.
9. С. Пр. Погром евреев // Русская мысль. 1881. № 6. С. 109–127.
10. Внутренняя хроника // Вестник Европы. 1883. № 10. С. 352–374.
11. Драгоманов М.П. Евреи и поляки Юго-Западного края // Вестник Европы. 1875. № 7. С. 133–179.
12. В.Г. [Гольцев В.И.] Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1881. № 6. С. 91–108.

Viacheslav N. Kudriashev, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

JEWISH QUESTION IN RUSSIAN LIBERAL PUBLICISTS OF THE 1870s – 1890s

Keywords: Jewish question; Russian liberals; anti-Semitism.

The article discusses the position of Russian liberals in the second half of the 19th century on one of the most acute and complex aspects of interethnic relations in the Russian Empire. The author focuses on the presence in the liberal movement, as in the whole of Russian society, of very different judgments regarding the Jewish question. With a fairly unanimous condemnation of anti-Semitism and Jewish discrimination, their causes and ways to overcome the inequality of Jews were seen as different.

The author considers B. Chicherin, K. Kavelin, V. Solovyov to be principled and irreconcilable opponents of anti-Semitism.

B. Chicherin seemed strange and illogical anti-Semitism of Russian society. He recalled that Judaism was the basis of many modern religions and Christianity, in the first place. Therefore, it was not clear to him how hatred of Jews could be based on Christian canons, if they were based on the creation of Jews. The scientist raised the question - can a true Christian, whom religion teaches love for his neighbor, hate a person for adhering to his faith.

The article draws attention to the unusual to V. Soloviev journalistic concrete and politically tough character of works devoted to the fight against anti-Semitism. As a connoisseur of Jewish holy books, the philosopher tried to refute the arguments of the Judaeophobes and anti-Semites, who sought to find in those books evidence of the religious determinism of the hatred of Jews towards Christianity.

The author points out a special position of the advocates of this movement that called for granting Jews equal rights with other peoples of Russia. They drew attention to the provisions of the Basic Law of the Russian Empire, which gave the right to all peoples to preserve their religion. In addition, in their opinion, the state should not have interfered in matters of faith.

A somewhat different position was shown by the journalists of liberal publications, sharply condemning the Jewish pogroms, regularly repeated in the southern provinces of Russia in the 1870s - 1880s.

The author comes to the conclusion that in terms of liberal publications, the national-religious nature of the pogroms was not completely denied, but the emphasis was on its socio-economic reasons, which led to the conviction of the need, first of all, for socio-economic measures to eliminate them. Without contesting the thesis that poverty pushed people to crimes, one should pay attention to the underestimation of the depth of interethnic contradictions inherent in many liberal authors. They did not see in the religious and national hostility a threat to Russian statehood and relied on the tolerance of the Russian people and their ability to rally other nationalities around them. Therefore, no measures were proposed to change religious and national policies in the aspect of interethnic relations.

REFERENCES

1. Chicherin, B.N. (1899) *Pol'skiy i evreyskiy vopros* [Polish and Jewish Question]. Berlin: G. Shteynits,
2. Soloviev, V.S. (1914a) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie. pp. 142–188.
3. Soloviev, V.S. (1914b) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie. pp. 3–32.
4. Soloviev, V.S. (1914b) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie. pp. 374–380.
5. Soloviev, V.S. (1993) Protest protiv antisemiticheskogo dvizheniya v pechati [Protest against the anti-Semitic movement in the press]. In: Dostoevsky, F.M. et al. *Tayna Izrailya* [Secret of Israel]. St. Petersburg: Sofiya. pp. 95–103.
6. Kavelin, K.D. (1898) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. Art. 1088–1096.
7. Soloviev, V.S. (1993) Pis'mo k avtoru (vmesto predisloviya k knige F.B. Getza "Slovo podsudimomu") [Letter to the author (instead of the preface to the book by F.B. Getz "The Word to the Defendant")]. In: Dostoevsky, F.M. et al. *Tayna Izrailya* [Secret of Israel]. St. Petersburg: Sofiya. pp. 94–95.
8. Anon. (1871) Vnutrennyaya khronika [Internal chronicle]. *Vestnik Evropy*. 5. pp. 401–427.
9. S. Pr. (1881) Pogrom evreev [The Jewish pogrom]. *Russkaya mysl'*. 6. pp. 109–127.
10. Anon. (1883) Vnutrennyaya khronika [Internal chronicle]. *Vestnik Evropy*. 10. pp. 352–374.
11. Dragomanov, M.P. (1875) Evrei i polyaki Yugo-Zapadnogo kraia [Jews and Poles of the Southwest Territory]. *Vestnik Evropy*. 7. pp. 133–179.
12. V.G. [Goltsev, V.I.] (1881) Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Russkaya mysl'*. 6. pp. 91–108.

УДК 930.2+94(57)
DOI: 10.17223/19988613/70/19

Е.А. Михайлицина

ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Рассматриваются основные сюжеты региональной истории Сибири на материалах журнала «Сибиряка» в контексте существующих подходов в государственной политике в отношении коренных народов Севера. Сделан вывод о том, что неотрадиционалистский подход, сформулированный в отечественной историографии, напрямую коррелирует с известным на Западе трендом *wildlife co-management*, в русле которого зарубежные исследователи сибирской проблематики предлагают решать проблемы коренных народов по сохранению и возрождению их национальных культур, языков и традиционных промыслов.

Ключевые слова: сибирские исследования; зарубежная историография; коренные народы Севера; неотрадиционализм.

Изучение традиционной материальной и духовной культуры коренных сибирских народов представляет большой научный интерес как для отечественных, так и для зарубежных исследователей. Вопросы сохранения традиционного уклада, национальных языков, передачи знаний и традиций подрастающим поколениям, реализации имущественных и гражданских прав народов на территориях их исторического проживания и хозяйствования, а также ухудшение экологии на этих территориях, выбор религии, самоидентификация и некоторые другие проблемы находят воплощение в российской и англо-американской научной периодике. В этой связи аспекты взаимодействия государства и коренных народов становятся ключевыми: от того, какая политика избрана государством в отношении коренных народов, будут зависеть перспективы сохранения и развития их традиционной культуры.

На сегодняшний день можно назвать концептуально оформившимися три основных подхода государственной национальной политики: государственно-патерналистский, либерально-рыночный и неотрадиционалистский [1. С. 112]. Первый подход предполагает, что коренные народы не способны к самостоятельной адаптации их традиционного уклада к современным социально-экономическим условиям, и государство должно оказывать им всестороннюю помощь. Либерально-рыночный подход (или «принцип равных возможностей» [2. С. 34]) исходит из понимания ограниченности ресурсов и свободной конкуренции, а значит, право пользования природными ресурсами должно возникать на основании конкурсов и аукционов. Здесь предполагается, что различия между доминирующей культурой и культурой малочисленного народа несущественны, так как коренной народ ассимилировался с преобладающим населением. Третий подход, неотрадиционалистский, становится все более популярным, так как предполагает переход к экономической самостоятельности и общинному самоуправлению коренных народов, отказ от ассимиляторской модернизации культуры и образа жизни народов Севера, возвращение к традиционным занятиям и религиям.

Неотрадиционализм, сформулированный в отечественной науке А.И. Пикой [3. С. 25], имеет много общего с современным западным подходом *wildlife co-management*, который подразумевает отношения на почве сотрудничества в сфере природопользования, т.е. «совместное управление биоресурсами». И хотя существуют разные вариации определения этого понятия, наиболее часто приводится трактовка Гейл Ошеренко (Gail Osherenko): «Институциональные механизмы, в которых правительственные учреждения, обладающие юрисдикцией над ресурсами, и пользователи этих ресурсов заключают соглашение, охватывающее определенный географический регион и проясняют: 1) систему прав и обязательства для заинтересованных в ресурсе; 2) набор правил, обозначающих действия, которые ожидаются от субъектов при различных обстоятельствах; 3) процедуры принятия коллективных решений, влияющих на интересы государственных структур, пользователей ресурсов и их отдельных представителей» [4. Р. 13].

В рамках такого подхода к управлению планы и решения осуществляются не только совместно с коренными народами в качестве активных участников, а в идеале в качестве равных партнеров, но и исходя из того, что их точка зрения полезна, если не необходима. Во многих случаях имеющие долгую историю особые знания коренных народов о своей земле и основанные на них стратегии управления успешно сочетаются с более общим научным подходом к оценке ситуации с ресурсами и планированию на будущее [5. Р. 35]. Таким образом, скоординированные управленческие усилия могут способствовать укреплению и сохранению культуры коренных народов. Самостоятельность коренных народов в определении своего настоящего и будущего значительно повышается за счет соглашений о совместном управлении, которые часто включают положения о занятости коренного населения, обучении, доступе к капиталу, защите ресурсной базы и различных возможностях экономического развития.

В русле данного подхода написано подавляющее большинство научных статей в англо-американской

периодике. Авторы исходят из того, что патерналистская политика государства в отношении коренных народов оказывается губительной для них, поскольку руководствуется собственными представлениями о «благо», цивилизационном развитии «отсталых» народов Севера и т.д., что неизменно ведет к ассимиляции культур в лучшем случае и этноциду в худшем. Под этноцидом здесь понимается термин, приведенный в работе К.Б. Клокова: «...территориальный этноцид – сокращение площади этнохозяйственных ареалов при стабильной или даже растущей численности коренного населения. Территориальный этноцид происходит за счет постепенного вытеснения традиционного природопользования северных народов более эффективными экономическими системами доминирующего общества» [2. С. 41].

Противоположный подход – либерально-рыночный – оказывается еще большим злом, так как народы Севера, чьи традиционные хозяйства давно разрушены или находятся в упадке из-за многолетней политики коллективизации, неспособны к конкуренции, не имеют капитала и достаточных ресурсов.

Основным источником рассмотренных далее статей выступает журнал издательства Berghahn Journals Group «Сибирика» (ранее издательства Routledge, Taylor & Francis Ltd), так как он является крупнейшей и наиболее специализированной международной площадкой для публикации англоязычных работ по сибирским исследованиям в широком спектре различных дисциплин [6. С. 141].

Одним из самых часто встречающихся сюжетов исследовательских работ в материалах журнала «Сибирика» является языковая политика российского государства и вопрос сохранения национальных языков коренными народами Севера. Авторы этих работ также публикуют другие статьи на эту тему в схожих по тематике научных журналах. Основой для них, как правило, служат полевые исследования, проведенные в местах традиционного проживания коренных народов Севера, т.е. авторы опираются преимущественно на полученные ими данные, результаты интервью, документы из местных архивов, но частично и на другие подобные исследования своих коллег, опубликованные за рубежом. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

В статье «Двуязычие и обучение грамоте в республике Тыва» Джоан Ф. Шевалье, исследовательница из Америки, изучает эволюцию тувинского литературного языка и ключевые институты, поддерживающие его изучение, а также политику местных властей по возрождению изучения тувинского языка с конца советского периода [7. Р. 1]. Автор считает, что уникальное место Тывы в российской истории – «на окраине советской империи» – создало условия, которые привели к высокому уровню сохранения языка титульной нации. Географическая изоляция Тывы и высокая концентрация этнических тувинцев, поселившихся преимущественно в сельских районах Тывы, способствовали широкому развитию двуязычия среди этнических тувинцев. В советский период был создан тувинский литературный язык, открыты школы, и этнические

тувинцы становились все чаще двуязычными. С образованием Республики Тыва тувинский язык получил правовой статус государственного, и были предприняты усилия по возрождению тувинского языка и расширению сфер его использования. Автор полагает, что разговорный тувинский язык широко передается из поколения в поколение, однако тувинский литературный язык находится в упадке. Представленные автором данные показывают, что средства массовой информации и обучению на тувинском языке, которые играют решающую роль в поддержке тувинской языковой грамотности и тувинского литературного языка, мешает отсутствие финансирования. Продолжающийся экономический кризис в Тыве привел к резкому сокращению доступности средств массовой информации на тувинском языке. Отсутствие финансовой поддержки на местном уровне также препятствовало попыткам улучшить обучение на местном языке в школах. Среди педагогов и тувинской интеллигенции широко распространено мнение, что тувинская языковая грамотность критически снижается. Акцент языкового образования в школах на региональном уровне сместился с расширения доступа к обучению на тувинском языке и возрождения тувинского языка на улучшение преподавания русского языка и повышение уровня владения русским языком среди этнических тувинцев. Такой сдвиг приоритетов частично обусловлен федеральными формами образования, которые уделяют большое внимание владению русским языком (определяемым ЕГЭ), а также экономическим кризисом. Финансовый кризис, который привел к высокому уровню безработицы и бедности в Тыве, по мнению автора, повысил престиж русского языка и подчеркнул важность владения русским языком как важнейшим инструментом социально-экономического развития, при этом важность изучения национального литературного языка значительно понизилась [Ibid. Р. 18].

В другой своей статье, опубликованной в «Сибирике» в 2013 г., под названием «Местное языковое образование на юге Сибири: республики Тыва и Алтай» Дж. Ф. Шевалье снова обращается к теме сохранения национальных языков коренных народов [8. Р. 56]. На этот раз ее исследовательское поле охватывает также республику Алтай. Еще позднее, в 2017 г., Шевалье публикует статью под названием «Возрождение изучения языка и культуры как местная практика: преподавание языка коренных народов в Якутске, РФ» в журнале «Nationalities Papers», где рассматривает тот же вопрос сохранения и возрождения национальных языков, но уже народами Якутии [9. Р. 613].

Проанализировав ситуацию с изучением национальных языков в республиках Тыва и Алтай, автор пришла к выводу, что, несмотря на разные демографические условия в этих республиках, программы обучения на местном языке сталкиваются с аналогичными проблемами и трудностями. Инициативы по языковому планированию, запущенные в республиках в конце советского периода в поддержку обучения на местном языке, были свернуты отчасти из-за отсутствия поддержки населения, отчасти из-за нехватки финансовых ресурсов, что является препятствием как для препода-

вателей, так и для администраторов, особенно в сельской местности, которая преобладает в обеих республиках. В то же время федеральные реформы образования реструктурируют начальную и среднюю школу в России. Установление проходного балла на ЕГЭ в качестве требования к окончанию школы убедило коренные народы в том, что у будущих поколений будет гораздо меньше возможностей, если они предпочтут изучение школьной программы на национальных языках. Автор отмечает, что школы могут сыграть важную роль в возрождении языка, но программы обучения на национальных языках не могут быть успешными без поддержки тех, на кого они направлены [8. Р. 78].

Дженнан Фергюсон, доцент кафедры антропологии университета Невады, Рино, США, в статье «Плохо ли, что мы пытаемся говорить на двух языках? Языковая идеология и выбор среди городских двуязычных семей Якутии» уделяет особое внимание не только языковой политике российского государства в Якутии, но и проблеме билингвизма в республике [10. Р. 1].

Путем исследования лингвистических траекторий в приведенных в статье примерах автор выявила некоторые устойчивые языковые идеологии, которые формируют семейную языковую политику и влияют на решения, принимаемые якутскими семьями, которые пытаются создать соответствующую социальную среду для своих детей для овладения якутским и русским языками.

По мнению автора, у коренных народов Якутии наблюдается противоречие между желанием продвигать изучение якутского языка наравне с русским и опасением, что двуязычие приведет к несовершенному владению обоими языками. Особенно критична такая ситуация для русского языка, свободное владение которым считается конкурентным преимуществом из-за неблагоприятной экономической ситуации в регионе. Однако Дж. Фергюсон не разделяет этих опасений, считая их пережитками советской идеологии, и отмечает, что среди сельских жителей республики и тех, кто во взрослом возрасте переехал в столицу, гораздо реже наблюдается отрицательное отношение к билингвизму. Языковая политика, продвижение и планирование изучения якутского языка в республике Саха должны гарантировать, по мнению автора, доступ к информации о самых последних открытиях о двуязычии и его преимуществах, чтобы развеять некоторые из этих мифов (в частности, что якутский мешает овладению русским) и указать, как может выглядеть сбалансированное двуязычие [Ibid. Р. 11].

Исследовательница из Финляндии Светлана Хууско в статье «Самоопределение подрастающих эвенков: обсуждая современное и традиционное в образовательных учреждениях» описывает результаты этнографического исследования, проведенного в маленькой эвенкийской деревне Солино в Бурятии. Основное внимание автора сосредоточено на процессе самоидентификации молодых эвенков, а также факторах, которые препятствуют этому процессу, таких как падение престижа быть частью этого этноса, тяжелые экономические условия, отсутствие единых целей у родителей и представителей образовательной систе-

мы при воспитании и передаче знаний подрастающим поколениям и т.д. С. Хууско также обращается к теме языковой политики, отмечая, что в то время как советская политика в отношении языковых меньшинств в 1920–1930-х гг. способствовала развитию системы письма для эвенкийского языка, к концу 1940-х гг. цивилизационная политика правительства привела к сдвигу в сторону ассимиляции, когда русский язык использовался для обучения во всех классах. В результате такой политики, согласно данным переписи населения России 2010 г., количество говорящих на эвенкийском языке составило 4 802 человека, что означает, что только 13% эвенков говорят на своем родном языке. В школе уроки эвенкийского языка рассчитаны на учащихся эвенкийских классов со второго по восьмой класс. «В ситуации, когда язык почти утрачен, время, отведенное на обучение эвенкийскому языку (час в неделю) в учебных планах, является недостаточным, — пишет автор, — и на практике он преподается еще меньше часов, чем, например, английский как иностранный» [11. Р. 50]. Из-за недостаточного количества учебных часов и отсутствия языковой практики русский язык является языком обучения на уроках эвенкийского языка, соответственно, учащиеся-эвенки по-прежнему не говорят на эвенкийском языке.

Подобные исследования проведены и другими авторами «Сибирики», в том числе как часть более комплексных исследований проблем, с которыми сталкиваются коренные народы Севера. В большинстве своем авторы соглашаются в том, что национальный язык, являясь определяющей характеристикой этноса, важнейшей для самоидентификации, должен сохраняться и изучаться подрастающими поколениями, т.е. языковая политика государства должна быть разумной, тщательно планируемой и результативной. При этом государственная политика должна способствовать популяризации национальных языков, изучению литературных языков коренных народов, а не дальнейшей унификации образовательных траекторий (особенно в форме обязательного и единого для всех жителей страны государственного экзамена по русскому языку), когда неблагоприятная экономическая ситуация во многих национальных республиках не оставляет коренным народам другого выбора, кроме приоритетного изучения русского языка в ущерб национальным.

Как отмечалось выше, проблема сохранения национальных языков нередко является частью более сложных проблем, с которыми коренным народам Севера приходится справляться. Речь, прежде всего, идет о попытках сохранить традиционный хозяйственный уклад, подразумевающий свободное перемещение по территориям, на которых осуществляется сезонный промысел. В действительности, по наблюдениям зарубежных исследователей, коренные народы сталкиваются с нарушением и ограничением своих имущественных и гражданских прав на территориях их традиционного проживания и хозяйствования, с ухудшением экологии в этих районах, вызванным строительством и эксплуатацией нефтепроводов, идущих прямо по территории угодий коренных народов. Помимо экономических трудностей, наиболее серьезной является проблема

сохранения и передачи традиций, навыков в охоте, рыболовстве, оленеводстве, коневодстве и других промыслах молодому поколению, т.е. всего того, что является неотъемлемой частью традиционной культуры, которая может просто исчезнуть вместе с последними носителями традиций и знаний.

Первой из ряда статей, посвященных этим вопросам, рассмотрим работу Гейл Фонда в соавторстве с Анной Сириной «Права и риски: опасения эвенков по поводу предполагаемого строительства нефтепровода “Восточная Сибирь – Тихий океан”» (ВСТО–1), опубликованной в «Сибирике» в 2006 г. В этой статье авторы исследуют случай эвенков, живущих на северной оконечности озера Байкал, которые столкнулись с проблемой строительства нефтепровода через территорию их традиционного проживания. По словам авторов, эвенки осознают значительные потенциальные риски для их средств к существованию и образа жизни из-за вероятной деградации окружающей среды, вызванной строительством трубопровода, риски, которые подрывают их основные права [12. Р. 115]. Они также выражают разочарование по поводу своей неспособности участвовать в планировании трубопровода – их процессуальные права на принятие решений не реализуются. Как известно, проект ВСТО–1 был реализован, и первая очередь была запущена в 2009 г., несмотря на протесты со стороны жителей региона, местных властей, экологов и эко-активистов, в том числе из «Гринпис» и «Всемирного фонда дикой природы». Проект долгое время не мог пройти экспертизу, поскольку строительство нефтепровода предполагалось в сейсмоопасной зоне на расстоянии 700–800 м от северной оконечности Байкала, планировалось использовать бухту «Перевозная», которая не рассчитана на такую нагрузку, кроме того, является водным заповедником, а также из-за препятствия в виде положений Водного кодекса РФ от 2006 г. Однако, несмотря на все трудности и благодаря изменениям в законодательстве, осуществленным в том же 2006 г., строительство нефтепровода началось. Опасения эвенков по поводу ухудшения экологии оказались вполне оправданными – 18 января 2010 г. из-за прорыва трубы в районе г. Ленска произошла утечка нефти, которая разлилась на 20 тыс. кв. м грунта.

Авторы статьи ссылаются на многочисленные постановления, распоряжения и другие нормативные акты, указывающие на то, что в российском законодательстве были достигнуты успехи в признании и уважении политики культурных различий, гарантирующей коренным народам права на свою родину и традиционные занятия, а также право участвовать в принятии решений относительно действий, которые влияют на эти места. Признание этих прав направлено на улучшение положения коренных народов, предоставление шансов на здоровую и достойную жизнь. Тем не менее, отмечают авторы, когда эти нормативные представления о правах, прописанные в законах, вступают в противоречие с социальными и политическими взглядами и действиями, на практике продолжается маргинализация коренных народов. «Когда национальные программы развития включают борьбу с ко-

ренными народами за просторы их родины, – заключают исследователи, – у коренных народов очень мало возможностей отстаивать свои права» [Ibid. Р. 132].

Брайан Донахью, автор статьи «Кому принадлежит тайга? Инклюзивные и эксклюзивные понятия о собственности среди тоджинцев и тофаларов в Южной Сибири» сопоставил факторы, повлиявшие, по его мнению, на сохранность традиционного уклада у этих народов, а также на их численность. Он предположил, что вторжение сначала со стороны других групп коренных народов, а затем, начиная с середины XVII в., со стороны русских и соседних групп коренных народов вытеснило тофаларов на определенную территорию и привело к основанию родовой тайги. По мере того, как их все больше оттесняли в постоянно сокращающуюся тайгу, они были вынуждены строго ограничить доступ к своей территории, что противоречило более ранней форме гибкого, довольно открытого доступа. После образования СССР раннее признание народа тофаларов одним из малочисленных народов Севера привело к усилиям по их защите путем законодательной кодификации их уменьшенной территории. Успешные кампании советского режима по коллективизации и принудительной оседлости расселили тофаларов в деревнях и еще больше исказили понятие родовой тайги, превратив ее в очень маленькие семейные охотничьи угодья, которые нужно было ревностно охранять, если семья собиралась выполнить квоты государственного охотничьего хозяйства. Такая политика сделала оленеводство практически невозможным, что привело к упадку оленеводства как образа жизни и утрате важного компонента этнического самосознания тофаларов.

Тоджинцы, с другой стороны, никогда не были полностью оседлыми, никогда не развивали такое понятие эксклюзивной частной собственности и до сих пор занимаются оленеводством как активным и важным аспектом своей жизни и этнической идентичности. Кроме того, численность тоджинцев в несколько раз превосходит численность тофаларов. Разница, по мнению Б. Донахью, заключается в основном в более длительных контактах тофаларов с русскими и ощущении исключительных прав доступа к ресурсам на данной территории, которое возникло в результате этого контакта, а также в том внимании, которое они получили как один из малочисленных народов Севера. Автор предполагает, что формальное учреждение Тофаларии изначально было предложено и осуществлено с искренними, хотя и патерналистскими и, возможно, ошибочными добрыми намерениями в отношении защиты тофаларов, но насильственная оседлость и формальное создание четко разграниченных семейных охотничьих угодий подняли чувство собственности и исключительности этого народа на новый уровень. Такое чувство эксклюзивной собственности оказалось несовместимым с кочевым, оленеводческим и охотничьим существованием в тайге и способствовало отчуждению тофаларов от основы их уникальной культуры и этнической идентичности [13. Р. 109].

Необходимость сохранения традиционного уклада для коренных народов – это не только вопрос экономического характера, это также вопрос самоидентифи-

кации, когда утрата традиционных промыслов ставит под вопрос сохранение культуры народа, его самобытности. Об этом в своей статье ««Якутская лошадь: этнический символ в постсоветской республике Саха» пишет Эмили Маж: «В своем стремлении к идентичности якуты не только относят себя к монголам, но и настаивают на том, что являются чистокровными потомками тюркских народов, населявших Среднюю Азию: “Возможно, в древние времена якутский язык использовался на всей территории евразийских степей как *lingua franca* (универсальный язык)”». В Якутии всерьез рассматривались аспекты этого евразийского наследия применительно к развитию и возрождению фольклора, традиций, связанных с животноводством. Евразийские связи также подталкивали к ассоциации с другими этническими группами: казахами, киргизами, татарами и башкирами. В том же потоке идеологической мысли развивалось движение к тенгрианству, древней системе верований евразийских кочевых народов. Идеология тенгрианства как неофициальной государственной религии распространилась до такой степени, что некоторые люди рассматривали этот процесс как возврат к изначальной религии ... “Согласно последним научным данным, современные якутские лошади являются одним из наиболее древних видов в мире и прямым потомком примитивных и одомашненных лошадей”. Кажется, что развитие коневодства стало делом политическим: якутский народ, как и самого себя, считает лошадь жертвой советской экономической политики, и развитие коневодства теперь является вопросом идентичности» [14. Р. 72].

Э. Маж полагает, что в республике Саха в наши дни лошадь приобретает все большее значение как культурный символ, нежели как подспорье в повседневной экономической жизни людей, однако якуты до сих пор считают себя конным народом. Петроглиф, обнаруженный в 1992 г. у устья р. Лены и представляющий собой всадника, избран государственным гербом республики.

Место и роль традиций и традиционных знаний коренных народов в современном мире стали одной из самых обсуждаемых тем в сибирских исследованиях. В разных контекстах обсуждения, как академических, так и общественных, подчеркиваются разные аспекты. Традиции и традиционные знания часто рассматриваются как ресурсы (экологические, экономические или политические), которые используются коренными народами при взаимодействии с внешним миром, например в борьбе за права на землю и природные ресурсы или за экономическую или политическую выгоду. Однако формирующая роль традиций и традиционных знаний для людей и их социальных взаимоотношений в своих общинах, как правило, игнорируется.

В ходе своих наблюдений большинство зарубежных исследователей «Сибирики» сходятся во мнении, что передача традиций и традиционных знаний молодым поколениям у большинства коренных народов сопровождается множеством трудностей. Эти трудности связаны, прежде всего, с культурным и ценностным разрывом между коренными народами и русским окружением, которое воздействует на подрастающее

поколение, формируя их ценности, посредством образовательных институтов (в большинстве случаев школ-интернатов). Нередко возникает серьезное идеологическое противостояние, когда родители учат детей, что навыков традиционного хозяйствования, овладения промыслами будет вполне достаточно для жизни, в то же время школа настаивает, что только успешная учеба откроет перед ними перспективы во взрослой жизни, получение профессии и т.д., тем самым подрывая институциональные основы традиционного уклада коренных народов и дискредитируя родителей в глазах детей.

Однако можно наблюдать и обратные, «положительные» примеры того, как на протяжении многих лет обеспечивается экономическая устойчивость сообщества, в том числе благодаря передаче традиционных знаний и навыков. Джон П. Зикер в статье «Устойчивость внутренних групп и общин в нижнем течении реки Енисей на протяжении 20-го века» проанализировал имеющиеся данные о мобильности, использовании ресурсов и социально-экономических обменах общины Тухард (Тухарт) на основе сведений, полученных в ходе полярной переписи 1926/1927 г., а также данные о посещении автором этого района в 1997 г., и обнаружил, что они иллюстрируют очень похожие стратегии и вариации в применении этих стратегий. Традиционная экономическая деятельность жителей Тухарда представляется устойчивой не только из-за их символической важности, но и потому, что навыки целенаправленно передаются молодому поколению. Поскольку экономическая диверсификация в Тухарде велика (как внутри, так и между домашними хозяйствами), она обеспечивает экономическую устойчивость, на которую могут претендовать немногие городские жители региона. Гибкость экономических стратегий, внутренних групповых структур, межсемейного сотрудничества и торговли имеет решающее значение для местной устойчивости в сообществе Тухард. Тот факт, что подобный набор стратегий и отношений обмена также был обнаружен в 1920-х гг., иллюстрирует большую память об этих паттернах во времени и адаптивных циклах. Сети для обмена товарами, информацией и членами семьи действительно являются древней стратегией в нижнем течении реки Енисей, что, в свою очередь, указывает на источник устойчивости сообщества. Сегодня масштабы производства и обмена больше, равно как и растущее символическое значение оленеводства. Эти «новые» реакции на усиление экономической активности в региональном и национальном масштабах в России также имеют решающее значение для понимания устойчивости сообществ в крупном масштабе [15. Р. 36].

Мысль о необходимости возврата к общинной организации самоуправления коренных народов как единственному способу сохранения традиционных форм хозяйствования и национальной культуры, а также возможности взаимодействовать «с центром» для совместного принятия важных решений о собственном настоящем и будущем часто встречается в англо-американской периодике, выражая таким образом основные идеи неотрадиционалистского подхода к проблемам коренных сибирских народов.

Наконец, еще одним часто встречающимся сюжетом является религия сибирских коренных народов. Некоторые аспекты религиозной жизни в республике Алтай исследует Агнешка Халемба. В статье «Современная религиозная жизнь в республике Алтай: взаимодействие буддизма и шаманизма» она рассматривает противоречивые утверждения и исторические традиции шаманизма, буддизма и бурханизма как часть процесса формирования новой национальной идентичности Алтая. Религия занимала очень важное место в дискуссиях о национальном единстве, особенно в первой половине 1990-х гг. По сравнению с некоторыми другими республиками Российской Федерации, ситуация на Алтае особенно интересна, отмечает исследователь, поскольку вопрос заключался не только в том, как заново ввести религиозные ритуалы, религиозное образование или моральные принципы, которые предположительно были забыты или подавлены в советский период, но и, что более важно, какую религию принять. Алтай был местом встречи многих религиозных влияний, и анимистические или «шаманские» верования существовали здесь в самых разных формах на протяжении длительного периода времени [16. Р. 167].

Как считает А. Халемба, две крупные религиозные традиции, а именно ислам и христианство, хотя и присутствуют на Алтае, не рассматриваются алтайскими национальными элитами как возможные объединяющие силы для алтайской нации. Ислам рассматривается как религия казахов, которые составляют 6% населения республики. С христианством ситуация сложнее, так как в некоторых регионах республики алтайцы приняли православное христианство. Русская православная миссия на Алтае была организована в 1828 г. Однако в настоящее время православие рассматривается в основном как религия русских и поэтому решительно отвергается алтайской интеллигенцией как шаг к объединению алтайской нации. Что касается буддизма, то несомненно, что он влиял на Алтай на протяжении многих веков. Хотя до сих пор нет никаких свидетельств существования буддийских святынь или монастырей на территории современной Республики Алтай, буддийские святыни или даже монастыри были в регионах, очень близких к ее границам. Более того, некоторые жители Алтая ездили в буддийские монастыри в Монголию или даже в Тибет для обучения. Это были отдельные случаи, но эти люди вернулись с буддийскими артефактами, сутрами и идеями.

Рост популярности буддизма среди интеллектуалов объясняется многими причинами. Существует общая тенденция подчеркивать древние корни алтайского буддизма и представлять алтайцев, по сути, как нацию практикующих буддистов, хотя и не обязательно признающих это. Также широко признаются политические преимущества буддизма. Он связывает алтайцев с миром других буддийских народов, особенно с соседними Монголией и Тывой. Предполагается, что принятие буддизма расширит возможности поддержки республики из-за рубежа. Буддизм также рассматривается как объединяющая сила, подходящая для государственных образований. Обычно он противопоставляется шаманизму, который оценивается как слишком разнород-

ный и неконтролируемый, чтобы стать религией национального государства. Также некоторых алтайских интеллектуалов подталкивает к буддизму его философский потенциал. Они говорят, что на Алтае, в бурханизме и шаманизме, нет такого философского пласта, который мог бы служить базой для личностного роста. Люди ищут источник духовного авторитета, которому можно было бы доверять и на котором они могли бы строить свои собственные идеи.

Хотя буддизм получает поддержку среди интеллигенции, в алтайских деревнях он не так популярен. Существует сильное негативное отношение к любой форме миссионерской деятельности. Жители деревень говорят, что алтайцы, которые сознательно участвуют в распространении своих религиозных взглядов, напоминают им о миссионерской деятельности православных христиан, католиков, свидетелей Иеговы и новых протестантских церквей. «Не так должен поступать алтайский “biler kizhi” (“знающий человек”)». Они должны получать общественное признание своими действиями, а не открытой пропагандой своих личных взглядов» [Ibid. P. 179].

Татьяна Ваграменко, исследовательница из университета Корк, Ирландия, в статье «Хронотопы обращения к христианскому фундаментализму и его распространение в постсоветское время» исследует евангельские миссионерские движения среди коренных ненцев, проживающих в тундре Полярного Урала и полуострова Ямал на северо-западе Сибири. В постсоветский период территории Полярного Урала и Ямальской тундры стали зоной интенсивной международной евангелической миссионерской деятельности и частых случаев обращения в протестантское христианство среди кочевых и оседлых коренных народов. Ненецкий народ обычно рассматривается как оплот «исконной традиционной культуры», который в прошлом неохотно обращался в христианство, а затем молчаливо сопротивлялся советским реформам в отношении кочевничества и оседлости, а также антирелигиозной пропаганде. Однако постсоциалистические преобразования сделали ненцев открытыми для евангелических миссий. И хотя местные власти продвигали как русское православие, так и традиционные ненецкие обычаи и верования наряду со священными местами и ритуальными практиками в качестве основы ненецкого социального порядка, сельские ненцы часто с энтузиазмом принимали евангелическое миссионерское послание, тем самым бросая вызов устойчивости традиционной культуры ненцев. Более того, пробуя различные веры, ненцы в конце концов выбрали фундаменталистское баптистское движение [17. Р. 64].

Статья Т. Ваграменко опирается на этнографический случай, когда глобально успешное евангельское движение неопятидесятничества не получило широкого отклика. Данный регион казался идеальным местом для основания пятидесятнических церквей благодаря высокой доли коренного населения, проживающей в сельской местности, социальной маргинализации кочевников, а также бедности, алкоголизму и низкому уровню образования во многих сельских районах. Однако сельские ненцы на Полярном Урале и Ямале от-

вергли систему верований, которая способствовала осмыслению неолиберальной культуры. Вместо этого фундаменталистское христианство с его претензиями на отделение от (современного / западного / светского) мира и идеологией сопротивления «коррупцированному» модернизму доминировало в местном религиозном ландшафте и превратилось в быстрорастущую церковь.

Баптистские миссионеры утверждают, что ненецкая культура не испорчена городской цивилизацией с ее коррупцированным либерализмом и ценностями рыночной экономики, и поэтому она намного ближе к чисто христианскому идеалу. Таким образом, миссионерская цель состоит в том, чтобы просто нести Евангелие и сделать нетронутую ненецкую жизнь истинно христианской. Это специфическое ретротопическое восприятие стало фундаментальной точкой пересечения, считает автор, которая в конечном итоге соединила баптистский фундаментализм и ненецкую культуру. В этом контексте ненцы становятся хранителями Закона Божьего, теми, кто изначально принадлежал к Божьему плану для человечества и чья традиционная культура и религия предков являются «выражением несовершенной, но врожденной склонности к христианской истине».

Такое понимание, по мнению автора, позволило превратить ненецкое прошлое в историю этого скотоводческого кочевого народа, представленную как древний Ветхий Завет, а самих ненцев – в библейских ненцев. Ненецкую культуру больше не считают просто языческой, и ненцы – не отсталые, а, скорее, пророки, которые всегда жили по старым еврейским законам. «Ветхий Завет жив среди нас, – приводит автор слова одного верующего ненца, – потому что мы, ненцы, живем по Ветхому Завету... Ненцы – это кочевой народ. У них есть крупный рогатый скот – олени. И возьмите израильский народ – они тоже были кочевниками» [17. С. 84]. Таким образом, традиционная ненецкая культура не просто узаконивается в христианской системе, но сакрализуется: ненцы – избранный Богом народ, чья обязанность – исполнять волю Бога в современном мире, который призван обрести спасение. Так пространство тундры и ненецкая кочевая культура превратились в настоящий центр христианства, центр значимой баптистской вселенной.

Шаманизм в Бурятии также привлекает внимание исследователей, примером чему статьи Кэтрин Меццо

«Шаманы и священные места в Бурятии», «Священные места, исцеляющие места: купание в Тункинской котловине», посвященные этой теме, а также статьи Жюстин Б. Квиджада «Что если мы не знаем наш клан? Тайлаган как новая ритуальная форма в Бурятии», Зелько Йокича «Гнев забытых онгонов: шаманская болезнь, воплощение Духа и побег из фрагментарного транса в современном бурятском шаманизме» и Джозефа Лонга «Возлияния и ритуальные подношения в западном бурятском шаманизме» [18–22].

Традиционные верования, примитивные языческие культы и прочие религиозные формы, которые можно встретить у коренных сибирских народов, а также исследование факторов, повлиявших на выбор верований, изучение того, какое место занимает религия в определении народом своей самобытности, своей идентичности, – все это становится объектом научного интереса зарубежных исследователей.

Таким образом, рассмотрение основных вопросов сибирских исследований в англо-американской историографии неизбежно ведет к анализу существующих подходов государственной политики в отношении коренных народов, где патерналистская политика, равно как и политика рыночной конкуренции, рассматриваются как губительные для традиционных культур сибирских этносов. Авторы призывают к более осмысленной языковой политике, которая позволит сохранить уникальное культурное и языковое многообразие Сибири, к созданию механизмов самоуправления коренных народов, которые позволят им возродить традиционные промыслы, а также напрямую сформулировать свое видение и пути решения экономических и социальных проблем, и, наконец, к отказу от дальнейшей ассимиляции с доминирующей русской культурой, насаждения ее ценностей и религии.

Многообразие вопросов, тем, сюжетов региональной истории Сибири в работах зарубежных исследователей открывает перед отечественными учеными широкое поле для тщательного изучения накопленных ими материалов, для научного обмена, дискуссии и расширения представлений о методах и подходах обеих сторон. Обширный этнографический материал, собранный авторами и опубликованный на страницах «Сибирики», может служить совершенно новым и уникальным историческим источником в разработке сибирской проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шапаров А.Е. Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 98–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.98.
2. Клоков К.Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 91 с.
3. Пика А.И., Прохоров Б.Б. Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). М. : МНЭПУ, 1994, 225 с.
4. Osherenko G. Sharing Power with Native Users : Co-Management Regimes for Native Wildlife. Ottawa : Canadian Arctic Resources Committee, Ont., 1988. 58 p.
5. Goetze T.C. Sharing the Canadian Experience with Co-Management: Ideas, Examples and Lessons for Communities in Developing Areas. Ottawa : International Development Research Centre, 2004. 58 p. (Rural Poverty and the Environment Working Paper Series. Working Paper 15).
6. Михайличина Е.А. Сибирская колонизация в современной англо-американской научной периодике // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 140–146. DOI: 10.17223/19988613/63/19.
7. Chevalier J.F. Bilingualism and Literacy in the Republic of Tyva // Sibirica. 2010. Vol. 9, № 1. P. 1–22. DOI: 10.3167/sib.2010.090101.
8. Chevalier J.F. Local Language Education in Southern Siberia. The Republics of Tyva and Altai // Sibirica. 2013. Vol. 12, № 3. P. 56–84. DOI: 10.3167/sib.2013.120303.

9. Chevalier J.F. School-based linguistic and cultural revitalization as a local practice: Sakha language education in the city of Yakutsk, Russian Federation // *Nationalities Papers*. 2017. № 45 (4). P. 613–631. DOI: 10.1080/00905992.2016.1275534.
10. Ferguson J. “Is it bad that we try to speak two languages?” Language ideologies and choices among urban Sakha bilingual families // *Sibirica*. 2015. Vol. 14, № 1. P. 1–27. DOI: 10.3167/sib.2015.140101.
11. Huusko S. Evenki adolescents’ identities: negotiating the modern and the traditional in educational settings // *Sibirica*. 2018. Vol. 17, № 1. P. 36–62. DOI: 10.3167/sib.2018.170104.
12. Fondahl G., Sirina A. Rights and risks: Evenki concerns regarding the proposed Eastern Siberia-Pacific Ocean Pipeline // *Sibirica*. 2006. Vol. 5, № 2. P. 115–138.
13. Donahoe B. Who owns the taiga? Inclusive vs. exclusive senses of property among the Tozhu and Tofa of Southern Siberia // *Sibirica*. 2006. Vol. 5, № 1. P. 87–116.
14. Maj E. The horse of Sakha: Ethnic symbol in post-communist Sakha Republic (Iakutia) // *Sibirica*. 2009. Vol. 8, № 1. P. 68–74. DOI: 10.3167/sib.2009.080105.
15. Ziker J.P. Resilience of domestic groups and communities on the lower Enisei River throughout the twentieth century // *Sibirica*. 2012. Vol. 11, № 1. P. 1–42. DOI: 10.3167/sib.2012.110101.
16. Halembe A. Contemporary religious life in the Republic of Altai: the interaction of Buddhism and Shamanism // *Sibirica*. 2003. Vol. 3, № 2. P. 165–182. DOI: 10.1080/1361736042000245295.
17. Vagramenko T. Chronotopes of conversion and the production of Christian fundamentalism in the post-soviet Arctic // *Sibirica*. 2018. Vol. 17, № 1. P. 63–91. DOI: 10.3167/sib.2018.170105.
18. Metzko K. Shamans and sacred landscapes in Buriatia // *Sibirica*. 2008. Vol. 7, № 1. P. 5–9. DOI: 10.3167/sib.2008.070101.
19. Metzko K. Sacred landscape, healing landscape: “Taking the waters” in Tunka Valley, Russia // *Sibirica*. 2008. Vol. 7, № 1. P. 51–72. DOI: 10.3167/sib.2008.070104.
20. Quijada J.B. What if we don’t know our clan? The city Tailgan as new ritual form in Buriatia // *Sibirica*. 2008. Vol. 7, № 1. P. 1–22. DOI: 10.3167/sib.2008.070102.
21. Jokic Z. The wrath of the forgotten ongons: shamanic sickness, spirit embodiment, and fragmentary trance escape in contemporary Buriat shamanism // *Sibirica*. 2008. Vol. 7, № 1. P. 23–50. DOI: 10.3167/sib.2008.070103.
22. Long J. Libations and ritual offerings in Ekhirit Buriat shamanism // *Sibirica*. 2008. Vol. 7, № 2. P. 83–102. DOI: 10.3167/sib.2008.070206.

Elena A. Mikhaylitsina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihailicina@mail.ru

MAJOR SUBJECTS OF SIBERIAN REGIONAL HISTORY IN ANGLO-AMERICAN SCIENTIFIC PERIODICALS

Keywords: Siberian studies; foreign historiography; indigenous peoples of the Russian North; wildlife co-management.

The article examines major subjects of Siberian regional history based on the content of the journal “Sibirica” in the context of contemporary approaches in public policies for indigenous peoples. The author discovers that among the basic approaches, which are “paternalistic”, “market-based”, and “neo-traditional”, the latter has quite a lot in common with the “wildlife co-management” trend widespread in Western historiography. Since this approach requires coordinated management efforts made both by the state and indigenous representatives, with its help the authors of “Sibirica” suggest to solve the problems of the preservation and development of traditional livelihoods, culture, national languages and religions of Siberian peoples. Analysis of articles on the Russian Federation’s language policy in relation to indigenous people demonstrates that an ineffective policy in the field of popularizing national languages, as well as the ongoing unification of educational standards for all of the Russian Federation subjects, lead to extinction of the national languages.

In addition to the national language, another important issue of the indigenous people’s self-identification is the preservation of the traditional economic livelihoods and fisheries. The Western scientific periodicals quite often broadcast the idea of returning to the community-based self-governing of indigenous peoples as the only way to preserve traditional livelihood and national culture, as well as the opportunity to interact “with the center” to jointly make important decisions about their own present and future. The work also addresses a religious issue that is an integral part of the identity of indigenous peoples. Traditional beliefs, primitive pagan cults and other religious forms that can be found among the indigenous Siberian peoples, as well as the study of factors that influenced the choice of beliefs and finally the study of the role that religion plays in the peoples’ determination of their identity – all these issues become the object of scientific interest of foreign researchers.

Having studied the main issues of Siberian studies in the Anglo-American scientific periodicals, as well as current approaches in public policy, where a predominantly paternalistic approach turns out to be as destructive for indigenous peoples as a market-based one, we can conclude that only neo-traditionalist approach can enable indigenous peoples to revive traditional lifestyles. Neo-traditional approach which means co-management of biological resources, a well-designed language policy of the state and creation of mechanisms for self-government of indigenous peoples can give them opportunity to directly formulate their vision and ways of solving economic and social problems.

REFERENCES

1. Shaparov, A.E. (2015) Ethnic policy of Russia in the Arctic: basic approaches and principles. *Arktika i Sever – Arctic and North*. 21. pp. 98–117. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.98
2. Klovov, K.B. (1997) *Traditsionnoe prirodopol'zovanie narodov Severa: kontseptsiya sokhraneniya i razvitiya* [Traditional use of natural resources of the Northern peoples: Conservation and development concept]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Pika, A.I. & Prokhorov, B.B. (1994) *Neotraditsionalizm na Rossiyskom Severe (etnicheskoe vozrozhdenie malochislennykh narodov Severa i gosudarstvennaya regional'naya politika)* [Neo-traditionalism in the Russian North (ethnic revival of the small peoples of the North and state regional policy)]. Moscow: MNEPU.
4. Osherenko, G. (1988) *Sharing Power with Native Users: Co-Management Regimes for Native Wildlife*. Ottawa: Canadian Arctic Resources Committee, Ont., Canada. CARC Policy Paper 5.
5. Goetze, T.C. (2004) *Sharing the Canadian Experience with Co-Management: Ideas, Examples and Lessons for Communities in Developing Areas*. Ottawa: International Development Research Centre.
6. Mikhaylitsina, E.A. (2020) Siberian colonization in modern Anglo-American scientific press. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 63. pp. 140–146. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/63/19
7. Chevalier, J.F. (2010) Bilingualism and Literacy in the Republic of Tyva. *Sibirica*. 9(1). pp. 1–22. DOI: 10.3167/sib.2010.090101
8. Chevalier, J.F. (2013) Local Language Education in Southern Siberia. The Republics of Tyva and Altai. *Sibirica*. 12(3). pp. 56–84. DOI: 10.3167/sib.2013.120303
9. Chevalier, J.F. (2017) School-based linguistic and cultural revitalization as a local practice: Sakha language education in the city of Yakutsk, Russian Federation. *Nationalities Papers*. 45(4). pp. 613–631. DOI: 10.1080/00905992.2016.1275534

10. Ferguson, J. (2015) "Is it bad that we try to speak two languages?" Language ideologies and choices among urban Sakha bilingual families . *Sibirica*. 14(1). pp. 1–27. DOI: 10.3167/sib.2015.140101
11. Huusko, S. (2018) Evenki adolescents' identities: negotiating the modern and the traditional in educational settings. *Sibirica*. 17(1). pp. 36–62. DOI: 10.3167/sib.2018.170104
12. Fondahl, G. & Sirina, A. (2006) Rights and risks: Evenki concerns regarding the proposed Eastern Siberia-Pacific Ocean Pipeline. *Sibirica*. 5(2). pp. 115–138.
13. Donahoe, B. (2006) Who owns the taiga? Inclusive vs. exclusive senses of property among the Tozhu and Tofa of Southern Siberia. *Sibirica*. 5(1). pp. 87–116.
14. Maj, E. (2009) The horse of Sakha: Ethnic symbol in post-communist Sakha Republic (Iakutiia). *Sibirica*. 8(1). pp. 68–74. DOI: 10.3167/sib.2009.080105
15. Ziker, J. P. (2012) Resilience of domestic groups and communities on the lower Enisei River throughout the twentieth century. *Sibirica*. 11(1). pp. 1–42. DOI: 10.3167/sib.2012.110101
16. Halemba, A. (2003) Contemporary religious life in the Republic of Altai: the interaction of Buddhism and Shamanism. *Sibirica*. 3(2). pp. 165–182. DOI: 10.1080/1361736042000245295
17. Vagramenko, T. (2018) Chronotopes of conversion and the production of Christian fundamentalism in the post-soviet Arctic. *Sibirica*. 17(1). pp. 63–91. DOI: 10.3167/sib.2018.170105
18. Metzo, K. (2008) Shamans and sacred landscapes in Buriatiia. *Sibirica*. 7(1). pp. 5–9. DOI: 10.3167/sib.2008.070101
19. Metzo, K. (2008) Sacred landscape, healing landscape: "Taking the waters" in Tunka Valley, Russia. *Sibirica*. 7(1). pp. 51–72. DOI: 10.3167/sib.2008.070104
20. Quijada, J.B. (2008) What if we don't know our clan? The city Tailgan as new ritual form in Buriatiia. *Sibirica*. 7(1). pp. 1–22. DOI: 10.3167/sib.2008.070102
21. Jokic, Z. (2008) The wrath of the forgotten ongons: shamanic sickness, spirit embodiment, and fragmentary trance escape in contemporary Buriat shamanism. *Sibirica*. 7(1). pp. 23–50. DOI: 10.3167/sib.2008.070103
22. Long, J. (2008) Libations and ritual offerings in Ekhirit Buriat shamanism. *Sibirica*. 7(2). pp. 83–102. DOI: 10.3167/sib.2008.070206

УДК 903.2 + 528.9 + 94(57) 619/209
DOI: 10.17223/19988613/70/20

Г.С. Хорохордин

**ПРИМЕНЕНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.
ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ
ТОМСКОГО УЕЗДА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ**

*Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-49-540002 p_a
«Электронный архив рукописных и печатных карт Сибири и Дальнего Востока с конца XVII в. по 1941 г.».*

Проанализированы картографические материалы конца XIX – начала XX в., а также методы их применения при исследовании процесса развития поселенческой сети Томского уезда Томской губернии. На основе карт и статистических источников составлены картографические модели, отражающие изменения территории крестьянских волостей в 1893–1911 гг. Выделены основные направления использования карт при учете изменений волостного деления, а также социально-экономического состояния территории.

Ключевые слова: Томский уезд; карты Сибири; картографическое моделирование; поселенческая сеть; волостная структура.

Поселенческая сеть, или сеть поселений, – совокупность всех населенных пунктов, расположенных на какой-либо территории обитания людей, она характеризуется, прежде всего, людностью и густотой поселений, а также определенным рисунком расселения [1]. В узком смысле под сельской поселенческой сетью понимается совокупность всех населенных пунктов сельского типа (сельских или деревенских поселений), расположенных на изучаемой территории, взятая в сочетании их внутренней инфраструктуры и структуры связей между ними [2. С. 7].

В нашей работе под поселенческой сетью будет пониматься совокупность всех сельских населенных пунктов Томского округа (уезда), характеризующихся общим административным положением, имеющих различный уровень численности, неоднородности структуры, типологического разряда, функционирующих в географическом и социально-экономическом отношении во взаимосвязи друг с другом.

Настоящее исследование ставит целью раскрытие особенностей применения карт в исследовании поселенческой сети Томского уезда Томской губернии. Карта выступает главной основой картографического метода в исторических исследованиях и является уникальным историческим источником, содержащим значительный объем информации, выраженной в компактной и наглядной графической форме. В настоящем исследовании очевидно значение старой карты как памятника истории картографии, отражающего уровень развития картографической науки и техники соответствующего периода, через анализ которого открывается возможность проследить процессы расселения на исследуемой территории [3. С. 12].

В нашей стране активное изучение картографических материалов с целью их применения в историческом исследовании начинается в XX в. Среди основателей данного направления можно выделить выдающихся историков и профессиональных картографов Л.С. Багрова, Л.Г. Бескровного, А.В. Постникова. Вопросы картографического источниковедения значительно про-

работаны и исследованы в трудах О.М. Медушевой, Л.А. Гольденберга, С.И. Сотниковой [4–9]. Задачи историко-географического анализа карт практически не отличаются от оценки содержания и критики других видов исторических источников. Однако способы и приемы решения этих задач определяются спецификой содержания и формой картографических материалов.

Использование картографических материалов при учете населения Томского уезда в конце XIX – начале XX в. обусловлено, прежде всего, необходимостью сопоставления статистических и картографических источников. Несмотря на подробные сведения о населенных пунктах, списки населенных мест, памятные книжки и обзоры в рамках исследования демографических процессов не дают полного представления о том, как изменялась территория той или иной волости с течением времени. Исходя из этого, возникает необходимость исследования размещения народонаселения с помощью картографических материалов. Кроме того, сами карты обладают большой информативностью. Благодаря условным обозначениям, к примеру, можно определить, как распределялся земельный фонд между различными категориями населения или выявить объекты социально-экономической инфраструктуры, находившиеся в той или иной волости.

В статье в хронологическом порядке анализируются те карты, которые могут быть использованы при исследовании поселенческой сети Томского уезда, с описанием технологии их применения в рамках построения картографических моделей. Источником для поиска картографических материалов по Томской губернии послужил «Сводный каталог печатных карт Сибири и Дальнего Востока с XVIII по 1917 г.» [10], а также «Сводный каталог рукописных карт Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в.» [11].

Согласно, предложенной А.М. Берлянтом классификации карт [12. С. 15–17], по содержанию картографические издания можно дифференцировать на общегеографические, тематические и специальные. В нашей работе были использованы тематические карты: карты

населения, карты политико-административные. При исследовании поселенческой сети выборка производилась, исходя из отображения на карте административных границ как уездного, так и волостного уровня, а также спектра обозначений, с помощью которых появляется возможность детально изучить размещение населения и производственную ориентацию селений.

«Карта Томского округа Томской губернии 1890-х гг.» [13]. Масштаб: 20 верст в 1 англ. дюйме. Напечатана в Картографическом заведении А. Ильина. Именно эта карта стала основой для моделирования поселенческой сети. На основе отсутствуют условные обозначения, но при этом разными цветами отмечены территории и границы волостей, а также населенные пункты по состоянию на 1893 г. Путем сравнения различных картографических основ удалось определить изменения волостных границ в пределах Томского уезда.

«Карта Томской губернии 1910 г.» [14]. Масштаб: 50 верст в 1 англ. дюйме. На карте подробно показаны территория Томской губернии и южный район Томского уезда. Обозначены крупные населенные пункты. На картографической основе отмечены церкви, школы, места пребывания крестьянских и подрайонных начальников – организаторов регионального землеустройства и переселений.

«Карта Томской губернии 1911 г.» [15]. Масштаб: 20 верст в 1 англ. дюйме. Издание Томского переселенческого района. Карта напечатана на 28 листах, на ней детально показаны отдельные части Томской губернии. Юго-западные и юго-восточные волости отображены на третьем и четвертом фрагментах [13. Л. 13–14]. На карте отмечены земли старожилов и инородцев, переселенческие участки, запасные участки, оброчные статьи, участки для «оседлых киргиз», земельный фонд для будущего землеустройства, земли Военного ведомства, колонизационное пространство, казенные лесные дачи, бор Кабинета Е. И. В., построенные и строящиеся колодцы, построенные и предложенные к постройке водохранилища, метеорологические станции, лесные склады, казенные продовольственные склады, фельдшерские и врачебные пункты. В частности, данное картографическое издание подтверждает статистические сведения относительно размещения переселенческих участков к 1911 г.

«Переселенческая карта Томской губернии 1913 г.» [16]. Масштаб: 40 верст в 1 англ. дюйме. Напечатана в типолитографии Сибирского товарищества печатного дела. По своей информативности издание напоминает предыдущую карту, но, в отличие от выпуска 1911 г., в ней более детально проработана информация о состоянии медицинского дела в Томской губернии. В данном случае можно привести пример уточнения статистических показателей через картографическое издание: по данным 1911 г., врачебный пункт во всем юго-западном районе был только в д. Базой Чаусской волости. Однако на рассматриваемой карте медицинские пункты обозначены в с. Гутово, с. Проскоковское и ст. Ояш. Этот пример является подтверждением того, каким образом картографические материалы способны дополнить сведения, не отображенные в статистических источниках.

«Карта Томской губернии с указанием границ волостей 1914 г.» [17]. Масштаб: 40 верст в 1 англ. дюйме. Напечатана в типолитографии Сибирского товарищества печатного дела. Отличительной особенностью карты являются отображенные границы и территории не только уездов, но и отдельных волостей (встречается на картах довольно редко, в основном картосоставителями фиксировались уездные границы), отмеченные номерами и вынесенные в легенду список. Именно путем наложения картографических основ данной карты и «Карты Томского округа Томской губернии 1890-х гг.» удалось определить изменение административно-территориальных границ и учесть состояние поселенческой сети в течение первой четверти XX в. Также на карте отмечены районы, обслуживаемые переселенческими пароходами «Самоход», «Свободная Россия», «Север».

«Карта Томской губернии с указанием границ волостей, казенно-лесных дач, раздела губерний на Томскую и Алтайскую 1917 г.» [18]. Масштаб: 40 верст в 1 англ. дюйме. Напечатана в типолитографии Сибирского товарищества печатного дела на 35 листах. Территория Новониколаевского уезда отображена на отдельном листе [Там же. Л. 5]. На карте детально показаны границы не только крестьянских, но и «иностранческих» волостей. Путем наложения данного издания и «Карты Томской губернии с указанием границ волостей 1914 г.» удалось определить, что к 1917 г. из состава Каменской волости была выделена Барышевская волость. Характерной особенностью является то, что на данной карте отмечены проектируемые границы будущих уездов после разделения губернии в 1917 г. на Алтайскую и Томскую [19. С. 73].

Учитывая особенности административного районирования рассматриваемого периода, необходимо учесть, что юго-западные волости Томского уезда находились в составе Алтайского округа (северная часть) Кабинета Е. И. В., поэтому имеется возможность рассмотреть развитие поселенческой сети исследуемой нами территории и на картах Алтайского округа.

«Атлас Алтайского и Нерчинского округов. Кабинет Е. И. В., десятилетие 1906–1915 гг.» [20]. Масштаб: 50 верст в 1 англ. дюйме. Напечатана в картографическом заведении Г. Де-Кельша в Петрограде. В ходе сравнения картографических материалов, включенных в атлас, можно определить изменения в землеустроительном процессе с 1906 по 1916 г. За десятилетний период часть западных земель, ранее принадлежавших Кабинету Е. И. В., передана в землепользование крестьянам и переселенцам, а за Кабинетом оставалась в основном восточная часть Алтайского округа [21]. Более того, согласно «Картограмме обеспеченности населения Алтайского округа землями 1899 г.», можно судить о том, что в Чаусской, Кайлинской и Ояшинской волостях показатель обеспеченности землей был одним из самых высоких в Алтайском округе (свыше 15 десятин на душу населения). В Кривошековской чуть ниже – от 10 до 14 десятин на человека. При этом, согласно исследованиям А.А. Храмова, средняя обеспеченность землей в Алтайском округе была в районе восьми десятин [22. С. 136–149].

При изучении народнохозяйственной деятельности необходимо акцентировать внимание на хозяйственных, геоэкономических и природно-технических картах, посвященных вопросам климата и сельского хозяйства.

«Схематическая карта Томской губернии с показанием естественно-исторических районов и данных, характеризующих климат губернии конца XIX века» [23]. Масштаб: 100 верст в 1 англ. дюйме. Напечатана в типолитографии Сибирского товарищества печатного дела. Рассматривая на карте Томский уезд, важно отметить, что изучаемые нами территории находились на стыке трех естественно-исторических районов: таежного земледельческого (подзолистые, суглинистые почвы), переходного района от тайги к степи (с преобладанием лугово-степных, суглинков и черноземных почв) и лесостепного района (карбонатно-луговые и черноземные почвы). При рассмотрении вопроса экономической специализации волостей Томского уезда была использована и данная карта, поскольку природно-географические условия влияли на ведущий тип хозяйствования в сельских населенных пунктах.

«Картограмма чистого сбора хлебов по Томской губернии 1913 г.» [24]. Масштаб: 100 верст в 1 англ. дюйме. Напечатана в типолитографии Сибирского товарищества печатного дела. Данная карта во многом сможет объяснить сельскохозяйственную ориентацию волостей. Например, в Чаусской, Прокудской и Каменской волостях был самый высокий показатель урожайности зерновых культур во всей Томской губернии: если средняя урожайность в Томской губернии была 51 пуд с десятины, то в рассматриваемом районе она достигала 85 пудов [25. С. 47–48].

«Картограмма опустошительности сельских пожаров в семи уездах Томской губернии 1913 г.» [26]. Масштаб: 100 верст в 1 англ. дюйме. Напечатана в типолитографии Сибирского товарищества печатного дела. С помощью карты можно проследить количество построек, которые были утрачены в результате пожаров. В Чаусской, Каменской, Прокудской волостях этот показатель в среднем равнялся трем строениям на тысячу построек, в Ояшинской, Карпысакской, Кайлинской, Алексеевской, Гондательевской – 8,7. Для сравнения: общегубернские показатели были на уровне 1,5 строения на тысячу построек. Максимальная пожароопасность была на севере Каинского уезда – 28 сгоревших строений на тысячу построек.

«Карта Томской губернии с указанием области распространения в 1901 г. кобылки» [27]. 100 верст в 1 англ. дюйме. Напечатана в типолитографии Сибирского товарищества печатного дела. На карте отмечены основные районы распространения саранчи.

«Карта района опытных посевов сахарной свекловицы в Сибири, предназначенных к осуществлению в 1916 г.» [28]. Напечатана в типолитографии Сибирского товарищества печатного дела. По карте можно определить, что среди населенных пунктов, которые были задействованы в ходе экспериментальных посевов, была и территория Прокудской волости. В остальных юго-западных волостях посадок свеклы не происходило.

Таким образом, можно констатировать, что применение картографических материалов в исследовании

поселенческой сети открывает новые возможности для соблюдения принципа территориальности. Административные и тематические карты позволяют визуально представить процессы освоения земельного фонда Томского уезда. Более того, применение вместе картографических и статистических источников дает перспективу более точного определения местоположения населенных пунктов и их социально-экономического развития.

Подобную методику применяли в отчетах руководители переселенческих отрядов. Часть карт была опубликована еще в ходе переселения. Уже в 1911 г. карты были помещены в книге «Переселение и землеустройство за Уралом», являвшейся, по сути, отчетом переселенческих чиновников о проделанной работе. Самое впечатляющее издание такого рода – Атлас Азиатской России, изданный в 1914 г. Переселенческим управлением. В атласе свыше 170 иллюстраций: карт и картограмм, подводящих определенный итог переселенческой политике правительства [29. С. 173].

Развитие поселенческой сети Томского уезда – длительный процесс заселения и освоения новых территорий. Ранее нами были рассмотрены картографические материалы, позволяющие визуально представить местоположение населенных пунктов, а также проанализировать структуру земельного фонда и рассмотреть социально-экономическое развитие изучаемой территории. Далее речь пойдет о новом направлении в историческом исследовании – картографическом моделировании.

Под картографическим моделированием понимается система создания, анализа и преобразования картографических произведений в пространственные модели реальных объектов, явлений и процессов с целью получения нового знания. Под моделью понимается любой образ – изображение, схема, чертеж, график, план, карта [30. С. 232].

Создание картографических моделей, отражающих территорию Томского уезда, основано на принципах, предложенных К.А. Салищевым [31. С. 194].

1. Математическая формализация: обеспечивает переход от сферической поверхности Земного шара к плоскости посредством особых картографических проекций.

2. Картографическая генерализация: проявляется в отборе главного, существенного и целенаправленном обобщении в соответствии с назначением, тематикой и масштабом карты.

3. Картографическая символизация: использование систем условных знаков.

В процессе работы, с помощью наложения картографических основ различных периодов и применения статистических данных, удалось составить модели развития поселенческой сети по волостям за период с 1893 по 1914 г., так как именно в это время наблюдалось наиболее массовое переселение крестьян в Сибирь с последующим образованием новых населенных пунктов.

При разработке картографических моделей был учтен опыт исследователей, применявших ГИС-технологии при создании пространственных моделей поселенческой сети, в первую очередь разработки группы

исследователей Алтайского государственного университета В.Н. Владимиров и Д.В. Колдакова [32. С. 11–14; 33]. Учеными сделан неоценимый вклад в изучение пространственных закономерностей расселения на территории Алтая в конце XIX – первой трети XX в. Введение в научный оборот геоинформационных технологий в рамках исторических исследований позволит визуализировать процесс освоения территорий Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Карты Сибири можно использовать в рамках картографического моделирования поселенческой сети в качестве основы. Сравнение карт двух различных периодов открывает возможность проследить динамику изменения поселенческих структур в течение определенного периода времени. Такие модели позволяют доказательно и наглядно ответить на вопросы об основных факторах заселения той или иной территории, закономерностях возникновения населенных пунктов в различные исторические эпохи, соотношениях и взаимной обусловленности географических, экономических, военных и прочих причин, обусловивших движение населения. Эти модели могут быть реализованы как на макроуровне (страны, континенты), так и на микроуровне, вплоть до совсем небольших регионов и территорий. И основным способом представления этих моделей, безусловно, является карта [34. С. 4–5]. Сопоставляя карты в хронологической последовательности, можно выявить новообразованные населенные пункты и изменения границ волостного и уездного уровней. Для выявления динамики сельской поселенческой сети, связанной с образованием переселенческих поселков, необходимо не только применять готовые основы соответствующего периода, но и производить моделирование на контурной карте [29. С. 174].

В результате картографического моделирования поселенческой сети было создано три типа картографических моделей. При помощи первой отображены территории отдельных волостей – Чаусской, Ново-Тырышинской, Бугринской, Каменской, Кайлинской, Карпысакской и Горевской. Всего на эти картографические модели было нанесено 172 населенных пункта, из них старожильческих – 110, переселенческих – 62.

Технология работы заключалась в комплексном использовании карт и статистических материалов разных лет, в том числе и современных. К примеру, по карте 1890-х гг. и картам Томской губернии 1910 и 1911 гг. не удалось установить местоположение переселенческого поселка Эвелиновский, но благодаря использованию современных ГИС-технологий на карте Колыванского района было обнаружено урочище Евалиновское, которое располагается на месте бывшего переселенческого поселка.

При определении местоположения населенного пункта с целью его нанесения на картографическую модель важную роль сыграли статистические материалы, поскольку в них отражены сведения о местоположении населенного пункта (расстояние от волостного центра, наличие естественных географических объектов). Описанные выше модели проектировались на основе созданного векторного слоя, на котором были показаны опорные географические объекты – реки,

озера. Главная цель – создание пространственного представления о динамике расселения и образовании новых населенных пунктов.

Иной подход был применен для картографического моделирования Ояшинской волости в 1893–1911 гг. Здесь в качестве основы была взята карта Томского уезда 1890-х гг., а происходившие исторические изменения (административное деление и появление населенных пунктов) наносились «поверх» существующего картографического слоя. На ней отмечены населенные пункты старого освоения, а переселенческие пункты, появившиеся к 1911 г., были нанесены в соответствии с их географическим положением. Преимущество данного подхода в наглядности: открывается возможность сравнения, прежде всего, волостных границ с теми изменениями, которые произошли к 1911 г.

Третий подход (рис. 1–3) состоит в детальном построении векторного слоя, отображении на модели населенных пунктов и волостных границ. Если в первом случае нами были нанесены только элементы сельской поселенческой сети, то на «картографической модели развития сельской поселенческой сети крестьянских волостей Томского уезда» отображаются волостные границы. При детальной работе с картографическими и статистическими материалами открывается перспектива визуализировать процесс реформирования волостных границ и «перехода» сел и деревень из подчинения одного волостного центра в другой. Таким образом, накладывая несколько основ разных периодов времени и применяя метод картографического моделирования, получаем детальный анализ изменений в структуре поселенческой сети Томского уезда. На третьей модели всего было нанесено 400 наиболее крупных сел и деревень (36% от общего количества селений крестьянских волостей Томского уезда), а также города Томск, Ново-Николаевск, Колывань, Тайга.

Построение поселенческой сети на картографической основе позволяет детальным образом проработать возможность анализа экономических связей между волостными центрами и деревнями, находящимися в административном подчинении, так как визуально представленная информация помогает понять причины роста или убыли населения из населенных пунктов, а также места их расположения, исходя из природно-географических условий.

Отдельно необходимо упомянуть о построении картографических моделей, отображающих социально-экономическое развитие Томского уезда (см. рис. 2). При помощи статистических материалов были определены основные виды хозяйственной деятельности, присущие конкретной волости. Используя систему условных знаков, на векторный слой, созданный к «Картографической модели развития сельской поселенческой сети Томского уезда в 1899–1911 гг.» (см. рис. 2), были нанесены соответствующие обозначения. Проблематика модели заключалась в том, что принятые в геодезии условные знаки для социально-экономических карт не подходили к условиям производственно-экономического состояния крестьянских волостей Томского уезда конца XIX – начала XX в.

В ходе работы была выработана собственная знаковая система. Таким образом, удалось определить основные

районы: маслоделия (юго-запад), кожевенного, пимокатного производств (юго-восток) и т.д.

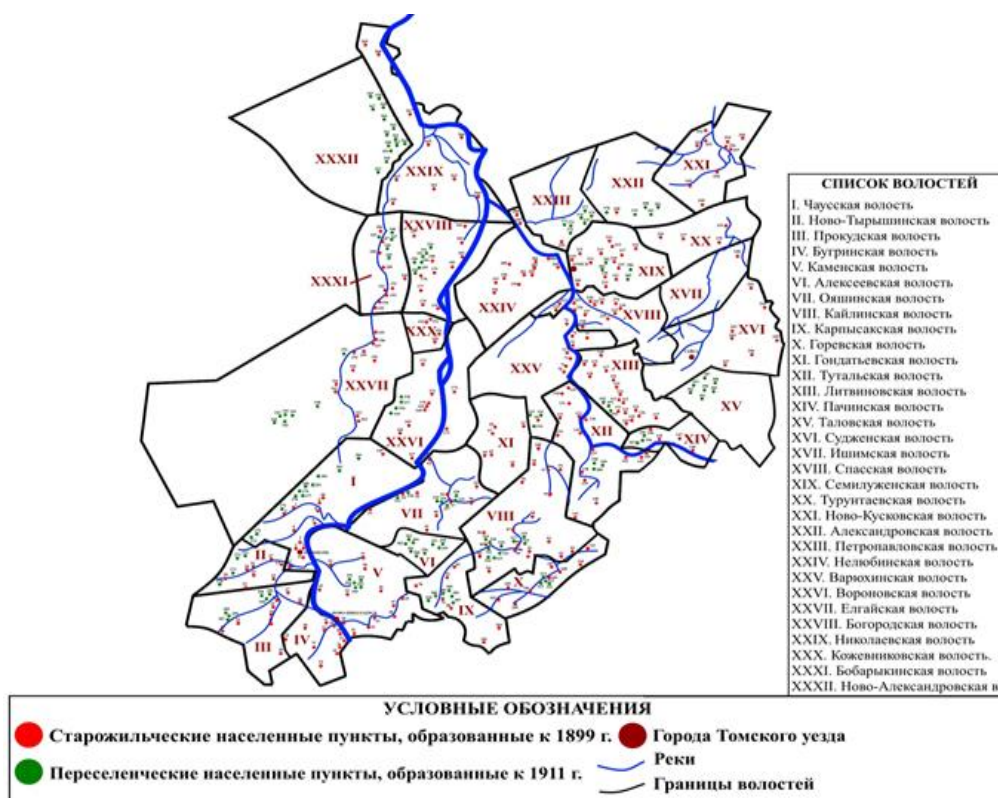

Рис. 1. Картографическая модель поселенческой сети крестьянских волостей Томского уезда по состоянию на 1911 г.

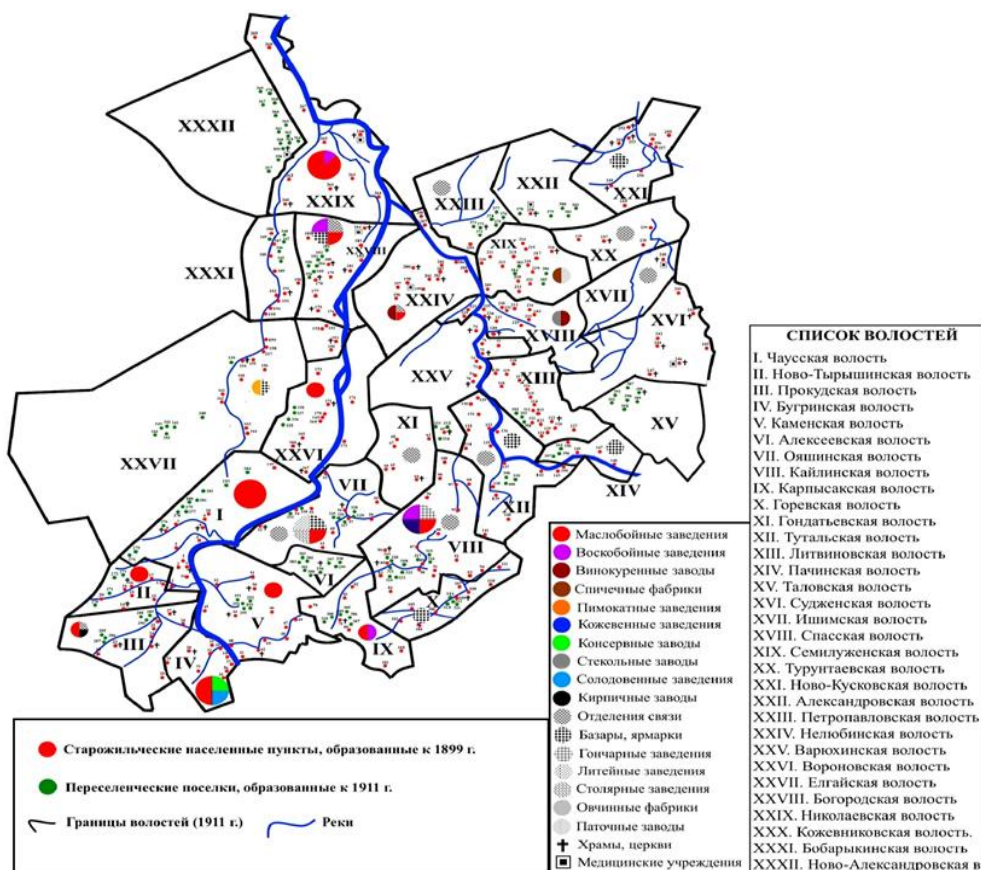

Рис. 2. Картографическая модель социально-экономического состояния крестьянских волостей Томского уезда к 1911 г.

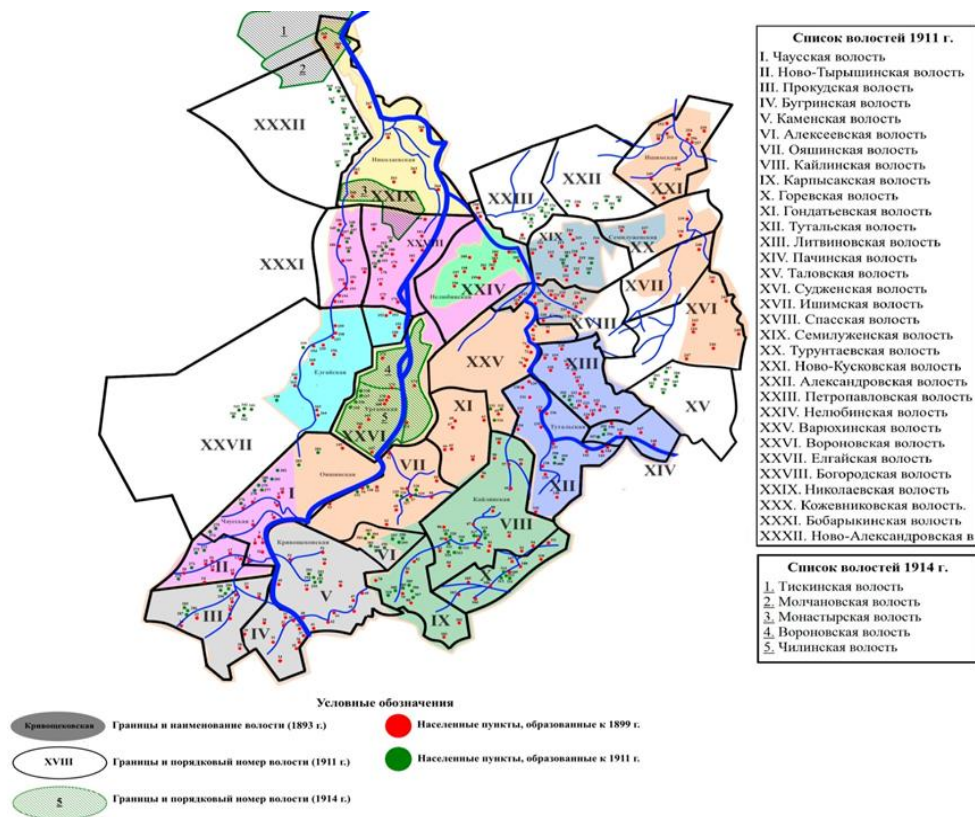

Рис. 3. Картографическая модель изменения административных границ крестьянских волостей Томского уезда в 1899–1914 гг.

Помимо производственной составляющей, целесообразным было отображение социально значимых объектов поселенческой инфраструктуры, таких как церкви, отделения связи, медицинские учреждения.

Картографическая модель изменений границ крестьянских волостей Томского уезда в 1899–1914 гг. (см. рис. 3) стала обобщающим картографическим материалом, на который нанесены преобразования административно-территориального деления в период с 1899 по 1914 г. В данном случае, как и при создании предыдущих моделей, был привлечен массив картографических и статистических материалов, позволивших установить места демаркационных линий. В ходе исследования удалось выявить районы старого освоения – старожильческие волости (образованные к 1893 г.), районы нового освоения – волости, образованные в ходе землеустроительных работ к 1911 г. (Александровская, Таловская, Петропавловская), а также те административные образования, которые распались на отдельные территориальные структуры (из Кайлинской волости выделены Горевская и Карпысакская). Помимо вышеуказанных изменений, к 1914 г. в составе уже существующих волостей образованы Тискинская, Молчановская, Монастырская и Чилинская волости.

Говоря о перспективах дальнейшего применения метода картографического моделирования, необходимо заметить, что планируется создание отдельных поволостных карт каждой из волостей Томского уезда.

Будут производиться работы по построению векторной основы для картографирования инородческой поселенческой сети, так как ввиду большого охвата территории и сложных административных преобразований на данном этапе работы эти модели не были нами отражены.

Одним из направлений, которое может быть применено в рамках моделирования поселенческой сети, является привлечение современных административных карт районов Новосибирской и Томской областей с целью отражения «депопуляции», т.е. исчезновения населенных мест, ранее существовавших на исследуемой территории. Изменение административных границ, социально-экономической ситуации, внутренние миграции населения (из малых селений в поселки и города) были основными факторами, которые приводили к исчезновению ряда селений, образованных в начале XX в.

Таким образом, применение картографических материалов разных временных эпох и тематической направленности, а также масштабов отражения территории дает возможность по-новому взглянуть на развитие поселенческой сети не только Томского уезда, но и всей Томской губернии в целом. Вследствие чего на основе уже существующих карт появляется перспектива создания картографических моделей, на которых отображаются конкретные объекты – в нашем случае административные границы и населенные пункты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. М. : Сов. энцикл., 1985. 607 с.
2. Татарникова А.И. Сеть сельских поселений Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: масштабы и социальное развитие. Томск : Томская комплексная научная экспедиция Уральского отделения Российской академии наук (ТКНС УрО РАН), 2013. 236 с.

3. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М. : Наука, 1989. 229 с.
4. Багров Л.С. История картографии. М. : Центрполиграф, 2004. 320 с.
5. Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 323 с.
6. Медушевская О.М. Картографические источники XVII–XVIII вв. : учеб. пособие по источниковедению истории СССР / отв. ред. В.К. Яцуцкий. М., 1957. 28 с.
7. Гольденберг Л.А. Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация (по фондам центральных исторических архивов СССР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958. 18 с.
8. Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М. : Наука, 1985. 214 с.
9. Сотникова С.И. Источниковедение русских карт XVII – начала XX веков : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. 383 с.
10. Материалы к сводному каталогу печатных карт Сибири и Дальнего Востока с XVIII по 1917 г. (итоги предварительного исследования) / отв. ред. О.Н. Катионов. Новосибирск : НГПУ, 2015. 224 с.
11. Сводный каталог рукописных карт Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в. : справочное изд. / сост. О. Н. Катионов [и др.]. Новосибирск : НГПУ, 2019. 464 с.
12. Берлянт А.М. Картоведение : учебник для вузов. М. : Аспект Пресс, 2003. 336 с.
13. Российская государственная библиотека (РГБ). Отд. картограф. изд. Ко 21/VII-35.
14. РГБ. Отд. картограф. изд. Ко 102/III-27.
15. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ). № 10739/7.
16. Государственный архив Алтайского края (ГАКК). Ф. 50: Чертежная Главного управления Алтайского округа. Оп. 21. Д. 685.
17. ГАКК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 686.
18. ГАКК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 109.
19. Хорохордин Г.С. Атлас Томского переселенческого района 1917 г. как источник информации о разделе Томской губернии на две – Алтайскую и Томскую // Материалы 54-й Междунар. студ. конф. Новосибирск : НГУ, 2016. С. 72–73.
20. Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 485: Планы и чертежи учреждений Министерства императорского двора. Оп. 5. Д. 545.
21. Хорохордин Г.С. Атлас Алтайского и Нерчинского округов 1915 г. как источник при исследовании народно-хозяйственной деятельности в южной части Томской губернии // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы V Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск : НГПУ, 2016. Ч. 2. С. 94–99.
22. Храмов А.А. Земельное обеспечение крестьян Алтайского округа в конце XIX – начале XX вв.: переселенческие аспекты. Барнаул, 1998. С. 136–149.
23. ГАКК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 118.
24. ГАКК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 431.
25. Хорохордин Г.С. Картографическая коллекция печатных карт Сибири конца XIX – начала XX вв. Государственного архива Алтайского края // Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность : сб. материалов междунар. науч. конф. «Гео-Сибирь 2016». Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 1. С. 46–51.
26. Картограмма опустошительности сельских пожаров в семи уездах Томской губернии 1913 г. // ТОУНБ им. А.С. Пушкина. Отд. редкой книги.
27. ТОКМ. № 10739/38.
28. ТОКМ. № 12345/36.
29. Катионов О.Н., Хорохордин Г.С., Сидорчук О.Н. Переселенческие карты Сибири: от капитализма к социализму (историко-методический аспект) // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 171–188. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-14.pdf> (дата обращения: 02.12.2020).
30. Южанинов В.С. Картография с основами топографии. М. : Высшая школа, 2001. 299 с.
31. Салищев К.А. Картоведение. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. 438 с.
32. Владимиров В.Н. Историческое компьютерное картографирование : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. 70 с.
33. Колдаков Д.В. Геоинформационные технологии в изучении поселенческой сети Алтая в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 11–14.
34. Владимиров В.Н. Применение геоинформационных систем в исторических исследованиях : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 57 с.

Georgy S. Khorokhordin, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gkhor@yandex.ru

APPLICATION OF CARTOGRAPHIC MATERIALS OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY TO CHARACTERIZE THE DEVELOPMENT OF THE SETTLEMENT NETWORK OF TOMSK COUNTY OF TOMSK PROVINCE

Keywords: maps of Siberia; Tomsk country; Tomsk province; settlement network; cartographic modeling.

In our work, the settlement chain will be understood as the totality of all rural settlements of the Tomsk province (uyezd), characterized by a general administrative position, having a different level of population, heterogeneity of structure, typological category, functioning in geographic and socioeconomic terms in interconnection with each other.

The main aim of this research is to reveal the features of using maps in the study of the settlement chain of the Tomsk uyezd and Tomsk province. The map is the main basis of the cartographic method in historical research and is a unique historical source containing significant amount of information expressed in a compact and clear graphic form. In this research, the importance of the old map as a historical monument of cartography became evident, reflecting the level of development of cartographic science and technology during the corresponding period, through the analysis of which it becomes possible to trace the processes of settlement in the sampled area.

The use of cartographic materials while taking due account of Tomsk district population in the late 19th – early 20th centuries is primarily resulted from the need to compare statistical and cartographic sources. Despite the detailed information about the settlements, the lists of settlements places, memorable books and surveys within the framework of the study of demographic processes do not give a complete picture of how the territory of a particular district (volost) has changed over time, and based on this, it becomes necessary to study the distribution of the population with using cartographic materials. In addition, the maps provide more informative. Because of the notation keys, for example, it is possible to determine how the land fund was distributed between different categories of the population or to identify the objects of socioeconomic infrastructure located in a particular district (volost). The article analyses in chronological order those maps that can be used in the research of the settlement chain of the Tomsk county with a description of the technology of their application in the construction of cartographic models.

In this way, it can be stated, that the use of cartographic materials in the study of the settlement chain opens up new opportunities for observing the principle of territoriality. Administrative and thematic maps make it possible to represent visually the processes of land's fund development of the Tomsk uyezd. Moreover, the using of cartographic and statistical sources together gives the prospect for more accurate determination of the location of settlements and their socioeconomic development.

The use of cartographic materials of different time periods and thematic orientation, as well as the territory's scale reflection, makes it possible to take a fresh look at the development of the settlement chain not only of the Tomsk uyezd, but also of the entire Tomsk province in general.

REFERENCES

1. Valenty, D.I. (1985) *Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Demographic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Tatarnikova, A.I. (2013) *Set' sel'skikh poseleniy Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: masshtaby i sotsial'noe razvitiye* [Network of rural settlements in Western Siberia in the late 19th and early 20th century]. Tobolsk: UB RAS.
3. Postnikov, A.V. (1989) *Razvitiye krupnomasshtabnoy kartografii v Rossii* [Development of large-scale cartography in Russia]. Moscow: Nauka.
4. Bagrov, L.S. (2004) *Istoriya kartografii* [The History of Cartography]. Moscow: Tsentrpoligraf.
5. Beskrovnyy, L.G. (1962) *Ocherki voennoy istoriografii Rossii* [The Essays on Russian Military Historiography]. Moscow: USSR AS.
6. Medushevskaya, O.M. (1957) *Kartograficheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [The cartographic sources of the 17th and 18th centuries]. Moscow: [s.n.].
7. Goldenberg, L.A. (1958) *Russkie kartograficheskie materialy kak istoricheskiy istochnik i ikh klassifikatsiya (po fondam tsentral'nykh istoricheskikh arkhivov SSSR)* [Russian cartographic materials as a historical source and their classification (according to the funds of the central historical archives of the USSR)]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
8. Postnikov, A.V. (1985) *Razvitiye kartografii i voprosy ispol'zovaniya starykh kart* [Development of Cartography and Issues of Using Old Maps]. Moscow: Nauka.
9. Sotnikova, S.I. (1990) *Istochnikovedenie russkikh kart XVII – nachala XX vekov* [Source studies of Russian maps of the 17th – early 20th centuries]. History Dr. Diss. Moscow.
10. Kationov, O.N. (2015) *Materialy k svodnomu katalogu pechatnykh kart Sibiri i Dal'nego Vostoka s XVIII po 1917 g. (itogi predvaritel'nogo issledovaniya)* [Material for the consolidated catalog of printed maps of Siberia and the Far East from the 18th century to 1917 year]. Novosibirsk: NSPU.
11. Kationov, O.N. (2019) *Svodnyy katalog rukopisnykh kart Sibiri i Dal'nego Vostoka XVII – nachala XX v.* [The summary catalog of handwritten maps of Siberia and the Far East of the 17th – early 20th centuries: a reference edition]. Novosibirsk: NSPU.
12. Berlyant, A.M. (2003) *Kartovedenie* [Cartography]. Moscow: Aspekt Press.
13. The Russian State Library (RSL). Cartography Department. Ko 21/VII-35.
14. The Russian State Library (RSL). Cartography Department. Ko 102/III-27.
15. The Tomsk Regional Museum of Local Lore. File 10739/7.
16. The State Archive of Altai Region. Fund 50. List 21. File 685.
17. The State Archive of Altai Region. Fund 50. List 21. File 686.
18. The State Archive of Altai Region. Fund 50. List 21. File 109.
19. Khorokhordin, G.S. (2016) *Atlas Tomskogo pereselencheskogo rayona 1917 g. kak istochnik informatsii o razdele Tomskoy gubernii na dve – Altayskuyu i Tomskuyu* [The Atlas of the Tomsk resettlement district of 1917 as a source of information about the division of the Tomsk province into two – Altay province and Tomsk province]. *Proc. of the 54th International Conference*. pp. 73–74.
20. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 485. List 5. File 545.
21. Khorokhordin, G.S. (2016) *Atlas Altayskogo i Nerchinskogo okrugov 1915 g. kak istochnik pri issledovanii narodno-khozyaystvennoy deyatel'nosti v yuzhnoy chasti Tomskoy gubernii* [Atlas of the Altai and Nerchinsk districts of 1915 as a source for the study of national economic activity in the southern part of Tomsk province]. *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii* [Youth of the 21st century: education, science, innovation]. *Proc. of the Fifth All-Russian Student Conference*. Part 2. pp. 63–64.
22. Khrankov, A.A. (1998) *Zemel'noe obespechenie krest'yan Altayskogo okruga v kontse XIX – nachale XX vv.: pereselencheskie aspekty* [Land provision of the Altai district peasants in the late 19th – early 20th centuries: a migration aspects]. Barnaul: [s.n.]. pp. 136–149.
23. The State Archive of Altai Region. Fund 50. List 21. File 118.
24. The State Archive of Altai Region. Fund 50. List 21. File 431.
25. Khorokhordin, G.S. (2016) *Kartograficheskaya kolleksiya pechatnykh kart Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv. Gosudarstvennogo arkhiva Altayskogo kraia* [The cartographic collection of printed maps of the Siberian region of the 19th – early 20th century. The State Archive of Altai Territory]. In: *Global'nye protsessy v regional'nom izmerenii: opyt istorii i sovremennost'* [Global processes in the regional dimension: the experience of history and the present]. Novosibirsk: Siberian State University of Geosystems and Technologies.
26. Anon. (n.d.) *Kartogramma opustoshitel'nosti sel'skikh pozharov v semi uezdakh Tomskoy gubernii 1913 g.* [Cartogram of the devastation of rural fires in seven districts of the Tomsk province in 1913]. The A.S. Pushkin Tomsk Universal Research Library. The Department of Rare Books.
27. The Tomsk Regional Museum of Local Lore. File 10739/38.
28. The Tomsk Regional Museum of Local Lore. File 12345/36.
29. Kationov, O.N., Khorokhordin, G.S. & Sidorchuk, O.N. (2019) *Pereselencheskie karty Sibiri: ot kapitalizma k sotsializmu (istoriko-metodicheskiy aspekt)* [Migration maps of Siberia: from capitalism to socialism (a historical and methodological aspect)]. *Istoricheskiy kur'er*. 6(8). [Online] Available from: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-14.pdf> (Accessed: 2nd December 2020).
30. Yuzhaninov, V.S. (2001) *Kartografiya s osnovami topografii* [Cartography with Bases of Topography]. Moscow: Vysshaya shkola.
31. Salishchev, K.A. (1990) *Kartovedenie* [Cartography]. Moscow: Moscow State University.
32. Vladimirov, V.N. (2007) *Istoricheskoe komp'yuternoe kartografirovanie* [Historical Computer Mapping]. Barnaul: Altai State University.
33. Koldakov, D.V. (2011) *Geoinformation technologies in the study the settlement network of the Altai in the 1920s. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(16). pp. 11–14. (In Russian).
34. Vladimirov, V.N. (2006) *Primenenie geoinformatsionnykh sistem v istoricheskikh issledovaniyakh* [Application of Geoinformation Systems in Historical Research]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 902.01+903.42
DOI: 10.17223/19988613/70/21

Д.А. Бычков, П.В. Волков, В.П. Колосов

СЛЕДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОГНЯ В МЕЖЖИЛИЩНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА И ПАЛЕОМЕТАЛЛА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Сбор и статистический анализ фактического материала проведен в рамках выполнения работы по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этно-культурного наследия Сибири». Экспериментальное исследование костровых конструкций проводилось в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Археологические исследования в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС, проведенные в 2008–2012 гг. дали большое количество разнообразного материала вследствие беспрецедентного масштаба работ. В качестве объектов исследования были выбраны следы горения, находящиеся за пределами сооружений. Посредством применения комплекса общенаучных и дисциплинарных методов был проведен анализ накопленной базы такого рода данных. В результате исследований выделено четыре типа следов горения, расположенных в межжилищном пространстве, дана их сравнительная характеристика и предложена интерпретация.

Ключевые слова: использование огня; кострища; поселения; неолит; палеометалл; Северное Приангарье.

Огонь в системе жизнедеятельности человека играет важную роль. В настоящее время, как и в древности, огонь используется для приготовления пищи, изготовления орудий труда, обработки материалов. Освоение этой стихии оказало значительное влияние на развитие технологий и изменения в адаптации человека к природно-климатическим условиям. В поле зрения археологии попадает значительное количество материальных свидетельств того, как в древности человек осваивал и использовал огонь. Это могут быть кострища с верхнепалеолитической стоянки [1], очаги в жилищах на поселении бронзового века [2], разнообразные следы горения в захоронениях неолита–энеолита [3], обожженные кости на местах промысла [4], обожженные фрагменты сырья в местах его добычи [5] или инструменты, предназначенные для добычи огня [6]. Это разнообразие достаточно ярко иллюстрирует данные объекты в хронологическом, культурном и морфологическом отношении.

Данные свидетельства можно разделить на предметы и следы использования огня. Под следами использования огня понимаются структурные изменения в культуросодержащих отложениях, которые выражены формированием прокаленных участков с накоплением углесто-золистых отложений. Такие следы могут являться элементами конструкций, которые были сделаны из дерева, глины, камня или других материалов. По признаку пространственного расположения такие следы могут быть разделены на те, что расположены в пределах какого-либо сооружения (очаги) или за его пределами в межжилищном пространстве (кострища, прокалы). Именно вторая категория следов является объектом данного исследования.

Археологические исследования на территории Северного Приангарья начались в середине XIX в. и наи-

большее развитие получили в период строительства ангарского каскада гидроэлектростанций в 50–70-е гг. XX в., продолжившегося в 2000-е гг. [7. С. 3–16; 8. С. 5–12]. В результате был накоплен существенный объем материала, для осмысления которого требуется комплексный подход. Ввиду специфики аварийно-спасательных археологических работ исследования проводились сплошными площадями. В период 2008–2012 гг., который является самым интенсивным в истории археологического исследования Северного Приангарья, было изучено 222 объекта археологического наследия, общая площадь которых составила 165 тыс. кв. м [8. С. 531]. Такой масштаб полевых работ позволил зафиксировать значительное количество объектов, расположенных в межжилищном пространстве поселений. При ином формате полевых археологических исследований это пространство исследуется частично ввиду «фрагментарного изучения поселенческих комплексов» [2. С. 67].

Среди объектов, обнаруженных на широких площадях межжилищного пространства, большую долю занимают следы использования огня разного морфологического облика, пространственного расположения и культурно-хронологической характеристики. Наблюдаемые объекты представлены в значительном количественном и качественном разнообразии. Фиксация их местоположения в контексте изучаемого культурного пространства археологического памятника позволила выделить их основные параметры и характеристики. Учитывая описанные выше обстоятельства, необходимость в систематизации и последующем изучении данных объектов стала очевидной.

Целью данного исследования является классификации следов, которые были зафиксированы во внежилищном пространстве поселенческих комплексов. Для

этого были определены задачи по сбору сведений о выявленных следах горения в формате структурированного банка данных, выделению морфометрических признаков, выявлению закономерностей в их пространственной и культурно-хронологической привязке в контексте археологического памятника. Поскольку следы горения являются одним из остаточных свидетельств использования древним человеком определенной пирогенной технологии, то каждый этап ее применения маркируется определенными признаками. Для систематизации и статистического анализа данных признаков был применен атрибутивный подход, заключающийся в выделении атрибутов (признаков) для реконструкции «операционных цепочек» [9. С. 35]. В рамках данного подхода использовались общенаучные методы и методы статистического анализа: многомерная статистика, метод сопряженностей, геометрическая морфометрия.

Материалом для настоящего исследования послужили 220 следов использования огня, обнаруженных в межжилищном пространстве 19 поселенческих комплексов эпохи неолита и палеометалла, расположенных в бассейне среднего течения р. Ангара (рис. 1). Определение хронологической принадлежности каждого из объектов было сделано на основе радиоуглеродного датирования материалов и предметов, с которыми изучаемые объекты находились в определенных

пространственных взаимосвязях. В качестве культурно-хронологических маркеров взяты орнаментированные фрагменты керамики, предметы с установленной атрибуцией. При формировании выборки учитывался ряд критериев, по которым отбирались объекты: наличие подробных фотографий, фиксация на плане раскопа, чертеж плана и профиля заполнения объекта, наличие датирующего материала в заполнении объекта и расположение объекта *in situ* в отложениях с установленными хроностратиграфическими характеристиками.

Первоочередной стояла задача выбраковки объектов, которые по ряду признаков не могут быть определены как антропогенные либо чьи морфометрические параметры были искажены в результате постседиментационных деформаций. Для этого данная выборка была проанализирована методами многомерной статистики с использованием программ PASW Statistics 18 и STATISTICA 8.0, на основании чего были выделены объекты, чьи значения мощности заполнения, углового коэффициента соответствия и слоистости подходили под установленные параметры следов контролируемого использования огня [10]. Из первоначальной выборки было отобрано 168 объектов, у которых прослеживалось многослойное заполнение мощностью более 9 см, обладающих угловым коэффициентом соответствия более 0,6. Последующие аналитические манипуляции проводились именно с этой выборкой.

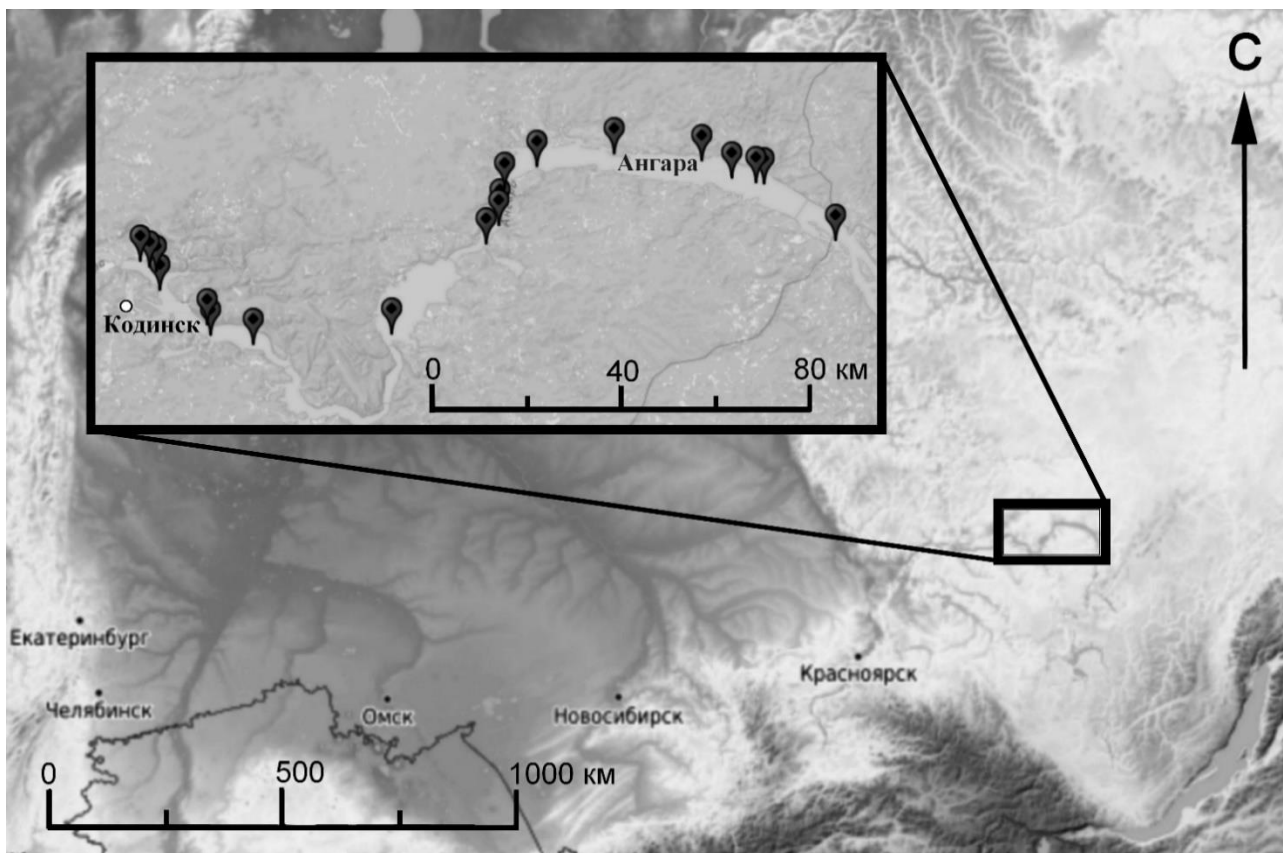

Рис. 1. Карта Северного Приангарья с отмеченным месторасположением памятников, материалы которых были использованы в исследовании

Из первоначального объема было исключено 52 объекта, определенных как следы неконтролируемого использования огня. Их отличительными особенностями

являются значения мощности заполнения порядка 4–7 см, углового коэффициента соответствия менее 0,6 и значения коэффициента преднамеренности

в диапазоне 0,000014–0,000091. Последний параметр – это математическая модель, отражающая соотношение площади и мощности следов горения. Методологическое обоснование параметра и его апробация на материалах полевых исследований и экспериментальных полигонах приведена в отдельной работе [11]. Данные значения на порядок меньше минимальных значений у следов из выборки контролируемого использования огня. Это подтверждается эмпирическими данными: естественные возгорания покровного характера покрывают большую площадь, но из-за температурного воздействия малой интенсивности генерируемые ими следы горения имеют незначительную мощность [12; 13. С. 536–541]. Среди объектов данной выборки нет объектов, имеющих в своей структуре следы преднамеренной подготовки – создания углубления, обкладки. В заполнении 81% объектов данной категории не было установлено наличия предметов материальной культуры.

Предполагается, что следы контролируемого использования огня возникли в результате целенаправленных действий человека, а значит, их преднамеренный характер отражен в морфометрических параметрах следов. Согласно атрибутивному подходу, данные параметры – это значения признаков, измеряемые у изучаемых объектов. Следовательно, при их анализе выделяются как «сквозные», так и типобразующие признаки. Применительно к объектам настоящего исследования за такой признак принимается форма следа горения в плане. Основанием для данного решения являются

закономерности, выявленные между формой следа горения и пиротехническим устройством, использование которого его образовало [14. С. 162–171]. Исходя из этого, предполагается, что статистический анализ форм следов горения позволит выявить особенности использования генерировавших их пиротехнических устройств на изучаемой территории.

Анализ форм следов контролируемого использования огня проводился методами геометрической морфометрии с использованием программы MorphoJ и модуля tpsDig. Анализируя морфологическую изменчивость объектов, было установлено, что выделяются четыре устойчивые формы: округлая, каплевидная, трапецевидная и вытянутая (рис. 2). На приведенном графике по оси абсцисс крайнее положительное значение соответствует вытянутой форме, а крайнее отрицательное – округлой. На оси ординат отображены в крайнем положительном значении трапецевидная форма и в крайнем отрицательном – каплевидная. Далее установленные формы были проанализированы с маркировкой типовой принадлежности для определения их однородности. Как показывает график морфологической вариабельности (рис. 3), выделяемые округлые и вытянутые формы достаточно однородны в своей массе. Трапецевидные и каплевидные формы, напротив, неоднородные, и отмеченные ими объекты имеют значения формы, входящие в диапазон других форм. Данный результат указывает на то, что наблюдаемое морфологическое многообразие неслучайно и детерминировано определенными факторами.

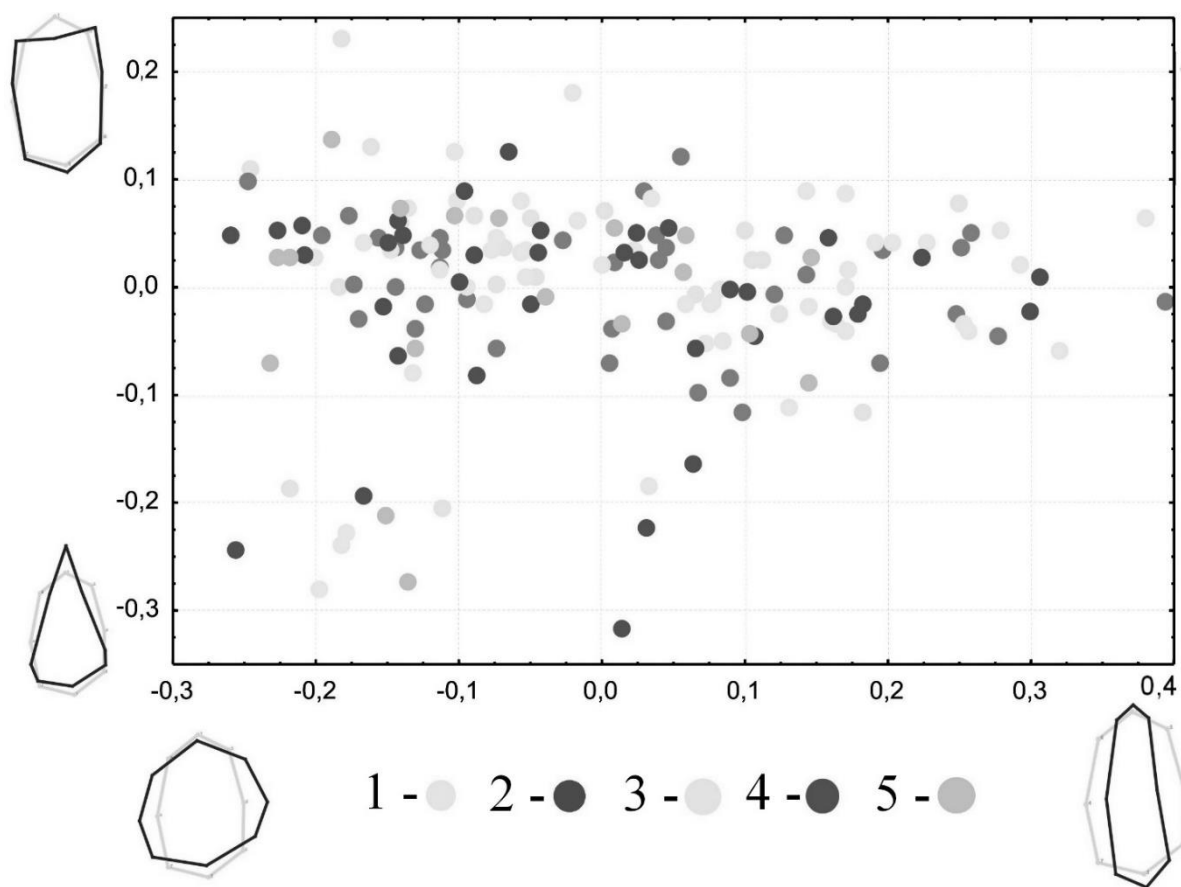

Рис. 2. График морфологической вариабельности следов контролируемого использования огня. Маркировка статистически выделяемыми диапазонами значений коэффициента преднамеренности: 1 – 0,0004–0,0009; 2 – 0,001–0,002; 3 – 0,002–0,004; 4 – 0,004–0,008; 5 – 0,008–0,04

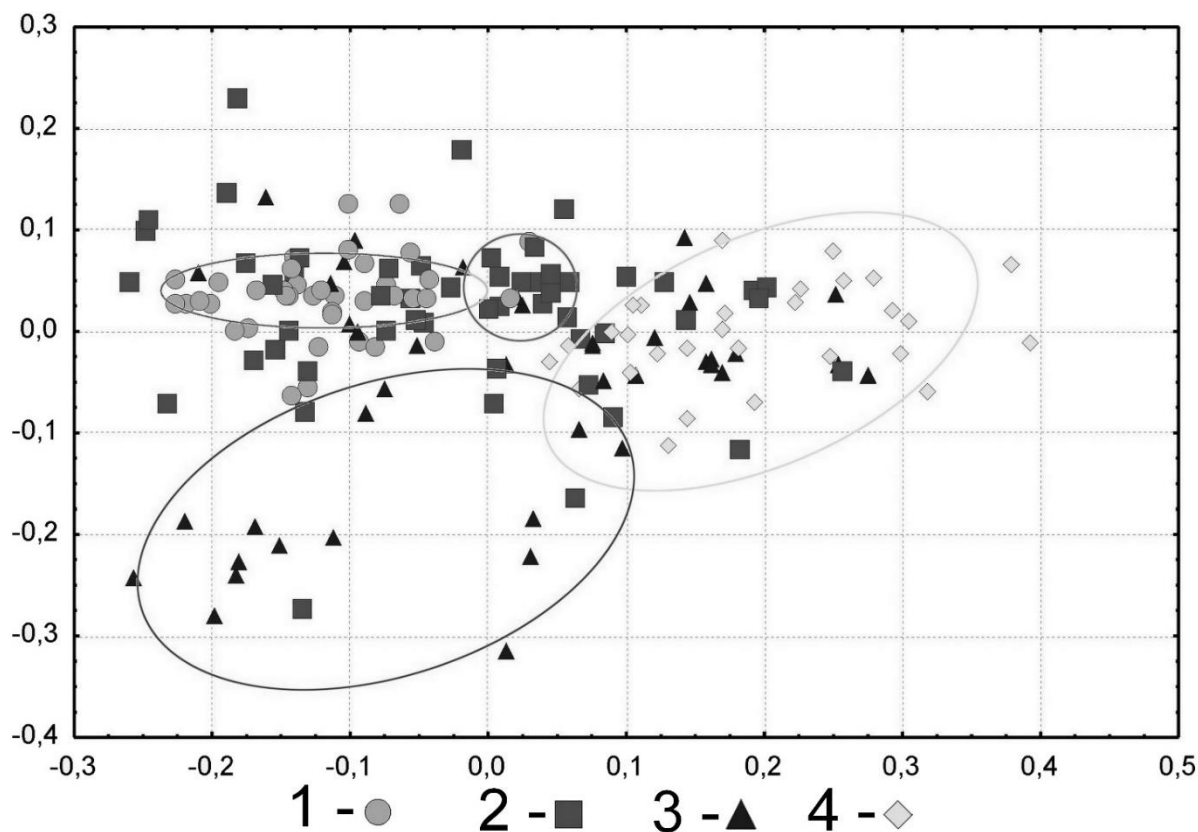

Рис. 3. Внутригрупповая вариабельность форм: 1 – округлые; 2 – трапецевидные; 3 – каплевидные; 4 – вытянутые

Форма следа горения, которая фиксируется исследователем, является конечным элементом в цепочке причинно-следственной связей. Для выявления влияющих на это факторов был проведен сравнительный анализ следов горения, сгруппированных по признаку формы в соответствующие типы. Анализируются культурно-хронологические, морфометрические и пространственные параметры объектов. В результате были выявлены характерные особенности, свойственные для каждого из типов следов горения.

К трапецевидным следам горения было отнесено 55 объектов (рис. 4, 1). Хронологической особенностью данного типа является равномерное распределение на протяжении всего хронологического диапазона выборки от начала I тыс. до конца VI тыс. до н.э. Морфометрической особенностью данного типа следов горения является «двойной диапазон» значений мощности заполнения, в который кучно укладываются все объекты трапецевидной формы – от 9 до 16 и от 19 до 30 см. Значения коэффициента преднамеренности располагаются в наибольшем по выборке диапазоне от 0,00046 до 0,015 со средним значением 0,00344. Особенностью пространственных характеристик объектов данного типа является равномерное распределение в культурном пространстве поселений. Трапецевидные следы горения расположены на разном удалении от построек, водоемов и других объектов. В основном выделяются диапазоны 10–45 и 85–110 м. Можно сказать, что данные объекты встречаются как в непосредственной взаимосвязи с другими элементами пространства, так и автономно. Относительно геоморфологической ситуации расположения объектов данного типа

нужно отметить, что они преимущественно приурочены к участкам форм рельефа без уклона.

Округлыми следами горения в генеральной выборке является 41 объект (рис. 4, 2). Распространенные в V и I тыс. до н.э., в своем заполнении они содержат наиболее широкий предметный комплекс – фрагменты керамических сосудов, каменные артефакты, изделия из кости и рога, фаунистические останки и отходы металлургии (шлаки, крица). При этом данный тип следов горения обладает самым минимальным диапазоном значений мощности заполнения и коэффициента преднамеренности – 10–20 см и 0,00133–0,00797 соответственно. Округлые следы горения ближе остальных типов следов горения расположены к сооружениям – от 3 до 21 м. Но вместе с этим есть отдельные объекты, расположенные на расстоянии 100–150 м от сооружений. На основании этого можно сделать предположение о том, что округлые следы горения остались от пиротехнических устройств, которые использовались как дублиеры внутрижилищных очагов, так и в качестве отдельных элементов. В обоих случаях данные пиротехнические устройства аккумулировали вокруг себя хозяйственную деятельность разного характера, что подтверждается ее материальными свидетельствами.

Вытянутых следов горения насчитывается 29 объектов (рис. 4, 3). Наибольшее распространение имеют с конца IV по VI тыс. до н.э., но встречаются и объекты, относящиеся к I и III тыс. до н.э. У данных следов горения значения мощности заполнения находятся в минимальном диапазоне по выборке – от 10 до 14 см. Остальные морфометрические параметры так же име-

ют самые минимальные значения. Можно сделать вывод, что вытянутые следы горения являются «наименьшими» в выборке по большей части параметров. Тем не менее в заполнении объектов этого типа встречаются все возможные предметы материальной культуры

в почти одинаковом соотношении. Расстояния от сооружений, водоемов и других объектов до вытянутых следов горения указывают на то, что они не находились в каких-либо взаимосвязях с другими объектами культурного пространства.

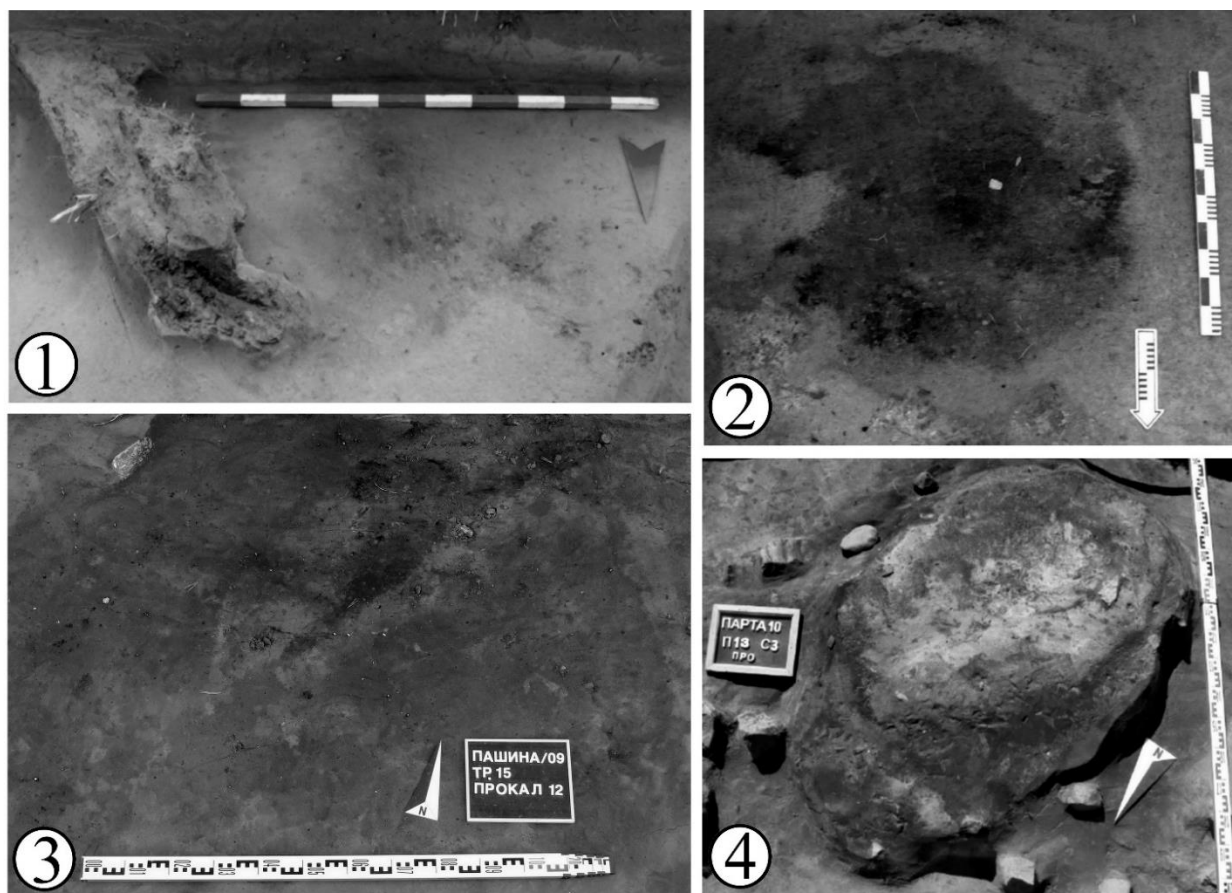

Рис. 4. Следы горения разных типов, обнаруженные в межжилищном пространстве поселенческих комплексов в Северном Приангарье: 1 – след горения трапециевидной формы из раскопа на местонахождении Кода 1Б (по: [15. Рис. 74. С. 57]); 2 – след горения округлой формы из рекогносцировочного раскопа № 60 на стоянке Сергушкин 3 (по: [16. Рис. 307. С. 139]); 3 – след горения вытянутой формы – прокол № 13, стоянка Пашина (по: [17. Рис. 193. С. 124]); 4 – след горения каплевидной формы – прокол № 13 на стоянке Парта (по: [18. Рис. 380. С. 153])

Следами горения каплевидной формы является 43 объекта (рис. 4, 4). В подавляющем большинстве случаев они относятся к периоду V–IV тыс. до н.э., и в их заполнении встречается наибольшее количество фрагментов керамических сосудов и наименьшее количество каменных артефактов. Мощность заполнения у объектов данного типа находится в диапазоне от 9 до 18 см, а среднее значение коэффициента преднамеренности составляет 0,00421. Относительно особенностей пространственного расположения важно отметить, что, как и округлые и вытянутые следы горения, каплевидные зачастую расположены вблизи водоемов на расстоянии от 10 до 70–90 м.

Выделение четырех типов следов контролируемого использования огня позволило не только провести их сравнительный анализ, но и проследить динамику изменений морфометрических характеристик во времени. Для этого были использованы значения коэффициента преднамеренности для каждого объекта из выборки. Имеющиеся значения были соотнесены с абсолютными и относительными датировками изучаемых объектов.

Порядка половины объектов датировано относительно залегающих в их заполнении предметов материальной культуры. Хронологические определения предметного ряда были взяты из публикаций по результатам археологических исследований в зоне затопления Богучанской ГЭС [8; 19. С. 190–192; 20. С. 50–54]. Для незначительного количества следов горения были получены определения абсолютного возраста методом AMS-датирования C14. Данные результаты были приведены в некоторых архивных материалах. Статистический анализ соотношений между значениями коэффициента преднамеренности и хронологическими определениями объектов позволил получить график изменения их морфометрических параметров в исторической ретроспективе (рис. 5).

На полученном графике совершенно явно выделяются периоды наибольшей и наименьшей активности в использовании огня во внежилищном пространстве. Динамика активности в данном случае определяется значениями коэффициента преднамеренности, который отражает целенаправленный характер использования

огня. Периодам возрастания активности соответствуют хронологические периоды 8000–7500 л.н., 7000–4000 л.н. и 3000–2000 л.н. Периоды спада локализованы на хронологической шкале промежутками 7500–7000 л.н. и 4000–3000 л.н. Наблюдаемая динамика может быть объяснена теми природно-климатическими условиями, в которых осуществлялась данная хозяйственная деятельность древнего населения Северного Приангарья. Исходя из опубликованных сведений о палеоклиматической ситуации на изучаемой и сопредельных территориях [21. С. 177–178; 22. Рис. 4. С. 74; 23. С. 92–96],

можно сделать вывод, что периоды активного использования огня во внежилищном пространстве связаны с сухим и холодным климатом. Наименьшая активность в использовании огня связана с резким повышением влажности и среднегодовых температур. Вероятно, эти изменения в климате спровоцировали миграции древнего населения, что отразилось на хозяйственной деятельности. Полученные сведения о динамике использования огня носителями разных культур позволили рассмотреть данную хозяйственную деятельность с принципиально иной точки зрения.

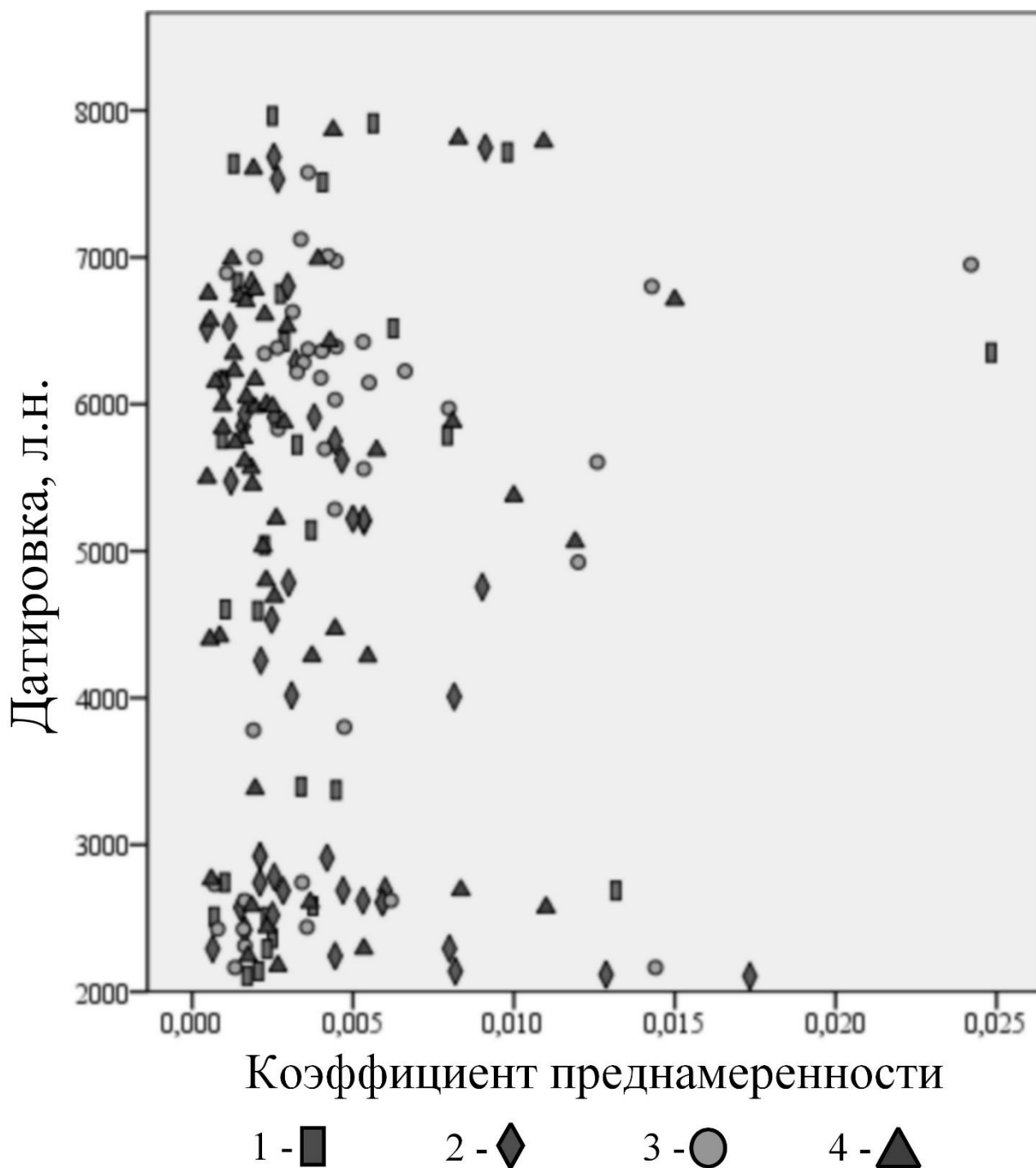

Рис. 5. Динамика изменения морфометрических параметров у следов горения разного типа в хронологическом диапазоне: 1 – трапециевидные; 2 – вытянутые; 3 – округлые; 4 – каплевидные.

Основываясь на морфолого-функциональном подходе А. Леруа-Гурана [24], предлагается интерпретация изучаемых объектов, основанная на взаимосвязи морфологических особенностей следа горения и пиротехнического устройства. Из этнографических сведений об использовании огня коренными народами Восточной Сибири известны примеры того, как функциональное назначение и окружающие климатические условия определяли конструкцию пиротехнического

устройства и способы добычи огня [25–27]. Необходимо упомянуть, что наличие определенной взаимосвязи между конструкцией и следом было многократно проверено в результате специальных экспериментальных исследований [28–31]. Типы следов горения, выделенные по результатам статистического анализа, соотносятся нами с наиболее распространенными технологическими вариантами костровых конструкций, такими как «экранный», «круглый», «юрлык», «нодья» (рис. 6).

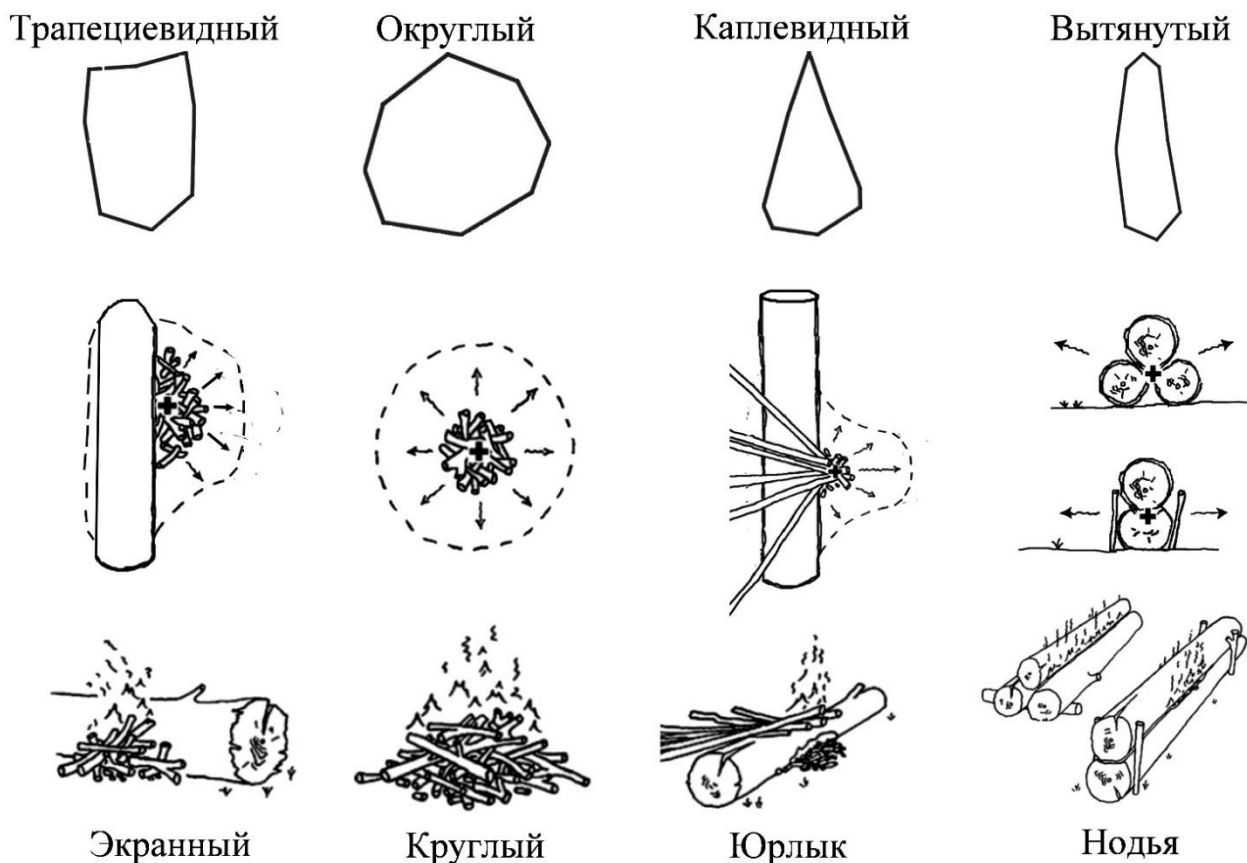

Рис. 6. Взаимосвязь между типами следов горения и разными костровыми конструкциями

Трапецевидные следы горения связаны с использованием «экранных» костровых конструкций. Первостепенным доказательством являются факты обнаружения таких объектов *in situ*. Ярким примером такой находки являются остатки кострища, обнаруженные на местонахождении Кода 1Б в 2009 г. [15. Рис. 74. С. 57]. Во-вторых, как показывают этнографические данные, «экранные» конструкции применялись для использования огня в непосредственной близости от укрытия [14. С. 167]. Результаты статистического анализа трапецевидных следов горения также указывают на их расположение в непосредственной близости от объектов, интерпретируемых исследователями как жилищные конструкции. Принимая во внимание динамику морфометрических признаков в исторической ретроспективе, можно сделать вывод, что трапецевидные следы горения отличались высокими значениями коэффициента преднамеренности преимущественно в периоды сухого и холодного климата. Наибольшая их концентрация зафиксирована на хронологическом отрезке 7000–5500 л.н. Это указывает на «популярность» свя-

зываемых с ними «экранных» конструкций в соответствующие периоды времени. Таким образом, следы горения трапецевидной формы интерпретируются нами как следы использования «экранных» костровых конструкций, которые использовались рядом с жилищами, в том числе и у наземных построек.

Следы горения округлой формы связаны с использованием огня в форме «круглого» костра. Данное пиротехническое устройство в различных культурах могло иметь множество вариантов – от простого дымокура до так называемого «внешнего очага». Как показывает анализ выборки по следам горения контролируемого использования огня, в их заполнении выявляется самая большая доля предметов, связанных с каменным производством. Вероятно, использование огня в форме круглого костра сопричастно с производством изделий из камня, происходило в непосредственной близости от сооружений, фактически «у порога». Описания аналогичных производственных площадок «у костра», которые были реконструированы по материалам различных поселенческих комплексов, в научной

литературе встречаются зачастую [1. С. 43; 5. С. 10–11; 14. С. 171–204; 32; 33]. Говоря о культурно-хронологическом контексте распространения данных следов горения, можно сделать вывод, что наибольшее развитие данный способ использования огня приходится на период 7500–5500 л.н., который укладывается хронологические рамки эпохи неолита на данной территории.

Каплевидный тип следов горения внежилищного пространства связывается с использованием огня в форме костра, называемого «юрлык». Данная конструкция достаточно универсальна и в практиках различных групп населения может иметь множество вариантов. Именно универсальность конструкции обуславливает ее распространение фактически во все хронологические периоды. Наиболее ярко выделяется период с хронологическими отметками 3000–2000 л.н. На данном этапе разработки проблематики использования огня на изучаемой территории доказательное объяснение этого факта не может быть представлено. Также необходимо отметить, что следы горения каплевидной формы могут возникать в результате однократного использования пиротехнических устройств, расположенных на участке формы рельефа с уклоном порядка 35°. Данная закономерность вытекает из результатов статистического анализа следов горения данного типа. Установлено, что доля каплевидных следов горения, расположенных на участках ландшафта с таким уклоном, составляет 14%. Учитывая перечисленные факты, следы горения каплевидной формы не могут быть интерпретированы однозначно.

Вытянутый тип следов горения внежилищного пространства наиболее характерен при использовании таких костровых конструкций, как «нодья». Данная конструкция отличается тем, что, во-первых, может гореть длительное время, во-вторых, оставляет след горения с соотношением сторон порядка 1:3. Такие следы горения не свойственны другим пиротехническим устройствам, известным по результатам полевых археологических исследований. В процессе постседиментационных деформаций в культуросодержащих отложениях контуры следа горения не могут настолько «вытянуться» без каких-либо сопутствующих изменений. Как показывают эксперименты, только для конструкций типа «нодья» характерны настолько вытянутые следы горения [29. С. 143]. Распространение данного типа следов горения в хронологическом диапазоне выборки говорит о том, что конструкция «нодья» имела одинаковое распространение во все затрагиваемые исторические периоды. По всей видимости, данная конструкция была достаточно универсальной, чтобы использоваться в качестве стационарного и оперативного источника тепла.

В результате проведенного исследования установлено, что в процессе полевых археологических исследований на 19 археологических памятниках в зоне затопления Богучанской ГЭС было зафиксировано более 500 следов горения, которые разделены на две категории: следы неконтролируемых возгораний и следы контролируемого использования огня. Объекты первой категории исключены из анализа, поскольку по ряду признаков были подвержены постседиментационным

деформациям. Наибольший информационный потенциал и научную значимость имеют объекты второй категории. По результатам анализа внутригрупповой варибельности было выделено четыре типа следов контролируемого использования огня. Собранные данные проанализированы методами описательной статистики, на основании чего определены признаки, характерные для всех объектов в выборке: форма, относительная и абсолютная датировка, расположение на участке древней дневной поверхности, гипсометрические характеристики данного участка, мощность заполнения, слоистость, наличие предметов материальной культуры в заполнении, длина, ширина, коэффициент преднамеренности, расстояния до ближайшего сооружения и водоема. Выделенные признаки обуславливают типовое разнообразие изучаемых объектов и позволяют проводить аналитические мероприятия. На основании анализа полученных характеристик объектов исследования выделены закономерности, позволяющие объяснить их пространственную и культурно-хронологическую атрибуцию.

Фрагментарность полевых исследований может ограничивать планиграфический анализ изучаемого пространства археологического памятника. В связи с этим роль следов горения как элементов пространства воспринимается как незначительная, в результате чего сам объект не представляется исследователям самоценным и уже вследствие этого не изучается наряду с другими свидетельствами хозяйственной деятельности древнего населения. Тем не менее с привлечением современных методов и на больших выборках анализ данного материала является чрезвычайно перспективным. Методический инструментарий, примененный в данном исследовании, еще не полностью адаптирован к специфике объекта исследования. В большинстве своем примененные методы были заимствованы из других направлений археологии, дисциплин, научных областей. В процессе исследования такие данные об объектах, как их датировка, были усреднены, поскольку слишком детальный критический анализ хронологической атрибуции отдельного объекта выявил бы больше опровергающих датировку сведений, чем возможностей для его хронологической привязки. Учитывая данные обстоятельства, необходимо отметить, что результаты исследования не являются безапелляционными. Дальнейшее развитие данного направления археологических исследований позволит выработать методологию анализа и интерпретации, более адекватную по отношению к объекту исследования, и получать результаты с большей степенью верификации.

Полученные сведения о характере и особенностях свидетельств использования огня на изучаемой территории позволяют не только формулировать суждения о хозяйственной деятельности древнего населения, но и подойти с новой точки зрения к пониманию процессов адаптации к природно-климатическим условиям Северного Приангарья. Одной из перспектив развития данного направления в археологической науке видится создание региональных схем использования огня в контексте жилищного и межжилищного пространства. Применительно к проблемам археологического

изучения Северного Приангарья необходимо отметить перспективу продолжения исследований по материалам Богучанской археологической экспедиции, по-

скольку их необходимо интегрировать в существующие схемы историко-культурного развития региона в разные исторические эпохи.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Материалы полевых исследований данных поселенческих комплексов были изучены в Научном архиве Института археологии и этнографии СО РАН (Ф. 1. Оп. 1. Д. 387–394, 397–398, 400, 409–412, 413–414, 434–435, 436–437, 450–457, 466–475, 522–530, 539–544, 609–611, 612–613, 622–625, 651–660).

ЛИТЕРАТУРА

- Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Гунчинсүрэн Б., Олсен Д.В. Кострища стоянки Толбор-15: планиграфия поселения и деятельность человека в ранней стадии верхнего палеолита Монголии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 38–49.
- Нестерова М.С., Ткачев Ал.Ал. Очажные устройства в структуре поселенческих комплексов пахомовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 63–71.
- Фернандес К.Т. Использование огня в массовых захоронениях неолита-энеолита: определение, попытка интерпретации и дифференцированная диагностика // Stratum plus. 2010. № 2. С. 261–267.
- Steffen M., Mackie Q. An Experimental Approach to Understanding Burnt Fish Bone Assemblages within Archaeological Hearth Contexts // Canadian Zooarchaeology. 2005. № 23. С. 11–37.
- Тарасов А.Ю., Зобков М.Б. Энеолитические мастерские западного побережья Онежского озера: статико-планиграфический анализ // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 3–16.
- Митько О.А. Двухлезвийные кресала из археологических памятников Сибири и Дальнего Востока и их аналогии из Нуристана // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 246–255.
- Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск : Наука, 1988. 224 с.
- Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В., Присекайло А.А., Марковский Г.И., Дудко А.А. Богучанская археологическая экспедиция : очерк полевых исследований (2007–2012 годы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук (ИАЭТ СО РАН), 2015. 564 с.
- Павленок К.К., Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 35–46.
- Бычков Д.А., Волков П.В. Признаки контролируемого использования огня: по материалам поселений эпохи неолита и палеометалла в Северном Приангарье // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2018. Т. 17, вып. 3: Археология и этнография. С. 92–99.
- Бычков Д.А. Особенности археологизации следов горения в условиях подзолистых почв бассейна р. Большой Юган // Человек и Север: антропология, археология, экология : материалы всерос. науч. конф. Тюмень, 2018. № 4. С. 40–44.
- Черных В.В. Первые пожары и их происхождение // Известия Иркутского государственного университета. 2010. № 1. С. 97–105.
- Bellomo R.V. A Methodological Approach for Identifying Archaeological Evidence of Fire Resulting from Human Activities // Journal of Archaeological Science. 1993. № 20. С. 525–553.
- Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб. : Нестор-История, 2013. 416 с.
- Грачев И.А. Отчет об археологических спасательных работах на местонахождении Кода 1Б в Кежемском районе Красноярского края в 2009 году. Т. 2 // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 400.
- Герман П.В. Отчет об археологических исследованиях (раскопках) на территории памятника археологии Сергушкин 3 в Кежемском районе Красноярского края в 2009 году. Т. 2 // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 398.
- Гришин А.Е. Отчет о раскопках на многослойной стоянке Пашина и местонахождении деревня Пашино в Кежемском районе Красноярского края в 2009 году // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 414.
- Савин А.Н. Отчет об археологических раскопках многослойной стоянки Парта в Кежемском районе Красноярского края в 2010 году. Т. 3 // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 624.
- Гурулёв Д.А., Максимович Л.А. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Материалы VII Международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая». Красноярск, 2016. С. 185–194.
- Гурулёв Д.А. Предварительные результаты анализа керамических комплексов Усть-Ковинской группы памятников (Северное Приангарье) // Евразия в кайнозой: стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2014. № 3. С. 47–55.
- Рудковский С.И. Палеогеография Севера Западной Сибири в конце II – начале I тысячелетия до н.э. // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения : сб. музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2005. С. 177–182.
- Кузьмин С.Б., Белозерцева И.А., Шаманова С.И. Палеогеографические события Прибайкалья в голоцене // Успехи современного естествознания. 2014. № 12. С. 64–75.
- Rasskazov S.V., Levi K.G. Periodization of recent and Late Pleistocene – Holocene geodynamic and paleoclimatic processes // Geodynamycs & Tectonophysics. 2014. № 5. P. 81–100.
- Seminaire sur les structures d'habitat. Les temoins de combustion. Paris : College de France, 1973. 43 с.
- Одгаард У. Ритуал кормления огня в очагах циркулярных культур // Уральский исторический вестник. 2014. № 2. С. 79–88.
- Дмитриева Л.В. Семейный огонь и культ домашнего очага в фольклоре коренных народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 5–13.
- Митько О.А. Способы получения огня на Алеутских островах во второй половине XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, № 7. С. 301–308.
- Волков П.В. Экспериментальные исследования отопительных костров древности // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1994. С. 104–112.
- Бычков Д.А., Евменов Н.Д. Следы горения отопительных кострищ с точки зрения магнитометрии: результаты эксперимента // Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям : материалы IV конф. молодых ученых. М., 2017. С. 142–144.
- Мингалёв В.В., Чирков М.В. Эксперименты по археологизации разнотипных кострищ и очагов // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2008. № 2. С. 53–63.
- Чирков М.В., Лычагина Е.Л. Экспериментальная археологизация очагов на суглинистом грунте // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. Stadia Historica Jenium. 2009. № 1. С. 18–21.

32. Alpers-Afil N., Richter D., Goren-Inbar N. Phantom hearths and the use of fire at Gesher Benot Ya'akov, Israel // *PaleoAnthropology*. 2007. C. 1–15.
33. Jerand P., Linderholm J., Hedman S.-D., Olsen B.B. Spatial perspectives on hearth row site organisation in Northern Fennoscandia through the analysis of soil phosphate content // *Journal of Archaeological Science*. 2016. № 5. C. 361–373.

Dmitry A. Bychkov, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Pavel V. Volkov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: volkov100@yandex.ru

Vladimir P. Kolosov, The State Hermitage Museum (Sankt-Petersburg, Russia). E-mail: tepavi@yandex.ru

TRACES USE OF FIRE IN INTER-HOUSE SPACE OF SETTLEMENTS NEOLITHIC AND PALEOMETAL AGE IN NORTHERN ANGARA REGION

Keywords: using of fire; campfires; settlement; Neolithic; Paleometal; Northern Angara Region.

The article is devoted to the problem of differentiation of traces of burning that are found during field work. Often modern field research is carried out in large areas. As a result, it becomes possible to fix various objects of the inter-housing space. The remains of such pyrotechnic structures as fireplaces and hearths are a significant source of information on the economic activities of the ancient population.

The purpose of this study is to classify the traces of burning identified in the inter-housing space of a settlement site of the Neolithic and the Paleometal ages. A database was collected from the materials of 19 archaeological sites, and included 220 traces of burning. These materials were obtained by the Boguchan archaeological expedition, which carried out archaeological research in the flood zone for the reservoir of the Boguchan hydropower plant. A sample of traces of controlled use of fire was extracted from this database.

The sample was studied by methods of descriptive statistics such as the conjugate method, geometric morphometry, the principal component method, and others. As a result, four stable forms were distinguished among the entire morphological diversity of the burning traces. Taking for the type-forming sign the shape of the burning trace in the plan, four types of traces of burning were distinguished: trapezoidal, drop-shaped, rounded and elongated.

Analysis of the intra-group variability showed that these types are differentiated among themselves according to a number of characteristics: filling power, morphometric parameters, location relative to structures and reservoirs. Plotting on chronological scale allowed to note certain types of burning traces prevailed at certain historical periods in the Northern Angara region. Based on the published data on the paleoclimate situation in the region, it can be concluded that the dynamics of the use of fire in open space depended on the level of humidity and average annual temperatures. The increase in the number of fireplaces falls on the periods for which the arid and warm climate is being reconstructed. For the chronological sampling range, this period falls on segments of 8000–7500, 7000–4000 and 3000–2000 years ago.

Interpretation of these patterns was formulated on the basis of ethnographic materials and on the results of several experimental studies. According to ethnography it is known that the indigenous peoples of Eastern Siberia and the Far North used various fireworks structures depending on the surrounding conditions. Experimental studies show that a certain burning trace on the underlying sediments is characteristic for a certain design. Thus, the morphological diversity of fossil traces of burning is due to the fact that the ancient population used various pyrotechnic structures depending on environmental conditions.

Nowadays the problem of obtaining verifiable data remains in the scientific direction concerned with the use of fire in pre-literate periods of history. At the next stage of our work, we will try to solve this problem, attracting researchers of the natural-science and engineering profiles to it.

REFERENCES

1. Khatsenovich, A.M., Rybin, E.P., Gunchinsuren, B. & Olsen, D.V. (2015) The hearths of Tolbor-15 site: the planigraphy of settlement and human activity in early Upper Paleolithic of Mongolia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik BSU. Series: History, Philology*. 14(7). pp. 38–49. (In Russian).
2. Nesterova, M.S. & Tkachev, A.I. (2011) Hearth devices in the structure of the Pakhomovo culture settlement complexes. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 1. pp. 63–71. (In Russian).
3. Fernández Crespo, K.T. (2010) Use of Fire in Neo-Eneolithic Mass Graves: Definition, Attempt of Interpretation and Differential Diagnosis. *Stratum plus*. 2. pp. 261–267. (In Russian).
4. Steffen, M. & Mackie, Q. (2005) An Experimental Approach to Understanding Burnt Fish Bone Assemblages within Archaeological Hearth Contexts. *Canadian Zooarchaeology*. 23. pp. 11–37.
5. Tarasov, A.Yu. & Zolnikov, M.B. (2015) Eneolithic workshop sites on the Western coast of Onega Lake: a spatial analysis. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN – Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. 8. pp. 3–16. (In Russian).
6. Mitko, O.A. (2011) Doubleblade steel from archeologic monuments of Siberia and the Far East and their analogy from Nuristan. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik BSU. Series: History, Philology*. 10(7). pp. 246–255. (In Russian).
7. Vasilievskiy, R.S., Burilov, V.V. & Drozdov, N.I. (1988) *Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priangara'ya* [Archaeological monuments of the Northern Angara region]. Novosibirsk: Nauka.
8. Derevyanko, A.P., Tsybankov, A.A., Postnov, A.V., Slavinskiy, V.S., Vybornov, A.V., Zolnikov, I.D., Deev, E.V., Prisekaylo, A.A., Markovskiy, G.I. & Dudko, A.A. (2015) *Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya : ocherk polevykh issledovaniy (2007–2012 gody)* [The Boguchan archaeological expedition: an outline of field research (2007–2012)]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
9. Pavlenok, K.K., Belousova, N.E. & Rybin, E.P. (2011) Attributive approach to reconstruction of “chaîne opératoire” of knapped technology. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik BSU. Series: History, Philology*. 10(3). pp. 35–46. (In Russian).
10. Bychkov, D.A. & Volkov, P.V. (2018) Attributes of controlled – use of fire: based on materials discovered in settlements of Neolithic and paleometal ages in Northern Angara region. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik BSU. Series: History, Philology*. 17(3). pp. 92–99. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-3-92-99
11. Bychkov, D.A. (2018) Osobennosti arkheologizatsii sledov goreniiya v usloviyakh podzolistykh pochv basseyna r. Bol'shoy Yugan [Features of archeologization of combustion traces in podzolic soils of the Big Yugan river basin]. In: Bagashev, A.N. (ed.) *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya* [Human and the North: Anthropology, Archeology, Ecology]. Vol. 4. Tyumen: SB RAS. pp. 40–44.
12. Chernykh, V.V. (2010) Pervye pozhary i ikh proiskhozhdenie [The first fires and their origin]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bulletin of Irkutsk State University*. 1. pp. 97–105.
13. Bellomo, R.V. (1993) A Methodological Approach for Identifying Archaeological Evidence of Fire Resulting from Human Activities. *Journal of Archaeological Science*. 20. pp. 525–553.
14. Volkov, P.V. (2013) *Opyt eksperimenta v arkheologii* [An Experiment in Archeology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

15. Grachev, I.A. (n.d.) *Otchet ob arkhеologicheskikh spasatel'nykh rabotakh na mestonakhzhdenii Koda 1B v Kezhemskom rayone Krasnoyarskogo kraya v 2009 godu* [Report on archaeological rescue operations at the site of Koda 1B in Kezhemsky district of the Krasnoyarsk Territory in 2009]. Vol. 2. The Archive of IAET SB RAS. Fund 1. List 1. File 400.
16. German, P.V. (n.d.) *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh (raskopkakh) na territorii pamyatnika arkhеologii Sergushkin 3 v Kezhemskom rayone Krasnoyarskogo kraya v 2009 godu* [Report on archaeological research (excavations) on the territory of the archeological monument Sergushkin 3 in the Kezhemsky district of the Krasnoyarsk Territory in 2009]. Vol. 2. The Archive of IAET SB RAS. Fund 1. List 1. File 398.
17. Grishin, A.E. (n.d.) *Otchet o raskopkakh na mnogosloynoy stoyanke Pashina i mestonakhzhdenii derevnya Pashino v Kezhemskom rayone Krasnoyarskogo kraya v 2009 godu* [Report on excavations at the multilayer site of Pashin and the location of the village of Pashino in the Kezhemsky district of the Krasnoyarsk Territory in 2009]. The Archive of IAET SB RAS. Fund 1. List 1. File 414.
18. Savin, A.N. (n.d.) *Otchet ob arkhеologicheskikh raskopkakh mnogosloynoy stoyanki Parta v Kezhemskom rayone Krasnoyarskogo kraya v 2010 godu* [Report on the archaeological excavations of the Parta multilayer site in the Kezhemsky district of the Krasnoyarsk Territory in 2010]. Vol. 3. The Archive of IAET SB RAS. Fund 1. List 1. File 624.
19. Gurulev, D.A. & Maksimovich, L.A. (2016) Keramika bronzovogo veka Severnogo Priangar'ya [Ceramics of the Bronze Age of the Northern Angara Region]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Proc. of the 7th Conference. Krasnoyarsk. pp. 185–194.
20. Gurulev, D.A. (2014) Preliminary analysis results of ceramic complexes of Ust'kova group sites (Northern Angara region). *Evrasiya v kaynozoe: stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*. 3. pp. 47–55. (In Russian).
21. Rudkovskiy, S.I. (2005) Paleogeografiya Severa Zapadnoy Sibiri v kontse II – nachale I tysyacheletiya do n.e. [Paleogeography of the North of Western Siberia in the late II - early I millennium BC]. In: Ozheredov, Yu.I. (ed.) *Kul'tury i narody Zapadnoy Sibiri v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and Peoples of Western Siberia in the Context of Interdisciplinary Study]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 177–182.
22. Kuzmin, S.B., Belozertseva, I.A. & Shamanova, S.I. (2014) Paleogeograficheskie sobytiya Pribaykal'ya v golotsene [Paleogeographic events of the Baikal region in the Holocene]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – Advances in Current Natural Sciences*. 12. pp. 64–75.
23. Rasskazov, S.V. & Levi, K.G. (2014) Periodization of recent and Late Pleistocene – Holocene geodynamic and paleoclimatic processes. *Geodynamycs & Tectonophysics*. 5. pp. 81–100.
24. Paris. Collège de France. Chaire de préhistoire. (1973) *Seminaire sur les structures d'habitat. Les temoins de combustion*. Paris: College de France.
25. Odgaard, U. (2014) Feeding the fire in the circumpolar hearths. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2. pp. 79–88. (In Russian).
26. Dmitrieva, L.V. (2013) Family fire and home fire cult in the Folklore of indigenous people in Siberia. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 5–13. (In Russian).
27. Mitko, O.A. (2012) Methods for fire-making in the Aleutian islands in the second half of 19th century. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik BSU. Series: History, Philology*. 11(7). pp. 301–308. (In Russian).
28. Volkov, P.V. (1994) Eksperimental'nye issledovaniya otopitel'nykh kostrov drevnosti [Experimental studies of ancient heating fires]. In: Derevyanko, A.P. & Kholyushkin, Yu.P. (eds) *Metodologiya i metodika arkhеologicheskikh rekonstruktsiy* [Methodology and methods of archaeological reconstructions]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 104–112.
29. Bychkov, D.A. & Evmenov, N.D. (2017) Sledy goreniiya otopitel'nykh kostrishch s tochki zreniya magnetometrii: rezul'taty eksperimenta [Burning traces of heating fireplaces from the point of view of magnetometry: experimental results]. *Novye materialy i metody arkhеologicheskogo issledovaniya: ot arkhеologicheskikh dannykh k istoricheskim rekonstruktsiyam* [New materials and methods of archaeological research: from archaeological data to historical reconstructions]. Proc. of the Fourth Conference. Moscow. pp. 142–144.
30. Mingalev, V.V. & Chirkov, M.V. (2008) Eksperimenty po arkhеologizatsii raznotipnykh kostrishch i ochagov [Experiments on archeologization of various types of fires and hearths]. *Vestnik muzeya arkhеologii i etnografii Permskogo Predural'ya*. 2. pp. 53–63.
31. Chirkov, M.V. & Lychagina, E.L. (2009) Eksperimental'naya arkhеologizatsiya ochagov na suglinistom grunte [Experimental archeologization of hearth on loamy soil]. *Vestnik nauchnoy assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. Stadia Historica Jenium*. 1. pp. 18–21.
32. Alperson-Afil, N., Richter, D. & Goren-Inbar, N. (2007) Phantom hearths and the use of fire at Gesher Benot Ya'aqov, Israel. *PaleoAnthropology*. January. pp. 1–15.
33. Jerand, P., Linderholm, J., Hedman, S.-D. & Olsen, B.B. (2016) Spatial perspectives on hearth row site organisation in Northern Fennoscandia through the analysis of soil phosphate content. *Journal of Archaeological Science*. 5. pp. 361–373. DOI: 10.1016/j.jasrep.2015.12.007

А.С. Халилова, Р.И. Сефербеков, Г.Ф. Гебеков

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ РУСИФИКАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАДИЦИОННУЮ КУЛЬТУРУ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № № 16-01-00038.

Представлены результаты изучения состояния традиционной культуры и быта народов Дагестана, оказавшихся в 1990–2010 гг. под воздействием процессов русификации и глобализации. Раскрыты предпосылки, причины и конкретные пути культурного трансферта русских, европейских и восточных традиций в дагестанские. Выявлено, что на фоне интенсивного внедрения в постсоветское время инокультурных инноваций дагестанское общество параллельно реанимирует ряд компонентов своей традиционной культуры.

Ключевые слова: русификация; глобализация; быт; повседневность; традиционная культура; народы Дагестана; современность.

В статье рассматривается один из сложных периодов в современной истории России, связанный с переменами, приведшими к глобальным трансформациям во всех сферах жизни общества, в том числе в традиционной культуре и укладе горцев. Несмотря на всю важность происходивших событий, по сей день нет полноценных монографических исследований, отражающих не только события, но причинно-следственные связи этих перемен для жизни дагестанцев. В целом процессы глобализации и русификации, охватившие все без исключения сферы материальной и духовной культуры, а также традиции, обряды и повседневный быт жителей Республики Дагестан в 1991–2010 гг., слабо изучены и недостаточно освещены в науке, а некоторые их аспекты вовсе не рассматривались. Поэтому сведение воедино отрывочных сведений об их влиянии на народы Дагестана в период их интеграции в культурное пространство РФ, точное отображение складывавшейся в постсоветские годы ситуации в этой сфере, так же как и анализ всего многообразия этих трансформаций, представляют большую актуальность и научную новизну. Подчеркнем, что эти изменения затронули фактически все сферы жизни общества, в том числе хозяйственные занятия, материальную культуру (поселения, жилища, одежду, пищу), семейный (формы брака, свадебные, родильные и похоронные обряды) и общественный быт (праздники и досуг, гостеприимство, взаимопомощь).

Заметное воздействие на культуру дагестанцев просматривается с начала прошлого столетия [1]. В целом русификацию отдельных сторон жизни населения Дагестана в XX в. принято делить на три крупных этапа, в каждом из них трансферт русской культуры в традиционный уклад дагестанцев только усиливался. Как отмечают исследователи, «присоединение края к России дало мощный толчок к всесторонним инфраструктурным изменениям материальной и духовной культуры его народов, вовлечение их в европейский вектор

цивилизационного развития... трансформации, связанные с периодом советских реформ, изменили социально-экономическую и духовно-идеологическую природу кавказских социумов» [2. С. 6]. В Дагестане это сопровождалось ломкой традиционного быта и внедрением русских, затем советских инноваций, подкрепленных влиянием, оказывавшимся «распределенными» в Дагестан русскими специалистами, особенно учителями. Также значительно ускорили процесс проникновения русской культуры в жизнь дагестанцев Великая Отечественная война, научно-техническая революция 50-х гг. XX столетия и последовавшая за ней урбанизация. Таким образом, к исследуемому периоду русификация и последующая глобализация (т.е. внедрение европейских традиций и обрядности, праздников, образа жизни, способа ведения хозяйства и т.д.) неудержимо распространялись, затрагивая все стороны жизни дагестанцев и изменяя до неузнаваемости облик как города, так и села. И если первоначально подспорьем для этого были планомерное переселения жителей горных сел на равнину [3], преобразование колхозов в совхозы [4], ликвидация последствий землетрясений 1966 и 1970 гг. в Дагестане силами русского и других народов [5], то к началу 1990-х гг. основную роль в этих процессах играли усиление коммуникативных связей между селами и городами Республики Дагестан и России в целом, рост числа сельской молодежи, обучающейся в вузах республики и страны [6], внедрение в сельский быт городских стандартов жизни [7] и т.п. Именно с этого времени Дагестан, по сути, переживает «третий этап модернизации, связанный с развивающимися в планетарном масштабе процессами глобализации, информационной открытости и транскультурных взаимодействий» [2. С. 6]. Учитывая, что глубина проникновения русской и других мировых культур в деятельность дагестанцев проявляется по-разному, а результаты их проникновения неоднозначны, наилучшим представляется осветить каждую из областей

жизнедеятельности дагестанского социума в отдельности.

Трансформации в хозяйственных занятиях

Издревле традиционными отраслями хозяйства дагестанцев были земледелие, скотоводство, промыслы и ремесла, чье существование обуславливалось хозяйственно-культурным типом (ареалом) проживания. Но XX век стал периодом поистине глобальной трансформации способов хозяйствования в Дагестане. Под воздействием НТР, прогрессивного влияния русских (советских) специалистов здесь складываются совершенно иные отрасли: «равнинный ареал плужного механизированного и ирригационного земледелия и стационарного молочно-мясного скотоводства и горный – отгонных скотоводов и земледельцев (незначительного земледелия, с долинным садоводством)» [8. С. 24]. Сформировавшись в период советского совхозно-колхозного строительства, они почти до конца 1990-х гг. продолжали составлять основу дагестанского хозяйства. Однако преобразования, произошедшие в экономике страны в 1990–2000-е гг., привели к полному разрушению этих видов хозяйства, породив к жизни новые ареалы [9].

Аграрная реформа 90-х гг. XX в. в России предусматривала комплексное переустройство агропромышленного производства, формирование многоукладности в сельском хозяйстве, создание многообразных форм собственности на землю и средства производства, государственный протекционизм в регулировании развития агропромышленного комплекса, его технико-технологическое перевооружение, развитие кооперации и интеграции. Однако количественные изменения, рост числа фермерских хозяйств и создание на базе колхозов и совхозов новых форм хозяйствования не смогли нейтрализовать разрушающего воздействия возникшего диспаритета цен, рыночной стихии, самоустранения государства от выполнения функций управления [10]. В результате реформа была провалена, а дагестанцы вынуждены устремиться вслед за российскими и мировыми тенденциями в ведении хозяйства. Таким образом, на смену традиционному земледелию и скотоводству в большинстве случаев пришло мелкое фермерское хозяйство европейского типа, сводящееся к ведению приусадебного хозяйства, огородничеству и садоводству по российским образцам и получению урожая для внутреннего использования, гораздо реже – для малобюджетной частной торговли. 2000-е же годы стали периодом, когда фермеры начали поворачиваться к традиционным формам хозяйствования и с учетом российского и зарубежного опыта организовывать мясомолочные комбинаты на базе собственных стад, птицеводческие фабрики, выращивающие кур-бройлеров европейских пород, и теплично-парниковые хозяйства.

Говоря о промыслах и ремеслах, до начала XX в. являвшихся в Дагестане существенной формой дополнительного заработка к основному, отметим, что проникновение в Дагестан из России и европейских стран промышленного производства поставил многие из них на грань исчезновения. Упадок отдельных видов про-

мыслов к началу исследуемого периода (ковры Южного Дагестана и ногойские узорные войлоки; камнеобработка с. Сутбук, бурочное производство с. Рахата и др.) [11] был также связан с изменением рыночной конъюнктуры, складыванием новых потребностей населения, оскудением сырьевой базы. Однако к концу XX столетия нарастание процесса глобализации, напрямую связанное с распространением в Дагестане сети Интернет, и, следовательно, получение возможностей для создания онлайн-магазинов, привело к постепенному возрождению некоторых из них: гончарства сел Испик, Сулевкент, Джули, Балхар [12], деревообработки с. Унцукуль; металлообработки сел Харбук, Амузги, ювелирного дела с. Кубачи [13] и др.

Достаточно остро русификация сказалась на мукомольном промысле. С появлением в торговле доступной для населения муки к началу XXI в. большинство водяных мельниц в Дагестане перестало функционировать и разрушилось. Но возникшая тогда же инициатива по созданию дагестанских брендов в производстве пищевых продуктов, в частности муки из льна, толокна, ячменя, ржи, а также муки из пшеницы второго или третьего сорта и урбеча, позволили ряду из них сохраниться. Сегодня они действуют в 15 селах Цумадинского, Гергебильского, Гунибского, Чародинского, Ботлихского, Гумбетовского, Кулинского, Хивского, Рутульского районов. Это позволило дагестанцам создавать традиционные экологически чистые продукты, в том числе более 18 видов урбеча, 14 видов цельнозерновой муки и чайных напитков, поставляемых через Интернет в города РФ и 5 зарубежных стран [14].

Поселения и жилище народов Дагестана в контексте перемен

Поселения Дагестана подошли к постсоветскому периоду в виде агломераций и территорий опережающего социально-экономического развития [15]. Каждая эпоха налагала свой отпечаток на облик села, меняя его социальную структуру. Если изначально основной формой было село с хуторами и отселками, образованное методом кучевой застройки, то с приходом русских специалистов – строителей, инженеров и т.д. – Дагестан переходит к поселениям, определяющимся как «советское село» [8]. В итоге к 1991 г. дагестанские поселения представляли собой комбинированную застройку, когда на кучевую основу старых сел накладывались планы горизонтального строительства. Тогда же проявился ряд новых явлений, в том числе перенесение части села с гор на равнину, в поселки, спроектированные по горизонтальным планам, укрупнение сел (особенно райцентров), слияние нескольких сел в одно, а также появление в горах обезлюдивших сел [16, 17], явившихся результатом стремления горцев к комфортной жизни, наличию удобств и особенно обеспеченности телекоммуникациями.

Жилища дагестанцев к 1990 г. под воздействием культурно-просветительных мероприятий, проводимых приезжими русскими специалистами, также претерпели значительные изменения. В ЖХК теперь входили дома с приусадебным участком и служебные помеще-

ния: кладовая (в доме), навес, летняя кухня, сараи для сена, дров (во дворе), хлев, птичник (за домом). Из старых компонентов жилища нетронутыми оставались этажность и формы планировки. Существенным новшеством было появление коридоров, стропильных кровель и бань. Крайне редко сохранялись резные лоджии, центральные столбы в гостиной, хлебопечи, родниковые сооружения и мельницы. Также новыми стали строительные и отделочные материалы: стекло в окнах, филенчатые двери, дощатые полы, способы отопления и освещения, мебель, бытовая техника и т.д. Наиболее восприимчивым к новшествам было жилище в переселенных селах и райцентрах. В то же время индивидуальное жилище городов Дагестана, как и в других регионах России [18], стало заимствовать отдельные элементы национальной архитектуры.

Расширение изменений в жилище происходит в 2000-е гг., когда сформировался новый тип городского жилища, сконцентрировавший инновации в сфере архитектуры, строительства и отделки. Перемены коснулись конструкции дома, его приусадебного участка, затронули параметры площади жилых и подсобных помещений (кладовая, кухня, ванная и туалет), величину потолков, проемов окон и дверей, оформление подвала, чердака и крыши, устройство двора, забора, ворот, сада и огорода. Влияние урбанизации и глобализации, предложение промышленностью и торговлей многих видов отечественных и зарубежных строительных и отделочных материалов привели к исчезновению традиционного облика и интерьера дома. Теперь при возведении домов с использованием самых современных технологий и материалов внимание уделяется комфорту и соображениям престижа. Важную роль в организации интерьера играют его планировка и освещение. Основным средством благоустройства интерьера жилого дома является его оснащение новейшими бытовыми приборами, современной мебелью по достаточно оригинальным дизайнерским проектам. Даже в самых высокогорных селениях горцы стараются строить жилье по городскому образцу: с прихожей, кухней, ванной и туалетом (внутри дома, но при сохранении традиционных уличных туалетов и бань). Происходящие в исследуемый период изменения в методах строительства, стройматериалах, конструкции, планировке, интерьере домов, ориентация на привнесенные образцы приводят к унификации и утере элементов традиционного дагестанского жилища.

Одежда дагестанца: новации

Наиболее восприимчивой к влиянию изучаемых процессов оказалась одежда дагестанцев, по сути, должна отражать природные и хозяйственные условия жизни народа, его культурные традиции, этические нормы и эстетические вкусы. Однако к началу исследуемого периода традиционная одежда была полностью заменена фабричной продукцией, производимой в СССР и частично привозимой из-за рубежа. К 2000-м гг. одежда дагестанцев уже на 95% состояла из изделий зарубежного производства. Традиционный облик в одежде сохранялся лишь у старшего поколе-

ния, преимущественно у женщин и лиц, занятых в животноводстве. Проявили определенную устойчивость и даже приобрели значение бренда некоторые традиционные вязаные изделия: *джурабы* (своеобразные домашние тапочки, шерстяные носки с элементами традиционного узора), а также овчинные *панахи*. Основными причинами этого явились «аморфный универсализм урбанистического типа» [19. С. 54] и русификация, приведшие к столь легкому внедрению в повседневную и праздничную одежду дагестанцев чужеродных моделей одежды, сделавшие их более привлекательными для молодежи и среднего поколения.

Попыткой к возрождению традиционной одежды стала ее пропаганда, проводившаяся руководством Республики Дагестан с середины 2000-х гг., а также нарастающая реисламизация дагестанского социума, позволившие возродиться некоторым видам национального костюма. В это время среди горожанок вновь стали популярны фасон старинного парадного платья *кабалай* (на кокетке, заканчивающейся под грудью с очень широкой юбкой без разрезов с глубокими складками спереди и сзади) и тонкие шелковые головные платки *гульменди / гормендо*. Вторую жизнь в последние годы в осенне-зимний период также получили «павловские» платки, которые теперь признаются аксессуаром, используемым в праздники и будни. Сформировавшаяся в это время «региональная дагестанская мода», за исключением некоторых нюансов (ношение отдельных элементов дагестанского костюма дома или на свадьбе, неприятие татуажа, нейтральное или положительное отношение к ношению *хиджаба*), практически не отличалась от одежды из других регионов России. Ей следуют чуть более 60% дагестанцев. Другая часть населения, в связи со своеобразным постсоветским религиозным ренессансом, попала под влияние исламских традиций в одежде. В 2000-е гг. около 20–30% женщин и 10–15% мужчин выбирали для постоянного ношения одежду, произведенную в соответствии с нормами ислама (об этом см.: [20]). Пожалуй, именно этот вид одежды в большей степени ассимилирует образцы традиционного дагестанского, особенно женского, костюма, придавая им новый вид и совершенно иной сакральный смысл. В результате женская одежда, ранее позволявшая определить национальность, семейное положение и другие характеристики ее носительницы, теперь перестала исполнять свою знаковую функцию.

Пища народов Дагестана под влиянием мировой кухни

Более консервативной в этот период была пища дагестанцев, обусловленная многими факторами, прежде всего хозяйственно-культурным типом Дагестана. Являясь неотъемлемым компонентом календарных, семейных и общественных праздников, значительное место в рационе питания дагестанцев занимают мучные, молочные и мясные продукты. При этом, несмотря на широкое использование самобытных видов пищи, ряд блюд в результате этнокультурных взаимодействий был заимствован дагестанцами у других наро-

дов. Интенсивное привнесение в дагестанскую кухню новых продуктов, рецептов блюд, напитков, способов приготовления и консервирования пищи стало отражением глубоко влияния традиций русской и иных кухонь мира. Значительно облегчили внедрение новых типов и видов пищи государственная торговля и общественное питание. Однако к началу исследуемого периода, несмотря на многочисленные инновации, основа и общая структура питания дагестанцев осталась традиционной и преобладала не только у сельского населения, но и у горожан [21]. В 1990-е гг. из повседневного рациона питания горожан Дагестана все больше исчезали национальные блюда, становясь своеобразной пищей для праздников и торжественных случаев. Во многом это объяснялось необходимостью использовать при их приготовлении достаточно дорогостоящие продукты – мясо, яйца, большое количество масла, сыра, молочных продуктов. В этот период практически каждая хозяйка предпочитала готовить ежедневно блюда русской кухни: борщ, щи, суп харчо, картофельный соус, куриный суп с лапшой, молочные каши из риса и пшена, вареники с картошкой или ягодами, печеные пироги и пирожки, морсы и т.д.

Наиболее сильные изменения в культуре питания народов Дагестана происходят к началу XXI в. Это связано со значительным увеличением сети гастрономов, магазинов кулинарии, выпечки, хлебопекарен, позволяющих приобрести широкий выбор полуфабрикатов. В то же время это приводило к унификации видов пищи, используемых в повседневном меню. С нарастанием исламизации населения большую популярность у жителей Дагестана приобрели кулинарии, кафе и рестораны, готовые пищу, полуфабрикаты в соответствии с нормами религии и торгующие продуктами халяль. С середины 2000-х гг. большую роль в трансферте русских и европейских блюд в обиход дагестанцев играли многочисленные фастфуды, столовые, кафе, кафетерии, кофейни, рестораны, бары, специализирующиеся на подаче блюд быстрого приготовления и иной еды из русской, европейской и азиатской кухонь. В результате часть горожан полностью отказалась от приготовления еды дома. В целом городская культура питания стала системой, синтезирующей «этнические традиции и урбанизированные формы» [22. С. 6].

Усугубляют эту ситуацию появившиеся в последние годы сети общепита, специализирующиеся на приготовлении и доставке еды по заказам клиентов. Процесс всевозрастающего воздействия международного культурного и информационного обмена на социальную действительность привел к закреплению в меню жителей Дагестана несвойственных для традиционной кухни блюд. Рецепты большинства популярных в Дагестане блюд – мяса по-французски, курицы на гриле и на углях, курицы по-фламандски, по-арабски, стейка и др. – и сегодня продолжают заимствоваться из Интернета без оглядки на национальную принадлежность. Наиболее ярко национальный компонент в питании народов Дагестана проявляется только во время религиозных праздников, свадеб, при приеме гостей и только эпизодически – в повседневном быту. «Стерж-

невые блюда и ритуальные понятия праздничной трапезы стали концептами, несущими широкий этнокультурный смысл и ориентированными не только в прошлое, как акт памяти, но и в будущее, как акт консолидации и причастности к традиции» [23. С. 199].

Семейная и свадебная обрядность

Брак и свадебные обряды устойчивее других элементов народного быта сохраняют исторически сложившиеся особенности этнической культуры. Однако именно формы заключения брака оказались наиболее изменившимися в советское время [24], хотя отдельные из них – умыкание, люлечное обручение и др. – имели негативный характер. В исследуемый период брак заключался в основном по взаимному согласию юноши и девушки при учете мнения их родителей. Он регистрировался в ЗАГСе и закреплялся религиозным обрядом. Именно в этой части культурного наследия к началу 1990-х гг. сохранились почти все главные этапы, персонажи, обряды и обычаи, хотя постепенно получили иную окраску. В результате они трансформировались в большое количество приглашаемых на свадьбу (от 400 до 1 000 чел.), увеличение пределов свадебного дарообмена (от 100 тыс. руб.), чрезмерное потребление алкоголя и несоразмерное количество видов пищи на всех этапах. Основными причинами сохранения или исчезновения отдельных традиций, внедрения и закрепления инноваций являлись социально-экономические и культурно-бытовые изменения в общественной жизни, воздействовавшие на свадебный ритуал. К 2000-м гг. инокультурное влияние на свадебную обрядность дагестанцев ярко отразилось в свадебных музыке, песнях и танцах, одежде и пище, способах проведения мероприятий. Так, была сокращена общая продолжительность сроков и этапов традиционной свадьбы [25. С. 130], поведение жениха и невесты стало полностью соответствовать русским, а в ряде случаев и европейским свадьбам.

Почти все обряды, обычаи и поверья, связанные с рождением ребенка и направленные на ограждение его и матери от «сглаза», «злых духов», разного рода болезней, к началу 1990-х гг. в Дагестане все еще сохранялись. Во многом это было обусловлено низким качеством медобслуживания, высокой детской смертностью, малочисленностью медучреждений на селе, невысокой общей медицинской культурой населения и слабым развитием социальной инфраструктуры [26. С. 49]. Изменения в этой сфере, произошедшие в постсоветский период, в том числе снижение детской смертности, увеличение числа родильных отделений и обязательное присутствие медработника, консультирование беременных, привели к утрате части из них. Несмотря на то, что некоторые обряды, связанные с рождением ребенка, еще живут, к ним прибегают только как к последнему средству, когда исчерпаны методы современной медицины. Устойчиво сохраняется только обряд обрезания «суннат», который неотъемлемо входит в исламские традиции, но в наше время его осуществляют не знахари и представители духовенства, а хирурги. В области семейных традиций са-

мое сильное влияние русская и мировая культура оказала на традиционный для дагестанцев набор имен.

Фактически без изменения в дагестанских обрядах семейного цикла остались похороны. Доминирующую роль в них играли исламские религиозные каноны, проявляющиеся в регламенте похоронного церемониала, языке богослужения, сроках и порядке траура и поминок. К отрицательным сторонам похоронной обрядности этого периода следует отнести рост обременительных для родственников покойного расходов при похоронах и поминках, которые в некоторой степени смягчаются материальной помощью и моральной поддержкой со стороны родственников и сельского общества.

Праздники и досуг в Дагестане

Неотъемлемой частью быта дагестанцев являлись праздники и приятный досуг. Все отмечавшиеся празднества можно условно разделить на четыре группы: традиционные, календарные, религиозные и государственные. Часть из них (праздники весны и первой борозды, сбора съедобных трав, уборки урожая) имели древнее происхождение, другие (День военно-морского флота – 23 февраля, Международный женский день – 8 марта, День победы – 9 мая) возникли и отмечались по инициативе государства [27]. Причем как в перечне государственных праздников, так и в ряду иных памятных дат в Дагестане в 1990–2000-е гг. преобладали общероссийские тенденции с примесью европейских традиционных дат, привнесенных, опять же, посредством вовлечения дагестанской молодежи в телекоммуникационную сеть Интернет. Однако в первом десятилетии XXI в. постепенно стал набирать силу пересмотр праздничной календарной обрядности с позиций ислама. В результате в настоящее время в республике идет широкая общественная дискуссия о необходимости празднования немусульманских праздников, которая выливается порой в игнорирование и прямой бойкот частью населения республики ритуальных и обрядовых практик российских (Новый год), языческих (праздник первой борозды и весны), христианских (Рождество Христово, День Святого Валентина) и нетрадиционных (Хэллоуин, Фестиваль красок и др.) праздников. При этом дагестанцы в целом толерантно относятся ко всем видам празднований, проходящих в республике, считая участие в них личным делом каждого.

Краткие итоги исследования

Подводя итог, отметим, что происходившие в исследуемый период в России и мире революционные и эволюционные процессы прямо или косвенно отразились на элементах хозяйства, быта и культуры дагестанцев, полностью или частично видоизменив их. Но, несмотря на интенсивное внедрение инноваций, современное городское и особенно сельское население Дагестана продолжает сохранять ряд компонентов своей традиционной бытовой культуры. Изучение трансформационных процессов в традиционной культуре и повседневном быте населения Дагестана за последние 20 лет показало, что современное состояние этой сферы жизни дагестанского общества стало результатом внедрившихся в материальную культуру дагестанцев под влиянием русской урбанизированной культуры методов и способов ведения хозяйства, типов строительства поселений и возведения жилья, образцов одежды и питания, а также способов проведения досуга. Помимо этого, в 2000-е гг. трансформировавшаяся дагестанская культурная среда подверглась значительному влиянию процессов глобализации, в ряде случаев приведших к забвению собственно дагестанских традиций, обрядов и иных этнокультурных канонизированных форм. Таким образом, в связи с этнокультурными взаимодействиями и взаимовлияниями, процессами русификации, урбанизации и глобализации в новейшее время наметилась тенденция к интернационализации традиционной культуры и повседневного быта жителей Республики Дагестан.

Безусловно, столь краткое освещение наиболее важных аспектов состояния традиционной культуры и повседневного быта жителей Дагестана в 1990–2010-х гг. под влиянием процессов проникновения русской культуры и глобализации не может в полной мере отразить всю картину происходящего в республике. Но в то же время исследование основных тенденций в области хозяйственных занятий дагестанцев, их поселений и жилищ, видов одежды и пищи, способов осуществления семейных обрядов, проведения праздников, а также определение глубины влияния на эти основополагающие компоненты традиционного культурного наследия процессов русификации и глобализации дает уникальный задел для дальнейшего изучения этих и других сфер материальной и духовной культуры Дагестана в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blejch H. The landmarks in history of formation and development of the enlightenment and pedagogical thought of the peoples of the North Caucasus. Raleigh, NC : Lulu Press, 2015. Vol. 1. 184 p.
2. Анчабадзе Ю.А. От составителя // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации : науч. сб., посвящ. памяти Г.А. Сергеевой. М. : Три квадрата, 2016. С. 5–7.
3. Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). Махачкала : Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанского науч. центра Рос. акад. наук (ИИАЭ ДНЦ РАН), 2000. 335 с.
4. Искендеров Г.А., Талибова Д.Б. Социально-экономическое развитие дагестанского села (1950–1985 гг.). Махачкала : Изд.-полиграф. центр Дагестан. гос. ун-та, 2007. С. 85–102.
5. Бондаренко В.И. Помощь кубанцев Дагестану в ликвидации последствий землетрясения 1970 г. // Общество: философия, история, культура. 2013. № 2. С. 66–70.
6. Халилова А.С. Причины и основные направления миграции жителей высокогорного Дагестана в постсоветский период (на примере с. Бежта Цунтинского района) // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-26. С. 5945–5949.
7. Амирханова М.М. Социальное развитие дагестанского села (70-е годы XX века). Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 112 с.
8. Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М. : Наука, 2002. 220 с.

9. Сефербеков Р.И. Влияние процессов модернизации на хозяйственно-культурный тип Дагестана в постсоветский период // Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти В.П. Дзагуровой. Махачкала : Изд.-полиграф. центр Дагестан. гос. ун-та, 2016. Вып. XIV. С. 260–263.
10. Ибрагимов М.А. АПК Дагестана и рыночные реформы. Махачкала : Госкомиздат Республики Дагестан, 1997. 111 с.
11. Фарманов Р.Ф., Фарманов М.Ф. Развитие малых форм хозяйствования в аграрном секторе АПК. М. : Перо, 2014. 142 с.
12. Гаджалова Ф.А. Традиционный гончарный промысел Дагестана с. Сулевкент: из истории народных художественных традиций второй половины XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5. С. 60–62.
13. Лучшие образцы дагестанской керамики представят на выставке-ярмарке в Махачкале // РИА Дагестан. URL: https://www.riadagestan.ru/news/economy/luchshie_obraztsy_dagestanskoj_keramiki_predstavlyat_na_vystavke_yarmarke_v_makhachkale/ (дата обращения: 12.09.2017).
14. Кубачи – легендарное место производства лучших изделий из серебра и золота // Кавказ-сувенир. URL: <https://kavkazsuvenir.ru/blog/kubachi> (дата обращения: 12.09.2017).
15. Ниналов С. «Дидо» – фермерское хозяйство и бренд республики // Московский комсомолец в Дагестане. URL: <http://mkala.mk.ru/articles/2015/03/06/dido-fermerskoe-khozyaystvo-i-brend-respubliki.html> (дата обращения: 14.09.2017).
16. Качабекова Ф. Дагестан: покинутая история// Кавполит. URL: http://kavpolit.com/articles/dagestan_pokinutaja_istoriya-20793/ (дата обращения: 02.08.2017).
17. Букаров И. Села-призраки // Федеральная лезгинская национально-культурная автономия. URL: <http://flnka.ru/kultura/884-sela-prizraki.html> (дата обращения: 15.09.2017).
18. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Значение города в интеграции бытовой культуры (по материалам русского города 1970–1980 гг.) // Советская этнография. 1991. № 4. С. 17–27.
19. Махмудова З.У. Урбанистический универсализм и этнические традиции в женском костюме народов Дагестана (вторая половина XX – начало XXI в.) // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации. М. : Три квадрата, 2016. С. 54–63.
20. Зульпукарова Э.М., Сефербеков Р.И. Особенности мусульманского «дресс-кода» городской молодежи Дагестана (на примере студентов Дагестанского государственного университета) // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14, № 1. С. 85–91.
21. Булатова А.Г. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев / ред. А.И. Исламмагомедов, Г.А. Сергеев. М. : Наука, 1988. 320 с.
22. Канукова З.В. Город и традиционная культура жизнеобеспечения горожан Владикавказа (вторая половина XIX –нач. XX в.) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, 2013. С. 5–13.
23. Цаллагова З.Б. Традиционная и ритуальная пища осетин // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизации. М. : Три квадрата, 2016. С. 199–219.
24. Гаджиева С.Ш. Традиционное и новое в современной свадебной обрядности народов Дагестана // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Махачкала : Дагфилиал АН СССР, 1988. С. 6–19.
25. Алигаджиева З.А. Современная свадебная обрядность аварцев (традиции и инновации). Махачкала : Алеф, 2015. 210 с.
26. Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала : Алеф, 2006. 216 с.
27. Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. № 6. С. 3–14.

Amina S. Khalilova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: kadja.ol@mail.ru.

Ruslan I. Seferbekov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: ruslan-seferbekov@rambler.ru

Gebek F. Gebekov, PhD (in History), Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: gebekoff@mail.ru

THE INFLUENCE OF THE PROCESSES OF RUSSIFICATION AND GLOBALIZATION ON TRADITIONAL CULTURE AND DAILY LIFE OF THE PEOPLES OF DAGESTAN IN THE POST-SOVIET PERIOD

Keywords: russification; globalization; household; daily life; traditional culture; peoples of Dagestan; modernity.

Research of the issues of preservation the traditional culture of the peoples of the Russian Federation, especially Dagestan, in the process of integration with neighboring state formations in 1990–2010 is one of the most important directions in the formation of a modern state strategy to preserve the linguistic and cultural wealth of Russia. The relevance of the study is due to the need to carefully study the processes of integration of Dagestan into the common space of Russia, transformation of its traditional foundations under the influence of the globalization and russification processes and their results. The main purpose of this paper is a brief analysis of the current state of traditional culture and daily life of the peoples of Dagestan and its transformation under the influence of Russian and world cultures, as well as of the global information openness in 1991–2000. On the basis of field ethnographic material, non-fiction, periodicals, sociology opinions and data on the Internet in the article traced the transformation of the external appearance of the inhabitants of the Dagestan, their houses, national cuisine, the ways of the celebration associated with the traditional spiritual life and others. The prerequisites and reasons for these changes are revealed, concrete ways of cultural transfer of Russian, European and eastern traditions to Dagestan, and the degree of exposure to their globalization are also discovered.

It is also noted that the loss of the traditional heritage of the Dagestan peoples is associated with an increase in the level mobility among the middle generation and youth in educational, labor and leisure, as well as the transfer of cultural values they perceived in foreign countries and the subsequent replacement of their own. This leads to the upbringing by cultural migrants of new generation of children in accordance with Russian or European cultural standards. The main reason for this is an attempt to facilitate the further integration of adolescents and young people into the globalizing world. In addition, the process of polarization of the Dagestan society in the field of spiritual heritage transfer has been revealed. On the one hand, they raise their children mainly within the framework of the Dagestan traditions, strengthened by Islamic views (in some cases they turn into the extreme degree of Muslim radicalism), and on the other hand - European and Russian etiquette and culture (they often completely perceive their norms of morality, behavior, etc.). Moreover, the second group has a significant advantage, and consequently, is the source of innovative ideas that lead to oblivion of the traditional foundations of the life of the Dagestanis and the deformation of the national mentality.

It is emphasized that despite the intensive introduction of cultural and other innovations in post-Soviet times, the modern urban and especially rural population of Dagestan is trying to preserve a number of components of its traditional material and spiritual culture.

REFERENCES

1. Blejch, H. (2015) *The landmarks in the history of the formation and development of the enlightenment and pedagogical thought of the peoples of the North Caucasus*. Volume 1. Raleigh, Nord Carolina: Lulu Press.

2. Anchabadze, Yu.A. (2016) Ot sostavitelya [From the compiler]. In: Anchabadze, Yu.A. et al. *Narody Kavkaza: etnokul'turnye traditsii i modernizatsii* [Peoples of the Caucasus: ethnocultural traditions and modernization]. Moscow: Tri kvadrata.
3. Osmanov, A.I. (2000) *Agrarnye preobrazovaniya v Dagestane i pereselenie gortsev na ravninu (20-70-e gody XX v.)*. [Agrarian transformations in Dagestan and the migration of the mountaineers to the plains (1920-70s)]. Makhachkala: RAS.
4. Iskenderov, G.A. & Talibova, D.B. (2007) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye dagestanskogo sela (1950–1985 gg.)* [Socio-economic development of Dagestan village (1950–1985)]. Makhachkala: DSU.
5. Bondarenko, V.I. (2013) Kuban assistance to Dagestan in rectification of the earthquake consequences in 1970. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 2. pp. 66–70. (In Russian).
6. Khalilova, A.S. (2015) The causes and main directions of migration of Dagestan highlanders in the post-soviet period (a case study of Bezhta, Tsuntinsky Areas). *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 2(26). pp. 5945–5949. (In Russian).
7. Amirkhanova, M.M. (2000) *Sotsial'noe razvitiye dagestanskogo sela (70-e gody XX veka)* [Social development of a Dagestan village (1970-s)]. Makhachkala: RAS.
8. Osmanov, M.O. (2002) *Khozyaystvenno-kul'turnye tipy (arealy) Dagestana v sovetskuyu epokhu: zakonomernosti razvitiya i transformatsii, vymyvanie traditsionnykh form* [Economic and cultural types (ranges) of Dagestan in the Soviet era: patterns of development and transformation, the washing away of traditional forms]. Moscow: Nauka.
9. Seferbekov, R.I. (2016) Vliyaniye protsessov modernizatsii na khozyaystvenno-kul'turnyy tip Dagestana v postsovetitskiy period [The influence of the modernization on the economic and cultural type of Dagestan in the post-Soviet period]. *Proc. of the International Conference*. Makhachkala: Dagestan State University.
10. Ibragimov, M.A. (1997) *APK Dagestana i rynochnyye reformy* [The agro-industrial complex of Dagestan and market reforms]. Makhachkala: Dagestan Goskomizdat.
11. Farmanov, R.F. & Farmanov, M.F. (2014) *Razvitiye malyykh form khozyaystvovaniya v agrarnom sektore APK* [Development of small forms of management in the agrarian sector of the agro-industrial complex]. Moscow: Pero.
12. Gadzhalova, F.A. (2016) Dagestan traditional potter's craft of Sulevcent village: from the history of folk artistic traditions of the second half of the 20th century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 5. pp. 60–62. (In Russian).
13. RIA Dagestan. (n.d.) *Luchshie obraztsy dagestanskoy keramiki predstavlyat na vystavke-yarmarke v Makhachkale* [The best samples of Dagestan ceramics to be presented at the exhibition-fair in Makhachkala]. [Online] Available from: [Online] Available from https://www.riadagestan.ru/news/economy/luchshie_obraztsy_dagestanskoy_keramiki_predstavlyat_na_vystavke_yarmarke_v_makhachkale/
14. Askerov, A. (n.d.) *Kubachi – legendarnoe mesto proizvodstva luchshikh izdeliy iz serebra i zolota* [Kubachi – the legendary place of the best silver and gold products]. [Online] Available from: <https://kavkazsuvenir.ru/blog/kubachi/>
15. Ninalov, S. (2015) “Dido” – fermerskoe khozyaystvo i brend respubliky [“Dido” – a farm and brand of the republic]. [Online] Available from: <http://mkala.mk.ru/articles/2015/03/06/dido-fermerskoe-khozyaystvo-i-brend-respubliki.html>
16. Kachabekova, F. (2015) *Dagestan: pokinutaya istoriya* [Dagestan: the abandoned history]. [Online] Available from: http://kavpolit.com/articles/dagestan_pokinutaya_istoriya-20793/
17. Bukarov, I. (n.d.) *Sela-prizraki* [Ghost villages]. [Online] Available from: <http://flnka.ru/kultura/884-sela-prizraki.html>
18. Budina, O.R. & Shmeleva, M.N. (1991) Znachenie goroda v integratsii bytovoy kul'tury (po materialam russkogo goroda 1970–1980 gg.) [The importance of the city in the integration of everyday culture (based on the materials of the Russian city 1970–1980)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 17–27.
19. Mahmudova, Z.U. (2016) Urbanisticheskii universalizm i etnicheskie traditsii v zhenskoy kostyume narodov Dagestana (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.) [Urban universalism and ethnic traditions in the female costume of the peoples of Dagestan (the second half of the 20th – early 21st century)]. In: Anchabadze, Yu.A. et al. *Narody Kavkaza: etnokul'turnye traditsii i modernizatsii* [Peoples of the Caucasus: ethnocultural traditions and modernization]. Moscow: Tri kvadrata. pp. 54–63.
20. Zulpukarova, E.M. & Seferbekov, R.I. (2018) Features of the muslim dress code of urban youth of Dagestan (on the example of the students of the Dagestan State University). *Istoriya, arkhologiya i etnografiya Kavkaza – The History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 14(1). pp. 85–91. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6772-2018-10110
21. Bulatova, A.G. (1988) *Traditsionnoe i novoe v sovremennoy byti i kul'ture dagestantsv-pereselentsv* [Traditional and new in the modern life and culture of Dagestan-settlers]. Moscow: Nauka.
22. Kanukova, Z.V. (2013) Gorod i traditsionnaya kul'tura zhizneobespecheniya gorozhan Vladikavkaza (vtoraya polovina XIX – nach. XX v.) [The city and the traditional culture of life support for the citizens of Vladikavkaz (the second half of the 19th – early 20th century)]. In: Botyakov, Yu.M. (ed.) *Kavkazskiy gorod: potentsial etnokul'turnykh svyazey v urbanisticheskoy srede* [The Caucasian city: the potential of ethno-cultural ties in the urban environment]. St. Petersburg: MAE RAS.
23. Tsallagova, Z.B. (2016) Traditsionnaya i ritual'naya pishcha osetin [Osetian traditional and ritual food]. In: Anchabadze, Yu.A. et al. *Narody Kavkaza: etnokul'turnye traditsii i modernizatsii* [Peoples of the Caucasus: ethnocultural traditions and modernization]. Moscow: Tri kvadrata. pp. 199–219.
24. Gadzhiyeva, S.Sh. (1988) Traditsionnoe i novoe v sovremennoy svadebnoy obryadnosti narodov Dagestana [Traditional and new in the modern wedding ritual of the peoples of Dagestan]. In: Aglarov, M.A. (ed.) *Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana* [Marriage and wedding customs of the peoples of modern Dagestan]. Makhachkala: Dagestan Branch of Academy of Sciences of the USSR.
25. Aligadzhieva, Z.A. (2015) *Sovremennaya svadebnaya obryadnost' avartsev (traditsii i innovatsii)* [Modern wedding ritual of Avars (traditions and innovations)]. Makhachkala: Alef.
26. Musaeva, M.K. (2006) *Traditsionnye obychai i obryady, svyazannyye s rozhdeniem i vospitaniem detey* [Traditional customs and ceremonies associated with the birth and upbringing of children]. Makhachkala: Alef.
27. Polishchuk, N.S. (1987) U istokov sovetskikh prazdnikov [At the origins of Soviet holidays]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 3–14.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 37.08

DOI: 10.17223/19988613/70/23

Е.А. Другова, И.Б. Плешкевич

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА КАК КЛЮЧЕВОЙ РЕСУРС ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА: КЕЙС ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00485 «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности».

Описан уникальный пример формирования и развития кадровой политики как ключевого ресурса повышения глобальной конкурентоспособности в Тюменском государственном университете. Исследование проводилось среди 25 сотрудников ТЮмГУ методом полуструктурированного интервью. Кейс позволяет говорить об укреплении тенденции корпоративизации и адаптации корпоративных инструментов к университетской среде, что проявляется в трансформации кадровых процессов. Полученные данные могут быть использованы в качестве рекомендаций для совершенствования системы управления человеческими ресурсами в российских университетах в их борьбе за глобальную конкурентоспособность.

Ключевые слова: управление университетом; кадровая политика; человеческие ресурсы; лидерство; развитие университетов; глобализация; управление талантами; развитие персонала.

Введение

Глобализация как ведущий тренд, влияющий на экономику и управление, отразился на самых разных аспектах жизни современных организаций [1], и такие принципы, как свободный рынок, равенство возможностей людей, всеобщее образование и уменьшение разницы в доходах населения, стали неотъемлемой частью современной картины мира в большинстве стран [2]. Вместе с тем глобализация повлияла на широкую адаптацию принципа неограниченной конкуренции и его экстраполяцию на все сферы жизни как главного средства достижения прогресса и социальной справедливости [Ibid.]. Одной из таких сфер стало образование, которое теперь рассматривается как услуга, «меряется» рыночными стандартами соотношения «цена–качество», управляется по четко определенным измеряемым и оцениваемым результатам. Принципы нелиберальной экономики в области высшего образования Великобритании [3] были подхвачены все более тесно связанными образовательными и экономическими политиками развитых стран. Одним из главных результатов этого влияния стала повсеместная корпоративизация университетов [4], в которой повсеместно используются корпоративные инструменты управления, разрабатываются новые способы измерения результатов деятельности и регулирования основных процессов, наметилась тенденция к достижению корпоративной эффективности [5]. Корпоративизация университетов привела к появлению и усилению менеджериализма, характеризуемого «сильной управленческой культурой,

предприниматель-центричностью и идеалами, связанными с достижением прибыли» [Ibid. P. 121], «ужесточением организационных структур, усилением формализации и в целом повышением степени управляемости университета» [6. С. 74]. В частности, получила распространение идея предпринимательского университета, когда результаты научного исследования отождествляются с экономической прибылью [7].

Другим важным эффектом глобализации в области университетского управления стали появление глобальных рейтингов и рост их роли, влияния на содержание стратегий и управленческих задач в университетах всего мира. Глобальные рейтинги задали критерии сравнения и оценки университетов между собой, и те были вынуждены «ввязаться в эту игру», что постепенно переориентировало многие национальные политики и политики отдельных университетов на достижение заданных критериев успешности. В разных странах появились национальные программы поддержки университетов в гонке за мировое лидерство в рейтингах, так называемые «программы превосходства» (excellence programs) [8]. Такая программа под названием «Проект 5-100» появилась и в России в 2014 г. Она стимулировала процесс корпоративизации отечественных университетов, внешним фокусом контроля за управленческими процессами и эффективным управлением ресурсами подстегнула рост и усиление менеджериализма [9], трансформацию корпоративной культуры российских университетов в сторону большей рыночности [10]. Практики управления, особенно в университетах – участниках «Проекта 5-100», были

подвергнуты значительной трансформации, и этот процесс происходит до сих пор.

Одним из интересных и неоднозначных измерений данного явления является усиление внимания университетского управления к области управления персоналом, кадровой политике, политике отбора и удержания новых сотрудников, управления талантами [11]. Поскольку люди являются главным производительным ресурсом университета, будь то преподаватели, реализующие базовый процесс обучения, или ученые, реализующий другой базовый процесс – исследований и разработок, то одним из важных выводов для университетских администраторов и управленцев стала необходимость более эффективного управления человеческими ресурсами (УЧР) [12]. За последние несколько лет в университетском управлении человеческими ресурсами в России произошли динамичные перемены, исследование которых показывает направления трансформации российских университетов в целом. Данная статья исследует эти процессы, и на примере одного из ведущих российских университетов показывает развитие кадровой политики и стратегии УЧР в разных ее измерениях глазами сотрудников данной организации.

В российской и зарубежной исследовательской и экспертной литературе, касающейся развития направления УЧР и кадровой политики, в той или иной мере уделяется внимание всем функциям управления персоналом: найму, подбору, рекрутингу кадров; адаптации; мотивации и стимулированию; оценке. Также интерес исследователей вызывает необходимость формирования кадровой политики, стратегического кадрового планирования, формирования HR-бренда, управления талантами [13] и кадровыми резервами. Развитие сотрудников, поддержка их инициатив, замеры вовлеченности и удовлетворенности также выступают существенной областью исследований. Однако в исследовательской литературе, описывающей кадровую политику в российских университетах, можно наблюдать преобладание фрагментарных исследований, посвященных тем или иным узким аспектам УЧР. При этом отмечаются слабая концептуализация, отсутствие системных, сравнительных, обобщающих исследований, а также исследований развития системы университетского УЧР в долгосрочной перспективе. Помимо этого, наблюдается дефицит системного, всестороннего описания кейсов, например опыта развития УЧР конкретного университета, его кадровой политики. На этом фоне в данной работе предпринимается попытка системно описать кейс формирования кадровой политики ведущего российского университета.

Материалы и методы

Тюменский государственный университет (ТюмГУ) вошел в программу повышения конкурентоспособности российских университетов «5-100» в 2015 г. Университет демонстрирует положительную динамику как в мировых, так и в российских рейтингах. Впервые ТюмГУ вошел в число лучших университетов международного рейтинга QS Emerging Europe and Central

Asia в 2017/2018 году: тогда он занял позицию в группе 201–250. На 2019 г. ТюмГУ уже расположился в группе «растущих» университетов – 211–220. Университет в управленческом звене имеет проректора по персоналу и организационному развитию, что редко встречается среди российских университетов и говорит как минимум о внимании к развитию человеческих ресурсов, поэтому рассмотрение данного кейса представляет большой интерес.

ТюмГУ является инновационным и одним из наиболее динамично развивающихся вузов: за последние 4 года в вузе произошли значительные трансформации в кадровой политике, процессе обучения, научно-исследовательской деятельности. В ТюмГУ в рамках проекта «5-100» созданы новые стратегические академические единицы (SAS, X-BIO), направленные на развитие междисциплинарного научного знания; реализуются стратегические инициативы, среди которых особое внимание уделяется обновлению кадровой политики, повышению узнаваемости университета, а также специфике управления. В 2018 г. в ТюмГУ стартовала программа по развитию человеческого капитала «Школа академического превосходства», основная цель которой – обеспечение повышения конкурентоспособности университета через управляемую систему развития компетенций сотрудников. Также ТюмГУ развивает собственную коммуникативную площадку – внутренний корпоративный портал «Вместе», который позволяет сотрудникам оперативно получать и предоставлять необходимую информацию – от заказа справок до предложения инициатив. За направление управления персоналом отвечает управление по работе с персоналом, реализующее следующие направления работы: кадровое администрирование, привлечение и адаптация персонала, обучение и развитие, поощрение и мотивация, аттестация работников, социальные гарантии, безопасность.

Цель и задачи исследования. В проведенном осенью 2019 г. исследовании реализуемая университетом кадровая политика исследовалась и фиксировалась, прежде всего, через отношение к ней и ее восприятие самими сотрудниками организации. Анализ документов, формальных деклараций, дорожной карты университета, которые также были проанализированы как часть работы по выстраиванию целостного кейса, в данном случае имеют второстепенную роль, так как работа опирается на идею о первичности организационной культуры и восприятия сотрудников для понимания эффективности управленческих практик [14]. Целью исследования являлось проведение всестороннего системного анализа реализации кадровой политики ТюмГУ как активно развивающегося университета, сопровождающейся институционализацией и закреплением в нормативной и повседневной практиках различных функций УЧР, в контексте реализации программы повышения конкурентоспособности и продвижения вузов России в международных академических рейтингах.

Задачи исследования: проанализировать степень зрелости кадровой политики в ТюмГУ как одном из ведущих российских университетов; выявить и описать

развивающиеся направления управления человеческими ресурсами в ТюмГУ; определить степень открытости и конкретности процедуры найма новых сотрудников, отношение к привлечению сотрудников из других вузов, иностранных, из бизнеса; изучить основные направления мотивации сотрудников к работе в университете, а также роль материального стимулирования; проанализировать имеющиеся методы адаптации новых сотрудников; оценить существующие методы оценки сотрудников и их эффективность, удовлетворенность ими, их влияние на академическую карьеру; выявить наличие или отсутствие стратегического управления человеческими ресурсами, вписанность в стратегию университета представления о его сотрудниках, наличие и доступность кадровой политики как документа, вовлеченность сотрудников в кадровую политику университета, централизованное планирование по кадрам и компетенциям, количеству и качеству сотрудников; оценить восприятие HR-бренда университета, а также способы работы с уволившимися сотрудниками; выявить характеристики работы с инициативами сотрудников, направления развития разных категорий сотрудников, оценить программы поддержки талантов, кадрового резерва; определить восприятие сотрудниками эффективности выстроенных способов обратных связей в университете, а также субъективное ощущение справедливости в области карьерных продвижений, вознаграждений.

Для реализации поставленных задач были разработаны четыре вариации одного гайда для полустандартизованных интервью, включающих более 25 вопросов. Опрос был проведен среди 25 респондентов – представителей Тюменского государственного университета, работающих на административно-управленческих должностях (проректор, директор, заведующий кафедрой или лабораторией), а также научно-педагогических работников (профессор, доцент, научный сотрудник). Помимо этого, интервью были взяты у представителей управления по работе с персоналом. В выборке также была учтена и заложена диверсификация по полу и возрасту респондентов.

Структура гайда интервью. В гайд были включены ретроспективные вопросы (оценка прошлых фактов), а также интроспективные вопросы (оценка нынешних событий и мнения по отношению к ним). Помимо этого, вопросы касались как мнения респондента о существующем положении дел, так и фактов, касающихся его собственного опыта. План каждого интервью состоит из пяти структурных блоков:

1. Мнение о степени зрелости системы УЧР и ее сконцентрированности / распределенности.
2. Наличие и выраженность основных функций УЧР: найм, отбор, подбор, планирование, мотивация, стимулирование, оценка, адаптация, а также определение субъектов ответственности за реализацию данных функций.
3. Наличие и выраженность стратегического управления человеческими ресурсами.
4. Оценка возможностей развития сотрудников.
5. Оценка ощущения субъективного комфорта, справедливости, «человекоориентированности» системы управления.

Результаты исследования

Степень зрелости системы УЧР

Сотрудники отмечают, что система управления человеческими ресурсами в Тюменском государственном университете достаточно выстроена и успешно функционирует, но при этом все еще находится в процессе достраивания. На данный момент нельзя сказать, что она существует как зрелая система, однако наблюдается тенденция к повышению степени зрелости, поскольку система работает и совершенствуется: *«Конечно, строится. То есть, нельзя сказать, что выстроена окончательно, потому что этот процесс бесконечный. По мере развития университета, это будет все изменяться, изменяться, и надо постоянно ее перестраивать и перестраивать»* (муж., до 35 лет). Отмечается, что централизованная система УЧР иногда не добирается до задач образовательных, исследовательских подразделений, в собственной работе подразделений преобладает «дифференциация над интеграцией». Результаты больше отмечают и замечаются миддл- и топ-менеджментом; представители HR-служб считают, что система выстроена примерно на 70%, и сильна в областях рекрутинга и повышения квалификации. При этом многие вопросы традиционно решаются на местах: *«У директоров институтов есть полномочия на принятие решений, в том числе и по премированию, стимулированию, наказанию, координации деятельности сотрудников»* (жен., 36–65 лет). Другие сотрудники, видя проректора по персоналу и сильную службу центральным звеном, характеризуют систему как в целом выстроенную. Подчеркивается роль проректора по персоналу – нового человека, его команды: *«Там действительно что-то изменилось с новым нашим проректором, он старается проводить мероприятия, выявлять людей, которые способны развиваться в соответствии с нашими новыми нормами и целями»* (муж., 36–65 лет). Также значимую роль сыграли обновленные и открытые информационные каналы, где представлена информация по найму, отбору и др.

Наличие и выраженность основных функций УЧР

Оценка степени открытости и конкурентности процедуры найма новых сотрудников. Найм новых сотрудников в развивающихся и трансформирующихся российских университетах на фоне растущей конкуренции за высококвалифицированные кадры, с одной стороны, ставит на повестку вопрос академического рекрутинга, с другой стороны, актуализирует проблематизацию инбридинга как характерной черты российских университетов [15–17].

Процедура найма в ТюмГУ является в большей степени открытым, конкурентным и честным процессом, по утверждениям информантов. Все необходимые документы, требования, критерии можно найти на сайте, они находятся в открытом доступе: *«Очень радует, что в этом году появился реальный конкурс, который раньше был скорее мнимым. На мой взгляд, очень важно, что это стал действительно конкурс, то есть люди стали конкурировать за места»* (жен., 35–65 лет).

Также используется практика размещения вакансий на ресурсах типа HeadHunter для привлечения сотрудников. Инбридинг как характеристика многих российских высших образовательных учреждений, судя по результатам исследования, не является основой кадровой политики в ТюмГУ. *«Процесс на сто процентов открытый. На конкурсной основе происходит наем персонала. Во всех хэнд хантах и прочих информация размещается, и ко мне как к руководителю подразделения очень часто обращаются с других территорий люди, которые готовы приехать, просят рассмотреть кандидатуру»* (жен., 35–65 лет).

Задачи найма решает управление по работе с персоналом, возглавляемое проректором по работе с персоналом и организационному развитию; к этой деятельности привлекаются и другие субъекты и подразделения. Процедура найма можно разделить на два процесса: рекрутинг и трудоустройство. Рекрутингом, как правило, занимаются непосредственные руководители подразделений, которые больше осведомлены о том, какой человек им нужен, поскольку кадровая служба не всегда может найти нужного кандидата: *«При этом вы можете получить в работники человека “семи пядей во лбу”, но он может не вписываться в вашу корпоративную культуру, или в ваш, скажем так, микроклимат, который вы стремитесь организовать, как руководитель в своем подразделении»* (жен., 35–65 лет). Поэтому к процессу найма активно привлекаются непосредственные руководители подразделений, что свидетельствует о тенденции распределения функций УЧР в подразделениях организации. Фиксируются эксперименты в процедурах найма и отбора, например открытый отбор в Школе перспективных исследований или тщательный многоступенчатый отбор кандидатов на позиции тьюторов, включающий не только собеседования-интервью, но и проведение деловых игр по моделированию различных ситуаций в общении со студентами.

Оценка процедуры подбора и привлечения сотрудников. Подавляющее большинство информантов отмечают необходимость привлечения сотрудников из других вузов, организаций, иностранных сотрудников, а также представителей бизнеса для повышения конкурентоспособности организации и роста ее человеческого капитала. При этом респондентами выделяются две точки зрения на данный процесс:

1. Привлечение новых сотрудников должно осуществляться перманентно, поскольку позволяет обмениваться опытом, коммуницировать и выстраивать новые связи и отношения. Инбридинг является нежелательным явлением. *«Я считаю, что активнее нужно привлекать, потому что наука – это интернациональная штука, кооперация, коллаборация – это все приветствуется, реализуется. Я считаю, это правильный путь»* (муж., 35–65 лет).

2. Основной костяк сотрудников должен оставаться, кадры со стороны должны привлекаться умеренно, для обогащения внутриуниверситетской среды. *«Самый стабильный правильный коллектив должен быть, обязательный костяк, который сохраняется и движется, а все остальные – это некие вкрапления на*

разных формах занятости, которые будут обогащать среду» (жен., 35–65 лет).

Положительное отношение к внешнему найму поддерживается экспансивной университетской стратегией по целенаправленному хантингу сильных и перспективных сотрудников из других университетов. Этому сопутствует фиксируемая респондентами трансформация культуры и ценностей организации со стабильности на мобильность, особенно среди молодых сотрудников: *«Основной состав у нас так считает, что “где родился, там и пригодился”. Не все склонны к какой-то мобильности. Но молодые ребята университета подрастают, они уже начинают смотреть куда-то на сторону»* (жен., 36–65 лет). В связи с активным поиском новых моделей трудовых отношений часто меняются, обновляются контракты. Разработан и создан особый контракт для иностранных сотрудников. При этом многими отмечается, что в России совершенно не сформирован рынок труда НПП, нет удобной единой площадки для этого.

Мотивация сотрудников к работе в университете. Анализ литературы показывает, что возникает необходимость пересмотра традиционных систем стимулирования и создания новых моделей мотивации сотрудников в университете [18, 19].

Нами было выделено несколько типов мотивации сотрудников к работе в университете, зафиксированных респондентами:

1. Мотив профессиональных интересов, возможность участия в проектной, научной, преподавательской деятельности.

2. Мотив престижа. Причастность к ТюмГУ воспринимается информантами как отражение определенного статуса, репутации, что укрепляет самоидентификацию сотрудников: *«Я работаю в престижном месте»*.

3. Мотив свободы. ТюмГУ привлекает информантов свободой выбора действий, большим спектром возможностей реализации интереса, академическими свободами.

4. Мотив саморазвития. Респонденты как сотрудники знаниевой организации очень ценят возможность постоянного саморазвития, предоставляемому организацией.

5. Финансовый мотив. Здесь мнения информантов расходятся: одни считают, что заработная плата является достаточным мотивом в настоящее время для работы в университете, другие подчеркивают, что данный мотив – не главный, указывая на интерес как более высокий в иерархии мотивов.

6. «Атмосферный» мотив. Этот мотив сложно категоризировать и придать ему объективное выражение, поскольку он определяется информантами на достаточно абстрактном уровне – *«нравится атмосфера»*, что указывает на ценность особой атмосферы знаниевых организаций.

7. Мотив безвыходности. Отсутствие опыта работы в других сферах деятельности: стандартизованный путь многих работников вуза начинался в качестве студента, аспиранта, что впоследствии позволяло занять определенную должность в университете. Такая категория информантов считает, что *«кроме университета идти*

некуда, поэтому останемся здесь». Стоит отметить, что таких респондентов немного.

Что касается динамики мотивации, то информанты отмечают, что мотив свободы и стабильности постепенно теряет свое значение: свободы становится меньше, трудовые контракты – жестче, регламентов появляется больше. Стабильность же консервативной по своей сути сферы образования все больше сменяется активными трансформациями в деятельности. Это рядом информантов приветствуется, а другими – встречается без оптимизма. В то же время финансовый мотив укрепляется, что в целом свидетельствует о процессе корпоративизации университета (доминирование рациональных рыночных отношений) и постепенном дополнении главенствующего мотива интереса и свободы мотивом финансовой устойчивости.

Материальное стимулирование. Материальное стимулирование привлекло особое внимание исследователей: как правило, обосновывается необходимость его изменения [20] и предлагаются новые меры по повышению эффективности материального стимулирования, совершенствованию процедур.

Информанты отмечают, что система материального стимулирования, которая существует в университете, достаточно понятна и прозрачна. Нельзя сказать, что она абсолютно ясна, поскольку наблюдается постоянная трансформация критериев оценки: системе материального стимулирования не хватает стабильности. Стимулирование в основном происходит по формальным количественным показателям: написание статей, участие в конференциях и т.д. Посредством показателей, заложенных в эффективных контрактах, КРП, происходит дополнительное стимулирование сотрудников. В целом же отмечается ее понятность: каждый человек может посмотреть, какое денежное вознаграждение можно получить за тот или иной вид деятельности. *«Да, тоже понятно, у них там показатели, видимые в контрактах. Они понимают, за что. У них есть возможность разные виды деятельности осуществлять. Они понимают, что за них будут поощрены»* (муж., 36–65 лет). Таким образом, понятная и прозрачная для сотрудников система материального стимулирования является привлекательной частью модели реализуемой кадровой политики.

Оценка методов адаптации новых сотрудников. Особое внимание в отечественной литературе уделяется специфике адаптации молодых преподавателей, отмечаются недостатки децентрализованного подхода к адаптации новых сотрудников [21]. Помимо профессионального компонента [22], исследователи акцентируют внимание и на психологической составляющей адаптации молодых сотрудников [23].

В ТюмГУ такая система адаптации присутствует и совершенствуется, что является в целом редкостью для университетов как организаций. Сотрудники имеют представление о данной системе или даже принимали участие в мероприятиях по адаптации. *«Есть адаптационные сессии. То есть они приходят, их погружают в культуру, наверное, в ценности университета, они разбираются в каких-то более формальных вещах: система документооборота, организационно-*

функциональная система, какие-то вещи, связанные с охраной труда и так далее» (муж., 36–65 лет).

Наряду с этим существует и неформальная адаптация (локальная), которая проявляется через общение с коллегами из того или иного подразделения, через помощь в освоении программ, знакомство с университетскими подразделениями и т.д. *«Вот процесс адаптации, по себе могу сказать, что здесь какого-то наставника нету. И по специализированным компьютерным программам мануалов тоже нету. Единственное, помощь и взаимовыручка – обращаешься к людям, всегда помогают»* (муж., 36–65 лет). Безусловно, значимую роль также традиционно играет взаимодействие с непосредственным руководителем. Развитие программ адаптации разных категорий сотрудников говорит о заботе о сотрудниках как части кадровой политики, что отмечается многими информантами.

Оценка методов оценивания сотрудников. Все большее внимание привлекают вопросы оценки персонала в вузе и стоящие за ними вопросы построения карт или моделей компетенций разных категорий сотрудников. Оценка представляется необходимым элементом системы стратегического управления университетом [24].

Оценка работы сотрудников в ТюмГУ ведется на различных уровнях: выполнение эффективного контракта, оценка преподавания (для ППС), оценка научной деятельности. В основном оценка сотрудников происходит через показатели результативности: наличие статей, участие в конференциях, подготовка студентов к конференциям, олимпиадам, наличие учебно-методических разработок и т.д. Отмечается необходимость гибкости при оценивании деятельности сотрудников. *«К примеру, сейчас я работаю заведующей кафедрой, и я не написала ни одну статью за этот год. Потому что проходит система адаптации тебя как человека, способного на какую-либо деятельность, происходит “вливание” в коллектив и, к сожалению, огромное количество времени уходит на различные поручения, ответы и т.д. (...) У меня два гранта, и проблема сейчас состоит в том, что мне элементарно некогда делать гранты, потому что когда? То есть здесь вот тоже, нужно ли оценивать так или нет?»* (жен., до 35 лет). Можно зафиксировать общую удовлетворенность системой оценки и ее регулярный пересмотр с целью поиска оптимальной модели.

Стратегическое управление человеческими ресурсами

Кадровая политика является важной частью системы управления конкурентоспособностью в российских университетах, однако, как замечают ряд авторов, «находится на крайне низком уровне, при этом наиболее важный ресурс в виде человеческого капитала управляется недостаточно эффективно, что снижает конкурентоспособность вузов» [25]. Целостных исследований кадровой политики университетов в российской литературе довольно мало. Авторы подобных исследований отмечают, что «еще не сложился окончательный консенсус по вопросу дизайна эффективной кадровой политики университетов и набора организа-

ционных решений, связанных с внедрением эффективных инструментов: рекрутинга, развития, мотивации и повышения вовлеченности ключевого персонала отечественных университетов» [26. С. 151], и описывают институциональные изменения, влияющие на реорганизацию кадровой политики, такие как смена университетского менеджмента с ориентацией на стратегические изменения в условиях высокой неопределенности и риска, массовое привлечение новых кадров, работа с талантами, трансформация корпоративной культуры, направленная на рост вовлеченности персонала [26].

Представление о сотрудниках в организации. Большинство респондентов уверены, что в стратегических документах организации указано представление о его сотрудниках как ключевом ресурсе. Даже при невозможности указать на конкретные документы (стратегия, миссия, дорожная карта), у сотрудников есть четкое ощущение своей значимости.

Наличие и доступность кадровой политики как документа. Наличие собственного стратегического документа в области кадровой политики в российских университетах – большая редкость. Ряд отечественных исследователей обращают внимание на «недостаточную проработанность положений кадровой политики университета. Несмотря на формулирование отдельных ее элементов в положениях и регламентирующих документах структурных подразделений... самостоятельный документ, закрепляющий принципы, правила и нормы работы с персоналом, соответствующие цели достижения стратегии развития вуза, отсутствует» [27. С. 26].

Однако в ТюмГУ такой документ есть, он находится в открытом доступе для сотрудников и регулярно дорабатывается. Ответы респондентов свидетельствуют, что сотрудники знают о нем, знают, где его можно посмотреть. Что касается иных нормативных и регламентирующих документов из области кадрового дела, то высокий уровень корпоративности способствует беспрепятственному обеспечению сотрудников необходимыми документами. Внутренний портал «Вместе» аккумулирует необходимую нормативно-правовую базу, которая доступна любому сотруднику.

Способы вовлечения сотрудников в кадровую политику. В отечественной литературе подчеркивается необходимость измерения вовлеченности сотрудников университета и называются такие важные факторы для ее роста, как «информированность о происходящих в вузе процессах, возможность доносить свое мнение до руководства вуза, справедливость действий руководства по разрешению проблем, возможность проявления инициативы и свобода действий, а также уважительное отношение к персоналу» [28. С. 81].

Можно выделить основные способы участия сотрудников ТюмГУ в кадровой политике:

1. Анкетирование, получение обратной связи. Во-первых, анкетирование по уже принятым решениям (насколько устраивает или не устраивает тот или иной аспект, проект и т.д.). Во-вторых, анкетирование по рассматриваемым решениям (обсуждение проектов документов, приказов и т.д.). Оба способа активно используются и упоминаются респондентами.

2. Работа в кадровой комиссии. Сотрудники могут принять экспертное участие в принятии решений. Новые кадры проходят процедуру конкурса, и для оценки их потенциала и вынесения решения о принятии необходимо наличие в кадровой комиссии специалистов из той же области.

3. Формирование своей команды (в большей степени применимо для уровня миддл- и топ-менеджмента). Принятие решений относительно найма кадров, их мотивации, адаптации, карьерного роста.

Наличие централизованного планирования по кадрам. Важность кадрового планирования и прогнозирования как части кадровой политики подчеркивается рядом авторов с указанием на неэффективность использования кадрового потенциала, невостребованность новых компетенций сотрудников, отсутствие регулярного мониторинга кадров [29].

В ТюмГУ можно отметить тенденцию к формированию централизованного планирования по кадрам. Цели такого планирования исходят из стратегической программы «5-100»: она сейчас является основным документом, который определяет вектор развития как всего университета, так и кадровой политики в частности. Решения принимают несколько стейкхолдеров: заведующие кафедрами, директора институтов, проректоры, ректор. Рядовые сотрудники, как правило, не осведомлены о таком планировании, но высказывают предположения, что оно точно есть либо необходимо.

Формирование внешнего HR-бренда и способы работы с уволившимися сотрудниками. Рост требований к конкурентоспособности университетов затронул и необходимость позиционирования себя как работодателя, выстраивания собственного HR-бренда. Данная проблематика пока очень слабо освещена в российской исследовательской литературе; особо подчеркивается роль информационной открытости [20].

ТюмГУ, по мнению сотрудников, достаточно активно продвигается в медиапространстве, благодаря чему становится заметен и популярен. Деятельность по формированию HR-бренда также ведется, она способствует привлечению сотрудников из разных стран и регионов. «Да. Неслучайно преподаватели из других вузов, из других регионов хотели бы попасть к нам. Во всяком случае они участвуют в конкурсе, заявляясь на конкурс наряду с теми, кто уже работает, поэтому я думаю, что да. Это во-первых. А во-вторых, это стабильность, он существует достаточно давно, это не как фирма-однодневка. Столько лет на рынке образовательных услуг, пользуется высокой репутацией, хорошей, положительной» (жен., 36–65 лет).

Существуют выраженные и одобряемые сообществом сотрудников действия по формированию HR-бренда (сайт, брендированная страница HeadHunter), что соответствует стремлению к большей открытости и конкурентности.

Оценка возможностей развития сотрудников

Поддержка инициатив. Одним из измерений человеческого капитала организации является способность и возможность сотрудников совершенствоваться

свою деятельность, реализовывать инициативы [30]. Рядом авторов рассматриваются вопросы, связанные с формированием благоприятной инициативной среды для сотрудников университета, показывается возможность привлечения сотрудников с высоким потенциалом, исследуются их потребности, показывается, что они заинтересованы в общеуниверситетских программах развития кадрового потенциала, расширении форм коммуникаций с руководством вуза, возможностях реализации инициатив и их консолидации со стратегией развития университета [31].

Как свидетельствуют респонденты, инициативы сотрудников в ТюмГУ, как правило, поощряются, часто принимаются к рассмотрению и находят свое воплощение в жизни. Это – одна из сильных сторон кадровой политики университета. Инициативы можно разделить на два уровня:

1. Локальные (небольшие, связанные с подразделением). Это местные инициативы, связанные с проведением тематических конференций, круглых столов, мастер-классов, открытых занятий и т.д. Как правило, их согласование и реализация проходят на локальном уровне, достаточно обратиться к руководителю подразделения и получить ответ.

2. Масштабные (в рамках всего университета). Это стратегические инициативы, связанные с формированием различных подразделений, направленные на развитие определенных отраслей университета, их трансформацию. Подобные проекты предлагаются и обсуждаются на стратегических сессиях, решение о их принятии или непринятии принимают уже административные единицы более высокого уровня – проректоры, ректор. Наличие стратегических сессий, куда привлекаются разные категории сотрудников, подчеркнуто имеют положительную роль.

Развитие персонала. Современная динамично развивающаяся организация заботится о развитии своих сотрудников [14], и университеты – не исключение. Развитие сотрудников должно быть стратегическим, т.е. структурированным таким образом, чтобы персонал мог удовлетворять как свои собственные, так и институциональные потребности [32].

В ТюмГУ можно наблюдать достаточно большое количество возможностей для такого развития. Как отмечают информанты, вузовская среда сама подталкивает к развитию, участию в семинарах, тренингах, вебинарах, конференциях – саморазвитие и самообразование является необходимой компетенцией в университете.

Можно выделить несколько форматов:

1. Курсы повышения квалификации. Они доступны, открыты для всех сотрудников. С одной стороны, это обязательное условие для выборов по конкурсу, – нужно постоянно повышать свою квалификацию; с другой стороны, это возможность получить нужные и релевантные знания и навыки.

2. Стратегические сессии – формат, который был инициирован программой «5-100» и направлен на обсуждение модели университета и его стратегических приоритетов.

3. Тренинги, тематические школы.

4. Обучение, переподготовка. Получение дополнительного образования (причем бесплатного) достаточно привлекательно для сотрудников.

Достаточное и даже избыточное количество программ развития сотрудников сочетается с их некоторой хаотичностью и говорит как о стремлении охватить разные категории и компетенции сотрудников, так и о перспективах данного направления.

Оценка ощущения субъективного комфорта, справедливости, «человекоориентированности» системы управления

Принцип эффективной обратной связи. Эффективная обратная связь представляет собой важный фактор поддержки здорового микроклимата в организации: исследования показывают, что отношение непосредственного руководителя к обратной связи определяет ощущение благоприятности рабочей среды, моральное состояние и уровень профессионального выгорания сотрудников [33]. Воспринимаемая организационная поддержка и ориентация на обратную связь были определены как важные факторы в отношениях руководителей и подчиненных.

Вопросы о качестве обратной связи в ТюмГУ показали, что данный показатель оценивается высоко (примерно 7–8 баллов из 10): многие сотрудники подчеркивали, что сам ректор и многие руководители открыты к диалогу, обсуждению рабочих ситуаций, к инициативам или критике. Выстроенность коммуникации в университете находится на достаточно высоком уровне, причем как на локальном уровне (внутри кафедр, институтов), так и на общеуниверситетском (административные подразделения, ректорат). Таким образом, принцип эффективной обратной связи реализуется на достаточно высоком уровне, что говорит об открытости системы управления в отношении запросов сотрудников.

Принцип справедливости. Когда дело доходит до выявления и удовлетворения психологических потребностей людей в организации, становятся существенными ориентация на личностный рост, ощущение чувства цели, ощущение призвания, ощущение справедливости и контроля над своей работой, что в совокупности связано с меньшим профессиональным выгоранием [34]. Культура справедливости во многом определяется существующим стилем лидерства и, безусловно, воспринимается отчасти субъективно, однако в совокупной исследованной выборке сотрудников ТюмГУ виден четкий паттерн: в отношении самих себя сотрудники утверждали, что данный принцип реализуется на достаточно высоком уровне и проблем со справедливым подходом относительно вознаграждений, карьерных продвижений не возникает. В ответах респондентов можно выделить два принципа относительно справедливости: уравнивающий принцип и распределяющий принцип, где первый требует, чтобы все были равны и получали одинаково, а второй предлагает распределение благ по заслугам (сколько сделал, столько и получил). Университет, судя по ответам респондентов, старается придерживаться второго принципа.

Выводы

1. Система УЧР в проанализированной организации – Тюменском государственном университете – формируется по корпоративной модели развития HR: диверсифицируются функции, формализуются процедуры, происходит постепенная централизация функций УЧР от подразделений к единой службе. При этом, в соответствии с принципами управления изменениями, все перемены обсуждаются с сотрудниками, поэтому выстраиваемая система вызывает в большей степени одобрение.

2. Значительную роль в развитии системы УЧР играет наличие сильного лидера и стратегической ставки на HR, что привлекает достаточные материальные и интеллектуальные ресурсы в данную область. HR выступает полноправным партнером в обсуждении вопросов развития организации и достижения ее стратегических целей по росту международной конкурентоспособности. Большую роль также играют высоко оцениваемые выстроенные внутренние коммуникации и система обратной связи.

3. Система планомерно уходит от инбридинга (найма собственных выпускников) и стабильности в открытость и мобильность, активный «хантинг» талантливых сотрудников. При этом у организации объективно имеются хорошие материальные возможности привлекать лучшие кадры, создавая для них благоприятные условия.

4. Наличие регулярно пересматриваемой и дополняемой кадровой политики и стратегического видения УЧР свидетельствует о как минимум средней степени зрелости УЧР в организации.

5. В целом не обнаруживается конфликта между видением развития системы УЧР, кадровой политики и ее принципов у представителей управления персоналом, руководства и рядовых сотрудников, хотя вопрос баланса между централизацией функций УЧР и их распределением на подразделения (факультеты, кафедры, институты) остается открытым и дискуссионным.

Подводя итог, можно утверждать, что проанализированный кейс свидетельствует о том, что среди успешных ведущих российских университетов укрепляется тренд корпоративизации и адаптации корпоративных инструментов к университетской среде, в частности закрепляются и развиваются функции УЧР, формируются кадровая политика и стратегия. Это выражается в более открытом и конкурентном найме новых сотрудников, пересмотре системы оценки сотрудников и типов контрактов, появлении в развитии стратегических инструментов управления человеческим капиталом организации, заботе о развитии сотрудников, их адаптации и мотивации.

На фоне вовлекающего лидерства данные процессы вызывают минимальное сопротивление сотрудников и в целом находят поддержку и одобрение, хоть и не всегда соответствуют исторически сложившейся системе управления человеческими ресурсами в российских университетах и являются новшеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Morgan G. Images of organization. San Francisco : SAGE, 2006. 504 p. URL: https://books.google.ru/books?id=a_W8jXt4_eMC&pg=PP7&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=3#v=onepage&q&f=false (accessed: 10.04.2020).
2. Wolf M. Why Globalization Works. London : Yale University Press, 2004. 398 p. URL: https://books.google.ru/books/about/Why_Globalization_Works.html?id=mpv_P3kmoC4C&redir_esc=y (accessed: 10.04.2020).
3. Giroux D., Karmis D., Rouillard C. Between the managerial and the democratic university: governance structure and academic freedom as sites of political struggle // Studies in Social Justice. 2015. Vol. 9, is. 2. P. 142–158. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Between-the-Managerial-and-the-Democratic-Structure-Giroux-Karmis/7d88389b6aac51ceb07435148953c170400b8843> (accessed: 10.04.2020).
4. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбута. М. : ГУ-ВШЭ, 2010. 304 с. URL: http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2015/03/Ridings_Universitet-v-ruinah.pdf (дата обращения: 10.04.2020).
5. Winter R. Academic manager or managed academic? Academic identity schisms in higher education // Journal of Higher Education Policy and Management. 2009. Vol. 31, is. 2. P. 121–131. DOI: 10.1080/1360080090282583.
6. Другова Е.А. Природа конфликта администраторов и научно-педагогических работников в российских университетах // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22, № 2. С. 72–82. DOI: 10.15826/umpa.2018.02.018.
7. Nixon J. Higher education and the public good: Imagining the University. New York : Continuum, 2011. 176 p. URL: <http://en.bookfi.net/book/1435421> (accessed: 10.04.2020).
8. Фрумин И.Д., Салми Д. Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 5–45. URL: <https://vo.hse.ru/data/2010/12/31/1208181956/1.pdf> (дата обращения: 10.04.2020).
9. McVitty D. Wicked problems: how could universities be better at change? // Wonkhe electronic journal. 2020. URL: <https://wonkhe.com/blogs/wicked-problems-how-could-universities-be-better-at-change/> (accessed: 10.04.2020).
10. Владимиров В. Организационная структура российских вузов // Высшее образование в России. 2001. № 5. С. 6–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnaya-struktura-rossiyskih-vuzov> (дата обращения: 10.04.2020).
11. Другова Е.А., Блинов В.Н., Калачикова О.Н., Климова Т.В., Попова Е.В., Смирнова О.С. Скрытые и явные лидеры изменений в университетах. Обзор конференции «HR-тренд 2018. Партизаны перемен» // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22, № 5. С. 111–117. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/200> (дата обращения: 10.04.2020).
12. Lozano J., Peris J., Aristizábal A.B., Hueso A. Competencies in Higher Education: a Critical Analysis from the Capabilities Approach // Journal of Philosophy of Education. 2012. Vol. 46, is. 1. P. 132–147. DOI: 10.1111/j.1467-9752.2011.00839.x.
13. Schwartz J. Talent Edge 2020: Blueprints for the New Normal // Deloitte. 2020. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/topics/talent/talent-edge-2020-blueprints-for-the-new-normal.html?id=us%253Ael%253Adc%253Aredirect> (accessed: 10.04.2020).
14. Schneider B., Barbera K. The Oxford Handbook of Organizational Climate and Culture. New York : Oxford University Press, 2014. 753 p. URL: <https://b-ok.cc/book/2374556/3fc9e3> (accessed: 10.04.2020).
15. Другова Е.А., Нужина Н.И., Коряковцева П.В. Международный академический рекрутинг в ведущих российских университетах: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 1. С. 32–43. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/310> (дата обращения: 10.04.2020).
16. Тарадина Л.Д., Ракитин А.А. Привлечение к управлению университетами руководителей из бизнеса: возможности и риски // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 1. С. 44–50. URL: https://www.umj.ru/jour/article/view/311?locale=ru_RU (дата обращения: 10.04.2020).
17. Юдкевич М.М., Горелова О.Ю. Академический инбридинг: причины и последствия // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 1. С. 73–83. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/257> (дата обращения: 10.04.2020).

18. Гуцу Е.Г., Чилипенко Ю.Ю. Модель внутрикафедрального управления мотивацией преподавателя вуза // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 12. С. 69–78. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-12-69-78.
19. Харитонов Е.А., Михайлов О.В., Харитонов Н.Е. О рейтинговой системе мотивации научно-педагогической деятельности // Высшее образование в России. 2014. № 5. С. 153–156. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/660/0> (дата обращения: 10.04.2020).
20. Лазарев Г.И., Мартыненко О.О., Лазарев И.Г. Новые стратегии вуза в развитии кадрового потенциала // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 1. С. 53–63. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/255> (дата обращения: 10.04.2020).
21. Алавердов А.Р., Алавердова Т.П. Организация процесса профессиональной и психологической адаптации молодых преподавателей высшей школы // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 5–16. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/404> (дата обращения: 10.04.2020).
22. Бондарева Е.П., Сергеев С.А. Факторы профессиональной адаптации молодых преподавателей вуза // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 258–266. DOI: 10.17805/zpu.2016.2.23.
23. Гершкович Т.Б. Особенности профессиональной адаптации преподавателя вуза: результаты исследования // Образование и наука. 2003. № 1 (19). С. 68–81. URL: <https://viviophica.com/articles/education/363756> (дата обращения: 10.04.2020).
24. Попова Е.А., Ибрагимова М.Х. Оценка персонала как необходимый элемент системы стратегического управления университетом // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 2. С. 53–64. DOI: 10.15826/umpra.2017.02.020.
25. Латышев А.С., Похолоков Ю.П., Червач М.Ю., Шадская А.Н. Управление конкурентоспособностью современного российского университета: состояние, вызовы и ответы // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 5. С. 6–16. DOI: 10.15826/umpra.2017.05.057.
26. Сорокин А.Н., Латышев А.С., Грибовский М.В. К истории развития и перспективам эффективной кадровой политики современного конкурентоспособного университета в России // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 150–160. DOI: 10.17223/15617793/448/19.
27. Бугров Д.В., Пономарева О.Я., Федорова А.Э. Концептуальные вопросы развития кадрового потенциала университета // Университетское управление: практика и анализ. 2016. Т. 101, № 1. С. 17–29. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/308> (дата обращения: 10.04.2020).
28. Масалова Ю.А. Исследование вовлеченности профессорско-преподавательского состава университета // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 1. С. 76–82. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/316> (дата обращения: 10.04.2020).
29. Фадеева И.М., Шаманаев П.А., Соколова М.Ю. Управление кадровым потенциалом исследовательского университета на основе информационных систем // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 6. С. 23–31. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/566> (дата обращения: 10.04.2020).
30. Суханова Е.А., Ковалева Т.М., Зоткин А.О. Инициативная среда университета как механизм управления персоналом в условиях трансформации // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 1. С. 90–97. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/318/0> (дата обращения: 10.04.2020).
31. Кудашкина Л.А., Соколов Д.Н. Стимулы к участию в программе кадрового резерва университета у работников с высоким потенциалом // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 1. С. 109–114. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/320> (дата обращения: 10.04.2020).
32. Webb G. Understanding Staff Development. Buckingham : Open University Press. 1996. 134 p. URL: https://scholar.google.com/scholar_lookup?title=Understanding%20Staff%20Development&publication_year=1996&author=Webb%2CG (accessed: 10.04.2020).
33. Borden L., Levy P. Leader Arrogance and Subordinate Outcomes: the Role of Feedback Processes // Journal of Business and Psychology. 2018. Vol. 33, is. 3. P. 345–364. DOI: 10.1007/s10869-017-9501-1.
34. Hakanen J., Dierendonck D. Servant-Leadership and Life Satisfaction: the Mediating Role of Justice, Job Control, and Burnout // The International Journal of Servant-Leadership. 2011. Vol. 7, is. 1. P. 253–261. URL: https://www.researchgate.net/publication/263726776_Servant-Leadership_and_Life_Satisfaction_The_Mediating_Role_of_Justice_Job_Control_and_Burnout (accessed: 10.04.2020).

Elena A. Drugova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation).
E-mail: e.a.drugova@gmail.com

Irina B. Pleshkevich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation).
E-mail: irina.pleshkevich2014@yandex.ru

PERSONNEL POLICY AS A KEY RESOURCE OF THE UNIVERSITY GLOBAL COMPETITIVENESS: A CASE OF TYUMEN STATE UNIVERSITY

Keywords: university management; personnel policy; human resources; leadership; university development; globalization; talent management; staff development.

The article discusses the development of management practices in universities as specific knowledge-intensive organizations. It is shown that globalization has affected the university management through the widespread dissemination of the principles of neoliberalism, corporatization of universities and implementation of effective management practices in higher education. The role of the impact of global rankings on university governance principles is also highlighted. It is demonstrated that contemporary issues related to the development of human resources management in organizations can also be observed in the research agenda related to Russian universities. However, these studies are shown as fragmented, and a comprehensive picture of the transformation of human resources management in leading Russian universities has not been presented so far. The purpose of the article is to describe a unique holistic case of the formation and development of personnel policy as a key resource for increasing global competitiveness at Tyumen State University, one of the leading Russian universities. The study was conducted among 25 employees of Tyumen State University utilizing a semi-formalized interview method. Four variations of the interview guide were developed for different categories of personnel (top management, middle management, regular employees (teaching and research staff), representatives of HR department). The guides included more than 25 questions regarding the perception of the human resources management system at the university. The study showed that the human resources management system at Tyumen State University was formed due to the corporate development requirements. A significant role in it is played by the strong leader and a strategic vision of personnel processes. The HRM system at the university is moving away from inbreeding towards openness and the active hiring and support of talents. Key conclusions about the characteristics of the developed model of personnel policy are given, conclusions about the degree of the model's maturity are drawn. The case demonstrates strengthening of the trend of universities corporatization and adaptation of corporate tools to the university environment. It is particularly manifested through the transformation of personnel policy and related processes. The data obtained may be used as a base for recommendations for improving the HRM system at Russian universities as a key resource for increasing global competitiveness.

REFERENCES

1. Morgan, G. (2006) *Images of Organization*. San Francisco: SAGE. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=a_W8jXt4_eMC&pg=PP7&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=3#v=onepage&q&f=false
2. Wolf, M. (2004) *Why Globalization Works*. London: Yale University Press. [Online] Available from: https://books.google.ru/books/about/Why_Globalization_Works.html?id=mpv_P3kmoC4C&redir_esc=y

3. Giroux, D., Karmis, D. & Rouillard, C. (2015) Between the Managerial and the Democratic University: Governance Structure and Academic Freedom as Sites of Political Struggle. *Studies in Social Justice*. 9(2). pp. 142–158. [Online] Available from: <https://www.semanticscholar.org/paper/Between-the-Managerial-and-the-Democratic-Structure-Giroux-Karmis/7d88389b6aac51ceb07435148953c170400b8843>
4. Readings, B. (2010) *Universitet v ruinah* [University in Ruins]. Translated from English by A.M. Korbut. Moscow: HSE. [Online] Available from: http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2015/03/Ridings_Universitet-v-ruinah.pdf
5. Winter, R. (2009). Academic Manager or Managed Academic? Academic Identity Schisms in Higher Education. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 31(2). pp. 121–131. DOI: 10.1080/13600800902825835
6. Drugova, E.A. (2018) The nature of academic-administrator conflicts in Russian universities. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 22(2). pp. 72–78. (In Russian). DOI: 10.15826/umpa.2018.02.018
7. Nixon, J. (2011) Higher Education and the Public Good: Imagining the University. New York: Continuum.
8. Froumin, I.D. & Salmi, D. (2007) Russian Universities in the Competition of World-Class Universities. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 3. pp. 5–45. (In Russian). [Online] Available from: <https://vo.hse.ru/data/2010/12/31/1208181956/1.pdf>
9. McVitty, D. (2020) *Wicked Problems: How Could Universities Be Better at Change?* [Online] Available from: <https://wonkhe.com/blogs/wicked-problems-how-could-universities-be-better-at-change/>
10. Vladimirov, V. (2001) Organizatsionnaya struktura rossiyskikh vuzov [Organizational Structure of Russian Universities]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 5. pp. 6–11. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnaya-struktura-rossiyskikh-vuzov>
11. Drugova, E.A., Blinov, V.N., Kalachikova, O.N., Klimova, T.V., Popova, E.V. & Smirnova, O.S. (2018) Hidden and Visible Leaders of Change in Universities. Review of the Conference “HR-Trend 2018. Partisans of Change”. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 22(5). pp. 111–117. (In Russian). [Online] Available from: <https://www.umj.ru/jour/article/view/200>
12. Lozano, J., Peris, J., Aristizábal, A.B. & Hueso, A. (2012) Competencies in Higher Education: A Critical Analysis from the Capabilities Approach. *Journal of Philosophy of Education*. 46(1). pp. 132–147. DOI: 10.1111/j.1467-9752.2011.00839.x
13. Schwartz, J. (2020) *Talent Edge 2020: Blueprints for the New Normal*. [Online] Available from: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/topics/talent/talent-edge-2020-blueprints-for-the-new-normal.html?id=us%253Ael%253Adc%253Aredirect>
14. Schneider, B. & Barbera, K. (2014) *The Oxford Handbook of Organizational Climate and Culture*. New York: Oxford University Press.
15. Drugova, E.A., Nuzhina, N.I. & Koryakovtseva, P.V. (2016) International academic recruitment at the leading Russian universities: current position and prospects of further development. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 1. pp. 32–43. (In Russian). [Online] Available from: <https://www.umj.ru/jour/article/view/310>
16. Taradina, L.D. & Rakitin, A.A. (2016) Recruiting Senior Managers from Business to Leadership Roles at Russian Universities: Advantages and Risks. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 1. pp. 44–50. (In Russian). [Online] Available from: https://www.umj.ru/jour/article/view/311?locale=ru_RU
17. Yudkevich, M.M. & Gorelova, O.Yu. (2015) Academic Inbreeding: Causes and Consequences. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 1. pp. 73–83. (In Russian). [Online] Available from: <https://www.umj.ru/jour/article/view/257>
18. Gucu, E.G. & Chilipenok, Yu.Yu. (2018) Intra-Department Model of University Teacher’s Motivation Management. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 27(12). pp. 69–78. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-12-69-78
19. Kharitonov, E.A., Mikhaylov, O.V. & Kharitonov, N.E. (2014) The Opinion About the Rating System in National Research University. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 5. pp. 153–156. (In Russian). [Online] Available from: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/660/0>
20. Lazarev, G.I., Martynenko, O.O. & Lazarev, I.G. (2015) New Strategies for the University’s Human Resource Development. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 1. pp. 53–63. [Online] Available from: <https://www.umj.ru/jour/article/view/255>
21. Alaverdov, A.R. & Alaverdova, T.P. (2016) Organization of Primary Professional and Psychological Adaptation of Young University Professors. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 4. pp. 5–16. [Online] Available from: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/404>
22. Bondareva, E.P. & Sergeev, S.A. (2016) Factors of Professional Adaptation of Early Career University Faculty. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skills*. 2. pp. 258–266. (In Russian). DOI: 10.17805/zpu.2016.2.23
23. Gershkovich, T.B. (2003) Features of Professional Adaptation of a University Teacher: Research Results. *Obrazovanie i nauka – Education and Science*. 1(19). pp. 68–81. [Online] Available from: <https://vivliophica.com/articles/education/363756>
24. Popova, E.A. & Ibragimova, M.H. (2017) Personnel Evaluation as an Essential Element of the University Strategic Management. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 21(2). pp. 53–64. (In Russian). DOI: 10.15826/umpa.2017.02.020
25. Latyshev, A.S., Pokholkov, Yu.P., Chervach, M.Yu. & Shadskaya, A.N. (2017) Managing Competitiveness of Contemporary Russian University: Status, Challenges and Responses. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 21(5). pp. 6–16. (In Russian). DOI: 10.15826/umpa.2017.05.057
26. Sorokin, A.N., Latyshev, A.S. & Gribovskiy, M.V. (2019) The History of the Development and the Prospects of an Effective Personnel Policy of a Modern Competitive University in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 150–160. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/19
27. Bugrov, D.V., Ponomareva, O.Ya. & Fedorova, A.E. (2016) Conceptual Aspects of Developing University Personnel Potential. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 101(1). pp. 17–29. (In Russian). [Online] Available from: <https://www.umj.ru/jour/article/view/308>
28. Masalova, Yu.A. (2016) Research of Employee University Engagement. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 1. pp. 76–82. (In Russian). [Online] Available from: <https://www.umj.ru/jour/article/view/316>
29. Fadeeva, I.M., Shamanaev, P.A. & Sokolova, M.Yu. (2011) Research University Human Resources Management Based on Information Systems. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 6. pp. 23–31. (In Russian). [Online] Available from: <https://www.umj.ru/jour/article/view/566>
30. Suhanova, E.A., Kovaleva, T.M. & Zotkin, A.O. (2016). Initiative University Environment as the Mechanism of Personnel Management in Transformation Context. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 1. pp. 90–97. (In Russian). [Online] Available from: <https://www.umj.ru/jour/article/view/318/0>
31. Kudashkina, L.A. & Sokolov, D.N. (2016) High Potential Workers Incentives for Participating in Talent Pool. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 1. pp. 109–114. (In Russian). [Online] Available from: <https://www.umj.ru/jour/article/view/320>
32. Webb, G. (1996) *Understanding Staff Development*. Buckingham: Open University Press. [Online] Available from: https://scholar.google.com/scholar_lookup?title=Understanding%20Staff%20Development&publication_year=1996&author=Webb%2CG
33. Borden, L. & Levy, P. (2018) Leader Arrogance and Subordinate Outcomes: the Role of Feedback Processes. *Journal of Business and Psychology*. 33(3). pp. 345–364. DOI: 10.1007/s10869-017-9501-1
34. Hakanen, J. & Dierendonck, D. (2011) Servant-Leadership and Life Satisfaction: The Mediating Role of Justice, Job Control, and Burnout. *The International Journal of Servant-Leadership*. 7(1). pp. 253–261. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/263726776_Servant-Leadership_and_Life_Satisfaction_The_Mediating_Role_of_Justice_Job_Control_and_Burnout

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 797.2 (091)

DOI: 10.17223/19988613/70/24

В.В. Жданов, В.Б. Титов

ИСТОРИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ, ПАТЕНТОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СПОРТИВНЫХ ЛАСТОВ ДЛЯ ПЛАВАНИЯ (1930–2020 гг.)

Описана история создания ластов для плавания от первых шагов до настоящего времени. Представлены первые формовые резиновые ласты, ласты комбинированные и композиционные – основа создания скоростных ластов, спортивные ласты, в изготовлении которых применен стеклопластик как новое конструкторское решение. Исследования показали, что ласты «Крыло» стали прототипом последующих изобретений. Моноласты различных моделей – способ достижения высоких скоростей в плавании. Приводится динамика суммарного патентования ластов различных типов по 10 ведущим странам мира. Представляется интересным проследить историю конструирования, патентования и производства спортивных ластов для плавания, тем более что значительный вклад в конструирование был сделан советскими и российскими изобретателями.

Ключевые слова: ласты; плавание; изобретения; патенты; стеклопластик; моноласты.

Еще в 1717 г. американец Бенджамин Франклин запатентовал ласты для плавания с лопастями, изготавливаемыми из дерева. Француз Luis Marie de Corlien в военных целях в 1929 г. придумал и в 1933 г. получил приоритет на «Устройство для передвижения в воде» (FR, pat. № 767013(A), 1934) (рис. 1) [1]. В 1940 г. ласты Корлье усовершенствовал американец Owen R. Churchill (USA, pat. 2321009, 1943) [3]. С тех пор разработаны и запатентованы сотни конструкций ластов для плавания. Ниже представлена динамика суммарного патентования по 10 ведущим странам мира для ластов различных моделей и технологий (рис. 2) [2].

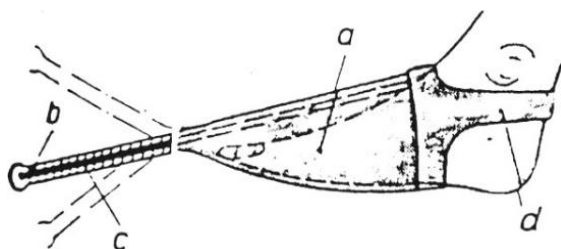

Рис. 1. Устройство для передвижения в воде. Luis Marie de Corlien. (FR, pat. № 767013(A), 1934)

Первыми крупными соревнованиями в мире, где среди прочих дисциплин многоборья были дистанции по плаванию и нырянию в ластах, стал I чемпионат СССР по подводному спорту (Карабах, Крым, 1958). Оказалось, что самую большую скорость передвижения в ластах развивают мужчины в нырянии на короткую дистанцию. На II чемпионате СССР в Алуште в 1959 г. победил москвич М. Заславский, преодолев

Однако только некоторые из предложенных конструкций стали основой для спортивных ластов. Именно эти изобретения рассматриваются в данной статье.

В 1943 г. изобретатели акваланга, французы Жак Ив Кусто и Эмиль Ганьян, подарили людям возможность плавать и дышать под водой. Это повлекло настоящий бум в развитии подводных исследований и подводного спорта. В начале 1950-х гг. во многих странах (Италия, Франция, США и др.) начинается массовый промышленный выпуск отдельных резиновых ластов для плавания.

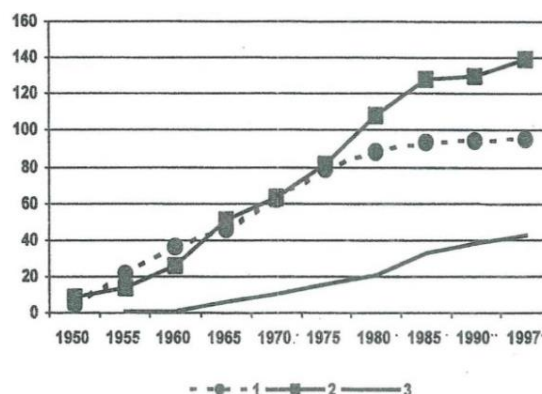

Рис. 2. Динамика патентования по 10 ведущим странам мира: 1 – формовые биласты; 2 – композиционные биласты; 3 – моноласты

под водой дистанцию в 40 м за 22,0 с в болгарских «Садала гигант» – тогда это была единственная пара ластов на всю нашу страну. На следующем чемпионате в 1960 г. он победил с результатом 21,8 с.

В 1959 г. была создана Всемирная конфедерация подводной деятельности CMAS (первый президент – Жак Ив Кусто), которая сегодня объединяет национальные подводные федерации около 100 стран. С начала

1960-х гг. прошлого века СМАС стала проводить международные соревнования по различным видам подводного спорта. На первых же соревнованиях стала очевидной главная цель – достижение спортсменами высокой скорости на дистанции. В 1959–1960 гг. для этого спортсмены стали использовать биласты с длинной и широкой лопастью (в Италии были выпущены ласты «Гигант», в Болгарии – длинные ласты «Садала гигант» из литой резины). Скорость плавания в них возросла, однако мешал большой вес ластов. В 1962 г. ласты «Садала гигант» появились у многих членов сборной СССР. Позже в Москве О. Серов изготовил по образцу болгарской ласты пресс-форму и налазил выпуск советских ластов. Правда, его изделия были хуже оригинала, вероятно, из-за качества резины. Накопленный к этому времени опыт дал понимание, что чем длиннее (конечно, до определенных размеров) лопасть, тем выше скорость плавания.

Стандартные резиновые ласты уже не удовлетворяли спортсменов, и они начали самостоятельно конструировать и изготавливать скоростные ласты. Модернизация коснулась таких параметров ластов, как размер и конфигурация лопасти, ее вес, упругость и др. В 1964–1968 гг. Б. Попов (из Эстонии) и другие советские спортсмены удлиняли лопасть стандартных резиновых ластов тонкими (толщиной от 0,5 до 1,5 мм) полосками упругой стали, затем покрывали длинную лопасть тонкой резиной [4]. Авторы данной статьи тогда использовали для этого куски патефонной пружины, получившуюся длинную лопасть покрывали слоем сырой резины, а затем вулканизировали на заводе резиновой обуви в Томске. Длина такой лопасти иногда достигала 80–90 см и регулировалась простым обрезанием ножницами конца лопасти.

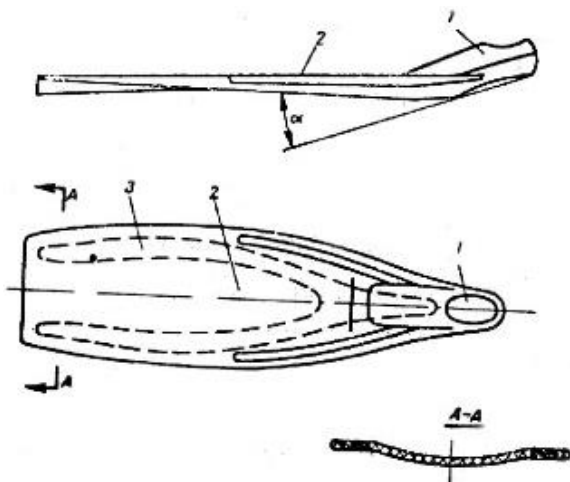

Рис. 3. Ласты с профилированной вилкой из бронзовых сплавов. В. Загозин, Б. Салмин, Б. Самохин (СССР, А.С. № 272114, 1970)

Авторы статьи для изучения упругих и прочностных характеристик стеклопластика использовали экспериментальные тензометрические установки и соответствующие методы исследования. Было показано, что при значительно меньшем удельном весе, чем ме-

Первый официальный чемпионат Европы, где были дистанции по плаванию и нырянию в ластах, состоялся в Италии в 1967 г. Чемпионом Европы на самой «быстрой» дистанции стал С. Тарасов из Пскова, который пронырнул 40 м за 18,30 с. А уже на чемпионате СССР 1968 г. в Алуште москвич М. Филиппенков в ластах с сильно удлиненной лопастью пронырнул 40 м за 14,8 с.

В 1968 г. В. Загозин, А. Салмин, Б. Самохин (СКА, Новосибирск) оптимизировали соотношение «вес ласта – площадь лопасти – ее упругие свойства», армируя биласт профилированной вилкой из бронзовых, затем из титановых сплавов (А.С. СССР 272114, 1970) (рис. 3) [5]. Изготовление такой вилки было весьма сложным. Необходимо было из листа металла вырезать вилку, а затем фрезерованием или шлифованием добиться постепенного уменьшения профиля пластины по всей ее длине, чем достигалась оптимальная жесткость лопасти. Ласты получились очень удачными, в них были показаны лучшие результаты в 1968 и 1969 гг. На чемпионате СССР летом 1968 г. в Алуште и на II чемпионате Европы 1968 г. там же некоторые спортсмены успешно выступили в новосибирских раздельных ластах, армированных металлическими вилками.

В 1968–1969 гг. В. Жданов, В. Титов, А. Шумков (клуб СКАТ, Томск) сделали «эпохальное» открытие, которое используется при изготовлении спортивных ластов и по сей день: уменьшили вес удлиненного ласта, заменили массивную лопасть, улучшили ее упругие свойства и упростили технологию изготовления, впервые в мире использовав стеклопластик (фиберглас, стеклотекстолит) для изготовления не только профилированной армированной вилки, но позднее и всей профилированной лопасти (заявка СССР 1488511/28-12, 1971) (рис. 4) [6].

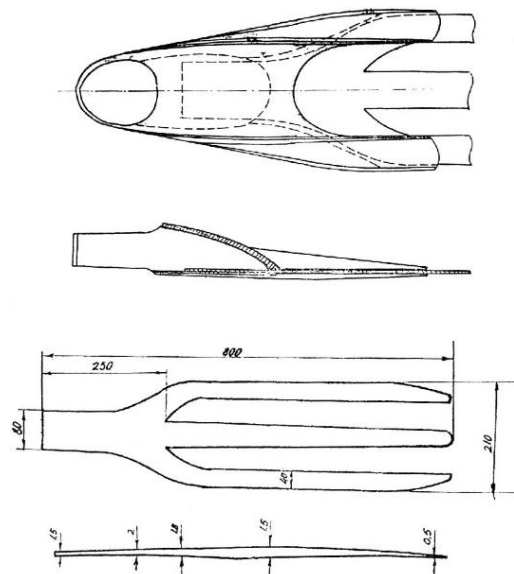

Рис. 4. Ласты с профилированной вилкой из стеклопластика. В. Жданов, В. Титов, А. Шумков (СССР, Заявка № 1488511/28-12, 1971)

талл, стеклопластик имеет отличные прочностные, упругие и усталостные характеристики и очень легко механически обрабатывается. Лист стеклопластика состоит из нескольких склеенных под прессом слоев ткани из стекловолокна, которые можно вручную рас-

слоить ножом и снять один за другим, постепенно уменьшая толщину пластины, легко добываясь нужного профиля жесткости лопасти.

Впервые отдельные ласты со стеклопластиковой вилкой были изготовлены и опробованы авторами на соревнованиях в октябре 1968 г. в Томске, затем в феврале 1969 г. в Риге на матче клубов СССР, где с ними имели возможность познакомиться все участники соревнований, и в этом же году в июне в Саратове на X чемпионате РСФСР по плаванию в ластах. Там же, в Саратове, эти ласты впервые опробовал выступавший вне конкурса москвич А. Крюков, член сборной команды страны, который в них показал результат, близкий мировым рекордам. Ласты с удлиненными стеклопластиковыми лопастями стали доступны для всех!

В 1970 г. в финальных соревнованиях V спартакиады народов РСФСР в Горьком А. Шумков победил в этих ластах на пяти дистанциях, он же установил в них три мировых рекорда на V чемпионате Европы во Франции в 1971 г. и выиграл две золотые медали на чемпионате Европы в Москве в 1972 г. В итоге большинство мировых рекордов 1970–1971 гг. было установлено в отдельных ластах со стеклопластиковой лопастью конструкции томичей.

В новых ластах команда СКАТ выиграла чемпионат РСФСР по подводному ориентированию 1971 г. в Москве. В подобных ластах Н. Турукало (Усть-Каменогорск) стала абсолютным чемпионом СССР по подводному ориентированию Игнаине (1971), А. Салмин стал абсолютным чемпионом Европы по подводному ориентированию в Голландии (1972) и абсолютным чемпионом мира по подводному ориентированию (Югославия, 1973).

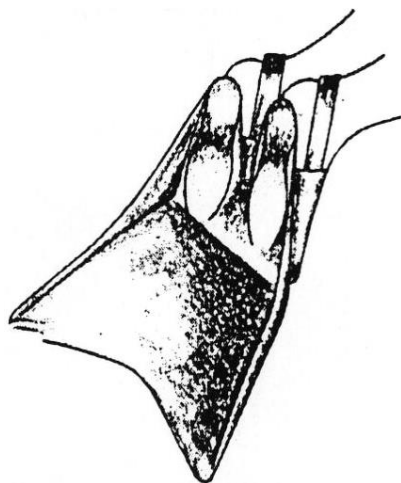

Рис. 5. Ласт для плавания. К. Ristan, Н.-J. Bergann (BRD, pat. 1085798, 1960)

В таком моноласте впервые стартовала на чемпионате СССР 1969 г. по скоростным видам подводного спорта в Киеве ученица Б. Поротова Н. Турукало, где завоевала две золотые медали на коротких дистанциях. В 1970 г. в моноласте Н. Турукало выиграла с мировыми рекордами четыре дистанции на Спартакиаде народов СССР в Минске и три дистанции на чемпионате Европы по плаванию в ластах в Испании. В Минске в моноласте плавала и Т. Агафонова из Ростова-на-Дону, которая на дистанции 100 м с аквалангом была

Другим техническим решением было копирование рыбьего хвоста. Такие попытки были известны давно. В 1946 г. Kurt Schaefer (Австрия) скрепил две стандартные короткие отдельные ласты с помощью вставки между ними [7]. В 1955 г. Kurt Ristan и Hans-Joachim Bergann (Германия) изобрели ласт из резины, состоящий из широкой лопасти и двойной галоши (BRD, pat. 1085798, 1960) (рис. 5) [8]. Такие ласты тогда использовались в рекреационных целях.

В 1968 г. тренер из Ленинграда Е. Рексон наклеил рядом две стандартные резиновые ласты на сплошной лист резины, и в таком ласте его ученица О. Тихоненко выиграла ныряние на юношеских соревнованиях СССР [4]. К сожалению, прирост скорости был незначительным, вероятно, из-за небольшой площади созданной единой лопасти, поэтому практического применения, и развития такой ласт не получил, хотя некоторые спортсмены уже успешно ныряли на соревнованиях в би-ластах, работая ногами одновременно, способом «дельфин». Именно так ныряли победители чемпионатов СССР: в 1964 г. Ан. Иванов (Москва), а в 1968 г. В. Баврина (Ленинград) и другие спортсмены.

Осенью 1968 г. тренер Б. Поротов (клуб «Алтай», Усть-Каменогорск) конструирует и изготавливает скоростной сдвоенный ласт, который он назвал «Моноласт» [9, 10]. Лопасть моноласта Б. Поротова была трапециевидной формы, длиной 80 см, и вырезана из листа резины («технолист») толщиной 2 мм, а для жесткости на резину были наклеены три полоски из титанового сплава ОТ-4, толщина которых уменьшалась вдоль лопасти от 2 до 0,5 мм на конце (рис. 6).

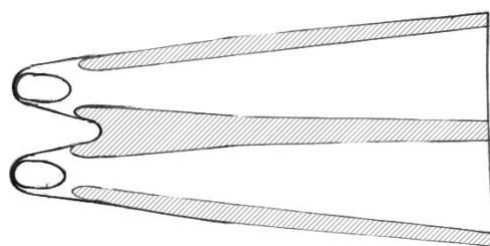

Рис. 6. Моноласт. Б. Поротов (СССР, 1968)

второй за Н. Турукало, уступив ей 3,7 с. Моноласт для Т. Агафоновой сделал ее тренер А. Самосудов. Также известен узкий двойной ласт Franco Pavone (Италия), изготовленный в 1969 г. из двух скрепленных рядом отдельных ластов и удлиненный с помощью трех металлических полосок.

В 1971 г. Н. Турукало в моноласте Б. Поротова выиграла две золотые медали на чемпионате СССР по скоростным видам подводного спорта в Ташкенте и три золотые медали на чемпионате Европы по пла-

ванию в ластах 1971 г. во Франции, установив мировые рекорды.

Там же, во Франции, на чемпионате Европы по плаванию в ластах 1971 г. А. Салмин выиграл ныряние на 40 м с рекордом мира – 14,10 с – в моноласте собственной конструкции с лопастью длинной прямоугольной формы, на которой была вырезана «семизубая» вилка. Монолопасть он, используя изобретение и технологию томичей, изготовил из листа стеклопластика [11]. Схема монолопасти представляла собой две состыкованным рядом стеклопластиковые лопасти раздельных ластов скатовской конструкции. Впервые в этом моноласте он показал рекордный результат в нырянии на чемпионате Вооруженных Сил СССР по скоростным видам подводного спорта в Москве в том же 1971 г. С тех пор все рекорды скорости в подводном спорте устанавливаются только в моноластах.

Советские спортсмены и тренеры стали изготавливать сплошную лопасть моноласта из профилированного стеклопластика по технологии томичей, при этом отпала необходимость покрывать лопасть слоем резины. Лопасть моноласта становится шире и короче, еще более похожей на хвост дельфина (рис. 7) [12].

На лопасть монтировались галоши, вырезанные из обычных резиновых формовых ласт. На Кубке СССР 1971 г. сильнейшие спринтеры страны уже опробовали такой моноласт. С начала 1972 г. все сильнейшие подводники СССР и некоторые зарубежные спортсмены стали плавать на коротких и средних дистанциях в похожем моноласте. На чемпионате Европы 1972 г. в Москве в нырянии на 50 м с рекордным результатом 17,0 с победил Ш. Карапетян (Армянская ССР) в подобном моноласте, который буквально накануне чемпионата изготовили его тренер Л. Алмасамян и Б. Порохов. Члены сборной СССР И. Авдеева, В. Волков (клуб СКАТ, Томск) и другие спортсмены завоевали все золотые медали чемпионата и установили новые

мировые рекорды, проплывая дистанции в моноласте с лопастью из стеклопластика. Через пару лет спортсмены стали плавать в моноластах со стеклопластиковой лопастью не только на спринтерских, но и на всех стайерских дистанциях. Наконец, все ведущие спортсмены мира стали использовать такие моноласты, причем в основном они были изготовлены специалистами СССР. Появились многочисленные мелкие производители, которые, в силу предельной простоты технологии, вручную изготавливали подобные моноласты сотнями экземпляров. С тех пор сплошная стеклопластиковая (позже углепластиковая) лопасть – основная деталь всех скоростных моноластов, изготавливаемых до настоящего времени.

В подводном ориентировании первой в моноласте со стеклопластиковой лопастью, используя высокую скорость на дистанции, стала плавать и побеждать Н. Турукало. В 1973 г. на I чемпионате мира, проходившем в Югославии, она становится первым абсолютным чемпионом мира по подводному ориентированию.

В 1977 г. В. Жданов, В. Титов и А. Шумков изготовили, испытали образцы и подали заявку на изобретение ласта, лопасть и галоша которого находятся под углом 10–20° друг к другу (Заявка СССР № 930-13276, 1977) (рис. 8) [13]. В такой конструкции ласта стопа ноги находится в более комфортных условиях и передает большее давление на лопасть.

Дисциплина подводного спорта «плавание в ластах» в 1986 г. была признана олимпийским видом, что стало дополнительным стимулом развития не только этого вида спорта, но и производства спортивного оборудования. В 1980–1990-е гг. начинается промышленный выпуск моноластов с лопастью из стеклопластика и со специальными галошами или моногалошей в СССР (моноласт «Дельфин», НПО «Алтай») [14, 15], Италии (Mat-Mas), Германии (Dol-fin), Японии (Osumoto, Sea Wolf), Китае и т.д.

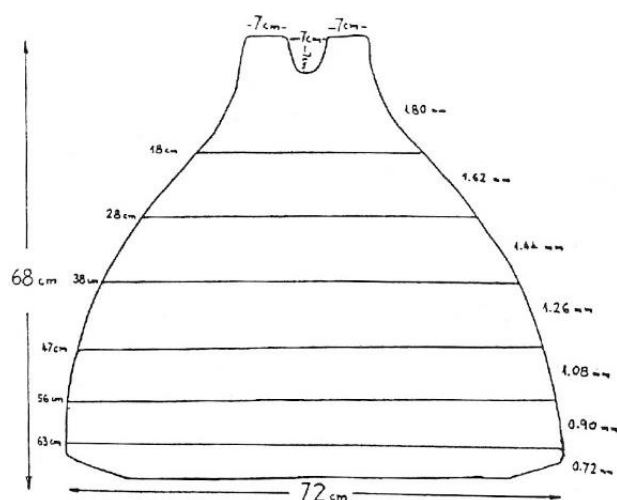

Рис. 7. Типовая лопасть из стеклопластика для моноласта (СССР, 1971–1990)

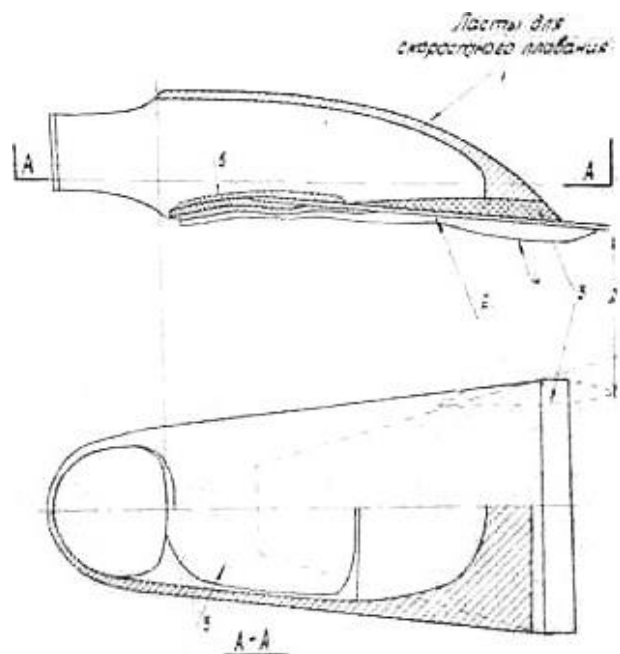

Рис. 8. Ласты для скоростного плавания. В. Жданов, В. Титов, А. Шумков (СССР, Заявка № 930-13276, 1977)

Естественно, что профилированная лопасть моноласта полностью изготавливалась промышленным способом, одной «прессовкой». Это был большой технологический прорыв. В 1993–1994 гг. В. Жданов, В. Титов вместе с учеными подмосковного завода в г. Дзержинске изготавливают прессованием лопасть моноласта из стеклопластика, армируя ее слоями ткани из углеродных волокон, что улучшило физико-механические свойства лопасти. Однако недостатком такой лопасти была высокая стоимость ткани. Тем не менее с 1996 г. лопасти с использованием углепластика стали изготавливать в Китае, Франции и с 2000 г. в Италии. К сожалению, скоростные качества моноластов промышленного изготовления отвечают не всем требованиям пловцов, поэтому ведущие спортсмены до настоящего времени предпочитают использовать моноласты ручного изготовления.

В 1989 г. В. Жданов, В. Титов, А. Шумков конструируют и изготавливают принципиально новый моноласт «Крыло», на лопасти из стеклопластика которого выполнено симметричное утолщение из эластичного пористого материала, представляющее собой гидродинамическое двояковыпуклое крыло (А.С. СССР 1771776, 1992) (рис. 9) [16].

При гребке такой лопастью улучшается обтекание непрерывно меняющегося угла атаки лопасти, а профиль утолщения крыла, деформируясь, становится асимметричным. В результате у крыла, кроме подъемной силы угла атаки, появляется дополнительная подъемная сила за счет разной скорости обтекания

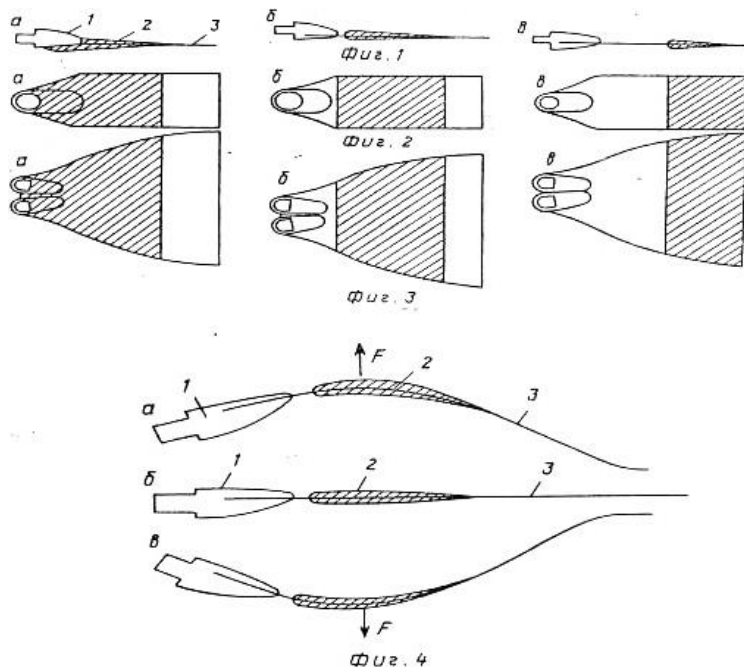

Рис. 9. Моноласт «Крыло». В. Жданов, В. Титов, А. Шумков (СССР, А.С. № 1771776, 1992)

В конструкцию моноласта HyperFins в качестве прототипов вошли и предыдущие предложения, в том числе обтекатели на галошах, профилированная стеклопластиковая лопасть, элемент «крыло», угол между лопастью и галошей. Несмотря на то, что масса моноласта значительно увеличилась, HyperFins имеет нуле-

вой верхней и нижней поверхностями асимметричного по профилю тела лопасти (аналог подъемной силы крыла самолета). В каждую фазу гребка (движение лапа вниз и движение лапа вверх) дополнительная подъемная сила действует в направлении, увеличивающем силу гребка.

Используя специальную аппаратуру, авторы статьи провели ряд исследований, которые показали существенный прирост тягового усилия пловца [17, 18]. С тех пор и по настоящее время элемент «крыло» успешно используется в лучших спортивных ластах. В 2009 г. на чемпионате мира в России в ластах типа «Крыло» хорошо выступили китайские спортсмены, а П. Кабанов (Новосибирск) установил рекорд мира в нырянии на 50 м – 14,16 с.

Следующий прорыв в конструировании моноластов осуществил Е. Андронов из Смоленска. Он модернизировал галошу моноласта, сделав ее массивной, предельно обтекаемой, комфортной и плотно сидящей на ногах. В таком моноласте плавали победители чемпионата мира по ориентированию в 1996 году в Эстонии. А в 1998–2000 гг. Е. Андронов (тренер клуба СКАТ, Томск) продолжил совершенствование своего моноласта, сконструировав и изготовив моноласт HyperFins [19], обладающий улучшенной обтекаемой формой, лопасть и галоша которого находятся под углом 10–20° друг к другу, а многослойная резиновая галоша из пяти сортов резины имеет улучшенные свойства. Однако она очень сложна в изготовлении (Патент RU № 85350 U1, 2009) (рис. 10) [20].

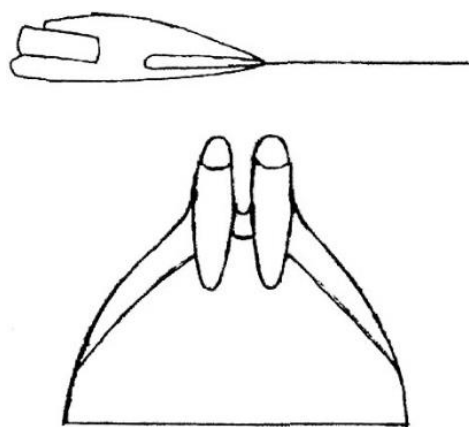

Рис. 10. Моноласт HyperFins. Е. Андронов (Патент RU № 85350 U1, 2009)

вую плавучесть. В очередной раз изменилась техника плавания. Стоимость такого моноласта достигла \$ 1 000.

Успешно испытал один из первых вариантов моноласта Е. Андронина на чемпионате мира по плаванию в ластах в Испании в 2000 г. М. Максимов (клуб СКАТ, Томск), где он стал чемпионом мира, установив миро-

вой рекорд в подводном плавании на 400 м. Примерно с 2009 г. и до настоящего времени в моноластах HyperFins плавают все сильнейшие спортсмены мира.

В таблице приведены некоторые результаты победителей официальных соревнований по нырянию в длину среди мужчин (все они – советские и российские спортсмены).

Каждый из упомянутых выше этапов конструирования ластов [21–24] приводил к значительному увеличению скорости плавания. За 57 лет, с 1958 (1-й чемпионат СССР) по 2019 г. (27-й чемпионат Европы), скорость плавания на самой быстрой дистанции (ныряние в ластах) у мужчин выросла в два с половиной раза – с 1,4 до 3,6 м/с. Для сравнения отметим, что

дельфины развивают скорость более 10 м/с. До 1970 г. абсолютно все лучшие результаты в нырянии были показаны в биластах разной конструкции. Первый мировой рекорд в нырянии среди мужчин в моноласте установил А. Салмин в 1971 г., а самый «свежий» рекорд мира установлен П. Кабановым в 2019 г.

Всемирная конфедерация подводной деятельности CMAS ввела ограничения, которые касаются максимальных размеров лопасти, однако практика плавания в ластах и физические возможности пловцов сами установили ее оптимальные размеры, дальнейшее увеличение которых приводит к снижению скорости плавания. В итоге за последние 20 лет «прорывных» решений в конструировании ластов не было.

Результаты победителей официальных соревнований по нырянию в длину среди мужчин

Год	Дистанция, м	Результат, с	Скорость, м/с	Соревнование	Победитель
1959	40	22,0	1,81	2-й чемпионат СССР, Алушта, Крым	М. Заславский
1961	40	19,7	2,03	4-й чемпионат СССР, Новороссийск	Ю. Наумчев
1967	40	18,30	2,18	1-й чемпионат Европы, Италия	С. Тарасов
1968	40	15,9	2,51	2-й чемпионат Европы, СССР	И. Компус
1971	40	14,10	2,84	5-й чемпионат Европы, Франция	А. Салмин
1972	50	17,00	2,94	6-й чемпионат Европы, СССР	Ш. Карапетян
1976	50	16,92	2,95	1-й чемпионат мира, Германия	В. Сучков (СКАТ)
2004	50	14,18	3,52	12-й чемпионат мира, Китай	Е. Скорженко (СКАТ)
2009	50	14,16	3,53	15-й чемпионат мира, Россия	П. Кабанов
2019	50	13,70	3,63	27-й чемпионат Европы, Греция	П. Кабанов

В разных странах выпускаются аналоги модели моноласта HyperFins ручного производства: на Украине этим занимаются фирмы Waterway fins, Sharkfin, Yakovlevfins, Starfins, Goldfin, в Эстонии – Leaderfins, Arsenal, во Франции – POverfins и др. Конечно, делают их и специалисты в России. По мнению Е. Андронova, автора HyperFins, некоторые производители, к сожалению, не соблюдают технологию изготовления, используют некачественную резину, иногда моноласт получается травмоопасным и пр. В 2019 г. во всем мире моноластов, подобных HyperFins, было выпущено около 400 экземпляров. В настоящее время моноласт с успехом используется спортсменами-подводниками не только в дисциплинах «плавание в ластах», но и в подводном ориентировании, фридайвинге.

В программу соревнований по дисциплине «плавание в ластах» в 2007 г. были введены дистанции плавания «в классических ластах» (имеются в виду раздельные ласты). CMAS допустила к использованию

на соревнованиях биласты венгерской фирмы Najade, выпуск которых был начат в 2000-х гг. Интересно отметить, что свидетельство на изобретение очень похожих ластов с пяточным ремнем (SU 1643026) было выдано В. Жданову, В. Титову и А. Шумкову еще в 1990 г. [25]. В настоящее время очень популярны классические короткие ласты POverfins, разработанные О. Пудовым. Эти ласты официально одобрены CMAS для соревнований.

Таким образом, обращение к истории создания «быстрых» ластов показало, что на смену обычным резиновым пришли сложные модели комбинированных и композиционных ластов. В них существенно усовершенствованы галоша и моногалоша, лопасти изготовлены по новым технологиям с применением углепластиков. Всему этому предшествовали теоретические и экспериментальные исследования, целью которых было создание оптимальных конструкций. Борьба за скорость продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

1. De Corlien L.M. Propulseurs de natation et de sauvetage. FR, Pr.1933; FR, pat. № 767013(A), 1934. Кл. A63B31/08.
2. Титов В.Б., Жданов В.В., Кочетков А.Д. и др. Исследование зарубежного и отечественного опыта конструирования формовых и композиционных моно- и биласт : отчет по НИР ТГУ. Томск, 1990. Т. 1. 129 с.; Т. 2. 228 с.; Т. 3. 108 с.
3. Owen R. Churchill. Swim-Fin. USA, Filed 1940, pat. № 2321009, 1943. Кл. НКИ 9-309.
4. Прапор С.С. Из истории ластов // Спортсмен-подводник. 1980. Вып. 60. С. 10–13.
5. Загозин В.А., Салмин А.М., Самохин Б.Г. Ласты. А.С. СССР № 272114, Кл. А 63b 31/08. БИ. № 18, 1970.
6. Жданов В.В., Титов В.Б., Шумков А.Д. Ласты с упругим элементом. Заявка СССР № 1488511/28-12, 1971.
7. Andres-Brummer D., Maric M. Monoflosse : Schwimmen und Tauchen wie ein Delfin. Delius Klasing Verlag, 2019. 284 S.
8. Ristan K., Bergann H.-J. Gleichzeitig von beiden Füssen eines Schwimmenden zu betätigender Schwimmhilfskörper. BRD, pat. №1085798, 1960. Кл. НКИ 77a 31/10, МКИ A63b
9. Порохов Б.Г. Освоение нового стиля // Спортсмен-подводник. 1971. Вып. 28. С. 8–13.
10. Мазуров И.В. Спортивный сезон 1969 года // Спортсмен-подводник. 1971. Вып. 25. С. 3–27.
11. Мазуров И.В. Спортивный сезон 1971 года // Спортсмен-подводник. 1972. Вып. 30. С. 3–23.

12. Kerll K.-H. *Comite Sportif Manuel. Sports Committee Manual*. Stuttgart : Verlag Stephanie Naglschmid, 1988. 100 S.
13. Жданов В.В., Ладыгин В.А., Титов В.Б., Шумков А.Д. Ласты для скоростного плавания. Заявка СССР № 930-13276, 1977.
14. Лопасты плавниковые стеклотекстолитовые (моно- и би-ласты). ТУ-84-415-96-82 : отчет по НИР / АНИИХТ. Бийск, 1982.
15. Титов В.Б., Жданов В.В., Кочетков А.Д. и др. Разработка спортивного моноласта «СКАТ-Дебют» : отчет по НИР ТГУ. Томск, 1990. 68 с.
16. Жданов В.В., Титов В.Б., Шумков А.Д., Соловьёв Е.С. Ласт для плавания. А.С. СССР № 1771776. Кл. А1 А63В 31/11. БИ. № 40, 1992.
17. Титов В.Б., Васенин И.М., Зима В.П., Крючков Д.А. Экспериментальные исследования динамики движения моноласта в воде // Всесибирские чтения по математике и механике : междунар. конф. : избр. докл. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. Ч. 2: Механика, т. 2. С. 94–99.
18. Титов В.Б., Либин Э.Е. Образование течи при движении пловца с моноластом // Всесибирские чтения по математике и механике : междунар. конф. : избр. докл. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. Ч. 2: Механика, т. 2. С. 100–106.
19. Андронов Е.С. Разработка новых ластов – развитие подводного спорта // Экологические, гуманитарные и спортивные аспекты подводной деятельности. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. С. 5–7.
20. Жданов В.В., Титов В.Б., Андронов Е.С., Андронов М.Е. Моноласт. Патент RU № 85350 U1. Кл. А63В 31/00. БИ. № 22, 2009.
21. Титов В.Б., Жданов В.В. История создания и тенденции конструирования современных моноластов для подводного спорта // Здоровый образ жизни: сущность, структура, формирование на пороге XXI века. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 154–159.
22. Титов В.Б. Патентование – объективный показатель творческой активности при создании ласт для подводного спорта // Экологические, гуманитарные и спортивные аспекты подводной деятельности. Томск : Изд. Том. ун-та, 1999. С. 41–50.
23. Орлов Г.Н. Эволюция моноласта как плавникового движителя и влияние ее на кинематику биотехнической системы спортсменов – моноласт при нырянии мужчин-спринтеров // Подводный спорт. Современное состояние и перспективы развития. Красноярск : СибГАУ, 2005. С. 96–102.
24. Жданов В.В. СКАТ. Томск : Том. гос. ун-т, 2011. 584 с., [100] л. ил.
25. Жданов В.В., Титов В.Б., Шумков А.Д. Ласт для плавания: Свидетельство SU 1643026. Кл. А1 А63В31/11, 1990.

Vadim V. Zhdanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zhdanov@mail.tsu.ru

Vladimir B. Titov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vb-titov@mail.ru

THE HISTORY OF DESIGN, PATENTING AND PRODUCTION OF SPORTS FINS FOR SWIMMING (1930–2020)

Keywords: flippers; swimming; inventions; patents; fiberglass; monofins.

The authors of this article aim to trace the history of the design, patenting and production of sports fins for swimming. This is primarily due to the fact that a significant contribution to their design was made first by Soviet and then Russian inventors, among whom there were many active athletes, including the highest achievers in this sport. To establish the extent of inventive activity, the authors conducted patent studies, the results of which are presented in several figures within the article.

Further, the article describes the history of the formation and development of underwater sports both in the world and in our country.

The first major competitions in underwater sports, where among other disciplines were distance swimming and diving in fins, was the first USSR underwater championship, held in 1958 (Karabakh, Crimea). During the competition, it turned out that the greatest speed of movement in fins was developed by men in short-distance diving.

A significant event for the development of underwater sports in the world was the creation in 1959 of the World Underwater Federation, CMAS (whose first president was Jacques-Yves Cousteau), which nowadays unites the national underwater federations of about 100 countries. Since the beginning of the 1960s, CMAS began to hold international competitions in various types of underwater sports. At the first competitions, their main goal became clear – the achievement of high speed in distances by athletes. This forced athletes and their coaches to focus their attention on the main “tool” of swimmers in this discipline – fins.

The experience gained by this time led to an understanding that the longer (of course, up to certain sizes) the blade, the higher the speed of swimming. In 1968–1969, V. Zhdanov, V. Titov and A. Shumkov (SKAT club, Tomsk) made an ‘epochal discovery’, which is used in the manufacture of sports fins up to this day. To be precise, Soviet athletes and coaches began to produce a solid monofin blade from profiled fiberglass in a manner proposed by Tomsk inhabitants.

In 1986, the discipline of underwater sports known as ‘finswimming’ was recognized by the IOC as an Olympic sport, which gave an additional incentive not only to the development of this sport, but also to the production of sports equipment.

Each of the design stages of the fins led to a significant increase in the speed of swimming. For 57 years, from 1958 (1st USSR championship) to 2019 (27th European championship), the speed of swimming at the fastest short distance underwater (diving in fins) for men increased two and a half times – from 1.4 m/s to 3.6 m/s. Thus, the study of the history of the creation of ‘fast’ fins showed that the arrival of complex models of fins made from combined and composite materials to replace conventional rubber fins enabled impressive achievements to be made in this sport.

REFERENCES

1. De Corlien, L.M. (1993) *Propulseurs de natation et de sauvetage*. FR, Pr.1933; FR, pat. № 767013(A), 1934. Kl. A63V31/08.
2. Titov, V.B., Zhdanov, V.V., Kochetkov, A.D. et al. (1990) *Issledovanie zarubezhnogo i otechestvennogo opyta konstruirovaniya formovykh i kompozitsionnykh mono- i bilast: otchet po NIR TGU* [Research of foreign and Russian experience in the design of molded and composite mono- and bilast: report on the research work of TSU]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
3. Owen, R. (1940) *Churchill. Swim-Fin*. USA, Filed 1940, pat. № 2321009, 1943. Kl. NKI 9-309.
4. Prapor, S.S. (1980) *Iz istorii lastov* [From the history of fins]. *Sportsmen-podvodnik*. 60. pp. 10–13.
5. Zagozin, V.A., Salmin, A.M. & Samokhin, B.G. (n.d.) *Lasty* [Flippers]. USSR AS № 272114, Kl. A 63b 31/08. БИ. № 18, 1970.
6. Zhdanov, V.V., Titov, V.B. & Shumkov, A.D. (1971) *Lasty s uprugim elementom* [Fins with an elastic element]. USSR application № 1488511/28-12.
7. Andres-Brummer, D. & Maric, M. (2019) *Monoflosse: Schwimmen und Tauchen wie ein Delfin*. Delius Klasing Verlag.
8. Ristan, K. & Bergann, N.-J. (1960) *Gleichzeitig von beden Fusen eines Schwimmenden zu betatigender Schwimmhilfskorper*. BRD, pat. №1085798. Kl. NKI 77a 31/10, MKI A63v.
9. Porotov, B.G. (1971) *Osvoenie novogo stilya* [Mastering a new style]. *Sportsmen-podvodnik*. 28. pp. 8–13.
10. Mazurov, I.V. (1971) *Sportivnyy sezon 1969 goda* [The 1969 sports season]. *Sportsmen-podvodnik*. 25. pp. 3–27.
11. Mazurov, I.V. (1972) *Sportivnyy sezon 1971 goda* [The 1971 sports season]. *Sportsmen-podvodnik*. 30. pp. 3–23.
12. Kerll, K.-H. (1988) *Comite Sportif Manuel. Sports Committee Manual*. Stuttgart: Verlag Stephanie Naglschmid.
13. Zhdanov, V.V., Ladygin, V.A., Titov, V.B. & Shumkov, A.D. (1977) *Lasty dlya skorostnogo plavaniya* [Fins for high-speed swimming]. USSR Application № 930-13276.
14. Altai Research Institute of Chemical Technologies. (1982) *Lopasti plavnikovye steklotekstolitovye (mono- i bi-lasty)* [Finned fiberglass blades (mono- and bi-fins)]. ТУ-84-415-96-82. Бииск: [s.n.].

15. Titov, V.B., Zhdanov, V.V., Kochetkov, A.D. et al. (1990) *Razrabotka sportivnogo monolasta "SKAT-Debut": otchet po NIR TGU* [Development of the sports monofin "SKAT-Debut": report on the research work of TSU]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Zhdanov, V.V., Titov, V.B., Shumkov, A.D. & Soloviev, E.S. (1992) *Last dlya plavaniya* [Swimming fins]. USSR AS № 1771776. Kl. A1 A63V 31/11. BI. № 40.
17. Titov, V.B., Vasenin, I.M., Zima, V.P. & Kryuchkov, D.A. (1997) Eksperimental'nye issledovaniya dinamiki dvizheniya monolasta v vode [Experimental studies of the dynamics of motion of a monofin in water]. In: Aleksandrov, I.A. et al. (eds) *Vsesibirskie chteniya po matematike i mekhanike* [All-Siberian Readings in Mathematics and Mechanics]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 94–99.
18. Titov, V.B. & Libin, E.E. (1997) Obrazovanie techi pri dvizhenii plovtsa s monolastom [Leak formation during movement of a swimmer with a monofin]. In: Aleksandrov, I.A. et al. (eds) *Vsesibirskie chteniya po matematike i mekhanike* [All-Siberian Readings in Mathematics and Mechanics]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 100–106.
19. Andronov, E.S. (2004) Razrabotka novykh lastov – razvitie podvodnogo sporta [Development of new fins - development of underwater sports]. In: *Ekologicheskie, gumanitarnye i sportivnye aspekty podvodnoy deyatel'nosti* [Environmental, humanitarian and sports aspects of underwater activities]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–7.
20. Zhdanov, V.V., Titov, V.B., Andronov, E.S. & Andronov, M.E. (2009) *Monolast* [Monofin]. Patent RU № 85350 U1. Kl. A63V 31/00. BI. № 22.
21. Titov, V.B. & Zhdanov, V.V. (1996) Istoriya sozdaniya i tendentsiya konstruirovaniya sovremennykh monolast dlya podvodnogo sporta [The history of creation and the trend of designing modern monofins for underwater sports]. In: *Zdorovyy obraz zhizni: sushchnost', struktura, formirovanie na poroge XXI veka* [Healthy lifestyle: essence, structure, formation on the threshold of the 21st century]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 154–159.
22. Titov, V.B. (1999) Patentovanie – ob"ektivnyy pokazatel' tvorcheskoy aktivnosti pri sozdanii last dlya podvodnogo sporta [Patenting as an objective indicator of creative activity in the creation of fins for underwater sports]. In: *Ekologicheskie, gumanitarnye i sportivnye aspekty podvodnoy deyatel'nosti* [Ecological, Humanitarian and Sports Aspects of Underwater Activity]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 41–50.
23. Orlov, G.N. (2005) Evolyutsiya monolasta kak plavnikovogo dvizhitelya i vliyanie ee na kinematiku biotekhnicheskoy sistemy sportsmen – monolast pri nyryanii muzhchin-sprinterov [Evolution of a monofin as a fin propeller and its influence on the kinematics of the biotechnical system athlete – monofin during diving of male sprinters]. In: *Podvodnyy sport. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Underwater Sport. Current State and Development Prospects]. Krasnoyarsk: SibGAU. pp. 96–102.
24. Zhdanov, V.V. (2011) *SKAT*. Tomsk: Tomsk State University.
25. Zhdanov, V.V., Titov, V.B. & Shumkov, A.D. (1990) *Last dlya plavaniya* [Swimming fins]. Certificate SU 1643026. Kl. A1 A63V31/11, 1990.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(57)

DOI: 10.17223/19988613/70/25

В.И. Баяндин, А.В. Запороженко

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И 100-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (г. НОВОСИБИРСК, 9–10 ДЕКАБРЯ 2020 г.)

Сообщается о 4-й конференции по военной истории, которая прошла в декабре 2020 г. в Новосибирске. Ее участниками были историки, преподаватели вузов, сотрудники музеев, учителя, аспиранты и студенты, школьники от Санкт-Петербурга до Владивостока. Тематика сообщений: специфика военной службы в XVII–XX вв., интервенция в Сибири, военный быт, история силовых структур. Ряд докладов обобщал опыт патриотического воспитания. Участники с тревогой отметили масштабную кампанию по фальсификацию истории Второй мировой войны.

Ключевые слова: военная история России; конференция; патриотическое воспитание.

9–10 декабря 2020 г. в столице Сибирского федерального округа состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Патриот: актуальные вопросы военной истории России и ее силовых структур», основной темой которой было заявлено «воспитание гражданственности через историю великих побед». Это уже четвертая конференция, которую под разными названиями совместно организуют несколько сибирских вузов: Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Томский государственный университет, Новосибирский государственный университет, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова. Активное участие в подготовке и проведении конференции приняли руководство и сотрудники учреждения культуры Новосибирской области «Исторический парк “Россия – моя история”». Первая подобная конференция прошла в 2014 г. и была посвящена 100-летию начала Первой мировой войны, в 2016 г. конференция была посвящена 100-летию Брусиловского прорыва, в 2018 г. – 100-летию начала Гражданской войны в России. Нынешняя конференция, как отмечалось выше, была посвящена двум важным датам в истории нашего Отечества: 75-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и 100-летию окончания Гражданской войны в России. Участие в работе названной конференции принимало также руководство Государственного архива Новосибирской области.

Если предыдущие конференции проходили, как правило, в мае–июне, то конференцию 2020 г., в силу известных событий, пришлось проводить лишь в конце года. Другой особенностью было то, что в качестве организаторов конференции выступило правительство Новосибирской области в лице двух областных министерств: министерства образования и министерства

культуры. Несмотря на то, что сроки проведения конференции несколько раз переносились, ее все же удалось провести, хотя изменение даты не лучшим образом отразилось на составе и численности участников. Всего в очной и заочной форме в работе конференции в качестве докладчиков и выступающих приняли участие 65 человек.

К конференции была разработана и в большей части реализована обширная программа сопутствующих мероприятий: военно-историческая реконструкция «Контрнаступление Красной Армии в битве под Москвой в декабре 1941 года», подготовленная Региональным отделением Российского военно-исторического общества; уличная выставка «Военный городок. Новосибирск. История»; премьерный показ авторского кинофильма «Пехота» в Историческом парке «Россия – моя история»; показательные выступления кадетов в рамках «Дня Героя России»; выставка картин «Фронтовые наброски» народного художника РСФСР, участника Великой Отечественной войны И.В. Титкова.

На открытии научной конференции «Воспитание гражданственности через историю великих побед» выступили представители администрации Новосибирской области, Новосибирской епархии, двух военных вузов Новосибирска и Центрального военного округа, а также общественных организаций города и области.

Работой пленарного заседания руководил ректор Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования доктор исторических наук, профессор К.Б. Умбрашко. На пленарном заседании были представлены доклады ученых разных направлений – историков, культурологов, психологов.

Ректор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств, доктор культуры Н.В. Багрова выступила с докладом «Военно-историческое наследие России в городской среде».

Патриотическому воспитанию военнослужащих Росгвардии было посвящено выступление начальника Новосибирского военного института В.В. Косухина, директор Института детства Новосибирского педагогического университета доктор психологических наук, профессор Р.О. Агавелян рассказал о малоизвестных фактах пребывания в Сибири военнослужащих из состава авиаполка «Нормандия–Неман».

Весьма актуальному и дискуссионному вопросу о роли Чехословацкого корпуса в событиях Гражданской войны в России было посвящено выступление директора Государственного архива Новосибирской области кандидата исторических наук Д.Г. Симонова. В своем выступлении Дмитрий Геннадьевич предложил местным властям более объективно и взвешенно относиться к вопросу о памятных знаках чехам и словакам на российской земле, т.е. к тем, кто оставил столь памятный кровавый след в местах своего пребывания на Урале и в Сибири в 1918–1920 гг.

О роли и последствиях пребывания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке японских интервентов, численность войск которых временами достигала 35–40 тыс. человек, а в целом их, по официальным данным японского командования, на востоке России было около 120 тыс. человек, рассказал доктор исторических наук, профессор В.Г. Дацышен из Сибирского федерального университета (Красноярск). В своем выступлении он предложил расширить исследовательскую работу в архивохранилищах Китая и Японии, где и сегодня содержится немало российских документов и материалов, которые ранее принадлежали российской эмиграции.

Постоянным участником конференций по военной истории Сибири и России является доктор исторических наук М.В. Шиловский (Новосибирск), заведующий сектором Института истории СО РАН, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета, который представил слушателям доклад «В Сибири не был войны: дети военного лихолетья 1941–1945 гг.». В докладе был рассмотрен вопрос об участии детей и подростков, как сибиряков, так и эвакуированных из европейской части страны, в организации помощи фронту, воинам, находящимся на излечении в сибирских эвакогоспиталях, семьям фронтовиков и беженцев в военные годы.

О жизни и деятельности одного из ведущих вузов Сибири – Новосибирского института военных инженеров транспорта, с 1953 г. – Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта (с 1997 г. это Сибирский государственный университет путей сообщения) – в своем выступлении «Призыв в ряды РККА преподавателей и слушателей НИВИТА в годы Великой Отечественной войны» рассказал доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой университета А.В. Добровольский. Автор фундаментальных исследований по истории вуза представил ряд новых и интересных фактов о раннем периоде его существования.

В докладе доктора исторических наук А.В. Дмитриева (Новосибирск) «Регулярная армия в системе политических и социальных институтов Российской империи в XVIII в.» рассматривался малоизученный

вопрос о размещении в регионе регулярных военных сил российской армии. Докладчик остановился на деятельности военных сил, охарактеризовал их влияние на политическую ситуацию в регионе и роль в укреплении позиций Российского государства на восточных окраинах империи.

Раннему периоду сибирской истории в составе Российского государства было посвящено выступление доктора исторических наук Л.А. Боброва из Новосибирского национального исследовательского государственного университета на тему: «Сибирь на евразийской “шахматной доске” в конце XVI – начале XVIII в.»

С интересом участники пленарного заседания выслушали яркое выступление доктора исторических наук В.В. Демидова (Новосибирск), профессора Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, «Мемуарная литература и воспоминания о внешней разведке как ключ к анализу современных процессов». Докладчик, опираясь на опубликованные в разные годы мемуары и интервью представителей как российской разведки, так и ряда западных разведсообществ, представил тенденции и особенности деятельности спецслужб разных стран.

Оживленную дискуссию вызвал доклад доктора исторических наук В.Г. Кокоулина (Новосибирск), профессора Сибирского университета потребительской кооперации, на тему: «Современные фильмы о Великой Отечественной войне: историческая память и массовое историческое сознание». Профессор дал обзор художественных фильмов, вышедших на экраны в последние годы, и отметил типичные недостатки, присущие современной российской кинематографии, ориентированной на молодежную аудиторию.

Как уже отмечалось выше, конференция проходила не только в очной форме, но и в online-режиме. Участники конференции заслушали интересное выступление представителя корпорации «Российский учебник» доктора исторических наук Р.Г. Гагкуева (Москва) «Вопросы патриотического воспитания в учебной литературе». Как всегда эмоционально и ярко прозвучало выступление известного сибирского историка, доктора исторических наук, профессора Томского государственного университета В.П. Зиновьева «Военно-историческая составляющая российской идентичности», в котором показывается, что память о Великой Отечественной войне наряду с другими победами русского оружия является стержнем современной российской идентичности, поэтому в работах западных исследователей и современных власовцев всячески принижается и фальсифицируется роль Советского Союза в войне с фашистской Германией с целью дискредитации роли России в мировой политике. Также online было представлено выступление доктора исторических наук Н.Д. Ростова, профессора Алтайского государственного технического университета, о малоизвестных материалах, хранящихся в региональных архивах и свидетельствующих о патриотизме и жертвенности сибиряков. В выступлении была подчеркнута необходимость обратить внимание молодых российских исследователей

на малоизвестные документы военных лет, которые нуждаются в изучении и ждут своих исследователей.

Во второй день работы конференции были проведены секционное заседание и круглый стол.

Работой секции руководил кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского педагогического университета В.И. Баяндин. География участников и их профессиональный уровень заметно различались. В программу были включены доклады и сообщения, присланные из Белгорода, Владивостока, Костромы, Куйбышева, Махачкалы, Перми, Санкт-Петербурга, Саратова, Ставрополя, Уфы, которые были представлены школьниками, кадетами, лицеистами, студентами, аспирантами, музейными работниками, краеведами, профессиональными историками. В силу известных обстоятельств и существующих требований при проведении публичных мероприятий из включенных в программу секции были заслушаны лишь 8 выступлений. На секции выступили научный сотрудник Музея Новосибирска К.А. Голодяев с докладом «Жертвенный подвиг сибирской деревни в годы войны», В.И. Баяндин («Вольные работы в императорской армии России в XIX – начале XX вв.»), аспирант Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского педагогического университета Ю.А. Зноско («Отечественные мемориальные практики в отношении жертв Первой мировой войны: эволюция и трансформации»), кандидат педагогических наук, директор Новосибирского кадетского корпуса А.А. Луценко («Военнопленные Австрийской императорской армии в Ново-Николаевске в 1914–1920 гг.»), доцент С.Я. Ковганов из Новосибирска («Выпускники Новосибирской школы НКВД на фронтах Великой Отечественной войны»), научный сотрудник Мультимедийного исторического парка «Россия – моя история» (Санкт-Петербург) А.С. Шилев («Экономическая ситуация в России в 1918 – начале 1921 г.») и др.

Работу научно-практической конференции завершило заседание круглого стола «Патриотическое воспитание молодежи: проблемы, опыт и перспективы», которое прошло в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова. Модератором круглого стола был А.В. Запороженко, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

С приветственным словом к участникам обратились заместитель министра культуры Новосибирской области Е.А. Сазонов, заместитель министра региональной политики области С.С. Шибаева, начальник управления образовательной политики в сфере общего образования Министерства образования Новосибирской области Е.Ю. Плетнева.

В ходе работы круглого стола о деятельности по патриотическому воспитанию молодежи рассказали

директор автономной некоммерческой организации «Историческое общество Сибирского федерального округа» Е.В. Болдырева, начальник отдела по экспозиционной и выставочной деятельности Санкт-Петербургского Музейно-выставочного центра «Мультимедийного исторического парк “Россия – Моя история”» Р.М. Залесов, руководитель спортивного клуба «Рост» Д.С. Вербицкий, руководитель Региональной общественной организации ветеранов-пограничников им. Героя России Д.А. Разумовского О.В. Колесников.

Авторский опыт патриотического воспитания молодежи был представлен А.В. Запороженко, учителем школы № 2 г. Искитима Н.Н. Шелегиным, сотрудником Центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей «Созвездие» г. Новосибирска О.Н. Шугаевой, учителем школы № 93 Барабинского района Новосибирской области А.В. Щученко. С интересным сообщением о психолого-педагогических компонентах формирования патриотизма выступила кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики, воспитания и дополнительного образования Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования Н.Н. Малахова.

В работе круглого стола подобных научных конференций, как правило, принимают участие профессиональные исследователи и специалисты, однако на данное заседание были приглашены со своими выступлениями начинающие исследователи – школьники, студенты, аспиранты разных образовательных учреждений города и области.

В работе круглого стола участвовали: студент четвертого курса Института истории Новосибирского педагогического университета А.И. Николаенко, который поделился опытом практической деятельности по патриотическому воспитанию белорусских коллег из БГПУ им. М. Танка, аспирант Института истории Новосибирского педагогического университета Р.Д. Новожилков с выступлением на тему: «Историческая правда как средство патриотического воспитания» и др. Большой резонанс у участников круглого стола вызвал аналитический доклад ученицы 9 класса школы № 153 г. Новосибирска М.Е. Шашковой «Патриотическое воспитание молодежи: проблемы, опыт, перспективы», которая презентовала результаты проведенных ею социологических опросов среди обучающихся.

Следует отметить, что работа пленарного заседания и круглого стола транслировалась на образовательные, библиотечные и музейные учреждения города Новосибирска и Новосибирской области, что позволяло, соблюдая условия безопасности для участников, существенно расширить аудиторию зрителей и слушателей.

По итогам работы конференции была выработана и принята резолюция, в которую включен ряд предложений и пожеланий, высказанных участниками и гостями конференции.

Vladimir I. Bayandin, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ilan-sib@rambler.ru

Andrey V. Zaporozhchenko, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zanglier@yandex.ru

SCIENTIFIC CONFERENCE DEDICATED TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY OF THE SOVIET UNION IN THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE 100TH ANNIVERSARY OF THE END OF THE RUSSIAN CIVIL WAR. (NOVOSIBIRSK. 9–10 DECEMBER 2020)

Keywords: Russian military history; conference; patriotic education.

The review considers the reports and messages that were presented at the conference on patriotic education.

Among the conference participants were representatives from the cities of Barnaul, Belgorod, Vladivostok, Kostroma, Krasnoyarsk, Kuibyshev, Makhachkala, Novosibirsk, Perm, St. Petersburg, Saratov, Stavropol, Tomsk, Ufa and other places. The conference was attended by: professional researchers, teachers of higher education, museum staff, teachers of educational institutions of the city and region, ethnographers, graduate students and university students, lyceum students, cadets, schoolchildren.

The topics of the presented reports and messages were very wide: the specifics of military service in Siberia in the 18th - 20th centuries, foreign military intervention in Siberia and the Far East during the Civil War, children of the war years 1941-1945, the activities of Siberian power structures during the World War II and in the postwar period, Russian war films about the war. A number of reports and messages were devoted to the issues of patriotic education of the younger generation. The authors of these speeches were both scientists and specialists, as well as students, cadets, lyceum students, schoolchildren.

Many participants in the scientific conference drew attention to the aggressive, large-scale campaign of falsification of the history of World War II and the Great Patriotic War, which in recent years has attracted both researchers and Western governments of many countries. Therefore, for Russian researchers it is still relevant, not only the identification of new archival documents and materials, but also the publication of the results of scientific works, both in scientific publications and in popular print media and the Internet. The speeches of famous Siberian historians aroused particular interest: V.P. Zinoviev, M.V. Shilovsky, N.D. Rostov, which dealt with topical problems of the military history of Russia in the 20th century. L.A. Bobrov and A.V. Dmitriev presented new approaches to the history of Siberia. R.O. Agavelyan and A.V. Dobrovolsky presented a number of new and interesting facts about the war period in the life of Novosibirsk and its inhabitants. The reports presented at the round table summarized the effective experience of patriotic education in educational organizations, military history and military sports clubs, the successful practice of social design and interaction with the scientific community and law enforcement agencies. Students and schoolchildren, who were distinguished by the maturity of the form and the originality of the content, were especially warmly greeted with presentations on this topic.

The speeches of the participants at the plenary session and during the round table were broadcast live for educational, museum and library institutions in the city of Novosibirsk and Novosibirsk region.

Based on the results of the conference, a collection of reports and messages will be prepared and published.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВ Станислав Николаевич, аспирант кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: gaarane91@mail.ru

АЛПЫСПАЕВА Галья Айтпаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана гуманитарного факультета Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина. E-mail: galpyspaeva@mail.ru

БАЯНДИН Владимир Ильич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ilan-sib@rambler.ru

БОГАТЫРЁВ Арсений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и истории колледжа гуманитарных и социально-педагогических дисциплин Поволжского православного института им. Святителя Алексия, митрополита Московского (Тольятти). E-mail: sob1676@yandex.ru

БЫЧКОВ Дмитрий Александрович, инженер-исследователь отдела охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: bda.nsk@yandex.ru

ВОЛКОВ Павел Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: volkov100@yandex.ru

ГЕБЕКОВ Гебек Физулиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала). E-mail: gebekoff@mail.ru

ДОЛЖИКОВ Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: dolshikov@yandex.ru

ДРУГОВА Елена Анатольевна, кандидат философских наук, директор Института передовых технологий обучения Национального исследовательского Томского государственного университета; старший научный сотрудник сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета. E-mail: e.a.drugova@gmail.com

ЕРМОЛОВА Александра Ивановна, ассистент кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mery-05@mail.ru

ЖДАНОВ Вадим Валерианович, кандидат физико-математических наук, доцент, президент клуба СКАТ Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: zhdanov@mail.tsu.ru

ЗАПОРОЖЧЕНКО Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: zanglier@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ИЛЬИН Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета; доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул). E-mail: vse-ilin@mail.ru

ИЛЮШИНА Милана Юрьевна, кандидат исторических наук, профессор департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. E-mail: miliushina@hse.ru

КЕЖУТИН Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Приволжского исследовательского медицинского университета (Нижний Новгород). E-mail: kezhutin@rambler.ru

КОЛОСОВ Владимир Павлович, младший научный сотрудник отдела Античного мира Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). E-mail: tepavi@yandex.ru

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kvn18011962@yandex.ru

МЕЛЬНИЧУК Олег Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории Винницкого государственного педагогического университета имени Михаила Коцюбинского (Украина). E-mail: istpravo@meta.ua

МЕНЩИКОВ Владимир Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета. E-mail: vmen1@yandex.ru

МЕНЩИКОВ Игорь Самуилович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории и историографии Курганского государственного университета. E-mail: ygor@bk.ru

МИРОНЮК Сергей Алексеевич, аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: privetsergey95@mail.ru

МИХАЙЛИЦИНА Елена Александровна, старший преподаватель кафедры международной деловой коммуникации факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mihailicina@mail.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: muhametov.ru@mail.ru

ПАКУЛИН Виталий Сергеевич, аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: pakulin.vitalii@gmail.com

ПЛЕШКЕВИЧ Ирина Борисовна, аспирант кафедры социологии Национального исследовательского Томского государственного университета; младший научный сотрудник сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета. E-mail: irina.pleshkevich2014@yandex.ru

РЯБОВА Юлия Владимировна, соискатель кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (Кемерово). E-mail: ruv.kemcdo@mail.ru

СЕРОШТАНОВ Кирилл Владимирович, аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: seroshtanov.kirill@gmail.com

СЕФЕРБЕКОВ Руслан Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала). E-mail: ruslan-seferbekov@rambler.ru

СТЕПКИН Виталий Викторович, кандидат исторических наук, учитель истории Павловской средней школы Павловского района Воронежской области. E-mail: archeolog@mail.ru

ТИТОВ Владимир Борисович, сотрудник научного управления Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vb-titov@mail.ru

ТУЧИНСКИЙ Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Винницкого государственного педагогического университета имени Михаила Коцюбинского. (Украина). E-mail: tuchinsky_v@ukr.net

ТЫЧИНСКИХ Зайтуна Аптрашитовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. E-mail: zaituna.09@mail.ru

ХАЛИЛОВА Амина Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала). E-mail: kadja.ol@mail.ru.

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна, профессор, и.о. заведующего кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ХОРОХОРДИН Георгий Сергеевич, ассистент и аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета, учитель истории школы «Аврора» г. Новосибирска. E-mail: gkhor@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2021 № 70

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 27.04.2021 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 25,75. Усл. печ. л. 23,95. Тираж 50 экз. Заказ № 4659. Цена свободная.

Дата выхода в свет 29.04.2021 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – А.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)-52-96-67
Факс 8(382-2)-52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-67
Fax: 8(382-2)-52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru